

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 424. 30

Harvard College Library

FROM

Library of St.
Peterburg.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СПУДСЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

Выпускъ второй.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ II-го ОУДА. СОВ. Е. И. В. КАНИЦЕЛЕРИИ.

—
1860.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СПУДСЕЖТАМИ

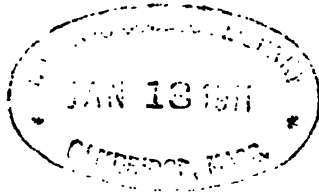
**ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.**

Выпускъ второй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отд. Сов. Е. Н. В. Канцеляріи.

1860.

*Library of
University of St. Petersburg,*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Февраля 8 дня 1860 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

О ГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. РАБОЧИЕ ЛЮДИ. — Сочиненіе студента Г. Генерозова-Смыкова	1— 18.
II. ОРГАНИЗМЫ НА ГРАНИЦѢ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА. — Статя кандидата А. Фаминцына	18— 62.
III. ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГУМБОЛЬДТЪ. — Сочиненіе студента Дмитрія Писарева	63—171.
ГЛАВА I. БІОГРАФІЯ В. Гумбольдта стр. 65. 1) Родители Вильгельма. — Его воспитаніе. — Университетскій курсъ. — Якоби. — Дружба съ Форстеромъ. — Поѣздка въ Парижъ и Швейцарію. — Лафатеръ. — Переворотъ въ Берлинѣ. — Служебная дѣятельность В. Г. — Его отставка и женитьба. — Дальбергъ. — Первое политическое сочиненіе В. Г. — Занятія древней филологією. — Знакомство съ Шиллеромъ. — Дѣятельность В. Г. во время пребыванія въ Іенѣ. — Отъѣздъ въ Берлинъ. — Вторичное пребываніе В. Г. въ Іенѣ. — Сближеніе съ Гете. — Рецензія «Германа и Доротенъ». — Смерть матери В. Г. — Путешествіе по Европѣ. — Пребываніе въ Парижѣ. — Поѣздка въ Испанію. — Возвращеніе В. Г. въ Берлинъ и назначеніе его посланникомъ въ Римъ. 2) Отъѣздъ въ Римъ. — Тоска по родицѣ. — Смерть старшаго сына В. Г. — Впечатленіе, произведенное Римомъ на В. Г. — Переводы Эсхила и Пиндара. — Дѣятельность В. Г. въ управленіи Департаментомъ. — Назначеніе В. Г. — посланникомъ въ Вѣну. — Дипломатическая дѣятельность В. Г. 1813—1815 годовъ. — Посольство въ Лондонъ. — Проектъ конституціи. — Окончательная отставка В. Г. 3) Семейная жизнь В. Г. — Его ученая дѣятельность. — Опредѣленіе народнаго характера древнихъ Грековъ. — Изученіе Индійской древности. — Смерть госпожи Гумбольдтъ. — Новыя должности В. Г. — Общество любителей искусствъ. — Новая характеристика Гете. — Изданіе писемъ Шиллера. — Сонеты. — Болѣзнь и смерть В. Г. — Заключеніе.	
ГЛАВА II. Лингвистическія труды В. Гумбольдта стр. 138. 1) Научный методъ Гегеля и В. Гумбольдта. 2) Основныя положенія языкознанія Гумбольдта. 3) Идея языка или идея совершенства языка.	
IV. ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗВОРЪ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ. — Исследование П. П. Шафарика. — Переводъ съ чешскаго Викентія Макушева	173—212.

	стр.
1) Предисловіе переводчика	стр. 172.
2) Вступленіе	стр. 178.
3) Разборъ имени числительнаго	стр. 187.
4) Собирательныя и другія	стр. 203.
5) Заключеніе	стр. 207.
Примѣчанія	стр. 211.
V. О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА. Соч. Студента Ал. Пятковского	213—234.
Статья 1. Матеріалы для біографіи Веневитинова	стр. 213.
VI.—1) Замѣтки объ А. С. Грибоедовѣ—Д. Майкова	235—244.
2) Дополненіе къ статьѣ «Новое предпріятіе нашихъ Студентовъ» помѣщенной въ первомъ выпускѣ Сборника. — Студентовъ Восточнаго Факултета, Монголо - Калмыцкаго разряда	245.
3) Автописъ внутренней жизни Университета	1—19.
ПРИЛОЖЕНІЕ: Замѣтки о Московскомъ бытѣ (Regum Moscoviticarum Comentarii) барона С. Герберштейна.—Редакція латинскаго текста (по базельскому изданію 1336 г.), варианты, примѣчанія и указатель А. Тихменева. — Переводъ на Русской И. Анонимова (продолженіе)	81—128.
ПРИЛОЖЕНІЯ: I. О провинціальномъ бытѣ Франціи въ эпоху Людовика XIV.—Публичныя лекціи Пр. М. Стасюлевича, читанныя въ залѣ Петербургскаго Университета 1859 г. 1—45.	
1-я лекція стр. 9. 2-я лекція стр. 22. 3-я лекція стр. 29.	
II. Ювеналъ.—Двѣ публичныя лекціи Пр. Н. М. Благовещенскаго	1—50.
1-я лекція стр. 1. 2-я лекція стр. 26.	

РАБОЧИЕ ЛЮДИ.

Сочиненіе студента Е. Генерозова-Смыкова.

Въ рукахъ правосудія и вѣрныхъ исполнителей дѣлѣ безнравственности можетъ потерять свой вредный характеръ и приблизиться къ нравственности. Граждане вредные, по своей порочности, могутъ сдѣлаться полезными. Это положеніе-аксіомически вѣрно въ своемъ основаніи. Человѣкъ, по своей природѣ,—существо свободно-нравственное, а слѣдовательно, безнравственность въ нѣкоторыхъ свободно-нравственныхъ существахъ есть уклоненіе отъ нормы,—болѣзнь. Вѣрная въ своемъ основаніи, эта истина сознается всѣми образованными юристами. Съ понятіемъ о благоустроенномъ государствѣ неразлучно соединена мысль, что въ немъ наказаніе преступника не должно быть только карою за сдѣланное преступленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ къ его нравственному улучшенію. Правительства всѣхъ образованныхъ государствъ, въ слѣдствіе сознанія этой истины, при опредѣленіи наказанія, уважаютъ въ преступникѣ человѣка и имѣютъ въ виду ту цѣль, чтобы наказаніе послужило преступнику исправленіемъ, чтобы потомъ онъ могъ самъ, собственными средствами вести себя къ нравственному улучшенію, и, по прошествіи времени, опредѣленнаго въ наказаніе, могъ возвратиться снова въ гражданское общество безвреднымъ, нравственно—добрымъ и полезнымъ членомъ общества. Различныя средства, употребляемыя правительствами для исправленія нравственности своихъ преступныхъ гражданъ, состоятъ болѣею частью не только въ исключеніи преступниковъ изъ общества, но и въ удаленіи ихъ отъ сообщества съ людьми. Для этого устрояютъ въ государствахъ тюрьмы, рабочіе дома, смирительныя, или такъ называемыя, исправительныя заведенія, арестанскія роты и друг. Найдя эти средства совершенно достаточными для исправленія нравственности преступниковъ, правительства всѣхъ почти Европейскихъ государствъ начали заботиться о томъ, чтобы усовершенствовать эти средства хоро-

шимъ устройствомъ тюремъ. (*) Они нашли, что нравственное улучшение преступниковъ, находящихся въ заключеніи, весьма затрудняется болѣе или менѣе продолжительнымъ пребываніемъ ихъ въ тюрьмѣ: такъ что склонные къ улучшенію арестанты, отъ обращенія съ менѣе способными, слабѣютъ въ своей рѣшимости къ исправленію, и менѣе порочные, въ сферѣ закоренѣлыхъ пороковъ, дѣлаются безнравственными, и оставляютъ тюрьму болѣе развращенными, чѣмъ каковы были вступая въ нее. Англія первая изъ Европейскихъ государствъ разрѣшила этотъ вопросъ и ввела у себя *Пенсильванскую* (**) систему, «систему уединеннаго заключенія» (solitary confinement). Англіи послѣдовали Нидерланды, Франція, Швейцарія, Пруссія, Австрія и друг. Въ новѣйшее время нашли эту систему неудовлетворительною. Арестанты, лишеныя свободы, и тѣлесной, и духовной, совершенно отчужденныя отъ всякаго сношенія съ людьми, либо скопили съ ума, либо еще болѣе ожесточились въ своихъ порокахъ. По этому Пенсильванская система въ недавнее время была преобразована раздѣленіемъ арестантовъ на классы по степени склонности ихъ къ исправленію. (***) Но хорошій результатъ такого устройства тюремъ для исправленія нравственности преступниковъ можетъ обуславливаться только высоко—нравственнымъ образованіемъ тѣхъ лицъ, которымъ правительство вѣряетъ нравственный надзоръ надъ преступниками; надобно, чтобы должностныя лица имѣли добрую совѣсть и сами чувствовали въ себѣ силы и умѣнье для выполненія этой святой обязанности.

(*) Въ Россіи мѣсто исправленія преступниковъ служитъ Сибирь. Тюремъ же, включая должновъ, предназначаются для содержанія арестантовъ до рѣшенія ихъ дѣлъ.

(**) Пенсильванская система есть одинъ изъ видовъ системы пенитенціарной; она получила такое названіе отъ страны, которой она обязана преимущественнымъ развитіемъ. Пенитенціарная система обязана своимъ происхожденіемъ Фламандцамъ и Англичанамъ, именно: въ цитадели Гентской, въ области Фландріи, въ 1775 г. была учреждена первая тюрьма, основанная на требованіяхъ пенитенціарной системы. Первое сочиненіе объ этомъ предметѣ, написанное въ томъ же 1775 г., принадлежало Графу Виллему IV, подъ заглавіемъ: «Mémoires sur le moyen de corriger les malfaiteurs et les fainéants, à leur propre avantage, et de les rendre utiles à l'Etat».

(***) Пенсильванская система преобразована во Франціи циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 17 Февр. 1853 г. и замѣнена содержаніемъ арестантовъ по отдѣленіямъ или артелямъ (séparation par quartiers). Французская система въ сущности не держалась безусловнаго заточенія арестантовъ: при одиночествѣ днемъ и ночью, она допускала работу, чтеніе, прогулку и посѣщенія со стороны служащихъ при тюрьмѣ лицъ. Не смотря на это, слѣдствіемъ строгаго разобщенія арестантовъ были: притупленіе ума, лѣнность и даже самоубійство. На это основаніи Министръ отказывается системѣ строго одиночнаго заключенія въ томъ филантропическомъ характерѣ, которымъ она столько лѣтъ обращала на себя вниманіе законодателей, правовѣдовъ и публицистовъ.

Пристрастіе къ личностямъ, происходящее отъ необразованности должностныхъ лицъ, дѣлаетъ тюрьму для однихъ преступниковъ роднымъ пріютомъ; грубость же и неумѣнье обращаться съ преступниками подавляютъ въ другихъ, часто навсегда всѣ человѣческія чувства. Всѣ другія средства, предпринимаемыя правительствомъ для исправленія нравственности преступниковъ, какъ-то: рабочіе дома, имѣющіе цѣлю пріучить безнравственныхъ къ труду и арестантскія роты, имѣющія характеръ болѣе карательный, чѣмъ исправительный, имѣютъ болѣе или менѣе тоже свои неудобства, какъ и тюрьмы. Односторонность занятій въ рабочихъ домахъ, и притомъ такихъ занятій, съ которыми преступнику не придется потомъ встрѣтиться въ жизни, ведетъ его, по выходѣ изъ рабочаго дома, къ бѣдности, къ лѣни и—онякъ къ болѣе безнравственности. Строгій-же надзоръ въ арестантскихъ ротахъ и пріученіе арестантовъ къ механическому труду могутъ сдѣлать изъ преступниковъ людей дѣятельныхъ, но ничего не прибавятъ къ ихъ нравственности и не всегда сдѣлаютъ изъ нихъ дѣйствительныхъ гражданъ, которые-бы, вступивъ снова въ общество, приносили ему своею жизнью надлежащую пользу.

Вообще Пенсильванская система имѣетъ то достоинство, что по ея началамъ цѣль наказанія не только кара, но раскаяніе и преобразование духовнаго состоянія преступника; этимъ, она сдѣлала значительный шагъ впередъ въ уголовномъ правѣ, но—только шагъ. Средства и мѣры, которыя пенитенціарная система предписываетъ для выполненія своей задачи, далеко не соответствуютъ цѣли ея. Главнымъ условіемъ, при опредѣленіи средствъ для достиженія какой либо цѣли должно служить то, чтобы эти средства имѣли во первыхъ: основаніе въ природѣ, во вторыхъ: не были бы въ разладѣ съ практикою; чтобы эти средства существовали въ практикѣ, какъ дѣйствительныя и полезныя средства. Что противорѣчитъ основнымъ законамъ природы, то неистинно: теорія, неповѣренная практикою—химера. Но средства пенитенціарной системы: «совершенное уединеніе и лишеніе свободы» не имѣютъ основанія въ природѣ и слѣд. они неистинны. Практика, съ своей стороны отказываетъ этимъ средствамъ въ ихъ пользѣ. (*) Несмотря, впрочемъ на эти недос-

(*) Замечательный фактъ въ этомъ отношеніи представляетъ отчетъ г. Перро, главнаго инспектора тюремъ во Франціи. Въ немъ сказано, что изъ 20,643 заключенныхъ въ главныхъ тюрьмахъ, было 6,075 неисправленныхъ преступниковъ, попавшихся послѣ освобожденія ихъ второй разъ въ совершеніи преступленій. Изъ его же отчета видно, что усиленіе промышленныхъ работъ въ тюрьмахъ и исправитель-

статки пенитенціарной системы, основная мысль ея, какъ совершенно вѣрная, остается неприкосновенною; но самое учрежденіе, основанное на этой мысли, требуетъ тщательныхъ улучшеній и преобразованій. *Покаянно-исправительныя колоніи*, заведенныя уже въ каждомъ департаментѣ Франціи, для исправленія нравственности малолѣтнихъ преступниковъ, суть первыя попытки къ преобразованію пенитенціарной системы.

Особенныя средства для исправленія нравственности преступниковъ, средства болѣе вѣрныя и дѣйствительныя представляетъ намъ исторія.

Давно извѣстно было, а въ новѣйшее время окончательно доказано (*), что *человѣкъ созданъ для общества; въ обществѣ онъ развивается, отсюда выноситъ первые уроки нравственности; безъ общества онъ также гибнетъ, умираетъ нравственно, какъ безъ воздуха не можетъ существовать физически*. Вотъ одно изъ тѣхъ естественныхъ началъ, на которыхъ исторія основываетъ средства для исправленія нравственности! Это начало—*общественность*. Оно прямо противоположно началу пенитенціарной системы, но совершенно рационально, что очень просто доказывается *a contrario*. Вѣрная своему началу, пенитенціарная система, чрезъ уединеніе и лишеніе свободы, должна исправить преступника. Но отъ кого же безнравственный научится нравственности, находясь въ уединеніи? Какимъ же образомъ будетъ развиваться нравственная свобода;—эта основа гражданского благосостоянія, въ человѣкѣ, предназначаемомъ быть гражданиномъ, когда вся его дѣятельность подчиняется стороннему вліянію? Правда, при тюрьмахъ, на должностныхъ лицъ налагается обязанность учить нравственности преступниковъ. Но эти должностныя лица часто стоятъ, по своему образованію, ниже преступниковъ и слѣд. они или не въ состояніи будутъ подѣйствовать на волю безнравственныхъ, или будутъ научать ихъ нравственности, обязывающей жить по правиламъ не того общества, къ которому преступникъ будетъ (или можетъ) принадлежать. Но говоря все это, и чужда филантропическихъ идей и того заключенія, что преступленіе должно оставаться ненаказаннымъ, что отъявленный негодяй и честный гражданинъ должны жить подъ однимъ кровомъ, или служить на одномъ поприщѣ. Я хо-

пыхъ заведеній вредно и въ экономическомъ отношеніи. Въ 1816 г. напр. декретъ отменилъ работы въ тюрьмахъ, подѣляя предполож., что работы 15,000 заключенныхъ, во всѣхъ тюрьмахъ, могутъ вредить общей народной производительности.

(*) Особенно Нѣмецкіе мыслители Фихте.

чу сказать, что только общество въ состояніи сдѣлать изъ преступника настоящаго гражданина, что только при вліяніи общественности можетъ быть преобразовано нравственное состояніе преступника. До тѣхъ поръ, пока гражданскія общества не сформируются въ одно цѣлое, такъ что всѣ члены его будутъ проникнуты одною общею идеею и будутъ стремиться къ одной общей цѣли, ясно сознавая свое отношеніе къ обществу; до тѣхъ поръ, пока эти общества не будутъ на столько образованы, чтобъ сознать ту важную истину, что удаленіемъ порочныхъ и преступныхъ гражданъ изъ своей среды они подрываютъ свои собственныя интересы и что они должны заботиться для собственной-же своей пользы, какъ объ исправленіи своихъ преступныхъ гражданъ, такъ и о предупрежденіи преступленій,—до тѣхъ поръ безнравственность не уничтожится, преступленія будутъ идти своимъ чередомъ, а преступленіямъ будутъ сопутствовать наказанія, опредѣляемыя правительствомъ. Между тѣмъ, правительство, при своихъ средствахъ и отношеніи къ обществамъ, не можетъ предпринимать иныхъ мѣръ къ исправленію преступниковъ, какъ принимая наказаніе въ смыслѣ исправленія. Такимъ образомъ, наказанія, при настоящемъ состояніи и устройствѣ обществъ необходимы.

Но не тамъ, не въ челоѣческой природы нужно искать основаніе наказаній. Наказанія въ этихъ видахъ (какіе мы отчасти и показали) не могутъ исправить нравственности. Наказанія, въ смыслѣ внѣшняго побужденія,—не дѣйствительныя средства къ преобразованію внутренняго состоянія преступника. Уголовная статистика (*) и исторія живыя доказательства того, что наказанія не исправляютъ нравственности.

Начало наказанія находится въ самомъ челоѣкѣ, сокрыто въ глубинѣ его природы. *Природа надѣлила челоѣка совѣстью, такою способностью души, которая есть его «законъ и судъ», и за неисполненіе этого закона опредѣлила ему въ наказаніе стыдъ и позоръ.* Это второе начало, на которомъ исторія основываетъ свои средства для исправленія безнравственности; т. е. дѣйствіе на чувство совѣсти преступника. Преступникъ укрывается отъ общества, не столько изъ опасенія попасть въ руки правосудія, сколько мучимый угрызёніями совѣсти, и страхомъ чувствовать стыдъ, живя въ обществѣ. Преступникъ часто рѣшается на самоубійство, чтобъ не подвергнуться этому жесточайшему изъ наказаній—стыду.

(*) Напримѣръ въ отчетѣ г. Порро сказано: въ 1830 г. населеніе главныхъ тюремъ и исправительныхъ заведеній состояло изъ 16,500 ч. а въ 1854 г. оно возрасло до 22,398.

На этихъ-то двухъ, самою природою опредѣленныхъ началахъ, т. е. на общественности и дѣйствованіи на совѣсть преступника, основываются средства для наказанія порочныхъ и исправленія нравственности нарушителей общественныхъ законовъ.

Мы остановимъ здѣсь наше вниманіе на таковыхъ средствахъ, представляемыхъ исторіею, для исправленія только порочныхъ, но еще не преступныхъ гражданъ. Попытки въ примѣненіи этихъ средствъ и къ исправленію преступниковъ еще слабы и неразвѣтны; напр. покаянно-исправительныя колоніи во Франціи и ссылки въ Сибирь на поселеніе въ Россіи. Эти средства состоятъ въ ограниченіи нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ преступнаго лица, въ лишеніи его права на уваженіе другихъ, въ ссылкѣ, въ опубликованіи его проступковъ. Особенно же замѣчательно образованіе изъ такихъ порочныхъ гражданъ особаго класса лицъ, который мало по малу при вліяніи общественности, образованія, труда и надзора полиціи можетъ слиться съ другими классами и передать своихъ членовъ въ общую государственную сферу, какъ членовъ не только небезполезныхъ, но достойныхъ и настоящихъ. Подобное представляетъ исторія русскаго права въ исторіи одного класса городскихъ обывателей, который до сихъ поръ остается незамѣченнымъ, ни наукою, ни практикою, но въ устройствѣ и развитіи котораго заключается, можетъ быть, залогъ будущаго благоденствія Русскихъ городовъ, особенно, если примемъ во вниманіе увеличеніе народноі безнравственности и увеличеніе именно въ одномъ классѣ городскихъ обывателей—мѣщанъ, ⁽¹⁾ а слѣдовательно необходимость къ принятію со стороны полиціи самыхъ дѣятельныхъ мѣръ для предупрежденія такихъ опасностей въ будущемъ и для озлабленія такого вреда въ настоящемъ. Законодательство называетъ этотъ классъ городскихъ обывателей *рабочими людьми*.

«Рабочими людьми называются приписываемые къ городамъ, съ обложеніемъ въ мѣщанскіи окладъ изъ неспособныхъ къ военной службѣ, дурнаго поведенія заграничныхъ выходцевъ, коихъ общества имѣтъ у себя не пожскаютъ, а также причисленные къ городамъ лица другихъ званій, приписываемые въ рабочіе люди за пороки ихъ и неисправный платажъ податей и другихъ сборовъ» ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Въ отчетахъ Министра Юстиціи не разъ замѣчается, что преступленія особенно часты между мѣщанами (Журн. Мин. Внутр. Д. за 1836 г.). Въ отчетѣ Общества Попечительнаго о Тюремѣ за 1836 г. сказано, что большая часть людей въ уздѣнныхъ тюрьмахъ мѣщане, впавшіе въ преступленіе въ первый разъ.

⁽²⁾ Свод. Зак. Росс. Имперіи. Т. IX ст. 466.

Такое опредѣленіе рабочихъ людей вызываетъ слѣдующее возраженіе: рабочіе люди не составляютъ-ли категоріи порочныхъ лицъ, которымъ вмѣняется въ наказаніе ссылка въ уѣздные города (такъ какъ по первому указу въ рабочіе записываются жители столичныхъ и губернскихъ городовъ); обложеніе же ихъ мѣщанскимъ окладомъ не есть ли слѣдствіе финансовыхъ расчетовъ правительства? Но это возраженіе опровергается подробно исторіею рабочихъ людей. 1) Только одинъ первый указъ о рабочихъ людяхъ, даетъ объ нихъ понятіе, какъ о преступникахъ, вся-же послѣдующая ихъ исторія показываетъ ихъ людьми сомнительной или неизвѣстной нравственности. 2) Рабочіе люди положены въ мѣщанскій окладъ; но преступники не платятъ податей. 3) Рабочіе люди могутъ вести мѣщанскую торговлю, записываются, по силѣ 56 § Городов. Положенія, въ городовую обывательскую книгу и могутъ приобрѣтать свою недвижимую собственность въ городѣ ⁽¹⁾;—преступники лишены всѣхъ этихъ правъ.

Мысль устроить классъ рабочихъ людей въ Россіи принадлежитъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Исторія русскаго права нигдѣ не упоминаетъ о рабочихъ людяхъ прежде изданія указа о запискѣ въ рабочіе публично-наказанныхъ. Указъ, которымъ Екатерина II выразила свою мысль сформировать классъ рабочихъ людей, не опредѣливъ въ то же время положеній, на которыхъ должны онѣ существовать, даетъ право заподозрѣвать существованіе рабочихъ людей до 1787 г. Августа 27 ⁽²⁾. Но всѣ источники русскаго права отказываютъ въ данныхъ, на которыхъ бы можно было начать исторію рабочихъ людей прежде 1787 г. Въ древнемъ законодательствѣ нѣтъ и намекъ на рабочихъ людей. Это мысль мудрой политики Екатерины II.

Только одно предположеніе, довольно впрочемъ основательное, даетъ ключъ къ открытію причины: почему Императрица Екатерина не высказала о положеніяхъ, на которыхъ должны существовать классъ рабочихъ людей, именно то предположеніе, что Екатерина повелѣла устроить его по образцу уже существовав-

(1) Полн. Собр. Зак. № 14,361 Март. 17-го 1841 г.

(2) Если даже записку въ рабочіе люди принять въ смыслъ наказанія ссылкой, то и въ этомъ случаѣ нельзя найти въ древнемъ законодательствѣ ничего, чтобы говорило въ пользу той мысли, что исторія рабочихъ людей начинается прежде нами начатой. Наказаніе ссылкой, *confinitio* только однажды встрѣчается въ древнемъ правѣ—въ Судебникѣ Грознаго, и то какъ политическая мѣра, сопровождавшаяся, обыкновенно, парекою ослалюю. Къ концу же царствованія Іоанна это *confinitio* принимаетъ характеръ уголовного наказанія. Въ Уложеніи *confinitio* переименуется опять свой характеръ и является предохранительною мѣрою противъ повторенія преступленій. Проводится въ городъ Украинъ.

шаго въ Россіи класса людей на такихъ же положеніяхъ, на какихъ потомъ стали существовать рабочіе люди. Классъ людей, отдѣльный отъ всякой корпораціи, и несоставляющій своей собственности, давно существовалъ въ Россіи,—въ присоединенныхъ къ ней литовскихъ губерніяхъ и Остзейскомъ краѣ, подъ именемъ *вольныхъ людей*. Вольные люди—это классъ людей сомнительной или неизвѣстной нравственности, которыхъ ни одно общество не принимаетъ въ свою среду,—это такой классъ людей, которымъ правительство не могло дозволить устройства своего собственнаго отдѣльнаго общества, по той простой причинѣ, что люди, отвергнутые обществомъ, не могутъ составить и своего отдѣльнаго безъ вреда другимъ обществамъ; такъ какъ между этими людьми были многіе, вышедшіе изъ за-границы, и преслѣдуемые, можетъ быть, правосудіемъ. Такъ въ литовскихъ губерніяхъ были издавна поселены выходцы изъ Пруссіи и Цесарин, ⁽¹⁾ между которыми могли быть разнаго рода эмигранты—преступники ⁽²⁾. Такой классъ разнородныхъ лицъ, съ разными понятіями и взглядами на общественные интересы, и не могъ составить отдѣльной корпораціи, какъ по недостатку единства цѣлей своихъ членовъ, такъ и по недостатку нравственности, той благотворной и производительной силы духа, которую живетъ корпорація,—той дѣйствующей пружины, которая направляетъ всѣ органы общественнаго состава къ гармонической дѣятельности,—того главнаго условія, при которомъ возможно стремленіе общества впередъ—къ усовершенствованію. Такіе люди, невошедшіе въ составъ ни одного общества, свободные отъ крѣпостной и общественной зависимости, объявлены вольными людьми ⁽³⁾. Они могли проживать въ городахъ и селеніяхъ, не принадлежа, ни къ сельскимъ, ни къ городскимъ обществамъ. Но когда такая монополія, дарованная вольнымъ людямъ, оказалась вредною для другихъ обществъ и бесполезною для государства въ финансовомъ отношеніи, то, со времени учрежденія подушной податной системы, вольные люди были положены въ окладъ. Жившіе въ селеніяхъ и водворенные на собственныхъ или владѣльческихъ земляхъ платили крестьянскія подати; водворенные въ городахъ состояли въ мѣщанскомъ окладѣ ⁽⁴⁾. Тѣ и другіе находились въ завѣдываніи и охраненіи

(1) Полн. Собр. Зак. № 18,871 Ук. 1799 г. Февр. 23.

(2) Могли быть выходцы знатныхъ фамилій, которые не могли войти въ составъ корпорацій, стоявшихъ выше ихъ состоянія.

(3) Полн. Собр. Зак. № 18,871. Ук. 1799 г. Февр. 23.

(4) Полн. Собр. Зак. № 16,166. Ук. 1785 г. Март. 18.

земской полиціи; (¹) при ревизіяхъ, вольные люди могли приниматься къ обществамъ, если общества ихъ принимали (²). Политическія и частію историческія обстоятельства образовали и—собственно въ Россіи подобный классъ людей подъ названіемъ рабочихъ людей. И вотъ какъ начинается ихъ исторія.

Генералъ Еропкинъ, бывшій въ Москвѣ главнокомандующимъ, представилъ на разрѣшеніе Сената вопросъ: «могутъ ли публично-наказанные за преступленія, жители столичныхъ и губернскихъ городовъ, проживать въ столицахъ?» Вопросъ этотъ вѣроятно, вызванъ былъ новыми преступленіями публично-наказанныхъ. За разными мнѣніями въ Сенатѣ, этотъ вопросъ поступилъ на Высочайшее разсмотрѣніе, послѣ котораго, именнымъ указомъ, даннымъ Сенату *въ 27 день Августа 1787 г.* (³), повелѣно: «таковыхъ публично наказанныхъ по суду за ихъ преступленія не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ не держать; а отсылать для пребыванія по уѣзднымъ городамъ, гдѣ написать ихъ *въ рабочіе люди*». Вотъ первый случай, при которомъ наше законодательство упоминаетъ о рабочихъ людяхъ;—это первый вопросъ, вызвавшій къ дѣятельности еще новый классъ городскихъ обывателей. Такое новелѣніе Императрицы Екатерины, краткое и неопредѣленное, неразъ вызывало недоумѣнія губернскаго правительства при размѣщеніи людей, имѣющихъ поступить въ классъ рабочихъ, (⁴) и—только послѣдующее законодательство яснѣе опредѣлило положенія о рабочихъ людяхъ, и цѣль,—съ которою повелѣно устроить этотъ классъ по уѣзднымъ городамъ губерній. Какъ видно (изъ вышеприведеннаго указа) въ рабочіе люди записываются публично наказанные за преступленія жители столичныхъ и губернскихъ городовъ. Къ таковымъ публично—наказаннымъ могли принадлежать люди разныхъ состояній и сословіи; между ними

(¹) Полн. Собр. Зак. № 13,811. Ук. 1840 г. Сент. 23.

(²) Представленное мною здѣсь понятіе о вольныхъ людяхъ, составлено по слѣдующимъ указамъ: Ук. 1783 г. Окт. 10; 1785 г. Февр. 4; 1784 г. Дек. 3; 1785 г. Февр. 4; Март. 18; 1799 г. Янв. 18 и 14 Февр. 23; 1798 г. Февр. 25; 1804 г. Апр. 18; 1805 г. Ноябрь. 16; 1821 г. Іюль 19; 1824 г. Май 8; Іюня 24 и Май 4; 1840 г. Сент. 23. Историческое развитіе этого состоянія т. е. вольныхъ людей находится въ сочиненіи знаменитаго «Бунге» подъ заглавіемъ «Forschungen auf dem gebiete der Liv-Ehst-und Curländischen Rechtsgeschichte», Dorpat 1839.

(³) Полн. Собр. Зак. № 16,566.

(⁴) См. Указы Сената въ формѣ частныхъ предписаній Черниговскому Губернскому Правленію отъ 9 Марта 1820 г. и Тверскому Губернскому Правленію отъ 21 Марта 1821 г.

могли быть ремесленники, художники и мѣщане. Само собою разумѣется, что преступленія этихъ людей были прощены манифестомъ, или имѣли характеръ проступковъ, не влекущихъ за собою лишенія правъ и состоянія. Между тѣмъ общества не принимали ихъ въ свою среду, какъ лицъ, которыхъ явный и довѣріе нарушающій порокъ всѣмъ извѣстенъ. Между этими преступниками могли быть бѣдные, только выпущенные изъ тюрьмы, не имѣвшие никакихъ средствъ приписаться къ обществу, если бы общества и согласились принять ихъ. Дневное-же пропитаніе ремесломъ и работою, по силѣ городского положенія, никому не запрещается. Въ крѣпостную зависимость они тоже не могли быть зачислены: правительство гораздо прежде еще стало заботиться о томъ, чтобъ вольныхъ людей и вообще всѣхъ выпущенныхъ изъ крѣпостнаго состоянія, не дѣлать вновь крѣпостными (1).

Такимъ образомъ общества могли и имѣли право не принять къ себѣ таковыхъ людей; въ крѣпостную работу и рабочіе дома они не могли быть отправлены, потому что такая мѣра наказанія опредѣляется за преступленія, а не за проступки; притомъ же манифестомъ заглаживаются всѣ слѣды преступленій. И вотъ въ слѣдствіе этихъ-то причинъ, въ слѣдствіе такой необходимости Екатерина II вызываетъ изъ небытія новый классъ людей, создаетъ его изъ преступныхъ и порочныхъ гражданъ; она назначаетъ мѣстомъ промысла этого класса людей—города, какъ центры разнообразной промышленности, гдѣ эти лица, между прочимъ, могутъ состоять подъ покровительствомъ магистрата;—назначаетъ для этого уѣздные города, въ которыхъ мѣстная полиція удобнѣе можетъ смотрѣть за ними, нежели въ многолюдныхъ губернскихъ и столичныхъ городахъ. Въ подушный окладъ Екатерина не полагаетъ этихъ людей, какъ потому, что между столичными жителями преступниками могли быть граждане художники, такъ и для скорѣйшаго поправленія и упроченія благосостоянія бѣдныхъ. Такъ сформировался новый классъ городскихъ обывателей—рабочихъ людей, классъ людей свобод-

(1) Такъ еще въ 1773 г. Января 10 былъ изданъ Императрицею Екатериною указъ, запрещающій крѣпить пленныхъ Турокъ и Польскихъ Конфедератовъ (*); такъ Манифестомъ 17 Марта 1775 года вольноотпущеннымъ не дозволено ни за кѣмъ записываться, а при ревизіи объявлять желаніе приписываться въ гильдію или мѣщанство; (**) наконецъ указомъ 1783 г. Окт. 20 окончательно запрещено крѣпить всѣхъ вообще вольныхъ людей (***).

(*) Полн. Собр. Зак. № 13,935.

(**) Тамъ же, № 14,275.

(***) Тамъ же, № 15,852.

ныхъ, не составляющіи отдѣльной корпораціи и свободныи отъ податей ⁽¹⁾.

Въ послѣдствіи, когда такая свобода рабочихъ людей отъ податей могла подать поводъ нерадивымъ изъ нихъ къ ничегу недѣланію, а смѣтливымъ—возможность и пользу на всегда остаться въ этомъ состояніи въ ущербъ государственнымъ финансамъ, то правительство вскорѣ обратило вниманіе на этотъ вопросъ,—и, желая самимъ рабочимъ, чрезъ право занятія мѣщанскимъ промысломъ, доставить наибольшія средства къ ихъ благосостоянію, обложило рабочихъ людей мѣщанскимъ окладомъ. Въ царствованіе Императора Павла I-го именнымъ указомъ отъ 15 Апрѣля 1799 г. ⁽²⁾ повелѣно записывать, по манифесту прощенныхъ преступниковъ, въ рабочіе люди, по уѣзднымъ городамъ, *со включеніемъ въ мѣщанскій окладъ*. Повелѣніе это распространено и на будущихъ выходцевъ изъ-за границы, ⁽³⁾ по Манифесту, изъ числа тѣхъ, которыхъ общества въ свои сословія не примутъ, и кои къ военной службѣ окажутся неспособными.

Въ царствованіе Императора Александра I-го именнымъ указомъ, даннымъ Сенату въ 20 день Іюля 1816 г. ⁽⁴⁾ «о правыхъ, по коимъ слѣдуетъ поступать съ выходцами изъ-за границы, по манифесту», повелѣно: выходцевъ изъ-за границы, являющихся, по манифесту 30 Августа 1814 года, ⁽⁵⁾ приписывать въ градскія или сельскія общества тѣхъ только, коихъ общества принять къ себѣ согласятся; всѣхъ тѣхъ, которыхъ общества не пожелаютъ имѣть у себя, и которые окажутся негодными къ военной службѣ, приписывать въ *рабочіе люди* по уѣзднымъ городамъ, не близкимъ, однакожъ къ границѣ для удержанія, ихъ, разумѣется, вновь отъ побѣговъ. Потому что, большая часть этихъ

(1) Умѣстно—бы здѣсь бросить критическій взглядъ на это новое учрежденіе, по дальнѣйшая исторія рабочихъ людей сама откроетъ намъ необходимость существованія этого класса въ Россіи при настоящемъ состояніи съ ней городскихъ обществъ и покажетъ всю пользу, которую можетъ принести государству развитіе и образованіе этого класса.

(2) Указъ 1799 г. Апрѣля 15 въ хронологическомъ указателѣ къ полному Собр. Законовъ не отмѣченъ, и потому неотысканъ въ Полномъ Собраніи; но содержаніе его извлечено мною изъ указа 21 Марта 1821 г. № 28,597, въ которомъ есть ссылка на указъ 1799 г. Апр. 15; именно въ немъ сказано: «поименованнаго въ указъ 1799 г. Апр. 15 преступника Уланова, вышедшаго изъ за-границы, оставить при городѣ Грязовцахъ въ рабочихъ людяхъ, въ мѣщанскомъ окладѣ. На будущее время съ такими выходцами поступать по точнымъ словамъ указа 15 Апр. 1799 г. т. е. распределять таковыхъ въ рабочіе люди по уѣзднымъ городамъ своей губерніи, съ обложеніемъ въ мѣщанскій окладъ».

(3) Выходцевъ русскихъ, бѣжавшихъ за границу.

(4) Полн. Собр. Зак. № 26,363.

(5) Тамъ же, № 25671.

выходцевъ, приписавшихся, по силѣ манифеста 30 Августа 1814 г. къ сельскимъ и градскимъ обществамъ, убѣгали опять за границу, особенно изъ мѣстъ пограничныхъ, отягощая между тѣмъ общества поставкою за нихъ рекрутъ и платежами податей. Это послѣднее обстоятельство было представлено правительству на видѣ мѣстными начальствами и было побудительною причиною къ изданію этого указа «о правилахъ, по которымъ слѣдуетъ поступать съ выходцами изъ-за границы». Если эти выходцы, и въ новомъ своемъ состояніи будутъ бесполезны и отяготительны, въ такомъ случаѣ, правиломъ 3-мъ того же указа повелѣно: отсылать ихъ, по приговорамъ обществъ, ⁽¹⁾ въ Сибирь на винокуренные заводы безъ зачета за рекрутъ.

Кромѣ того указомъ 20 Іюля 1816 (выше приведеннымъ) отмѣнено положеніе манифеста 30 Августа 1814 года, которымъ на основаніи указа 9 Сентября 1805 г. ⁽²⁾, даннаго начальникамъ пограничныхъ губерній, повелѣвалось: «выходцевъ, являющихся послѣ срока, опредѣленнаго манифестомъ, по освобожденіи отъ крѣпостной работы, селить при казенныхъ селеніяхъ». Выходцы, являющіеся и послѣ срока, опредѣленнаго манифестомъ, подходятъ подъ правила изложенныя въ этомъ указѣ, т. е. записываются въ рабочіе люди, если они оказались негодными къ военной службѣ и неприняты обществами.

Безъ статистическихъ данныхъ нельзя сказать съ достовѣрностію, какъ много было выходцевъ изъ-за границы и преступниковъ, по манифесту прощенныхъ, которые поступали въ классъ рабочихъ; можно предположить только, что число ихъ было весьма ограничено: 1) потому, что нѣкоторые изъ нихъ годные обращались въ военную службу, 2) другихъ, общества, находя способными къ труду и слѣд. къ состоятельности въ уплатѣ податей, принимали къ себѣ. Такимъ образомъ оставалось не много такихъ, которые поступали собственно въ рабочіе люди. По всей вѣроятности—это были остатки всего неспособнаго, люди, не знавшіе, ни ремесла, ни искусства и бѣдные,—которые, разумѣется, Магистратъ, подъ покровительствомъ котораго они должны были стоять, назначалъ, сообразныя съ ихъ способностями, *службы*, напр. въ ратушскіе и другіе сторожа и разсыльщики, гдѣ они иногда могли получать обыкновенные, доходы для пропитанія и платить положенную подать. Увѣчные

⁽¹⁾ Замѣчательно, что только этотъ указъ подвергаетъ рабочихъ людей приговору обществъ. Изъ другихъ же видно, что они стоятъ въ зависимости городскихъ обществъ. (См. Ук. 1841 г. Март. 17 № 14,361).

⁽²⁾ Полн. Собр. Заг. № 21,910.

же изъ нихъ, и потому ни къ чему неспособные, распредѣлялись въ дома призрѣнія бѣдныхъ и больницы.

Такимъ образомъ, классъ рабочихъ людей сформировывался весьма слабо. Правительство многихъ губерній могло не знать объ этихъ людяхъ и только по указамъ догадываться о существованіи ихъ по уѣзднымъ городамъ другихъ губерній и затруднялось въ распредѣленіи своихъ выходцевъ, непринятыхъ обществами. Это побудило Правительствующій Сенатъ, указомъ Марта 21-го 1821 г. ⁽¹⁾ вновь подтвердить всѣ прежде издаанные указы касательно рабочихъ людей, напомнивъ также объ ихъ отдѣльными предписаніями Черниговскому и Тверскому правленію ⁽²⁾, потому что они своими недоумѣніями и неправильнымъ распредѣленіемъ выходцевъ вызвали это подтвержденіе Правительствующаго Сената. Подъ предлогомъ неимѣнія по уѣзднымъ городамъ своей губерніи класса рабочихъ людей, Черниговское Губернское Правленіе отсылало выходцевъ изъ-за границы въ Екатеринославское губернское правленіе, для размѣщенія ихъ на казенныя фабрики и заводы. Тверское Губернское Правленіе, подъ тѣмъ же предлогомъ отсылало своихъ выходцевъ въ рабочій домъ, входя въ Правительствующій Сенатъ съ запросомъ объ окончательномъ поступленіи съ ними ⁽³⁾.

Но вскорѣ потомъ расширился кругъ рабочихъ людей запискою въ этотъ классъ Евреевъ. Указомъ Сената отъ 29 Іюля 1824 г. ⁽⁴⁾ по Высочайшему утвержденію положенія Комитета Министровъ, повелѣно: записать въ *рабочіе люди*, со включеніемъ въ мѣщанскій окладъ всѣхъ, вышедшихъ на жительство въ Россію Евреевъ, которые не приписаны еще ни къ какому со-

(1) Полн. Соб. Зак. № 28,597.

(2) Ук. 9 Март. 1820 г. и 21 Март. 1821 г. См. Полн. Собр. Зак. № 28,597.

(3) Замѣчательно дѣло Тверскаго Губернскаго Правленія объ одномъ выходцѣ. Выходецъ этотъ Кононъ Лопухинъ въ 1816 г. явился въ Тверское Губернское Правленіе и представя данный ему изъ Бессарабскаго Областнаго Правленія паспортъ о добровольномъ его выходѣ изъ-за границы, показалъ (что и по справкѣ подтвердилось), что онъ былъ крестьяниномъ, отданъ въ рекруты, бѣжалъ, преступленія при побѣгѣ не учинилъ, а теперь имѣетъ желаніе приписаться Корчевскаго уѣзда, Юрьевской волости въ деревню Сурцово, въ крестьяне. Но голова, староста и всѣ волостные люди, за уменьшеніемъ земли и по случаю уже удобрѣнія оной, несогласны на принятіе Лопухина. Лопухинъ отосланъ въ Казенную Палату, которая найдя его, по старообразному виду, неспособнымъ къ военной службѣ, обратила опять въ Губернское Правленіе. Губернское Правленіе, на основ. ук. 16 Іюля 1816 должно бы было записать его въ *рабочіе люди*, но какъ рабочаго класса людей не состояло по уѣзднымъ городамъ Тверской Губерніи, то это обстоятельство и представлено было на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената. Лопухинъ былъ отправленъ въ рабочій или смирительный домъ и содержался тамъ 5 лѣтъ, пока послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената 1821 г. зачислить его, по точнымъ словамъ указа 1799 г. въ *рабочіе люди* въ мѣщанскомъ окладѣ.

(4) Полн. Собр. Зак. № 30,004.

стоянію и которыхъ общества принять не пожелаютъ. Съ этого времени характеръ исторіи рабочихъ людей перемѣняется. Въ рабочіе люди записываются не преступники, по манифесту прощенные, по лица неизвѣстной нравственности; граждане, вредные относительно финансовъ государственныхъ и относительно интересовъ обществъ, въ которыхъ они находились. Нѣкоторый вредъ со стороны Евреевъ въ Россіи еще давно обращалъ на себя вниманіе правительства; но, ни великодушная терпимость, выраженная напр. въ резолюціи Императрицы Елисаветы, на донесеніе: «о незаконной торговлѣ Евреевъ», *отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли* (Указъ 1743 г. Дек. 16 ⁽¹⁾); ни постановленія, издаваема въ облегченіе имъ уплаты недоимокъ и доставленіе льготъ; ни самыя строгія мѣры правительства, каковы напр. изъятіе ихъ отъ права свободнаго водворенія въ Россіи наравнѣ съ другими иностранцами, по манифесту 1762 г. Декаб. 4; ⁽²⁾ или: не-терпимость Евреевъ нигдѣ въ Россіи по указу Дек. 24 дня 1804 г., ⁽³⁾ если они не приписаны въ одно изъ 4-хъ состояній: земледѣльческое, фабричное, купеческое и мѣщанское; или наконецъ обложеніе ихъ двойными податями противъ людей равныхъ съ ними званій (что и продолжалось до 1807 г. Августа 28) ⁽⁴⁾ ничто не помогало,—не могло исправить ихъ. Они были отягощительны для обществъ и мало полезны для казны; почему правительство окончательно запретило вновь переселеніе Евреевъ въ Россію, записавъ вышедшихъ уже сюда на жительство въ рабочіе люди, въ мѣщанскомъ окладѣ. Помѣщая здѣсь извлеченіе изъ записки Министра Финансовъ, представленной имъ въ Комитетъ Министровъ 19 Января 1824 г. ⁽⁵⁾, изъ которой видны причины, побудившія запретить переселеніе Евреевъ въ Россію и записать находящихся здѣсь въ рабочіе люди.

«Въ пограничныхъ губерніяхъ», какъ видно изъ записки Министра Финансовъ, гдѣ Евреямъ дозволено имѣть постоянное водвореніе, наравнѣ съ прочими иностранными выходцами, т. е. съ льготою отъ государственныхъ податей въ первое десятилѣтіе, Евреи чрезвычайно размножились. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1804 г. Евреевъ состояло не болѣе 175,000; нынѣ, въ теченіи 20 лѣтъ, оно возрасло до 400,000, не включая пропущенныхъ по ревизіи, доселѣ безпрестанно обнаруживаемыхъ.

(1) Полн. Собр. Зак. № 8840.

(2) Тамъ же № 11,720.

(3) Тамъ же № 21,547.

(4) Тамъ же № 22,600.

(5) Тамъ же № 30,004.

Между тѣмъ новыя поселенцы эти по роду ихъ промысловъ, состоящихъ большею частію въ мелочной, внутренней торговлѣ и въ содержаніи арендъ на правилахъ разорительныхъ для вѣрителей ихъ и поселянъ, не могутъ приносить существенной пользы государству. Выходцы эти, большею частію, бѣдные, черѣдко встрѣчаютъ препятствія въ своемъ желаніи приписаться къ какому либо состоянію; общества уклоняются отъ пріема ихъ, во избѣжаніе отвѣтственности за подати такихъ людей. Поэтому они скитаются по мѣстечкамъ и селеніямъ, свискивая себя пропитаніе презрѣнными и часто nepозволительными средствами; либо, подавъ лично о себѣ ревнскія сказки, уходятъ опять за границу. Отъ этого возникаетъ пространная переписка Губернскихъ Начальствъ, Казенныхъ Палатъ и Полицейскихъ мѣстъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Министръ Финансовъ признаетъ полезнымъ запретить Евреямъ, самовольно отлучившимся, возвратъ изъ-за границы, а прочимъ переселеніе оттуда, даже и въ тѣ губерніи, гдѣ имъ позволено имѣть постоянную осѣдность.

Зачисленіе Евреевъ въ рабочіе люди—мѣра лучшая для извлеченія изъ сего племени пользы государству и благотѣльная для Евреевъ. Въ уѣздныхъ городахъ они будутъ на виду у правительства, которому тамъ удобнѣе будетъ слѣдить за родомъ ихъ промысла, состоящаго большею частію въ содержаніи по селеніямъ шинковъ и арендъ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышленности, которыя болѣе сродны съ контрабандою. Удаленіе Евреевъ изъ пограничныхъ губерній предупредитъ для нихъ возможность заниматься контрабандою; приписка къ классу рабочихъ людей доставитъ имъ право вести мѣщанскую торговлю, къ которой Евреи привыкли и безъ которой не могутъ имѣть не только возможности платить подати, но и доставать себѣ пропитаніе. По крайней мѣрѣ сколько правительство ни заботилось приучить Евреевъ къ жизни осѣлой и преимущественно сельской, предоставивъ имъ льготы, съ тѣмъ, чтобы они занимались земледѣліемъ,—Евреи остаются при своемъ упорномъ стремленіи къ торговлѣ. Будучи приписаны къ классу земледѣльцевъ, они и тамъ не оставляютъ торговли, дѣйствуя вредно на общества, ихъ окружающія.

Разсматривая далѣе исторію рабочихъ людей, мы находимъ, что въ этотъ классъ поступаютъ люди разныхъ званій; всѣ отпущенные на волю люди, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола; уволенные церковники; купленные или вымѣненные у Киргизовъ, Калмыковъ и другихъ азіатцевъ дѣти и разнаго званія свободные люди; дѣти личныхъ дворянъ и дѣти приказно—слу-

жителей, не имѣющихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ, выморочные дворовые люди, незаконорожденные; мновѣрцы, принявшіе христіанскую вѣру и друг. Но всѣ эти разнаго званія люди не прямо поступаютъ въ рабочіе люди. Это изъ числа тѣхъ, которые, приписавшись по указу 22 Декабря 1832 г. ⁽¹⁾ къ городскимъ обществамъ безъ согласія обществъ, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, не получили согласія обществъ на окончательное принятіе ихъ. Но, какъ общества могутъ отказывать такимъ людямъ въ окончательномъ принятіи, только за пороки и несправный платежъ ими податей, по силѣ того же указа, то слѣд. въ рабочіе записываются лица порочныя и неплатящія податей. Такимъ образомъ, классъ рабочихъ людей продолжаетъ сохранять характеръ исправительнаго заведенія; въ рабочіе продолжаютъ зачисляться люди порочные или сомнительной правды. Цѣль такого распоряженія очевидна, именно: облегчить возможность поправить благосостояніе неплатящихъ податей гражданъ; съ другой стороны подѣйствовать на нравственное чувство порочныхъ, лишивъ ихъ права голоса въ городскихъ собраніяхъ и исключивъ изъ корпораціи, какъ членовъ недостойныхъ. Весьма вѣроятно, что изъ числа таковыхъ разнаго званія людей, приписавшихся въ мѣщанство безъ согласія общества, не смотря на пятилѣтнюю льготу, очень многіе могутъ оказываться несостоятельными къ платежу податей и другихъ оборотовъ. Правда, что пять лѣтъ, кажется, достаточный срокъ для того, чтобы совершенно-лѣтнему стать на степень полезнаго гражданина, но эта возможность обусловливается предварительнымъ подготовленіемъ такого лица къ жизни гражданской. Притомъ большая часть этихъ людей, какъ-то: дѣти личныхъ дворянъ и церковники записываются въ мѣщанство совершенно-лѣтними,—часто не чувствуя себя способными быть въ этомъ состояніи, а единственно изъ опасенія подпасть подъ рекрутскій наборъ. Между тѣмъ и здѣсь ихъ ожидаетъ то же. По непривычкѣ къ новому роду промысловъ, они скоро пріобрѣтаютъ возможность уплачивать подати; общества смотрятъ на нихъ невыгодно, находятъ ихъ ненадежными и при первомъ рекрутскомъ наборѣ, стараются оовободиться отъ нихъ. То же можно сказать о вольно отпущенныхъ, дѣтяхъ Киргизовъ, Калмыковъ и другихъ азіатцевъ. Послѣдніе хотя и зачисляются въ мѣщане по достиженіи ими совершеннолѣтія, на нихъ можетъ имѣть невыгодное вліяніе, въ отношеніи ихъ промышленности, незнаніе русскаго языка и незнакомство съ образомъ про-

⁽¹⁾ Полн. Собр. Зак. N 5842.

мысловъ русскихъ городовъ. Опасеніе попасть въ рекруты побуждаетъ этихъ лицъ нерѣдко прибѣгать для уплаты податей къ непозволительнымъ средствамъ и чрезъ то дѣлаетъ ихъ преступниками. Такимъ образомъ, если нѣкоторые изъ таковыхъ, приписавшихся къ обществу безъ согласія его, могутъ оказаться несостоятельными къ платежу податей по несчастію, неуспѣвши еще въ новомъ своемъ званіи избрать родъ занятій по своимъ способностямъ, то такіе люди, предоставленные, чрезъ записку ихъ въ рабочіе люди, самимъ себѣ, идутъ по пути гражданственности тою дорогою, которую указали имъ природа, воспитаніе и способности. Дѣйствительно, человѣкъ часто забрасывается случаемъ или и своимъ свободнымъ, но неопытнымъ произволомъ въ такое общество, въ которомъ не только не находятъ сферы для своей дѣятельности, но напротивъ, подчиняясь требованіямъ и условіямъ общества, принужденъ бываетъ стѣснять свою собственную дѣятельность.

Чрезъ записку въ рабочіе люди, порочные граждане не лишаются возможности исправиться: все нужное для нихъ исправленія остается при нихъ, и личная свобода, и личная собственность ихъ остается неприкосновенною. Отнимается у рабочихъ людей только одно право,—право голоса въ городскихъ собраніяхъ, но все таки не отнимается возможность со временемъ имѣть это право. И если нѣкоторые дѣйствительно попали въ классъ рабочихъ по несчастію или неопытности, то у нихъ всегда достанетъ энергіи выйти изъ этого состоянія; благотворное самолюбіе, замѣтное даже въ чисто животныхъ натурахъ, побудитъ ихъ стать въ среду настоящихъ гражданъ. Съ другой стороны собственные интересы побудятъ рабочихъ людей заботиться о причисленіи себя къ мѣщанскимъ и купеческимъ обществамъ, а также и къ цехамъ. Что касается до общественныхъ и государственныхъ интересовъ, то чрезъ записку гражданъ въ рабочіе люди не страдаютъ интересы ни той, ни другой стороны. Общества, выдѣляя изъ себя неплатящихъ податей гражданъ, имѣютъ на своей сторонѣ ту выгоду, что избавляются потомъ отъ необходимости налагать на трудолюбивыхъ, но небогатыхъ гражданъ, обязанность платить подати за полторы или за двѣ души, когда тѣ съ трудомъ могутъ платить за свою собственную. Отсылка же мѣщанъ дурнаго поведенія въ Сибирь на поселеніе соединена съ большими издержками для обществъ: общество обязано выдавать таковымъ на вспомошествованіе 60 руб. серебр. Отдача ихъ въ рабочіе дома или въ крѣпостныя работы невыгодна въ томъ отношеніи, что при ограниченности платы за труды несвободнаго человѣка, долго не могутъ быть оплачены подати

и недомки съ другихъ повинностей, если предположить неплатежъ за пятимѣтіе.

Если рабочіе люди не будутъ платить податей, лежащихъ на ихъ собственной отвѣтственности, то они, по распоряженію правительства, могутъ быть отсылаемы для заработковъ въ крѣпостныя работы. Въ такомъ случаѣ будутъ страдать на время интересы цѣлаго государства, а не одного отдѣльнаго общества.

Итакъ все, что доселѣ наше законодательство установило, а правительство опредѣлило относительно рабочихъ людей, можно выразить слѣдующими словами: классъ рабочихъ людей составилъ 1) изъ публично-наказанныхъ за преступленія жителей столичныхъ и губернскихъ городовъ; 2) изъ преступниковъ, по манифесту 1814 г. Августа 30 ⁽¹⁾, прощенныхъ и выходцевъ изъ заграницы, непринятыхъ прежними обществами, а такъ же высланныхъ изъ обществъ уже приписавшихся къ нимъ; 3) изъ Евреевъ, водворившихся въ Россіи и 4) наконецъ изъ мѣщанъ, дурныхъ по поведенію и неплатящихъ податей, изъ числа тѣхъ, которые приписались къ городамъ безъ согласія обществъ съ льготою отъ платежа податей на 5 лѣтъ. Классъ рабочихъ людей началъ составляться изъ преступниковъ, а въ 1832 г. окончился порочными и неплатящими податей мѣщанами. Классъ рабочихъ не есть классъ преступниковъ: правительство избавляетъ ихъ отъ строгаго и непосредственнаго надзора полиціи ⁽²⁾. Рабочіе люди находятся къ полиціи въ такомъ же отношеніи, какъ и всѣ граждане вообще. Правда, что всякій нарушитель общественнаго закона есть преступникъ, но не всякій преступникъ есть преступникъ злоумышленный и потому достойный строгаго наказанія. Что касается до рабочихъ людей, то скорѣе это люди порочные, нежели преступные, а *порочный* и *преступный* понятія не синонимическія. Преступный заслуживаетъ наказанія, порочный требуетъ исправленія. Преступный исключается изъ общества людей, порочный обязывается жить по правиламъ общества. И само законодательство, имѣетъ такое понятіе о рабочихъ людяхъ, оставляя ихъ въ числѣ другихъ классовъ городскихъ обывателей. Правительство хочетъ видѣть въ нихъ настоящихъ гражданъ, требуетъ, чтобы они приносили пользу государству, на сколько позволяютъ имъ быть полезными ихъ силы и способности. Это недоросли въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, которыхъ правительство охраняетъ и которымъ помогаетъ.

⁽¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 25,671.

⁽²⁾ Полн. Собр. Зак. № 28,597.

ОРГАНИЗМЫ НА ГРАНИЦѢ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА.

Статья Кандидата А. Фаминцына.

Вопросъ о границѣ между животными и растеніями принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ естественныхъ наукъ. Общепринятое, укоренившееся опредѣленіе животныхъ и растеній состоитъ въ томъ, что животныя чувствуютъ и движутся произвольно, растенія же не чувствуютъ и остаются неподвижными. Въ самомъ дѣлѣ, при разсматриваніи организмовъ животныхъ и растительныхъ, попадающихъ на глаза человѣку въ его домашнемъ быту, это опредѣленіе кажется несомнѣннымъ. Если же обратимъ вниманіе и на простѣйшіе микроскопическіе организмы животные и растительные, то увидимъ, что не-только предполагаемая грань недостаточна, но что, вообще, и другіе признаки, столь рѣзко отличающіе болѣе высоко организованныхъ животныхъ и растеній, здѣсь слиты во всевозможныхъ пропорціяхъ. Отъ розысканій надъ нисшими организмами нужно, слѣдовательно, ожидать разрѣшенія вопроса о существованіи границы между обоими царствами. Изученіе ихъ я и избралъ предметомъ предстоящей статьи, стараясь, на основаніи сдѣланныхъ надъ ними исследованийъ, оцѣнить стойкость установленной грани.

Новѣйшія изслѣдованія показали, что какую бы часть животного или растенія не разсмотрѣли подъ микроскопомъ, мы увидѣли бы, что она состоитъ изъ клѣтокъ или пузырьковъ. Въ каждой клѣткѣ можно отличить оболочку и слизистое содержимое. Оболочка клѣтки цѣльная, безъ отверстій; содержимое представляетъ слизистую выстилку, прилегающую къ оболочкѣ съ внутренней стороны непрерывнымъ слоемъ. Въ центрѣ клѣтки или съ боку, въ самой слизистой выстилкѣ, находится обыкновенно твердое, шарообразное тѣло, называемое зерномъ (nucleus). Остальная полость клѣтки выполнена жидкостью, такъ называемымъ клѣточнымъ сокомъ (Zellsaft). Узнавъ посредствомъ микроскопа, что всякій организмъ животный и растительный есть ничто иное, какъ одна клѣтка или агрегатъ

клѣтокъ, мы видимъ что всѣ вопросы фیزیологическіе, вопросы о жизни организма, сводятся на изученіе того, что такое клѣтка.

Чѣмъ больше число клѣтокъ въ организмѣ и разнообразіе ихъ форма, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе проявленіе жизни ихъ, т. е. отправления организма. Въ высшихъ организмахъ, животныхъ и растительныхъ, каждому отправленію предстятъ отдѣльная группа клѣтокъ или, другими словами, отдѣльный органъ или система органовъ. Переходя постепенно отъ самыхъ сложныхъ формъ къ болѣе простымъ, мы увидимъ, что органы, предстоящіе различнымъ отправлениямъ организма, столь ясно отличныя въ высшихъ формахъ, теряютъ мало по малу свою индивидуальность. Наконецъ мы дойдемъ до такихъ формъ, гдѣ весь организмъ представляетъ въ продолженіи всей жизни своей одну клѣтку.

Въ послѣднее время особенно одноклѣтчатые организмы обратили на себя вниманіе весьма многихъ ученыхъ и розысканія надъ ними, хотя еще весьма неполныя и отрывочныя, привели уже къ весьма любопытнымъ результатамъ. *

Къ простѣйшимъ организмамъ относятся: Грегарины (Gregarina), Корненогія (Rhizopoda), Инфузоріи (Infusoria), Грибы (Fungi), Лишай (Lichenes), и Водоросли (Algae). Здѣсь я буду говорить только о корненогихъ, инфузоріяхъ и формахъ связывающихъ ихъ съ водорослями и подъ названіемъ: *простѣйшіе организмы* буду обозначать только эти двѣ группы.

Простѣйшіе организмы болѣею частію до того малы, что могутъ быть изслѣдуемы только съ помощію микроскопа. Гиганты между инфузоріями едва видимы простымъ глазомъ. Отъ этого и исторія постепеннаго распознаванія ихъ тѣсно связана съ успѣхами оптики и усовершенствованіемъ микроскопа.

Первый естествоиспытатель, наблюдавшій простѣйшіе организмы, былъ Левенгукъ, изобрѣтатель микроскопа. Но ни онъ и ни одинъ изъ его послѣдователей до Мюллера не изслѣдовали высшихъ организмовъ строго ученымъ образомъ. Сочиненія ихъ наполнены только восклицаніями и удивленіями, внушаемыми имъ новооткрывшимся, едва видимымъ, міромъ живыхъ существъ. Отто Мюллеръ первый привелъ ихъ въ систему и установилъ многіе роды и виды. Работая съ весьма несовершенными микроскопами, онъ не имѣлъ яснаго понятія о строеніи инфузорій, и во многихъ изъ нихъ видѣлъ только продолговатые, овальныя пузырьки. Отличительныя признаки, заимствованныя имъ для отличія одного рода отъ другаго, весьма неопредѣлен-

ны. Далѣе, къ одному роду онъ относилъ животныхъ не имѣющихъ ничего общаго между собою, кромѣ формы контура, или отличающихся отсутствіемъ извѣстныхъ органовъ, которыхъ въ нихъ онъ не былъ въ состояніи подмѣтить.

По этимъ же причинамъ и система Ламарка, которая есть только модификація системы Мюллера, и система Бори-де-Сантъ-Винченца замѣчательны теперь только въ историческомъ отношеніи.

Эпоху въ періодѣ классификаціи высшихъ организмовъ сдѣлалъ Берлинскій ученый Эренбергъ, своимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ *Die Infusionsthierchen als vollkommende Organismen*.

Въ этомъ сочиненіи, къ инфузоріямъ онъ причислилъ и многіе несомнѣнно растительныя формы, предполагая въ нихъ весьма сложную организацію, какъ то: зубы, щеприѣмный каналъ, съ отверстіями рта и задняго прохода, различныя желѣзки, систему мускуловъ, половые органы, слѣды системы кровообращенія, нѣкоторыя части нервной системы, глаза, а у нѣкоторыхъ внутренніе органы, похожіе на органы дыханія. Впрочемъ описанныя Эренбергомъ у инфузорій органы, по изслѣдованію новѣйшихъ ученыхъ, относятся къ области фантазій; слѣдовательно и его дѣленіе инфузорій, основанное на видоизмѣненіяхъ предполагаемаго имъ щеприѣмнаго канала, не можетъ быть теперь принято.

Живую оппозицію встрѣтилъ онъ во французскомъ ученомъ Дюжардэнѣ (Dujardin), который первый рѣшился противостать авторитету Эренберга; отрицая въ сочиненіи своемъ: *Histoire naturelle des Zoophytes (Infusoires)* существованіе органовъ признанныхъ Эренбергомъ, онъ развиваетъ свое ученіе о саркодѣ (о веществѣ сокращающемся). По его мнѣнію, все тѣло инфузорій состоитъ изъ аморфнаго, подвижнаго вещества способнаго образовать по всей массѣ своей шарообразныя пустоты, наполненныя прозрачною жидкостію, которыя Эренбергъ и принималъ за желудки. По Дюжардэну, питательныя вещества проникаютъ въ инфузорію чрезъ отверстіе рта или прилипаютъ къ поверхности тѣла, и погружаются въ него постепенно, какъ на примѣръ посторонній предметъ, вдавленный въ густую и вязкую массу легтя. Не принимая никакой организаціи въ инфузоріяхъ, Дюжардэнъ дѣлитъ ихъ по наружному виду на двѣ группы: 1) несимметрическія инфузоріи, 2) симметрическія. Первая группа подраздѣлена у него по органамъ движенія на 5 отдѣловъ, въ каждомъ отдѣлѣ по нѣсколько семействъ. Вторая группа заключаетъ только 4 рода и не подраздѣляется на отдѣлы. Система

эта, какъ видно, въ высшей степени искусственна и, какъ самъ Дюжардэнъ сознается, еще весьма недостаточна. Въ 1839 году Мейенъ ⁽¹⁾ показалъ аналогію инфузоріи съ животной и растительною кѣткою. Идею эту разработали въ послѣдствіи Зибольдъ ⁽²⁾ и Кёлликеръ ⁽³⁾. По ихъ мнѣнію, каждая инфузорія представляетъ одну кѣтку и состоитъ изъ оболочки и тягучаго, слизистаго содержанія. Заключенное въ слизистомъ содержаніи твердое тѣло, которое Эренбергъ принималъ за сѣмянную желѣзку, они принимаютъ за ядро кѣтки. Въ послѣднее время наконецъ—въ 1856 году, Либеркюнъ ⁽⁴⁾ и Лихманъ ⁽⁵⁾, опять приписываютъ всѣмъ инфузоріямъ организацію довольно сложную, именно: систему сосудовъ, центръ которыхъ есть пульсирующее пространство, полость пищеваренія съ занепроходнымъ отверстіемъ, а иногда даже съ пищеводомъ. Главнымъ образомъ ихъ воззрѣніе отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что они принимаютъ за паренхимъ тѣла инфузоріи, то что Зибольдъ считалъ оболочкою, а тягучую жидкость, заключенную въ оболочкѣ—не за содержаніе кѣтки, а за желудочный сокъ (chylus) животного. Въ то время, какъ зоологи изслѣдовали инфузорій и переходные нисшіе растительные организмы, ботаники именно Харвей (Harvey) (1841), Агардтъ (Agardh) (1842), Декэнъ (Decaisne) (1842), Эндлихеръ (Endlicher), Хассаль (Hassal), Негели (Nägeli), Кютцингъ (Kützing) и друг. занимались изученіемъ нисшихъ, несомнѣнно растительныхъ, организмовъ, причисляя, въ свою очередь, къ растеніямъ переходныя формы, считаемыя зоологами за животныхъ. Въ классификаціи своей они не были счастливѣе зоологовъ. Неудачи эти, главнымъ образомъ, произошли отъ того, что они старались построить системы свои, основываясь только на наружныхъ признакахъ вполне развитыхъ организмовъ, совершенно упуская изъ виду исторію развитія. Не имѣя притомъ строгихъ данныхъ, они относили одни и тѣже организмы не только къ различнымъ видамъ и родамъ, но и къ классамъ системъ своихъ, имѣя ручательствомъ за вѣрность классификаціи только авторитетъ свой въ наукѣ. Въ новѣйшее время открытіе явленій періодично-сѣменящихся поколѣній (Generationswechsel), ясно показало неустойчивость системъ, построенныхъ на этомъ

(1) Müllers Archiv 1839 pg. 74.

(2) Sieb. und Köll. Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie I. pg. 270 etc.

(3) Ebendas, I. pg. 200. Die Lehre von der thierischen Zelle in Schleiden und Nägeli Zeitschrift für wissenschaftliche Botanik. 1843 etc.

(4) См. Beiträge zur Anatomie der Infusorien—Müllers Archiv. 1856. Heft. 1, 2.

(5) Ueber die Organisation der Infusionsthierehen etc—Müllers Archiv. 1856. Heft. 4.

принципѣ: формы, совершенно другъ отъ друга отличныя, распределенныя въ различные классы, оказались только различными фазами развитія одного и тогоже недѣлимаго; слѣдовательно, мы теперь не имѣемъ никакого права два другъ на друга вовсе непохожіе организма относить, а ргіогі, не только къ двумъ различнымъ классамъ, но даже родамъ и видамъ. Исторія развитія есть единственный вѣрный руководитель въ этомъ отношеніи. Системы, составленныя по наружнымъ признакамъ, не смотря однако на ихъ искусственность и даже невѣрность, весьма способствуютъ легчайшему обозрѣнію формъ.

Въ основаніе своего изложенія я взялъ подраздѣленіе инфузорій Зибольда, видоизмѣненное вѣскольکو Фохтомъ въ его зоологическихъ письмахъ, и систему Рабенхорста для высшихъ растительныхъ организмовъ (водорослей).

Порядокъ изложенія, избранный мною въ систематическомъ обозрѣніи, слѣдующій:

- 1) корненогія.
- 2) инфузоріи.
- 3) переходныя формы.
- 4) водоросли.

Классъ корненогія (Rhizopoda) (1). Тѣло животныхъ этого класса состоитъ исключительно изъ студенистаго вещества, въ которомъ, то появляются, то исчезаютъ пузыристыя пустоты, принимаемыя прежде за желудки. Жидкія вещества просачиваются внутрь тѣла, а твердыя давленіемъ на поверхность слизистой массы животнаго, мало по малу, погружаются въ него, такъ что, чрезъ вѣскольکو времени мы видимъ ихъ внутри животнаго. Попавшіе въ тѣло животнаго предметы иногда до того велики, что животное облекаетъ ихъ только тоненькимъ слизистымъ слоемъ. Кромѣ пульсирующаго пространства, которое отъ времени до времени сокращается, и болѣе плотнаго тѣла, зерна, не удалось открыть въ нихъ никакой внутренней организаціи. Они двигаются, вытягивая однуобразную массу тѣла своего въ длинныя отростки, болѣе или менѣе вѣтвистыя. Наружный видъ корненогихъ весьма разнообразенъ. Большая часть изъ нихъ снабжена болѣе или менѣе твердою роговою или известковою скорлупкою, называемою панциремъ. Панцирь окружаетъ или одно только животное, или представляетъ полипникъ, заключающій въ себѣ вѣскольکو недѣлимыхъ. Въ панцирѣ бываетъ одно большое

(1) Желаящимъ наглядно ознакомиться съ этими формами рекомендуемъ атласы Эренберга, Дюжардена, Куторги и др.

или много мелкихъ отверстій, изъ которыхъ животное выпускаетъ слизистые отростки. За исключеніемъ немногихъ, всѣ корненогія обладаютъ известковымъ панциремъ; этимъ рѣзко отличаются они отъ инфузорій, окруженныхъ роговою или кремнистою скорлупою. Корненогія живутъ, и въ прѣсной, и въ соленой водѣ. Цѣлые пласты земной коры, напр. мѣлъ, составлены исключительно почти изъ ихъ скорлупокъ. Изъ нихъ замѣтимъ слѣдующіе роды: *Amoeba*, *Actinophrys*, *Acineta*, *Arcella*, *Diffugia*.

Классъ Инфузоріи (Infusoria). Классъ инфузорій заключаетъ въ себѣ маленькихъ животныхъ величиною отъ 3 mil. до $\frac{1}{5000}$ mil. Они живутъ преимущественно въ стоячей водѣ, заросшей травой, въ сырыхъ мѣстахъ между мхомъ и, какъ паразиты, въ другихъ животныхъ. Размножаясь чрезвычайно быстро, они плаваютъ иногда по водѣ въ видѣ клочковъ бѣловатой пыли, или, наполнивъ собою всю массу воды, окрашиваютъ ее иногда весьма ярко зеленымъ или краснымъ цвѣтомъ. Появленіе и исчезаніе различныхъ родовъ инфузорій такъ быстро и, по-видимому, такъ мало зависитъ отъ воли человѣка, что часто нужно бываетъ довольствоваться безсмысленно подмѣченными явлениями, неимѣя возможности опредѣлить всей важности ихъ для жизни животного. Движеніе инфузорій подъ микроскопомъ кажется весьма быстрымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ движутся посредствомъ одной или нѣсколькихъ весьма длинныхъ рѣсничекъ, находящихся на переднемъ концѣ тѣла или разбросанныхъ по всей поверхности ихъ тѣла, другіе напротивъ того снабжены для движенія особенными крыльями.

Зибольдъ дѣлитъ инфузорій на два отряда: 1) *Stomatoda*, имѣющія отверстіе рта и задняго прохода и 2) *Astoma*, не имѣющія отверстія рта и питающіяся всею поверхностію своего тѣла.

Отрядъ 1-й Stomatoda. Отдѣлъ *Vorticellida*, форма тѣла ихъ весьма измѣнчивая. Они весьма быстро сокращаются, принимая неправильно шарообразную форму, и потомъ опять, мало по малу, развертываются и вытягиваются въ видѣ конусовъ, колокольчиковъ или охотничьяго рога. На верхнемъ концѣ они снабжены вѣнкомъ рѣсничекъ, расположенныхъ по спирали. Сокращаясь, они втягиваютъ весь рѣсничный аппаратъ въ массу тѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ стебелекъ весьма гнѣзкій, другіе — неподвижный, третьи-же вовсе его не имѣютъ. Отдѣлъ *Vorticellida* подраздѣляютъ на два семейства *A.*, собственно *Vorticellina* — неимѣющія перепончатого панциря.

Роды *Vorticella*, *Carchesium*, *Epistylis*, *Trichodina*, *Stentor* и *B. Ophrydina* — снабжены паядыремъ. Роды: *Vagenicola*, *Coturnia*.

Отдѣлъ *Trichodida* заключаетъ въ себѣ изъ остальныхъ *Stomatoda* тѣхъ, которые движутся только посредствомъ рѣсничекъ и не имѣютъ крючковыхъ и шиповъ. Въ этомъ отдѣлѣ отличаются три семейства:

А. Сем. *Enchelina*. Тѣло не покрыто почти совсѣмъ рѣсничками, за исключеніемъ передняго конца, который иногда вытянуть въ видѣ длинной шеи; на немъ, вокругъ рта, расположенъ вѣнецъ рѣсничекъ. Заднепроходное отверстіе находится у всѣхъ, на противоположномъ концѣ тѣла. Вытянутую переднюю часть тѣла они изгибаютъ во всѣ стороны. Она, какъ кажется, служить имъ органомъ движенія и осязанія. Роды: *Lacrymaria*, *Trichoda*, *Enchelys*, *Leucophrys*.

В. Сем. *Trachelina*. Все тѣло или большая часть его покрыто рѣсничками, которыя расположены долевыми рядами; у рта они нѣсколько длиннѣе. Ротъ лежитъ на нижней поверхности тѣла въ долевой щели, подъ болѣе или менѣе выдающеюся верхнею губою. Заднепроходное отверстіе находится на концѣ тѣла или нѣсколько съ боку. Роды: *Trachelius*, *Chilodon*, *Amphileptus*, *Spirostomum*, *Glaucoma*, *Paramesium*, *Bursaria*.

С. Сем. *Nassulina* отличается отъ двухъ предыдущихъ зубнымъ аппаратомъ, который окружаетъ входъ въ отверстіе рта. По положенію этого зубнаго аппарата, отличаютъ нѣсколько родовъ: *Nassula*, *Prorodon*, *Chilodon*.

3-й Отдѣлъ, *Setifera*; имѣютъ болѣе или менѣе сплюснутую форму и на плоской поверхности тѣла, кромѣ рѣсничекъ, которыя развиты близъ отверстія рта, еще щетинки и крючки для ползанія и прыганья по твердымъ предметамъ, находящимся въ водѣ. Ротъ и заднепроходное отверстіе находятся на брюшной части тѣла, часто весьма близко одно отъ другаго въ одномъ углубленіи. Этотъ отдѣлъ подраздѣляютъ на слѣдующія семейства:

А. Сем. *Oxytrichina*; тѣло мягкое, гибкое, часто расплывается все, за исключеніемъ только щетинокъ. Роды: *Oxytricha*, *Stylonychia*, *Urostyla*.

В. Сем. *Euplota*; спинка ихъ прикрыта плоскимъ щиткомъ довольно плотнымъ. Роды. *Euplotes*, *Himantophorus*, *Chlamidodon*.

Къ инфузоріямъ относятъ еще Сем. *Opalinida*—паразитовъ, которые живутъ въ кишкахъ лягушекъ и ленточныхъ червей. Кромѣ рѣсничекъ, посредствомъ которыхъ они двигаются

въ слизистой жидкости кишекъ, нельзя отличить въ прозрачномъ довольно большемъ тѣлѣ ихъ никакой организаціи. Рѣснички расположены въ прямыхъ рядахъ. Родъ *Opalina*.

Водоросли (Algae).

Водоросли представляютъ растенія, состоящія изъ одной клѣтки или изъ ряда клѣтокъ; изъ клѣтокъ расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ въ одной плоскости и, наконецъ, изъ цѣлой группы клѣтокъ расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ по всѣмъ тремъ направленіямъ. Клѣтки простѣйшихъ водорослей всѣ между собой равнозначущія, между тѣмъ какъ въ болѣе сложныхъ формахъ одни клѣтки служатъ исключительно для питанія, а другія для воспроизведенія. Отличаютъ два рода репродуктивныхъ или воспроизводительныхъ клѣтокъ: 1) покоющіяся воспроизводительныя клѣтки или покоющіяся споры (*ruhende Sporen*), которыя совершенно неподвижны, обыкновенно бурого цвѣта, зимою остаются безъ перемѣны и только весною проростаютъ; 2) подвижныя воспроизводительныя клѣтки (*Schwärm-sporen*) или гонидіи, которые образуются по нѣскольку изъ одной клѣтки, чрезъ распаденіе содержимаго ея на нѣсколько партій или частей. Части содержимаго, отдѣляясь другъ отъ друга лѣпѣ и лѣпѣ, приходятъ съ начала въ медленное дрожаніе, затѣмъ скорость движенія ихъ постепенно увеличивается. Чрезъ образовавшіяся въ это время отверстія въ матерней клѣткѣ, онѣ, одна за другою, выскальзываютъ въ наружу и съ немнѣвнѣею быстротою двигаются въ окружающей ихъ жидкости; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, останавливаются и вырастаютъ въ новыя недѣлимые. Въ началѣ движенія онѣ не имѣютъ оболочки и снабжены одною или двумя рѣсничками или покрыты ими по всей поверхности; по прекращеніи движенія, на слизистой поверхности ихъ высачивается оболочка, рѣснички отпадаютъ и затѣмъ онѣ начинаютъ проростать.

Нѣкоторыя водоросли имѣютъ двоякаго рода гонидіи: а) *macrogonidia*, которыя проростаютъ и б) *microgonidia*, гораздо мѣнѣе предѣлующихъ; значеніе ихъ неизвѣстно.

Водоросли распространены по всей поверхности земнаго шара. Они живутъ и въ рѣсной, и въ соленой водѣ; рѣсководные водоросли обыкновенно зеленого цвѣта, морскіе—же розоваго или фіолетоваго. Не всѣ водоросли однако живутъ въ водѣ, нѣкоторыя покрываютъ кору деревьевъ, сырыя стѣны домовъ зеленымъ пластомъ или растлаются въ видѣ зеленого дерна по сырой почвѣ, у основанія деревьевъ. Теперь извѣстно до 1000 видовъ

водорослей, большая часть изъ нихъ суть морскіе. Классъ водорослей заключаетъ въ себѣ самыя маленькія и самыя огромныя формы изъ всего растительнаго царства. Нѣкоторые виды *Protococcus* не достигаютъ болѣе $\frac{1}{2000}$ линіи въ діаметрѣ, между тѣмъ какъ виды близкіе къ *Fucus* имѣютъ до 2000 футовъ длины. Гигантскіе водоросли особенно пзобилуютъ около южной Америки, въ Магеллановомъ проливѣ. Количество недѣлимыхъ водорослей возрастаетъ иногда до баснословныхъ чиселъ. *Protococcus nivalis* напр. имѣющій едва $\frac{1}{150}$ линію въ діаметрѣ, покрываетъ бѣлоснѣжныя вершины Альповъ Швейцаріи на протяженіи отъ 15 до 20 футовъ красною пеленою, въ нѣсколько футовъ толщины. Россъ и Парри рассказываютъ, что видѣли окрашенныя, на протяженіи нѣсколькихъ миль, этимъ же организмомъ скалы, которыя и назвали по ихъ цвѣту *crimson cliffs* (червленныя скалы). Однажды у Португальскаго берега море на цѣлую милю было окрашено краснымъ цвѣтомъ отъ *Protococcus atlanticus*, не имѣющемъ болѣе $\frac{1}{100}$ линіи въ діаметрѣ (*). На одну квадратную милю должно было приходиться около 100,000 недѣлимыхъ. Какое же, наконецъ, число морскихъ водорослей потребно, чтобы составить пзвѣстные всѣмъ плавающимъ островамъ, простирающіеся иногда на 60,000 кв. миль?

Прѣсноводныя водоросли имѣютъ только чисто научный интересъ, морскіе же, богатые натромъ, іодомъ, бромомъ, красильнымъ веществомъ и питательной студенью, важны и въ техническомъ отношеніи. Изъ семействъ водорослей замѣтимъ только слѣдующія:

Сем. *Palmellaceae*, составляютъ шаровидныя, грушевидныя и клиновидныя одноклѣтчатые растенія, которыя обыкновенно живутъ цѣлою семьею, заключенною въ слизистой студени. Роды: *Protococcus*, *Tetraspora*.

Сем. *Vaucheriaceae*, одноклѣтчатые растенія. Клѣтка длинная, вѣтвистая, хлорофилъ расположенъ мелкими зернышками. Роды: *Vaucheria*, *Hydrogastrium*.

Сем. *Nostochineae*, клѣтки шаровидныя, цилиндрическія или эллиптическія, соединены на подобіе нитій жемчуга; нити ихъ обыкновенно сплетены между собою и лежатъ въ аморфной слизистой студени. Впослѣдствіи нити распадаются на отдѣльные членики (клѣтки). Каждый членикъ можетъ вырастать въ новую членистую нить; между рядами обыкновенныхъ клѣтокъ разбѣяны большія—это суть споры. Родъ: *Nostoc*.

(*) См. Rabenhorst. *Carsus für Kryptogamenkunde* стр. 79.

Сем. *Oscillariaceae*. Они сходны съ предыдущимъ семействомъ въ томъ, что также состоятъ изъ членистыхъ, не развѣтвляющихся нитей. Членики нитей, весьма короткіе, плоскіе, плотно прилегаютъ одинъ къ другому. Они одѣты тонкимъ слоемъ студенистой массы, которая иногда отвердѣваетъ въ перепонку, не достигая никогда такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ у предыдущаго семейства. Родъ: *Oscillatoria*.

Сем. *Scytonemaeae*. Нити ихъ весьма похожи на нити *Oscillariaceae* и отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что онѣ вѣтвисты и не обнаруживаютъ колебательнаго движенія. Оболочка ихъ отвердѣваетъ, образуя открытія съ обонхъ концовъ ножны, прорванныя часто еще съ боку выходящими вѣтвями. Ножны состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ слоевъ отвердѣвшей студени. Родъ: *Scytonema*.

Сем. *Ulotrichineae*. Нити тонкія, слизистыя, простыя или развѣтвленныя, съ короткими члениками. Нѣкоторыя клѣтки, обыкновенно самыя нижнія, пускаютъ отростки на подобіе корешковъ. Зеленое содержаніе, расположенное поперечными полосками, распадается на 3 или 4 отдѣльности по направленію — же полосокъ. Роды: *Ulotrix* и *Draparnaldia*.

Сем. *Confervaceae*. Нити, простыя или развѣтвленныя, состоятъ изъ ряда большихъ цилиндрическихъ клѣтокъ, одѣтыхъ общемою трубчатою оболочкою. Роды: *Oedogonium*, *Conferva*, *Cladophora*.

Сем. *Zygnemaceae*. Нити ихъ состоятъ изъ одного ряда клѣтокъ, одѣтыхъ общемою, весьма нѣжною и ломкою, оболочкою, отъ чего онѣ и распадаются весьма легко на части, такъ что довольно трудно выпнуть *Zygnema* изъ воды, не разорвавъ ея. Отличительный признакъ *Zygnemaceae* состоитъ въ томъ, что хлорофилъ ихъ расположенъ правильно въ спиральныхъ нитяхъ или образуетъ шары и звѣздообразныя лучистыя массы. Роды: *Zygnema*, *Spirogyna*.

Сем. *Ectocarpeae*. Всѣ представители его живутъ въ морѣ и состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ конферовидныхъ клѣтокъ. Плоды ихъ суть боковыя, темнокоричневаго цвѣта споры, развивающіяся изъ конечной клѣтки вѣтви. Родъ *Ectocarpus*.

Сем. *Ulvaceae*. Клѣтки его, расположенныя въ одной плоскости, сростаются въ листоватый изогнутый слой или образуютъ трубчатое или пузыристое, внутри полое, тѣло. Споры разбросаны безъ порядка. Роды: *Prasiola*, *Enteromorpha*, *Porphira*.

Сем. *Batrachospermeae*. Развѣтвленныя растеньца, живутъ въ водѣ; у основанія онѣ расплываются въ слизистую массу, которая въ видѣ коры облекаетъ поверхность предметовъ, на которыхъ они сидятъ. Изъ этой слизистой массы подымается

къ верху главный побѣгъ, который состоитъ изъ одного ряда клѣтокъ, окруженнаго снаружи еще слоемъ клѣтокъ. Образование этого слоя клѣтокъ весьма замѣчательно: боковыя вѣтви, достигнувъ полнаго развитія, посылаютъ внизъ по стеблю до слѣдующаго круга вѣтокъ отроги, которые плотно прилегаютъ къ стеблю и между собой сливаются въ одинъ наружный, отовсюда сомкнутой слой клѣтокъ. Плоды развиваются на боковыхъ вѣтвяхъ, отгораживаніемъ послѣдней клѣтки вѣтки; находясь въ большомъ количествѣ, онѣ скучиваются въ клубки. Родъ *Batrachospermum*.

Сем. *Fusaceae*. Растенія морскія, прикрѣпляются къ предметамъ расширеннымъ основаніемъ, изъ котораго выдвигается стебель, расширяющійся въ видѣ листа. Онъ плотной консистенціи, оливковаго, зеленаго или бураго цвѣта, дихотомически развѣтвляется. Родъ *Fucus*.

Сем. *Florideae*, исключительно живутъ въ морѣ и отличаются своимъ яркимъ, краснымъ цвѣтомъ. Споры обыкновенно сидятъ по 4 въ одной оболочкѣ, оставшейся въ матерней клѣткѣ, всегда краснаго или буровато—краснаго цвѣта. Ихъ называютъ *tetrachocarpia* (Vierlingssporien). Кромѣ ихъ находятся еще другаго рода споры, соединенныя въ неопредѣленномъ числѣ въ отдѣльныхъ полостяхъ, такъ называемыхъ *cystocarpia*. Роды: *Callithamnion*, *Ceramium*, *Sphaerococcus*.

Переходныя формы.

Огромный пробѣлъ, замѣчаемый между простѣйшими инфузоріями и водорослями, выполняется цѣлою группою, такъ называемыхъ, переходныхъ животно-растительныхъ организмовъ. Организациа ихъ представляетъ нѣчто среднее между водорослями и инфузоріями. Во всѣхъ изъ нихъ есть сокращающіяся пространства и всѣ, въ извѣстный періодъ жизни, плаваютъ совершенно свободно. Движенія ихъ до того сходны съ движеніями инфузорій, что тѣ естествоиспытатели, которые принимаютъ произвольное движеніе непремѣннымъ признакомъ животнаго организма считаютъ ихъ за инфузорій. Исторія развитія, напротивъ того, показываетъ такую безспорную аналогію съ развитіемъ несомнѣнно растительныхъ организмовъ, что Контъ и др. считаютъ организмы эти водорослями. Представляя въ жизни своей то неподвижныя, то подвижныя формы, они въ первомъ состояніи описаны были ботаниками за растенія, а подвижныя ихъ формы зачислены были въ инфузоріи. Совершенное недоумѣіе овладѣло естествоиспытателями,

когда доказано было, что предполагаемыя животныя и растенія суть различныя степени развитія только одного и тогоже организма. Не знали куда ихъ отнести. Зоологи считали ихъ все-таки животными, ботаники—водорослями. Чѣмъ болѣе изучали высшіе организмы, тѣмъ болѣе оказывалось переходныхъ формъ, тѣмъ рѣзче выказывалась неестественность и искусственность рубежа, проводимаго естествоиспытателями между обоими царствами. Главные представители этой группы слѣдующіе:

Сем. *Monadineae*. Тѣло ихъ состоитъ изъ клейкаго, по видимому однообразнаго, вещества, способнаго измѣнять свою форму. Въ однообразной массѣ отличаютъ только сокращающія пространства. Рѣсничекъ одна или нѣсколько; кромѣ того они иногда еще снабжены прибавками боковыми или въ видѣ хвоста. Роды: *Monas*, *Uvella*, *Anthophisa*.

Сем. *Thecamonadina* Duj; недѣлимая, обыкновенно окрашенная, одѣтая несокращающимся перепончатымъ или твердымъ и хрупкимъ панциремъ. Не имѣютъ другихъ органовъ, движенія, кромѣ одного или нѣсколькихъ нитевидныхъ бичей, какъ и *Astoma*. Въ тѣлѣ ихъ невидны никакихъ органовъ, кромѣ сокращающихся пространствъ. Роды: *Cryptomonas*, *Phacus*.

Сем. *Peridineae* отличается твердымъ роговымъ кремнистымъ черепкомъ, который вытянутъ иногда въ длинные концы. На черепкѣ замѣтна косвенная щель, усѣенная кругомъ рѣсничками, и еще нитевидный хоботокъ, выпускаемый изъ определенной точки черепка. Въ ископаемомъ состояніи черепки ихъ находятся въ кремняхъ. Родъ: *Peridium*.

Для наблюденія ископаемыхъ панцирей *Peridinida* и вообще ископаемыхъ инфузорій поступаютъ слѣдующимъ образомъ: берутъ мѣлъ или кремнь, размельчаютъ ихъ и положивъ нѣсколько порошка на стеклянную пластинку, выливаютъ на него каплю канадскаго бальзама. Покрываютъ все это еще тоненькимъ стеклышкомъ (*Deckblättchen*) и осторожно нагреваютъ надъ пламенемъ свѣчи. Капля бальзама расплывается и, проникая въ тоже время порошокъ мѣла или кремня, дѣлаетъ его прозрачнымъ. Нагреваніе надо вести осторожно и никогда не доводить до кипѣнія бальзама. Положивъ потомъ препаратъ подъ микроскопъ, мы увидимъ, что каждая отдѣльная частичка есть скопленіе черепковъ несколькихъ ископаемыхъ организмовъ.

Сем. *Astasia*. Тѣло гладкое, снабженное спереди только одною или двумя рѣсничками; оно весьма измѣнчивой формы. Отличается весьма большою сократительностью. Бываетъ обыкновенно

краснаго или зеленаго цвѣта, иногда еще съ краснымъ пятномъ съпереди. Роды: *Dinobryon*, *Astasia*, *Euglena*, *Chlorogonium*.

Сем. *Volvocineae*. Недѣлимые живутъ отдѣльно или цѣлыми обществами; они обыкновенно зеленаго цвѣта. Каждое недѣлимое имѣетъ одну или двѣ рѣспички. Тѣло каждаго недѣлимаго состоитъ изъ смѣшенія плазмы съ хлорофилемъ или же краснымъ маслянистымъ веществомъ. Въ немъ ничего нельзя отличить за исключеніемъ *nucleus'a*, нѣсколькихъ зернышекъ крахмала и сокращающихся пространствъ. Два бѣла, надушіе отъ слизистаго содержимаго, проходятъ сквозь перепончатую оболочку тѣла, гдѣ они представляютъ два соприкасающіяся отверстія. Конъ (*) дѣлитъ все семейство *Volvocineae* на два отдѣла: самую простую форму перваго отдѣла представляетъ *Chlamydomonas*; для втораго—*Chlamydococcus*. Разница между ними заключается въ томъ, что въ первомъ родѣ облекающая оболочка плотно прилегаетъ къ содержимому, какъ въ большей части растительныхъ клѣтокъ, между тѣмъ какъ у *Chlamydococcus* между слизистымъ содержаніемъ и оболочкою находится еще довольно толстый слой воды. Отъ слизистой массы идутъ лучистыя удлиненія къ стѣнкамъ оболочки клѣтки. Роды: 1) по типу *Chlamydomonas*, *Gonium*, *Eudorina*. 2) по типу *Chlamydococcus*, *Volvox*.

Сем. *Diatomaceae*. Маленькіе, микроскопическіе большею частью одноклѣтчатые организмы, живутъ отдѣльно или соединены въ колоніи, плавающія свободно или сидящія на одномъ общемъ развѣтвляющемся стеблѣ. Они живутъ во всѣхъ сырыхъ мѣстахъ, въ чистой рѣчной водѣ и въ грязныхъ канавахъ и особенно замѣчательны своимъ кремнистымъ черепкомъ, не измѣняющимся ни отъ краснокальнаго шара, ни отъ гніенія. Панцирь представляетъ правильныя, весьма разнообразныя формы. Отличаясь съ одной стороны отъ всѣхъ остальныхъ подорослей своимъ кремнистымъ панциремъ, *Diatomaceae* характеризуются еще отсутствіемъ хлорофила. Окрашивающее ихъ вещество золотисто-желтаго цвѣта, показываетъ относительно основаній и кислотъ другія реакціи чѣмъ хлорофилъ, и называется по этому діатоминомъ. Отдѣльно живущія недѣлимые свободно движутся. Теперь извѣстно до 2000 формъ *Diatomaceae*, изъ коихъ большая часть живетъ въ морѣ. Значительное число ихъ найдено въ ископаемомъ состояніи, такъ что они имѣютъ большое значеніе въ Геогнозіи. Роды. *Diatoma*, *Achnanthes*, *Gomphonema*, *Bacillaria*.

(*) См. *Annales des sciences naturelles*. T. V №6 page c. 323.

Сем. *Desmidiaceae*, маленькія микроскопическія формы, живутъ отдѣльно или соединены въ колоніи, не имѣютъ кремнистаго панцыря и слѣдовательно совершенно уничтожаются отъ сильнаго жара. Содержимое ихъ состоитъ изъ хлорофила, раздѣленнаго центральнымъ зерномъ на двѣ половины. Въ каждой половинѣ находится одинъ или нѣсколько пузырьковъ хлорофила. Роды *Desmidium*, *Closterium*, *Pediastrum*.

Въ видѣ прибавленія я упомяну здѣсь еще объ организмахъ до того мелкихъ, что, при самыхъ сильныхъ увеличеніяхъ микроскопа, они кажутся точками или мелкими тѣлами съ нелѣпыми очертаніями.

Ихъ соединяють въ одно семейство—называемое *Vibrionae*. О нихъ ничего еще не извѣстно. Тѣмъ не менѣе, однако важно обратить на нихъ вниманіе, ибо они развиваются въ огромномъ количествѣ во всякой разлагающейся жидкости и весьма часто попадаютъ при изслѣдованіяхъ микроскопическихъ. По формѣ, величинѣ и движенію ихъ, отличаютъ слѣдующіе роды: *Bacterium*, *Vibrio*, *Spirillum*.

Разсматривая внимательно какуюнибудь изъ большихъ инфузорій напр. *Paramecium*, *Stylonychia* и т. п. можно отличить въ тѣлѣ ея слѣдующія части: 1) свѣтлыя кружки, заключающіе въ себѣ проглоченную пищу животныхъ, которые одни называютъ вакуолями, другіе желудочками; 2) пульсирующія пространства; 3) круглое или продолговатое, болѣе твердое тѣло—*nucleus*; 4) и наконецъ, въ нѣкоторыхъ инфузоріяхъ, красное пятно, которое Эренбергъ принималъ за глазъ.

Разберемъ каждую часть отдѣльно: 1) Вакуоли наполнены пищею, или Эренберговы желудки. Чтобы видѣть образованіе и строеніе вакуолей весьма удобно распустить въ водѣ, содержащей инфузорию, какойнибудь безвредной растительной краски напр. индиго или кармину. Инфузорія жадно поглощаетъ ее; приведенныя рѣсничками въ быстрое вращательное движеніе, частички краски ясно обозначаютъ форму водоворота, произведеннаго инфузоріею. Вода съ силой ударяетъ объ основаніе отверстія рта и, привлекая съ собою мелкія частички краски, частію осаждаетъ ихъ на внутреннихъ стѣнкахъ его, частію вымываетъ. Осажденныя крупинки, проникая далѣе, скручиваются въ шарикъ, который, достигнувъ значительной величины, втѣсняется въ тѣло животнаго (или по номенклатурѣ Лахмана въ большую

пищеприемную полость—*Verdauungshöhle*). Образование одного шарика за другимъ слѣдуетъ весьма быстро, такъ что чрезъ нѣкоторое время все тѣло инфузоріи наполняется шарообразными окрашенными вакуолями. Вдавленный въ тѣло животнаго шарикъ, отъ сообщеннаго ему толчка, движется нѣкоторое время по силѣ инерціи, наконецъ останавливается, и, увлеченный круговымъ вращеніемъ всего содержимаго инфузоріи, пробѣгаетъ все тѣло животнаго и извергается наружу чрезъ заднепроходное отверстіе.

Вакуоли эти давно уже были замѣчены микрографами. Глейхенъ (*) принималъ ихъ за яйца животнаго, и видя, что карминъ, которымъ онъ первый началъ кормить инфузорій, окрашиваетъ ихъ, приписывалъ это окрашиваніе особенному средству яицъ съ карминомъ. Въ окрашенныхъ карминомъ испражненіяхъ онъ видѣлъ выброшенныя къ наружи яйца животнаго. Онъ давалъ инфузоріямъ кармина, надѣясь по средствомъ его произвести въ нихъ такое же окрашиваніе внутреннихъ органовъ, какое получаемъ мы напр. въ костяхъ голубей, кормя ихъ этою краскою продолжительное время. Эренбергъ первый употребилъ это средство, чтобы уяснить себѣ строеніе органовъ пищеваренія. По его мнѣнію, шарообразныя окрашенныя вакуоли суть отдѣльные желудки животнаго, соединенные каналами съ общимъ, изогнутымъ въ видѣ петли, кишечнымъ каналомъ, паущимъ отъ отверстія рта и оканчивающимся заднепроходнымъ отверстіемъ. Круговращеніе содержимаго животнаго опровергаетъ это воззрѣніе. Въ первый разъ оно было открыто Густавомъ Карусомъ (а не Фоке какъ справедливо замѣчаетъ *Leidig*) у *Loxodes Bursaria*. Наблюдая зеленыя частички, проглоченныя этой инфузоріей, онъ замѣтилъ, что одна и таже частичка сдѣлала нѣсколько оборотовъ вдоль внутреннихъ стѣнокъ тѣла животнаго, что вовсе не могло бы имѣть мѣста, если бы каждый отдѣльный шарикъ имѣлъ собственную оболочку. Первоначальное объясненіе Эренберга медленнаго передвиганія содержимаго, перемѣщеніемъ самихъ желудковъ, оказалось теперь неудовлетворительнымъ. Онъ оставилъ его, стараясь объяснить эти явленія болѣзненнымъ состояніемъ желудка, въ которомъ, по его мнѣнію, полости всѣхъ частныхъ желудковъ слились въ одну большую общую полость (**). Это объясненіе неудовлетворительно, потому что пища принятая животнымъ во время этого

(*) *Abhandlungen über die Sonnen-und Infusionsthierchen.* pag. 140.

(**) См. *Müllers Archiv.* 1839 стр. 81.

болѣзненнаго состоянія не могла бы, ни въ какомъ случаѣ, принимать формы шарообразной. Мы видимъ однако, что образованіе шарообразныхъ кучекъ пищи происходитъ и въ этомъ случаѣ. Наконецъ, наблюдая Эренберговы желудки, легко замѣтить, что весьма часто одинъ желудокъ распадается на два, на три и болѣе; нѣсколько желудковъ сливаются въ одинъ большой; отдѣльные желудки лопаются совершенно, выливая содержимое свое въ тѣло животнаго; а, съ другой стороны, внезапно въ тѣлѣ животнаго появляются новыя желудки. Всѣ эти факты противорѣчатъ, предполагаемому Эренбергомъ, строенію пищепріемнаго канала, и по этому ученіе его о желудкахъ инфузорій должно быть въ настоящее время рѣшительно отвергнуто.

Переходные организмы, не имѣющіе отверстія рта въ тѣлѣ, чрезъ которое могли бы входить внутрь тѣла твердыя частички, питаются всасываніемъ жидкостей всею поверхностію своего тѣла. Иногда всасываемая жидкость собирается внутри тѣла въ шарообразныя вакуолы, которыя неправильно считали за желудки. Лацманъ (*) приписываетъ отверстіе рта и переходнымъ формамъ, какъ то *Monadinae*, *Astasiae*, *Volvocinae* и др. на томъ основаніи, что онъ видѣлъ его у сроднаго съ ними сем. *Monadinae* (объ этомъ смотри ниже).

Совершенно особенный способъ питанія представляетъ *Acineta*. Уже давно замѣтили, что инфузоріи, проходящія мимо лучей *Acineta*, вдругъ какъ будто прилипаютъ къ концамъ лучей, и если имъ не удастся въ скоромъ времени оторваться, то они умираютъ. Въ послѣдствіи оказалось, что *Acineta* посредствомъ этихъ лучей высасываетъ прилипающихъ къ нимъ инфузорій. На концѣ каждый лучъ расширенъ въ широкую присасывательную плоскость. Лучи сокращаются и становятся толще. Во время всасыванія число вливающихъ въ пойманную инфузорію лучей все болѣе и болѣе увеличивается. Частицы тѣла высасываемаго животнаго двигаются по укоротившимся лучамъ и, вливаясь въ тѣло *Acineta* слабою струею, собираются въ капли, которыя сливаются въ одну большую. Блѣдно — прозрачная *Acineta*, отъ переливагося въ нее большаго количества всосанныхъ частицъ тѣла инфузоріи, темнѣетъ, принимаетъ зернистое строеніе и дѣлается непрозрачною. Образовавшіеся пузырьки и капли, происходятъ не иначе какъ въ самой полости тѣла *Acineta*, ибо они гораздо больше частицъ протекающихъ по лучамъ. Тѣло высасаннаго

(*) См. его ст. *Über die Organisation der Infusorien* и т. д. въ *Müllers Archiv*. 1856 г. тетр. 4, ст. 369.

животнаго совпадаетъ и животное умираетъ; иногда расплывается уже при самомъ началѣ высасыванія; въ другомъ же случаѣ живетъ очень долго. Изъ большихъ животныхъ напр. *Stylonychia mytilus*, *Paramecium*, *Aurelia* и проч. *Asineta* высасываетъ содержимое въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Примѣч. Лахманъ отличаетъ у *Vorticella* нѣсколько отдѣловъ въ полости органовъ пищеваренія: 1) углубленіе, въ которомъ находится отверстіе рта и задняго прохода—*vestibulum*; 2) короткую трубку идущую отъ отверстія рта—пищеводъ (*oesophagus*); 3) нѣсколько болѣе широкую веретенообразную часть—глотку (*pharynx*), изъ которой пища попадаетъ въ большую полость пищеваренія и изъ нее уже выбрасывается чрезъ заднепроходное отверстіе. Глотка, по мнѣнію Лахмана, выстлана оболочкою, отъ которой она сохраняетъ свою форму и не заключая въ себѣ кусковъ пищи. Пищеводъ у *Vorticellina* и еще у многихъ другихъ инфузорій (особенно ясно у *Paramecium*), по наблюденіямъ Лахмана, покрытъ внутри рѣсничками. Расширенія же его въ *pharynx* онъ ни у какаго другаго семейства кромѣ *Vorticellina* не видалъ. Существованіе всѣхъ этихъ частей однако весьма еще сомнительно.

Описанныя нами вакуоли не надо смѣшивать, съ такъ называемыми, пульсирующими пространствами, которыхъ иногда также бываетъ нѣсколько. Сокращеніе и расширеніе ихъ происходятъ ритмически. Они или совершенно круглыя или, отъ выходящихъ отъ нихъ капальцевъ, кажутся звѣздообразными напр. у *Paramecium*. У *Vorticella nebulifera* Лахманъ наблюдалъ сокращающееся пространство, находящееся тотъ-часъ подъ верхнею площадкою рѣсничнаго аппарата, съ однимъ выходящимъ изъ него капаломъ, который происходилъ въ *vestibulum* и наполнялся жидкостію при сокращеніи пульсирующаго пространства. Эренбергъ видѣлъ въ нихъ систему сосудовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ нихъ жидкость казалась нѣсколько окрашеною, принималъ ихъ за желудки; тамъ гдѣ они встрѣчались по одному или по два, онъ описываетъ ихъ за сѣмянные желѣзки, которыя, сокращаясь, должны были разпирать сѣмя и оплодотворять яйца инфузорій, заключенныя въ тѣлѣ инфузорій; наконецъ если ихъ было много вмѣстѣ, то одни, совершенно по произволу, онъ принималъ за сѣмянные желѣзки, другія же за желудки. Оскаръ Шмидтъ полагалъ, что пульсирующее пространство открывается къ наружи сквозь тѣло животнаго, основываясь на томъ, что во 1-хъ онъ непосредственно видѣлъ это отверстіе у *Bursaria* и *Paramecium* и во 2-хъ, по его мнѣнію, по этой же причинѣ пульсирующее пространство начинаетъ расширяться и сокращаться съ края обращеннаго къ наружи. Это мнѣніе проверяется въ первомъ пунктѣ тѣмъ,

что Клапаредъ, наблюдая пульзирующее пространство у *Astiporphus sol*, при самыхъ точныхъ пѣслѣдованіяхъ, не видѣлъ этого отверстія; далѣе, видимое Шмидтомъ отверстіе у *Bugaria* есть, по наблюденіямъ Либеркюна, заднепроходное отверстіе, изъ котораго, и во время самой діастолы пульзирующаго пространства, извергаются къ паружи мелкія частички, что никакъ не могло бы имѣть мѣста, если бы это было отверстіе пульзирующаго пространства. По мнѣнію Зибольдта, это суть ничто иное какъ полости слизистаго пласта тѣла животнаго, наполняющіяся по временамъ пластическою жидкостью, вытекающею изъ полостей тѣла, которую они, сокращеніемъ своимъ, распространяютъ опять по тѣлу животнаго; а по этому, онъ видитъ въ нихъ простѣйшее проявленіе системы кровообращенія и круговращенія питательныхъ соковъ. Въ противоположность Зибольдту, Лахманъ (*) рассматриваетъ пульзирующія пространства и ихъ вѣтви, какъ систему сосудовъ; не имѣя однако возможности обнаружить оболочки ни въ сокращающихся пространствахъ, ни въ вѣтвяхъ ихъ, онъ заключаетъ о ея присутствіи по слѣдующимъ двумъ наблюденіямъ: 1-е надъ прохожденіемъ шарообразныхъ массъ испражнений у *Spirostomum ambiguum*, между пульзирующимъ пространствомъ и поверхностью тѣла, гдѣ, сжатая въ узкомъ пространствѣ при проходѣ своемъ съ одной стороны, она вдавливаются внутрь, въ видѣ полушара, стѣнки пульзирующаго пространства, но не входятъ въ полость его и 2-ое надъ сокращающимся пространствомъ у *Astiporphus*, которое по его мнѣнію не было-бы въ состояніи противустоять столь сильному сжатію и расширенію и должно было бы лопнуть, если бы не имѣло оболочки. Оба эти довода однако ни мало не указываютъ на необходимость присутствія оболочки, ибо явленія эти могутъ быть объяснены удовлетворительно, если предположить въ самой тягучей массѣ тѣла плотность способную превозмочь, оказываемое на нее давленіе. Слѣдовательно и предполагаемая Лахманомъ кровеносная система у инфузорій теперь не можетъ быть принята. Мнѣніе Зибольдта, хотя весьма вѣроятно, также еще не подтверждено фактами; такъ что, до сихъ поръ, мы знаемъ только о существованіи сокращающихся пространствъ, не имѣя возможности опредѣлить ихъ значенія для организма.

Сокращающіяся пространства находятся болѣе въ наружномъ слое тѣла.

Примѣчаніе. Число сокращающихся пространствъ не постоянно: у *Vorticella*, *Epistylis*, *Loxodes*, *Stylonychia mylitus*, *Eu-*

(*) Lachman. Mül. Arch. 1856 тетр. 4, ст. 377 и 378.

plotes patella—одно; у *Actenophrys*, *Bursaria*, *Trichodina*—одно или два; у *Nassula elegans* ихъ 4-е; всѣ лежатъ въ одномъ доле-вомъ ряду, вдоль спины животнаго; у *Trachelius melcagris* тянется рядъ изъ 8—12 круглыхъ сокращающихся пространствъ съ боку тѣла; у *Amphileptus* отъ 5—16 правильно расположенныхъ; у *Stentor*'а бросается въ глаза пульзирующее пространство на передней части тѣла, и еще нѣсколько ихъ съ боку тѣла, соединенныхъ иногда длиннымъ каналомъ; наконецъ у *Spirostomum ambiguum* тянется сокращающееся выстилка въ видѣ длиннаго пульзирующаго пространства по всей длинѣ тѣла.

Если будемъ сдвигать постепенно какую нибудь инфузорию между двумя стеклышками, то все тѣло ея расплывается, исключая круглаго или продолговатаго зерна (*nucleus*). Значеніе его для жизни инфузоріи не вполнѣ извѣстно; мы знаемъ только то, что оно иногда играетъ важную роль при образованіи такъ называемыхъ подвижныхъ зародышей и дѣленіи (объ этомъ смот. ниже). Масса его однообразная или мелкозернистая. Оно окружено, понаблюденію Штейна, особенною оболочкою. Внутри его, или близъ него находится еще маленькое круглое тѣло *nucleolus*. Зибольдъ полагаетъ, что *nucleus* свободно лежитъ въ слизистой массѣ тѣла животнаго, основываясь на томъ, что часто ему удавалось наблюдать вращеніе его внутри тѣла, спокойно стоящей инфузоріи. По мнѣнію же Лахмана, *nucleus* вѣроятно прикрѣпленъ неподвижно къ тѣлу инфузоріи (*), ибо еще не видѣли, чтобы онъ участвовалъ въ круговращеніи содержащаго. Выше приведенныя наблюденія онъ предполагаетъ ошибочными потому, что Зибольдъ принялъ въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, за *nucleus* одинъ изъ вращающихся зародышей, которые тогда еще не были извѣстны.

У весьма многихъ инфузорій находится постоянно одно красное пятно. Эренбергъ, первый наблюдавшій его, счелъ его за глазъ. Тщетно однако искали около него преломляющаго чечевицеобразнаго тѣла. Только у *Ophryoglena flavicans* Либеркюнъ (**) замѣтилъ прозрачное твердое тѣло въ видѣ мениска т. е. диска вогнутаго съ одной стороны и выпуклаго съ другой; это тѣло не имѣетъ однако, какъ кажется, близкаго соотношенія съ окрашеннымъ пятномъ, ибо *Ophryoglena atra* имѣетъ одно только красное пятно безъ мениска, а у *Bursaria flava* есть менискъ, но нѣтъ окрашеннаго пятна. Открытіе такихъ же пятенъ у подвижныхъ растительныхъ клѣточекъ (см. ниже), ясно доказываетъ, что красныя пятна инфузорій не суть глаза.

(*) A. Lachman U. die Org. der Inf. стр. 359.

(**) См. Lieberkühn Beiträge zur Anat. d. Infusor. Müll. Arch. стр. 23.

Дѣйствуя алькоголемъ на рѣснички инфузорій, Контъ (*) отдѣлялъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ наружную кожицу, cuticula, съ рѣсничками въ видѣ мѣшка, и отличаетъ въ прежде называемой оболочкѣ еще два пласта: 1) внутренній, вращающійся и 2) наружный, довольно толстый слой, совершенно неподвижный, названный корковымъ слоемъ (Rindenschicht). Признавая инфузорій одноклѣтчными организмами, Контъ считаетъ корковій слой за оболочку клѣтки, а внутренній пластъ за содержимое клѣтки.

Наконецъ упоминаемъ еще о сократительной ткани у *Vorticella* и *Epistylis plicatilis*. У основанія чашки тѣла этихъ животныхъ, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ Эренбергъ рисовалъ два мускула, Лахманъ и Клапаредъ отличили сократительный слой ткани въ видѣ полого конуса. Особенно ясно, по ихъ словамъ, видѣли они его во время сокращенія *Epistylis plicatilis*.

Не у всѣхъ инфузорій находятся однако разсмотрѣнныя нами части. У довольно большой инфузоріи напр. *Opalina gaganum* нельзя отличить внутри тѣла никакой организаціи.

У цѣлаго отдѣла инфузорій нѣтъ уже отверстія рта. Пульзирующие пространства оказались почти у всѣхъ инфузорій и переходныхъ формъ. Зерно составляетъ принадлежность почти всѣхъ инфузорій, переходныхъ формъ и весьма многихъ водорослей. Красное пятно, столь характерное для нѣкоторыхъ инфузорій, встрѣчается и у большей части переходныхъ формъ и у многихъ подвижныхъ крупинокъ водорослей. Кромѣ означенныхъ частей, у *Loxodes Bursaria* встрѣчаются зернышки хлорофія. У *Euglena* кромѣ хлорофія есть еще вещество похожее на крахмалъ—*paramylum*. Хлорофилъ и крахмалъ составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ почти водорослей, за исключеніемъ весьма не многихъ. Cuticula инфузорій, покрытая рѣсничками, вполне соответствуетъ cuticula водорослей. Непосредственно подъ cuticula слѣдуетъ оболочка, которая выстилается съ внутренней стороны слоемъ густой слизи (*Primordialschlauch*—первичный мѣшокъ Моля). При значительной толщинѣ слоя, Прингсгеймъ отличаетъ въ немъ два пласта: 1) *Hautschicht*—наружный, болѣе жидкій, безцвѣтный и 2) *Körnerschicht*—внутренній, заключающій въ себѣ зерна хлорофія. Въ клѣткахъ водорослей часто бываетъ замѣтно довольно быстрое вращеніе содержимаго, особенно ясно на границѣ слизистаго слоя и жидкаго содержанія клѣтки. Въ этомъ движеніи перѣдко участвуетъ и зерно.

(*) Sieb. und Köll Zeitschrift für wiss. Zool., T. 5, стр. 420.

Сдѣлать только положить въ воду кусокъ мяса или, еще лучше, размочить нѣсколько земли, взятой изъ высохшей канавы, въ которой прежде была вода богатая инфузоріями, чтобы чрезъ нѣсколько времени получить настои богатый инфузоріями и нисшими растительными организмами. Для объясненія этого факта принимали, что появляющіеся организмы образуются непосредственно изъ распадающихся растительныхъ и животныхъ веществъ. Въ послѣдствіи же оказалось, что вовсе не нужно принимать, для большей части случаевъ, добровольнаго зарожденія и что гниющія органическія вещества не превращаются непосредственно въ организмы, но доставляютъ только обильную пищу и матеріалы для развитія изъ вѣ попавшихъ, невидимыхъ простымъ глазомъ, зародышей. Зародыши эти плаваютъ въ воздухѣ, уносимые вѣтромъ, вѣсятъ съ пылью, съ мѣста гдѣ жили животныя. Какъ странно не кажется съ перваго раза такого рода положеніе, однако нельзя сомнѣваться въ его существованіи, ибо оно подтверждается несомнѣнными фактами. Гуавати первый открылъ, что нѣкоторыя инфузоріи, при недостаткѣ воды, свертываются въ шаръ и высачиваютъ вокругъ себя прозрачную оболочку. Онъ видѣлъ въ этомъ—превращеніе животнаго въ яйцо. Штейль, изслѣдовавшій этотъ процессъ подробно, далъ ему должное значеніе и назвалъ свернувшіяся въ шары инфузоріи цистами. Въ новѣйшее время особенно занимался этимъ вопросомъ Профессоръ Ценковский. Онъ распространилъ изслѣдованія свои почти на всѣхъ инфузорій и открылъ цисты весьма многихъ изъ нихъ. Касательно этого предмета Профессоръ Ценковский сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности (*): На поддонникѣ, въ которомъ постоянно находилась вода, онъ ставилъ невысокія подставки и на нихъ предметное стеклышко съ заключенными въ капль воды инфузоріями. Чтобы препятствовать слишкомъ быстрому высыханію, все покрывалось опрокинутымъ стаканомъ. Во влажномъ воздухѣ капля высыхала чрезвычайно медленно и такимъ образомъ, въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, Профессоръ Ценковский могъ слѣдить, чрезъ короткіе промежутки времени, за всѣми замѣненіями однихъ и тѣхъ же формъ. Особенно удобными для изслѣдованія этого оказались большія, плоскія, простымъ глазомъ ясно замѣтныя, формы.

Цисты имѣютъ совершенно такое же значеніе, какъ покоющіяся крупинки нитчатокъ и одноклѣтчатыхъ водорослей. Тѣ и другія при высыханіи не умираютъ: попавши въ воду, воспроизводятъ организмъ. Въ цистахъ *Nassula ambigua* Ehr., суще-

(*) См. Дисерт. Пр. Ценков. стр. VII—XII.

ныхъ въ продолженіи трехъ недѣль, и вновь облитыхъ водою, уже спустя $2\frac{1}{2}$ часа, замѣтно было вращательное движеніе содержимаго, а еще черезъ 2 часа, въ разсматриваемой каплѣ двигались многіе экземпляры, освободившіеся изъ заключающихъ ихъ черепковъ. Изъ цистъ *Stylonychia pustulata*, *Chlorogonium euchlorum*, собранныхъ Проф. Ценковскимъ вмѣстѣ съ *Chlamidococcus pluvialis* и *Philodina roseola* въ Гельсингфорсѣ, въ 1853 г., онъ, при каждомъ смачиваніи водою, получалъ подвижныя формы помянутыхъ организмовъ. Это свойство противустоять дѣйствию засухи, рѣсничныя инфузоріи раздѣляютъ съ моллюсками, (*) кружалками, тардиградами и нѣкоторыми изъ внутренностныхъ (*Anguilula*).

Въ цистахъ рѣсничныхъ инфузорій, въ кружничкахъ одноклѣтчатыхъ водорослей и нитчатокъ, равно какъ въ сушеныхъ кружалкахъ (*Philodina roseola*), жизненные процессы тѣмъ позже возобновляются, при дѣйствіи воды, чѣмъ дольше продолжалось высушиваніе,—при равныхъ другихъ условіяхъ, легче весною и всего труднѣе въ зимнее время. Такимъ образомъ *Philodina roseola*, *Chlamidococcus pluvialis*, смоченныя водою, тотчасъ послѣ высыханія, первая ожила спустя 5 минутъ, второй произвелъ чрезъ нѣсколько часовъ подвижныя формы—сушенныя въ продолженіи 20 мѣсяцевъ требовали для этаго, первая— $\frac{3}{4}$ часа, второй $1\frac{1}{2}$ сутокъ.

Оживаніе сушеныхъ кружалокъ было уже подмѣчено отцемъ микроскопіи—Левенхокомъ. Подтвержденіе этихъ фактовъ опытомъ не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей, и, не смотря на то, Эренбергъ почти до послѣдняго времени отнеслъ ихъ въ область фантазіи, объясняя ихъ самымъ невѣроятнымъ образомъ, пока наконецъ и самъ, въ 1849 году, не убѣдился въ ихъ справедливости (**).

Что происходитъ при этомъ высыханіи: прекращаются ли совершенно всѣ жизненные процессы, или обмѣнъ веществъ совершается съ чрезвычайной медленностію? Слѣдующіе факты, кажется, дѣлаютъ первое предположеніе очень вѣроятнымъ. Изъ изслѣдованій Дойера (***) (*Doyère*) видно, что кружалки послѣ 28 дневнаго высушиванія въ безвоздушномъ пространствѣ, въ присутствіи HOSO_3 и CaCl_2 , оживали при смачиваніи водою. Сушенныя въ сухомъ пескѣ, переносили температуру 56°R ,

(*) Gascoïn Observ. physiologiques sur *Helix lactea* An. d. sc. nat. 3-me série T. XVIII, p. 63.

(**) Monatsberichte d. Preuss. Akademie zu Berlin 1851. Decembr.

(***) A. v. Humboldt Ansichten d. Natur, 1849 T. II, p. 57, 58.

во влажномъ умирали при -44° R. Тардиграды выносили даже 96° R. Воспроизводительныя кліточки грибка *oidium aurantia-sium* не теряютъ прорастительной способности отъ предварительнаго нагрѣванія въ воздухѣ до 78° , въ продолженіи $\frac{1}{2}$ часа. Собранныя Проф. Ценковскимъ цисты: *Nassula ambigua*, *Chlorogonium euschlorum*, *Chlamidococcus pluvialis*, вмѣстѣ съ *Philodina roseola*, послѣ пребыванія въ продолженіи двухъ недѣль въ безвоздушномъ пространствѣ, въ присутствіи HOSO_2 и послѣ нагрѣванія въ сухомъ воздухѣ, въ продолженіи $\frac{1}{4}$ часа, до 70° — 80° R, не умирали. Цисты *Chlorogonium euschlorum* производили даже скорѣе подвижныя формы, нежели безъ нагрѣванія. Пробывши въ этой же температурѣ $\frac{3}{4}$ часа, всѣ, за исключеніемъ *Chlorogonium euschlorum*, погибали, причемъ ткань подвергнутыхъ испытанію организмовъ, по видимому, не измѣнялась.

Высушиваніе подъ колоколомъ воздушнаго насоса не устраняло, можетъ быть, возможности разрѣженному воздуху поддерживать очень медленные жизненные процессы заключенныхъ въ немъ организмовъ. Для устраненія и этой возможности, сушенныя цисты инфузорій и экземпляры *Philodina roseola* положены были въ стеклянныя трубки, на концахъ открытыя; чрезъ нихъ пропускался въ продолженіи получаса водородъ, предварительно высушенный концентрированной сѣрною кислотою; во время его прохожденія, трубки были запалены сначала на одномъ, потомъ на другомъ концѣ. (*) Послѣ четырехъ недѣль вынутыя изъ водородной атмосферы цисты *Nassula ambigua*, *Chlamidococcus pluvialis*, *Chlorogonium euschlorum*, будучи смочены водою, произвели чрезъ 24 часа подвижныя формы. *Chlorogonium euschlorum* и здѣсь оживлялся раньше другихъ. *Philodina roseola* уже чрезъ 20 минутъ обнаружила явственныя движенія.

Въ пользу того мнѣнія, что въ нисшихъ организмахъ могутъ на неопредѣленное время прекращаться всѣ проявленія жизни, говорятъ еще наблюденія Дюмерилля надъ дѣйствіемъ пониженія температуры на амфибій. Лягушка, заключенная въ сосудъ съ воздухомъ при температурѣ -11° — -12° показывала въ тѣлѣ своемъ температуру -0 , 9 , даже -1° . При этой температурѣ она была совершенно неподвижна; всѣ жидкости въ тѣлѣ замерзли; между *pericardium* и стѣнкою сердца находил-

(*) Эти опыты по просьбѣ Пр. Ценк. производилъ бывшій Проф. С.-Петербургскаго Университета Ильенковъ.

ся тонкій слой льда. Не смотря на то, лягушка, пробывъ въ температурѣ—12° два часа, при смачиваніи водою, нагрѣваемому постепенно до +5°, оживла.

Прямое доказательство плавающихъ въ воздухѣ зародышей доставилъ Унгеръ. Онъ положилъ осенью нѣсколько тщательно вымытыхъ стеклышекъ между двойными рамами незаятой ни кѣмъ комнаты и только по прошествіи шести зимнихъ мѣсяцевъ изслѣдовалъ ихъ подъ микроскопомъ. Въ покрывшей ихъ пыли онъ нашелъ четыре довольно сложно организованныя инфузоріи, плодотворную пыль восьми различныхъ видовъ растений, споры одиннадцати грибовъ, одного лишая и наконецъ живые экземпляры нѣсколькихъ испившихъ водорослей.

При быстромъ высыханіи воды, всѣ рѣсничныя инфузоріи расплываются, если не успѣли превратиться въ цисты, исключеніе составляетъ только *Amoeba verrucosa* и *Acineta* sp., которыя при высыханіи, съеживаются вновь смоченныя водою, оживаютъ.

У всѣхъ водорослей и переходныхъ формъ также несомнѣнно существуютъ такого рода фазы развитія, въ которыхъ жизненный процессъ, по видимому, можетъ совершенно прекратиться на неопредѣленно долгое время (объ этомъ см. ниже).

Попадающія такимъ образомъ въ искусственный настой цисты инфузоріи обнаруживаютъ слѣдующія перемѣны. Неподвижная до тѣхъ поръ инфузорія начинаетъ медленно вращаться и, двигаясь все быстрѣе и быстрѣе, разрываетъ оболочку и выходитъ наружу.

У нѣкоторыхъ инфузорій есть двоякаго рода цисты: 1) съ тонкими стѣнками и 2) съ толстыми стѣнками. Въ первыхъ, тотчасъ же послѣ образованія оболочки, содержаніе дѣлится на двѣ или на четыре части, которыя скоро достигаютъ полнаго развитія и, разорвавъ цисту, плаваютъ въ окружающей жидкости самостоятельно. Изъ цистъ съ толстыми стѣнками выходитъ всегда одна только инфузорія; для развитія ея необходимо предварительное высушиваніе цисты, которая, въ противномъ случаѣ, можетъ оставаться безъ перемѣны неопредѣленно долгое время.

Простѣйшіе организмы размножаются весьма разнообразными способами.

Самый обыкновенный, и довольно уже извѣстный, способъ размноженія ихъ есть дѣленіе. Часто въ глазахъ наблюдателя, инфузорія вдругъ образуетъ поперегъ тѣла своего, на срединѣ длины, перехватъ. Кромѣ перехвата никакихъ другихъ перемѣнъ не замѣтно; животное движется по прежнему. Перехватъ

углубляется дальше и дальше, такъ что обѣ половины инфузоріи остаются соединенными только весьма тонкою нитью. Каждая половина инфузоріи начинаетъ обнаруживать самостоятельное движеніе. Соединительная нить разрывается и вмѣсто одной инфузоріи плаваютъ отдѣльно, совершенно самостоятельно, два подобныхъ ей организма.

Не всегда однако бываетъ полное дѣленіе; въ нѣкоторыхъ формахъ постоянно имѣетъ мѣсто дѣленіе не полное, въ слѣдствіе котораго, отдѣлившіяся до половины и болѣе, части недѣлимаго, послѣдовательнымъ дѣленіемъ образуютъ сложныя формы напр. *Sarchesium*, *Epistylis*.

Полагали сперва, что дѣленіе прежде всего обнаруживается въ нуклеусѣ. Но, въ новѣйшее время, показана несправедливость этого предположенія тѣмъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нуклеусъ начинаетъ дѣлиться долгое время спустя, послѣ того какъ начало дѣлиться тѣло инфузоріи. По наблюденіямъ Лахмана, Клапареда, Вигемана, надъ *Stentor*, первымъ признакомъ дѣленія есть образованіе новыхъ сокращающихся пространствъ.

Дѣленіе происходитъ не только поперекъ, но и вдоль животнаго.

- NB. Замѣчательны еще нѣкоторыя аномальческія дѣленія, подмѣченныя Кономъ у *Loxodes Bursaria*, которую онъ воспринималъ на плоскомъ стеклышкѣ для микроскопическихъ наблюденій.

У нѣкоторыхъ, по длинѣ дѣлящихся животныхъ, образовалась съ боку выпуклина, которая, разростаясь, превращалась въ совершенное недѣлимое и, отдѣлившись отъ организма матери, плавала самостоятельно. Поперекъ тѣла дѣлящихся животныхъ, принимали форму двухъ, обращенныхъ другъ къ другу основаніями, конусовъ. Наконецъ Конъ наблюдалъ нѣсколько разъ тройное дѣленіе, гдѣ отгораживающееся недѣлимое, не отдѣлившись еще отъ другой половины животнаго, уже вновь дѣлилось по длинѣ на два.

Этотъ способъ размноженія былъ наблюдаемъ у всѣхъ почти переходныхъ формъ и у всѣхъ водорослей. По причинѣ болѣе плотной консистенціи составныхъ частей клѣтокъ водорослей и всѣ процессы выражаются яснѣе. Въ тѣхъ водоросляхъ, въ клѣткахъ которыхъ нѣтъ зерна, первымъ признакомъ дѣленія есть всегда образованіе поперечной круговой складки первичнаго жѣлка, по срединѣ длины клѣтки. Въ клѣткахъ гдѣ нашли зерно, образованію перегородки предшествуетъ происхожденіе столькихъ зеренъ, на сколько частей разграничивается клѣтка. Зерна эти происходятъ или чрезъ дѣленіе зерна матерней клѣтки, или же образуются вновь изъ пласмы, между тѣмъ какъ старое зерно растворяется. Въ послѣднемъ случаѣ пласма сгущается въ тѣхъ

44 Организмы на границѣ животнаго и растительнаго царства.

мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи появляются новыя зерна, образуя не ясно оконтурованныя массы, болѣе плотныя въ центрѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, дѣлается замѣтнымъ внутри ихъ круглое, ясно ограниченное тѣло, болѣе свѣтлое нежели остальная масса плазмы—вновь происшедшее зерно. Дѣйствуя на дѣлящуюся клѣтку весьма слабыми реактивами, Прингсгеймъ открылъ во всѣхъ случаяхъ, и при самомъ началѣ образованія складки первичнаго мѣшка, кольцеобразную вдающуюся оболочку.

Доказавъ присутствіе оболочки съ самаго начала образованія перехвата, Прингсгеймъ видѣлъ во всѣхъ этихъ случаяхъ вдающуюся круговую, сначала кольцеобразную, оболочку до того тонкою, что ему не удалось никакими средствами разъединить ее и увидѣть въ видѣ складки. Несмотря на это, однако, онъ разсматриваетъ ее, какъ складку вновь образовавшейся около всего дѣлящагося содержанія оболочки, основываясь на слѣдующей аномаліи развитія *Cladophora fracta* и *glomerata* (*). Во многихъ нитяхъ *Cladophora*, воспитываемой долгое время въ комнатѣ въ сосудѣ съ водою, образуется много вдающихся, перѣдко одна въ другую вложенныхъ, круговыхъ складокъ оболочки. Складки эти весьма толстыя, и весьма ясно видны. Онѣ никогда не сходятся и не сливаются въ цѣльную перегородку, какъ это полагалъ Мольтъ, но представляютъ остановившіяся на извѣстной степени развитія перегородки клѣтокъ, и, слѣдовательно, представляютъ случай, который дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что и всѣ молодыя вдающіяся перегородки суть складки вновь образовавшейся оболочки.

У нѣкоторыхъ водорослей, напр. у *Oscillatoria*, какъ кажется, размноженіе дѣленіемъ можетъ продолжаться неопредѣленно долгое время, между тѣмъ какъ у *Desmidiaceae* (**); этотъ процессъ размноженія въ извѣстное время прекращается и замѣняется образованіемъ споръ.

Видоизмѣненный процессъ дѣленія, гдѣ отдѣлившаяся часть вовсе не похожа на остальную, представляютъ способы размноженія дѣленіемъ *Podophrya fixa*. Эту форму Профес. Ценковский нашелъ въ большемъ количествѣ въ настоѣ, гдѣ жили рои *Stylonychia pustulata* и *Styl. mytilus* (***). «Почти каждый экземпляръ Стилонихии обремененъ былъ впившеюся въ него одною или нѣсколькими Подофріями. Отъ этаго, движенія

(*) Pringsheim Untersuchungen über den Bau und die Bildung der Pflanzenzelle стр. 26.

(**) См. Ralfs the Britan. Desmidiaceae.

(***) Диссерт. о высш. водорос. и т. д. Пр. Ценковского стр. 58.

Стилонихин прекращались и, по мѣрѣ того, какъ ихъ тѣло уменьшалось въ объемѣ, Подофія увеличивалась; содержаніе ся густѣло, принимая темный цвѣтъ. Во многихъ, такимъ образомъ откормленныхъ, экземплярахъ кругомъ тѣла, перпендикулярно къ черешку, образовался едва замѣтный желобъ; чрезъ $\frac{1}{4}$ часа желобъ углубился, образуя перехватъ, раздѣляющій тѣло Подофіи на двѣ равныя части. Спустя еще около 10' половина, противоположная черешку, получила цилиндрическую форму, на обоихъ концахъ округленную, по срединѣ нѣсколько изогнутую. Вскорѣ эта половина начала обнаруживать слабыя колебанія, которыя постепенно усиливались до того, что наконецъ цилиндрическая половина оторвалась и убѣжала прочь. Во время дѣленія на обѣихъ половинахъ падалились лучи; при началѣ движенія они остались на задней части цилиндрической половины, а на верхушкѣ, вмѣсто ихъ появились нѣжныя, короткія рѣснички. Отдѣленная часть описывала дугообразныя линіи и приближалась къ освѣщенной сторонѣ капли; лучи совершенно исчезли. Сокращающееся круглое пространство направлено было во время движенія впередъ. По прошествіи 20 минутъ, движеніе прекратилось и тотчасъ же на поверхности остановившейся Подофіи появились короткіе лучи; еще нѣсколько минутъ спустя, цилиндрическая половина приняла форму шара, лучи вытянулись, и такимъ образомъ изъ оторвавшейся половины образовалась совершенная Подофія».

Размноженіе дѣленіемъ подвижныхъ формъ *Chlamidococcus pluvialis* замѣчательно тѣмъ, что въ дѣленіи принимаетъ участіе только одно содержимое кѣтки. Подвижныя формы его останавливаются, обращаютъ рѣснички внизъ и дрожатъ на одномъ мѣстѣ; содержимое отдѣляется отъ прикрѣпляющихъ его къ цѣлюлезной оболочкѣ рѣсницъ и принимаетъ шаровидную форму; на поверхности его обозначается сперва слабый поперечный желобокъ, чрезъ углубленіе котораго оно получаетъ видъ бисквита; отъ верхняго углубленія къ нижнему идетъ чрезвычайно слабо обрисованная линія; перехватъ съ одной стороны врѣзывается глубже; красное вещество, въ началѣ общее двумъ возникающимъ кѣточкамъ, раздѣляется также на двѣ половины. Такимъ образомъ первичная кѣточка раздѣлилась на двѣ, касающіяся одна другой, въ которыхъ красныя пятна обращены другъ къ другу. Молодыя кѣточки наконецъ совершенно разъединяются; на каждой изъ нихъ образуется цѣлюлезная оболочка съ 2-мя рѣсничками. Послѣ непродолжительнаго движенія внутри матерней оболочки онѣ высвобождаются наружу.

Иногда происходитъ дѣленіе содержанія и на 4 части.

Подвижныя формы *Chlorogonium*'а размножаются дѣленіемъ такимъ же образомъ. И здѣсь, какъ и въ *Ch. pluvialis*, дѣленію предшествуетъ поперечный перехватъ первичнаго мышка. Онъ имѣетъ нѣсколько косвенное направленіе, рѣже перпендикулярное, къ длинной оси тѣла хлорогонія. Поперечнымъ дѣленіемъ, по двумъ перекрещивающимся направленіямъ, все содержимое *Chlorogonium*'а распадается, въ скоромъ времени, на множество веретенообразныхъ тѣлъ, расположенныхъ по спирали около вдольной оси *Chlorogonium*'а. Въ продолженіи всего дѣленія замѣтенъ глазъ и рѣсницы. *Chlorogonium* не перестаетъ двигаться и только тогда приотнаавливается, когда гонидіи внутри его обнаруживаютъ движеніе. Оболочка матерней кѣтки на вершинѣ или съ боку прорывается и гонидіи высвобождаются наружу. Они снабжены двумя рѣсницами и вскорѣ отдѣляются наружною безцвѣтною перепонкою, принимая форму взрослого.

Къ числу способовъ размноженія *Podophrya fixa*, *Chlamidoscocus pluvialis*, *Chlorogonium euchlorum*, представляющихъ переходныя явленія къ размноженію посредствомъ подвижныхъ зародышей, присоединяется еще наблюдаемое Докторомъ Вейссе размноженіе *Euglena viridis*.

Наблюдая долгое время *Euglena viridis*, Докторъ Вейссе (*) замѣтилъ, что она въ огромномъ числѣ экземпляровъ опустилась на дно сосуда и, принявъ шарообразную форму, высочила вокругъ себя прозрачную оболочку. Густое непрозрачное содержимое шаровъ *Euglena* вскорѣ распалось на нѣсколько частей. Части эти, сперва неподвижныя, начали обнаруживать содрагательное движеніе, которое становилось все быстрѣе и быстрѣе. Наконецъ прозрачная оболочка лопнула, и монадовидныя существа, выйдя наружу, разбѣжались съ необыкновенною быстротою по разнымъ направленіямъ. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Кромѣ нихъ, въ содержимомъ дѣлящихся шаровъ Докторъ Вейссе подмѣтилъ неподвижные зеленые пузырьки, которые, и по выхожденіи изъ оболочки, оставались неподвижными. Значеніе ихъ вовсе не извѣстно.

Первое наблюденіе, касательно размноженія инфузорій посредствомъ живыхъ зародышей, сдѣлано было Зибольдомъ въ 1835 году надъ паразитными инфузоріями напр. *Opalina*, *Bursaria* (**). Онъ нашелъ въ полости задней части тѣла этой инфузоріи нѣс-

*) См. *Mélanges Biologiques* T. 11 стр. 52.

(**) См. его работы *Ueber die Entwicklung des Manostommmutabile*. *Wiegmanns Archiv*. 1835. I.

колько маленькихъ зародышей. Это наблюденіе было предано забвенію и, только въ 1844 году, Фоке опять вновь открылъ подвижныя зародышы въ *Loxodes Bursaria*. Онъ сообщилъ въ собраніи натуралистовъ въ Берлинѣ, въ 1844 году, что позднѣю осенью и зимою онъ нашелъ нѣсколько *Loxodes Bursaria* съ меньшимъ количествомъ шариковъ хлорофія блѣдно-зеленаго цвѣта. Въ срединѣ тѣла былъ замѣтенъ какой-то непрозрачный органъ. Въ немъ появились вскорѣ отъ 1 до 3 слабо ограниченныхъ пузырьковъ, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ по два сокращающихся пространства, а въ центрѣ своемъ еще болѣе плотный органъ. Это расположеніе сокращающихся пространствъ и плотнаго органа совершенно соотвѣтствовало расположенію тѣхъ же частей въ организмѣ матери. Зеленый цвѣтъ пузырьковъ дѣлалъ ихъ еще болѣе похожими на организмъ матери.

При дальнѣйшемъ розысканіи, ему удалось видѣть выходженіе живыхъ зародышей изъ тѣла матери; по этому онъ разсматривалъ центральный темный органъ *Loxodes Bursaria*, какъ матку, въ которой происходитъ дальнѣйшее развитіе зародышей, образовавшихся по мнѣнію Фоке въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ тѣла.

Наблюденія Фоке были подтверждены Кономъ (*) и Штейномъ (**). Въ нѣсколько другомъ видѣ описываетъ Конъ размноженіе посредствомъ подвижныхъ зародышей у *Loxodes Bursaria*. Между воспитываемыми имъ недѣлимыми *Loxodes Bursaria* показались сперва только нѣсколько, а потомъ и много такихъ, которыя, по видимому, развились нормально и отличались отъ прочихъ только бѣдностью шариковъ хлорофія и не рѣдко огромною величиною своею. Внутри этихъ животныхъ находился одинъ или нѣсколько вѣстѣ большихъ шаровъ, которые Конъ, по отношенію къ ихъ отправленіямъ называлъ зародышами, (*Kame oder Embryonen*), число ихъ простирается отъ 2 до 6 и 8. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ принимали отъ взаимнаго давленія многогранную форму; поперечникъ cadaго простирался $\frac{1}{125}$ до $\frac{1}{100}$ ". Они были совершенно безцвѣтны, съ яснымъ очерченіемъ и наполнены мелкими зернышками. Индивидуальность жизни cadaго изъ нихъ обозначалась двумя сокращающимися пузырьками, которые сокращаясь и растягиваясь попеременно или въ одно время были видны или оба вѣстѣ или же по одиночкѣ. Зародышныя шары лежали свободно въ ясно ограниченной полости тѣ-

(*) Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Infusorien 3 Band Seite 257.

(**) Amtlicher Bericht der Naturforscherversammlung zu Bremen 1844 p. 110.

ла, въ которой открывался узкій каналъ, идущій насквозь тѣла животнаго и оканчивающійся къ наружи воронкообразнымъ расширеніемъ. Конь видѣлъ, что зародышныя шары переходятъ изъ полости тѣла животнаго въ выводящей каналъ, и видѣлъ ихъ медленное движеніе по каналу и наконецъ выходъ наружу. Во время прохожденія ихъ, каналъ расширялся, сдвигая однако притомъ и шаръ, который выходилъ наружу въ видѣ продолговатаго узкаго тѣла. Такъ какъ отъ момента вхожденія въ выходящій каналъ зародышнаго шара до окончательнаго освобожденія его наружу проходило около 20 минутъ, то Копу часто удавалось наблюдать животныхъ съ зародышами вполонину только вышедшими къ наружи. Приходя въ прикосновеніе съ водою зародышъ начиналъ обнаруживать по всей свободной поверхности своего тѣла мерцательное движеніе. Совершенно выйдя къ наружи онъ оставался еще нѣсколько времени неподвижно прикрѣпленнымъ къ тѣлу матери, наконецъ отрывался и быстро начиналъ двигаться въ водѣ. Зародыши имѣли форму округленнаго, сплюснутаго на обоихъ концахъ, цилиндра, иногда въ срединѣ нѣсколько перетянутаго и похожаго формою тогда на бисквитъ. Длина зародыша простиралась отъ $\frac{1}{125}$ до $\frac{1}{70}$ ''' , а ширина отъ $\frac{1}{200}$ до $\frac{1}{160}$ ''' . Они были безцвѣтны, мелкозернисты и характеризовались двумя сокращающимися пространствами. На поверхности ихъ часто видны были маленькіе лучи, оканчивающіеся надутіемъ въ видѣ пуговицы, похожіе на нити слизи, сперва вытянувшіеся, а потомъ слявшіеся опять на концахъ въ надутія. Зародыши производили всею поверхностію своего тѣла мерцательныя движенія и потому двигались совершенно по произволу, какъ вполнѣ развитыя инфузоріи. Убитые же они обнаруживали длинныя рѣснички по всей поверхности своего тѣла. Зерна въ нихъ Конь не нашелъ; отверстія рта какъ онъ полагаетъ у нихъ небыло. Зародыши до того отличались формою своего тѣла отъ организма матери, что, не зная ихъ исторіи развитія, никогда нельзя былобы догадаться о ихъ происхожденіи. Конь никогда не видѣлъ ихъ зелеными, въ противоположность наблюденіямъ Фоке. Они, напротивъ того напоминали собою инфузорій изъ совершенно другихъ семействъ. Принимая ихъ за самостоятельные организмы можно былобы ихъ поставить между *Cyclidina* Эренберга и между *Euscheliens* Дюжардена. По выходѣ одного зародышнаго шара, тотчасъ же вступалъ другой въ выводящій каналъ и чрезъ короткое время такимъ же точнымъ образомъ выходилъ въ воду. Эластическая полость тѣла, заключавшая эти зародыши, по выходѣ ихъ немедленно стягивалась, плотно

обхватывая невышедшіе еще зародышные шары. По этому Конъ предполагаетъ, что тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ только 1 или 2 шара, образовалось сперва нѣсколько шаровъ, которые вышли уже передъ тѣмъ, какъ онъ началъ наблюдать инфузорію. Часто наблюдалъ онъ также, что зародыши, проходя чрезъ выводящій каналъ, не принимали формы сплюснутаго цилиндра, а сохраняли шарообразную форму. Освободившіеся шары эти имѣли до $\frac{1}{100}$ ''' въ діаметрѣ; по всей поверхности тѣла были покрыты рѣсничками и отростками, имѣли по два сокращающихся пространства, какъ и продолговатые, но, по большей части, оставались неподвижными и по выходѣ изъ. Выхожденіе, по Кону, происходитъ не изъ одной опредѣленной точки, а изъ различныхъ сторонъ тѣла животнаго, обыкновенно изъ лѣвой стороны, тотчасъ подъ нижнею выпуклостію заднепроходнаго отверстія, изъ нижней стороны лѣваго и праваго края, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и изъ верхняго. Однажды онъ наблюдалъ выходѣніе двухъ зародышей одновременно изъ двухъ различныхъ мѣстъ, на лѣвомъ краю животнаго. Дальнѣйшая судьба подвижныхъ зародышей неизвѣстна. Во время выходѣнія зародышей, сокращающіеся пузырьки организма матери непрестанно продолжали сокращаться; напротивъ того, вращеніе всего содержимаго въ тѣлѣ животнаго совершенно прекращалось, до выходѣнія послѣдняго зародышнаго шара. По сего выходѣніи, тотчасъ же начиналось снова круговращеніе содержимаго, съ болѣею силою еще, чѣмъ прежде, какъ казалось Кону. Во время дѣленія, вращеніе содержимаго инфузоріи также прекращалось. Организмъ матери, по временамъ пребывавшій совершенно спокойнымъ, безъ движенія, или только весьма медленно двигавшійся во время выходѣнія зародышей; по освобожденіи отъ всѣхъ зародышей, обнаруживалъ опять такуюже быстроту въ плаваніи. Размноженіе посредствомъ зародышей появлялось въ одно и тоже время съ уродливістію формъ животныхъ, дѣлящихся по длинѣ и поперегъ, равно какъ и съ простымъ дѣленіемъ. Далѣе онъ нѣсколько разъ находилъ, что одна изъ половинокъ дѣлящагося животнаго содержала большое число зародышныхъ шаровъ и даже инфузорія дѣлилась во время выходѣнія заключенныхъ въ ней подвижныхъ зародышей. Хотя наблюдаемые Кономъ и Фоке факты весьма сходны, однако они приводятъ къ двумъ различнымъ заключеніямъ. Фоке сообщаетъ, что подвижные зародыши не только формою, но и цвѣтомъ совершенно сходны съ организмомъ матери. Онъ видѣлъ въ этомъ фактѣ размноженіе посредствомъ живыхъ дѣтенышей.

По наблюденіямъ же Кона, подвижные зародыши вовсе не похожи на мать, слѣдовательно, наблюденія его показываютъ существованіе въ инфузоріяхъ періодичности поколѣній, столь распространенной въ другихъ классахъ животныхъ. Фоке кромѣ того принимаетъ, что подвижные зародыши развиваются въ *nucleus* и изъ *nucleus*'а. По наблюденіямъ же Кона, *nucleus* не участвуетъ въ образованіи подвижныхъ зародышей.

Подвижные зародыши были еще подмѣчены въ Ацинетахъ. Штейнъ, первый наблюдавшій образованіе и выходъ ихъ, полагалъ, что они превращаются не въ *Acineta*, а въ *Vorticella*, и что послѣдняя, въ свою очередь, превращается опять въ *Acineta*. Въ этомъ Штейнъ видѣлъ плодосмѣнность поколѣній.

Проф. Ценковскій, положивъ себѣ задачею провѣрить теорію Штейна, нѣсколько разъ слѣдилъ за быстрыми движеніями зародыша *Acineta* до его приостановленія, чтобы непосредственно убѣдиться въ его превращеніи въ *Vorticella*. Для этой цѣли онъ выбралъ нѣсколько большихъ Ацинетъ съ вращающимися зародышами. «Послѣ 4 часовъ, быстрота движеній наблюдаемаго зародыша замѣтно уменьшилась, они сдѣлались болѣе содрогательными, и по временамъ только возвращались быстрые прыжки. Наконецъ зародышъ остановился, его форма сдѣлалась круглою, а на поверхности его появились, въ равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, короткіе, толстые лучи, которые вскорѣ вытянулись въ *tentacula*: однимъ словомъ образовалась *Acineta*. И такъ, о превращеніи подвижныхъ зародышей Ацинетъ нельзя имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія. Конечно эти наблюденія не уничтожаютъ возможности превращенія подвижныхъ зародышей *Acineta* въ *Vorticella*, и цѣль послѣднихъ въ *Acineta*; но поле возможности обширно; все возможно, что только подкрѣпляется фактами.»

Наблюденія Проф. Ценковскаго подтверждены были Лахманомъ и Клапаредомъ (*), а ученіе Штейна опровергнуто.

По наблюденіямъ Лахмана и Клапареда, прослѣдившихъ этотъ способъ размноженія не только у *Acineta*, но и у другихъ животныхъ, *nucleus* играетъ важную роль при образованіи подвижныхъ зародышей.

Участь и дальнѣйшее развитіе подвижныхъ зародышей для большей части вовсе неизвѣстны.

Подобныя явленія можно легко наблюдать и въ водоросляхъ. Первый наблюдавшій ихъ былъ Унгеръ. Онъ видѣлъ, что въ

(*) Lachman: Ueber die Organ. der Infus. стр. 386 и слѣд.

концахъ развѣтленій клѣтки *Vaucheria* содержаніе мало по малу густѣетъ и дѣлается непрозрачнымъ. Черезъ нѣсколько времени оно отгораживается перегородкою отъ остальной полости клѣтки. Въ черной отгородившейся массѣ начинается обнаруживаться движеніе; оболочка, ее окружающая, лопается и, чрезъ образовавшееся отверстіе, густая масса выливается наружу. Въ самый моментъ выходженія, она принимаетъ шарообразную форму. По всей поверхности ея появляются рѣснички. Освободившись наружу, густая зеленая масса начинаетъ двигаться и, вращаясь, перекатывается съ одной стороны на другую. Послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, она останавливается; рѣснички ея исчезаютъ. На шарѣ показывается выпуклина, которая, удлиняясь, мало по малу вырастаетъ въ новую нить *Vaucheria*. Пораженный сходствомъ движенія этого шара съ движеніемъ инфузорій, Унгеръ видѣлъ въ этомъ явленіи: *Die Pflanze im Moment der Thierwerdung*. Движущійся шаръ называютъ подвижною крупинкою. Между тѣмъ какъ въ *Vaucheria* только отгородившаяся часть содержанія клѣтки превращается въ большую, подвижную крупинку, у другихъ водорослей все содержаніе клѣтки распадается на множество мелкихъ подвижныхъ крупинокъ. Крупинки эти не покрыты рѣсничками по всей поверхности, но снабжены одною, двумя или четырьмя и болѣе рѣсничками. Рѣснички эти прикрѣплены на прозрачномъ концѣ. Число ихъ бываетъ у различныхъ родовъ различно. Thuret нашелъ двѣ рѣснички у *Conferva glomerata*, четыре у *Chaetophora elegans* и цѣлый вѣнчикъ у *Oedogonium*.

Многія подвижныя клѣтки водорослей имѣютъ одно или нѣсколько красныхъ пятны, принимаемыхъ Эренбергомъ за глаза этихъ организмовъ, которыхъ онъ считалъ животными. Форма подвижныхъ клѣтокъ, не такъ какъ полагали прежде, совершенно неподвижная, но напротивъ того весьма измѣнчивая; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только наблюдать выходженіе ихъ изъ матерней клѣтки, гдѣ отверстіе, сквозь которое онѣ должны пройти, весьма узко. Стараясь пролѣзть сквозь него, подвижная крупинка вытягивается въ тонкій весьма отростокъ. Въ выдавшуюся къ наружи изъ отверстія часть ея, мало по малу переливается все содержаніе клѣтки. Иногда, не смотря на всѣ усилія подвижной крупинки, ей не удается выдти совершенно наружу. Тогда часть ея, выпятивавшаяся уже изъ клѣтки, отрывается, на ней появляются рѣснички и она плаваетъ самостоятельно, какъ и цѣлая подвижная крупинка.

Видоизмѣненіе описаннаго способа размноженія посредствомъ подвижныхъ крупинокъ представляетъ *Pediastrum* —

въ этомъ организмѣ выходитъ разомъ цѣлая семья подвижныхъ крупинокъ, окруженныхъ общею прозрачною оболочкою. Растеніе это, описанное Эренбергомъ подъ названіемъ *Micrasterias*, представляетъ семейство, состоящее изъ 4, 8, 16, 32 или 64 клѣтокъ, расположенныхъ въ одной плоскости въ видѣ диска, или соединенныхъ между собою на подобіе звѣзды. По наблюденіямъ Брауна, содержаніе клѣтокъ *Pediastrum granulatum* распадается на 4, 8, 16—32 споры, которыя, по разрываніи клѣтки, выходятъ изъ нее, окруженные общею всѣмъ прозрачною нѣжною оболочкою. Послѣ кратковременнаго быстраго движенія, онѣ останавливаются и, группируясь въ одной плоскости въ видѣ звѣзды, срастаются. Нѣжная окружавшая ихъ оболочка исчезаетъ, вѣроятно растворяясь въ жидкости. Движеніе и расположеніе подвижныхъ клѣтокъ въ извѣстномъ порядкѣ у *Pediastrum* вполне соответствуетъ интересному способу размноженія *Hydrodictyon pentagonum*. Здѣсь также приходятъ въ движеніе, хотя и не столь быстро, образовавшіяся въ клѣткѣ споры; послѣ полчасоваго движенія внутри матерней клѣтки, они концами своими прилегаютъ другъ къ другу, перестаютъ двигаться и, сросшись, соединяются въ новую сѣть. Оболочка матерней клѣтки мало по малу растворяется и вновь происшедшая сѣтка вскорѣ достигаетъ совершеннаго развитія. Черезъ три недѣли образуются въ ней опять новыя споры, также сгруппировывающіяся въ сѣтку.

Въ *Gonium* и *Volvox* также образуется цѣлая семья подвижныхъ клѣтокъ, соединяющихся въ послѣдствіи между собою, какъ соответствующія части организма матери.

Описанныя ниже подвижныя формы *Chlorogonium*, *Chlamidococcus*, *Chlamidomonas* и *Euglena* соответствуютъ подвижнымъ крупинкамъ нитчатокъ. Остановившись, онѣ теряютъ также рѣснички и высачиваютъ вокругъ себя прозрачную оболочку. Представляя въ продолженіи всей жизни своей одну шаровидную клѣтку, они переходятъ въ подвижныя формы, дѣленіемъ содержанія формы неподвижной. Стѣнка матерней клѣтки мало по малу вытягивается на одномъ концѣ, наконецъ лопается и, чрезъ образовавшіяся отверстія, молодыя подвижныя крупинки одна за другою выскальзываютъ въ воду.

Этотъ способъ размноженія составляетъ, въ новѣйшее время, по изслѣдованіямъ Проф. Ценковского, цѣлый циклъ развитія *Monas*.

Наблюдая *Spirogyra*, онъ видѣлъ, какъ монады прикрѣплялись въ большомъ числѣ на наружной поверхности ея и, мало по малу пробуравивъ стѣнку, чрезъ нѣсколько времени проникали

внутри членика. Передвигаясь въ членикѣ, они мало по малу расплывались, контуры ихъ становились неясно ограниченными; превратившись въ Амобеа, они двигались посредствомъ вытяжныхъ отроговъ. По прошествіи нѣкотораго времени форма тѣла ихъ опять превращалась въ круглую, ясно очерченную; наконецъ они останавливались и, высачивъ на поверхность свою прозрачную оболочку, превращались въ неподвижные шары, скопляющіеся особенно вдоль стѣнокъ клѣтокъ. Шары эти увеличивались въ объемѣ и, достигнувъ известной величины, пускали маленькіе отростки, которые и пробивали стѣнку клѣтки. На наружномъ концѣ отростки эти лопались и, сквозь образовавшіеся отверстія, выскакивали во множествѣ маленькія монады. Онѣ, послѣ нѣкотораго времени движенія, также прикрѣплялись къ другимъ членикамъ *Spiroguta* и съ ними происходили такіе же процессы.

Третій способъ размноженія *Copulatio* или *Zygosa*—состоитъ у инфузорій въ томъ, что въ двухъ недѣлимыхъ коснувшихся другъ друга, стѣнки прикосновенія сливаются и оба недѣлимые соединяются, производя тѣло бисквитной формы, которая переходитъ при дальнѣйшемъ слитіи въ шаровидную. Бисквитныя формы были известны и прежнимъ наблюдателямъ, но принимались за размножающихся дѣленіемъ инфузорій. Эти наблюденія подтверждены были Зибольдомъ и Штейномъ. *Copulatio* въ *Act. Eichornii* чрезвычайно (*) легко видѣть, если на предметное стеклышко въ каплю воды положить нѣсколько экземпляровъ этихъ организмовъ и лоскуткомъ бумажки привести ихъ въ прикосновеніе. Еще вѣрнѣе удастся опытъ, если съ cadaго экземпляра, которые желаемъ соединить, отдѣлимъ иголкою сегментъ тѣла, и такимъ образомъ обнаженные края двухъ недѣлимыхъ сблизимъ до прикосновенія. Иногда уже чрезъ 8 минутъ перегородка исчезаетъ. Пузыри сталкивающихся краевъ въ глазахъ наблюдателя сливаются другъ съ другомъ, образуя общую обобщенную животнымъ свѣтлую поперечную полосу. Она постепенно принимаетъ цвѣтъ раздѣленныхъ ею темныхъ частей, а бисквитная форма окружности медленно переходитъ въ овальную и потомъ наконецъ въ шаровидную. Такой, изъ соединенія двухъ происшедшій, экземпляръ Проф. Цевковскій соединилъ съ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ и получилъ такимъ образомъ *Actinophrys Eichornii* огромныхъ размѣровъ. Соединеніе многихъ недѣли-

(*) См. Диссер. Проф. Цевковского.

мыхъ въ одно, происходитъ и естественнымъ путемъ; когда въ настояхъ находится множество недѣлимыхъ, то нерѣдко попадаются группы по 2—3—4 и болѣе не вполне соединенныхъ животныхъ. Лучи касающихся экземпляровъ перекрещиваются, сближенные слизистыя поверхности отдѣльныхъ организмовъ сливаются въ одну массу. При разрѣзываніи экземпляровъ на части, каждая округляется подѣ глазами наблюдателя, наружные пузыри свѣтлѣютъ, вытягиваются въ лучи и такимъ образомъ каждая, искусственнымъ образомъ отдѣленная частичка, превращается въ полный организмъ. Экземпляръ, полученный изъ слитія пяти, оставленныхъ на предметномъ стеклышкѣ, въ каплѣ воды, 12 часовъ спустя представлялъ вновь 3-хъ недѣлимыхъ, соединенныхъ свѣтлымъ веществомъ, которое протянуто было между ними въ видѣ тоненькой пузыристой полосы; одно изъ недѣлимыхъ отдѣлилось совершенно, два другія вновь слились.

Оставленные въ другой каплѣ шаровидные экземпляры получили бисквитную форму; по длинѣ короткой оси, однообразная, густая, пѣнистая слизь замѣнилась свѣтлыми прозрачными пузырями; наружный перехватъ, врѣзывавшійся глубже, раздѣлилъ упомянутую свѣтлую полосу на двѣ части, изъ которыхъ каждая составляла наружное свѣтлое ограниченіе одного новаго животнаго. Слѣдовательно перегородка, разграничивавъ будущихъ двухъ животныхъ, въ началѣ не представляла касающихся стѣнокъ глубоко врѣзаннаго перехвата, но произошла независимо отъ послѣдняго изъ массы тѣла животнаго. Такимъ образомъ дѣленіе совершается совокупнымъ участіемъ перехвата и распаденіемъ содержимаго на двѣ партіи. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что бисквитныя формы не всегда показываютъ дѣленіе, какъ полагалъ Эренбергъ, и не всегда составляютъ признакъ копуляціи недѣлимыхъ, а могутъ обозначать и то и другое.—Имѣетъ ли слитіе двухъ и большаго числа недѣлимыхъ въ одно значеніе воспроизводительнаго процесса, должна рѣшить исторія развитія. «Впрочемъ то обстоятельство, что слитые экземпляры опять распадаются на нѣсколько недѣлимыхъ, заставляетъ полагать, что *copulatio* не имѣетъ здѣсь связи съ образованіемъ воспроизводительныхъ клѣточекъ.»

Нѣсколько иначе обнаруживается *Copulatio* у водорослей. Изъ нитчатокъ, его можно часто наблюдать у *Zygnema*. Нити ея располагаются параллельно или зигзагами, и, сближившись, пускаютъ отъ себя, изъ соответственныхъ клѣтокъ, тупые отростки. Отростки двухъ близлежащихъ нитей сталкиваются, перегородка между ними уничтожается, содержаніе одной изъ двухъ соединяющихся клѣтокъ переливается чрезъ образовавшійся каналъ въ другую и

сливается съ ея содержаніемъ, или же содержаніа обѣихъ клѣтокъ сливаются въ самомъ каналѣ въ одну шарообразную массу. Слившіяся содержанія клѣтокъ одѣваются клѣтчатую (cellulose) оболочкою и превращаются въ споры. Моренъ открылъ *Copulatio* у *Desmidiaceae* напр. въ *Closterium*, которое происходитъ у однихъ видовъ совершенно такъ какъ у предъидущихъ, у другихъ же оболочки двухъ близлежащихъ недѣлимыхъ разрываются поперегъ, содержанія обѣихъ клѣтокъ выливаются наружу и сливаются въ одинъ или два, другъ надъ другомъ лежащихъ, шара; въ последнемъ случаѣ каждый изъ шаровъ образуется чрезъ сліяніе содержамаго двухъ соотвѣтствующихъ половинокъ обѣихъ недѣлимыхъ (*). Нѣсколько видовъ *Copulatio* открылъ *Thwaites* у *Diatomaceae* въ *Eunotia turgida* и *Epithemia gibba*. Два другъ къ другу приближившіяся недѣлимые, растрескиваются по срединѣ, по направленію длиннаго діаметра, изъ трещинъ обѣихъ появляются четыре отрога расположенныхъ попарно, одинъ противъ другаго. Соотвѣтствующіе отроги сливаются въ два, другъ надъ другомъ лежащія, шара, которые заключаютъ въ себѣ содержаніе обѣихъ недѣлимыхъ; оба шара удлиняются мало помалу въ два поперегъ лежащихъ цилиндрическихъ тѣла; вѣжная окружающая ихъ оболочка утолщается; они становятся угловатыми и принимаютъ форму двухъ поперегъ бороздчатыхъ *Diatomaceae*, которые гораздо больше и длиннѣе нежели имъ предшествовавшія (**).

Процессъ *Copulatio* весьма загадоченъ; такъ какъ отъ *Copulatio* одноклѣтчатыхъ водорослей образуется обыкновенно два, а иногда только одно недѣлимое, то и *Copulatio* имѣетъ слѣдствіемъ не размноженіе недѣлимыхъ, но, на противъ того, уменьшеніе числа ихъ. Такъ какъ у большей части копулирующихъ водорослей не видѣли еще прорастанія образовавшейся при *Copulatio* массы, то, вѣроятно, что образующіеся шары будутъ не споры, а только спорангіи т. е. клѣтки, въ которыхъ впоследствии разовьется множество воспроизводительныхъ клѣтокъ.

Кромѣ трехъ приведенныхъ, общихъ инфузоріямъ и водорослямъ, способовъ размноженія, извѣстны еще нѣсколько свойственныхъ исключительно только нѣкоторымъ инфузоріямъ или нѣкоторымъ водорослямъ. Къ этой категоріи относится размноженіе почками *Vorticella*, мало извѣстный еще способъ размноженія *Vorticella nebulifera* и *Nassula viridis* и размноженіе посредствомъ половыхъ отношеній у нѣкоторыхъ водорослей.

(*) См. Ehr. T. V и VI и Tab. XXIV до XXX.

(**) См. Annals of natural history XX, 9. 343.

Размноженіе почками замѣчено теперь только у *Vorticella* и *Asineta*. Почки появляются на границѣ тѣла животнаго и стебелька, въ видѣ борлаватчатыхъ отростковъ. Разрастаясь, отростки получаютъ яйцевидную форму; спереди вокругъ рта и сзади развиваются по кругу рѣсничекъ. Достигнувъ полнаго развитія, почки отрываются отъ организма матери и плаваютъ помощію задняго круга рѣсничекъ. Черезъ нѣсколько времени останавливаются и пускаютъ отростокъ, вырастающій въ стебелекъ; задній кругъ рѣсничекъ въ это время исчезаетъ. По причинѣ малой величины животнаго, можно только наблюдать то, что они вырастаютъ въ организмы, похожіе на мать. О процессахъ же происходящихъ внутри ихъ, до сихъ поръ ничего неизвѣстно.

Мало изслѣдованный и наблюдаемой только Штейномъ въ *Vorticella miclostoma* и *nebulifera* (*) и Проф. Ценковскимъ въ *Nassula viridis* (**) способъ размноженія состоитъ въ слѣдующемъ: животное останавливается, высачиваетъ около себя прозрачную оболочку и превращается въ неподвижный шаръ — такъ называемую цисту. Тѣло животнаго превращается внутри оболочки въ однообразную массу, въ которой нельзя отличить никакихъ органовъ. Черезъ нѣсколько времени однако, появляются въ немъ большія, ясно очерченныя, тѣла, можетъ быть увеличившіеся части *nucleus*'а, которыя въ послѣдствіи пускаютъ отростки, пробивающіе цисту и выходящіе наружу. Наконецъ отростки эти лопаются и чрезъ образовавшіеся отверстія выскакиваетъ наружу множество маленькихъ монадовидныхъ тѣлъ, дальнѣйшая участь которыхъ еще неизвѣстна.

Половые отправленія въ водоросляхъ найдены теперь только у весьма немногихъ именно: у *Vaucheria*, *Oedogonium*, *Bullbochoete* и *Sphaeroplaca annulina* и еще у переходной формы *Volvox*. Оно обуславливается развитіемъ двухъ родовъ клѣтокъ: въ первыхъ образуются большія неподвижныя споры, во вторыхъ маленькія тѣла, подвижныя, освобождающіяся изъ клѣтокъ, въ которыхъ они произошли, въ то самое время когда лопается клѣтка, заключающая большія споры. Подвижныя тѣла (*Samenkörner*) входятъ въ отверстіе лопнувшей клѣтки, проникаютъ до большой споры и сливаются вскорѣ съ нею въ одну общую массу. Вслѣдствіе этаго сліянія на спорѣ высачивается оболочка, которая становится со временемъ болѣе и болѣе крѣпкою; въ этомъ видѣ большая спора представляетъ неподвижную крупинку, вполне развитую.

(*) См. Sieb und Köll. 14 pg. 301.

(**) См. Bulletin de l'Académie de St. Petersburg. 1855 pg. 297.

Основываясь на предъидущемъ мы можемъ теперь опредѣлить соотношеніе разсмотрѣнныхъ нами группъ: инфузорій, переходныхъ формъ и водорослей, или, другими словами, указать на степень сродства между высшими представителями обѣихъ царствъ.

Съ одной стороны мы видѣли, что существеннымъ составнымъ частямъ тѣла инфузорій найдены соответствующія и въ водоросляхъ. Аналогія строенія высказалась всего яснѣе между подвижными крупинками водорослей и монадами, и чрезъ нихъ, и въ строеніи инфузорій и многоклетчатыхъ водорослей, ибо подвижныя крупинки происходятъ чрезъ непосредственное дѣленіе содержанія клетокъ водорослей; а монады организаціей своей подходятъ инфузоріямъ.

Исторія развитія монады, на сколько она намъ теперь извѣстна, до того сходна съ развитіемъ *Protococcus*, что мы, наблюдая его, могли бы съ равнымъ правомъ описать его за одноклетчатую водоросль или монаду, смотря потому, начнемъ ли мы слѣдить за развитіемъ подвижной его формы, принимаемой прежде за монаду, или неподвижной, описываемой прежде за неподвижный одноклетчатый растительный организмъ. Неподвижныя шары монады нельзя не признать ея цистами, если принять ее за инфузорію. Неподвижныя формы *Protococcus*'а нельзя не признать за покоющіеся крупинки, если разсматривать его какъ растительный организмъ. Проводя далѣе тождественность неподвижныхъ шаровъ монады съ покоющимися крупинками *Protococcus*, необходимо признать соответственность цистъ инфузорій съ покоющимися крупинками водорослей.

Съ другой стороны признаки, заимствованные разными учеными для разграниченія инфузорій отъ водорослей, оказались недостаточными. Разберемъ здѣсь отдѣльно каждый изъ важнѣйшихъ признаковъ.

1) Произвольное движеніе. Его нельзя принять за характеристическій признакъ животнаго организма, ибо мы видѣли что и подвижныя крупинки водорослей также двигаются извѣстное время, какъ и инфузоріи. Многіе наблюдатели утверждаютъ, что хотя движеніе подвижныхъ крупинокъ растеній и сходно съ движеніемъ инфузорій, но не тождественно, и что только при поверхностномъ наблюденіи, движенія тѣхъ и другихъ кажутся тождественными. При этомъ, не представляя особенныхъ научныхъ доказательствъ, они руководствуются, такъ называемымъ, тактомъ наблюдателя. Чѣмъ же руководствоваться, если изъ наблюдателей пользующихся авторитетомъ въ наукѣ, и слѣдовательно тщательно изучившихъ высшіе организ-

мы, одни относятъ извѣстные организмы къ животнымъ, другіе къ растеніямъ? Эренбергъ, посвятившій всю жизнь свою изученію низшихъ организмовъ, считалъ несомнѣнными инфузоріями воспроизводительныя клѣточки водорослей. Описанная имъ напр, за монаду *Microglena monadina* есть ничто иное какъ подвижная крупинка *Ulotrix zonata*. Далѣе *Chlamidococcus pluvialis*, *Chlamidomonas pulvisculus*, *Gonium*, *Volvox*, обладающіе движеніемъ, которое мы привыкли называть произвольнымъ, до того сходны и по строенію, и по исторіи развитія съ водорослями, что Конъ, тщательно изучившій ихъ, относитъ ихъ къ водорослямъ (*).

2) Присутствіе отверстія рта у животныхъ и отсутствіе его у растений. Въ новѣйшее время открыты однако несомнѣнно животныя организмы, безъ отверстія рта, которые питаются всасываніемъ веществъ всею поверхностію своего тѣла. Для примѣра приведемъ довольно большую инфузорію *Opalina ranarum*. Многіе, даже высоко организованные, внутренностные черви также питаются всасываніемъ жидкости всею поверхностію своего тѣла изъ среды, въ которой живутъ. Принятіе пищи происходитъ здѣсь такимъ-же способомъ какъ у низшихъ растеній, которыя развиваются въ водѣ. Въ новѣйшее время именно въ 1856 г.: (**) Лахманъ утверждаетъ присутствіе рта и у инфузорій *Monadina*, *Cryptomonadina*, которыя до сихъ поръ причислены къ безротымъ. Онъ говоритъ, что уже Эренбергъ видѣлъ внутри полости тѣла ихъ крупинки кармина, которымъ онъ кормилъ инфузоріи для изученія органовъ пищеваренія. Вслѣдствіе это же самое было подтверждено Кономъ и самому Лахману удалось два раза видѣть *Monadina* заключавшихъ въ себѣ маленькую *Vacillaria*, изверженіе которой по его наблюденію произошло вблизи задняго конца тѣла монады. Въ этой же статьѣ онъ упоминаетъ о томъ, что въ 1855 г. онъ имѣлъ съ Мюллеромъ и Клапаредомъ наблюдалъ въ огромномъ числѣ маленькое животное: *Bodo grandis* или *Astasia*, которое сѣдало Вибріоновъ въ два или даже четыре раза длиннѣйшихъ. Наблюдаемая *Bodo grandis* принимала самыя разнообразныя формы и отверстіе рта, по словамъ Лахмана, было видно близъ основанія хоботка ея. Кромѣ того, замѣтивъ во всѣхъ прозрачныхъ *Monadinae* и *Cryptomonadinae* сокращающіяся пространства, онъ при-

(*) Подробности объ этомъ смот. Kohn Untersuchungen über die Entwicklungsgeschichte der mikroskopischen Algen und Pilze Seite 63—100.

(**) См. Müllers Archiv für Anat. und Physiol. (Band IV, стр. 367). Ueber die Organisation der Infusorien und besonders der Vorticellen.

числяетъ къ инфузоріямъ *Volvocineae*, *Astasia* и *Dinobryaeae*, снабженныхъ также сокращающимися пространствами, хотя еще и не наблюдавъ въ нихъ принятіе пищи внутрь. Присутствіе кармина и другихъ твердыхъ тѣлъ въ тѣлѣ *Monadina* подтверждено недавно и Проф. Ценковскимъ, но по его изслѣдованіямъ эти факты вовсе не доказываютъ еще присутствія рта, по крайней мѣрѣ у *Monas*. Онъ видѣлъ, что контуры тѣла *Монады* дѣлаются менѣе рѣзкими, расплываются, вытягиваются, принимая видъ подвижной, аморфной слизи, въ видѣ *Амобеа*; частички кармина и другія, попадающіяся имъ на встрѣчу, маленькія тѣла прилипаютъ къ этой слизи, которая вскорѣ опять свертывается, и съживаясь, превращается снова въ *Монаду*, въ полости которой и будутъ заключаться прилипшія къ тѣлу ея твердыя частички. Далѣе, хотя *Vodo grandis* имѣетъ большое отверстіе рта въ видѣ огромной щели спереди тѣла, но и этотъ фактъ не служитъ доказательствомъ существованія рта у *Monadineae*, ибо этотъ организмъ по мнѣнію Проф. Ценковского можно скорѣе разсматривать, какъ форму среднюю между *Monas* и *Oxytricha*, а не какъ прототипъ сем. *Monadineae*.

3) Присутствіе крахмала и хлорофилла въ растеніяхъ и отсутствіе ихъ въ животныхъ не можетъ служить гранью между ними, ибо во 1-хъ, въ *Euglena viridis* и въ нѣкоторыхъ другихъ инфузоріяхъ найденъ *paramylum*—вещество чрезвычайно близко подходящее къ крахмалу, во 2-хъ, *Loxodes Bursaria* и другія инфузоріи содержатъ хлорофилъ; это достоверно по крайней мѣрѣ на столько, на сколько мы знаемъ реакціи этого мало изслѣдованнаго, чрезвычайно сложнаго тѣла; въ 3-хъ наконецъ, цѣлая группа растеній—грибы вовсе не имѣютъ ни того ни другаго (*).

4) Химическій составъ, именно целлюлозная оболочка растеній и азотистая (пзъ О, Н, N, С) оболочка животныхъ не суть исключительныя принадлежности каждаго пзъ царствъ, ибо цѣлая группа животныхъ, такъ называемыхъ *Ascidia*, имѣетъ целлюлозную оболочку. Предположеніе содержанія гораздо большаго количества азота въ животныхъ нежели въ растеніяхъ оказалось несправедливымъ.

5) Положеніе, что только животныя одарены чувствительностью, растенія же безчувственны не выдерживаетъ критики, во 1-хъ, потому что многія инфузоріи не оказываютъ на вѣщныя раздраженія никакой реакціи. Сотрясеніе, внезапно сильное освѣщеніе, сдавливаніе и стискиваніе и тому подобныя впечат-

(*) См. *Entwicklungsgeschichte der mikroskopischen Algen und Pilze*. pg. 63 (*Nova Acta Acad. Caes. Leopold. Vol. XXIV, P. I, p. 162*).

ленія не оставляютъ на нихъ ни малѣйшаго слѣда, во 2-хъ потому что если принять въ высшихъ животныхъ чувствительность, то нельзя не принять ее и для высшихъ растительныхъ организмовъ; ибо кругъ жизни первыхъ не шире, чѣмъ у послѣднихъ. Видоизмѣненіе этого положенія состоитъ въ томъ, что нервную систему, какъ органъ предстоящій умственнымъ управленіямъ слѣдовательно и сознанию, принимаютъ за несомнѣнный признакъ животнаго организма, и только тѣ организмы, въ которыхъ несомнѣннымъ образомъ обнаруживается ея присутствіе считаютъ животными. Растенія же называютъ только такихъ, которые носятъ на себѣ ясный отпечатокъ безсознательной жизни. Промежуточныя формы соединяютъ въ особенную группу, составляющую какъ-бы особое третіе царство. Это положеніе было бы справедливо, если бы организмы, имѣющіе сознаніе, обладали бы имъ во всю свою жизнь, между тѣмъ какъ другіе его бы вовсе не имѣли. Мы находимъ однако, что всѣ животныя, въ началѣ развитія, не имѣютъ сознанія, а живутъ только растительною жизнью. Млекопитающія пробѣгаютъ этотъ періодъ развитія въ организмѣ матери. У всѣхъ другихъ животныхъ зародыши покидаютъ организмъ матери весьма рано, представляя только одну или нѣсколько кѣлокъ, безъ всякой дифференцировки тканей. Нервная система вмѣстѣ съ другими органами развивается впослѣдствіи, безъ всякаго участія организма матери, при содѣйствіи только теплоты. Вмѣстѣ съ развитіемъ нервной системы пробуждается и сознаніе и слѣдовательно безсознательная растительная жизнь незамѣтнымъ образомъ превращается въ сознательную животную. Имѣя это въ виду, мы должны разсматривать организмы, въ которыхъ нѣтъ нервной системы напр. полипы, инфузоріи, за животныхъ оставившихся на весьма простой степени организаціи съ незначительною дифференцировкою органовъ.

6) Считали также одно время отличительнымъ признакомъ животнаго организма отсутствіе рѣсничекъ у растений. У большей части животныхъ полости тѣла облекаются слоемъ мерцательнаго эпителія т. е. слоемъ кѣлочекъ, снабженныхъ на свободной поверхности одною или многими рѣсничками, непрерывно двигающимися. Мерцательныя движенія не зависятъ, у большей части животныхъ, отъ воли ихъ, и продолжаются иногда еще довольно долгое время послѣ смерти животнаго; отдѣльно оторвавшіяся кѣлочки мерцательнаго эпителія, посредствомъ рѣсничекъ, плаваютъ въ жидкости. Многія инфузоріи покрыты такого рода рѣсничками по всей поверхности тѣла или въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ; или же вмѣсто нихъ имѣютъ одинъ

или нѣсколько нитевидныхъ рѣсницъ, которыя служатъ имъ для плаванія въ водѣ. Съ тѣхъ поръ однако, какъ открыты подвижныя растительныя клѣтки, съ 1-мъ, 2-мъ, 4-мъ или цѣлымъ вѣнчикомъ рѣсничекъ, или даже покрытыя ими по всей поверхности тѣла, и этотъ признакъ потерялъ свое значеніе.

7) Зибольдтъ, въ сравнительной Анатоміи своей, принимаетъ сокращаемость животной ткани и несокращаемость растительной за вѣрную поруку животной или растительной природы организма. Въ новѣйшее время открыли слабую сокращаемость и въ подвижныхъ крупинкахъ *Chlamidococcus*, такъ что и этотъ признакъ оказался относительнымъ и свойственнымъ обоимъ царствамъ.

8) Въ новѣйшее время нѣкоторые естествоиспытатели искали грань между животными и растеніями въ томъ, что животныя питаются только веществами органическими, растенія же строятъ свое тѣло изъ неорганическихъ веществъ. Но это доказано только для высшихъ организмовъ, на нисшіе же мы не можемъ, какъ уже видѣли, переносить цѣликомъ признаковъ высшихъ организмовъ; а потому и принимать такой грани между животными и растеніями не въ правѣ. Наконецъ, существованіе огромнаго числа растительныхъ явно-брачныхъ паразитовъ, которые опускаютъ корни свои въ ткань другихъ растеній, такъ что иногда сосуды паразита сливаются даже съ сосудами организма на которомъ онъ растетъ, ясно доказываетъ неосновательность этого положенія.

Эти признаки недостаточны, потому что тѣ изъ нихъ, которые свойственны исключительно одному только царству, не составляютъ необходимой принадлежности всѣхъ его представителей, а только части ихъ, напр. нервная система, отверстіе рта, у животныхъ. Другіе же, хотя и составляютъ достояніе всѣхъ представителей котораго нибудь царства, по встрѣчаются въ тоже время и у такихъ организмовъ, которые по всѣмъ остальнымъ признакамъ обнаруживаютъ полную аналогію съ представителями другаго царства и, слѣдовательно, одни изъ нихъ оказались признаками переходными, другіе частными. На основаніи частныхъ признаковъ не возможно провести рубежа между обоими царствами; ибо если будемъ брать въ соображеніе одинъ только изъ нихъ, то грань наша будетъ произвольная, и именемъ животнаго и растенія будетъ въ этомъ случаѣ обозначаться не природа самаго организма, но присутствіе или отсутствіе избраннаго нами признака. Руководствуясь же совокупностью частныхъ признаковъ, мы не будемъ въ со-

стояніи сдѣлать этого, потому что признаки эти въ различныхъ организмахъ смѣшаны во всевозможныхъ пропорціяхъ и сочетаны въ разнообразныхъ отношеніяхъ, такъ что, признавая нѣсколько изъ нихъ первостепенными и болѣе характеристическими, мы бы должны были раздѣлять всѣ организмы на столько царствъ сколько возможно сдѣлать изъ избранныхъ нами признаковъ различныхъ сочетаній.

И такъ изъ всего выше сказаннаго слѣдуютъ три положенія:

1) Всѣ признаки, на которыхъ строили грань между растительнымъ и животнымъ царствомъ оказались недостаточными;

2) между низшими представителями обоихъ царствъ, инфузоріями и водорослями, обнаруживается полная аналогія въ строеніи и развитіи;

3) несомнѣнно животные и растительные организмы связываются непрерывною цѣью переходныхъ формъ, которыя мы уже на столько знаемъ, что въ состояніи утвердительно сказать, что они, по организаци своей и развитію, представляютъ существа среднія между несомнѣнно между животными и растительными организмами;

4) этими тремя положеніями вполне опредѣляется заключеніе, что границы между царствами растительнымъ и животнымъ не существуетъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГУМБОЛЬДТЪ.

Сочиненіе Студента Дмитрія Писарева.

Баронъ Карлъ Вильгельмъ Фонъ-Гумбольдтъ личность замѣчательная, достойная внимательнаго изученія. Какъ ученый, какъ мыслитель и цѣнитель изящнаго, какъ государственнѣйшій дѣятель, наконецъ какъ человѣкъ, онъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ великой эпохи, обнимающей конецъ прошлаго столѣтія и начало нынѣшняго. Рядомъ съ братомъ своимъ, Александромъ, онъ занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи развитія человѣчества.

Къ сожалѣнію, онъ мало извѣстенъ русской публикѣ; единственная статья о немъ на русскомъ языкѣ напечатана въ Библиотекѣ для чтенія 1853 года (*); она составлена по книгѣ Шлезiera: *Erinnerungen an Wilhelm von Humboldt*, (Воспоминанія о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ) которая, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, представляетъ нѣкоторые пробѣлы, на примѣръ рѣшительно оставляетъ безъ вниманія результаты филологическихъ трудовъ Гумбольдта и ограничивается однимъ перечнемъ его сочиненій.

Въ 1857 году вышла книга Гайма: «*Wilhelm von Humboldt. Lebensbild und Charakteristik*», (Вильгельмъ Гумбольдтъ. Біографія и характеристика) въ которой яснѣе опредѣляется личность Гумбольдта, какъ писателя и мыслителя. Здѣсь цѣлый отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію языковѣденія Гумбольдта по классическому сочиненію его: «*Ueber die Verschiedenheit des menschli-*

(*) Мартъ, Апрель: «Баронъ Карлъ Вильгельмъ Фонъ-Гумбольдтъ» статья Д. Б.

chen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts» (О различіи строя человѣческихъ языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣческаго рода), служащему введеніемъ къ его изслѣдованію о языкѣ Кави. Впрочемъ, Гаймъ не всегда вѣрно понимаетъ и истолковываетъ идеи Гумбольдта. Берлинскій ученый Штейнталь (Wissenschaftliche Beilage der Leipziger Zeitung, 1856, NN 94, 95), разбирая книгу Гайма и отдавая справедливость его достоинствамъ, замѣчаетъ нѣкоторыя его погрѣшности. Не рѣшаясь критиковать Гумбольдта, Гаймъ не вполне оцѣниваетъ его заслуги и не замѣчаетъ его недостатковъ.

На этомъ основаніи мы для изложенія филологической теоріи Гумбольдта руководствовались сочиненіемъ Штейнтала: «Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldts und Hegelsche Philosophie (Языковѣденіе Вильгельма Гумбольдта и философія Гегеля.)» Первая глава Штейнтала посвящена сравненію философскаго метода Гумбольдта съ методомъ Гегеля; послѣднія двѣ заняты исключительно знаменитымъ твореніемъ Гумбольдта, разсматривающимъ вліяніе языка на духовное развитіе человѣка.

БЮГРАФІЯ В. ГУМБОЛЬДА.

I.

Родители Вильгельма. — Его воспитаніе. — Университетскій курсъ. — Якоби. — Дружба съ Форстеромъ. — Поездка въ Парижъ и Швейцарію. — Лафатеръ. — Переворотъ въ Берлинъ. — Служебная дѣятельность В. Г. — Его отставка и женитьба. — Дальбергъ. — Первое политическое сочиненіе В. Г. — Занятія древней филологіею. — Знакомство съ Шиллеромъ. — Дѣятельность В. Г. во время пребыванія въ Іенѣ. — Отъездъ въ Берлинъ. — Вторичное пребываніе В. Г. въ Іенѣ. — Сближеніе съ Гете. — Рецензія «Германа и Доротеи». — Смерть матери В. Г. — Путешествіе по Европѣ. — Пребываніе въ Парижѣ. — Поездка въ Испанію. — Возвращеніе В. Г. въ Берлинъ и назначеніе его посланникомъ въ Римъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія начинаетъ преобладать въ германской наукѣ критическій элементъ, внесенный Кантомъ и Лессингомъ; впрочемъ, подавляя суевѣріе и предрассудки среднихъ вѣковъ, критика ума не исключаетъ еще вѣры, не доводитъ до скептицизма и безвѣрія. Литература того времени, имѣетъ реальное, практическое направленіе; интересы науки тѣсно связываются съ современными, государственными интересами. Ученые не ограничиваются отвлеченными, кабинетными занятіями, но распространяютъ дѣятельность свою на рѣшеніе общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Словомъ, еще не установлено рѣзкихъ границъ между наукою и практической жизнію. Центромъ умственнаго движенія, представителемъ германской цивилизаціи является въ это время Берлинъ.

Въ эту замѣчательную эпоху, 1767 года, 22 Іюня, родился въ Потсдамѣ Карлъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. Отецъ его, майоръ и камергеръ Александръ Георгъ фонъ Гумбольдтъ, былъ родомъ изъ старинной и богатой Померанской фамиліи, служилъ въ военной службѣ во время Семилѣтней войны и пользовался расположеніемъ Прусскаго наслѣднаго принца, будущаго короля Фридриха Вильгельма II. Майоръ Гумбольдтъ былъ женатъ на вдовѣ барона фонъ Гольведе, урожденной фонъ Коломбъ. Родители Вильгельма жили большею частію въ Берлинѣ и въ помѣстьѣ своемъ Тегелѣ, расположенномъ въ трехъ миляхъ отъ сто-

лицы, въ прекрасной и живописной мѣстности на берегу рѣки Гавеля. Здѣсь провели свои младенческіе годы два знаменитые брата Карлъ Вильгельмъ и Фридрихъ Гейнрихъ Александръ фонъ Гумбольдты.

Первымъ наставникомъ ихъ былъ Іоакимъ Кампе, имѣвшій впрочемъ мало вліянія и оставившій домъ ихъ около 1775 года.

Въ 1779 году умеръ старый майоръ и всѣ заботы воспитанія пали на мать, женщину слабую и болѣзненную; впрочемъ она нашла себѣ достойнаго помощника въ молодомъ педагогѣ Кунте, замѣнившемъ Кампе. Дѣти жили съ нимъ въ Берлинѣ, пользуясь уроками лучшихъ профессоровъ, слушали лекціи политической экономіи Дома и естественнаго права Клейна и только по воскресеньямъ ѣздили къ матери въ Тегель. Дальнѣйшее образованіе молодыхъ людей и приготовленіе къ университетскому курсу принадлежить извѣстному ученому Энгелю, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на характеръ молодого Вильгельма; онъ сообщалъ ему терпимость, скромность и кротость, качества которыми самъ отличался въ высшей степени; подъ его вліяніемъ Гумбольдтъ написалъ первое свое сочиненіе «Socrates und Plato über die Gottheit, die Vorsehung und die Unsterblichkeit» (Сократъ и Платонъ о Божествѣ, промыслѣ и безсмертіи), въ которомъ онъ миритъ взглядъ древнихъ философовъ на Божество, providētie и безсмертіе со взглядомъ современной ему науки.

Энгель ввелъ Гумбольдта въ кругъ своихъ ученыхъ друзей, которые приняли его благосклонно. Но это общество реалистовъ, людей серьезныхъ, сухихъ мыслителей, какъ Бистеръ, Фрилендеръ, Морицъ, Метлеръ, Герцъ и другіе, не могло удовлетворить молодого человѣка съ пламенной, чувствительной душою. Юношу привлекъ къ себѣ другой, болѣе сентиментальный, идеалистическій кружокъ, душою котораго была Генріетта Герцъ. Вильгельмъ влюбился въ нее; впрочемъ любовь была самая платоническая, достойная девятнадцатилѣтняго юноши и восторженнаго направленія того общества, которое его окружало.

Осенью 1787 года Гумбольдтъ отправился въ университетъ въ Франкфуртъ на Одерѣ, но пробылъ тамъ недолго. На другой годъ къ Пасхѣ онъ переѣхалъ въ Геттингенъ, и здѣсь въ первый разъ ему пришлось жить одному, самостоятельно. Онъ поступилъ на юридическій факультетъ, но слушалъ и по философскому факультету лекціи Михаэлиса, Лихтенберга, Блуменберга и Гейне. Съ профессоромъ филологіи Гейне онъ особенно сблизился, бывалъ у него въ домѣ и познакомился съ дочерью его, Терезою, бывшею тогда замужемъ за писателемъ Фор-

стеромъ; Тереза была предметомъ второй его страсти, стольже невинной какъ и первая. Съ Генріэттой онъ поддерживалъ дѣятельную переписку, въ которой постоянно говорилъ о Терезѣ.

Въ 1788 году во время осеннихъ каникулъ, онъ отправился путешествовать по Рейну, и по дорогѣ посѣтилъ Мюллера, Гейнзе и Якоби:

Гумбольдтъ всегда съ жадностью ловилъ случай знакомиться съ замѣчательными современниками. «У меня, пишетъ онъ сорокъ лѣтъ спустя, была страсть сближаться съ интересными личностями, часто и внимательно всматриваться въ нихъ, и составлять себѣ въ душѣ картину ихъ образа дѣйствій и мыслей. Главное дѣло для меня заключалось въ знаніи. Я пользовался имъ для общихъ идей, классифицировалъ людей по своему, сравнивалъ ихъ, изучалъ ихъ физиогномію. словомъ, дѣлалъ изъ этого особую науку.» Гумбольдтъ особенно сблизился съ Якоби, не смотря на то что Якоби велъ жаркую полемику съ берлинскими друзьями Вильгельма, расходясь съ ними во взглядѣ на религію и науку. Они провели вмѣстѣ около двухъ недѣль, постоянно разсуждали о философскихъ предметахъ и часто спорили; Гумбольдтъ, не смотря на свою молодость, не подчинился взгляду Якоби, и, при всей привязанности къ нему, ясно видѣлъ его личные недостатки и односторонность его философской системы.

Отъ Якоби онъ поѣхалъ въ Майнцъ и сблизился здѣсь съ Форстеромъ, къ которому привязался сильно, безгранично. Форстеръ сдѣлался для него теперь идеаломъ поэта, тѣмъ, чѣмъ впоследствии былъ для него Шиллеръ. Тѣсная дружба между Гумбольдтомъ и Форстеромъ объясняется одинаковымъ взглядомъ на вещи, добытымъ ими впрочемъ при совершенно различныхъ обстоятельствахъ. Что Гумбольдтъ почерпнулъ изъ лекцій и наставленій профессоровъ, то у Форстера выработалось долговременнымъ, тяжкимъ жизненнымъ опытомъ. Главная сходная черта ихъ—стремленіе къ свободѣ мысли, выразившаяся въ терпимости вѣры и убѣжденій; эта общая черта служитъ основною идеею статьи *Ueber Proselytenmacherei* (О прозелитизмѣ) написанной, при содѣйствіи Гумбольдта, Форстеромъ и Земмерингомъ, противъ нетерпимаго направленія еженѣщной Берлинской Газеты. Впрочемъ, слѣпая, безграничная привязанность Гумбольдта къ Форстеру была только увлеченіемъ молодости. Гумбольдтъ объясняетъ это въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ, въ которомъ съ строгостию и безпристрастіемъ историка разоблачаетъ слабости и недостатки покойнаго друга.

Осенью 1789 года, окончивъ курсъ въ университетѣ, Гум-

больдтъ вмѣстѣ съ бывшимъ наставникомъ своимъ Кампе отправился въ Парижъ, гдѣ разгаралась въ то время революція. Французскіе паспорта и трехъцвѣтныя кокарды очистили дороги нашимъ путешественникамъ. Третьяго Августа они были въ Парижѣ. Восторженный Кампе, какъ ребенокъ, радовался картинѣ безпорядка и хаоса, въ которой видѣлъ примѣненіе къ дѣлу словъ: свобода, прогрессъ, цивилизація, которыхъ наслушался въ Германіи.

Гумбольдтъ смотрѣлъ на возникающее движеніе серьезнѣе, что видно изъ писемъ его къ Форстеру. Онъ вообще болѣе занимался изученіемъ замѣчательныхъ личностей, напримѣръ Мирабо, Бартеми, астронома Лаланда, Мармонтеля, филолога Вальуазона. Его болѣе интересовало, по его словамъ, видѣть то, что изъ Французовъ сдѣлала революція нежели то, что Французы сдѣлали изъ своего государства. Народъ интересовалъ его больше государства, человѣчество и человѣкъ больше народа. Посѣтивъ могилу Ж. Ж. Руссо въ Эрменонвилѣ, Гумбольдтъ изъ Парижа 27 Августа поѣхалъ въ Майнцъ, и, пробывъ тамъ съ Форстеромъ около трехъ недѣль, въ концѣ Сентября отправился въ Швейцарію. Путешествіе по Швейцаріи произвело глубокое впечатлѣніе на Гумбольдта, который живо сочувствовалъ красотамъ природы. Онъ обошелъ половину Швейцаріи пѣшкомъ и познакомился съ Швейцарскими знаменитостями, между прочимъ съ Абелемъ и Лафатеромъ. Цюрихскій пророкъ не удивилъ его замысловатою, таинственною обстановкою своихъ занятій; Гумбольдтъ думалъ найти въ немъ человѣка гениальнаго и совершенно разочаровался; Лафатеръ въ его глазахъ явился самолюбивымъ, напыщеннымъ шарлатаномъ, преклоняющимся предъ собственными, фиктивными достоинствами, и тратающимъ время и способности на мелочныя вѣщности. Наконецъ Гумбольдтъ возвратился въ Майнцъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней у Форстера. 8 Декабря онъ разстался съ нимъ и разстался навсегда.

Между тѣмъ произошолъ переворотъ въ духѣ и направленіи прусскаго правительства. На престолъ Фридриха Великаго вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ II; вмѣсто перваго министра Зедлица занялъ Веллнѣръ; религіозный эдиктъ стѣснилъ свободу вѣроисповѣданія; указъ о цензурѣ уничтожилъ свободу мыслей. Все направленіе правительства совершенно измѣнилось; отъ терпимости, приближавшейся къ индифферентизму, оно переходитъ къ фанатизму, влается въ суевѣріе. То же стѣснительное вліяніе обнаруживается во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія; этому вліянію, котораго глав-

нымъ виновникомъ былъ Веллнёръ, всѣми силами противился Гумбольтъ, занявшій должность референдарія въ Каммергерихтѣ. Не разъ, рѣшая съ бывшимъ профессоромъ своимъ, Клейномъ, разныя тяжбыя дѣла, онъ рѣшеніемъ своимъ шелъ прямо на перекоръ принципу и намѣреніямъ новаго правительства. Но служба скоро ему надоѣла: расположеніе къ умственнымъ занятіямъ, къ самопозученію отвлекало его отъ служебныхъ обязанностей. Углубляясь въ самого себя, трудясь надъ собственнымъ внутреннимъ развитіемъ и совершенствованіемъ, онъ надѣялся принести большую пользу человѣчеству. Вообще въ людяхъ того времени слаба была любовь къ отечеству; связь между государствомъ и отдѣльными личностями еще болѣе ослабѣла отъ системы управленія, которая не пользовалась популярностью и не могла возбудить сочувствія. Гумбольтъ подчинился общему настроенію вѣка; любовь къ отечеству приняла въ немъ болѣе широкіе размѣры и перешла въ любовь къ человѣчеству; человѣка онъ ставилъ выше гражданина; интересы обще человѣческіе у него всегда являлись на первомъ планѣ. Этотъ взглядъ, составлявшій основу всѣхъ его сочиненій и ученыхъ занятій, побудилъ его оставить службу, посвятить себя изученію человѣчества въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ и начать это изученіе съ самого себя. Въ изслѣдованіяхъ своихъ Гумбольтъ держится середины между сухимъ, безжизненнымъ методомъ чисто-умозрительной философіи, представителемъ которой является Бистеръ, и необузданными, нелогическими порывами фантазій, преобладающими у Лафатера и его послѣдователей. Онъ не исключаетъ элемента чувства и фантазій, придающей мысли жизнь, силу и яркость красокъ, но самую фантазію подчиняетъ законамъ разума, требуя отъ нея разумной правды и послѣдовательности. Въ этомъ сходится онъ съ другимъ своимъ Форстеромъ. Вотъ почему онъ восхищается его «*Ansichten über den Niederrhein*». (Виды Нижняго Рейна), въ которыхъ по его словамъ, господствуетъ строгая правильность идей въ самомъ пылу вдохновенія.

Вскорѣ послѣ выхода Вильгельма изъ службы послѣдовалъ переворотъ въ его судьбѣ. Въ Декабрѣ 1789 года онъ по дѣламъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ. Здѣсь онъ былъ представленъ въ домъ президента фонъ Дахереленъ и познакомился съ его дочерью Каролиной. Каролина, которая произвела сильное впечатлѣніе на Шиллера, въ бытность его въ Эрфуртѣ, очаровала и молодого Гумбольдта.

Въ Іюлѣ 1791 года состоялся ихъ бракъ; а вскорѣ послѣ того молодые уѣхали въ деревню Каролины, лежащую близъ Манс-

Фельда, чтобы въ уединеніи провести первые мѣсяцы супружества. Каролина не была красавица, но Вильгельма прельстила ея хорошенкя головка, выразительныя, полныя жизни и энергіи глаза. Въ особенности же привлекли его ея душевныя качества; его благородный образъ мыслей, стремленіе къ свободѣ, любовь къ прекрасному и возвышенному, находили себѣ отголосокъ въ прекрасной душѣ Каролины, и, сливаясь съ вражденною мечтательностью, отражались въ ней въ болѣе нѣжныхъ, женственныхъ формахъ. Живой природный умъ, развитый прекраснымъ воспитаніемъ, обогащенный многосторонними, сновательными знаніями, давалъ ей средства сочувствовать благороднымъ стремленіямъ Вильгельма, принимать участіе въ его научныхъ занятіяхъ, помогать ему, и, облегчая трудъ, тѣснѣй и искреннѣй сближаться съ мужемъ. Гумбольдтъ безгранично привязался къ Каролинѣ, полюбилъ ее такъ, какъ любилъ не многихъ, жертвуя собою, не примѣшивая къ этому чувству никакого эгоистическаго отбѣика. Это чувство пустило глубокіе корни въ его душу, сплослось съ его существованіемъ, и продолжалось до самой смерти. Гумбольдтъ поставилъ себѣ задачей жизни составить счастье любимой женщины и благородно, честно исполнилъ долгъ свой.

Бывши еще женихомъ, Гумбольдтъ познакомился съ коалъюторомъ Епископа Майнцскаго, Далбергомъ, родственникомъ Дахерелепа, и довольно коротко съ нимъ сошелся. Это знакомство должно быть отмѣчено въ его біографіи, потому что Далбергъ подалъ поводъ къ одному изъ замѣчательныхъ юношескихъ сочиненій Гумбольдта, всего рѣзче очерчивающихъ его нравственную физіогномію. Высказанныя въ немъ задушевныя убѣжденія Гумбольдта, смягченныя жизненнымъ опытомъ и лѣтами, перешли и въ періодъ зрѣлости. Далбергъ былъ человекъ добрый и благонамѣренный, покровительствовалъ литераторамъ и ученымъ, самъ любилъ науку и сочувствовалъ ея интересамъ. При своемъ положеніи въ свѣтѣ, онъ могъ принести много пользы; къ несчастію шаткость убѣжденій и слабость характера мѣшали ему приводить въ исполненіе его планы. Намѣреніе было и хорошо, и дѣльно, но большею частію оставалось мечтою. Готовя себя къ епископскому престолу въ Майнцѣ, Далбергъ мечталъ о великихъ обязанностяхъ правителя, составлялъ себѣ системы администраціи, непримѣнимыя къ дѣлу и замѣчательныя только по своему гуманному направленію, системы, которыми онъ думалъ осчастливить подданныхъ даже противъ собственной ихъ воли. Въ это время ему случилось прочесть новое сочиненіе В. Гумбольдта «Ideen über Staatsverfassung durch die neue französische Consti-

tution veranlasst» (Идеи о государственномъ устройствѣ по поводу новой французской конституціи). Въ этомъ сочиненіи Гумбольдтъ представляетъ непрочность Французской конституціи, составленной *a priori*, по отвлеченнымъ законамъ ума, независимо отъ «индивидуальныхъ силъ и стремленій», которыми Гумбольдтъ придаетъ особенную важность. Уму предоставляется только право возбуждать къ дѣятельности сумму существующихъ въ человѣкѣ индивидуальныхъ силъ и давать имъ извѣстное направленіе. Прочнымъ можетъ быть только такое государственное устройство, которое выходитъ изъ борьбы могучей случайности съ сопротивляющимся ей умомъ. Изъ этой «случайности», т. е. изъ непознанныхъ нами силъ и индивидуальныхъ свойствъ настоящаго, выходитъ окончательный результатъ. Идеи ума, прививаясь къ жизни, получаютъ определенную форму отъ самаго предмета, къ которому онѣ прилагаются. Только при этихъ условіяхъ онѣ могутъ окрѣпнуть и принести пользу. Въ человѣкѣ можетъ процвѣтать только то, что выходитъ изъ глубины его духа, а не то, что прилагается къ нему извнѣ. Государство ничто иное, какъ сумма человѣческихъ силъ, дѣйствительныхъ и страдательныхъ. Каждое дѣйствіе требуетъ соответствующаго ему обратнаго дѣйствія; каждое творчество требуетъ одинаково дѣятельнаго воспріятія. Вотъ въ чемъ заключается сила «случайности» и вотъ почему настоящее уже должно быть приготовлено къ будущему, которое оно влечетъ за собою; гдѣ будущее чуждо настоящему, тамъ все мертво и холодно. Такъ бываетъ тамъ, гдѣ хочетъ творить заранѣе обдуманное намѣреніе; въ умѣ заключается конечно способность давать извѣстную форму существующему матеріалу, но нѣтъ въ немъ силы создавать новый матеріалъ. Чего не подготовили предварительно время и природа, то будутъ цвѣты, привязанные нитками къ растенію: ихъ засушить первое полуденное солнце. Гумбольдтъ подтверждаетъ эту основную мысль ходомъ историческихъ событій и наконецъ выводитъ заключеніе, что «ни одно единичное положеніе человѣка и окружающихъ предметовъ не заслуживаетъ вниманія само по себѣ; оно важно только въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ порядкомъ вещей; важны не результаты сами по себѣ, но силы, ихъ породившія и въ свою очередь изъ нихъ вытекающія.

Это сочиненіе, называвшее заботливостъ правительства о физическомъ и моральномъ благосостояніи подданныхъ самымъ тяжелымъ деспотизмомъ, смутило Дальберга, разстроивъ его прекрасные планы. Онъ обратился къ Гумбольдту съ прось-

бою объяснить, чѣмъ, по его мнѣнію, долженъ ограничиться кругъ дѣйствій правительства, у котораго будетъ отнято право заботиться о нуждахъ и благосостояніи подданныхъ.

Отвѣтомъ Гумбольдта было замѣчательное сочиненіе «*Ideen zu einem Versuche die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen*». (Опытъ опредѣлить границы дѣятельности правительства).

Въ этомъ сочиненіи, какъ и вообще у Гумбольдта, на первомъ планѣ стоитъ человѣкъ и его интересы; государственное устройство представляется элементомъ, враждебнымъ индивидуальности человѣка, вредящимъ свободному развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ его. Гумбольдтъ ищетъ идеалъ человѣка, и сперва обращается къ древности; но ни Спартанецъ, ни Афинянинъ не удовлетворяютъ его. Его увлекаетъ прелесть и свѣжесть греческой жизни, съ особенності же развитіе индивидуальности, составлявшее одинъ изъ первыхъ, основныхъ ея принциповъ. Но излишняя чувственность греческаго міра мѣшаетъ ему вполне принять за истину развитія человѣка греческій идеалъ. Гумбольдтъ рисуетъ свой идеалъ, смѣшивая краску древняго міра съ новыми, сливая чувственность, пластичность древнихъ съ духовностію современнаго ему человѣка въ одно гармонически — прекрасное цѣлое. Въ этомъ идеалѣ человѣка особенно замѣчательны двѣ стороны, — элементъ религіи и элементъ эстетическій, начало прекраснаго.

Религія, по опредѣленію Гумбольдта, потребность души. Онъ беретъ силу отдѣльно отъ проявленія и во всемъ изслѣдованіи ищетъ въ виду одну эту силу, идею, потребность души. На этомъ основаніи для него не существуютъ наружныя формы, въ которыхъ эта идея проявляется у различныхъ народовъ; на этомъ основаніи онъ уважаетъ всякую религію, во всякой умѣетъ найти и оцѣнить общую идею то, что онъ собственно и называетъ религіею. Мало того: онъ считаетъ за религію не только всякое поклоненіе Высшему Существу, въ какой бы формѣ оно ни выразилось, но и всякое стремленіе къ идеалу совершенства, хотя бы при этомъ не было даже мысли о Богѣ и безсмертіи души. Въ этомъ-то взглядѣ на религію должно искать причины совершенной, вполне гуманной вѣротерпимости Гумбольдта. То былъ не индифферентизмъ, не холодное равнодушіе въ дѣлѣ вѣры но высшее, болѣе глубокое воззрѣніе на предметъ и значеніе религіи.

Эстетическое чувство, по которому «чувственность должна быть оболочкою духовнаго, и духовное должно быть принципомъ, оживляющимъ чувственный міръ» составляетъ, по мнѣнію Гумбольдта, истинную сущность челоѣческой природы.

Природа человѣка заключается въ эстетическомъ соединеніи стремленія къ невидимому съ сознаніемъ пріятной необходимости видимаго міра. Изъ этого соединенія выходитъ идея высокаго и идея прекраснаго. Идея высокаго даетъ человѣку средства повиноваться сознательно повелительному голосу нравственнаго закона. Чувство прекраснаго служитъ посредникомъ между отвлеченнымъ закономъ и конкретнымъ примѣненіемъ, отыскивая разнообразныя способы приложенія. Гумбольдтъ придаетъ чувственности болѣе глубокое значеніе, нежели Шиллеръ и Кантъ. «Вся сила человѣческой природы, говоритъ Гумбольдтъ, происходитъ отъ чувственности, и, хотя очень удаляется отъ своего корня, все таки, ежели можно такъ выразиться, поконится на немъ. Кто непрерывно старается возвыситься и обновить свои силы частымъ наслажденіемъ, кто часто употребляетъ силу своего характера, чтобы поддерживать независимость свою противъ чувственности, кто старается такимъ образомъ соединить эту независимость съ величайшею восприимчивостію, чей прямой и глубокий умъ неутомимо ищетъ истины, чье правильное и тонкое чувство къ прекрасному не оставляетъ незамѣченнымъ ни одного привлекательнаго образа, въ комъ есть влеченіе принимать въ себя прочувствованное въ внѣшнемъ мірѣ, оплодотворять принятое въ себя для новыхъ созданій, превращать каждую красоту въ свою индивидуальность и, соединяя съ каждою изъ нихъ все свое существо, производить новыя красоты — тотъ можетъ питать успокоительное сознаніе что онъ находится на истинномъ пути къ идеалу, какой только можетъ представить самая смѣлая фантазія человѣка».

Народъ составленный изъ недѣлимыхъ, соответствующихъ этому идеалу, можетъ пользоваться безграничною свободою. Все, что при обыкновенныхъ условіяхъ производитъ сила закона, мѣры правительства, явилось бы у идеальнаго народа результатомъ нравственнаго чувства долга и чести, которое было бы особенно развито.

Для умственнаго и нравственнаго развитія Гумбольдтъ считаетъ необходимыми три условія: во первыхъ, свободу, которую ограничиваетъ самое либеральное правительство. Эпиграфомъ къ его сочиненію служатъ слова Мирабо, въ которыхъ онъ совѣтуетъ правительствамъ защищаться «contre la fureur de gouverner, la plus funeste maladie des gouvernements modernes.» По этому онъ находитъ, что правительству всего лучше ничего не дѣлать, не употреблять никакихъ положительныхъ мѣръ для благосостоянія гражданъ, совѣтуетъ уничтожить вся-

кіе законы нравственности, законы противъ роскоши, законы воспитанія. Нообще законъ онъ старается замѣнить нравственнымъ чувствомъ, хочетъ чтобы всѣ добрыя влеченія гражданъ развивались самостоятельно, безъ внѣшняго гнета и принужденія. Вторымъ необходимымъ условіемъ развитія онъ считаетъ безопасность внѣшнюю и внутреннюю. Для этого необходимо вмѣшательство правительства; но вмѣшательство это Гумбольдтъ допускаетъ только тогда, когда происходитъ явное нарушение чужаго права; при наказаніяхъ даже онъ умѣетъ уважать человѣка въ преступникѣ, требуетъ чтобы никогда наказаніе не превышало вины и никогда не доходило до лишенія чести. Необходимостію безопасности обуславливается необходимость правительства. Третье условіе развитія разнообразіе общественнаго положенія. Человѣкъ не долженъ быть изолированъ потому что въ такомъ случаѣ развитіе его всегда будетъ одностороннее. Ослабляя узы правительства, Гумбольдтъ скрѣпляетъ узы народности, узы естественныя, основанныя на взаимномъ, свободномъ сочувствіи; кромѣ того, для развитія общественности онъ находитъ нужнымъ свободное составленіе общества, ассоціаціи, имѣющихъ какую нибудь благородную, общепользую цѣль, тѣмъ болѣе, что такія общества могутъ замѣнить собою различныя распоряженія правительства, которое такимъ образомъ у Гумбольдта низводится на степень охранительнаго учрежденія.

Несмотря на многія достоинства, теорія Гумбольдта не примѣнима; Гумбольдтъ противопоставляетъ другъ другу человѣка и правительство, какъ два взаимно враждебные элемента; ставя на первомъ планѣ человѣка, онъ старается не примирить его съ государственнымъ устройствомъ, а только по возможности сѣкнить кругъ дѣйствій правительства, и какъ бы сдѣлать его безвреднымъ. Онъ не соединяетъ законной свободы съ государственнымъ устройствомъ, но ставитъ ихъ другъ возлѣ друга, стараясь расширить предѣлы первой въ ущербъ второму.

Въ этомъ же сочиненіи встрѣчаются нѣкоторыя мысли о философіи исторіи, которую Гумбольдтъ понимаетъ какъ самоопредѣленіе одного общаго человѣческаго духа во времени». Историческіе перевороты объясняются періодическими революціями человѣческаго духа. «Все что происходитъ на землѣ, говоритъ Гумбольдтъ, хорошо и полезно, потому что внутренняя сила человѣка овладѣваетъ всѣмъ, какова бы ни была его природа, а эта внутренняя сила, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, можетъ дѣйствовать только благотворно». Такимъ образомъ у Гум-

больдта вездѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ человѣкъ и его индивидуальность.

Въ этомъ сочиненіи, хотя оно написано съ энтузіазмомъ и увлеченіемъ молодости, находятся зародыши всѣхъ его великихъ твореній. Выразившееся въ немъ сочувствіе Гумбольдта къ древнимъ развивалось болѣе и болѣе; ему нужно было только получить побудительный толчокъ, чтобъ войти въ новую сферу занятій, въ область древней филологіи, такимъ толчкомъ было для Гумбольдта знакомство и сближеніе съ Фридрихомъ Августомъ Вольфомъ, профессоромъ филологіи въ Галле. Чтобъ опредѣлить заслуги Вольфа на поприщѣ науки, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что было до него. Бывшій профессоръ Гумбольдта, Гейне оживилъ классическую филологію, подчинивъ древнихъ писателей общимъ законамъ эстетической критики, разсматривая ихъ творенія не какъ мертвую древность, но какъ произведенія, писанныя на языкѣ, нѣкогда живомъ, оцѣнивая ихъ литературное значеніе и достоинство. Онъ былъ эстетическій критикъ среди филологовъ и филологъ среди эстетическихъ критиковъ. Въмѣсто мертвой буквы явилось передъ нимъ живое слово, выраженіе живой мысли. Но Гейне, отдѣлившись отъ схоластиковъ, вдался въ другую крайность; вмѣсто педантизма, у него послѣдователей явилась поверхностность, дилетантизмъ. Вольфъ умѣлъ соединить эстетическую оцѣнку произведеній древности съ строгимъ, точнымъ изслѣдованіемъ; механическая сторона труда соединялась съ опредѣленіемъ общей идеи и значенія науки; Вольфъ понималъ высшее, философское значеніе филологіи, понималъ, что она должна представлять намъ картину развитія человѣчества въ періодъ древности, но не пренебрегалъ низшей, грамматической части, изслѣдованій надъ буквою, необходимыхъ для болѣе обширныхъ, высшихъ результатовъ. Онъ снова обратился къ критикѣ, возвратилъ филологію въ область исторіи и, проникшись духомъ древности, постигши всѣ отгибки и изгибы жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ, соединилъ въ изображеніи ея увлеченіе поэта съ положительною основательностію ученаго спеціалиста.

Съ этимъ человѣкомъ познакомился Гумбольдтъ еще въ домѣ Дахередена, въ 1790 г., но тогда его занимали другіе интересы и знакомство это сначала не имѣло важныхъ послѣдствій. Но теперь удалившись отъ дѣлъ, занявшись изслѣдованіями надъ человѣчествомъ, Гумбольдтъ не могъ не обратить вниманіе на міръ Грековъ, на развитіе человѣка въ древнемъ мірѣ. Пренія занятія его Греческимъ языкомъ были довольно поверхностны; онъ читалъ, правда, Платона. Аристотеля, но читалъ, за-

ботаясь болѣе о содержаніи, о смыслѣ, нежели о формѣ; теперь онъ началъ занятія болѣе серьезныя и спеціальныя съ Пиндара и перевелъ изъ него вторую Олимпійскую Оду. Бывши въ Галле, онъ поѣхалъ въ Вольфа и сообщилъ ему о своемъ намѣреніи заняться греческимъ языкомъ и литературою.

Страстно любя свою науку, Вольфъ не могъ не обрадоваться, видя, что ей хочетъ посвятить себя человѣкъ богатый, высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, для котораго наука будетъ цѣлью, не средствомъ, не ремесломъ. Отдаться наукѣ, посвятить себя ей, изучать науку для науки, вотъ какъ понималъ Вольфъ призваніе ученаго, и онъ нашелъ въ Гумбольдтѣ сочувствіе, нашелъ тоже благородное безкорыстіе и самоотверженіе. Они поняли, оцѣнили другъ друга, и сблизились скоро, несмотря на различіе характеровъ.

Гумбольдтъ былъ скромнѣе, почти застѣнчивъ; его натура, спокойная, болѣе воспріимчивая, нежели общительная составляла совершенную противоположность съ пылкимъ, нѣсколько самоувѣреннымъ характеромъ Вольфа; но самое различіе это только ускорило ихъ сближеніе и скрѣпило ихъ дружбу.

Вольфъ сообщилъ Гумбольдту нѣсколько совѣтовъ, далъ ему прочесть Феду, и просилъ отмѣтить мѣста, особенно затруднявшія его. Гумбольдтъ исполнилъ это, какъ заданный урокъ. Съ этихъ поръ онъ вступилъ въ новую сферу занятій, которыхъ однако высшій предметъ и конечную цѣль составляло все такъ изученіе человѣка. Гейне обратилъ его вниманіе на поэтическую сторону въ жизни древнихъ, показавъ эстетическую, отчасти эстетико-моральную цѣль изученія древности, вліяніе его на развитіе вкуса, чувства изящнаго. Вольфъ доказалъ Гумбольдту необходимость классическихъ занятій для цѣлостнаго, гармоническаго развитія человѣка, развитія, котораго прекрасный образецъ представляется намъ въ греческомъ мірѣ. «Только въ древней Греціи, говоритъ онъ находится то, чего мы напрасно ищемъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ,—народы и государства, обладавшіе болѣею частию такихъ качествъ, которыя составляютъ основаніе характера, развитаго до совершенной человѣчественности. Народъ до такой степени воспріимчивъ, что не оставляетъ безъ вниманія ничего такого, къ чему находитъ побужденіе на естественномъ пути своего развитія. Онъ идетъ по этому пути независимо отъ вліянія разномыслящихъ варваровъ и продолжаетъ свое развитіе далѣе, нежели было бы возможно въ послѣдующее время, при измѣненныхъ обстоятельствахъ. Среди стѣсненныхъ и гнетущихъ заботъ гражданина, Грекъ не забывалъ человѣка до такой степени, что самыя государственныя учреж-

денія, ко вреду многихъ и со всеобщими пожертвованіями поощряли свободное развитіе человѣческихъ силъ вообще; съ необыкновенно нѣжнымъ чувствомъ къ благородному и прекрасному въ искусствѣ, онъ мало по малу соединилъ такой объемъ и такую глубину научныхъ изслѣдованій, что въ оставшихся отрывкахъ мы видимъ, вмѣстѣ съ живымъ впечатломъ этого рѣдкаго качества, замѣчательные образцы идеальнаго умозрѣнія.» Таково было воззрѣніе Вольфа и Гумбольдта на древность.

Гумбольдта занимали древніе народы въ неразвитомъ, даже первобытномъ состояніи; вообще занимали его народы юга, въ которыхъ жизнь природы проявилась съ большею силою и энергіею, нежели въ сѣверныхъ народахъ новѣйшихъ временъ. Придавая, какъ мы видѣли, особенное значаніе чувственности, Гумбольдтъ находилъ слѣды вліянія классической древности, пластической красоты, первобытной близости къ природѣ, въ новѣйшихъ изящныхъ произведеніяхъ по всѣмъ отраслямъ искусства, и въ этомъ вліяніи видѣлъ силу ихъ, полноту и чувственную прелесть, которая должна служить оболочкой идеѣ, живительному духовному принципу. Средоточіемъ этой сильной самородной жизни природы, этого согласія, гармоніи чловѣка съ окружающимъ его міромъ, видѣлъ онъ въ древнихъ Грекахъ. Наше теперешнее образованіе, говоритъ онъ, покоится въ существенныхъ своихъ основаніяхъ на принципѣ древности—искусство и наука на Греціи, законы и учрежденія на Римѣ; многіе предметы, окружающіе насъ во вседневной жизни, на томъ и другомъ.

Гумбольдтъ переѣхалъ въ другую деревню своей жены, Ауленбъ, близъ Нордгаузена, и здѣсь совершенно предался своимъ новымъ занятіямъ, которыя имѣли для него тѣмъ болѣе прелесть, что въ занятіяхъ его помогала ему Каролина; съ нею переводилъ онъ Пиндара, съ нею читалъ Овидія. На Святкахъ пріѣхалъ къ нимъ Вольфъ; много плановъ составляли они съ Гумбольдтомъ, они задумали издавать журналъ въ духѣ греческой образованности, подъ заглавіемъ «Эллада», который долженъ былъ состоять изъ переводовъ, статей о греческомъ бытѣ, филологическихъ поясненій и пр., и вообще имѣлъ цѣлю расположить публику къ изученію классической древности. Но предположеніе это осталось невыполненнымъ: Гумбольдтъ вообще болѣе заботился о самообразованіи и собственномъ развитіи, нежели о литературной извѣстности.

Оживленныя филологическія бесѣды съ Вольфомъ продолжались послѣ его отъѣзда дѣятельною перепискою, предметомъ которой были разные филологическіе вопросы и замѣтки,

перемѣшанные съ дружескимъ разсказомъ о домашнихъ обстоятельствахъ и ежедневныхъ происшествіяхъ. Эти филологическія занятія продолжались до Марта 1793 года. Тутъ Гумбольдтъ переѣхалъ въ Эрфуртъ къ тестю; городская жизнь, сношенія съ знакомыми отвлекли его отъ изученія Грековъ; не было деревенской тишины, не было уединенія, необходимаго для ученыхъ занятій. Но въ Маѣ, того же года онъ опять уѣхалъ въ деревню, въ Тегель, и занятія мало по малу пошли по прежнему: все утро до обѣда посвящалъ онъ изученію древнихъ. Такъ прошло лѣто; осенью онъ черезъ Дрезденъ проѣхалъ въ Аулебенъ, изъ Аулебена въ Бургарверъ. На Святки онъ отправился къ Вольфу въ Галле; опять возобновились тѣ же дружескія, ученые бесѣды; переводъ Пиндара шелъ впередъ; по возвращеніи Гумбольдта, занятія пошли обыкновеннымъ порядкомъ. Гумбольдтъ до такой степени погрузился въ созерцаніе и изученіе древности, что совершенно отрѣшился отъ всѣхъ современныхъ вопросовъ и интересовъ. Политическія событія 1793 года прошли мимо него, не производя сильнаго впечатлѣнія. Въ немъ замерло всякое желаніе политической дѣятельности. «Не то время, пишетъ онъ изъ Тегеля, чтобы спокойному, писателю теоретику надѣяться быть понятымъ».

Филологическія занятія его отличались основательностію; его никакъ нельзя было назвать дилетантомъ, челоуѣкомъ, занявшимся наукою отъ нечего дѣлать; ударенія, придыханія, метрика, всѣ мелочи языка обращали на себя его вниманіе; особеннаго труда стоила ему метрика Пиндара; чтобы вполнѣ вникнуть въ ритмъ его, онъ занялся музыкою, прошелъ съ однимъ органистомъ основныя правила генераль-баса и перечиталъ нѣсколько сочиненій о древней музыкѣ. Одного этого примѣра достаточно, чтобы убѣдиться въ добросовѣстности его ученыхъ занятій, чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ выводы его основаны на совершенномъ знаніи фактовъ, изученіе которыхъ онъ, какъ мы видимъ, не считалъ маловажнымъ и излишнимъ. «Трудно опредѣлить, писалъ онъ къ Вольфу, что собственно должно называть мелочами. Для того, кто привыкъ изучать съ философскимъ духомъ какую нибудь отрасль наукъ, никакая отдѣльная часть не представляетъ особенной важности, но каждая получаетъ свое значеніе только по отношенію къ цѣлому.»

Вообще любимыми древними поэтами Гумбольдта были Пиндаръ и Эсхилъ, отличающіеся возвышенностію, глубиною мыслей, вполнѣ выражающіе могучую простоту древнихъ

Грековъ, представляющіе прекрасное, гармоническое сліяніе пластическаго элемента съ музыкальнымъ, сліяніе полноты содержанія и вѣдшей красоты формы.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1793 года Гумбольдтъ изъ Эр-фурта поѣхалъ въ Іену и видѣлся тамъ съ Шиллеромъ, съ которымъ познакомился еще прежде женитьбы своей, въ домѣ Каролины фонъ Ленгефельдъ, сестры жены Шиллера. Шиллеръ оживленнымъ разговоромъ своимъ объ изящномъ, о значеніи эстетики, объ идеалѣ прекраснаго увлекъ, плѣнилъ Гумбольдта и снова направилъ къ философіи его силы и способности, отвлеченныя на время изученіемъ древней литературы. Съ этого времени Шиллеръ сдѣлался для него идеаломъ поэта и развитаго человека, тѣмъ, чѣмъ былъ для него Форстеръ, съ тою разницею, что тутъ не было разочарованія, что Форстеръ увлекъ юношу, а Шиллеръ—человѣка, хотя молодаго, но уже вполне образовавшаго свое сужденіе и взглядъ свой на людей и на вещи. Шиллеру Гумбольдтъ представлялъ на судъ свои первые попытки переводить Пиндара, вполне довѣряясь его приговору; съ Шиллеромъ совѣтовался онъ о средствахъ издать въ свѣтъ свое политическое разсужденіе, котораго не хотѣла пропустить прусская цензура. По возвращеніи домой онъ началъ съ Шиллеромъ дѣятельную, откровенную переписку и только и думалъ о томъ, чтобы снова увидѣться съ знаменитымъ поэтомъ.

Въ Февралѣ 1794 года Гумбольдтъ съ женою переѣхалъ въ Іену и поселился тамъ, намѣреваясь жить тихо, уединенно, принимая только избранный кругъ друзей, ученыхъ и литераторовъ и продолжая начатое дѣло саморазвитія. Шиллера однако еще не было въ городѣ; онъ еще не возвращался изъ поѣздки своей въ Швабію, гдѣ жилъ уже седьмой мѣсяцъ; его ожидали со дня на день, но онъ пріѣхалъ не раньше половины Мая. Тутъ только Гумбольдтъ вполне сблизился съ нимъ; тутъ только была достигнута цѣль переѣзда въ Іену. Семейства Шиллера и Гумбольдта видѣлись непремѣнно каждый день, а иногда и по два раза въ день. Шиллеръ тогда не былъ уже юношей. Онъ по прежнему былъ идеалистомъ, пламеннымъ мыслителемъ и поэтомъ, но первый пылъ молодости уже прошелъ, пламень этотъ умѣрялся и какъ бы смягчался внутреннимъ спокойствіемъ слѣдствіемъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, придававшимъ ему особенную, прелесть, особенное кроткое величіе. «Мысль, говоритъ Гумбольдтъ, была собственно элементомъ его жизни; онъ жилъ не иначе, какъ окруженный высшими идеями и самыми блестящими картинами фантазіи. При неутомимомъ движеніи духа впередъ онъ постоянно смотрѣлъ на жизнь и стремленіе свое, какъ

на вѣчто безжечное. Съ глубокой любовью, съ истинною, постоянною страстію онъ былъ погруженъ въ свое творчество и въ предметы избранные имъ для воссозданія; все низкое отвергалъ онъ, а обыкновенное облагораживалъ величіемъ своего взгляда и своей разработкой.»

При сравненіи съ Шиллеромъ Гумбольдтъ много потерялъ въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя. Во всемъ существѣ Гумбольдта господствовало равновѣсіе; ни одна сторона не выдавалась рѣзко впередъ не поражала превосходствомъ надъ остальными. Это равновѣсіе, это равномерное развитіе, эта цѣлостность могли съ перваго взгляда показаться въ немъ посредственностію.

Шиллеръ стремился выводить изъ себя, создавать и олицетворять свои идеалы; Гумбольдтъ воспринимать въ себя, обращать въ свою собственность все, что приходило съ нимъ въ соприкосновеніе; природа перваго была природа производительная, общительная; природа втораго воспримчивая, была сосредоточенная, углубленная въ самого себя.

Шиллеръ стремился облечь въ художественныя формы, перенести въ область искусства—идеи, добытыя путемъ научнаго изслѣдованія и самоуглубленія, могучее вдохновеніе поэта поглощаетъ въ немъ стремленіе къ отвлеченному размышленію.

Въ Гумбольдтѣ, напротивъ, духъ поэтическаго творчества проявляется рѣдкими, мимолетными проблесками, которые онъ тщательно скрываетъ; въ немъ преобладаетъ научное изслѣдованіе, мыслительная и критическая дѣятельность, которая въ крайнемъ своемъ развитіи подавляетъ самостоятельную производительность. «Я увѣренъ, пишетъ Шиллеръ къ Гумбольдту, что вашимъ авторскимъ усиліямъ мѣшаетъ единственно перевѣсъ силы сужденія надъ свободнымъ творчествомъ, вліяніе критики, предшествующіе изобрѣтенію, на которое оно всегда дѣйствуетъ разрушительно. Субъектъ вашей мысли слишкомъ скоро обращается въ объектъ между тѣмъ, какъ въ самой наукѣ все должно совершаться субъективною дѣятельностію. Въ этомъ смыслѣ я конечно отказалъ бы вамъ въ истинной геніальности, которой у васъ въ другомъ отношеніи такъ много».

А между тѣмъ и Шиллеръ, и Гумбольдтъ жили въ мірѣ идей, имѣя въ виду не столько сверхъчувственное, чистодуховное, сколько таинственное соединеніе духовнаго и чувственнаго въ одну духовночувственную природу, т. е. въ одно вѣчно-человѣческое.

Различіе и сходство ихъ отразилось въ ихъ языкѣ; изложеніе Гумбольдта можетъ сравниться съ увлекательнымъ языкомъ

Шиллера въ блескѣ и картинности, но при большей простотѣ и спокойствіи не уступаетъ ему въ основательности и глубокомыслии. Различіе это прямо происходитъ отъ различія духа ихъ направленія и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ пламеннаго, гениально творческаго характера одного и спокойнаго, хладнокровно-испытующаго ума другаго; оба они особенно любили въ поэтическихъ произведеніяхъ дидактическое направленіе, глубину мысли, философское содержаніе, особенно сочувствовали стремленію къ высокому, стремленію къ законной правильности освобождающей созданія фантазій отъ всего произвольнаго и случайнаго, стремленію, такъ ярко и рельефно выразившемуся въ твореніяхъ Шиллера.

«Ежели Шиллеръ и Гумбольдтъ, говоритъ Фридрихъ Мюллеръ, гораздо болѣе Гёте были склонны къ отвлеченному размышленію, къ строго философскому разложенію идей, и въ этомъ сходились между собою, то ихъ тѣмъ не менѣе существенно отличали другъ отъ друга энергическій пафосъ одного и безстрастное спокойствіе, кажущаяся холодность другаго».

Вліяніе Шиллера на Гумбольдта выразилось въ пробужденіи послѣдняго къ литературной дѣятельности. Филологическія занятія на время пріостановились, мѣсто ихъ заняли философія и эстетика. «Здѣсь, пишетъ Гумбольдтъ къ Вольфу изъ Іены, гдѣ я имѣю болѣе разнообразныя сношенія и книги по многимъ отраслямъ знанія, я рѣшился приняться за нѣкоторыя прежнія занятія и разработать нѣсколько давнишнихъ идей. Такимъ образомъ, я серьезнѣе возвращаюсь къ философіи, политикѣ и эстетикѣ». Гумбольдтъ и Шиллеръ рѣшили издавать журналъ подъ аглавіемъ «Die Horen», (Горы—часы), въ которомъ должны были принимать участіе Кернеръ, Якоби, Александръ и Вильгельмъ Гумбольдты, Гёте и многіе другіе замѣчательныя нѣмецкіе писатели. Въ это время Гумбольдтъ получилъ отъ Якоби экземпляръ новаго романа его «Вольдемаръ», и первымъ его литературнымъ трудомъ была рецензія этого романа. Заключая въ себѣ всѣ задушевныя убѣжденія автора, Вольдемаръ вполне выражаетъ его личность, такъ что для Гумбольдта, хорошо знавшаго Якоби, книга эта была не романомъ, а живымъ словомъ, дружескимъ разговоромъ. Рецензія Гумбольдта проникнута тою снисходительностію, съ которою мы отъываемся о недостаткахъ хорошаго знакомаго или друга, хотя вполне сознаемъ и понимаемъ ихъ. Сначала онъ хвалитъ все сочиненіе, такъ что нужно удивляться, какъ Гумбольдтъ, съ своимъ тонкимъ чувствомъ къ поэтическому, пропускаетъ безъ вниманія или даже хвалитъ недостатки и погрѣшности, очевидныя для всякаго, сколько нибудь знакомаго

съ требованіями искусства. «Каждая строка, пишетъ онъ, дышетъ самымъ чистымъ, истинно нравственнымъ чувствомъ, связаннымъ съ мѣстнымъ, тонкимъ чувствомъ прекраснаго. . . . Характеры романа изваяны изъ крѣчайшаго и въ тоже время самаго тонкаго матеріала, который только можетъ вынести челоѣчество, и вылиты въ благороднѣйшую форму, какую только можетъ оно принять. Рядъ событій идетъ, опредѣляясь только самимъ собою, съ неприкосновенною легкостью, и разсужденіе вплетается какъ бы безъ намѣренія автора.

Далѣе начинаются порицанія легкія, высказанныя съ величайшею скромностію и осторожностію, но показывающія, что отъ внимательнаго взгляда Гумбольдта не ускользнула ни одна изъ слабыхъ сторонъ романа.

Не зная личности Гумбольдта и отношеній его къ Якоби, можно было бы принять эту рецензію за тонкую иронию, потому что почти каждая изъ его похвалъ далѣе опровергается имъ же самимъ. Въ этой рецензіи обнаруживается между прочимъ въ чемъ состоитъ уклоненіе Гумбольдта отъ философіи Канта. Кантъ противопоставилъ другъ другу чувственность и нравственность, склонность и долгъ, какъ два непримиримые взаимно враждебные другъ другу элемента, и, разорвавъ ихъ естественную связь, составляющую сущность всякаго, уничтожилъ принципъ, необходимый для изображенія совершенной челоѣчественности. Шиллеръ и Гумбольдтъ нашли средство примирить чувственное начало съ нравственнымъ, нашли гуманный принципъ, безкорыстно ведущій къ истинному, благородному и прекрасному, принципъ, который производитъ въ возвышенныхъ характерахъ свободную гармонию, развивающуюся безъ труда и борьбы по врожденному инстинкту. Кантъ принимаетъ добродѣтель за долгъ; уважая челоѣческую индивидуальность, Гумбольдтъ смягчаетъ этотъ долгъ въ естественное влеченіе, въ инстинктъ челоѣческой природы.

Первое сочиненіе, написанное Гумбольдтомъ для «Горъ», «Ueber den Geschlechtsunterschied und dessen Einfluss auf die organische Natur» (О различіи половъ и его вліяніи на органическую природу), носитъ слѣды вліянія брата Александра, пріѣзжавшаго въ Лейпсигъ и подстрекнувашаго Вильгельма къ занятіямъ естественными науками. Гумбольдтъ поддался этому толчку, потому что жажда его къ познаніямъ была неутомима; ему хотѣлось объять всю область челоѣческихъ знаній и распространить ее до возможныхъ ея предѣловъ. «Едва могу я, писалъ онъ къ Шиллеру, сопротивляться желанію все видѣть, испытывать на сколько это возможно. Челоѣкъ для того, мнѣ кажется, и существуетъ,

чтобы превращать въ свою собственность, въ собственность своего разума все, что его окружаетъ; а жизнь коротка. Я бы желалъ, когда придетъ мой часъ, оставить какъ можно меньше предметовъ, съ которыми я не пришелъ бы въ соприкосновеніе».

Изучая человѣка, Гумбольдтъ не ограничивался однимъ духовнымъ элементомъ его существа; онъ разсматривалъ человѣка всего, какъ онъ есть, съ тѣломъ и душой, подобно тому какъ элементъ прекраснаго онъ полагалъ, въ согласіи чувственности съ духовностію.

Въ сочиненіи «О различіи половъ» онъ старается указать на таинственную связь, существующую между тѣломъ и душою, на соотвѣтствіе, въ которомъ находятся явленія міра духовнаго, внутренняго, съ явленіями міра вишняго, вещественнаго. Опредѣленіе этой связи, этого соотвѣтствія и взаимнаго вліянія другъ на друга должно бросить новый свѣтъ на обѣ области наукъ, должно свести въ одни результаты—факты и частныя выводы, собранные порознь психологомъ и натуралистомъ, привести къ открытію однихъ общихъ законовъ—это должно быть послѣднею ихъ задачею, послѣднею цѣлью ихъ трудовъ и усилій.

Эту основную мысль приводитъ Гумбольдтъ во всемъ сочиненіи, показывая соотвѣтствіе и связь между различіемъ половъ физическимъ и духовнымъ, т. е. между тѣло-сложеніемъ и нравственными особенностями мужчины и женщины. Кромѣ того, онъ олицетворяетъ способности и силы, которыхъ совокупное дѣйствіе необходимо при духовномъ творчествѣ и, отдѣляя способности, въ которыхъ болѣе дѣятельности, энергіи, напряженности отъ тѣхъ, въ которыхъ болѣе воспримчивости, мягкости, женственности, переноситъ такимъ образомъ различіе половъ вещественнаго міра въ міръ духовный. Недостатки этого разсужденія—растянутость, неясность изложенія и непослѣдовательность—происходятъ отъ того, что Гумбольдтъ хотѣлъ постигнуть умомъ, представить въ систематическомъ порядкѣ и доказать то, что можно только чувствовать, что можетъ изобразить только творческая фантазія поэта. Объ немъ совершенно вѣрно судитъ Кернеръ. «Онъ погрѣшаетъ, пишетъ онъ къ Шаллеру, въ системѣ, не держитъ ожиданія читателя въ напряженіи, утомяетъ излишними, водянистыми подробностями, не умѣетъ распределять свѣта и тѣней».

Другое сочиненіе Гумбольдта на ту же тему: «Ueber männliche und weibliche Form» (О мужской и женской формѣ) совершенно проникнуто идеями Шаллера, высказанными имъ въ сочиненіи «Anmuth und Würde» (Грація и благородство) и въ Aesthetische

Briefe (Эстетическія письма), съ которыми совершенно сжился и освоился Гумбольдтъ въ послѣднее время. Гумбольдтъ изображаетъ здѣсь идеалы красоты мужеской и женской, красоты какъ духовной, такъ и тѣлесной, потомъ сравниваетъ свои идеалы съ изображеніями греческихъ боговъ и богинь, которыя близко подходятъ къ нимъ въ отношеніи къ формамъ и красотѣ пластической, и наконецъ соединяетъ оба идеала въ одинъ абсолютный идеалъ, въ которомъ исчезаютъ другъ въ другѣ и сливаются въ одно гармоническое цѣлое характеристическія черты обоихъ первыхъ.

Дружба Гумбольдта съ Шиллеромъ, основанная на тождествѣ убѣжденій, на взаимномъ сочувствіи и уваженіи, съ каждымъ днемъ становилась тѣснѣе и искреннѣе. Гумбольдтъ, съ своей стороны, какъ критикъ и тонкій цѣпитель изящнаго, имѣлъ вліяніе на Шиллера и совѣтами своими указалъ ему истинное поприще, облегчилъ ему выборъ между эпосомъ и драмою и направилъ творческія силы его къ трагедіи, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась почти исключительнымъ предметомъ вдохновеній поэта. Впрочемъ новѣйшіе біографы Шиллера упрекаютъ Гумбольдта въ томъ, что онъ развилъ въ Шиллерѣ наклонность къ философствованію, стремленіе носиться мыслію въ отвлеченной области идей, облекать эти идеи въ поэтическія формы и отвратилъ такимъ образомъ его творческую дѣятельность отъ наивной поэзіи, болѣе конкретной и близкой къ природѣ. Но это не совсѣмъ вѣрно.

Гумбольдтъ не соглашался съ Шиллеромъ въ опредѣленіи наивной и сентиментальной поэзіи, сдѣланномъ послѣднимъ, даже находилъ опредѣленіе это одностороннимъ, считалъ невозможнымъ отдѣлять сентиментальную поэзію отъ наивной, которая всегда должна поддерживать ее и служить ей основаніемъ. Шиллеръ высоко цѣнилъ просвѣщенный взглядъ Гумбольдта и подвергалъ его критическому обсужденію и позднѣйшія произведенія свои даже тогда, когда онъ отъ философіи и эстетики снова всѣми силами души обратился къ чистой поэзіи. «Я бы желалъ, пишетъ онъ къ Гумбольдту въ Римъ въ 1805 г., слышать отъ васъ самихъ, довольны ли вы моимъ Теллемъ; это позволительное желаніе, потому что при всемъ, что я создаю, и думаю о томъ, какъ оно вамъ понравится.» «Въ школѣ Гумбольдта, говоритъ Гофмейстеръ, Шиллеръ созрѣлъ для сближенія съ Гёте.»

Семейныя обстоятельства заставили Гумбольдта выѣхать изъ Іены.

Грустно было ему покидать цѣлый кругъ друзей, съ которыми

онъ успѣлъ свыкнуться во время шестнадцатимѣсячнаго своего пребыванія; особенно тяжело ему было разставаться съ Шиллеромъ, котораго онъ любилъ, и какъ мыслителя, и человека. Но болѣзнь матери, приближавшейся къ кончинѣ, призывала его въ Тегель, и чувство долга и сыновней любви превозмогло. Разлука съ Шиллеромъ продолжалась гораздо долѣе, чѣмъ думалъ Гумбольдтъ: пятнадцать мѣсяцевъ провелъ онъ то въ Тегелѣ, у постели больной матери, то въ Берлинѣ, въ кругу прежнихъ знакомыхъ и друзей, съ которыми теперь совершенно расходился въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, въ взглядѣ на философію. Отсталая, сухая метафизика берлинскихъ ученыхъ не имѣла ничего общаго съ полною жизни іенскою эстетикою. Изъ всѣхъ прежнихъ знакомыхъ, всего больше сошелся Гумбольдтъ съ Генцомъ, человекомъ поверхностнымъ, но одареннымъ блестящими способностями, подражавшимъ въ своихъ сочиненіяхъ духу Шиллера и успѣвшимъ заинтересовать его этимъ подражаніемъ. Въ Берлинѣ и Тегелѣ Гумбольдтъ ничего не дѣлалъ. Задумывалъ онъ многое, но въ немъ ни доставало энергіи, чтобы начать дѣло и привести къ концу начатое; не было посторонней возбудительной силы, которая бы поддерживала его въ его предначертаніяхъ, не было, однимъ словомъ, Шиллера. Различіе между Шиллеромъ и Гумбольдтомъ превосходно выказалось въ этой разлукѣ. Въ то время, какъ Гумбольдтъ, лишенный посторонней помощи и обозрительнаго вліянія, бездѣйствовалъ и составлялъ только проекты трудовъ, не приводя ихъ въ исполненіе, Шиллеръ, оставшись почти въ совершенномъ одиночествѣ, потому что и Гёте уѣхалъ изъ Іены, Шиллеръ сталъ писать болѣе обыкновеннаго; производительная сила его, которую только стѣсняло присутствіе друзей, отвлекая его отъ работы, пробудилась съ новою энергіею. Во время отсутствія Гумбольдта написаны: «Сила пѣсни», «Танцы», «Природа и школа», «Царство тѣней», «Достоинство женщины», «Прогулка». Это вполне подтверждаетъ наше положеніе, что природа Гумбольдта—природа воспріимчивая, природа Шиллера—производительная. Гумбольдтъ самъ чувствовалъ свою слабость и зависимость отъ окружающихъ его лицъ. «Чувствую, писалъ Гумбольдтъ къ Шиллеру, что моя духовная дѣятельность, быть можетъ, болѣе нежели слѣдуетъ, нуждается въ чужомъ побужденіи, питаніи и поддержкѣ».

«Такъ какъ вы, отвѣчаетъ ему Шиллеръ, слишкомъ застѣнчивы и стыдливы, чтобы самому производить дѣтей съ музою, то по крайней мѣрѣ, усыновляйте или, лучше сказать, воспитывайте мнѣ моихъ дѣтей; за то вы будете дѣлать со мною радости отца».

Гумбольдтъ съ благодарностію принялъ предложеніе Шиллера писать рецензіи на его произведенія; начался рядъ критическихъ статей, имѣвшихъ свой особенный, оригинальный характеръ, отличавшій Гумбольдтову критику отъ всякой другой, напримѣръ отъ критики Кернера, разбиравшаго также произведенія Шиллера. Между тѣмъ какъ критика Кернера остра, строга и справедлива, критика Гумбольдта снисходительна и пристрастна. Гумбольдтъ сочувствовалъ большей части идей Шиллера, смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственныя мысли и убѣжденія и, конечно, поэтому судилъ о нихъ съ невольнымъ пристрастіемъ.

Онъ любилъ въ Шиллерѣ болѣе поэта, нежели человѣка или, лучше сказать, сначала поэта, потомъ человѣка, то есть, его облизало съ Шиллеромъ болѣе тожество убѣжденій, нежели обстоятельства жизни; поэтому Гумбольдтъ не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнять господствующее направленіе Шиллера, которое всего больше привязывало его къ нему.

Порицанія Гумбольдта относятся къ метрикѣ, къ ризмамъ, однимъ словомъ, къ внѣшностямъ и почти къ мелочамъ. Похвалы его, напротивъ, вникаютъ въ идею, въ сущность произведенія и открываютъ красоты, которыхъ не увидитъ и не оцѣнитъ обыкновенный, поверхностный наблюдатель. Эта черта критики Гумбольдта имѣетъ связь съ уваженіемъ его къ чужой индивидуальности, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что для самостоятельнаго полнаго развитія необходима свобода, независимость направленія, которую ограничиваетъ и стѣсняетъ всякое постороннее вліяніе, всякій, даже дружескій и благонамѣренный совѣтъ. Отъ рецензій послѣднихъ сочиненій Шиллера Гумбольдтъ переходитъ къ опредѣленію его поэтической личности и значенія, къ его характеристикѣ, которой требовалъ самъ Шиллеръ.

Гумбольдта особенно поражала легкость, съ которою Шиллеръ переходилъ отъ трактатовъ философіи и эстетики къ твореніямъ поэтическимъ, опредѣлялъ условія и требованія прекраснаго и осуществлялъ эти условія, создавая соотвѣтствующій имъ идеалъ. Поэтому въ Гумбольдтовой характеристикѣ Шиллера господствуетъ мысль, что въ немъ соединяются философъ и поэтъ, что для него не существуетъ преграды, отдѣляющей истину дѣйствительности отъ истины идеи и что эта главная черта его характера основывается на согласномъ, совокупномъ дѣйствіи силы ума и силы воображенія.

Въ силу этой основной идеи, этого исходнаго пункта и цѣль разсужденія, Гумбольдтъ пресувеличиваетъ достоинства Шиллера.

Онъ считаетъ истиннымъ призваніемъ Шиллера драматическую поэзію и вотъ на какомъ основаніи: въ произведеніяхъ Шиллера высказываются чувства и мысли болѣе идеальныя, нежели близкія къ природѣ; красота чувства преобладаетъ, беретъ верхъ надъ естественностію; истинное поле для такихъ чувствъ—драма вообще и героическая трагедія въ особенности, гдѣ представляется борьба человѣка съ судьбою, и потому человѣкъ необходимо идеализируется.

По поводу характеристики Шиллера, Гумбольдтъ возвращается къ любимому предмету—къ Грекамъ; сравнивая Шиллера съ древне-греческими писателями, онъ старается объяснить себѣ, какимъ образомъ, не смотря на діаметральную противоположность направленія, въ поэзіи Шиллера встрѣчаются всѣ существенныя красоты поэзіи классической древности. Гумбольдтъ разрѣшаетъ это противорѣчіе, придерживаясь идей самого Шиллера, служащихъ основаніемъ его разсужденію «о наивной и сантиментальной поэзіи». По мнѣнію его, уступая древнимъ поэтамъ, изображавшимъ дѣйствительную природу, въ чувственной прелести, опредѣленности, простотѣ и законченности, новѣйшіе, стремившіеся къ идеалу, превосходятъ ихъ богатствомъ, безконечностію матеріала, необъятностію задачи, духовностію своихъ произведеній. Въ духѣ Грековъ—большая воспріимчивости, воспроизводительной силы, въ духѣ новѣйшихъ поэтовъ болѣе самостоятельности, творчества. Вѣрность изображенія, чувственная полнота Грековъ противопоставляется глубинѣ мысли и чувства новѣйшихъ поэтовъ и въ особенности Шиллера, который въ этомъ отношеніи называется «новѣйшимъ изъ новѣйшихъ поэтовъ». Это сближеніе съ Греками подало поводъ къ возобновленію филологическихъ занятій, прерванныхъ въ послѣднее время пребываніемъ въ Іенѣ и вѣтѣсненными занятіями философскими и эстетическими. По дорогѣ изъ Іены въ Берлинъ, Гумбольдтъ заѣхалъ къ Вольфу въ Галле. Свиданіе съ старымъ другомъ, разговоры съ нимъ снова возбудили въ Вильгельмѣ желаніе заняться греческою литературою и языкомъ. Впрочемъ, сравнивая себя, съ одной стороны, съ Вольфомъ, какъ филолога, съ другой съ Шиллеромъ, какъ мыслителя и писателя, Гумбольдтъ сознавалъ и, кажется, преувеличивалъ превосходство ихъ надъ собою. Отказываясь отъ всякой попытки сравниться съ ними въ спеціальности каждаго, онъ задумалъ соединить въ себѣ то и другое, внести въ изученіе греческой литературы элементъ эстетическій и предположилъ составить характеристику народнаго духа и литературы Грековъ, но задача оказалась слишкомъ огромною;

Гумбольдтъ измѣнилъ ее и истрепалъ къ опредѣленію характера однихъ поэтовъ, но и этого показалось много; онъ ограничился сначала извѣстнымъ періодомъ времени, наконецъ извѣстною личностію и изъ всѣхъ поэтовъ выбралъ одного Пиндара, съ которымъ былъ хорошо знакомъ. Но характеристика Пиндара показалась ему трудомъ слишкомъ частнымъ и спеціальнымъ; словомъ, ничего не было сдѣлано, и предположенія остались предположеніями.

Въ Ноябрь 1796 года Гумбольдтъ снова пріѣхалъ въ Іену черезъ Галле, гдѣ еще разъ видѣлся съ Вольфомъ. Въ Іенѣ въ то время кипѣла живая, разнородная литературная и ученая дѣятельность. Шиллеръ обратился къ поэзіи и писалъ болѣе обыкновеннаго; Гёте, пріѣхавши изъ Веймара, трудился надъ «Германомъ и Доротеєю» и занимался остеологіею; Александръ Гумбольдтъ—изученіемъ природы, сближаясь родомъ занятій съ авторомъ «Вильгельма Мейстера»; Августъ Шлегель переводилъ Шекспира, Вильгельмъ Гумбольдтъ принялся за переводъ «Агамемнона» Эсхила. Шиллеръ еще прежде подружился съ Гёте, и сблизилъ съ нимъ друзей своихъ, Гумбольдта и Кернера. Гумбольдтъ еще до втораго пріѣзда своего въ Іену сообщалъ Гёте замѣтки о вновь выходившихъ его произведеніяхъ, и даже написалъ довольно подробную рецензію «Вильгельма Мейстера»; Кернеръ также писалъ критическія статьи о сочиненіяхъ Гёте и сообщалъ ихъ ему черезъ Шиллера. Приглашенный участвовать въ «Горахъ», Гёте пріѣзжалъ въ Іену, чтобы переговорить съ Шиллеромъ объ основныхъ положеніяхъ изданія и видѣлся съ Гумбольдтомъ, однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ. Съ этого времени начинается ближайшее ихъ знакомство. Гумбольдтъ съ Шиллеромъ ѣздилъ въ Веймаръ къ Гёте, нѣсколько разъ видѣлъ его въ Іенѣ, и въ бытность свою въ Берлинѣ велъ съ нимъ постоянную переписку, которая, впрочемъ, не сохранилась и объ общемъ ходѣ которой мы можемъ судить только по дошедшимъ до насъ письмамъ Гумбольдта и Гёте къ Шиллеру.

Второе пребываніе Гумбольдта въ Іенѣ особенно способствовало тѣснѣйшему сближенію его съ Гёте. Оставаясь въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Шиллеромъ, онъ отдалился отъ него образомъ дѣятельности; Шиллеръ бросилъ занятія эстетикою, и, вмѣсто того, чтобы искать условій прекраснаго, и опредѣлять ихъ умозрительными выводами, совершенно предался поэзіи, стараясь создать, осуществить идеалъ чувствомъ и вдохновеніемъ. Гёте, напротивъ того, принималъ живое участіе въ эстетико-филологическихъ трудахъ Гумбольдта, который,

между тѣмъ, оставивъ характеристику Пиндара, собиралъ матеріалы для изображенія духа литературы XVIII-го столѣтія. И это предпріятіе впрочемъ остановилось при самомъ началѣ.

Между тѣмъ знаменитая поэма Гёте «Германнъ и Доротея» подвигалась къ концу; Гумбольдтъ слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ ея содержанія, читалъ отдѣльныя отрывки и сцены, по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ подъ пера поэта, помогалъ ему во вѣншей отдѣлкѣ стиха, въ метричѣ и наблюдалъ наконецъ за печатаніемъ поэмы въ Берлинѣ. «Поэма произвела сильное впечатлѣніе на Гумбольдта. Гёте, какъ человѣкъ, мыслитель и поэтъ, сталъ въ его глазахъ на ряду съ Шиллеромъ, если не выше его. Ему казалось, что этимъ произведеніемъ авторъ достигалъ высшей степени поэтическаго совершенства. Гёте удовлетворялъ всѣмъ условіямъ Гумбольдтова идеала поэта. Второе пребываніе Гумбольдта въ Іенѣ было непродолжительно; Шиллеру грустно было разставаться съ другомъ; тайное предчувствіе говорило ему что близкія сношенія ихъ кончатся, что не возобновятся дружескія бесѣды, философскія пренія. «Гумбольдтъ уѣхалъ, пишетъ Шиллеръ къ Гёте; я нѣсколько лѣтъ не увижу его, да и вообще нельзя ожидать, чтобы мы еще разъ увидались такъ, какъ теперь расстаемся. И такъ, вотъ еще одна связь окончена, и не можетъ болѣе возобновиться. Два года, прожитые при различныхъ условіяхъ во многомъ измѣняетъ и насъ, и наши отношенія.»

На Гумбольдта второе пребываніе въ Іенѣ произвело глубокое впечатлѣніе, затронуло въ немъ многія струны, возбудило много новыхъ идей, которыя развились и созрѣли въ немъ позднѣе, и которыхъ первое проявленіе видимъ мы годъ спустя въ сочиненіи *Aesthetische Versuche: I Band* (Эстетическіе опыты, часть I), присланномъ Шиллеру въ рукописи. Это сочиненіе выражаетъ образъ мыслей Гумбольдта во второй періодъ его развитія, какъ «*Ideen über die Wirksamkeit des Staats*» представляютъ юношескія грезы пылкой души его, мечты, еще не сознанныя и не вполне сложившіяся. «Эстетическіе опыты» написаны по поводу «Германна и Доротея» Гёте; это пространная рецензія поэмы и характеристика поэта. Но въ связи съ этой частной задачей Гумбольдтъ представилъ мысли свои о поэтическомъ произведеніи вообще, и изложилъ требованія, которымъ, по его понятіямъ, должно удовлетворять истинно-художественное твореніе. Въ этой эстетической теоріи, носщей слѣды вліянія Канта и Шиллера, Гумбольдтъ обращаетъ преимущественное вниманіе не на сущность изящнаго, а на его происхож-

деніе, на самый процесс созданія художественныхъ произведеній. Главнымъ предметомъ его изслѣдованій является сила воображенія, творческой фантазіи; онъ опредѣляетъ ее какъ единственную изъ нашихъ способностей, которая можетъ соединять и удерживать въ взаимной связи между собою противорѣчащія другъ другу и слѣдовательно несовмѣстныя свойства; при помощи этой силы художникъ превращаетъ дѣйствительность въ картину, выводитъ природу изъ предѣловъ вещественности и, собирая и группируя явленія и признаки, разбросанныя въ мірѣ дѣйствительномъ, возстановляетъ единство формы, нарушаемое въ естественномъ порядкѣ вещей, словомъ идеализируетъ существующую и видимую природу. И идеальное, по словамъ Гумбольдта, есть то, что никогда не можетъ достигнуть дѣйствительности и чего не можетъ истощить никакое выраженіе. Съ идеальностію тѣсно связана цѣлостность, потому что сила фантазіи уничтожаетъ случайность, ограниченность и раздѣленность дѣйствительности. Поэзія превращаетъ «личности въ идеалы», переноситъ природу въ «область идей» и чрезъ это затрогиваетъ струны человѣческой души, не принадлежащія къ чувственному міру. Общія положенія эти сходны съ положеніями Канта въ сочиненіи его: «Ueber die Kraft der reinen Vernunft» (О силѣ чистаго разума), но Гумбольдту нужно было формулы эти примѣнить къ дѣлу, изъ общаго понятія поэзіи, нужно было вывести естественное и послѣдовательное ея самораздѣленіе. Для этого, онъ принимаетъ два существенно различныя положенія души, во-первыхъ—положеніе «созерцанія» и во вторыхъ—положеніе опредѣленнаго чувствованія; на этомъ основаніи онъ дѣлитъ поэзію на эпическую и лирическую, къ которой причисляетъ и трагедію. Онъ опредѣляетъ эпическое стихотвореніе, какъ «такое поэтическое изображеніе дѣйствія въ разсказѣ, которое ставитъ нашу душу въ положеніе живѣйшаго и самаго общаго чувственнаго созерцанія. Удаляясь отъ Канта, Гумбольдтъ примыкаетъ къ Шиллеру, подражаетъ ему въ опредѣленіи наивнаго и сентиментальнаго характера поэтическихъ произведеній и согласно съ нимъ находитъ въ древней поэзіи преобладаніе наивнаго, въ новѣйшей господство сентиментальнаго направленія.

Примѣняя къ Гёте найденныя категоріи, онъ видитъ въ его направленіи гармоническое сліяніе характеровъ древней и новѣйшей поэзіи, но замѣчаетъ однако болѣе сродства съ древнимъ элементомъ, перевѣсъ наивнаго надъ сентиментальнымъ. Лучшія мѣста этого сочиненія относятся не къ общимъ опредѣленіямъ и изысканіямъ, а къ личности Гёте и къ его поэмѣ, вокругъ кото-

рой группирруется эстетическая теорія, какъ въ сочиненіи: «О мужской и женской формѣ»—мысли о красотѣ женщины группировались вокругъ изображеній Афродиты и Геры. Недостатокъ сужденія его о Гётѣ и его поэмѣ заключается въ излишней восторженности, въ увлеченіи, которыя отнимаетъ у Гумбольдта вѣрность взгляда и необходимое для критика безпристрастіе, онъ ошибается, смѣшивая личность, единичный фактъ съ идеаломъ. «Въ характерѣ этого произведенія, говоритъ онъ, чище, нежели въ какомъ либо другомъ отразилась общая природа поэзіи и искусства».

Превознося объективность поэмы, онъ сравниваетъ ее въ этомъ отношеніи съ древними повѣстическими произведеніями, которыя оно превосходитъ глубиною и полнотою чувства. Онъ рисуетъ природу и душу человѣка, но душу живую и получившую образъ. Въ «Германнѣ и Доротее», говоритъ Гумбольдтъ, является намъ человѣчество и судьба; вопросъ въ томъ, какъ соединить общую цѣль всего человѣчества съ естественною индивидуальностію каждаго? отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить вся поэма, въ которой Гётѣ указываетъ на средства этого соединенія. Сохранять и развивать свой естественный, индивидуальный характеръ, удерживать прямой и здравый умъ въ независимости отъ внѣшнихъ переворотовъ, открывать его всякому высшему и лучшему вліянію и сопротивляться всѣмъ нравственнымъ силамъ духу смущенія, и безпокойства, вотъ что совѣтуетъ Гётѣ человѣчеству, вотъ глубокій, дидактическій смыслъ его поэмы, выводящій ее изъ ряду обыкновенныхъ беллетристическихъ произведеній и придающій ей особенную, высшую цѣну въ глазахъ внимательнаго наблюденія.

Гумбольдта поражаетъ и эстетическое достоинство стихотворенія, и человѣческое значеніе поэта. «Авторъ такого произведенія, говоритъ онъ, можетъ быть названъ въ высшей степени человѣчественнымъ, потому что никто другой не говоритъ нашему сердцу въ такихъ разнообразныхъ, высокихъ, необыкновенныхъ и въ тоже время простыхъ и понятныхъ звукахъ.... Ни въ одномъ древнемъ писателѣ нѣтъ его высокой, тонкой, идеальной сентиментальности, ни въ одномъ новомъ—его чистой истинности, его сердечной, простой задушевности.... Изображая состояніе души даже самое необыкновенное и страстное, онъ, какъ при описаніи внѣшней природы, владѣетъ кистью спокойно и послѣдовательно, крѣпко сплочивая въ одно цѣлое отдѣльныя составныя части. Онъ выводитъ изображаемую индивидуальность въ одно время изъ всѣхъ силъ души, вылетаетъ ее во всѣ мысли, чувства, про-

явленія характера, показываетъ тотъ же характеръ въ связи съ другими; онъ такъ живо выставляетъ его передъ нашимъ воображеніемъ въ его бытіи и сущности, что мы видимъ его не только въ одну извѣстную минуту, но въ обыкновенномъ, всегдашнемъ его состояніи, слѣдимъ за его развитіемъ и можемъ судить о его успѣхахъ..... Внутреннія движенія души способны принимать весьма различныя оттѣнки, изъ которыхъ особенно замѣчательны слѣдующіе два, образующіе двѣ крайности, высокій, сильный и тихій, спокойный. Мысль принимаетъ различныя формы, съ одной стороны, выходя изъ чистаго размышленія, не опирающагося на внѣшній опытъ, или, являясь изъ области фантазіи въ видѣ блестящей сентенціи и, съ другой стороны, схватывая въ простой истинѣ множество опытовъ и выводя изъ нихъ самородную мудрость. Сердце чувствуетъ различныя движенія, когда его, съ одной стороны, обуреваютъ сильныя страсти и когда оно, съ другой стороны, вовлекиши въ свой кругъ все, что можетъ заимствовать изъ природы, тихо и глубоко волнуется, гармонически пропикнутое могучими, безконечными, но постоянно согласными между собою чувствами. Это послѣднее настроеніе характера изображаетъ Гёте, и когда онъ вызываетъ страсти, то они поднимаются, какъ волны на безпредѣльномъ морѣ, на приготовленной такимъ образомъ почвѣ, и располагаются снова на свѣтлой, ничѣмъ неограниченной поверхности, легко подвижной на всемъ своемъ пространствѣ. Этимъ отличается онъ отъ новѣйшихъ поэтовъ другихъ націй, которые рисуютъ болѣе страсти нежели душу, въ которыхъ болѣе пыла и огня, нежели искренности и теплоты, и снова приближается этимъ путемъ къ прекрасному равновѣсію къ спокойной гармоніи древнихъ.»

Вообще, разсужденіе о «Германиѣ и Доротеѣ» представляетъ двѣ рѣзко отличающіяся части.

Въ первой Гумбольдтъ доказываетъ, что поэма эта истинно художественное, поэтическое твореніе. Доказавъ это, представивъ объективность необходимымъ условіемъ изыскаго произведенія, онъ отдѣляетъ поэзію Гёте отъ поэзіи Шиллера, болѣе пластическое направленіе отъ болѣе музыкальнаго, наивный стиль отъ сентиментальнаго и наконецъ, описывая болѣе и болѣе тѣсныя круги, точно опредѣляетъ поприще дѣятельности автора «Германна и Доротеи».

Это составляетъ переходъ къ второй части, въ которой доказывается что «Германиѣ и Доротеѣ» есть образецъ истиннаго эпоса. Изъ общаго родоваго понятія эпоса выдѣляется сначала идиллія, далѣе повѣствовательное стихотвореніе, наконецъ

опредѣляется различіе между апосомъ героническимъ и гражданскимъ, къ которому онъ и относитъ поэму Гёте. Произведеніе свое Гумбольдтъ прислалъ Шиллеру изъ Парижа, прося позаботиться о его напечатаніи; между тѣмъ, въ сочиненіи этомъ, исполненномъ похвалъ Гёте и его произведенію, не упомянуто имени Шиллера. Лучшимъ доказательствомъ благороднаго характера Шиллера можетъ служить поведеніе его въ этомъ случаѣ и въ особенности довѣріе Гумбольдта къ справедливости своего друга и его безпристрастію, составляющему явленіе, рѣдкое въ литературномъ мірѣ. Вполнѣ одобряя и радѣя за основную мысль сочиненія Гумбольдта, Шиллеръ сдѣлалъ ему еще нѣсколько замѣчаній, касавшихся внѣшняго расположенія идей и слога, который мѣстами тяжелъ и отзывается педантизмомъ, происшедшимъ отъ желанія быть яснымъ.

«Заслуга этой работы, пишетъ Шиллеръ, въ строжайшемъ смыслѣ принадлежитъ вамъ. Правда, Гёте, какъ поэтъ, могъ приготовить вамъ матеріалъ, но я, какъ цѣлитель изящнаго и теоретикъ, не много пособилъ вамъ. Мало того. Я долженъ сознаться, что вижу слѣды моего вліянія въ единственной значительной погрѣшности, которую долженъ вамъ замѣтить. Догматическая часть вашего труда, опредѣляющая законы поэзіи, находится въ совершенномъ согласіи съ собою, съ предметомъ и съ чистѣйшими, общими воззрѣніями другихъ и съ философской точки зрѣнія вполнѣ удовлетворительна. Не менѣе вѣрна и безъукоризненна часть критическая, примѣняющая эти законы къ самой поэміи и замѣняющая его оцѣнкой; но, кажется, не достаетъ средней части, которая примѣняла бы общія положенія, метафизику поэзіи, къ отдѣльнымъ родамъ ея и посредствомъ которой совершился бы переходъ отъ самаго общаго къ единичному. Я замѣтилъ выше, что узнаю въ этой погрѣшности слѣды моего вліянія. Дѣйствительно, стремленіе наше къ элементарнымъ понятіямъ въ эстетическихъ предметахъ привело насъ къ тому, что мы слишкомъ непосредственно примѣняемъ къ предметамъ метафизику искусства и употребляемъ ее, какъ практическое орудіе, къ чему она, конечно не годится; мнѣ это часто случалось дѣлать въ отношеніи къ Бюргеру и Маттисону, въ особенности при статьяхъ для «Горъ».

«Идеямъ Гумбольдта, пишетъ Шиллеръ къ Кернеру, не достаетъ необходимой смѣлости выраженіи, а всему изложенію группировки, столь же необходимой въ научномъ изложеніи какъ и во всякомъ художественномъ произведеніи. Такъ какъ ему не достаетъ этого, то результаты его не легко охватываются

разсудкомъ, и еще менѣе производятъ впечатлѣніе на воображеніе; они разсѣяны и ихъ нужно собирать; одинъ періодъ вытѣсняетъ у него другой; онъ развлекаетъ вниманіе въ разныя стороны и ни на чемъ исключительно не позволяетъ ему остановиться.»

Вотъ главные недостатки этого произведенія, которое вообще не имѣло успѣха въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что незадолго за его появленія вышла въ свѣтъ рецензія поэмы «Германинъ и Доротея» Августа Вильгельма Шлегеля, написанная не столь основательно, но языкомъ болѣе живымъ, увлекательнымъ, и потому поправившаяся больше рецензіи Гумбольдта.

Уѣзжая изъ Іены, Гумбольдтъ намѣревался путешествовать, чтобъ довершить свое самообразование, познакомиться съ замѣчательными личностями своего времени, изучить физіономіи различныхъ народовъ въ отечествѣ ихъ и на поприщѣ обыкновенной политической и домашней ихъ дѣятельности. Сперва Гумбольдтъ рѣшился посѣтить Сѣверную Германію, чтобы прежде всего вполнѣ познакомиться съ своимъ отечествомъ. Изъ Берлина онъ отправился черезъ Стральзундъ въ Рюгенъ, оттуда черезъ Роштокъ и Любекъ въ Эйтинъ, обыкновенное мѣстопребываніе Фосса, съ которымъ онъ желалъ повидаться и облизниться. Авторъ «Луизы», честный и добродушный Нѣмецъ, какъ человѣкъ и какъ семьянинъ произвелъ на Гумбольдта самое пріятное впечатлѣніе, и совершенно расположилъ его въ свою пользу.

Пробывъ нѣсколько дней въ Эйтинѣ, Гумбольдтъ проѣхалъ въ Гамбургъ и оттуда возвратился въ Берлинъ, гдѣ никто изъ прежнихъ друзей не могъ замѣнить ему Шиллера. Внутренняя пустота, происходившая отъ разлада со всѣмъ окружающимъ, породила въ Гумбольдтѣ тоску, безпокойство, непреодолимое желаніе перепестись снова въ кружокъ іенскихъ друзей; дѣйствительно, не смотря на безнадежное положеніе больной матери, онъ оставилъ Берлинъ и, черезъ Галле, гдѣ видѣлся съ Вольфомъ, проѣхалъ въ Іену. Это третье пребываніе его было очень непродолжительно; онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ матери, и разныя семейныя дѣла принудили его снова ѣхать въ Берлинъ. Окончивъ дѣла по наслѣдству, Гумбольдтъ съ новою силою ухватился за желаніе свое путешествовать, желаніе, которое можно было еще легче исполнить теперь, по смерти матери. Давно уже привлекала его Италія; и климатъ, и историческія воспоминанія, и произведенія искусствъ, все манило его въ Римъ, представляя ему древнюю столицу міра очарованнымъ городомъ, безъ котораго развитіе будетъ неполно и безсвязно. Обстоятель-

ства, казалось, благопріятствовали исполнить давнишнее желаніе. Внутреннее развитіе свое Гумбольдтъ считалъ достаточно оконченнымъ, чтобы въ полной мѣрѣ наслаждаться красотами природы и искусства, понимать и чувствовать истинное значеніе величественныхъ памятниковъ древности. И такъ рѣшено было ѣхать въ Италію.

Въ концѣ Апрѣля Гумбольдтъ изъ Берлина отправился съ женою въ Дрезденъ, гдѣ съѣхался съ братомъ Александромъ, желавшимъ сопутствовать имъ въ путешествіи. Тутъ пробылъ онъ довольно долго, сблизился съ Кернеромъ, видѣлся съ нимъ каждый день и разговаривалъ о великихъ произведеніяхъ Шиллера и Гете, критика которыхъ составляло главное и любимое занятіе обоихъ. Не ранѣе конца Іюля семейство Гумбольдтовъ пустилось въ дальнѣйшій путь по дорогѣ къ Вѣнѣ, куда прибыли они въ началѣ Августа. Здѣсь услышали они о томъ, что въ Италію начались военныя дѣйствія, что дороги захвачены французскими летучими отрядами, и что путешествіе вообще представляетъ большія неудобства и даже серьезныя опасности. Принужденный отказаться отъ поѣздки въ Италію, Вильгельмъ Гумбольдтъ рѣшился ѣхать въ Францію черезъ Швейцарію и въ началѣ Октября оставилъ Вѣну, а въ концѣ того же мѣсяца прибылъ съ женою въ Мюнхенъ.

Вильгельмъ не оставлялъ безъ вниманія ничего достопримѣчательнаго; онъ путешествовалъ чтобы учиться и вполне достигалъ предположенной цѣли; бібліотеки, музеи, общественныя зданія и учрежденія, все обращало на себя его просвѣщенное вниманіе; мало того онъ всматривался въ фізіономію и бытъ народа, вслушался въ его языкъ и повѣря, изучалъ природу и душу человека въ самыхъ живыхъ ея проявленіяхъ. Гумбольдтъ не занимался исключительно одною извѣстною стороною, оставляя безъ вниманія всѣ другія. Онъ наслаждался полнымъ впечатлѣніемъ, которое производило на него все, что онъ видѣлъ, въ совокупности, въ цѣлости, въ строгомъ соответствіи и равновѣсіи отдѣльныхъ составныхъ частей. Изъ Мюнхена онъ проѣхалъ по Швейцаріи и наконецъ прибылъ въ Парижъ въ половинѣ Ноября.

Здѣсь богатый домъ Гумбольдта, оживленный любезностію его жены и открытый для высшаго парижскаго круга, въ особенности для литературныхъ и ученыхъ знаменитостей, сдѣлался, какъ пишетъ Каролина фонъ Гумбольдтъ къ одной изъ своихъ пріятельницъ, Рахили Левинъ, point de ralliement Нѣмцевъ и Французовъ; изъ Парижскихъ знакомыхъ ихъ особенно замѣчатель-

ны живописцы Давидъ и Форестье, писатели и ученые Виллазонъ, Милленъ, Дю-Тейль, Сенъ-Круа, отшельникъ Графъ Шлабрендорфъ, Эльснеръ, Лейхсенрингъ, Бургсдорфъ, М^{те} Сталь, съ которою коротко познакомились Гумбольдтъ и его супруга. Въ салонахъ М^{те} Сталь они встрѣчались съ тогдашними парижскими знаменитостями, которыя имѣли вліяніе на современное общество и давали направленіе своему вѣку. Здѣсь видѣлся и сближался Гумбольдтъ съ многими французскими учеными и писателями, которые интересовались нѣмецкимъ языкомъ и словесностью въ эпоху до реставраціи. Такъ узналъ онъ Бенжамена Констана, Ретифъ де-ла Бретоннь, Битобѣ и Сильвестра де Саси. Здѣсь же впервые онъ видѣлся съ знаменитымъ Талейраномъ, съ которымъ ему такъ часто суждено было встрѣчаться впоследствии на дипломатическомъ поприщѣ. Подробности этого перваго знакомства неизвѣстны. Сюда же, весною 1797 года возвратился изъ своихъ путешествій Александръ Гумбольдтъ.

Не отказываясь отъ общества, Вильгельмъ Гумбольдтъ не оставилъ и ученыхъ занятій, для которыхъ въ Парижѣ ему представлялось много новыхъ средствъ; все утро посвящено было трудамъ въ бібліотекахъ и музеяхъ, изученію греческой древности, чтенію Гомера, и переводу Пиндара, который успѣшно подвигался впередъ. Впрочемъ, изученіе древности не составляло исключительнаго предмета вниманія Гумбольдта; его столько же интересовала національность новыхъ народовъ. Въ бытность свою во Франціи онъ подмѣчалъ отличительныя черты французскаго характера. Мѣстомъ его наблюденій былъ театръ.

Сравнивая игру Французскихъ актеровъ съ игрою Нѣмцевъ, и замѣчая существенное различіе, онъ выводилъ изъ этого различія заключенія о характерѣ обоихъ народовъ. Замѣчанія его показываютъ тонкую и глубокую наблюдательность. «Французы, говоритъ онъ, любятъ эффектъ, виѣшній блескъ, который въ глазахъ ихъ можетъ замѣнить прочихъ внутреннія достоинства, поддаются впечатлѣнію минуты, увлекаются имъ, но не на долго. Такъ и актеры ихъ лучше выражаютъ страсти, минутныя чувства, нежели характеры; игра ихъ отличается болѣе эффектностью, нежели ровностью, глубиною и обдуманностью, въ которой она уступаетъ драматическому искусству Нѣмцевъ.... Нѣмецъ хочетъ схватить впечатлѣніе прямо чувствомъ и умомъ, хочетъ перескочить черезъ бездну, которая такъ рѣзко отдѣляетъ бытіе отъ бытія и силу отъ силы, что они могутъ сдѣлаться понятными только черезъ посредствующіе знаки. Мысли и чувства не проявляются тотчасъ въ выраженіи, не всегда представляются говорящему въ опредѣленныхъ словахъ,

поэту въ гармоніи и ритмѣ, живописцу и ваятелю въ образѣ, особенности же не представляются актеру въ выраженіи лица и въ жестахъ, потому что мы вообще не обладаемъ живою и выразительною мимикою. Вообще нѣмецъ не такъ говорливъ, какъ другіе народы, а между тѣмъ (я говорю откровенно, какъ чувствую) онъ могъ бы высказать больше и лучше другихъ. Это расположеніе духа, безъ сомнѣнія, можетъ вредить искусству. На этомъ основаніи, наши поэты въ богатствѣ и красотѣ ритма, въ чувственной полнотѣ выраженія уступаютъ не только древнимъ, но часто и новѣйшимъ и потому, при одинаковой силѣ, не могутъ сравниться съ ними въ степени поэтическаго воодушевленія. «Эти наблюденія изложены въ систематическомъ порядкѣ въ сочиненіи «О современной французской трагической сценѣ», помѣщенномъ въ «Пропилеяхъ» Гёте.

Во все объемлющее Гумбольдтово изученіе челоѣка вошла и физиогномика, не имѣвшая впрочемъ ничего общаго съ наукою Лафатера. Онъ посѣтилъ музей малыхъ Августинцевъ (*le musée des petits Augustins*) и наблюдалъ типы находящихся въ одной галлерей портретовъ и бюстовъ замѣчательныхъ людей Франціи со временъ Хлодвигъ до Людовика XV; на основаніи этихъ наблюденій онъ, впрочемъ, не составлялъ, какъ Лафатеръ, смѣлыхъ теорій, удивляющихъ своею бездоказательностью, но просто дѣлалъ замѣтки со свойственною ему тонкостью и проницательностію; онъ умѣлъ подмѣтить такіа стороны и черты, которыя ускользнули бы отъ обыкновеннаго наблюдателя. Напримѣръ, онъ находилъ, что благороднѣйшій типъ соотвѣтствуетъ времени процвѣтанія литературы, но изъ этого факта не выводилъ никакого произвольнаго заключенія.

Въ концѣ Августа 1799 г. Гумбольдтъ со всѣмъ семействомъ предпринималъ путешествіе въ Испанію; онъ отправился изъ Парижа черезъ Байонну, проѣхалъ въ Бискаію, оттуда по берегамъ Эбро въ Кастилію, въ Мадридъ, потомъ на югъ, въ Кадиксъ и наконецъ назадъ на сѣверъ черезъ Севилью, Сьерру Морену и Валенсію мимо Мурвiedро, (древняго Сагунта) въ Барцелону; пробывъ тамъ нѣсколько времени, онъ черезъ Каталонію отправился къ Пиринеямъ и возвратился въ Парижъ въ Апрѣлѣ 1800 года. Поѣздка эта замѣчательна тѣмъ, что съ нею соединены первыя лингвистическія занятія Гумбольдта, начавшіяся съ изученія баскискаго языка, занятія, которымъ суждено было вытѣснить или по крайней мѣрѣ подчинить себя и отодвинуть на второй планъ изученіе древности, философію и эстетику,—и обезсмертить имя Вильгельма Гумбольдта.

Гумбольдтъ нашелъ что въ языкѣ всего чинше выражается

индивидуальный характеръ народа и что основательное изученіе языка, изученіе, въ которое входятъ элементы всѣхъ наукъ, составлявшихъ до сихъ поръ предметъ его занятій, прямо и вѣрно поведетъ его къ предполагаемой цѣли, къ познанію человѣка. Труды по баскскому языку задержали его долго въ Испаніи и потомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ нашелъ въ библіотекахъ много памятниковъ и рукописей. Гумбольдту помогали въ Бискаіи два мѣстные священника, хорошо знавшіе баскскія древности.

Впрочемъ, результаты всей поѣздки въ научномъ отношеніи не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. «Главною цѣлью моего путешествія черезъ Бискаію, говоритъ Гумбольдтъ, было отыскать слѣды, которые могли остаться отъ древнѣйшей исторіи и древнѣйшаго быта народа въ старинныхъ преданіяхъ и народныхъ пѣсняхъ. Но вскорѣ я совершенно разочаровался въ ожиданіи пайти что нибудь замѣчательное. Быть можетъ, ни въ какой другой странѣ безразсудная ревность первыхъ христіанскихъ жителей не успѣла такъ окончательно уничтожить всѣ остатки языческой древности.»

Въ горахъ Сіерры Морены Гумбольдтъ написалъ элегію; это былъ первый самостоятельный его поэтический опытъ, написанный подъ вліяніемъ роскошной природы Андалузіи. Въ ней совѣтуетъ онъ человѣку сближаться съ природою, воспринимать ее въ себя и воспринятое воодушевлять и преобразовывать дыханіемъ внутренней жизни.

Сильное впечатлѣніе произвелъ на Гумбольдта удивленный монастырь Монсерратъ близъ Барцелоны, построенный на одинокой скалѣ, въ прекрасномъ, живописномъ мѣстоположеніи. «Когда я всходилъ къ монастырю, пишетъ онъ къ Гёте, по тропинкѣ, медленно извивающейся вдоль склона скалы, когда, прежде нежели я увидѣлъ зданія, зазвучалъ колоколъ, мнѣ представился вашъ благочестивый пилигримъ (въ стихотвореніи «Тайны»); когда я выглянулъ изъ глубокихъ, зеленѣющихъ ущелій и увидѣлъ кресты, водруженные святою отвагою на голыхъ утесахъ, въ неизмѣримой высотѣ, по видимому, недоступной человѣку, то взоръ мой не пронесся равнодушно мимо этого символа, непрерывно встрѣчающагося въ Испаніи. Величіе природы, глубина одиночества наполняетъ сердце такими чувствами, которыя придаютъ даже пустому іероглифу свой собственный, знаменательный смыслъ. Какъ бы мы ни думали о какомъ нибудь вѣрованіи или убѣжденіи, между нимъ и нами стоитъ посредникомъ человѣкъ, изъ чувствованій котораго она вышло. Въ суетѣ свѣта мы часто забываемъ объ этомъ и судимъ рѣзко и поспѣш-

но; но въ тиши уединенія, располагающаго насъ къ кротости, мы сильнѣе чувствуемъ сродство свое со всѣмъ человѣческимъ. Долго не могъ я оторваться отъ вершины этой удивительной горы, долго, пристально смотрѣлъ на разстилавшуюся предо мною обширную равнину, которая, съ одной стороны, окаймлена моремъ и свѣжными хребтами горъ, съ другой, сливается съ необозримою далью, на лежавшія подо мною лѣсистыя ущелья, которыхъ глубокая тишина только порою нарушалась отдаленнымъ звономъ монастырскаго колокола. Не вольно подумалъ я, что это мѣсто можетъ служить убѣжищемъ тихаго удаленія отъ свѣта, убѣжищемъ, гдѣ немногимъ совершенно чуждое стремленіе жить съ самимъ собою и съ природою найдетъ полное, невозмутимое удовлетвореніе. Дѣйствительно, для каждаго, истинно человѣческаго чувства должно бы въ природѣ быть благопріятствующее ему мѣсто, въ которомъ человѣкъ могъ-бы искать прибѣжища, если не для себя, то по крайней мѣрѣ, для своихъ чувствъ и своего воображенія.» Прекрасное описаніе это показываетъ живое чувство Гумбольдта къ красотамъ природы, отъ которыхъ онъ постоянно восходитъ къ болѣе возвышенному, внутреннему и духовному.

Изъ Парижа Гумбольдтъ возвратился въ Германію; въ Веймарѣ видѣлся съ Шиллеромъ, но пробылъ съ нимъ недолго, и изъ Веймара, черезъ Бургзрнеръ, проѣхалъ въ Берлинъ и въ Тегель. Берлинская жизнь теперь, какъ и прежде, не имѣла для него ничего привлекательнаго. Онъ снова сталъ часто видаться съ Генцомъ, но съ каждымъ днемъ болѣе понималъ его, видѣлъ пустоту его и отсутствіе прочныхъ нравственныхъ правилъ. Подкупленный австрійскимъ золотомъ, Генцъ въ то время поддерживалъ интересы австрійскаго двора, навлекъ на себя подозрѣніе, и принужденный бѣжать изъ Берлина, перешелъ наконецъ въ австрійскую службу.

Между тѣмъ Гумбольдтъ также выѣхалъ изъ Берлина, получивъ мѣсто, достойное его талантовъ и добросовѣстности. Мы видѣли, какъ Гумбольдтъ въ первой молодости бросилъ службу, думая найти въ саморазвитіи и нравственномъ совершенствованіи болѣе достойный и полезный предметъ дѣятельности.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, особенно во время послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ, его тревожило опасеніе, не будетъ ли одностороннимъ развитіе, при которомъ кругъ дѣятельности ограниченъ собственною личностію и не распространяется на окружающій внѣшній міръ, при которомъ составленныя теоріи остаются безъ всякаго практическаго примѣненія; кромѣ того, ему казалось, что цѣна досуга только тогда

можетъ быть вполне понята, и что самый досугъ тогда только можетъ принести всю свою пользу, когда онъ сѣняется правильными, положенными занятіями, не зависящими отъ нашего произвола; однимъ словомъ Гумбольдту пришла мысль снова поступить въ службу. Знатность рода, сильныя связи и личныя достоинства открывали ему доступъ ко всякой каррьерѣ, ко всякому служебному поприщу; счастье благопріятствовало ему; въ это время прусское правительство не имѣло представителя въ Римѣ; Гумбольдтъ сталъ хлопотать о мѣстѣ посланника при дворѣ Папы, такъ какъ эта служба совпадала съ его пламеннымъ, давнишнимъ желаніемъ, получилъ его и осенью 1802 г. со всемъ семействомъ отправился въ Римъ.

II.

Отъездъ въ Римъ.—Тоска по родинѣ.—Смерть старшаго сына В. Г.—Впечатлѣніе, произведенное Римомъ на В. Г.—Переводы Эсхила и Индара.—Дѣятельность В. Г. въ управленіи Департаментомъ.—Назначеніе В. Г. посланникомъ въ Вѣну.—Дипломатическая дѣятельность В. Г. 1813—1815 годовъ.—Посольство въ Лондонъ.—Проектъ конституцій.—Окончательная отставка В. Г.

На пути въ Римъ Гумбольтъ заѣхалъ въ Галле къ Вольфу, у котораго взялъ множество наставленій на счетъ достопримѣчательностей Италіи и въ особенности Рима; потомъ въ Веймарѣ, къ Гёте и здѣсь въ послѣдній разъ видѣлся съ Шиллеромъ. Съ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ Римѣ Гумбольтъ умѣлъ своимъ благоразуміемъ и благородствомъ заслужить такое расположеніе папы, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ, и—что всего удивительнѣе—умѣлъ пріобрѣсти любовь народа, не смотря на различіе вѣроисповѣданія. Но ни сочувствіе римскаго народа, ни общество даровитыхъ и образованныхъ людей, литераторовъ, ученыхъ, художниковъ, какъ напримѣръ Бонштеттена, Шлегеля, Г-жи Сталь, Тика, Торвальдсена, Шика, Цоэги, не могли подавить въ Гумбольдтѣ чувства грусти; тяжелы были для него первые годы посланничества, словно ему чего-то не доставало. Не доставало ему іенскихъ друзей, кружка, съ которымъ его связывало единство идей, тожество убѣжденій, не доставало разговоровъ съ Шиллеромъ, съ Гёте, не доставало наконецъ звуковъ родного языка, родного образа мыслей, словомъ нѣмецкаго элемента, который онъ любилъ всѣми силами души. Впрочемъ, онъ, по обыкновенію, поддерживалъ постоянную переписку съ остававшимися на родинѣ друзьями. Шиллеръ по прежнему присылалъ ему на обсужденіе свои созданія, спрашивалъ его дружескаго совѣта и пользовался его замѣчаніями. «Орлеанская дѣва», «Марія Стюартъ», «Мессинская невѣста», «Вильгельмъ Телль» и нѣсколько мелкихъ стихотвореній выдержали такимъ образомъ критику Гумбольдта.

Письменные сношенія эти, облегчая разлуку, не могли, конечно, замѣнить живого слова, не могли производить на Гумбольдта того плодотворнаго, возбуждательнаго вліянія, которое имѣло на него общество Шиллера и Гете. Онъ во всѣхъ письмахъ своихъ выражаетъ тоскливое стремленіе къ тому, чего не доставало ему въ Римѣ. Эта особенная, свойственная ему тоска по родинѣ высказалась всего сильнѣе когда онъ получилъ извѣстіе о смерти Шиллера. «Ничто еще не потрясало меня такъ сильно, какъ извѣстіе о смерти Шиллера, пишетъ онъ къ Гетѣ; я въ первый разъ теряю испытаннаго друга, съ которымъ слились мои мысли и чувства въ годы, прожитые вмѣстѣ; теперь, мнѣ еще ужаснѣе кажется разлука, отдаленіе, въ которомъ мы провели послѣдніе годы..... Какъ часто приходило мнѣ въ голову, что человѣкъ легкомысленно покидаетъ, уничтожаетъ то, въ чемъ заключено его счастье и необдуманно хватается за новое. Если бы мы всегда имѣли въ виду и ясно сознавали дѣйствительную неизвѣстность человѣческой судьбы, тогда конечно ни одинъ чувствительный человѣкъ, не рѣшился бы оставить то мѣсто, на которомъ впервые обнялъ друзей.»

Въ первый же годъ пребыванія Гумбольдта въ Римѣ, его поразило сильное несчастье. Въ Арриччіо умеръ старшій сынъ его, подававшій блестящія надежды. «Эта смерть, писалъ Гумбольдтъ къ Шиллеру въ первые минуты горести, отняла у меня съ одной стороны всякую увѣренность въ жизни; я больше не вѣрю своему счастью, не вѣрю судьбѣ, не вѣрю силѣ бытія. Ежели эта быстрая, цвѣтущая, сильная жизнь могла такъ внезапно погибнуть, то что же послѣ того прочно?»

Впрочемъ время и въ особенности пребываніе, въ такомъ городѣ, какъ Римъ, развлекли Гумбольдта и изгладили не только печаль его, но и чувство одиночества, тоску по родинѣ. Дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала картинѣ, которую заранѣе рисовало ему воображеніе; роскошная природа, величественныя воспоминанія былаго, безсмертныя произведенія искусствъ, все это вмѣстѣ, въ совокупности образовало для Гумбольдта какой то очарованный міръ; передъ нимъ возставало прошедшее, являлся древній Римъ во всемъ своемъ величій; Гумбольдтъ совершенно поддался этому обаянію, имѣвшему для него невыразимую прелесть, и спокойно наслаждался общимъ, цѣлостнымъ впечатлѣніемъ всемірнаго города, въ которомъ всѣ чувства его находили себѣ отголосокъ, всѣ потребности души удовлетвореніе. «Все, что въ насъ звучитъ по человѣчески, пишетъ онъ, чрезъ какую бы нить человѣческой и всемірной судьбы оно ни пробуждалось, при этой обстановкѣ звучитъ чище и сильнѣе.»

Словомъ, онъ чувствовалъ Римъ, какъ Греки чувствовали весь вѣшній міръ. По этому, для составленія себѣ полнаго понятія о Римѣ, онъ считаетъ недостаточнымъ обзоръ всѣхъ его достопримѣчательностей. Римъ, который «остался для насъ, говоритъ онъ, чувственно-живою картиною идеально-созерцаемой древности, Римъ требуетъ спокойствія, требуетъ, чтобы, по возможности, мы отдаляли отъ себя мысль о необходимости отъѣзда, какъ бы рѣшительно онъ ни былъ назначенъ; надобно сначала пожить для самаго себя, а потомъ уже для Рима, и тихо, спокойно предаться впечатлѣнію. Величіе Рима заключается при безконечномъ множествѣ отдѣльныхъ достопримѣчательностей, въ общей картинѣ, въ смѣшеніи древняго и новаго великолѣпія, въ развалинахъ, раскинутыхъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль по растилающейся кругомъ равнинѣ, и омываемой ея горамъ, въ длинномъ рядѣ историческихъ воспоминаній и темныхъ преданій. Это ясно выказалось въ то время, когда онъ недостойнымъ и постыднымъ образомъ былъ лишенъ драгоценныхъ сокровищъ искусства, замѣчательныхъ памятниковъ древности. Останется вѣчное различіе между странами и городами, которые были театромъ классической древности, и тѣми, которыхъ не коснулось это живительное дыханіе, рано согрѣвшее человечество.»

«Пріѣзжайте, пишетъ Гумбольдтъ къ Вольфу, приглашая его на прогулку въ Колизей при лунномъ свѣтѣ, пріѣзжайте и будемъ наслаждаться. Пробудьте здѣсь хоть нѣсколько недѣль, и вы отвѣдаете лотоса. Исчезнутъ тягостныя мысли о трудѣ; вы будете желать одного наслажденія и полюбите его болѣе труда.» Впрочемъ, то высшее наслажденіе, о которомъ говоритъ Гумбольдтъ не исключаетъ труда, напротивъ оно оживляетъ силы и располагаетъ къ дѣятельности. Примѣръ этого представляетъ самъ Гумбольдтъ, принявшійся съ новымъ рвеніемъ, подъ вліяніемъ вѣншей обстановки, за давно начатыя переводы Пиндара и Эсхила.

Лѣтомъ 1804 года оконченъ въ Альбано переводъ «Агамемнона», занимавшій Гумбольдта въ теченіе восьми лѣтъ. Переводъ этотъ выдержалъ много разныхъ измѣненій и былъ изданъ не въ томъ видѣ, который онъ получилъ въ Римѣ. Скажемъ при этомъ случаѣ нѣсколько словъ о переводахъ Гумбольдта вообще. Первымъ опытомъ его былъ переводъ второй олимпійской оды Пиндара, сдѣланный въ счастливомъ невѣдѣніи трудностей, переводъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ не ученый, а поэтический интересъ; вѣрность подлиннику принесена въ жертву художественности; это скорѣе вольное, поэтическое переложеніе,

метели добросовѣстный и точный переводъ. Гумбольдтъ заботится только о мысли, оставляя безъ вниманія самый языкъ, колоритъ, характеръ подлинника. О перенесеніи на нѣмецкій языкъ размѣра и метрики Пиндара не могло быть и рѣчи. Сочиненія Шнейдера о Пиндарѣ и разговоры съ Вольфомъ, которому очень не понравились эти переводы, заставили Гумбольдта строже взглянуть на свои первые опыты и заняться ихъ исправленіемъ. Взглядъ Гумбольдта на задачу переводчика древнихъ классиковъ сдѣлался серьезнѣе, требованія его—строже. Рядомъ съ эстетическимъ элементомъ является элементъ ученый, филологическій; чтобы передать духъ поэта, онъ выѣстъ съ мыслью старается, по возможности воспроизводить и языкъ, и форму, и метрику. Время пребыванія его въ Римѣ представляетъ періодъ равновѣсія между этими двумя элементами. Къ тому времени относятся лучшіе его переводы изъ Пиндара. Далѣе, подъ вліяніемъ лингвистическихъ занятій, начинается преобладаніе элемента ученаго, доходящее иногда даже до педантизма. Эстетическое достоинство перевода, легкость языка, ясность, даже синтаксическая правильность приносятся въ жертву вѣрности передачи и близости къ оригиналу. Преимущественно обращая вниманіе на внѣшности и мелочи, Гумбольдтъ упускаетъ изъ виду внутреннее, общее достоинство перевода. Такимъ, образомъ, етели «Агамемнонъ» его, носящій слѣды такой педантистической отдѣлки не можетъ быть названъ приобрѣтеніемъ для литературы, то, конечно, онъ обогащаетъ языкъ, внося въ него новыя обороты, увеличивая его гибкость и выразительность и распространяя значеніе словъ. Это и было главною цѣлью его; на первомъ планѣ его ученой дѣятельности стоялъ въ то время языкъ. «Мнѣ всегда казалось, пишетъ онъ, что интеллектуальную, отчасти даже моральную и политическую судьбу націй обозначаетъ въ языкѣ преимущественно то обстоятельство, какъ въ немъ буквы совокупляются въ слоги, а слоги въ слова, и какъ эти слова относятся другъ къ другу въ рѣчи по долготѣ и ударенію.»

«Собственно говоря, пишетъ онъ къ Вольфу, всѣ мои занятія, даже и Пиндаръ, имѣютъ предметомъ изученіе языка. Мнѣ кажется, въ языкѣ я нашелъ средства извѣдать все высочайшее и глубочайшее, все разнообразіе міра; я болѣе и болѣе утверждаюсь въ этомъ мнѣніи. За изслѣдованіями о баскскомъ языкѣ начались изслѣдованія о происхожденіи и средствѣ европейскихъ языковъ; богатый запасъ матеріаловъ и источниковъ представился ему въ бібліотекѣ Collegio Romano и другихъ бібліотекахъ Рима. Александръ Гумбольдтъ, возвратившись изъ Нового Свѣ-

та въ 1805 году, доставилъ брату много любопытныхъ свѣдѣній объ американскихъ языкахъ.

Кромѣ этихъ лингвистическихъ изслѣдованій, живо становившихся любимымъ предметомъ его занятій, во время шестилѣтняго пребыванія его въ Римѣ онъ написалъ два стихотворенія, «Элегію», которая сходна по содержанію съ пьесой, написанной въ Сьеррѣ Моренѣ, но слабѣе по поэтическому достоинству, и «Привѣтствіе Александру Гумбольдту», написанное въ 1808 году въ Альбано. Сначала онъ привѣтствуетъ возвратившагося брата, потомъ рисуетъ себѣ картину Новаго Свѣта, сравниваетъ дикихъ жителей Америки съ древними Пелазгами, съ Германцами временъ Тацита и спрашиваетъ о будущей судьбѣ ихъ, о дальнѣйшемъ ходѣ и направленіи ихъ развитія. Стихотвореніе это наполнено глубокими идеями, проникнуто чувствомъ и не лишено поэтическаго достоинства.

Жизнь въ Римѣ имѣла для Гумбольдта такъ много прелести, и представляла такъ много пособій для ученыхъ трудовъ его, что онъ намѣревался остаться тамъ навсегда и готовилъ себѣ могилу воелѣ сына, у пирамиды Кая Цестія. Между тѣмъ политическій горизонтъ Германіи становился мрачнѣй и мрачнѣй. Императоръ Французовъ, располагая судьбою царствъ и народовъ, давно уже предписывалъ законы Курфюрсту Майнцскому и мелкимъ прирейнскимъ владѣтелямъ; битва при Іенѣ уничтожила однимъ ударомъ военную силу монархіи Фридриха Великаго и предоставила Пруссію произволу надменнаго побѣдителя. Громъ оружія долетѣлъ и до Гумбольдта и прервалъ его мирныя ученые занятія; его призывалъ долгъ чести, голосъ любви къ отечеству, на который не можетъ не откликнуться человѣкъ благородный, нормально развитый; пришла пора на дѣлѣ доказать, принесла ли желанный плодъ десятилѣтніе труды его надъ собственнымъ развитіемъ, пришла пора подѣлиться съ обществомъ добытыми результатами, помочь бѣдствующему отечеству своими талантами. Гумбольдтъ не былъ патриотомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; его не привязывала къ нѣмецкой почвѣ слѣпая, болѣзненная любовь—любовь Швейцарца къ своимъ горамъ и родной хижинѣ; онъ не раздѣлялъ восторженныхъ чувствъ древнихъ Грековъ и Римлянъ лучшихъ дней республики къ славѣ оружія отчизны, къ расширенію ея предѣловъ: причины этого видимъ мы отчасти въ общемъ направленіи вѣка къ космополитизму, отчасти въ раздробленномъ состояніи и неестественномъ внутреннемъ раздѣленіи Германіи. Не смотря на то, Гумбольдтъ пламенно любилъ нѣмецкую національность, прояв-

леніе которой видѣлъ онъ въ образѣ мыслей, въ характерѣ, наконецъ въ языкѣ, въ произведеніяхъ великихъ современныхъ писателей и въ ученыхъ трудахъ соотечественниковъ, въ томъ, однимъ словомъ, что тогда собственно и составляло единственную естественную связь Нѣмцевъ между собою. Но въ годину бѣдствія, когда отечество нуждалось въ даровитыхъ, полезныхъ и добросовѣстныхъ гражданахъ, Гумбольдтъ не послѣдовалъ примѣру Гёте, который отступилъ отъ интересовъ общества и оставался равнодушнымъ зрителемъ страданій родины, или примѣру Вольфа, который совѣтовалъ ему искать въ марныхъ занятіяхъ филологіею утѣшенія въ современныхъ несчастіяхъ и переноситься мыслию въ болѣе счастливыя времена. Гумбольдтъ поступилъ благороднѣе, сталъ выше ихъ.

Въ 1808 году, узнавъ о пораженіи при Іенѣ, онъ оставалъ Италію и поспѣшилъ въ Германію; впрочемъ онъ выѣхалъ безъ сожалѣнія изъ Рима, въ которомъ самовластно господствовали Французы, обращавшіеся съ Папою почти какъ съ военнопленнымъ и дѣлавшіе положеніе Гумбольдта непріятнымъ и затруднительнымъ.

По дорогѣ онъ видѣлся съ Якоби, былъ въ Веймарѣ у Гете, поклонился могилѣ Шиллера и наконецъ прибылъ въ Эрфуртъ. Въ Эрфуртѣ, 6 Января 1809 г. онъ получилъ отъ Короля предложеніе занять мѣсто Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Считая исполненіе обязанностей гражданина новою стороною и продолженіемъ собственнаго развитія, Гумбольдтъ принималъ предлагаемое мѣсто. Но взглядъ его на практическую дѣятельность отличается обыкновеннымъ его идеализмомъ, который однако при тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ не только полезенъ, но и необходимъ. Смотри на перевороты судьбы, какъ на необходимое условіе хода развитія человѣческаго духа, внося такимъ образомъ въ практическую жизнь основныя положенія своей философіи исторіи, Гумбольдтъ находилъ въ этомъ внутреннемъ убѣжденіи силы мужественно противиться бѣдствіямъ, сохранять въ несчастіи присутствіе духа, не терять надежды на лучшія времена и неуклонно идти къ цѣли, которую указывали ему чувство чести и пробудившаяся любовь къ отечеству. Пруссія была въ то время потрясена извнѣ; чтобъ поддержать и упрочить ея существованіе, нужно было укрѣпить просвѣщеніемъ внутреннія силы народа, пробудить въ немъ чувство національности.

Такъ понималъ Гумбольдтъ великую обязанность свою, нашедшую въ немъ достойнаго исполнителя. Ему предстояло теперь

соединить и примирить свои индивидуальныя убѣжденія, выраженныя въ первомъ юношескомъ сочиненіи съ новыми, возложенными на него обязанностями. Ему нужно было соединять свободу отдѣльной личности съ законами общества, сохранять интересы человѣка, не нарушая интересовъ государства, словомъ, сдѣлать отдѣльное лицо свободнымъ въ государствѣ и для государства.

Первое распоряженіе Гумбольдта, касавшееся измѣненій въ устройствѣ Липницкой дворянской академіи (Ritterakademie) имѣло предметомъ уничтоженія понятія кастъ и связаннаго съ этимъ понятіемъ различія воспитанія. Смотря на человѣка съ высшей точки зрѣнія и признавая общее равенство, которое очевидно не согласно съ духомъ исключительности, господствовавшимъ въ учрежденіяхъ этого заведенія, Гумбольдтъ уничтожилъ особенныя права и привилегіи академіи, открытой только для высшаго класса, и сдѣлалъ изъ него приготовительное училище для университета и специальную школу сельскаго хозяйства. Кроме того введенъ былъ лучшій методъ элементарнаго обученія по системѣ Песталоцци. По этому методу образованіе, преподаваніе фактическихъ свѣдѣній слилось съ воспитаніемъ, съ развитіемъ обще человѣческихъ нравственныхъ и умственныхъ способностей. Подъ руководствомъ Целлера, ученика Песталоцци, основана нормальная школа по образцу швейцарскихъ; Гумбольдтъ много усовершенствовалъ и высшія учебныя заведенія, между прочимъ позволялъ студентамъ прусскихъ университетовъ посѣщать лекціи университетовъ заграничныхъ. Ему принадлежитъ честь основанія берлинскаго университета. Еще до войны министръ Бейне и учсый Энгель говорили о необходимости такого заведенія. Четвертаго Сентября 1807 года Бейне получилъ даже отъ Короля соизволеніе, на основаніи университета. Но несчастныя событія 1807—1808 годовъ совершенно заняли умы и отвлекли ихъ отъ выполненія предположеннаго дѣла, которое считали бесполезнымъ, требующимъ излишнихъ расходовъ, несовмѣстныхъ съ разстроеннымъ положеніемъ финансовъ государства. Гумбольдтъ, проектомъ 1809 г. 10 Іюля, вновь поднялъ оставленный попросъ, доказывая, что основаніе университета необходимо и принесетъ несомнѣнную пользу, которая совершенно вознаградитъ государство за понесенныя убытки. Цѣлью этого учрежденія была централизація прссвѣщенія; въ берлинскомъ университетѣ предполагалось соединить все высшее въ наукѣ и искусствѣ. Шестнадцатаго Августа того же года проектъ былъ утвержденъ, и Гумбольдтъ приступилъ къ его осуществленію. Во взглядѣ его на образованіе проявляется та же

гуманность и тотъ же идеализмъ, который руководилъ всѣми его дѣйствіями и служилъ основаніемъ всѣмъ его убѣжденіямъ. Задачу образованія видитъ онъ не въ томъ, чтобы приготовить человѣка къ занятію извѣстнаго мѣста въ обществѣ, къ исполненію извѣстныхъ обязанностей; напротивъ, онъ требуетъ чтобы образованіе развило и облагородило всѣ умственные и духовныя способности человѣка, чтобы оно сдѣлало его не полезною машиною, а дѣйствительнымъ человѣкомъ, сознающимъ свое достоинство и свое призваніе. На этомъ основаніи Гумбольдтъ преобразовалъ воспитаніе въ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. ввелъ въ нихъ преподаваніе древнихъ языковъ, которые были исключены, какъ неимѣющіе практическаго приложенія, но въ глазахъ Гумбольдта имѣли высокое значеніе для гуманнаго образованія и развитія человѣка. Онъ не считалъ нужнымъ стѣснять объемъ общихъ наукъ для реального образованія, которое только при ихъ содѣйствіи можетъ правильно достигать своей высокой цѣли и дѣйствительно быть образованіемъ, а не простымъ, бездушнымъ прибрѣтеннымъ фактическимъ свѣденіемъ. Эти же начала руководили Гумбольдтомъ при устройствѣ возникающаго университета; Гумбольдтъ опасался чтобы изученіе естественныхъ наукъ не довело до матеріализма и направленія исключительно пракческаго, чтобы съ одной стороны преобладаніе пракческаго начала въ наукѣ не превратило ее въ бездушную технику, въ собраніе эмпирическихъ свѣденій, лишенныхъ единства идей, и чтобы, съ другой стороны, противодѣйствіе этому практическому направленію путемъ теологіи не привело къ фанатизму и мистицизму. Въ избѣжаніе подобныхъ слѣдствій, Гумбольдтъ рѣшился, по возможности, ограничить кругъ дѣйствій естественныхъ и богословскихъ наукъ, поставивъ ихъ въ зависимость и какъ бы подъ надзоръ философіи, филологіи, математики и исторіи, наукъ имѣющихъ основаніемъ дѣятельность и критику разума. «Эти науки, говоритъ онъ, заключаютъ въ себѣ ту форму, посредствомъ которой собственно всѣ отдѣльныя познанія возвышаются на степень науки и безъ которой никакая любознательность, направленная къ чему нибудь одному, не можетъ перейти въ истинное общее умственное образованіе и сдѣлаться плодотворнымъ для духа.» Профессоры этихъ только наукъ сдѣланы были ординарными членами университета и составили комитетъ, заведывающій дѣлами и управляющій ходомъ развитія юношества. Этотъ комитетъ составляли Фихте, Шлейермахеръ, Беккъ и много другихъ знаменитыхъ ученыхъ. Вольфа Гумбольдтъ хотѣлъ сдѣлать предсѣдателемъ этого комитета, на тяжелый нравъ и

надѣнность знаменитаго филолога, соединенная съ эгоизмомъ, заставили его отказаться отъ этого поста, на которомъ дарованія и ученость его могли принести общественную практическую пользу.

Всѣ эти преобразованія Гумбольдтъ производилъ медленно и осторожно. «Никогда, говоритъ онъ, не должно разрушать стараго учрежденія пока новое не станетъ исподоволь на его мѣсто». Несмотря на эту осторожность, Гумбольдтъ на слѣдующій же годъ своего управленія пришелъ въ столкновеніе съ министествомъ. Начальникъ его, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дона, человекъ слабый и ничтожный, совершенно подчинялся вліянію министра финансовъ Альтенштейна, который, не смотря на ограниченныя способности, былъ крайне гордъ, властолюбивъ и самоувѣренъ. Убѣжденія его отличавшіяся беззастѣнчивостью и самымъ грубымъ матеріализмомъ, были диаметрально противоположны возвышеннымъ и благороднымъ идеямъ Гумбольдта. Не понимая и не предвидя пользы задуманныхъ имъ преобразованій, онъ считалъ ихъ пустыми мечтами, бесполезно истощающими государственныя финансы, которые и безъ того пришли въ совершенное разстройство; онъ отказалъ въ деньгахъ и совершенно стѣснилъ такимъ образомъ Гумбольдта въ дѣйствіяхъ. Гумбольдтъ рѣшился перейти на дипломатическое поприще и 29 Апрѣля 1810 года получилъ отставку отъ должности директора. Памятникомъ его кратковременнаго управленія остался основанный имъ берлинскій университетъ. Хотя и Альтенштейнъ вскорѣ послѣ того оставилъ портфель министра и мѣсто его занялъ Гарденбергъ, возведенный въ званіе государственнаго канцлера, Гумбольдтъ остался при прежнемъ рѣшеніи. Четырнадцатаго Іюня 1810 года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ въ Вѣну и въ половинѣ Октября прибылъ на мѣсто своего назначенія.

Въ Вѣнѣ ему было мало дѣла; нужно было заботиться о сближеніи вѣнскаго двора съ берлинскимъ, но для этого слѣдовало болѣе наблюдать и сообщать, нежели дѣйствовать. Обходительностью и свѣтскостью своею онъ вскорѣ умѣлъ поставить себя въ хорошія отношенія съ Меттернихомъ и съ другими значительнѣйшими лицами правительства. Онъ вошелъ въ блестящій кругъ вѣнскаго общества и принималъ его у себя. Въ гостинной Гумбольдта явились между прочимъ Шлегель, Адамъ Мюллеръ, Генцъ, съ которымъ онъ возобновилъ берлинское знакомство, Теодоръ Кернеръ, сынъ знаменитаго критика и многіе другіе. Но тихіе, спокойныя кабинетныя труды привлекали Гумбольдта болѣе шумныхъ общественныхъ удовольствій. Лингвистическія заня-

тія, начатыя въ Испаніи, продолжались и въ Вѣнѣ; къ изученію баскаго языка присоединилось изученіе венгерскаго, матеріалы котораго въ изобиліи представляло ему теперешнее его мѣстопробываніе.

Въ Ноябрь 1811 года пріѣхалъ въ Вѣну Александръ Гумбольдтъ. Отъ него Вильгельмъ получилъ новыя данныя для занятій американскими языками, сталъ сравнивать грамматику ихъ съ баскскою грамматикою и нашелъ между ними замѣчательное сходство. Между тѣмъ произошелъ переворотъ 1812 года, и дѣятельность и положеніе Гумбольдта въ Вѣнѣ измѣнились. Лишь только Пруссія объявила разрывъ Наполеону и возстала поголовно по первому призыву своего Короля, Меттернихъ, вѣрный обыкновенной своей двуличной политикѣ, прекратилъ всѣ видимыя сношенія съ прусскимъ посольствомъ, но не отнималъ у Гумбольдта надежды на содѣйствіе Австріи. Гумбольдтъ съ своей стороны дѣйствовалъ осторожно, стараясь ускорить присоединеніе Австріи, не компрометируя ее преждевременно въ глазахъ Наполеона. Прибытіе въ Вѣну Шарнгорста, который съ благороднымъ жаромъ убѣждалъ Меттерниха объясниться откровенно и приступить къ возникающему союзу, едва не испортило всего дѣла, но осторожность и хладнокровіе Гумбольдта изгладили неблагоприятное впечатленіе, произведенное увлеченіемъ пламеннаго патріота. 1 Іюня 1813 года Императоръ Францъ I выѣхалъ изъ Вѣны и 12-го прибылъ въ замокъ Гичинъ, находившійся ближе къ союзникамъ, нежели къ лагерю Наполеона. Въ то время, здѣсь были сосредоточены всѣ союзныя войска; на пространствѣ 20-ти миль въ длину и 10-ти миль въ ширину находились главныя квартиры сильнѣйшихъ государей Европы. «Въ Гичинѣ, писалъ Генцъ изъ Ратиборцица, на 6 часовъ пути отсюда, находится Императоръ съ Меттернихомъ; въ Опочнѣ, въ трехъ часахъ разстоянія, прожилъ около недѣли Императоръ Александръ съ своими двумя сестрами. Тамъ и я пробылъ два дня и третьяго дня видѣлъ прусскаго короля, обѣдавшаго съ Императоромъ. Со мною былъ Гумбольдтъ; мы провели вмѣстѣ большую часть этихъ незабвенныхъ дней. Сегодня, сей часъ, Императоръ отобѣдалъ съ нами въ Ратиборцицѣ и возвращается въ Рейхенбахъ. Я его часто вижу. Ратиборцицъ-сборное мѣсто. На прошлой недѣли здѣсь перебивали Меттернихъ, Стадіонъ и государственный канцлеръ Гарденбергъ, то порознь, то вмѣстѣ. Здѣсь происходили важныя дѣла. Гумбольдтъ пріѣхалъ сюда съ Гарденбергомъ, поселился здѣсь, и ждетъ пока все созрѣетъ». Въ одно время съ Императоромъ Гумбольдтъ оставилъ Вѣну, и отправился въ Рейхенбахъ, чтобы

присутствовать при заключеніи съ Англичанами договора о субсидіяхъ.

Въ Рейхенбахѣ Меттернихъ общалъ союзникамъ содѣйствіе Австріи, но сначала предложилъ посредничество своего правительства для примиренія воюющихъ сторонъ.

Рѣшено было составить въ Прагѣ 12-го Іюля конгрессъ, на которомъ представителемъ Пруссіи явился Гумбольдтъ; со стороны Россіи назначенъ статскій совѣтникъ Анштеттъ, со стороны Франціи Герцогъ Коленкуръ и графъ Нарбоннъ. Ко времени открытія конгресса прибыли княгиня Эстергази и Меттернихъ.

Уполномоченные Франціи явились гораздо позднеѣ назначеннаго срока; Коленкуръ пріѣхалъ 27-го Іюля, и конгрессъ открылся. Представители трехъ державъ должны были видѣться между собою на вечерахъ княгини Эстергази и на обѣдахъ Меттерниха. Здѣсь они разсуждали о дѣлахъ; особыхъ засѣданій не назначалось. Гумбольдтъ не ожидалъ прочнаго, искренняго мира и потому, считая настоящее положеніе дѣлъ особенно выгоднымъ для интересовъ своего отечества, не желалъ чтобы переговоры повели къ какому нибудь сомнительному соглашенію.

Французы также выказали нерасположеніе къ миру, принявъ за оскорбленіе назначеніе уполномоченнымъ Анштетта, природнаго Эльзасца и французскаго подданнаго, котораго они считали перебѣжникомъ. Они дали замѣтить это въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ. Анштеттъ отвѣчалъ на это энергически, но съ достоинствомъ, и наконецъ нота Гумбольдта отъ 7-го Августа за три дня до закрытія конгресса, нота, въ которой упоминаются и просрочка французскихъ уполномоченныхъ и нападки ихъ на Анштетта, показала бесполезность попытокъ примиренія и положила конецъ переговорамъ. 10 Августа, Гумбольдтъ письменно отказался отъ временнаго своего полномочія и, получивъ за труды на конгрессѣ орденъ Желѣзнаго Креста, изъ Праги отправился въ Вѣну; простившись здѣсь съ женою, онъ опять черезъ Прагу проѣхалъ въ главную квартиру, въ Теплицъ, гдѣ Австрія 9 Сентября приступила къ прусско-русскому Союзу. Въ Теплицѣ, Гумбольдтъ продолжалъ часто видѣться съ Меттернихомъ и познакомился съ лордомъ Эбердиномъ, любившимъ греческую древность и занимавшимся классиками. Въ это время ему поручено было составленіе проекта о внутреннемъ устройствѣ Германскаго Союза и объ учрежденіи центрального комитета для управленія тѣми землями которыя будутъ завоеваны. Трудъ составленія проекта онъ раздѣлялъ съ бывшимъ прусскимъ министромъ Штейномъ (предшественникомъ Альтемиштейномъ и графомъ Дона), съ которымъ онъ сходился въ политическихъ

убѣжденіяхъ. Проектъ этотъ впрочемъ оставленъ безъ приложенія по прояскамъ Австріи, желавшей избавить отъ центральнаго управленія нѣкоторыхъ изъ бывшихъ союзниковъ Наполеона, напримѣръ, короля виртембергскаго. Изъ Теплица Гумбольдтъ слѣдовалъ всюду за главною квартирою, вмѣстѣ съ нею былъ въ Веймарѣ и видѣлся тамъ съ Гёте. Въ Франкфуртѣ на Гумбольдта пала тяжелая и непріятная обязанность вести переговоры съ рейнскими князьями, обязанность, принуждавшая его выслушивать многочисленныя, не всегда законныя жалобы и входить въ разбирательство множества различныхъ требованій, которыя часто приходилось отвергать, возбуждая неудовольствіе.

Гумбольдтъ думалъ, что съ вступленіемъ союзниковъ въ предѣлы Франціи все кончится и будетъ заключенъ миръ, который приведетъ ее въ прежнія границы. Надежды Гумбольдта не оправдались; на шатильонскомъ конгрессѣ ему еще разъ пришлось быть представителемъ прусскаго правительства, впрочемъ дѣятельность его была ограничена подробными инструкціями, и малозамѣчательна для насъ, потому что не обуславливалась личными его убѣжденіями. Послѣ окончанія войны и взятія Парижа, Гумбольдтъ сталъ ходатайствовать о вознагражденіи Пруссіи за военныя издержки и за потери, понесенныя ею въ несчастную войну 1807—1808 годовъ. Онъ требовалъ для Пруссіи Ост-Фрисландіи или Саксоніи, но Гарденбергъ легкомысленно уступилъ и то, и другое, довѣрившись слову другихъ дипломатовъ, общавшихъ завѣяться интересами Пруссіи впоследствии, на предполагаемомъ вѣнскомъ конгрессѣ. Гарденбергъ, хотя въ сущности человѣкъ благонамѣренный, вообще, во многихъ случаяхъ мѣшалъ Гумбольдту своимъ легкомысліемъ, слабостію характера, тщеславіемъ и самолюбіемъ. Назначенный быть товарищемъ Гумбольдта въ дѣлѣ переговоровъ, Гарденбергъ присвоилъ себѣ первое мѣсто, на занятіе котораго не имѣлъ права по способностямъ и дарованіямъ. Гумбольдтъ далеко превосходилъ его здравымъ умомъ, свѣтлымъ взглядомъ на вещи и развитіемъ, но также не имѣлъ нѣкоторыхъ качествъ необходимымъ для дипломата, не имѣлъ настойчивости, упорства. Излишняя скромность заставила его уступить свое мѣсто Гарденбергу, который часто дѣлалъ неисправимыя ошибки, и во многихъ другихъ случаяхъ заставляла его дѣлать уступки иностраннымъ дипломатамъ, болѣе самоувѣреннѣйшимъ и настойчивѣйшимъ. Этой уступчивости еще содѣйствовалъ идеальный взглядъ его на политику. Благосостояніе народа Гумбольдтъ полагалъ не въ расширеніи предѣловъ, а въ духовномъ прогрессѣ, въ успѣшномъ развитіи; недостатокъ искреннаго убѣжде-

нія не позволялъ ему отстаивать матеріальные интересы отечества съ тою твердостью, съ какою онъ защищалъ, напимѣръ, противъ Альтенштейна распоряженія свои, касавшіяся хода образованія народа.

Изъ Парижа Гумбольдтъ отправился въ Лондонъ, былъ у принца регента и у представителей англійской аристократіи и въ концѣ Іюля возвратился въ Парижъ. Оттуда онъ сопровождалъ своего короля въ Вѣну, черезъ Нейенбургъ, Бернъ, Цюрихъ, Баденъ, куда онъ прибылъ въ концѣ Августа и гдѣ находился съ Метернихомъ, Генцомъ и другими, дипломатами. На вѣнскомъ конгрессѣ Гумбольдтъ, какъ уполномоченный Пруссіи, держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, переходившимъ даже иногда въ гордую холодность, которая навлекла ему много непріятностей, и разсорила съ нимъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ друзей. Къ такимъ случаямъ относится столкновение съ прусскимъ военнымъ министромъ Бойеномъ, который, считая себя оскорбленнымъ Гумбольдтомъ въ одной изъ конференцій, потребовалъ удовлетворенія. Гумбольдтъ принялъ вызовъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Дуэль происходила въ присутствіи князя Гарденберга и доктора Корева и кончилась благополучно, безъ кровопролитія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ конгресса и показалъ себя во многихъ отношеніяхъ отличнымъ дипломатомъ; его знаніе людей, плодъ долгихъ наблюденій и занятій антропологіею, проникательность, тонкій умъ, изворотливость въ разсужденіяхъ и спорахъ, въ которыхъ онъ запутывалъ противника своею діалектикою и побуждалъ его собственнымъ его оружіемъ,— все это приводило въ изумленіе перваго изъ дипломатовъ того времени, знаменитаго Талейрана, который одолѣвалъ и Гарденберга, и Меттерниха, но не могъ справиться съ Гумбольдтомъ, и называлъ его «*lesorphisme incarné*» (воплощеннымъ софизмомъ). Но недостатокъ настойчивости и упорства вредилъ всему дѣлу; умѣя убѣждать, Гумбольдтъ не умѣлъ отстаивать своего мнѣнія и несвоевременною уступчивостью терялъ плоды побѣды.

Товарищемъ Гумбольдта по званію уполномоченнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ былъ опять Гарденбергъ, прусскій государственный канцлеръ. Вообще во все время конгресса между ними существовало самое тѣсное, невозмутимое согласіе, и оба они прекрасно помогали другъ другу. Подчиненный Гарденбергу, какъ государственному канцлеру, поставленный съ нимъ наравнѣ, какъ уполномоченный дипломатъ, превосходя его умомъ и дарованіями, Гумбольдтъ добровольно и прекрасно выполнялъ роль, доставшуюся ему чрезъ это смѣшеніе отношеній, роль,

которую, стараясь одѣлать первую, всякій другой поставилъ бы на второй планъ, и которую онъ выдвинулъ наравнѣ съ первой своимъ самоотверженіемъ и внутреннею самостоятельностью... Верховное управленіе Гарденберга въ самой мысли своей было проникнуто содѣйствіемъ Гумбольдта; исполнительная дѣятельность Гумбольдта представляла слѣды вліянія Гарденберга. «Что касается представителей Пруссіи, писали въ Рейнскомъ Меркуріи послѣ втораго парижскаго мира, то Государственный канцлеръ здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, показалъ себя добродушнымъ, миролюбивымъ, безхитростнымъ въ своей политикѣ и охотно принималъ все съ хорошей стороны; Гумбольдтъ холоденъ и лсенъ, какъ декабрьское солнце. Главнымъ предметомъ заботъ Гумбольдта на конгрессѣ было внутреннее устройство Германіи; онъ желалъ восстановленія императорскаго сана и изложилъ это желаніе въ проектѣ, который составилъ онъ вмѣстѣ съ Штейномъ. Противъ этого проекта возстали представители второстепенныхъ державъ германскихъ, Ганновера, Баваріи и Виртемберга. Уступая ихъ требованіямъ, Гумбольдтъ измѣнилъ свой планъ, уничтожилъ званіе императора и учредилъ правленіе изъ пяти главныхъ державъ: Австріи, Пруссіи, Виртемберга, Ганновера и Баваріи, подъ контролемъ всѣхъ членовъ германскаго союза. Целью не замѣтить, что такое устройство отличается сложностью, не обѣщавшею достаточной прочноты, но въ этомъ нельзя обвинять Гумбольдта. Надобно принять въ соображеніе сложность его задачи, множество различныхъ требованій, которымъ онъ долженъ былъ удовлетворить, множество разнородныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу интересовъ, которые должно было согласить вновь проектированное устройство. Впрочемъ Штейнъ остался при прежнемъ убѣжденіи своемъ о необходимости восстановленія достоинства императора; явился новый защитникъ его мнѣнія — Графъ Капо д'Истрія; онъ представилъ мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что достоинство императора должно сдѣлать наслѣдственнымъ въ домѣ габсбургскомъ, и что императоръ австріійскій въ то же время долженъ быть императоромъ германскимъ. Штейнъ также представилъ проектъ, поддерживавшій ту же идею, но разсматривавшій дѣло съ болѣе практической точки зрѣнія, и выражавшій сомнѣніе, чтобы Австрія могла достойно выполнить важную роль свою, слить свои личные интересы съ интересами общими и пользоваться силами Германіи для общаго ея блага, а не для своекорыстныхъ своихъ цѣлей. Онъ сомнѣвался, однимъ словомъ, въ томъ, чтобы Австрія измѣнила себѣ и обыкновенной своей

политикѣ, и сомнѣній этихъ нельзя не назвать основательными. Гумбольдтъ отвѣчалъ на эти двѣ статьи мемуаромъ, въ которомъ прямо отвергаетъ возможность императорской власти въ рукахъ Австрiи. Пруссiя, говоритъ онъ, не можетъ, а Баварiя и Виртембергъ не хотятъ ей подчиняться. Сомнѣнія Штейна у него выражены смѣлые и утвердительные. Австрiя не можетъ никогда соединиться съ Германiей; у нея слишкомъ много своихъ частныхъ интересовъ, отъ которыхъ она не рѣшится отказаться и которые не могутъ совмѣститься съ общими германскими интересами. Мнѣніе Гумбольдта получило перевѣсъ; на его сторону склонилось большинство, тѣмъ болѣе, что нужно было спѣшить окончанiемъ совѣщаній. 7 Марта узнали о возвращеніи Наполеона.

Въ концѣ Марта Гумбольдтъ составилъ еще новый проектъ. Но, не смотря на грозящую опасность, совѣщанія продолжались однако до начала Іюня. 9-го, дѣла Германiи были окончательно обсуждены, а 11-го торжественно заключенъ союзъ. Старанія Гумбольдта о вознагражденіи Пруссiи Саксонiею были совершенно неудачны и безплодны, поставили Пруссiю въ непріязненные отношенія къ другимъ членамъ конгресса и даже повредили Гумбольдту во мнѣніи его друзей и доброжелателей.

Изъ Вѣны Гумбольдтъ отправился въ Берлинъ, изъ Берлина черезъ Франкфуртъ въ Парижъ, послѣ сраженія при Ватерлоо; вѣсть о побѣдѣ и о дѣятельномъ содѣйствіи Пруссаконъ подъ начальствомъ Бюхера, обрадовала Гумбольдта и внушила ему много блестящихъ надеждъ; онъ надѣялся, что союзники справедливо оцѣнятъ заслуги Пруссiи въ общемъ дѣлѣ, и дадутъ ей вознагражденіе, которое соотвѣтствовало бы ея потерямъ и жертвованіямъ. Но Графъ Капо д'Истрія во второй разъ является противникомъ Гумбольдта и представляетъ императору Александру мемуаръ, въ которомъ старается отдѣлить Францію отъ Наполеона и доказать, что, ведя войну съ узурпаторомъ, союзники не должны требовать вознагражденія отъ французскаго народа, что съ низложеніемъ Наполеона должно быть кончено все, и что нарушеніе границъ Франціи и отдѣленіе отъ нея какихъ либо земель будетъ оскорбленіемъ для короля Людовика XVIII и для его націи. Онъ допускаетъ только денежное вознагражденіе, и, какъ предохранительную мѣру, временное занятіе французскихъ крѣпостей союзными войсками. Этотъ мемуаръ, рѣшительно не выдерживающій критики, подалъ Гумбольдту поводъ написать блестящее опроверженіе: *Mémoire devant servir de réfutation à celui du Comte de Capo d'Istria.*

По мнѣнію Гумбольдта, неосновательно отдѣлять вождя отъ

войска, узурпатора отъ народа. Народъ добровольно шелъ подъ знаменами Наполеона; мгновенно составлялись арміи, готовые всюду слѣдовать за любимымъ начальникомъ; арміи эти гибли; изъ среды народа возникали новыя; кромѣ того, народъ съ восторгомъ встрѣтилъ Наполеона при возвращеніи его съ Эльбы, съ триумфомъ привелъ его въ Парижъ; слѣдовательно, народъ сочувствовалъ ему и не можетъ быть представленъ, согласно съ мнѣніемъ Капо д' Истрія, невинною жертвою властолюбія и воннственности узурпатора; такимъ образомъ первое положеніе опровергнуто. Затѣмъ, Гумбольдтъ представляетъ лучшимъ средствомъ обезопасить Европу отъ безпокойнаго духа воинственнаго народа—отдѣленіе отъ Франціи пограничныхъ земель съ крѣпостями, составляющими оплотъ государства и операционную линію противъ Германіи въ случаѣ наступательной войны. Эта предохранительная мѣра была бы въ тоже время лучшимъ средствомъ вознаградить союзныя державы за военныя издержки и пожертвованія и тѣмъ болѣе можетъ считаться справедливою, что земли эти приобрѣтены отъ Германіи силою оружія. Сверхъ того, уступка земель, тягостная правда для правительства и всей націи, со временемъ забудется и не произведетъ въ народѣ особенно тяжелаго чувства, озлобленія. Напротивъ опека, которой Капо д' Истрія хочетъ подвергнуть Францію, покажется невыносимою для всякаго свободнаго народа. Постояй чужихъ войскъ, подавая поводъ къ притѣсненіямъ, къ безконечнымъ столкновеніямъ и ссорамъ, унижая національную гордость, раздражитъ народъ какъ противъ иностранныхъ державъ, наложившихъ такое иго, такъ и противъ правительства, допускающаго такое вмѣшательство, внушитъ ему недоувѣренность, ненависть и жажду мщенія, которое найдетъ себѣ исходъ, не смотря ни на какія преграды. Вотъ главный смыслъ опроверженія Гумбольдта со справедливостію котораго должно согласиться. Но смотря на то, всѣ усилія его были тщетны.

Императоръ Александръ, увлеченный великодушіемъ, не хотѣлъ требовать отъ Франціи никакого вознагражденія, кромѣ денежнаго, ни для себя, ни для своихъ союзниковъ. Австрія, соглашаясь съ Александромъ, теряла нѣкоторые личныя выгоды, но, боясь возвышенія Пруссіи, рѣшалась отказаться отъ незначительныхъ своихъ притязаній, чтобы лишить опасную соперницу территориальнаго увеличенія. Голосъ Гумбольдта не могъ имѣть вліянія, мнѣніе Капо д' Истрія превозмогло, не смотря на свою неосновательность, и 20 Ноября былъ заключенъ окончательный миръ, на которомъ Пруссія не получила никакихъ существенныхъ выгодъ. 25-го Гумбольдтъ оставилъ Парижъ и отправился въ

Франкфуртъ на Майнѣ. Здѣсь собрана была коммисія для рѣшенія территоріальныхъ вопросовъ Германіи, и Гумбольдтъ, назначенный членомъ ея, принялъ дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ. Но задача была слишкомъ запутана. Коммисія продолжала засѣданія свои до Января 1817 г. и закрылась, не разрѣшивъ удовлетворительно предложенныхъ ей вопросовъ и не исполнивъ своего назначенія во всемъ его объемѣ. Въ Франкфуртѣ еще 1 Ноября 1815 г. предполагалось созвать сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ Германіи; но прошла зима, прошло лѣто 1816 г. а сейма все еще не было, хотя германскія державы дѣятельно готовились къ его открытію. Гарденбергъ хотѣлъ воспротивиться желанію Австріи предсѣдательствовать на сеймѣ, хотѣлъ заставить ее раздѣлить свое первенство съ Пруссіею; но прусскій депутатъ тайный совѣтникъ Генелейнъ не могъ ничего добиться отъ представителя Австріи, графа Буоль-Шауенштейна, успѣвшаго склонить на свою сторону депутатовъ мелкихъ княжествъ, которымъ онъ представилъ опасность двоевластія. Генелейнъ былъ отозванъ и замѣщенъ Гольцомъ; но непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали ему явиться ко времени открытія засѣданій Сейма, такъ что мѣсто его занялъ на время Гумбольдтъ.

Дѣла приняли другой оборотъ. Стѣснительное вліяніе австрійской политики нашло въ немъ дѣятельнаго противника. Графъ Буоль принужденъ былъ признать равенство правъ Пруссіи и Австріи на сеймѣ, и 5 Ноября 1816 года сеймъ былъ открытъ подъ предсѣдательствомъ Буоля и Гумбольдта.

11 Ноября явился Гольцъ. Благодаря неловкости этого дипломата, Австрія восторжествовала: все, что пріобрѣлъ Гумбольдтъ, потерялъ его преемникъ. Между тѣмъ достоинства и заслуги Гумбольдта возбудили подозрѣніе и зависть Гарденберга. Съ этихъ поръ государственныи канцлеръ начинаетъ стараться удалить его или, по крайней мѣрѣ, парализовать его вліяніе на дѣла правленія. Мѣсто посланника въ Парижѣ, обѣщанное Гумбольдту, было отдано Гольцу; Гумбольдтъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ, гдѣ не представлялось поприща его дѣятельности. Въ это время ничто еще не требовало его присутствія въ Лондонѣ, и потому онъ со всѣмъ семействомъ отправился изъ Франкфурта въ Берлинъ черезъ Веймаръ, гдѣ видѣлся съ Гёте, и черезъ Бургернерь, въ которомъ сохранилось для него много свѣжихъ, веселыхъ воспоминаній юности. Въ Берлинѣ тогда господствовалъ самый страшный безпорядокъ. Во главѣ правленія стоялъ по прежнему Гарденбергъ; ослабленный трудами, болѣзнями и лѣтами, онъ потерялъ послѣдній остатокъ энергіи, которою отличался въ эпоху своего возвышенія и въ годы отечественной вой-

ны. Именемъ его управляли люди недостойные, умѣвшіе льстить его самолюбію и страстямъ, люди, которые, не раздѣляя благородныхъ его убѣжденій, составили оппозицію противъ движенія идей и стремленія къ свободѣ, впервые выразившагося въ возстаніи за честь и независимость родины. Шаткость его убѣждений, мелочное тщеславіе, желаніе остаться во главѣ правительства и оставить въ тѣни людей талантавыхъ, которыхъ дарованія могли затмить его померкающую славу, и на конецъ старость, разрушительно дѣйствовавшая на его физическія и духовныя силы, подчинили его вліянію реакціонной партіи, во главѣ которой стоялъ князь Витгенштейнъ. Отдавая справедливость гуманному направленію и рыцарскимъ качествамъ государственнаго канцлера, дѣйствовавшего въ эпоху всеобщаго воодушевленія и политическаго переворота 1812 года достойнымъ представителемъ своего отечества, и искуснымъ дипломатомъ, нельзя не упрекнуть его въ недостатокъ энергіи, въ нерѣшительности, въ уклончивости, заставлявшей его уступать и лавировать тамъ, гдѣ надо было дѣйствовать твердо, и, защищая права короля и народа, грудью ломить реакціонное противодѣйствіе аристократіи. Противъ этой оппозиціи вооружился Гумбольдтъ со всѣмъ увлеченіемъ чувства, со всѣмъ жаромъ убѣжденія. Силу и вліяніе далъ ему приказъ 20 Марта, основавшій государственный совѣтъ и включившій его въ число членовъ. Гумбольдтъ рѣшился идти на перекоръ Гарденбергу и его любимцамъ. Изъ государственнаго совѣта назначены были двѣ комисіи: первая для проектированія обѣщанной конституціи, вторая для испытанія вновь предложенной министерствомъ финансовъ системы налоговъ. Гумбольдтъ былъ членомъ обѣихъ этихъ комиссій. Между тѣмъ какъ первая не начинала еще своихъ дѣйствій и только собирала матеріалы въ древнихъ областныхъ и племенныхъ учрежденіяхъ, вторая дѣятельно занялась представленнымъ проектомъ. 2-го Юля 1817 г. Гумбольдтъ говорилъ въ полномъ собраніи государственнаго совѣта противъ проекта министра финансовъ Бюлова, который онъ подвергъ тщательному обсужденію. Рѣчь его имѣла чрезвычайный успѣхъ: она убила въ общественномъ мнѣніи и проектъ, и министра; Бюловъ былъ смѣненъ и долженъ былъ удовольствоваться портфелемъ министерства торговли, нарочно для него созданнымъ.

Гарденбергъ съ безпокойствомъ въ душѣ и съ затаенной досадой смотрѣлъ на возрастающую популярность Гумбольдта. Въ обществѣ стали даже поговаривать, что Гарденбергъ выйдетъ въ отставку и мѣсто его займетъ Гумбольдтъ. Слухи эти производили всеобщую радость, отголоски которой долетали и до стараго

канцлера. Онъ почувствовалъ, что настала пора дѣйствовать и рѣшился удалить Гумбольдта во что бы то ни стало. Онъ отправился лечиться на воды въ Карлсбадъ, куда пріѣхалъ и Гумбольдтъ. Гарденбергъ просилъ его отправиться впередъ въ Франкфуртъ на Майнъ и подождать его, пока онъ объѣдетъ вновь приобретенныя прусскія прирейнскія владѣнія, чтобы потомъ вмѣстѣ заняться ихъ устройствомъ. Но въ Франкфуртъ Гумбольдтъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о болѣзни канцлера, получилъ отъ него предписаніе какъ можно скорѣе ѣхать въ Лондонъ, куда будто бы призываютъ его важныя дѣла. Гумбольдтъ понималъ, что это посольство — почетное изгнаніе, но домогаться высокаго политическаго положенія, соотвѣтствующаго его талантамъ, доискиваться значенія и вліянія въ государствѣ онъ считалъ мелочнымъ, недостойнымъ себя; онъ рѣшился повиноваться и отправился въ Лондонъ, гдѣ былъ отлично принятъ прежними вѣнскими и парижскими знакомыми, но не нашелъ никакихъ важныхъ занятій. Канцлеру хотѣлось только отклонить и по возможности совершенно пресѣчь оффиціальную дѣятельность Гумбольдта. Но оставить въ сторонѣ, въ тѣни чловѣка съ его дарованіями и популярностью онъ справедливо считалъ для себя опаснымъ.

Мѣсто посланника въ Лондонѣ, видное по своему вѣшнему положенію, ничтожное по тогдашнимъ обстоятельствамъ, представляло лучшія данныя для осуществленія мысли Гарденберга. Но расчеты его были разстроены: новое назначеніе Гумбольдта не соотвѣтствовало его желаніямъ. Гумбольдтъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, никогда не былъ расположенъ къ исполненію служебныхъ обязанностей. Дипломатическая дѣятельность его была не слѣдствіемъ врожденнаго призванія и расположенія, но пониманія долга, чувства любви къ отечеству и воодушевленія, проявившагося съ особенною силою во время поголовнаго возстанія Пруссіи, и подѣйствовавшаго не только на массы, но и на передовыхъ людей своего вѣка. Къ мирнымъ, уединеннымъ, научнымъ занятіямъ влекли Гумбольдта природныя наклонности; но въ службѣ отечеству онъ видѣлъ обязанность чловѣка и гражданина, и исполнялъ ее, но исполнялъ какъ обязанность. Понимая эту обязанность только при добросовѣстномъ ея исполненіи, не примѣшивая къ понятію службы никакихъ постороннихъ, своекорыстныхъ видовъ, вида въ службѣ одну цѣль — пользу отечества, Гумбольдтъ не могъ оставаться на мѣстѣ, на которомъ сознавалъ свою бесполезность. Отнимая у него возможность приносить истинную пользу, Гарденбергъ отнималъ у него кромѣ того возможность служить:

стремленіе къ покою, къ уединенному созерцанію, отчасти заглушенное, но не вытѣсненное дипломатическими трудами и постоянно таившееся въ глубинѣ его сердца, проснулось съ новою силою, лишь только были устранены другіе, современные и живые интересы. Гумбольдтъ никогда не былъ дипломатомъ въ душѣ; officialный характеръ его не имѣлъ ничего общаго съ настоящею его нравственною физиономіею. Гордость, холодность, скрытность, неприступность, въ которую онъ облачается какъ представитель своего государства, исчезаетъ, не оставляя по себѣ ни малѣйшаго слѣда, какъ только онъ входитъ въ домашній свой кругъ и дѣлается частнымъ человѣкомъ. Нельзя думать, чтобы характеръ его измѣнялся; онъ только понималъ свою роль и превосходно выполнялъ ее, вошелъ въ нее, насколько не подчинившись ея вліянію. Эта двойственность характера отразилась и на его занятіяхъ; политикой онъ занимался по обязанности; это принадлежность его роли, въ которой поддерживала его надежда быть полезнымъ; наукой занимался по увлеченію, по страсти; это его природа, укорененная воспитаніемъ и самостоятельнымъ развитіемъ. Въ главной квартирѣ, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Франкфуртѣ продолжались его занятія древними классиками; переводъ Агамемнона получалъ послѣднюю отдѣлку, переводъ Пиндара подвигался впередъ. «Вчера, пишетъ онъ изъ Фрейберга, я цѣлый вечеръ спокойно читалъ древнихъ, къ которымъ возвращаюсь всегда и, собственно говоря, ежедневно. Все прекрасное заключается въ прошедшемъ. Я, столько же, сколько другіе, а, быть можетъ, и больше, стараюсь трудиться для настоящаго и будущаго; но, тѣмъ не менѣе, мы живемъ въ желѣзномъ вѣкѣ, и не мы одни, а все новѣйшее. Этотъ вѣкъ можетъ дать достойный матеріалъ для труда, но для наслажденія пужно что нибудь выше и глубже.» Воспоминанія изъ собственнаго прошедшаго, образы минувшей юности составляли также предметъ его размышленій въ часы досуга. «Я сильно люблю прошедшее, пишетъ онъ; только его дары вѣчны и неизмѣнны, какъ смерть, теплы и отрадны, какъ жизнь.» Къ чему же было Гумбольдту стѣснять себя, отказываться отъ наслажденія теперь, когда долгъ гражданина былъ честно исполненъ, когда онъ ясно сознавалъ, что въ настоящемъ положеніи дѣятельность его не можетъ принести обществу никакой пользы? Ко всѣмъ этимъ важнѣйшимъ внутреннимъ побужденіямъ присоединилось еще внѣшнее обстоятельство, — дурное состояніе здоровья Каролины фонъ Гумбольдтъ, принудившее ее ѣхать лечиться въ Италію, и не позволявшее ей жить съ мужемъ въ болѣе суровомъ климатѣ. Продолжительная разлука съ женою

была слишкомъ тяжела для любящаго сердца Гумбольдта; въ Апрѣлѣ 1818 года, Гумбольдтъ рѣшительно потребовалъ отставки.

Гарденбергъ вступилъ въ переговоры, просилъ его принять мѣсто при другомъ дворѣ, выбрать любое мѣсто въ дипломатическомъ корпусѣ, но Гумбольдтъ остался непреклоненъ и возвратился изъ Лондона въ Германію въ первыхъ числахъ Ноября, во время засѣданій Ахенскаго конгресса. Канцлеръ предложилъ ему службу въ Министерствѣ, а пока просилъ его, въ качествѣ члена территоріальной комисіи, заняться на конгрессѣ разсмотрѣніемъ дѣлъ Германіи. Гумбольдтъ согласился.

11 Января 1819 г. министерство внутреннихъ дѣлъ получило особое устройство, и Гумбольдту, по ходатайству генералъ-адъютанта Вицлебена, поручено было завѣдываніе дѣлами государственныхъ сословій и общинъ съ правомъ засѣданія и голоса въ министерствѣ. Для исполненія обязанностей по этой должности особенно полезно было Гумбольдту знакомство съ Штейномъ, съ которымъ онъ поддерживалъ постоянныя сношенія въ бытность свою въ Франкфуртѣ. Штейнъ въ этомъ отношеніи былъ для Гумбольдта тѣмъ же, чѣмъ былъ для него Вольфъ въ дѣлѣ древней филологіи и Шиллеръ въ дѣлѣ эстетики. Дебютомъ Гумбольдта на новомъ поприщѣ былъ мемуаръ *Ueber die Verfassungsfrage* (Вопросъ о конституціи). Въ мемуарѣ являются тѣже основныя идеи, которыя мы видѣли въ первомъ политическомъ сочиненіи Гумбольдта; но идеи эти переработались подъ вліяніемъ собственнаго опыта и совѣтовъ Штейна, перестали быть утопіею, примирились съ дѣйствительностью и изъ неосуществимой, пламенной мечты обратились въ дѣльный прозектъ. Гумбольдтъ хотеть уничтожить бюрократію и каждому гражданину дать дѣятельное участіе въ правленіи. Этой цѣли достигаетъ система представительная. Смыслъ представительнаго правленія состоитъ, по мнѣнію Гумбольдта, въ томъ, чтобы доставить націи разумное участіе въ управленіи и, возвысивъ ея самосознаніе, упрочить вѣшнюю самостоятельность и содѣйствовать внутреннему ея развитію. Если опасность угрожаетъ націи извнѣ, то требуются не одни физическія, но и моральныя средства обороны; эти моральныя средства должно искать не въ минутномъ пылу воодушевленія, но въ сознаніи націи, привыкшей принимать участіе въ правленіи. И здѣсь виденъ индивидуализмъ, и здѣсь протестъ «*contre la fureur de gouverner*».

Но индивидуализмъ соединяется здѣсь съ общимъ государственнымъ интересомъ; личности должны развиваться независимо, но для блага общаго; свобода должна соединяться съ законностью,

ностью, примиряться съ государственномъ устройствомъ, существовать въ государствѣ и для государства. Правительство необходимо, но управлять собою должна сама нація; управляя собою, она остается свободною въ разумныхъ предѣлахъ и избавляется отъ «*fugere de governare*,» стѣсняющей и искажающей самостоятельное ея развитіе. Но всѣ эти предначертанія должно принимать какъ охранительныя мѣры не противъ деспотизма, а противъ бюрократіи. Мысль Гумбольдта не предоставить правленіе массѣ народа, но благоразумнымъ устройствомъ сдѣлать всякое правленіе по возможности излишнимъ. Это дѣлаетъ задачу его гораздо обширнѣе; дѣло идетъ не о представительной системѣ, но о организаціи цѣлаго народа. Но, чтобы новыя начала прижились на чужой почвѣ, пустили корень въ самую жизнь народа, привились къ его характеру, нужно, чтобы начала эти развивались изъ элементовъ, уже существующихъ или существовавшихъ прежде, воспоминаніе которыхъ еще таится въ народѣ, знакомо ему и имѣетъ прелесть роднаго. На этомъ основаніи, Гумбольдтъ считаетъ нужнымъ вызвать на свѣтъ, освѣжить въ памяти народа старинный общинный бытъ, и, измѣнивъ его сообразно съ требованіями и духомъ времени, изъ него создать новѣйшую конституцію, которая тогда вполне будетъ соответствовать нуждамъ и характеру народа, сольется съ его внутреннею жизнью и сдѣлается однимъ изъ необходимыхъ ея условій. Такое государственное устройство, взятое изъ старинныхъ обычаевъ самаго народа, для Нѣмцевъ исполнить свое назначеніе лучше американской и французской представительной системы.

Вотъ общая картина предлагаемой имъ конституціи. Первою степенью, основаніемъ всего государственнаго устройства должны быть сельскія и городскія общины, выбирающія изъ среды себя представителя, который управляетъ дѣлами общины и защищаетъ ея интересы,

Въ большихъ городахъ, вмѣсто одной общины, которой многочисленность нарушила бы единство дѣйствія и въ общей массѣ которой терялись бы отдѣльныя личности, должны, на однихъ правахъ съ общиной, существовать нѣсколько корпорацій, имѣющихъ также своихъ представителей.

Но устройство это не должно мѣшать общему единству, не должно отчуждать другъ отъ друга и разъединять членовъ различныхъ корпорацій; потому, корпораціи не должны быть основаны на одинаковомъ промыслѣ и образѣ жизни, не должны соответствовать цехамъ и переходить въ понятіе кастъ; каждый горожанинъ долженъ принадлежать къ одной изъ корпорацій,

но можетъ выбрать любую. Вторую степень составляютъ провинціальныя чины, которые образуются по выбору изъ депутатовъ каждаго сословія. Кромѣ выбранныхъ депутатовъ, есть и наслѣдственныя, и на этомъ основаніи провинціальныя чины раздѣляются на двѣ палаты, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особенное назначеніе въ управленіи провинціи и которыя кромѣ того обѣ вмѣстѣ могутъ быть собираемы королемъ для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ государства. Но и этихъ двухъ степеней недостаточно. Если остановиться на провинціальныхъ чинахъ, то будетъ нарушено единство государства, которое явится раздробленнымъ на нѣсколько частей, не имѣющихъ между собою достаточной правительственной связи; управленіе каждой провинціи представитъ отдѣльный, замкнутый въ себѣ организмъ, не имѣющій ничего общаго съ остальными частями государства, обращающій вниманіе на собственныя нужды и не заботящійся объ общемъ благѣ, объ интересахъ цѣлаго. Нужно связать между собою эти разрозненныя части, и эту связь составить третья, высшая степень, государственныя чины. И здѣсь, какъ въ провинціальныхъ чинахъ, одни члены засѣдаютъ по выбору, другіе по праву рожденія. Въ верхней палатѣ засѣдаютъ принцы медиатизированные, Силезскіе дворяне, высшее протестантское и католическое духовенство и представители поземельной аристократіи, въ нижней—выборные представители всѣхъ сословій, не исключая и дворянъ. Этому собранію, кромѣ совѣщательнаго голоса, должно быть предоставлено право рѣшенія. Впрочемъ власть короля Гумбольдтъ ограждаетъ тѣмъ, что ему одному предоставляется право инициативы.

Конечною цѣлью конституціи являются безопасность личности и собственности, вѣротерпимость и свобода книгопечатанія.

Всесочиненіе проникнуто глубокою, живою любовью къ истинной, разумной свободѣ, которая, однако, всегда остается въ предѣлахъ законной умѣренности и, стремясь къ одной цѣли, общему благу, старается только замѣнить вѣдущія повудительныя мѣры возвышеніемъ внутренняго, нравственнаго чувства гражданъ. Гумбольдтъ былъ въ правѣ ожидать отъ своего проекта многихъ хорошихъ послѣдствій для отечества; правительству былъ указанъ путь, указаны средства предполагаемой, обѣщанной реформы; правительство, во главѣ котораго стоялъ дряхлый старикъ, не имѣвшій никогда твердыхъ убѣжденій и подчинившійся подъ конецъ жизни вліянію австрійской политики, оставило безъ вниманія благонамѣренный совѣтъ.

Интриги Гарденберга задержали Гумбольдта во Франкфуртѣ,

чтобы связать ему руки и отвлечь отъ него, хотя на время, внимание мыслящей части общества.

Возвращеніе Гумбольдта въ концѣ Іюля 1819 г. мало поправило дѣло; австрійское вліяніе возрастало. Правда, 12 Августа, Гумбольдтъ торжественно былъ введенъ въ свою должность; былъ составленъ подъ предсѣдательствомъ государственнаго канцлера комитетъ для обсужденія его проэкта, но посредникомъ между Гумбольдтомъ и королемъ былъ Гарденбергъ, и дѣло затянулось такъ, что и не предвидѣлось конца.

Въ это время, изъ Вѣны разсланы были къ Германскимъ дворамъ приглашенія участвовать въ карлсбадскихъ конференціяхъ, имѣвшихъ цѣлью подавить всѣ проявленія свободы, послѣдніе отголоски всеобщаго патріотическаго воодушевленія, которымъ воспользовались, которое старались вызвать для войны съ Наполеономъ. Эти конференціи убили свободу книгопечатанія, поразили университеты, погубили начала представительной системы, и, подчинивъ владѣнія Германіи надзору союзной полиціи, нанесли тяжелый ударъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ.

Такого порядка вещей не могъ выдержать Гумбольдтъ.

Подчинить свое государство чужимъ законамъ, отдать его въ опеку—онъ считалъ преступленіемъ, оскорбленіемъ народной гордости. Онъ прямо обвинилъ Берншторфа, министра иностранныхъ дѣлъ въ превышеніи власти и вмѣстѣ съ Бейме и военнымъ министромъ Бойеномъ представилъ энергическую ноту.

На ноту воспослѣдовалъ немилостивый отвѣтъ. Бойенъ между тѣмъ потребовалъ увольненія, когда одно изъ его распоряженій не было одобрено и принято государственнымъ канцлеромъ. Примѣру Бойена послѣдовали сподвижники его Бейме и Гумбольдтъ, и въ концѣ Декабря 1819 г. всѣ трое получили отставку. Такимъ образомъ, кончилась общественная, служебная дѣятельность Вильгельма фонъ Гумбольдта.

Усилія его не всегда, и даже рѣдко увѣнчивались успѣхомъ; обстоятельства, интриги часто мѣшали ему достигать предполагаемой цѣли, которая всегда была высока, прекрасна, обширна, достойна великой души его. Онъ не подчинялся вліянію обстоятельствъ; всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ, вѣрнымъ основной своей идѣ и принятымъ убѣжденіямъ, онъ открыто, благородно боролся съ встрѣчавшимися препятствіями, никогда не уступалъ имъ и никогда не употреблялъ для ниспроверженія ихъ окольныхъ путей. Цѣль въ его гла-

захѣ никогда не извиняла средства. Онѣ видѣлъ насквозь хитрости Гарденберга но противодѣйствовать интригѣ интригой, протавѣ подкупа вести подкупъ считалъ низкимъ, недостойнымъ себя. Но это прямодушіе, благородство, безкорыстіе, всѣ эти высокія чувства вредили Гумбольдту, какъ дипломату и государственному человѣку. При меньшей разборчивости въ средствахъ, при большемъ честолюбіи, онѣ могъ бы достигнуть болѣе высокаго положенія, большаго вліянія въ государствѣ, могъ бы лучше успѣть въ своихъ предпріятіяхъ и принести большую пользу отечеству.

Онѣ удалился отъ дѣлъ безъ досады, безъ ожесточенія противъ тѣхъ, интриги которыхъ побудили его оставить службу. Онѣ всегда съ уваженіемъ отзывался о благородномъ характерѣ государственнаго канцлера. «Чувства мои къ этому человѣку, писалъ онѣ къ Фарнгагену, сообщившему ему о своемъ намѣреніи заняться біографіею Гарденберга, постоянно были одни и тѣже, даже въ то время, когда мы шли совершенно различными путями и потому меня радуешь то, что онѣ найдетъ у васъ справедливость и снисходительность, которую онѣ заслуживаетъ. Если разсматривать событія 1810—1816 годовъ какъ развязку драмы, то поэтъ, дѣйствительно, не найдетъ другаго характера, который былъ бы такъ способенъ совершить это дѣло для Пруссіи. Я часто чувствовалъ это среди событій и боялся за исходъ ихъ, когда усиливались физическія страданія Гарденберга. Съ другой стороны, должно сознаться, что для себя ему, можетъ быть, лучше было бы отказаться отъ участія въ этой драмѣ, чтобы въ рѣшительномъ величіи и твердости стоять выше событій.»

Съ удаленіемъ Гумбольдта отъ дѣлъ не прекратилась однако многосторонняя дѣятельность его. «Вся сила и напряженіе, говоритъ Фридрихъ Мюллеръ, которыя онѣ такъ долго, съ такимъ успѣхомъ обращалъ на виѣшніе предметы, сосредоточились теперь въ наукѣ и искусствѣ; его пытливый умъ проникаетъ въ тончайшія и цѣннѣйшія особенности нравовъ и преимущественно языковъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта, и отыскиваетъ свѣтлымъ умомъ связь ихъ въ исторіи развитія человѣчества; онѣ украшаетъ свое родовое помѣстье Тегель собраніемъ величественныхъ произведеній искусствъ и превращаетъ его въ храмъ мысли, въ веселое убѣжище друзьямъ, служащее къ собственному его нравственному и физическому обновленію. Тамъ непрерывно посѣщаетъ его муза, принося свѣжіе вѣнки днямъ его старости. Довольный и спокойный, съ твердымъ убѣжденіемъ въ вѣчности бытія, тихо отходитъ онѣ изъ круга друзей, оставляя по себѣ

неизгладимое воспоминаніе въ сердцахъ всѣхъ людей знавшихъ его.»

Со времени послѣдней отставки начинаются важнѣйшія лингвистическія изслѣдованія Гумбольдта, составляющія главный и почти исключительный интересъ послѣднихъ годовъ его жизни.

III.

Семейная жизнь В. Г. — Его ученая деятельность. — Определение народного характера древних Греков. — Изучение Индйской древности. — Смерть госпожи Гумбольдт. — Новые должности В. Г. — Общество любителей искусств. — Новая характеристика Гете. — Издание писем Шлегеля. — Сонеты. — Болезнь и смерть В. Г. — Заключение.

Со времени удаленія Гумбольдта отъ дѣлъ началась для него тихая, семейная жизнь въ кругу близкихъ и немногихъ знакомыхъ, среди постоянныхъ ученыхъ занятій. Желаніе вспомнить невозвратное былое, годы, проведенные въ Бургэрнеръ и Аулебенъ, первые годы супружества, желаніе слить эти воспоминанія съ воспоминаніями первыхъ дней дѣтства заставило Гумбольдта поселиться въ Тегель, мѣстѣ его рожденія, гдѣ онъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ жилъ съ матерью, братомъ и первыми наставниками. Двѣ дочери его вышли за мужъ, одна за Гедемана, другая за барона Бюлова; старшій сынъ, Теодоръ женился и поселился въ Силезію; только старшая дочь Каролина и младшій сынъ Германъ оставались при родителяхъ. Старый домъ въ Тегель былъ сломанъ и на его мѣстѣ выстроенъ новый, болѣе помѣстительный и изящный.

Въ этомъ домѣ, окончательно отдѣланномъ въ 1824 году Гумбольдтъ окружилъ себя древностями и статуями, приобретенными въ Римѣ и другихъ мѣстахъ, предметами искусствъ, доставлявшими ему ежедневное, постоянно новое наслажденіе, обратившееся въ потребность. Здѣсь, въ кругу своего семейства, Гумбольдтъ проводилъ большую часть года; только поѣздки зимою въ Берлинъ, осенью и весною въ другія помѣстья и въ особенности въ Оттмаху, (въ Силезію), гдѣ разныя хозяйственныя распоряженія часто дѣлали необходимымъ личное его присутствіе, заставляли его покидать свой любимый Тегель, измѣнять правильный, спокойный образъ жизни, отрываться отъ занятій, составлявшихъ рѣшительно необходимую часть его существованія.

1828-ый годъ весь прошелъ въ разъѣздахъ. Гумбольдту съ семействомъ Бюлова еще разъ пришлось посѣтить Парижъ и Лон-

донъ, пришлось возобновить нѣсколько почти оставленныхъ связей и знакомствъ въ обѣихъ столицахъ. Черезъ Мюнхенъ и Гастэйнъ, гдѣ госпожа Гумбольдтъ пользовалась минеральными водами, наши путешественники возвратились въ Берлинъ и въ Тегель, и здѣсь снова начались обыкновенныя, невозмутимо-спокойныя, правильныя и методическія ученыя занятія. Исслѣдованія надъ языками и философіею языка не заставили Гумбольдта забыть прежній свой любимый предметъ, греческую древность, изученію которой были посвящены лучшіе годы его молодости. Теперь, при помощи языка, онъ постигъ въ тончайшихъ отбѣнкахъ и изгибахъ греческій народный характеръ, который ему не удавалось уловить въ изученіи литературы, религіи и нравовъ. Видя въ словѣ первое движеніе пробудившейся души, видя въ языкѣ полное, вѣрное, хотя таинственное и не всякому доступное отраженіе народнаго характера, обладая громадными лингвистическими свѣдѣніями, Гумбольдтъ легко могъ по одному языку очертить всякую національность. Другія проявленія духовной дѣятельности народа—религія, литература, бытъ и политическая судьба его—проявленія менѣе духовныя и внутреннія, служили только пособіемъ, дополнительными чертами, подтверждавшими результаты языка, дававшими общей картинѣ цѣлостность и законченность. Вотъ его результаты. Направленіе Грековъ было преимущественно внутреннее и интеллектуальное; любознательность ихъ была направлена не столько на практическое значеніе предметовъ въ дѣйствительности, сколько на самую сущность ихъ и на то, какъ они вообще представляются уму. Всѣ внѣшнія формы, выражавшія понятія древнихъ Грековъ, напоминаютъ о внутреннемъ содержаніи часто, съ ущербомъ для практическаго ихъ примѣненія. Стремленіе къ истинно индивидуальному характеру влекло ихъ въ тоже время къ идеальному, къ стремленію «уничтожить индивидуальное, какъ ограниченіе, и оставить его только, какъ легкое очертаніе извѣстнаго образа». На этомъ основаніи греческое искусство есть снимокъ съ дѣйствительной природы, снимокъ, изображающій сущность живаго организма каждаго предмета. Этотъ снимокъ удавался имъ чрезъ соединеніе яснаго созерцанія дѣйствительности съ стремленіемъ къ высшему единству идеала.

Лингвистическія занятія открыли Гумбольдту еще одну богатую литературу, изученіе которой ввело его въ таинственный, фантастическій міръ, въ міръ индѣйской древности. Стихи Мага-Бараты поразили Гумбольдта глубиною мысли, выраженной въ первобытно-простой формѣ, съ младенческою игривостью фантазіи. Что любилъ онъ въ Пиндарѣ и Эсхилѣ, чему удивлялся въ

твореніяхъ Шиллера, то нашелъ въ древнѣйшей поэзіи Индіи. Мысли Канта, которымъ онъ такъ глубоко сочувствовалъ, мысли о высокомъ самопожертвованіи, о соблюденіи долга ради долга, объ истинной мудрости, которая должна стоять выше событій и, по возможности, отрѣшаться отъ переворотовъ внѣшняго міра, мысли эти встрѣчались ему здѣсь въ разсужденіяхъ Кришны, въ ученіи объ индійскомъ самоуглубленіи; онъ примѣнялся къ настоящему его положенію, которое многіе считали опалою, и за которое онъ самъ благословлялъ Провидѣніе. Дѣйствительно, удалившись отъ шума политической дѣятельности, живя наукою, углубляясь въ спокойный міръ мысли и труда, изучая человѣка въ самомъ таинственномъ внутреннемъ его проявленіи, Гумбольдтъ сталъ выше переворотовъ, добровольно разорвалъ все, что связывало его съ внѣшнимъ міромъ, и, какъ индѣйскій іогн, спокойно и безстрастно, безъ волненій и желаній, смотрѣлъ на все окружающее. Этимъ объясняется сочувствіе его къ индѣйской поэзіи, увлеченіе, съ которымъ онъ предался своему новому предмету. Сочувствіе это выразилось въ желаніи воспроизвести нѣкоторыя, особенно поразившія его, мѣста индѣйской поэмы. Къ этому времени относится его сочиненіе: «Объ отрывкѣ изъ Мага-Бараты, извѣстномъ подъ именемъ Багавадъ-Гиты». Даже взглядъ Гумбольдта на науку, быть можетъ, измѣнился подъ вліяніемъ индѣйской философіи. Ученые труды его не имѣли послѣднюю, конечною цѣлью самую науку; результаты науки важны для него были не столько сами по себѣ, сколько по вліянію, которое они оказываютъ на умственное и нравственное совершенствованіе человѣка. Созрѣть, развиваться въ себѣ и въ своихъ идеяхъ, «идеями вырѣзть изъ жизни», какъ онъ пишетъ къ Генцу, вотъ настоящая цѣль, связывающая интересъ науки съ собственными, личными интересами Гумбольдта.

Трудъ мысли, занятія наукой не вытѣснили, не подавили чувства, котораго искала воспріимчивая душа Гумбольдта, въ которомъ нуждалась нѣжная, почти женственная его природа. Безграничная, но тихая и спокойная привязанность его къ женѣ, дружескія отношенія къ брату, къ Каролинѣ Вольцогенъ, къ Шарлоттѣ Діэде, къ Гёте, къ Вольфу оживляли дни его старости отрадными воспоминаніями былого. Чувство его къ женѣ, основанное на глубокомъ уваженіи, на взаимномъ пониманіи и сочувствіи, никогда не имѣло ничего общаго съ минутнымъ пыломъ юношеской страсти, не могло съ лѣтами охладѣть и угаснуть. Сила привычки могла только скрѣпить узы сознательнаго чувства. Со времени удаленія Гумбольдта отъ дѣлъ, Каро-

лина была его неразлучною спутницею; съ Каролиной дѣлился онъ трудами, радостями, надеждами и сомнѣніями, и Каролина понимала его, сочувствовала ему. Гумбольдту нужно было такое сочувствіе; онъ дорожилъ дружбой женщины и, какъ художникъ, какъ идеалистъ, умѣлъ цѣнить прекрасную женственность, полную любви и самоотверженія. «Въ чувствѣ къ прекрасной женственности, писалъ онъ къ Каролинѣ Вольцогенъ, заключается пониманіе всего изящнаго въ человѣчествѣ и природѣ, разоблаченная сущность духовной жизни, на сколько она доступна на землѣ.» Изъ этихъ словъ видно, чѣмъ могла быть, чѣмъ дѣйствительно была для него Каролина, видно, какимъ жестокимъ ударомъ должна была поразить его преждевременная ея кончина. Слабое здоровье госпожи Гумбольдтъ долгое время то поправлялось, то снова разстроивалось; грудная болѣзнь, которою она страдала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, болѣзнь, неоднократно принуждавшая ее пользоваться гостеинскими минеральными водами, въ послѣднее время усилилась и наконецъ свела ее въ могилу 26-го Марта 1829 года. Ни дружба брата, ни нѣжная привязанность дѣтей, ни участіе друзей и близкихъ не могли замѣнить Гумбольдту жестокою утрату. Въ горести его, какъ въ его любви, не было порыва, не было страсти; то была грусть тихая, спокойная, но глубокая и постоянная; онъ не искалъ забвенія, не старался разсѣяться и утѣшаться. Не впадая въ мизантропію, онъ сталъ избѣгать сношеній съ людьми; его тяготило ихъ безсильное участіе; смерть любимой женщины оставила по себѣ такую пустоту въ внѣшней его обстановкѣ, что Гумбольдтъ почувствовалъ потребность уединить себя, отдалиться отъ внѣшняго міра, углубиться въ самого себя, въ благотворныя истины науки, окружить себя образами отжившихъ друзей, картинами былой юности, былого счастья, словомъ, живѣе прежняго почувствовалъ потребность жить въ мірѣ идей и воспоминаній. «Вы спрашиваете, пишетъ онъ къ Каролинѣ Вольцогенъ, что для меня теперь всего отраднѣе? Признаюсь вамъ, только глубокое, совершенное одиночество. Въ одиночествѣ у человѣка являются чувства, мысли, воспоминанія, которыя укрѣпляютъ и поддерживаютъ его; печаль переходитъ въ какое то тихое, нѣжное, постоянное чувство грусти. Но чтобы я снова могъ находить удовольствіе въ сношеніяхъ съ людьми,—этого я рѣшительно не могу себѣ представить; допускаю только дружескій разговоръ съ глазу на глазъ съ человѣкомъ однихъ убѣжденій со мною.»

Но Гумбольдту не удалось остаться въ сторонѣ отъ дѣлъ, не удалось въ уединеніи насладиться своей горестью. *Cabinetssordre*

отъ 15 Сентября 1830 года снова назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ комиссіи, которой поручено было заняться внутреннимъ устройствомъ вновь открытаго берлинскаго музея; впрочемъ, первое мѣсто, данное болѣе для виду, какъ возмездіе за удаленіе, походившее на опалу, не возлагало на Гумбольдта трудныхъ и сложныхъ обязанностей и рѣдко вызывало его изъ Тегеля. Второю должностію, требовавшею эстетическаго вкуса и обширныхъ познаній въ дѣлѣ искусства, Гумбольдтъ занимался съ любовью, не смотря на то, что занятія эти нарушали заведенный порядокъ его всеневной жизни и часто приводили его къ соприкосновенію съ людьми и обществомъ. Кромѣ того, еще съ 1825 года существовало въ Пруссіи Общество любителей искусствъ, имѣвшее цѣлю поощрять молодыхъ художниковъ, давать имъ средства къ образованію, развивать въ нихъ врожденный талантъ и такимъ образомъ содѣйствовать процвѣтанію изящныхъ искусствъ въ Пруссіи. Гумбольдтъ былъ однимъ изъ основателей и дѣятельныхъ членовъ этого общества; изъ подъ его пера выходили годовые отчеты общества, которые въ совокупности представляютъ полный курсъ эстетики, какъ понималъ ее Гумбольдтъ въ послѣдніе годы своей жизни и дѣятельности. Здѣсь, какъ и въ «Эстетическихъ опытахъ», видно пристрастіе къ древнему, классическому міру, связанное впрочемъ съ полнымъ его пониманіемъ. Гумбольдтъ миритъ греческое искусство съ новѣйшимъ, романтическимъ, болѣе сообразнымъ съ духомъ нашего вѣка и требованіями современнаго общества, но, допуская сліяніе обоихъ элементовъ, считаетъ искусство Грековъ единственнымъ, истиннымъ воплощеніемъ идеи изящнаго.

Къ этому времени относится новая характеристика Гёте, принятая Гумбольдтомъ по поводу послѣдней части итальянскаго путешествія Гёте, изданной въ 1829 году. И въ этой характеристикѣ проглядываетъ любовь Гумбольдта къ древне-греческому элементу. Сравнивая Гёте съ греческими поэтами Гумбольдтъ превозноситъ его объективность, естественность и вѣрность его картинъ, отражающихъ природу во всей ея изящной простотѣ, во всемъ роскошномъ блескѣ ея свѣжести и жизни; онъ выводитъ творческое стремленіе Гёте изъ одного источника съ его стремленіемъ изслѣдовать сокровенные законы природы, указываетъ на внутреннюю связь, существующую между учеными трудами и поэтическимъ творчествомъ Гёте.

1-го Мая 1832 года, уже по смерти Гёте, Гумбольдтъ въ Обществѣ любителей искусствъ прочелъ письмо Гёте къ тайному совѣтнику Бейту, въ которомъ покойный поэтъ благодаритъ за

подарокъ, посланный ему отъ имени общества, и обѣщаетъ дать молодымъ художникамъ нѣсколько совѣтовъ насчетъ выбора предмета. «Горестно намъ, продолжаетъ Гумбольдтъ по окончаніи чтенія, отказаться отъ поученія, которое обѣщаетъ покойный въ этихъ строкахъ. Самое обѣщаніе это доказываетъ, какъ старался онъ до послѣднихъ дней своей жизни развивать всякое стремленіе къ изящному и давать ему направленіе. Это желаніе руководить духовную дѣятельность современниковъ, было ему особенно свойственно; можно даже прибавить, что онъ, безъ намѣренія, почти бессознательно, существованіемъ своимъ и дѣйствіемъ на самого себя, оказывалъ могучее, характеризующее его вліяніе. Оно представляется отдѣльно отъ духовнаго творчества его, какъ мыслителя и поэта, и заключается въ его великой, своеобразной личности. Мы это чувствуемъ въ самой горести, которою поразила насъ его кончина. Мы оплакиваемъ въ немъ не только творца столькихъ гениальныхъ произведеній всякаго рода, не только изслѣдователя, расширившаго область столькихъ наукъ и указавшаго имъ новые пути глубокимъ воззрѣніемъ на внутреннюю природу ихъ, не только дѣятельнаго поборника всякаго стремленія къ духовному развитію, мало того, — у насъ какъ будто вырвано что-то изъ самыхъ заветныхъ мыслей и чувствъ въ самомъ возвышенномъ ихъ соединеніи, недостаетъ чего-то, потому единственно, что его нѣтъ между нами. Но, хотя мы горько чувствуемъ нашу потерю, насъ снова оживляетъ то убѣжденіе, что онъ вложилъ въ свой вѣкъ и свой народъ сѣмяна, которыя перейдутъ въ будущія поколѣнія и долго еще будутъ развиваться, когда языкъ его сочиненій уже, быть можетъ, устарѣетъ. У каждой націи, достигшей высокой степени развитія, есть свой особый кругъ мыслей и чувствованій, обнимающій всю ея жизнь. Онъ стоитъ не на твердыхъ и опредѣленныхъ единичныхъ воззрѣніяхъ, но заключается въ общемъ направленіи умовъ, въ формѣ, отъ которой зависятъ во всѣхъ отрасляхъ духовной дѣятельности мѣра и размѣръ, спокойствіе и живость, равновѣсіе и гармонія; онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, черезъ обусловливаемое имъ сліяніе чувственнаго съ нечувственнымъ, на полное созерцаніе вѣшняго и внутренняго міра. Личности Гёте преимущественно суждено было дѣйствовать на эту точку. Въ эту таинственную среду, въ которой одно духовное стремленіе воодушевляетъ цѣлую націю, проникъ Гёте силою своею творчества, посредствомъ языка, который далъ ему возможность выразить свой характеръ, и которому онъ, съ своей стороны, придалъ столько силы и души. Такимъ образомъ, начиная свое поприще въ періодъ литературы, въ которомъ духъ нѣмецкой науки и

искусства не получалъ еще яснаго, рѣшительнаго характера, онъ долготѣнными трудами своей жизни вложилъ на него новый, вѣчно напоминающій о немъ отпечатокъ. Постоянно веселая разсудительность, свѣтлая ясность, живое, созерцательное пониманіе природы, всегда подчиненное изящному образу или еще глубже заимствованной формѣ, безконечная гибкость гешія, всѣ эти качества, преимущественно отличающія Гёте, сами собою привлекали къ нему умы. Ни въ комъ не было болѣе справедливаго, основаннаго на внутреннемъ характерѣ отвращенія ко всему запутанному, туманному, мистически загадочному. Все это въ совокупности придавало его вліянію такое общее, глубокое значеніе. Что представлялось такъ весело и свѣтло, что безъ труда и напряженія вытекало изъ своего источника, то также легко принималось и удерживалось, пускало корни для дальнѣйшаго развитія. Такъ какъ Гёте всегда понималъ природу въ единствѣ ея организма и въ тоже время въ полномъ развитіи ея богатаго разнообразія, то въ немъ никогда не могло быть рѣзкой противоположности между чувственнымъ и идеальнымъ міромъ. Дѣйствительность теряла въ немъ свою форму, чтобы получить новую отъ руки создающей фантазіи. Вотъ почему, скажу я, чтобы возвратиться къ своему предмету, онъ такъ благотворно дѣйствовалъ на искусство; онъ былъ близокъ къ нему въ основныхъ началахъ своего духа и сроднился съ нимъ во всѣхъ его отрасляхъ посредствомъ созерцанія, собиранія и упражненія; общее чувство къ изящному укоренилось въ немъ глубже, нежели въ комъ либо другомъ. Онъ безконечно много сдѣлалъ для искусства непосредственно поученіемъ, поощреніемъ и содѣйствіемъ всякаго рода, но все это не могло сравниться съ тѣмъ, чѣмъ оно обязано ему посредственно. Въ продолженіе многолѣтней жизни, тихимъ вліяніемъ своей личности онъ будилъ въ душахъ современниковъ дремлющую искру любви къ изящному, направлялъ наклонность и потребность къ чистому стремленію (къ искусству), которое, одинаково удаляясь отъ принужденія стѣснительныхъ правилъ и отъ фантастическаго произвола, слѣдуетъ свободному ходу природы, управляемому внутренними законами!»

Вслѣдъ за характеристикой Гёте были изданы въ свѣтъ письма Шиллера къ Гумбольдту съ предисловіемъ, въ которомъ авторъ широкой кистью рисуетъ великую личность покойнаго друга. Гумбольдтъ признаетъ въ Шиллерѣ слѣды вліянія Канта и распространяется при этомъ насчетъ философіи Канта, которую ставитъ несравненно выше системы Гегеля, бывшей тогда въ полной силѣ. Стремясь примирить человека со всѣмъ окружающимъ, философія Гегеля по своей основной идеѣ соглашалась съ лич-

ными убѣжденіями Гумбольдта, но возмущала его своею априоричностью, отсутствіемъ историческаго изслѣдованія, возмущала его тѣмъ, что путемъ чистаго мышленія хотѣла произвести высшее соединеніе, для котораго Гумбольдтъ требуетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ силъ души. Гумбольдтъ разсматриваетъ Шиллера, какъ мыслителя, поэта и человѣка; онъ видитъ въ его твореніяхъ отпечатокъ этихъ трехъ сторонъ его существа, взаимно поддерживающихъ и восполняющихъ другъ друга, и преимущественно обращаетъ вниманіе на философское направленіе его стихотвореній, въ которыхъ глубокая, самородная мысль облекается въ художественно прекрасную форму.

Съ именами Шиллера и Гёте связывались для Гумбольдта воспоминанія лучшихъ дней молодости, — дней, прожитыхъ съ женою въ Іенѣ, среди семейства, среди друзей, поэтовъ и ученыхъ; характеристика Шиллера глубоко прочувствована; каждая мысль вылилась изъ души и дышитъ неподдѣльною искренностью.

«Состояніе души моеѣ, пишетъ Гумбольдтъ къ Каролинѣ Вольцогенъ, побуждающее меня искать одиночества — невыразимая грусть и въ то же время тихое спокойствіе — удивительно располагаетъ меня къ откровенности. Что теперь выходитъ изъ подъ моего пера должно носить на себѣ по крайней мѣрѣ отпечатокъ глубокой, задушевной искренности.» Эта тихая грусть, тоскливое стремленіе къ чему то сверхъ естественному, неземному обнаружилось послѣ смерти госпожи Гумбольдтъ и, возрастая съ лѣтами, въ полной мѣрѣ высказалось передъ концомъ его жизни въ сонетахъ, которые изданы Александромъ Гумбольдтомъ въ полномъ собраніи сочиненій брата. У Гумбольдта не было самостоятельнаго поэтическаго таланта; стихотворенія его, написанныя въ Испаніи и въ Римѣ, въ лучшіе годы жизни, подъ вліяніемъ величественной обстановки, замѣчательны не столько по силѣ вдохновенія, сколько по глубинѣ выраженныхъ идей, которыя не всегда укладываются въ поэтическую рамку и постоянно преобладаютъ надъ формою. Въ сонетахъ его также вѣтъ огня, вѣтъ страсти, но много свѣтлыхъ мыслей, много задушевности, теплоты и искренности. Гумбольдтъ писалъ ихъ не для свѣта, даже не для друзей и близкихъ; онъ писалъ ихъ для себя, потому что чувствовалъ потребность высказаться, вызвать наружу то, что таилось въ глубинѣ души, чувства, мысли, желанія, тоскливое стремленіе куда то вдалѣ, прочь отъ земли, въ прекрасный, сверхъ чувственный міръ. Какъ являлась мысль, такъ и укладывалась она на бумагу, безъ труда, безъ кропотливой отдѣлки и вѣншей обработки. Все, что производило на него впечатлѣніе, прогулка, свидѣніе, картина природы, новая мысль,

воспоминанія,—все въ тотъ же день переходило въ сонеты; это поэтическій дневникъ, исповѣдь старика Гумбольдта, исповѣдь невольная, бессознательная, неприготовленная и потому искренняя, чистосердечная и безыскусственная. Отъ случаевъ всеневной жизни, отъ предмета, вызвавшаго стихотвореніе, Гумбольдтъ переходитъ къ общимъ, отвлеченнымъ идеямъ и часто высказываетъ прекрасныя мысли, проникнутыя теплымъ чувствомъ. И здѣсь выражается уваженіе къ человѣку и его индивидуальности; стремленіе къ нравственному совершенству, руководившее всѣми поступками его жизни, принимаетъ здѣсь какой то мечтательный, таинственный характеръ, какой то оттѣнокъ тихой грусти, разлитой на всѣхъ сонетахъ и придающій имъ особенную, трогательную прелесть.

Сонеты служили Гумбольдту оգдохновеніемъ; онъ диктовалъ ихъ своему секретарю вечеромъ, когда все было тихо, когда, послѣ дневныхъ трудовъ, онъ любилъ припомнить прошедшее, задуматься надъ будущимъ и глубже заглянуть къ себѣ въ душу. Ученые труды Гумбольдта шли между тѣмъ своимъ чередомъ; огромное твореніе его о языкѣ Кави, надъ которымъ онъ теперь трудился, подвигалось къ концу; онъ занимался имъ съ тою же любовью и съ обыкновеннымъ постоянствомъ, но старость брала свое; силы стали измѣнять ему, глаза ослабѣвали, голова и руки дрожали; долгіи усидчивый трудъ сталъ утомлять его; умственное напряженіе и постоянная, мучительная грусть разрушительно дѣйствовали на его физическія силы. Въ 1831, 1832, 1833 годахъ, онъ ѣздилъ въ Нордерней, и морскія купанья нѣсколько укрѣпили его и поправили его здоровье. Весь 1834 годъ онъ пробылъ въ Тегелѣ, былъ спокоенъ и веселъ, чувствовалъ себя свѣжѣе и крѣпче. «Я не боленъ, пишетъ онъ къ Николовію; напротивъ, провожу спокойные и счастливые дни въ уединеніи, съ дѣтьми, среди трудовъ и грезъ, вспоминая о прошедшемъ и весело размышляя о будущемъ.» Но 23 Февраля 1835 года, въ день рожденія супруги, онъ особенно долго пробылъ на ея могилѣ, простудился и занемогъ. Болѣзненное состояніе продолжалось цѣлый мѣсяцъ, не представляя особенной опасности. Въ концѣ Марта болѣзнь усилилась, а 7-го Апрѣля въ шесть часовъ вечера Вильгельма Гумбольдта не стало. Безполезно было бы изображать горестъ дѣтей, брата и друзей покойнаго; они знали ему цѣну, знали что теряли въ немъ. «Третьяго дня вечеромъ, пишетъ Александръ Гумбольдтъ къ Араго, я имѣлъ несчастье лишиться брата. Я въ глубокомъ уныніи. То былъ высокій умъ, душа возвышенная и благородная. Я совсѣмъ осиротѣлъ, и надѣюсь наконецъ имѣть счастье обнять васъ въ нынѣшнемъ

году.» Королевская фамилія и дворъ выразили свое прискорбіе. Общество и наука лишились въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей и чувствовали въ его смерти горестную утрату.

Мы уже знаемъ изъ жизни Вильгельма Гумбольдта какъ сильно чувствовалъ онъ все благородное, возвышенное и прекрасное, какъ неуклонно стремился онъ къ идеалу нравственнаго совершенства; путемъ къ тому служили ему наука, искусство и эстетическія наслажденія, облагораживающія и возвышающія душу. Такой взглядъ на науку представляетъ глубокую, внутреннюю связь съ его уваженіемъ къ человѣку и его индивидуальности, которой благосостояніе онъ ставитъ выше государственныхъ интересовъ, для сохраненія которой готовъ жертвовать всѣмъ, ниспровергать установленный государственный порядокъ и возмущать спокойствіе общества. Это уваженіе къ индивидуальности, выказавшееся съ полною силою въ первомъ его политическомъ сочиненіи, слишкомъ увлекало его въ молодости и доводило его до несбыточныхъ, утопическихъ теорій. Но съ лѣтами индивидуализмъ этотъ смягчился уваженіемъ къ государственному устройству, сознаніемъ его необходимости, стремленіемъ примирить «я» отдѣльной личности со всѣмъ его окружающимъ. Изученіе природы, созерцаніе вѣчной ея гармоніи и соответствія между цѣлымъ и отдѣльными его составными частями, содѣйствовало этому примиренію, развивая въ Гумбольдтѣ сознаніе его необходимости. Дѣйствительно, весь образъ дѣйствій его на попріщѣ государственной службы, проэктъ новыя конституціи, распоряженія по министерству проникнуты стремленіемъ согласить интересы отдѣльной личности съ выгодами и спокойствіемъ общества, содѣйствовать развитію индивидуальности, не разрушая государственнаго устройства, поставить индивидуальность подъ защиту общества и правительства, не подвергая ее стѣсненію, словомъ, достигнуть разумной законной свободы отдѣльныхъ личностей, свободы, необходимой для развитія и совмѣстной съ благомъ государства. Впрочемъ вообще говоря, характеръ Гумбольдта мало измѣнялся съ лѣтами; въ немъ смолodu господствовало то веселое спокойствіе, которымъ онъ отличался подъ старость, спокойствіе, которое, предохраняя его отъ увлеченія, позволяло ему съ твердостью, терпѣливо переносить несчастье. «Мое спокойствіе, пишетъ онъ, не достоинство; это счастливое преимущество моего темперамента; терпѣніе мое никогда не стоило мнѣ труда; я могу назвать его врожденнымъ.» Въ минуты горести личность Гумбольдта является въ самомъ чистомъ, поэтическомъ свѣтѣ; онъ самъ сознаетъ возвышающую силу горести и, понимая благотворное ея вліяніе, спокойно

и безропотно переносить постигающія его несчастія. «Горестъ, говоритъ онъ, имѣетъ высокую, очищающую силу, невыразимую прелесть, когда она, какъ плющь, обвивается вокругъ сердца; она даже разрушая сохраняетъ свою собственную, могучую жизнь.» Стремясь къ нравственному совершенствованію, Гумбольдтъ старается быть равнодушнымъ ко всему внѣшнему и матеріальному, къ славѣ, къ удовольствію, къ счастью и къ несчастію и удивительно успѣваетъ развить въ себѣ это стоическое равнодушіе, этотъ идеальный взглядъ на вещи. Развитію этого идеализма во многомъ содѣйствовало также внѣшнее положеніе Гумбольдта, положеніе, независимое и вполне обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи. При постоянной борьбѣ съ нуждою, при непрерывныхъ столкновеніяхъ съ мелочными дразгами всадневной жизни, трудно было бы отрѣшиться отъ матеріальнаго, стать выше его, выработать себѣ свѣтлый, всеобъемлющій, независимый взглядъ на міръ и его явленія. Изъ перваго политическаго сочиненія Гумбольдта виденъ его взглядъ на религію. Онъ понималъ идею религіи, онъ былъ пропитанъ ею, но понималъ ее во всей ея чистой отвлеченности, не облекая ея въ внѣшнія формы, не придавая этимъ формамъ никакой цѣны, никакого значенія. Онъ вѣритъ въ загробную жизнь, потому что вѣритъ въ силу мысли, въ силу чувства, въ которыхъ видитъ вѣрный залогъ безсмертія, но, сильный сознаниемъ долга, для его исполненія не нуждается въ возбуждательныхъ средствахъ и съ спокойною совѣстью, безъ сожаленія готовъ отказаться отъ надежды на награду. И такъ мы видимъ въ Вильгельмѣ Гумбольдтѣ идеалиста, человѣка съ благородными, возвышенными стремленіями, гражданина, умѣвшаго съ горячею любовью къ своей народности соединить полное, безпристрастное уваженіе ко всему истинно прекрасному, истинно человѣческому, гениальнаго ученаго, который, не сдѣлавшись сухимъ, одностороннимъ специалистомъ, широко раздвинулъ область своей науки, создалъ новое направленіе, указалъ своимъ послѣдователямъ безконечную сферу развитія. Такихъ людей не забываетъ исторія.

Лингвистическіе труды В. Гумбольдта.

Приступая къ разсмотрѣнію результатовъ лингвистическихъ трудовъ Гумбольдта, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ и цѣли этихъ изслѣдованій, начавшихся очень давно, во время поѣздки его въ Испанію, постепенно получившихъ болѣе обширныя размѣры во время пребыванія его въ Римѣ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и Франкфуртѣ, и достигшихъ наконецъ полнаго своего развитія послѣ того, какъ онъ, оставивъ службу, предался уединенному созерцанію и безраздѣльно посвятилъ себя наукѣ. Первые изслѣдованія въ Испаніи надъ баскскимъ языкомъ были произведены не съ лингвистическою, но съ историко-этнографическою цѣлью. Главнымъ предметомъ изслѣдованія здѣсь является не языкъ, а народъ, жизнь его, бытъ и происхожденіе; изученіе языка служитъ только средствомъ, ключемъ къ разрѣшенію вопросовъ, выходящихъ изъ его области. Послѣ того Гумбольдтъ занялся сравненіемъ его сначала съ американскими, а потомъ съ другими языками. Кругъ занятій его расширился; лингвистическія изслѣдованія получили для него болѣе самостоятельный и живой интересъ; языкъ пересталъ быть вспомогательнымъ средствомъ и мало по малу сдѣлался главною цѣлью, къ которой обратились и въ которой сосредоточились всѣ прежнія занятія его по другимъ предметамъ.

Съ измѣненіемъ характера лингвистическихъ трудовъ Гумбольдта измѣнялось и направленіе, измѣнялись и приемы его. Отъ одного языка онъ, какъ мы видѣли, перешелъ ко всѣмъ языкамъ, отъ изученія *языковъ* къ *языку вообще*, къ опредѣленію сущности языка, происхожденія и связи его съ внутреннею природою человека, перешелъ, однимъ словомъ, къ философіи языка, въ которой нашелъ соотвѣтствіе съ философіею исторіи. Но въ первое время занятій своихъ онъ, по недостатку фактическихъ свѣдѣній въ области языковъ, принужденъ былъ принять за точку исхода баскскій языкъ и въ связи съ нимъ языки американскіе; слѣдствіемъ этого была односторонность взгляда, неопредѣленность, обичивость, неясность въ общихъ лингвистическихъ положеніяхъ, проявляющаяся въ первыхъ филологическихъ трудахъ его.

Гумбольдтъ увидалъ, что онъ ошибся, что онъ не нашелъ въ баскскомъ языкѣ того, чего искалъ, и обратилъ вниманіе на савскритскій. Онъ занимался имъ въ 1814 и 1815 годахъ и въ особенности посвятилъ его изученію первый годъ послѣ выхода своего въ отставку. Лингвистическія разсужденія его, писанныя въ началѣ двадцатыхъ годовъ, отличаются большимъ глубиною мысли и большею основательностью. 29 Іюня 1820 года было прочитано въ Берлинской Академіи разсужденіе. «*Ueber das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung*» (о сравнительномъ изученіи языковъ въ отношеніи къ различнымъ эпохамъ развитія языка), опредѣляющее цѣль и достоинство занятій языками; 12 Апрѣля 1821 года «*Ueber die Aufgabe des Geschichtschreibers*» (о задачѣ историка), показывающее связь и моментъ соприкосновенія исторіи и языка;—24 Января 1822 года—«*Ueber das Entstehen grammatischer Formen und deren Einfluss auf die Ideenentwicklung*» (о происхожденіи грамматическихъ формъ и ихъ вліяніи на развитіе идей), въ которомъ воззрѣніе на грамматическія формы соединяется съ мыслями объ историческомъ происхожденіи и внутренней природѣ языка вообще. Труды Шамполіона младшаго надъ египетскими іероглифами обратили на себя вниманіе Гумбольдта и побудили его прослѣдить ихъ и заняться безпристрастною ихъ оцѣнкою; для этого необходимо было съ одной стороны опредѣлить отношеніе языка вообще къ письменамъ, а съ другой изучить языкъ Коптовъ. Къ этому времени относятся сочиненія: *Ueber den Zusammenhang der Schrift mit der Sprache*» (о связи письменъ съ языкомъ) «*Ueber die Buchstabenschrift und deren Zusammenhang mit dem Sprachbau*» (о буквенныхъ письменахъ и о ихъ связи съ строевіемъ языка), изданныя въ 1824 году и имѣющія предметомъ указать связь между внутреннимъ элементомъ языка и вѣшнимъ его изображеніемъ, зависимость одного отъ другаго и взаимное дѣйствіе ихъ другъ на друга. Между тѣмъ, изученіе савскритскаго языка шло своимъ чередомъ и заставило его заняться соседними съ нимъ языками азіатскихъ и австралійскихъ народовъ. Онъ прочелъ китайскую грамматику Абеля Ремюза и черезъ нее познакомился съ своеобразнымъ строевіемъ и письменами Китайскаго языка. Впрочемъ, его заняло въ особенности изученіе языковъ австралійскихъ и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ языковъ малайскихъ, въ которыхъ онъ думалъ найти переходъ отъ савскритскаго къ австралійскимъ языкамъ. Изъ множества малайскихъ нарѣчій онъ выбралъ языкъ острова Явы, потому что на этомъ островѣ всего яснѣе замѣтно вліяніе индѣйской образованности, и остановился

преимущественно на языкѣ ученыхъ и поэтовъ, на языкѣ Кави, сохранившемся въ немногихъ отрывкахъ поэмы «Братта-Юда»; этотъ языкъ, въ которомъ сливались малайскій народный элементъ и индѣйская образованность, составилъ предметъ особенныхъ, обширныхъ изслѣдованій Гумбольдта, служилъ ему точкой исхода при опредѣленіи внутренней природы языка вообще и законовъ его происхожденія и сдѣлался основою всѣхъ его общихъ лингвистическихъ положеній. Такимъ образомъ, Гумбольдтъ зналъ почти всѣ извѣстные тогда языки: баскскій и въ связи съ нимъ американскіе языки, санскритскій, зендскій, армянскій, китайскій, австралійскіе языки: и связывающіе ихъ съ санскритскимъ, а чрезъ санскритскій и съ европейскими языками нарѣчія малайскія, въ особенности же языкъ Кави были ему знакомы, не говоря уже о языкахъ греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ, изученію которыхъ были посвящены годы его юности. Съ такимъ огромнымъ запасомъ матеріаловъ и фактическихъ свѣдѣній, при своей осторожности и вѣрномъ взглядѣ на вещи, Гумбольдтъ могъ смѣло перейти отъ данныхъ къ результатамъ, отъ механической части труда къ интеллектуальной, отъ изученія языковъ къ изслѣдованію ихъ, отъ грамматики къ философіи языка.

Въ сочиненіи своемъ «Ueber den Dualis» (о двойственномъ числѣ), къ несчастію, неоконченномъ, поуже въ неоконченности своей обнаруживающемъ зрѣлость идей и совершенное знакомство съ предметомъ, Гумбольдтъ опредѣляетъ общую задачу и методъ лингвистики, обрисовываетъ свойства разсматриваемой имъ грамматической формы и указываетъ на связь и соотношенія ея съ внутренней сущностью языка. Другое его сочиненіе «Ueber die Verwandtschaft der Ortsadverbia mit den Pronomen in einigen Sprachen» (о сродствѣ нарѣчій мѣста съ мѣстоимѣніями въ нѣкоторыхъ языкахъ) доказываетъ сродство личныхъ мѣстоимѣній съ нарѣчіями мѣстъ и, ставя оба понятія въ зависимость отъ общихъ законовъ человеческого мышленія, выводитъ ихъ изъ общаго понятія пространства, которое, вмѣстѣ съ понятіемъ времени, составляетъ, по Канту, первый предметъ нашего познаванія.

Собравъ въ одну стройную систему разбросанныя въ этихъ сочиненіяхъ мысли о языкахъ вообще, мы могли бы сдѣлать общій выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ, подвести имъ итогъ и, воссоздавъ передъ собою такимъ образомъ языкознаніе Гумбольдта, взвѣсить и оцѣнить заслуги его на поприщѣ науки, еслибы самъ Гумбольдтъ не представилъ результата всѣмъ своимъ лингвистическимъ трудамъ въ знаменитомъ сочиненіи: «Ueber die Ver-

schiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts» (о различіи построе- нія человѣческихъ языковъ и его вліянія на духовное развитіе че- ловѣческаго рода), которое служитъ введеніемъ къ громадному, неоконченному его творенію о языкѣ Кави. Въ этомъ введеніи, представляющемъ окончательный и полный результатъ всѣхъ лин- гвистическихъ трудовъ Гумбольдта, является геній его во всемъ своемъ величіи и блескѣ; самостоятельность взгляда, разумная увѣренность, съ которою онъ обращается съ своимъ матеріаломъ, увѣренность, основанная на строгомъ знаніи фактовъ и никогда не доходящая до произвола и бездоказательности, послѣдова- тельность, сила и новизна идей, соединенная съ важностію добы- тыхъ результатовъ, ставитъ этотъ трудъ выше всѣхъ предше- ствовавшихъ отрывочныхъ разсужденій и дѣлаетъ его истин- нымъ основаніемъ славы Гумбольдта, достойнымъ довереніемъ великихъ его начинаній.

1. НАУЧНЫЙ МЕТОДЪ ГЕГЕЛЯ И В. ГУМБОЛЬДТА.

Философія Гегеля представляетъ совершеннѣйшую изъ всѣхъ до сихъ поръ образовавшихся философскихъ системъ, но и въ ней есть существенный недостатокъ; недостатокъ этотъ со- стоитъ въ ея апоріичности, въ противоположности ея съ наука- ми опытными. Она сама созналась, что внутреннее существуетъ только во внѣшнемъ, безконечное въ конечномъ, сила въ про- явленіи; этимъ сознаніемъ она уничтожила возможность своего существованія независимо отъ наукъ опытныхъ, относящихся къ ней, какъ проявленіе къ силѣ, какъ внѣшнее къ внутреннему; слѣдовательно отвлеченная, умозрительная философія должна по- гибнуть и слиться съ опытомъ. Отношенія умозрительной фило- софіи къ опыту, по понятію самого Гегеля, неопредѣленны; мыс- литель не долженъ принимать въ соображеніе предметовъ внѣш- нихъ при самомъ мышленіи, но долженъ по нимъ повѣрять условія, найденныя путемъ апоріичнымъ. Цѣль каждой философской си- стемы—достиженіе истины; къ этой общей цѣли стремится и фи- лософія Гегеля путемъ чистаго мышленія. Чистое мышленіе, сбро- сивъ съ себя все, что есть конечнаго и чувственнаго въ единич- ныхъ предметахъ и что необходимо примѣшивается къ нашему созерцанію и представленію, выводитъ изъ самого себя, пере- думываетъ и возсоздаетъ божественную думу Творца, которая, въ видѣ зародыша, уже заключается въ нашемъ духѣ и составляетъ основаніе истины, въ насъ живущей. Вотъ причина, почему

мы, слѣдуя естественному развитію своихъ идей, можемъ возсоздавать изъ самихъ себя вселенную; вотъ почему возможна истинность чистаго мышленія. Возможность эта стремится къ осуществленію, стремится перейти въ дѣйствительное пониманіе; но сама по себѣ она только чистая возможность; это не есть полнота содержанія, не сознающая своей полноты; напротивъ того, по словамъ Гегеля, мы уже имѣемъ въ себѣ истину, которую должны познать и намъ только остается сдѣлать свое дѣло, какъ слѣдуетъ, чтобы найти ее въ себѣ въ приличной ей формѣ и опредѣленности. Здѣсь онъ называетъ возможность—врожденною намъ истиной, что, по видимому, противорѣчитъ нашей мысли, но ограниченіе только и замѣчаніе, что истина не находится въ приличной ей формѣ и опредѣленности, которой можетъ достигнуть только тогда, когда мы сдѣлаемъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ,—служить ей подтвержденіемъ, т. е. высказываетъ ту же мысль другими словами.

Чистое мышленіе само по себѣ представляетъ что-то невещное, отвлеченное; оно въ дѣйствительности безъ опыта существовать не можетъ, потому что необходимо на немъ основано; логика, отвлеченнѣйшее созданіе чистаго мышленія, создана Гегелемъ по опыту, потому что изъ знаній опытныхъ берется матеріалъ для мышленія, которое, чтобы достигнуть своей цѣли, должно въ природѣ отыскивать подобіе нашего духа, а не изъ себя возсоздавать природу. Оно должно лишиться своей чистоты, наполниться примѣсью вѣшняго содержанія. Оно должно быть передумываніемъ божественной думы, но ежели человѣкъ можетъ только передумывать божественную думу, то онъ долженъ постоянно имѣть передъ собою проявленіе этой думы въ природѣ, въ естественномъ ходѣ развитія предметовъ и въ исторіи, въ ходѣ развитія человѣческаго духа. Созерцаніе и мышленіе должны быть неразлучны. Понятіе о предметахъ дѣйствительно существующихъ должны служить ограниченіемъ нашему мышленію. Мы не можемъ, не должны преступать въ нашемъ мышленіи естественнаго порядка вещей. Но не приступаетъ ли его чистое мышленіе, опредѣляясь чисто само изъ себя, не соображаясь съ дѣйствительною природою предметовъ? По словамъ Гегеля напротивъ, природа вещей должна всегда совпадать съ нашимъ субъективнымъ мышленіемъ. «Дѣйствительность», говоритъ онъ, не можетъ быть для насъ ничѣмъ другимъ, какъ только понятіемъ, которое мы себѣ о ней составляемъ.» Слѣдовательно, дѣйствительность, по его словамъ, должна измѣняться по нашимъ понятіямъ. Это не вѣрно; напротивъ того, дѣйствительность всегда должна быть нормою для нашихъ понятій, которыя должны

быть совершенно согласны съ нею, но ~~могутъ~~ и совершенно отступать отъ нея. Чистое мышленіе по себѣ измѣряетъ дѣйствительность, божественную предвѣчную идею, слѣдовательно, ставитъ себя на мѣсто этой предвѣчной идеи. Такимъ образомъ, мыслитель, дѣлая собственное мышленіе Промысломъ, себя Богомъ, терпѣтъ дѣйствительный, великій, истинный міръ и долженъ ограничиться малымъ, отвлеченнымъ, ложнымъ міромъ, который самъ можетъ создать себѣ. Приданъ человѣку такое значеніе, признавъ въ немъ способность выводить изъ себя понятія о предметахъ посредствомъ чистаго мышленія, присвоивъ ему творческую силу, Гегель въ тоже время отнялъ у человѣка эту высшую личность, это высшее «я» и сдѣлалъ его Богомъ.

Въ другомъ мѣстѣ, въ Философіи природы, Гегель прямо отвергаетъ возможность образовать природу изъ собственного мышленія и пророчески высказать истину. По словамъ Гегеля, философія здѣсь есть переработка физики. Слѣдовательно, съ одной стороны, гдѣ дѣйствуетъ чистое мышленіе, — тамъ общее, отвлеченное и формальное не переходятъ къ частностямъ; съ другой стороны, гдѣ философія продолжаетъ и перерабатываетъ физику, тамъ определенное, отдѣльное содержаніе раздроблено и не имѣетъ необходимой связи съ общимъ. «Созерцаніе, говоритъ Гегель, должно также быть предметомъ мышленія.» Эту точку зрѣнія онъ описываетъ ближе и считаетъ ее истинно философскою. Здѣсь слѣдовательно, онъ не принимаетъ, что мы первоначально имѣемъ въ себѣ содержаніе и должны только слѣдовать свободному ходу нашихъ мыслей, чтобъ мыслить о содержаніи. Эта точка зрѣнія существенно отличается отъ точки зрѣнія чистаго, творческаго мышленія. Съ точки зрѣнія мыслящаго созерцанія мы тотчасъ обнимаемъ въ ихъ единствѣ предметы, которые дробитъ и мертвитъ опытная наука. Этимъ путемъ можно всегда идти вѣрнѣе нежели путемъ чистаго мышленія, — здѣсь мыслителю не угрожаетъ опасность найти такіа сочетанія идей, которымъ въ мірѣ дѣйствительномъ нѣтъ соответствующихъ представленій. Впрочемъ вѣрнѣе обонхъ ихъ пойдетъ тотъ, кто въ одно время созерцаетъ и мыслитъ; здѣсь уничтожается противоположенность между понятіемъ и дѣйствительнымъ значеніемъ предмета, между мышленіемъ и созерцаніемъ, которое, переходя въ область нашего разсудка, измѣнялась въ понятіе, лишается своей вещественности и наглядности; здѣсь оба они сливаются въ одномъ моментѣ. Высшія чувства, которыхъ дѣятельность обнаруживается при созерцаніи, необходимо должны также руководить человѣкомъ въ умственныхъ трудахъ; мышленіе не составляетъ единственное истинно — че-

ловѣческое свойство человѣка. На этой точкѣ зрѣнія созерцательнаго мышленія мы достигаемъ истиннаго единства дѣйствительности и мысли, находимъ дѣйствительность и объективное понятіе о ней. Чтобы ознакомиться съ предметами мы должны пользоваться нашими чувствами, чувствами человѣческими, слѣд. разумными, которыми мы можемъ обнять истину. Нельзя стѣснять въ чистое, отвлеченное понятіе богатую полноту жизни, проявляющуюся въ природѣ и въ исторіи. Только разумно—созерцательнымъ методомъ можно постигнуть предметы въ ихъ истинномъ значеніи, въ полнотѣ, въ цвѣтѣ ихъ жизни.

Такимъ образомъ въ философіи Гегеля удерживается двойственность мышленія и дѣйствительности. Понятіе остается понятіемъ, чуждымъ соотвѣтствующему ему дѣйствительному предмету. Предметовъ нельзя произвольно дѣлать, анатомировать, какъ мертвую массу, вполне зависящую отъ нашего мышленія. Мы должны руководствоваться естественнымъ, свойственнымъ имъ дѣленіемъ; тогда, переходя въ понятіе, предметъ не утратить жизни и красокъ, не сдѣлается безцвѣтною, мертвою отвлеченностью. Желая усвоить себѣ, постигнуть предвѣчную думу Творца, мы должны подчинить наше мышленіе мышленію вѣчному, должны читать въ природѣ и исторіи, а не вносить въ нихъ извнѣ категорій, найденныхъ чистымъ мышленіемъ, должны съ фактами ихъ согласовать наше мышленіе, а не подчинять эти факты условіямъ, выведеннымъ а priori. Каждая истинная идея можетъ и должна воплощаться, осуществляться въ внѣшнемъ частномъ проявленіи и достигать въ чувственномъ развитіи своей истины. Эта точка зрѣнія миритъ чувственное созерцаніе съ понятіемъ, философію съ опытною наукою или, лучше сказать, уничтожаетъ и то, и другое и создаетъ новую науку, которая совокупляетъ въ себѣ, какъ въ высшемъ единствѣ, истину обѣихъ первыхъ. Бездушная и опытная наука едва поражаетъ идеи и потому почти не заслуживаетъ имени науки. Философія разрабатываетъ только общія отвлеченности и, оставляя неприкосновеннымъ истинное содержаніе, допускаетъ только одностороннее примиреніе опыта съ чистымъ мышленіемъ. Истинное же примиреніе происходитъ только въ созерцательномъ мышленіи. Чтобы вполне убѣдиться въ превосходствѣ нашей точки зрѣнія, рассмотримъ ближе въ чемъ состоитъ различіе между опытною наукою и философіею, какъ понимаетъ ее Гегель. Говоря объ энциклопедіи философіи, Гегель отличаетъ ее отъ другихъ энциклопедій, называя послѣднія совокупленіемъ наукъ по внѣшнимъ признакамъ безъ системы и строгаго единства, мѣсто котораго занимаетъ внѣшній порядокъ; къ такимъ совокупленіямъ

наукъ онъ причисляетъ и филологію. Этого нельзя принять какъ общее правило, хотя большая часть филологическихъ энциклопедій могутъ заслужить этотъ упрекъ. Это не составляетъ немѣбѣжнаго свойства самаго предмета, потому что, какъ различными дѣятельности и образы проявленія человѣческой души, которыми излагаетъ филологія, такъ и различныя отрасли этой науки имѣютъ между собою естественную связь и не образуютъ одного пустаго, случайнаго, несистематическаго собранія. Основанная на такихъ началахъ, филологія исключаетъ, согласно съ философіей Гегеля, въ первыхъ, простое накопленіе свѣдѣній, хотя и пользуется ими какъ матеріаломъ; во вторыхъ, науки, основанныя на одномъ произволѣ и въполнѣ положительныя, напр. геральдику; въ третьихъ, другія науки, которыя называются также положительными, хотя и имѣютъ раціональное начало. Это начало принадлежитъ филологіи. Положительность этихъ наукъ состоитъ, по мнѣнію Гегеля, въ томъ, что раціональное начало ихъ переходитъ въ случайное,—общее унижается до эмпирической единичности и случайности. Но самъ Гегель говорилъ, что общее заключается въ единичности, раціональное—въ эмпирической дѣйствительности. Такъ какъ во внѣшней природѣ вездѣ виденъ проблескъ идеи, а съ другой стороны и самъ Гегель не принимаетъ, чтобы существовали «такіе счастливыя, которымъ непосредственно открыта внутренняя сторона природы», то вѣрнѣе будетъ искать общее въ единичномъ, нежели видѣть единичное въ общемъ. Можетъ ли, слѣдовательно, наука, стремящаяся къ общему, оставить безъ вниманія эмпирическую единичность и дѣйствительность, какъ положительное и случайное. «Исторія, говоритъ Гегель, входитъ въ область философій въ томъ отношеніи, что сущность ея составляетъ идея, которая однако проявляется въ случайности и произволѣ.» Но Гегель слишкомъ рѣзко отдѣляетъ идею отъ явленія, приписывая истину только первой, а на долю втораго оставляя случайность, между тѣмъ какъ, по его собственнымъ же словамъ, личность человѣка—ничто иное, какъ послѣдовательный рядъ его поступковъ, слѣд. всякая идея обнаруживается и познается только въ явленіи или въ цѣломъ рядѣ явленій. Въ совокупности явленій, фактовъ должно искать этой идеи. Созерцательное мышленіе должно видѣть идею въ этихъ явленіяхъ, выводить ихъ изъ идеи и ею объяснять ихъ происхожденіе, хотя этой цѣли не могутъ достигнуть ни отвлеченная, односторонняя философія, ни сухой бездушный опытъ.

Положительными науками Гегель считаетъ тѣ, которыя не заключаютъ въ себѣ своей конечной цѣли и не указываютъ перехода всей своей сферы въ сферу высшую; но какъ общій ор-

гавнамъ природы представляетъ въ себѣ постепенность развитія отъ низшаго къ высшему, такъ и наука, созерцающая это развитіе, по внутреннему побужденію переходитъ отъ низшихъ степеней къ высшимъ, въ которыхъ находитъ въ большей полнотѣ то, чего не доставало въ предыдущихъ. И здѣсь односторонняя философія, которая не умѣетъ распредѣлить дѣйствительные предметы по степенямъ, найденнымъ въ чистомъ мышленіи, и сухой опытъ, который не разсматриваетъ внутреннего значенія и развитія предметовъ, уступаетъ созерцательно мыслящей наукѣ; послѣдняя, обнимая мышленіе въ чувственность, сознаетъ и опредѣляетъ въ предметахъ степени и располагаетъ ихъ сообразно съ внутреннимъ ихъ развитіемъ, такъ, однимъ словомъ, какъ размѣщаютъ себя предметы въ самой природѣ. Съ этою конечностью формы связана конечность средствъ познанія,—разсужденія, авторитета другихъ, особенно же собственнаго внутреннего и внѣшняго созерцанія. Но философія, не смотря на свои, по ея мнѣнію, безконечные источники познанія, должна сообразоваться съ тѣмъ, что оказывается на опытѣ. Напротивъ того созерцательно мыслящей наукѣ, источнику познанія въ нѣкоторомъ родѣ конечному, ничто не мѣшаетъ обнять безконечный разумъ въ проявленіи его въ природѣ и въ исторіи. Дальнѣйшее развитіе его состоитъ въ томъ, чтобы узнавать безконечное въ конечномъ, какъ въ его внѣшнемъ, дѣйствительномъ проявленіи. Наука, съ нашей точки зрѣнія, пользуется всѣмъ матеріаломъ, собраннымъ опытомъ, междутѣмъ какъ философія многого не принимаетъ, какъ созданнаго произволомъ. Понятія о случайности и положительности матеріала могутъ измѣняться съ каждымъ новымъ открытіемъ опыта. Гегель часто указываетъ на точку зрѣнія воображаемаго созерцанія, по которой сначала смотрятъ и потомъ мыслятъ; она ближе подходитъ къ нашей точкѣ зрѣнія, хотя между ними еще замѣтно существенное различіе. Наша наука не опирается на опытѣ. Она сама опытѣ, созерцаніе; въ ней совершенно исчезаетъ противоположность между созерцаніемъ и мышленіемъ, которая все еще имѣетъ мѣсто въ воображаемомъ созерцаніи Гегеля. Въ нашей наукѣ совпадаетъ философія и эмпирія, здѣсь нѣтъ искусственнаго порядка, расположенія; мы принимаемъ только то, чего требуетъ созерцательное мышленіе, сущность самыхъ предметовъ. Гегель зналъ о нашей точкѣ зрѣнія; его взглядъ приближается къ нашему, который служитъ основаніемъ всѣмъ его великимъ мыслямъ; онъ иногда называетъ его своимъ взглядомъ, не смотря на противорѣчіе его съ чистымъ мысленіемъ (Энцикл. III, стр. 22).

Таковъ методъ Гегеля; таково его отношеніе къ точкѣ зрѣнія созерцательнаго мышленія. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть научный методъ В. Гумбольдта; сопоставленіе ихъ опредѣлитъ значеніе послѣдняго.

Въ разсужденіи «О задачѣ историка» В. Гумбольдтъ говоритъ слѣдующее: «Чтобы придать изложенію перепутанныхъ событій всемірной исторіи ту форму, въ которой является ихъ истинная связь, историкъ долженъ отвлечь эту форму отъ самыхъ событій.» Съ перваго взгляду въ этихъ словахъ можно видѣть противорѣчіе; на основаніи ихъ можно предположить, что Гумбольдтъ безотчетно склоняется на сторону гегелевскаго чистаго мышленія. Но это только кажущееся противорѣчіе: всякое пониманіе предмета предполагаетъ необходимымъ условіемъ своей возможности предварительное соотношеніе между субъектомъ и объектомъ; пониманіе вовсе не есть ни простое развитіе идеи изъ субъекта, слѣд. не есть чистое мышленіе, ни простое отвлеченіе отъ объекта, слѣд. не простое созерцаніе, но соединеніе того и другаго—созерцательное мышленіе. Далѣе: «историкъ прежде всего долженъ остерегаться того, чтобы облачать дѣйствительность въ произвольно созданныя идеи или даже, отыскивая связь цѣлаго, сколько-нибудь жертвовать живымъ богатствомъ индивидуальнаго, потому что ничто не существуетъ совершенно отдѣльно, внѣ общей связи».

Теперь мы должны обратить вниманіе на одну важную особенность Гумбольдта, которая врядъ ли можетъ ускользнуть отъ того, кто изучалъ его сочиненія. Онъ не всегда держится закона мышленія, по которому сила и дѣйствіе, существо и явленіе не могутъ быть разлучены и разсматриваемы порознь; узнавши правильно одно въ другомъ, онъ иногда изслѣдуетъ свойства силы отдѣльно; а между тѣмъ единственное свойство силы то, что она заключается въ своемъ проявленіи. Онъ зналъ, что духъ есть только дѣятельность; не смотря на то, онъ желалъ бы увидѣть въ полномъ блескѣ какое то существо, живущее одною духовною жизнью. Такимъ неестественнымъ разсматриваніемъ силы независимо отъ проявленія онъ создавалъ себѣ въ своемъ предметѣ темныя мѣста, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и удерживалъ эту произвольно созданную неясность въ представленіи силы, которая, конечно, независимо отъ явленія, представляетъ самое темное ничто. Въ этой особенности Гумбольдта можно видѣть остатокъ вліянія Канта. Кромѣ того, она имѣетъ тѣсную связь съ чертою его характера, которая особенно сильно выразилась въ послѣдніе годы его жизни. Въ его сонетахъ трогательно высказывается тоскливое стремленіе къ чему-то высшему не

земному. Стремленіе это не позволяло ему довольствоваться добытыми результатами, не позволяло останавливаться на явленіи и, побуждая его идти все далѣе и далѣе въ изысканіяхъ, увлекало его въ безконечную область отвлеченности, гдѣ онъ не находилъ ничего, кромѣ непроницаемаго мрака. Онъ проникъ во всю глубину своего предмета, куда не проникалъ до него никто, но и этимъ не могъ удовольствоваться. Онъ объяснялъ себѣ это стремленіе, происшедшее отъ избытка силъ, неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Все это кажется, имѣетъ тѣсную связь съ сильнымъ стремленіемъ Гумбольдта къ высшей индивидуальности. Онъ представлялъ себѣ каждую духовную силу въ видѣ самостоятельной личности и ей приписывалъ тотъ блескъ, котораго слабое отраженіе обнаруживается въ проявленіи. Но не должно на этомъ основаніи искать у Гумбольдта чего либо фантастическаго. Правда, онъ не былъ лишень поэзи, былъ проникнутъ теплымъ чувствомъ ко всему высокому, благородному и прекрасному, но не смотря на то отличался самымъ яснымъ самосознаніемъ, холодною осмотрительностью и послѣдовательностью въ изложеніи мыслей, стараніемъ яснѣе высказать и опредѣлить свои положенія. Эти достоинства изложенія вытекаютъ изъ того научнаго метода, котораго держался Гумбольдтъ, изъ созерцательнаго мышленія, которое проникаетъ во всѣ его изслѣдованія. Созерцательное мышленіе объемлетъ матеріалъ въ его движеніи, идею въ естественномъ разчлененіи, не прилагая къ нимъ условій, выведенныхъ а priori, полученныхъ отдѣльно отъ предметовъ.

Это и обнаруживается въ изложеніи Гумбольдта, которое, безъ всякихъ постороннихъ, искусственныхъ прикрасъ, имѣетъ форму, вполне соответствующую внутреннему значенію матеріала. Этотъ созерцательный методъ, разсматривающій исторію матеріала, слѣдящій за его естественнымъ развитіемъ, разрѣшаетъ противорѣчія такъ, какъ разрѣшаетъ ихъ жизнь самихъ предметовъ. Это слѣпокъ, взятый съ метода природы, тогда какъ гегелевскій методъ чистаго мышленія чуждъ ей, приданъ ей извнѣ; онъ стѣсняетъ, мертвитъ ее. Гумбольдтъ, который такимъ образомъ неуклонно держался метода созерцательнаго мышленія, въ этомъ отношеніи стоитъ выше Гегеля, у него не встрѣчается тѣхъ противорѣчій, которыя мы указали въ системѣ перваго. Гумбольдтъ былъ современникъ Гегеля; онъ жилъ въ то время, когда авторитетъ знаменитаго мыслителя увлекъ за собою замѣчательнѣйшихъ представителей германской науки; не смотря на это общее увлеченіе, Гумбольдтъ успѣлъ сохранить свою самостоятельность; онъ внесъ въ современную науку элементъ созерцатель-

наго мышленія, другими словами проложилъ путь исторически—сравнительному методу научнаго изслѣдованія.

Неясности, встрѣчающіяся у В. Гумбольдта, происходятъ не отъ метода, а отъ оригинальности, новизны его идей, для которыхъ тѣсно, безсильно слово, не вполне вѣрно, ясно обдѣлавшее выразившее ихъ; въ словахъ его есть что-то не досказанное, какой-то затаенный смыслъ, пробуждающій духовныя силы наши къ болѣе напряженному труду; мы все должны бояться, что не вполне поняли Гумбольдта. При чтеніи его необходимо собственная неуклонная работа мысли; чтобы усвоить себѣ богатство и глубину его идей должно возсоздать ихъ передъ собою, понять то, что не досказано, не вполне выразилось въ словѣ.

II. ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ЯЗЫКОЗНАНІЯ ГУМБОЛЬДТА.

Мы уже сказали, что основныя идеи языкознанія Гумбольдта изложены въ сочиненіи «о различіи построенія человѣческихъ языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣчества», которое служитъ введеніемъ къ изслѣдованію о языкѣ Кавія; это введеніе есть разсужденіе чисто-филологическое.

Подъ именемъ филологіи мы разумѣемъ науку, которая съ историко-философской точки зрѣнія опредѣляетъ развитіе общечеловѣческаго духа ⁽¹⁾. По мнѣнію Гейзе ⁽²⁾, филологія должна съ исторической точки зрѣнія разсматривать совокупность духовныхъ побужденій одного извѣстнаго народа, его духовное развитіе и произведенія въ извѣстную эпоху времени, не ограничиваясь притомъ однимъ языкомъ, но распространяя кругъ своихъ изслѣдованій на всѣ остальныя проявленія его духовной жизни, на область религіи, искусства, права и литературы. На этомъ основаніи онъ считаетъ Гримма творцомъ *германской* филологіи. Но Гейзе ограничиваетъ матеріалъ филологіи однимъ извѣстнымъ народомъ и періодомъ времени, слѣд. дробитъ нашу науку на множество отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, по его мнѣнію, отраслей; мы напротивъ того полагаемъ задачею фило-

⁽¹⁾ Понятіе объ общечеловѣческомъ духѣ объясняется Штейнталемъ въ его сочиненіи: «Grammatik, Logik und Psychologie».

⁽²⁾ Штейнталь въ 1857 году, издавъ посмертное сочиненіе Гейзе: «System der Sprachwissenschaft».

логін показать весь ходъ развитія слова (*λογος*), духа обще-человѣческаго, и разсматриваемъ отдѣльныя его проявленія въ народѣ и времени какъ составныя части одного всеобъемлющаго организма; въ духѣ различныхъ народовъ и періодовъ времени мы видимъ степени развитія одного обще-человѣческаго духа. Филологія должна держаться метода *философскаго*, потому что имѣетъ цѣлью постигнуть и изложить идеи; филологія должна держаться метода *историческаго*, потому что имѣетъ задачею слѣдить за *постепеннымъ развитіемъ* духовной дѣятельности, излагать идеи въ естественной ихъ *последовательности*. Совершенно мышленіе, необходимое условіе всякой научной дѣятельности, съ полною силою и опредѣленностью проявляется и въ филологіи. Въ самомъ началѣ своего разсужденія Гумбольдтъ общаетъ представить съ точки зрѣнія языка основныя черты исторіи человѣческаго духа. Мы признаемъ его сочиненіе истинно филологическимъ, образцовымъ твореніемъ, потому что истинно-филологическій элементъ заключается въ общемъ воззрѣніи на духъ человѣка, который въ различныхъ степеняхъ проявляется въ отдѣльныхъ языкахъ и народахъ.

Разсматривая ходъ развитія человѣчества, Гумбольдтъ отличаетъ въ немъ два момента, съ одной стороны, спокойную, естественную последовательность фактовъ, основанную на связи причины и слѣдствія, последовательность, въ которой онъ видитъ однако необходимость неслѣпую, но свободную и разумную, такъ какъ все развитіе исторіи представляетъ только самоопредѣленіе одного общаго духа; съ другой — ходъ событій ускоренный, измѣняемый вліяніемъ посторонней силы, силы гениальной, существованіе и происхожденіе которой не объясняется и не обуславливается тѣмъ, что ей предшествовало. Постепенный ходъ развитія обуславливается дѣятельностью генія, возникала отъ его воспламеняющаго дыханія, изъ котораго получаетъ новыя силы и новое направленіе. Последователи генія идутъ по проложенному имъ пути, развиваютъ идеи, заключавшіяся въ видѣ зародыша въ твореніяхъ ихъ первообраза; каждая отрасль ихъ дѣятельности болѣе или менѣе подготовлена; они только разработываютъ данный матеріалъ. Геній творитъ самобытно, повинувшись собственному самовозбужденію, производитъ все изъ себя и внезапно достигаетъ такой высоты, къ которой не могъ привести проложенный до него путь, но въ дѣятельности его нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго. «Геній выводитъ необходимое изъ глубины своего разума». Гениальная сила также обще-человѣческая духовная сила, заключенная въ одну извѣстную личность и усиленная въ этомъ ограниченіи. Она внезапно

возникать и начинаетъ дѣйствовать среди обыкновеннаго хода развитія и, хотя появленія ея нельзя объяснить прежнимъ послѣдовательнымъ ходомъ событій, однако его должно разсматривать какъ явленіе, определенное Промысломъ, какъ нормальную степень духовнаго развитія. Слѣдовательно, принципъ всякой исторіи есть духовная сила, которая проявляется то въ послѣдовательномъ, спокойномъ развитіи, то въ внезапномъ полетѣ гениа. Разнообразіе народовъ земнаго шара, какъ современныхъ, такъ и слѣдующихъ другъ за другомъ во времени, Гумбольдтъ понимаетъ какъ самовозрожденіе духовной силы человѣчества въ образахъ постоянно новыхъ, а иногда далеко превышающихъ прежніе. Всякая духовная дѣятельность есть вспышка духа, взятая во всей своей цѣлости, но определенная по одному направленію; такъ и языкъ, взятый какъ общечеловѣческая способность говорить, есть цѣлый общій духъ или общее духовное начало жизни, взятое во всей своей цѣлости, но обращенное на создаваніе языковъ. Въ этомъ случаѣ Гумбольдтъ называетъ общій духъ идеею языка. Идея языка живетъ и осуществляется въ отдѣльныхъ языкахъ, какъ общее въ единичномъ; отдѣльные языки представляютъ частныя вспышки одной духовной силы, частныя проявленія одного принципа. Эта идея языка не отвлеченный идеалъ; она осуществляется и приводится въ дѣйствительность живою дѣятельностью обще-человѣческаго духа со стороны языка. Различіе языковъ есть стремленіе обще-человѣческой способности говорить къ осуществленію въ живомъ словѣ, стремленіе, которое въ различныхъ народахъ прорывается болѣе или менѣе удачно, сообразно съ особенностью народнаго характера, которая можетъ содѣйствовать или препятствовать ея осуществленію. Гумбольдтъ разсматриваетъ различные языки какъ *одинъ*, въ самомъ себѣ различный языкъ, понимаетъ различіе ихъ, какъ *одно* стремленіе, только распространяющееся по различнымъ направленіямъ. Языкъ, какъ отрасль общей человѣческой духовной дѣятельности, находится въ тѣсной связи съ общимъ духовнымъ развитіемъ, и Гумбольдтъ старается изобразить одно въ другомъ, потому что общее проявляется только въ частномъ. Мы всегда видимъ языкъ на степени развитія, соотвѣтствующей состоянію остальныхъ отраслей духовной дѣятельности; онъ идетъ съ нами рука объ руку. Но есть эпоха, когда языкъ совершенно замѣняетъ всякое духовное развитіе и служитъ единственнымъ проявленіемъ духовной дѣятельности. Въ языкѣ народъ впервые является творцомъ; здѣсь впервые развертываются и дѣйствуютъ тѣ силы, которыя находились въ усыпленіи во время безсознательной, почти животной жизни народовъ въ бли-

жайшемъ общеніи съ природой и въ непосредственной зависимости отъ нея. Самодѣтельность, обнаруживающаяся въ языкѣ, указываетъ намъ высшее его значеніе; языкъ не есть твореніе народа, это невольное изліяніе духа, даръ, доставшійся ему свыше, въ происхожденіи котораго онъ не можетъ дать себѣ отчета. Окончивъ первобытное созданіе языка въ тотъ періодъ, когда онъ замѣнялъ собою духовное развитіе, народъ можетъ выступить на болѣе обширное поприще духовной дѣтельности; предъ нимъ открываются болѣе возвышенныя и разнообразныя ея направленія. Вотъ понятіе о языкѣ вообще.

Отдѣльныя формы, видоизмѣненія языка вообще составляютъ развитіе идеи языка; правда, каждый языкъ порознь стремится удовлетворить и дѣйствительно удовлетворяетъ идеѣ языка; но найти эту идею въполнѣ можно только въ совокупности всѣхъ различныхъ формъ, въ которыхъ выразилась духовная особенность человѣка. Формы эти измѣняются до бесконечности. Для осуществленія идеи языка необходимо разнообразіе языковъ, какъ для духовнаго развитія человѣчества разнообразіе народовъ. Каждый языкъ въполнѣ осуществляетъ одну какую нибудь сторону идеала, какъ отдѣльная личность удовлетворяетъ въ извѣстномъ отношеніи общему типу человѣка. Такимъ образомъ должно указать въ различныхъ, чуждыхъ другъ другу семьяхъ языковъ различные пути, по которымъ стремится къ совершенству дѣло создаванія языка. Иногда языки, лишенные исторической связи, представляются различными степенями развитія одного принципа; по тому Гумбольдтъ считаетъ задачею филолога прослѣдить эту связь языковъ въ постепенномъ возвышеніи принципа, котораго внѣшнія явленія могутъ быть разрознены. Разсматривая ходъ развитія этого принципа, онъ видитъ въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ развитіи, два момента. Одинъ языки можно произвести отъ другихъ и разсматривать какъ высшія степени развитія того-же принципа. Въ другихъ языкахъ видно дѣйствіе возвышенной, особенной творческой силы. Вступленіе ихъ на поприще духовной дѣтельности человѣка начинается въ ней важную эпоху; происхожденія ихъ нельзя объяснить спокойнымъ, послѣдовательнымъ ходомъ развитія; несмотря на то, они могли находиться въ первобытномъ родствѣ съ другими, менѣе совершенными семействами языковъ и дѣйствительно сливаются съ ними въ глубокой, неопредѣлимой древности. Языки Санскритскіе или индо-европейскіе, безспорно принадлежащіе къ высшему разряду языковъ, во времена доиндическія составляли одинъ языкъ съ языками Смитическими, съ которыми находились въ нѣкоторомъ родствѣ языки татарскіе,

связывающіеся съ китайскимъ языкомъ чрезъ тибетскій. Замѣчая такимъ образомъ сродство языковъ индо-европейскихъ съ языками столь несовершенными, Гумбольдтъ принимаетъ для объясненія ихъ происхожденія, что искра генія, таившаяся въ Санскритскихъ племенахъ, внезапно вспыхнула, возбужденная какимъ нибудь историческимъ или физическимъ переворотомъ, разорвала связь ихъ съ родственными имъ тогда языками и образовала языкъ новѣйшій, вполне отличный отъ прочихъ. Языкъ созданъ внезапно, съ первою флективною формою, хотя приготовительныя условія существовали, быть можетъ, уже давно въ костюмѣ, въ обрядахъ, въ празднествахъ, которыя, какъ проявленія человѣческаго духа, имѣютъ тѣсную съ языкомъ связь. Но возбуждающее дыханіе генія раздуло искру и переработало существующій матеріалъ такъ, что явилось новое слово, исключительно свойственное именно тѣмъ народамъ, которые оно такимъ образомъ отдѣлило отъ сродныхъ племенъ, оставшихся далеко позади на пути духовнаго развитія. Это объясняетъ намъ, почему Греки такъ возвысились надъ остальными народами древности. Въ общемъ развитіи мы должны еще упомянуть о двухъ фактахъ: объ эпохѣ первобытной жизни народовъ, подчиненной естественнымъ условіямъ жизни растительной, и о переселеніяхъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, какъ средствъ переносить просвѣщеніе въ другія менѣе образованныя землѣ. Первый изъ этихъ фактовъ оказываетъ свое вліяніе въ древнѣйшія времена существованія народовъ, но тоже не исключаетъ совершенно присутствія геніальной силы, которая только проявляется не въ личностяхъ, а въ цѣлыхъ народахъ, въ переходѣ ихъ отъ дикости къ гражданственности, отъ звѣроловства къ земледѣлію. Въ эту эпоху возникъ языкъ. Но ежели объяснять его происхожденіе необходимою взаимною помощію и, въ слѣдствіе того, взаимнаго пониманія, то такой взглядъ будетъ неудовлетворителенъ и даже ошибоченъ. Говоря о переселеніяхъ, Гумбольдтъ упоминаетъ о древне-греческихъ и новѣйшихъ колоніяхъ и видитъ въ нихъ попытки перенести цивилизацію въ отдаленнѣйшія части земнаго шара.

Обозрѣвъ общій послѣдовательный ходъ духовнаго развитія, Гумбольдтъ переходитъ къ разсмотрѣнію этого развитія въ каждомъ отдѣльномъ поколѣніи, къ разсмотрѣнію совокупнаго дѣйствія личностей и народовъ. Онъ смотритъ на каждую націю какъ на человѣческую индивидуальность, слѣдующую свойственному ей одной направленію; впрочемъ, стремленіе къ общей духовной формѣ, къ общимъ идеямъ, выражающееся особенно ярко въ наукѣ и искусствѣ, постепенно сглаживаетъ рѣзкое различіе

національностей. Тѣмъ не менѣе, общій духъ проявляется только въ частной формѣ, но его стѣсненіе духовною особенностью народа, народнымъ духомъ только возвышается и напрягаетъ его, придавая ему особенную силу и оригинальность; народный духъ долженъ проникать и поддерживать дѣятельность отдѣльнаго человѣка; геніальная сила нуждается въ его содѣйствіи, но въ свою очередь обратно дѣйствуетъ на него, придаетъ ему новую, особенную силу полета. Эту мысль подтверждаетъ и Гегель, говоря, что «каждый отдѣльный человѣкъ—сынъ своего народа и сынъ своего вѣка.» Это совокупное дѣйствіе личностей и народовъ съ особенною силою обнаруживается при созданіи языка; языкъ не переходитъ отъ отдѣльныхъ людей къ массѣ народа, какъ переходятъ творенія искусства, произведенія литературы и открытія въ области наукъ.

Въ языкѣ творцомъ является народъ. «Языкъ, говоритъ Гумбольдтъ, возникаетъ отъ общей самодѣтельности всѣхъ.» Языкъ не прививается къ духу извнѣ, но, какъ зародышъ, какъ способность, составляетъ коренное, первобытное его достоинство; эту способность пробуждаютъ, ей даютъ опредѣленную форму, въ которой она можетъ осуществиться. Языкъ связываетъ отдѣльнаго человѣка съ его народомъ, потому что языкъ создаютъ не по соглашенію, но каждый порознь, что предполагаетъ необходимымъ условіемъ возможность пониманія, и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ сознаніе этой возможности. Это объясняется совокупнымъ дѣйствіемъ личностей и народа, т. е. согласнымъ настроеніемъ душевныхъ способностей, по которому всѣ одинаковымъ образомъ принимаютъ и выражаютъ внѣшнія впечатлѣнія, стараясь дѣйствовать другъ на друга по одному извѣстному направленію, съ инстинктивною, но твердою увѣренностью, что ихъ поймутъ, что имъ будутъ сочувствовать. Поэтому созданіе языка составляетъ для человѣка не только внѣшнюю потребность для поддержанія общественныхъ сношеній, но потребность внутреннюю для духовнаго развитія; посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей, посредствомъ языка человѣкъ открываетъ вокругъ себя разумныя существа, узнаетъ въ нихъ внутреннія побужденія и потребности, которыя нашелъ въ себѣ, находитъ въ нихъ способность сочувствовать его стремленіямъ, естественно выходитъ изъ нравственнаго уединенія и желая быть понятымъ, ища сочувствія сближается съ подобными себѣ. И такъ языкъ созданіе цѣлой массы, въ которой отдѣльныя личности самодѣтельны.

Такимъ образомъ Гумбольдтъ различаетъ интеллектуальность или духъ, т. е. цѣлый образъ мыслей народа, и языкъ, выво-

дѣтъ и то и другое изъ недостигаемой глубины духа и во взаимномъ отношеніи ихъ между собою видѣть собственно дѣятельность языка и вліяніе его на духовное развитіе. Дѣйствіе языка на духъ обнаруживается во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности, которыя въ свою очередь, обратно дѣйствуютъ на языкъ. Не должно однако придавать слишкомъ большой важности обратному вліянію образованности на языкъ. Правда, народъ можетъ сдѣлать орудіемъ развитія высокихъ идей языкъ менѣе совершенный, но не можетъ освободиться отъ внутреннихъ ограниченій, глубоко вкоренившихся въ языкъ. Хотя, съ одной стороны, народъ, говорящій языкомъ, недостаточно совершеннымъ, можетъ, чрезъ соприкосновеніе съ другими народами, доходить до болѣе высокихъ идей, однако эти идеи, пересаженные на чужую почву, не приготовленную къ принятію ихъ, не достигаютъ полной своей силы и энергіи. Съ другой стороны, случайныя обстоятельства могутъ правда удерживать на низшей степени умственнаго развитія народы съ превосходными языками; но въ языкъ ихъ таится зародышъ духовнаго развитія, который ожидается только благоприятнаго случая, чтобъ развернуться въ полной силѣ. Народный духъ и форма языка находятся между собою въ такой тѣсной связи, что, зная одно, можно въ общихъ чертахъ опредѣлить другое. Съ этою мыслью соглашаются многіе авторитеты науки: «Различныя внѣшнія проявленія духовной жизни народа, говоритъ Гегель, по тождественности ихъ существа, содержанія и предмета, находятся въ нераздѣльномъ единствѣ съ народнымъ духомъ; съ извѣстною религіею совмѣстно только извѣстное государственное устройство, въ такомъ то государствѣ можетъ существовать такая только философская система, такое то искусство,» и, прибавимъ съ Гумбольдтомъ, такой только языкъ. Это соотвѣтствіе всѣхъ формъ духовной дѣятельности особенно вѣрно представлено Беккомъ по сравненію характера греческихъ племенъ. Беккъ полагаетъ даже, что еслибъ для насъ была потеряна какая нибудь отрасль духовной дѣятельности извѣстнаго племени, то мы могли бы аргіогі судить о главнѣйшихъ ея свойствахъ по нарѣчію его. Цѣлитель искусства опредѣляетъ стиль и размѣръ колонны по одному оставшемуся отъ нея обломку; Кювье по одному данному члену животнаго возсоздаетъ весь его организмъ. Но развѣ животное представляетъ организмъ болѣе стройный въ соотвѣтствіи членовъ, нежели народный характеръ. Но изъ всѣхъ проявленій, въ которыхъ обнаруживается духъ и характеръ, одинъ языкъ способенъ выражать и то, и другое въ тончайшихъ изгибахъ и формахъ. Это органъ внутренней жизни народа, это самая внут-

мая внутренняя его жизнь, въ томъ видѣ, какъ она мало по малу достигаетъ самосознанія и полнаго внѣшняго проявленія. Беккъ признаетъ языкознаніе высшею частью своей филологической системы, потому что оно всего глубже и полнѣе уясняетъ собою характеръ народа. Но для этого на языкъ должно смотрѣть не какъ на мертвое уже созданіе, но какъ на производительную силу; должно обращать вниманіе не столько на обозначеніе предметовъ въ языкѣ, сколько на самое его происхожденіе, тѣсно связанное съ его духовною дѣятельностью. Гумбольдтъ считаетъ происхожденіе языка въ сущности необъяснимымъ, хотя бы мы знали всѣ приготовительныя условія и составныя элементы его. Вообще всякое зарожденіе непостижимо. Гегель говорилъ объ этомъ въ своей «Логикѣ» и въ «Философіи природы» и даже старался объяснить его, но успѣлъ только доказать его необъяснимость; онъ правда, показавъ, что въ зарожденіи сливаются, исчезая другъ въ другъ, бытіе и небытіе, показавъ, что для зарожденія, необходимы три главныя условія: во первыхъ, приготовительныя условія, во вторыхъ—предметъ, въ третьихъ—дѣятельность; но не могъ объяснить перехода отъ приготовительныхъ условій къ самому предмету, отъ возможности къ дѣйствительности; онъ говоритъ что между приготовительными условіями и существованіемъ лежитъ бездна, чрезъ которую предметъ перескакиваетъ въ дѣйствительность; но эти слова и выраженія ничего не объясняютъ; необъяснимость зарожденія доказывается тѣмъ, что предметъ не можетъ быть выведенъ изъ естественнаго развитія приготовительныхъ условій. Какъ бы точно мы ни опредѣляли предварительное положеніе вещей, моментъ зарожденія, въ которомъ все это пресуществляется, останется для насъ непостижимымъ. Пресуществленія этого нельзя наблюдать, слѣдовательно нельзя и постигнуть. Такимъ образомъ, по словамъ Гумбольдта, происхожденіе языковъ не только первичныхъ (первичной формаци) (*), во времена доисторическія, но и вторичныхъ, во времена историческія, въ сущности необъяснимо. Мы можемъ знать приготовительныя условія, но намъ останутся неизвѣстны принципы языка, какъ предмета, и его дѣятельность; слѣдовательно, достигши такимъ образомъ границы, чрезъ которую насъ не поведутъ ни историческія изслѣдованія, ни свободная мысль, мы должны, съ возможной точностью опредѣлить фактическое положеніе дѣла и вытекающія изъ него слѣдствія. Но происхожденіе языковъ—одинъ изъ фактовъ, существенно опредѣляющихъ ходъ человѣческаго развитія. Не смотря на то, языкъ должно разсма-

(*) Этотъ терминъ заимствовала филологія изъ наукъ естественныхъ.

тривать не какъ сдѣланное (*ἔργον*), но какъ дѣятельность (*ἐνέργεια*), какъ постоянное, повторяющееся создаваніе, во первыхъ, въ племени, которому языкъ обязанъ своею формою, потомъ въ изученіи языка дѣтьми и наконецъ въ ежедневномъ, разговорномъ употребленіи его. Языкъ во всемъ своемъ объемѣ находится въ каждомъ человѣкѣ, т. е. каждый обладаетъ стремленіемъ создавать изъ себя весь языкъ, смотря по своимъ побужденіямъ, стремленіямъ, подчиненнымъ силѣ, слѣдующей извѣстнымъ законамъ. Въ изученіи языка дѣтьми и во всѣдневномъ употребленіи эта сила есть опредѣленная форма народнаго языка, но въ первобытномъ созданіи она не могла обуславливаться народнымъ характеромъ, который развивался вмѣстѣ съ языкомъ изъ одного, скрытаго для насъ источника. Мы можемъ слѣдить за ходомъ дѣятельности языка, хотя и не знаемъ, какія именно причины дали ей такое или другое направленіе. Кромѣ элементовъ, уже опредѣлившихся и получившихъ постоянную форму, въ составъ языка входятъ мотивы, начала дальнѣйшаго развитія духовной дѣятельности, которой языкъ даетъ направленіе и форму. На этомъ основано двоякое отношеніе между языкомъ и человѣкомъ, отношеніе, по которому языкъ находится въ зависимости отъ отдѣльной личности и въ тоже время оказываетъ на нее обратное дѣйствіе. Во вліяніи языка на человѣка заключается постоянство и правильность формъ, въ дѣйствіи человѣка проявляется принципъ свободы. Въ человѣкѣ можетъ возникнуть то, чему мы не можемъ найти причины въ предъидущихъ обстоятельствахъ, и мы не имѣемъ права исключать изъ языка возможность подобныхъ явленій. На этомъ основаніи твореніе языка необъяснимо со стороны вліянія, оказываемаго на него геніальною силою, которая можетъ проявляться какъ въ духѣ народа, такъ и въ отдѣльной личности; вліяніе это выказывается въ первомъ образованіи языка, въ преобразованіи обветшалаго организма его въ новыи, и наконецъ въ частныхъ случаяхъ появленія геніальной личности, дѣйствующей на языкъ. Съ другой стороны, создаваніе языка на столько подвержено наблюденію, на сколько языкъ дѣйствуетъ на отдѣльную, говорящую личность и на сколько въ этомъ дѣйствіи выражается организація особенной силы, творчески создавшей языкъ. По этому требованію Гумбольдта—считать языкъ созданіемъ—ни сколько не противорѣчитъ тому, что, по его же словамъ, процессъ создаванія языка непостижимъ. Языкъ—постоянно повторяющееся создаваніе, котораго начало и причины мы опредѣлить не можемъ, но тѣмъ не менѣе должны слѣдить за ходомъ этого творенія. Поэтому, Гумбольдтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ особенно обращаетъ внима-

ніе на характеристическія особенности языковъ, проходящія чрезъ всѣ ихъ отдѣльныя части и опредѣляющія ихъ форму. Формою языка онъ называетъ взятый во всей полнотѣ и систематически изложенный постоянный и однообразный элементъ, заключающійся въ стремленіи духа возвысить члѣнораздѣльные звуки до вырѣженія мысли; слѣдовательно, форма языка не ограничивается формами словосочиненія и словообразованія. Самъ Гумбольдтъ, говоря о языкѣ Бирманскомъ, далъ намъ превосходный образецъ изложенія формы языка.

III. ИДЕЯ ЯЗЫКА ИЛИ ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВА ЯЗЫКА.

Гумбольдтъ не полагаетъ нужнымъ искать такъ называемую общую форму языка. Онъ считаетъ это понятіе, созданное позднѣйшими философскими грамматиками, пустою отвлеченностью. Различіе формы возникаетъ съ самой азбукой. Дѣйствительно общее проявляется только въ эмпирической единичности и, рассматриваемое отдѣльно отъ своего проявленія, обращается въ ничто. Такъ и общая форма языка, взятая независимо отъ множества разнообразныхъ языковъ, представляетъ намъ пустую схему, лишенную содержанія. Мало того: эта схема, эта рамка не всѣмъ языкамъ въ пору, потому что многіе изъ нихъ безконечно удалены другъ отъ друга, и подвести ихъ категоріи подъ одинъ уровень нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно, Гумбольдтъ не считалъ нужнымъ и не могъ показать общей формы языка; онъ опредѣлялъ только общее требованіе, возбуждаемое этимъ понятіемъ, требованіе, которое, впрочемъ, различно выполняется въ отдѣльныхъ языкахъ. На этомъ основаніи, Гумбольдтъ считалъ особенно важнымъ для языковѣдѣнія изученіе отдѣльныхъ языковъ, потому что только въ нихъ выражается идея совершенства языка. Напротивъ, историческія и философскія грамматики навязываютъ всѣмъ языкамъ, не смотря на безконечное ихъ разнообразіе—не исключая даже своего роднаго—несвойственныя имъ категоріи классической греческой грамматики, въ которой, вопреки явной несообразности такого предположенія, они стараются видѣть общую форму языка. Противъ этого направленія возставалъ Гумбольдтъ; онъ доказывалъ, что сильно ошибаются тѣ ученые, которые приступаютъ къ изученію чужаго языка съ своими односторонними понятіями и со своимъ взглядомъ на вещи, между тѣмъ какъ каждый народъ отличается собственнымъ, своеобразнымъ воззрѣніемъ, которое проявляется

въ языкѣ и которое мы должны усвоить себѣ при его изученіи. Но историческія грамматики во всѣхъ языкахъ находили въ болѣе или менѣе совершенномъ видѣ форму, данную древне-греческими грамматиками, видѣли слѣдовательно одно количественное различіе; философскія грамматики носились въ неизмѣримой области отвлеченнаго. Ни тѣ, ни другіе не постигали идеи языка. Одни не умѣли понимать, потому что ихъ взглядъ былъ одностороненъ; другимъ нечего было понимать, потому что они создавали идеи, лишеныя содержанія. Гегель, величайшій изъ новѣйшихъ философовъ, считаетъ философію исторіею философскихъ системъ, изображеніемъ развитія абсолютнаго въ дѣйствительности. Истина предмета есть развитіе его въ дѣйствительности. Самъ Гегель, слѣдовательно, не можетъ требовать, чтобы искали (какъ дѣлаютъ то философскія грамматики) абсолютной формы языка въ предѣлахъ языковъ, дѣйствительно существующихъ. Создавъ себѣ такую абсолютную форму, философскія грамматики находятъ даже лишнимъ изучать иностранныя языки и приписывать къ нимъ категоріи, найденныя аргіогі. По ихъ мнѣнію, всѣ существующіе языки должны подчиняться ихъ законамъ, даже языкъ китайскій, въ которомъ, по ихъ словамъ, находятся тѣ же внутреннія, грамматическія отношенія, проявляющіяся только другимъ, менѣе органическимъ образомъ. Но, какъ извѣстно, все внутреннее должно проявляться во внѣшнемъ; что не проявляется, то, слѣдовательно, и не существуетъ. Конечно, всякій языкъ имѣетъ грамматическія опредѣленія, иначе онъ былъ бы наборъ словъ, но эти опредѣленія вѣроятно не всегда соотвѣтствуютъ опредѣленіямъ, найденнымъ философскими грамматиками. Историческія грамматики поступили почти также; они находятъ въ китайской грамматикѣ всѣ наши категоріи, разряды словъ, склоненія, спряженія, степени сравненій, однимъ словомъ всю нашу флексію. Перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію различія языковъ. Языкъ, по опредѣленію Беккера, какъ всякій человѣческій органъ, представляетъ намъ двѣ стороны, внутреннюю, обращенную къ разуму, т. е. мысль, и внѣшнюю, обращенную къ явленію, т. е. звукъ. Первая сторона—логическая, вторая—фонетическая. Мышленіе, логика одинаковы у всѣхъ народовъ; слѣдовательно, различіе можетъ имѣть мѣсто только въ сторонѣ фонетической. Каждый индивидуальный языкъ, по словамъ Беккера, имѣетъ свою индивидуальную жизнь, но можетъ быть понятъ только въ приложеніи къ общимъ законамъ мышленія и созерцанія, которые должны составить предметъ общей грамматики. Слѣдовательно, Беккеръ и его послѣдователи признаютъ возможность и необходимость общей

грамматики. Этому взгляду не противорѣчатъ и философскія грамматики. Шаслеръ говоритъ, что общія категоріи должны входить во всѣ языки, на сколько эти категоріи составляютъ необходимую принадлежность нашего мышленія. Гумбольдтъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія высказываетъ мысль, что различіе языковъ заключается преимущественно въ сторонѣ фонетической, и что сторона логическая, какъ обще-человѣческая сила мышленія, у различныхъ народовъ должна быть болѣе однообразна. Изъ этого можно заключить, что Гумбольдтъ, быть можетъ, считаетъ эту болѣе одинаковую сторону предметомъ общей грамматики и что онъ не приписываетъ различіе языковъ въ такихъ обширныхъ предѣлахъ, что могутъ существовать цѣлые отдѣльные разряды языковъ. Чтобы вѣрнѣе понять эти слова Гумбольдта, займемся изслѣдованіемъ сущности языка вообще и въ особенности опредѣлимъ связь мышленія съ словомъ. Для этого должно опредѣлить элементы, заключающіеся въ языкѣ, элементы, которыхъ обыкновенно принимаютъ два, внутренній и внѣшній (Беккеръ), или матерія и форма (Шаслеръ). Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ какъ вѣчно повторяющееся стремленіе духа сдѣлать членораздѣльный звукъ способнымъ къ выраженію мысли. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ звукъ и мысль, какъ элементы внутренній и внѣшній. Но мысль есть духъ. Слѣдовательно, опредѣленіе наше можно выразить такъ: языкъ есть стремленіе духа выразить самого себя въ звукѣ, и мы получимъ два противоположные другъ другу элемента: духъ (въ смыслѣ страдательномъ) и звукъ. Впрочемъ, дѣйствительнаго духа нельзя себѣ представить отдѣльно, независимо отъ страдательнаго. Дѣйствительность невещественнаго духа состоитъ въ томъ, что онъ самъ себя превращаетъ въ вещественный, страдательный, т. е. выливается въ мысль, подлежащую нашимъ чувствамъ. Какъ духъ въ самомъ себѣ распадается на дѣйствительный и страдательный, такъ и звукъ представляетъ въ себѣ внутреннее, соотвѣтствующее этому дѣленію. Съ одной стороны звукъ есть работа, дѣятельность языка; онъ соотвѣтствуетъ здѣсь дѣйствительному духу и составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Съ другой стороны, какъ звуковая форма, онъ находится въ соотвѣтствіи съ страдательнымъ духомъ, съ мыслью, которой служитъ выраженіемъ. Языкъ никогда нельзя разсматривать какъ нѣчто, окончательно созданное, получившее полное развитіе; онъ, какъ мы видѣли выше, съ одной стороны, опредѣляетъ путь для дальнѣйшаго развитія, съ другой, представляетъ уже установившіяся формы, оказывающія ограничительное вліяніе на этотъ дальнѣйшій ходъ дѣятельности, однимъ сло-

вомъ, твореніе языка послѣ образованія звуковой формы есть не самостоятельное создаваніе, а примѣненіе извѣстныхъ законовъ,—образованіе.

Разграничимъ теперь яснѣе два довольно сходныя между собою понятія, форму языка и его характеръ. Форма состоитъ въ звукѣ, принявшемъ извѣстный видъ для выраженія мысли. Характеръ обнаруживается въ приложеніи этой формы. Въ первыя времена творенія языка, когда языкъ считается болѣе цѣлью нежели орудіемъ, на первомъ планѣ стоитъ форма. Вліяніе характера выражается въ употребленіи языка, уже получившаго форму. Форма языка—элементъ относительно твердый, постоянный, почти не подлежащій вліянію цивилизаціи; характеръ языка, напротивъ того, развивается вмѣстѣ съ общимъ духовнымъ развитіемъ народа и съ особенною силою выражается въ періодъ процвѣтанія литературы, въ которомъ языкъ отдѣляется отъ матеріальности всѣдневной жизни и дѣлается орудіемъ чистаго развитія идей. Звуковая форма представляетъ двѣ стороны; какъ форма, она имѣетъ матеріаломъ самую мысль и, въ свою очередь, служитъ матеріаломъ для формы языка, съ которою не должно ее смѣшивать. Слѣдовательно, матеріаль формы языка простая дѣятельность, самый языкъ, а не особенный взглядъ на вещи и образъ представленія предметовъ въ народѣ, составляющій творческій принципъ языка и его причину. Гумбольдтъ матеріаломъ формы языка называетъ элементы языка, но собственно этихъ элементовъ нѣтъ; есть только постоянное создаваніе ихъ, дѣятельность, которая и составляетъ матеріаль формы языка. Гумбольдтъ говоритъ, что опредѣленіе этого матеріала выводитъ насъ за предѣлы языка вообще; это, быть можетъ, вѣрно въ томъ отношеніи, что за матеріаль принимаютъ не дѣятельность языка, а факторы ея, звукъ и мысль, которые, взятыя независимо, дѣйствительно выводятъ насъ за предѣлы языка вообще.

При опредѣленіи матеріала національной формы языка можно поступать двояко. Съ одной стороны, за матеріаль можно принять народную дѣятельность языка, которая происходитъ въ извѣстной формѣ, обусловливаемой народною особенностью. Съ другой стороны, принимая эту форму за видовизмѣненіе общей формы языка мы получимъ матеріаломъ ея эту общую форму, которая, подъ вліяніемъ народнаго духа, перерабатывается въ частную. Но эта общая форма, составляющая общее достоиніе всѣхъ языковъ, достоиніе, котораго ищутъ философскія грамматики, есть ничто иное какъ возможность языка, не имѣющая формы, но стремящаяся выразиться въ отдѣльныхъ дѣйствитель-

ныхъ формахъ. Опредѣливъ такимъ образомъ отношеніе между языкомъ и мышленіемъ возвратимся снова къ опредѣленію границъ возможнаго различія языковъ. Мы отличали внутри языка три элемента: звукъ, страдательный духъ или мысль и дѣйствительный духъ или дѣятельность языка, въ которомъ оба первые элемента находятся въ движеніи. Кромѣ этихъ опредѣленныхъ элементовъ, при раздѣленіи общаго языка на частные выступаютъ еще два принципа, звуковая форма и ея употребленіе, законы котораго, по словамъ Гумбольдта, ничто иное, какъ пути, по которымъ движется духовная дѣятельность въ твореніи языка. Самые гармоническіе звуки не могутъ образовать языкъ, достойно соотвѣтствующій духу, ежели не будутъ проникнуты и оживлены идеями, имѣющими отношеніе къ языку. Мы получимъ такимъ образомъ два ряда взаимно соотвѣтствующихъ другъ другу понятій, относящихся къ языку. Во первыхъ, мы получаемъ звукъ и мысль, потомъ, со стороны внутренняго элемента, употребленіе и руководящее употребленіемъ внутреннее чувство языка (*innere Sprachsinn*); со стороны внѣшняго элемента звуковую форму и чувство членораздѣльности, создающее эту форму для удовлетворенія требованіямъ внутренняго чувства языка; это понятіе (чувство членораздѣльности), созданное Гумбольдтомъ, должно строго отличать отъ силы членораздѣльности т. е. общей способности произносить членораздѣльные звуки. Въ чувствѣ членораздѣльности особенно обращаетъ на себя вниманіе отношеніе звуковъ къ значенію (*); сила членораздѣльности, напротивъ того, выказывается въ большей или меньшей чистотѣ орудій слова, въ большей или меньшей членораздѣльности произнесеннаго звука и, слѣдовательно, касается одной внѣшней стороны, механизма звука. И такъ вотъ наши два ряда понятій, первое—звукъ, чувство членораздѣльности, звуковая форма или внѣшняя форма языка, второе—мысль, внутреннее чувство языка, употребленіе или внутренняя форма языка; звуковая форма съ перваго взгляда кажется чисто-страдательною матеріею и потому, по видимому, не можетъ соотвѣтствовать употребленію, но, проникаясь духомъ языка, принимая въ себя интеллектуальную силу, звукъ дѣлается дѣйствительнымъ и оказываетъ вліяніе на дальнѣйшій ходъ создаванія языка. Вліяніе это можетъ быть не только ограничительное, по которому звукъ затрудняетъ мысль, не будучи въ состояніи примѣниться къ тончайшимъ ея изгибамъ; часто звукъ возникаетъ раньше мысли, т. е. готовая зву-

(*) Это отношеніе выражается въ выборѣ звуковъ, соотвѣтствующихъ значенію, т. е. производящихъ на органъ слуха впечатлѣніе, сходное съ тѣмъ, которое производитъ на душу.

ковая форма побуждаетъ духъ создать понятіе, къ которому можно было бы примѣнить ее; слѣдовательно, мы дѣйствительно можемъ считать звуковую форму принципомъ образованія языка и противопоставлять ее употребленію.

Въ другомъ мѣстѣ, Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ, какъ орудіе для выраженія мысли, и отличаетъ въ немъ двѣ стороны, фонетическую и интеллектуальную.

Различіе языковъ не должно ограничиваться большею или меньшею степенью совершенства техники; она можетъ проникать въ самую сущность ея устройства, которое измѣняется до такой степени, что даже сравненіе такихъ языковъ дѣлается невозможнымъ. Сближая теперь принципы языка съ факторами дѣятельности языка, мы найдемъ, что звуковая форма соответствуетъ звуку; употребленіе и чувство членораздѣльности—дѣятельности языка или дѣйствительному духу; только мысль (страдательный духъ) не находитъ себѣ равносильнаго понятія, потому что дѣятельность языка, не касаясь сущности и содержанія мысли, создаетъ только форму для нея, какъ для матеріала. Слѣдовательно, мысль не принадлежитъ къ языковѣдѣнію, предметъ котораго составляетъ языкъ, какъ форма мысли, отдѣльно отъ нея взятая. Въ этомъ случаѣ, языкъ имѣетъ два элемента: форму звуковую и внутреннюю.

Въ приложеніе языка, въ говоръ входитъ, кромѣ двухъ первыхъ элементовъ третій, мысль, въ которой и заключается то, что одинаково во всѣхъ человѣческихъ языкахъ; но этотъ принципъ не принадлежитъ къ языку; опредѣленіе его категорій относится къ логикѣ. Слѣдовательно, различіе языковъ проникаетъ и въ употребленіе, не ограничиваясь одною звуковою формою. Опредѣлимъ теперь отношеніе между внутреннимъ чувствомъ языка и мыслью. Созерцаніе отъ совокупнаго дѣйствія внѣшнихъ чувствъ и духовныхъ силъ переходитъ въ представленіе; которое созерцается еще разъ и усваивается субъектомъ. Впрочемъ, для этого усвоенія необходимо, чтобы представленіе было, по возможности, осязательно. Поэтому представленіе переходитъ въ языкъ и, воплощаясь въ звукъ, возвращается къ уху. Слѣдовательно, слово—отпечатокъ впечатлѣнія, произведеннаго предметомъ на душу, и потому въ каждомъ языкѣ заключается особенный, свойственный ему взглядъ на вещи. Это обстоятельство, впрочемъ, оказываетъ болѣе вліянія на выборъ словъ, нежели на грамматическія формы, неразвитость которыхъ можетъ происходить отъ слабости внутренняго чувства языка или отъ недостаточной гибкости звуковой формы. Предметъ представляется нашему созерцанію съ разныхъ сторонъ въ отдѣльныхъ своихъ

свойствахъ, въ своемъ общемъ родовомъ понятіи и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ предметамъ и обстоятельствамъ. Полное, ясное созерцаніе предмета съ совершеннымъ сознаніемъ этихъ отношеній выразилось въ языкѣ и произвело флексію, какъ словесное выраженіе созерцаемаго и чувствуемаго. Слѣдовательно, грамматическія категоріи представляютъ слѣпокъ не съ логическихъ, дѣйствительныхъ категорій, но съ понятія, которое составляетъ себѣ о нихъ народъ; изъ этого видно, что различіе языковъ главнымъ образомъ обусловливается духомъ народа. При твореніи языка, духъ можетъ неполно и даже невѣрно усвоить себѣ понятіе, или же, усвоивъ его, не вложить въ звукъ, не сдѣлать осязательнымъ и чрезъ это снова утратить его. Въ дѣятельности говоренія духъ въ самомъ себѣ дѣлится на дѣйствительный, проявляющійся въ внутреннемъ чувствѣ языка, и страдательный, выказывающійся въ представленіи, которое должно вложить въ звукъ.

Сильный духъ, напр. духъ, создавшій языки индо-европейскіе, не теряется при такомъ самодѣленіи, схватываетъ весь предметъ и со всѣми оттѣнками значенія влагаетъ его въ слово. Но духъ многихъ народовъ при этомъ теряется, какъ страдательный, т. е. не вполне объемлетъ представленіе, чрезъ это обивается съ пути и или создаетъ неудовлетворяющую понятію звуковую форму, или ошибается въ употребленіи, т. е. образуетъ грамматическія категоріи, не соотвѣтствующія естественнымъ отношеніямъ представленій; по причинѣ этихъ невѣрныхъ или недостаточныхъ соображеній, различіе языковъ распространяется на часть чисто идеальную, зависящую отъ разсчетовъ ума, въ которой однако находятся въ дѣйствіи чувства и фантазія. Внутреннее чувство языка, принципъ, управляющій языкомъ изнутри, въ тоже время составляетъ главный, основной принципъ различія языковъ. Впрочемъ, въ невидимыхъ движеніяхъ духа невозможно отдѣлить того, что относится къ звуку, отъ того, чего требуетъ внутреннее чувство языка. Но ежели раздѣлить эти два понятія, то въ послѣднемъ найдется главная причина различія языковъ. При образованіи внутренней формы языка дѣйствуютъ, сообразно съ народнымъ характеромъ, всѣ силы души, чувство, фантазія и разумъ, который, посредствомъ ложныхъ соображеній, можетъ привести даже къ совершенно-неправильнымъ и произвольнымъ заключеніямъ. И такъ, вотъ почему могутъ происходить языки до такой степени различные, что ихъ невозможно свести въ одинъ разрядъ.

Гумбольдтъ и не требуетъ этого; языкъ рода человеческого, по его мнѣнію, образуетъ не одинъ организмъ, но цѣлое царство

отдѣльныхъ, замкнутыхъ органическихъ системъ, слѣдующихъ особымъ принципамъ; взглядъ Беккера отличается отъ взгляда Гумбольдта тѣмъ, что онъ принимаетъ въ дѣятельности языка только два элемента, не принимая въ соображеніе матеріала, мысли и смѣшивая это понятіе съ внутреннею формою языка. На этомъ основаніи онъ и философскія грамматики вообще принимаютъ, что общія категоріи языка принадлежатъ мышленію по самой сущности, не отличая такимъ образомъ законовъ внутренняго чувства языка отъ требованій логическаго мышленія, съ которыми они иногда имѣютъ большое сходство, но никогда не бываютъ совершенно тождественны. Грамматическія отношенія касаются первобытныхъ условій звуковаго выраженія, слѣдовательно не могутъ быть тождественны съ категоріями логическими, относящимися къ представленію; Беккеръ допускаетъ различіе между познаваніемъ и представленіемъ, но, принимая содержаніе мысли за внутреннюю форму языка, не можетъ провести этого различія. Опредѣляя, напримѣръ, существительное и глаголъ, какъ категоріи бытія и дѣятельности, философскія грамматики вовсе не доходятъ до языка, не касаются сущности этихъ понятій и значенія ихъ въ языкѣ. Хотя логическія категоріи могутъ быть изображены въ языкѣ, однако онѣ не всегда выражаются въ опредѣленной, строго соотвѣтствующей имъ формѣ. Предложеніе соотвѣтствуетъ сужденію, но не тождественно съ нимъ; въ предложеніи можетъ быть выражено и умозаключеніе, которому собственно долженъ соотвѣтствовать періодъ.

Различіе значенія логическаго и грамматическаго видно и въ отдѣльныхъ словахъ. Имена отглагольныя логически выражаютъ дѣятельность, грамматически существо или свойство. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ языки должны имѣть выраженіе для извѣстныхъ дѣятельностей и предметовъ, но могутъ выразить эту дѣятельность не только въ видѣ флексивнаго глагола, собственно соотвѣтствующаго этому понятію, но въ видѣ отглагольнаго существительнаго или прилагательнаго, т. е. въ формѣ существа или свойства. Обыкновенная ошибка философскихъ грамматиковъ состоитъ въ томъ, что они предполагаютъ, будто въ словесной формѣ должно выразиться все, что заключается въ содержаніи, не обращая вниманія на то, что въ словѣ оно можетъ выразиться совершенно иначе. Вотъ почему они искали во всѣхъ языкахъ однихъ категорій, основываясь на томъ, что всѣ онѣ имѣютъ общее содержаніе, человѣческое мышленіе. Безъ различенія понятій существительнаго и глагола не можетъ быть составлено настоящее предложеніе; а такъ какъ говорятъ

предложеніями, то безъ него собственно нельзя и говорить. Слѣдовательно это различеніе составляетъ такой же важный признакъ для раздѣленія языковъ какъ спинной хребетъ для раздѣленія животныхъ. Искать общей формы всѣхъ языковъ, переносить категоріи языковъ индо-европейскихъ на языки бирманскій и подобныя ему такъ же нелѣпо, какъ создавать себѣ общую форму животнаго и искать въ моллюскахъ всѣхъ органовъ обезьяны. Языкъ, хотя и долженъ выражать всѣ логическія категоріи, можетъ однако не отличать каждую изъ нихъ отдѣльною формою. Изъ всего этого слѣдуетъ, что правильное воззрѣніе на языкъ невозможно при чисто логической точкѣ зрѣнія. Гумбольдтъ во многихъ мѣстахъ ясно доказываетъ необходимость историко-философской точки зрѣнія, требуетъ изученія фактовъ, съ которыми связываетъ однако выводы изъ простыхъ понятій, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть односторонности, какъ въ философскомъ такъ и въ историческомъ направленіи. Языкъ выходитъ изъ глубины духа, изъ общихъ законовъ мышленія, но потомъ, проявляясь въ дѣйствительности, требуетъ по самой сущности своей соединенія чистаго логическаго мышленія съ строго историческимъ изслѣдованіемъ. Языкъ свободенъ, выходитъ изъ самаго себя, но языки зависятъ отъ націй, отъ духовной особенности ихъ, наложившей на нихъ мнѣніе ограниченія. Эти особенности имѣютъ вліяніе на языковѣдѣніе.

Для составленія общей грамматики Гумбольдтъ считаетъ нужнымъ прослѣдить образованіе грамматическихъ формъ въ различныхъ языкахъ и воспользоваться этимъ изученіемъ чтобы представить характеристику языка человѣческаго, взятаго какъ общій идеалъ.

Въ своемъ сочиненіи «о двойственномъ числѣ», онъ говоритъ, что изъ всѣхъ путей, ведущихъ, въ сравнительномъ языковѣдѣніи, къ рѣшенію вопроса, какимъ образомъ общій человѣческій языкъ обнаруживается въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безспорно вѣрнѣе всѣхъ ведетъ къ цѣли разсматриваніе отдѣльной части рѣчи, прослѣженной чрезъ всѣ извѣстные языки земнаго шара. Для общей грамматики имѣютъ несомнѣнную важность даже тѣ частныя воззрѣнія, которыя, хотя не вытекаютъ изъ общихъ законовъ языка, однако обрисовываютъ фізіогномію отдѣльныхъ языковъ.

Напротивъ, Беккеръ и Штернъ, при составленіи общей грамматики, приняла основаніе формы нѣмецкаго языка, пренебрегая такимъ образомъ историческимъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ языковъ, которое по словамъ Штерна, можетъ только

доставить ему «примѣры» для формъ, выведенныхъ изъ ума. Гумбольдтъ возстаетъ противъ такого рода умствованій, не поддержанныхъ фактами, советуя проводить, чрезъ всѣ языки, отдѣльныя ихъ составныя части и посредствомъ этихъ изслѣдованій отыскивать и скрѣплять нити, изъ которыхъ одинъ проходитъ, по его словамъ, въ ширину, чрезъ соотвѣтственныя части различныхъ языковъ, другія въ длину, чрезъ различныя части одного языка. Первыя обозначаютъ общія побужденія языка человѣческаго, вторыя обрисовываютъ индивидуальную физиогномію отдѣльныхъ языковъ. При такомъ изслѣдованіи ярче выходятъ наружу общій языкъ и характеръ націй; тогда становится возможнымъ рѣшеніе высшихъ вопросовъ о связи языка съ образованностію, о его возбуждательномъ вліяніи на духъ, вопросовъ связывающихъ языкознаніе съ филологіею. Принимая родовое различіе языковъ, мы должны разсмотрѣть отношеніе личной свободы человѣка къ законности языка. Законность эта несомнѣнно подвергается ее ограниченію, но ограниченіе это незамѣтно, и дѣлается чувствительнымъ только тогда, когда мы выходимъ за его предѣлы, изучая новыі языкъ, сравнивая его съ нашимъ, или, всего лучше, переводя съ другаго языка. Каждый отдѣльный человѣкъ находитъ въ своемъ языкѣ содѣйствіе или препятствіе, смотря по большей или меньшей примѣняемости его къ изложенію идей.

Во вторыхъ, раздѣляя языки по разрядамъ и утверждая, что языки, подобные бирманскому не могутъ быть одного разряда съ языкомъ греческимъ, мы, по видимому, отвергаемъ, чтобы Бирманцы были люди на равнѣ съ Греками, такъ какъ въ языкѣ мы видимъ выраженіе духа, самый вѣрный отпечатокъ его. Духъ всѣхъ народовъ одинъ и тотъ же въ томъ отношеніи, что духъ cadaго способенъ возвыситься до познаванія истины, до абсолютнаго духа; но форма, въ которой они понимаютъ абсолютное, часто бываетъ чрезвычайно несовершенна. Несовершенство это не останавливается на одномъ языкѣ, но распространяется на религію, на искусство, на образъ правленія, которые обыкновенно бываютъ еще несовершеннѣе языка.

Языкъ, который, какъ проявленіе духа, представляетъ иногда крайнее несовершенство, всегда достигаетъ своей цѣли, какъ средство выраженія мысли, и содержитъ въ себѣ цѣлое, соотвѣтствующее объему неограниченной человѣческой способности образованія и безконечнаго по себѣ мышленія. Вотъ въ какомъ отношеніи языкъ стоитъ выше искусствъ и государственнаго устройства тѣхъ же народовъ.

Но эти два значенія языка часто находятся между собою въ

обратномъ отношеніи. Объяснимъ это примѣромъ. — Классическій римскій языкъ, обогащенный формами греческаго подѣромъ Цицерона и Горация, сдѣлался болѣе способнымъ къ безконечному употребленію, но римскій языкъ до Энія представлялъ, безъ сомнѣнія, большую способность развитія, которая потомъ могла снова возродиться только въ производныхъ языкахъ Романскихъ. И въ этомъ отношеніи языкъ стоитъ выше дѣла челоуѣка и представляется намъ созданіемъ идеальнаго міра.

Замѣтимъ еще, что можетъ случиться, что языкъ, при недостаточномъ принципѣ, при нестройности общаго впечатлѣнія, производимаго имъ на духъ, имѣетъ нѣкоторыя частныя преимущества, и оказываетъ побудительное вліяніе на отдѣльныя стороны духа; таковъ языкъ китайскій, который, какъ сознаются въ томъ Гегель, говоря о народѣ, и Гумбольдтъ, рассматривая языкъ, во многихъ отношеніяхъ стоитъ на высокой степени совершенства, хотя не выходитъ за предѣлы корневой формы и не принимаетъ различія между глаголомъ и существительнымъ. Гумбольдтъ говоритъ, что «въ китайскомъ языкѣ именно минное отсутствіе всякой грамматики возвышаетъ въ духѣ націи способность познавать формальную связь рѣчи». Китайскій языкъ не образуетъ періода, потому что Китайцы не постигли различія между словомъ и періодомъ, или понятіемъ и сужденіемъ. Слова ихъ—корни, въ которыхъ, какъ въ нашихъ междометіяхъ, находится въ видѣ зародыша цѣлый періодъ. Эти корни ставятся другъ возлѣ друга безъ показанія ихъ связи и взаимныхъ отношеній, но такъ однако, что опредѣляющее понятіе занимаетъ мѣсто передъ опредѣляемымъ. Напримѣръ, наше простое предположеніе «великій государь говорилъ войску» будетъ передано четырьмя корнями, изъ которыхъ каждый можно принять за сомкнутый періодъ, такъ что мы получимъ слова: «который всякъ, это государь, онъ говорилъ, это было войско», стоящія другъ возлѣ друга безъ означенія какой либо грамматической связи. Конечно, въ этой фразѣ, несмотря на странную форму изложенія, можно находить всѣ наши грамматическія категоріи, хотя ихъ вѣроятно не сознаютъ Китайцы. Логическія категоріи останутся тѣ же, хотя могутъ быть облечены въ разнообразнѣйшія формы, и хотя въ китайскомъ нѣтъ соотвѣтствующей имъ отдѣльной формы.

Расположеніе словъ указываетъ на порядокъ опредѣленія совокупленныхъ понятій; для самаго совокупленія нѣтъ звуковъ, такимъ образомъ наше предположеніе можно измѣнить въ слѣдующее: «государь, говорящій къ войску. Рѣчь государя къ войску»; слѣдовательно въ китайскомъ нѣтъ ни одной изъ нашихъ катего-

рій. Въ языкѣ проявляется тотъ же принципъ неподвижности и безразличнаго единства, который обнаруживается и въ китайской жизни, гдѣ слѣшваются понятія закона государственнаго и нравственнаго, государства и семейства, образа правленія и религіи. Въ Китаѣ совершенно уничтожается принципъ свободы, внутреннее самосознаніе, углубленіе духа въ самого себя; религія, искусства, свободная нравственность, наука, все въ чемъ у насъ проявляется духовность, у нихъ обратилось въ внѣшность, въ рутину, въ обрядъ.

Вмѣсто нравственнаго чувства видимъ мертвую букву закона; вмѣсто вдохновенія художника, поэта—бездушное, холодное подражаніе, умѣніе, искусственность. Тотъ же характеръ внѣшности отразился и на языкѣ, гдѣ значеніе лежитъ не столько на матеріалѣ звука, сколько на его формѣ и обусловливается удареніемъ, гдѣ внутреннее отношеніе понятій выражается внѣшнимъ расположеніемъ словъ. Мало того: Китайцы переносятъ въ пространство бытіе языка, исчезающее во времени, низводятъ языкъ на степень письма, такъ что, не понимая словъ, произносимыхъ на старомъ стилѣ, они могутъ свободно читать его по заученнымъ знакамъ. Не имѣя чувства благозвучія, они дорожатъ красивымъ письмомъ и мало отличаютъ *bene scriptum* отъ *bene pictum*. Кроме того, наши буквы замѣняютъ звуки, между тѣмъ, какъ китайскія изображаютъ самые предметы, и чрезъ это болѣе нашихъ удалены отъ языка. По словамъ Гумбольдта, форма китайскаго языка болѣе нашей вызываетъ наружу силу чистаго мышленія и съ большимъ напряженіемъ направляетъ его къ предмету, устраняя посторонніе, посредствующіе соединительные звуки. Впрочемъ, сомнительно, чтобы она направляла духъ къ той средѣ, гдѣ одинаково легко развиваются поэзія и философія, научное изслѣдованіе и краснорѣчивое изложеніе. И такъ, нельзя не принять рѣшительной противоположности между языками чисто законной формы и языками, отступающими отъ этой законности, языками, которые могутъ обнаруживать нѣкоторую степень совершенства, искусственность техническаго строя, но не могутъ собственными силами производить на духъ постоянное, стройное и гармоническое впечатлѣніе.

Не смотря на то, каждыи языкъ есть слѣпокъ съ первобытной основы для языка вообще, и, чтобы достигать самыхъ простыхъ и необходимыхъ цѣлей, долженъ имѣть такое сложное строеніе, что знаніе языковъ самыхъ несовершенныхъ представляетъ большій интересъ, нежели изученіе литературы, искусства и другихъ отраслей духовной жизни тѣхъ же народовъ.

Въ языкѣ заключается самосознаніе народа; потому духъ на рода—языкъ, такъ какъ духъ его есть то, чѣмъ онъ сознаетъ себя.

Въ языкѣ заключается логика народа, воззрѣніе его на идею; слѣдовательно, грамматика, въ высшемъ своемъ значеніи есть исторія логики народовъ. Сущность исторіи и всякаго развитія—критика; задача филолога познать эту объективную критику, къ которой каждая высшая степень есть критика низшей.

Критика есть сравненіе предмета съ понятіемъ, которое выводится изъ самаго предмета.

Слѣдовательно, какъ естественный испытатель распредѣляетъ организмы въ возвышающихся степеняхъ, принимая въ соображеніе степенъ достиженія общей цѣли организма, и выводя эту цѣль изъ наблюдений надъ самымъ организмомъ, такъ и филологъ долженъ наблюдать въ различныхъ языкахъ постепенность осуществленія идеи языка, не создавая себѣ идеала языка, но принимая только въ соображеніе степень достиженія цѣли языка, большее или меньшее совершенство его органовъ.

Но, для такого труда необходимо значительное число предварительныхъ изслѣдованій, которыя до сихъ подъ еще не были предприняты. Изслѣдованія эти должны быть произведены путемъ индивидуально-историческимъ, который стоитъ на столько же выше общаго философскаго, на сколько единичное выше общаго. Наконецъ, такъ какъ языкъ дѣйствительно существуетъ только тогда, когда на немъ говорятъ, то грамматика ведетъ насъ ко второй части языковѣдѣнія, къ исторіи литературы. Дополнимъ теперь замѣчаніе о матеріалѣ и формѣ языка, которое сдѣлали выше.

Если мы опредѣлимъ языкъ какъ форму мышленія, то мы найдемъ въ общей всему человѣчеству способности говорить форму общей способности мыслить, какъ матеріала, и отношеніе это не измѣнится и тогда, когда мы предположимъ, что эта способность въ отдѣльныхъ народахъ формируется и опредѣляется народнымъ характеромъ.

Въ отдѣльной личности, языкъ и мысль достигаютъ дѣйствительности, но независимо отъ нея языкъ имѣетъ свою національную форму, на которую не можетъ распространяться вліяніе отдѣльной личности, и которая должна быть созданіемъ общей массы народа. Принципъ ея—народный характеръ. Но языкъ отдѣльной личности подчиняется двойному вліянію.

Съ одной стороны, какъ форма мышленія, онъ обуславливается своимъ матеріаломъ и видоизмѣняется имъ въ своемъ характерѣ, хотя остается неизмѣненнымъ въ національной

формѣ. На этомъ основаніи характеръ языка лирическаго отличается отъ характера языка драматическаго.

Съ другой стороны, какъ словесная форма мысли отдѣльной личности, языкъ подчиняется ея вліянію, получаетъ отъ нея особенный, своеобразный характеръ, отражающій главные, основныя черты характера этой отдѣльной личности, какъ національная форма языка представляетъ отпечатокъ и выраженіе отличительныхъ свойствъ народнаго характера.

Тогда языкъ получаетъ послѣднюю опредѣленность и превращается въ слогъ, который у различныхъ писателей бываетъ различенъ. Но въ каждомъ языкѣ лежокъ и естественъ только тотъ слогъ, который сообразуется съ главнѣйшими свойствами общаго характера языка. Этотъ то слогъ составляетъ предметъ исторіи литературы, которая такимъ образомъ противопоставляется грамматикѣ, составляя съ нею одну обширную науку о языкѣ.

Грамматика—наука о языкѣ, потому что въ ней заключается сознаніе духа о самомъ себѣ; исторія литературы—наука о языкѣ, въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какимъ образомъ народъ изъ конечныхъ средствъ языка сдѣлалъ безконечное приложеніе. Первая—исторія формъ языковъ; вторая—исторія характеровъ. Включая первую въ область логики, мы должны отнести вторую къ наукѣ абсолютнаго духа, къ исторіи искусства.

«По изслѣдованію грамматики и запаса словъ у всѣхъ народовъ, говоритъ Гумбольдтъ, по изученію литературныхъ памятниковъ народовъ образованныхъ, должно опредѣлить способъ и степень вліянія языковъ на духовное развитіе говорящихъ ими народовъ».

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗБОРЪ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ П. П. ШАФАРИКА,

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО ВИКЕНТІЯ МАКУШЕВА.

*Quam vides, unde ortum est nomen, citius
rem intelligis; omnis enim rei inspectio
etymologiâ cognitâ plenior est.*

Isidorus.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемое изслѣдованіе о числительныхъ именахъ, за достоинство котораго ручается имя его автора, принадлежитъ къ числу лингвистическихъ монографій, напечатанныхъ Шафарикомъ во Временникѣ чешскаго музея (*Časopis českého Museum*). Онѣ представляютъ необходимое пособіе при изученіи славянскаго языка, но къ сожалѣнію у насъ мало извѣстны: вотъ почему я считаю небезполезнымъ напомнить о нихъ.

Во Временникѣ за 1846 г. помѣшены изслѣдованія: 1) объ образованіи словъ посредствомъ удвоенія корня (o tvoření slov zdvojením kořene) и 2) о распространеніи глагольныхъ корней и стволонъ вставкою и прираженіемъ согласныхъ (o šíření časoslovních kořenův a kmenův vsouváním a přirážéním souhlasek).

Во Временникѣ за 1847 годъ: 3) объ измѣненіи гортанныхъ согласныхъ (o přetvorování hrdelních souhlasek) и 4) объясненіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ языкѣ славянскомъ (*vyklad některých grammatických forem v jazyku Slovanském*).

Во Временникѣ за 1848 г. напечатана предлагаемая нами монографія: 5) филологическій разборъ числительныхъ именъ (*Mluvozpytný rozbor číslaslova*).

Числительныя имена, по сознанію самаго Шафарика, представляютъ сравнительно съ другими частями рѣчи наибольшее

трудности для этимолога. Своимъ изслѣдованіемъ великій славянскій ученый желалъ не только объяснить темное происхождение числительныхъ, но имѣлъ съ тѣмъ доказать на опытѣ возможность и пользу *этимологии, какъ науки*; поэтому онъ долженъ былъ въ началѣ своей монографіи разсмотрѣть *задачу этимологии* и различныя филологическія системы о *происхожденіи языка*. Шафарикъ относитъ числительныя имена къ отдѣлу *главныхъ категорій словъ*, безъ которыхъ языкъ и мышленіе невозможны. Основныя числа, по его мнѣнію, родственны частію (1—3) съ указательными частицами, изъ которыхъ образовались личныя мѣстоименія, частію (4—10) съ корнями, выражающими понятія, изъ которыхъ произошли имена и глаголы.

Кромѣ Шафарика, писали о числительныхъ именахъ *Боппъ, Гриммъ, Поттъ, Беккеръ, Штернъ, Паскій* и мн. др. Всѣ эти изслѣдованія, по двумъ господствующимъ системамъ языковеденія, можно раздѣлить на два разряда: философскій и сравнительно-историческій.

Филологи-философы опредѣляютъ числительныя имена довольно темно.

«Числительныя имена, говоритъ *Беккеръ* ⁽¹⁾, по значенію своему весьма близки къ мѣстоименіямъ. Они не выражаютъ *понятія бытія или дѣйствія*, но только обозначаютъ *отношенія*, въ которыхъ бытіе представляется въ основѣ мышленія ⁽²⁾. Число не есть *понятіе*, но только *отношеніе понятія*, хотя двойственность и множественность обозначаются особенными флексіями двойств. и множ. ч. ⁽³⁾. Вполнѣ развитая форма числительныхъ не позволяетъ намъ сомнѣваться, что они первоначально выражали *понятія* и образовались изъ *глагольныхъ корней* и что только въ послѣдствіи стали обозначать численныя отношенія. При другихъ служебныхъ частяхъ рѣчи (Formwörter) можно еще теперь указать, какое значеніе они имѣли первоначально; доказательствомъ же глубокой древности числительныхъ служатъ то, что никому изъ изслѣдователей не удалось до сихъ поръ дойти до сколько-нибудь правдоподобной догадки касательно понятій, которыя первоначально выражали числительныя. Кажется, что они *сначала были именными названіями* (substantivische Benennungen) предметовъ, обозначавшихъ численное отношеніе; напр. Paar, Mandel, Stock, Stiege.»

(1) Organismus der Sprache, von Becker. Frankfurt am Main. 1841. SS. 209—211.

(2) Die Zahlwörter drücken nicht Begriffe eines Seins oder einer Thätigkeit aus, sondern bezeichnen nur Verhältnisse, in denen das Sein als Individuum seiner Art in einer besonderen Anschauungsform von dem Sprechenden aufgefasst wird. S. 209.

(3) Die Zahl ist nicht ein Begriff, sondern nur ein Beziehungsverhältniss des Begriffes s. 210.

«Числительныя имена, по мнѣнію Штерна, суть ничто иное, какъ обоимъ одной стороны численной категоріи, множественности, а потому каждое число, начиная съ одного, требуетъ послѣ себя множеств. ч. (°).

Изслѣдованія о числительныхъ именахъ въ области сравнительно-историческаго языкознанія гораздо обильнѣе и важнѣе для науки по своимъ результатамъ. Рассмотримъ важнѣйшія изъ нихъ.

Фр. Боппъ, въ своемъ классическомъ произведеніи. *Сравнительная грамматика*, посвящаетъ большой отдѣлъ образованію числительныхъ °). По его мнѣнію, числительныя образовались болѣею частію накопленіемъ: *три* (скр. *tri*, кор. *tr*=transgredi) = 2 + 1, *четыре* (скр. *catuṣ*, *catvar*, жен. *catasar*=са (et)+tisar) = 1 + 3, *пять* (скр. *pañcan* = pañ + śa = pa (въ мѣст. *éka*) + śa) = 4 + 1. Числительныя происходятъ не отъ глагольныхъ корней, но отъ мѣстоименныхъ.—Числительныя по своей формѣ раздѣляются на существительныя и прилагательныя, а потому принадлежатъ къ двумъ склоненіямъ—существительному и мѣстоименному; но изъ нихъ весьма многія, первоначально измѣнявшіяся по числамъ и падежамъ, въ послѣдствіи со всѣмъ или только частію потеряли свою склоняемость. Въ Санскритѣ и Зендѣ удержали различіе рода только числительныя 1—4. Уже въ этихъ языкахъ замѣчается неправильность въ склоненіи числительныхъ: *одинъ* допускаетъ только единственное число, *два*—двойственное, а прочія числительныя только множеств. ч.; 5—10 въ ИВЗ. считаются въ единств. ч., а въ прочихъ падежахъ во множ.

Яковъ Гриммъ указываетъ въ *Исторіи нѣмецкаго языка* °) на числительныя имена, какъ на одну изъ данныхъ, по которымъ можно судить о степени родства языковъ. Съ этой точки зрѣнія онъ сравниваетъ числительныя во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ, находитъ въ нихъ поразительное сходство и о происхожденіи только трехъ числительныхъ высказываетъ свою догадку, именно: *pañcan* (5) означаетъ распростертую руку съ пятью пальцами отъ *paś*=extendere, *daśan* (10)—обѣ руки съ десятью пальцами отъ *das*=monstrare, *navan* (9)—новое число отъ скр. *navā*

(°) Das Zahlwort ist nichts weiter, als eine Individualisation der einen Seite der Form des Numerus, die Mehrheit, und jede Zahl von eins an regiert daher gleichsam den Pluralis. *Vorläufige Grundlegung zu einer Sprachphilosophie*, von Dr. Stern, Berlin, 1835. §. 77 Штернъ замѣчательнъ въ исторіи филологіи тѣмъ, что признавалъ идеи Гегеля къ языку.

°) Fr. Bopp. *Vergleichende Grammatik*, Berlin. 1833 S. 8. 428—467.

°) Jacob Grimm, *Geschichte der deutschen Sprache*, Leipzig, 1848 Ibd SS. 239—257.—Извѣстны три данныя для узнанія родства языковъ: имена числительныя, мѣстоименія и 3 л. ед. ч. существительнаго глагола—*есть*.

(novus, новый)⁷⁾. Объ остальныхъ числительныхъ онъ замѣчаетъ, что можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ выражаютъ понятіе совокупленія, собранія.

Августъ-Фридрихъ Поттъ издалъ въ 1847 г. монографію: *Пятиричная и двадцатиричная система счисленія у народовъ всего міра*⁸⁾.

Основаніемъ всѣхъ извѣстныхъ системъ счисленія служить рука или вѣрнѣе счетъ *пальцевъ*, чаще всего 10, рѣже 5, еще рѣже 20; оттого три различныя системы счисленія: *десятиричная* (самая удобная, почти у всѣхъ образованныхъ народовъ Европы), *пятиричная* (въ сѣв. Азіи, сѣв. и частию въ средней Америкѣ, въ большей части Австраліи и Африки) и *двадцатиричная* (изъ европ. народовъ—у Датчанъ, Кельтовъ и частию у Французовъ).

Во всѣхъ языкахъ находится опредѣленное, весьма ограниченное количество *первообразныхъ* (primitiver) числительныхъ именъ, изъ которыхъ производятся остальные посредствомъ четырехъ ариметическихъ дѣйствій: сложенія (лат. undecim= $1+10$, франц. vingt-quatre= $20+4$), умноженія (лат. viginti= 2×10 , франц. quatre-vingts= 4×20), вычитанія (лат. undeviginti= $20-1$) и дѣленія (эстон. poolteist sadda=anderthalb hundert).

Числительныя имена первоначально были *названіями предметовъ*, что очевидно въ языкахъ дикихъ народовъ, гдѣ еще ясно образованіе словъ; напр. въ одномъ изъ африк. языковъ для выраженія 1 употребляется слово *bull* (голова), для выраженія 5—*ten* (рука) и т. д. Съ этимъ можно сравнить названія нѣкоторыхъ числительныхъ въ языкахъ европейскихъ: у силезскихъ Нѣмцевъ 12 называется *Schilk* (Schilling=12 Pfening), 15—*Mandel*, 20—*Stiege*. Нѣм. *Schock* тоже что пол. *korpa*, литв. *kappa*=60; у Словаковъ 40 называется *meri* (мѣра).

Вообще численные представленія, какого бы ни были они рода, имѣютъ конкретное основаніе. Такъ мѣра, вѣсъ, пространство, лѣтосчисленіе получали свои названія отъ естественныхъ отношеній; напр. для означенія 14 фунтовъ употребляется у многихъ народовъ слово *камень*: нижнелуж. *jaden kamen*, нѣм. *stein*, англ. *stone*, гал. *clach*.—Бразилійцы называютъ *содъ* по имени дерева *acajou*, которое каждый годъ приноситъ плоды.

⁷⁾ Доказательство существованія въ нашихъ языкахъ четверичной системы. Спр. римскія *quadringae*=*quovendinae*.

⁸⁾ Die quinaire und vigesimaler Zählmethode bei Völkern aller Welttheile. Nebst ausführlicheren Bemerkungen über die Zahlwörter Indogermanischen Stammes und einem Anhang über Fingernumer. A. Fr. Pott. Halle 1847.

Въ Тибетѣ для означенія года употребляется слово *lo* (листь), потому что листья деревь мѣняются ежегодно (*).

Въ склоненіи числительныхъ замѣчается неправильность. Въ греческомъ языкѣ удержали склоненіе и родовое различіе 1—4, а въ латинскомъ 1—3. Въ готскомъ, славянскомъ и литовскомъ языкахъ склоняются всѣ десять основныхъ числительныхъ, между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ пѣмецкомъ языкѣ измѣняемость сохранили только 1—3. Французскій и англійскій языки совершенно потеряли склоненіе.

Замѣчательное явленіе представляютъ языки въ отношеніи къ синтаксическому соединенію существительныхъ съ числительными именами: я разумѣю здѣсь употребленіе единственного числа вмѣсто множественнаго. Уже въ Ведахъ встрѣчаемъ такое употребленіе: *dvē satī gōh*—двѣстѣ коровы. У Оукидида: *diachōta iplos* (двѣстѣ лошадей).

Въ итальянскомъ языкѣ един. ч. употребляется при числительныхъ сложныхъ, когда послѣднее изъ нихъ есть 1; напр. *cent'un talero*, срв. рус. сто одинъ рубль. Въ еврейскомъ языкѣ единств. ч. ставится при всѣхъ числахъ выше 10. Кромѣ того замѣчательную особенность семитическихъ языковъ составляетъ употребленіе числительнаго въ формѣ женской при существ. муж. р. и наоборотъ. Въ Китайскомъ языкѣ при всѣхъ числит. и собирает. именахъ полагается единств. ч. вм. множ.; въ тибет., монгольскомъ, турецкомъ, персидскомъ, венгерскомъ, эстонскомъ и кельтскомъ языкѣ замѣчаемъ тоже самое явленіе.

Протоіерей Пазскій, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, *Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка*, двѣ главы посвятилъ разсмотрѣнію вопроса о числительныхъ именахъ (10). По его мнѣнію, числительныя составляютъ самостоятельную часть рѣчи. Находя нѣкоторое сходство съ семитическими языками, онъ предполагаетъ древнѣйшую связь и родство индоевропейцевъ съ семитами.

Числительныя происходятъ частію отъ мѣстоименныхъ, частію отъ глагольныхъ корней. *Три* и *четыре* образовались посредствомъ накопленія: *три*—осет. *дер.*, кранн. *тер.* зн. и. еще—

(9) И въ нашемъ областномъ языкѣ находятся подобныя же изобразительныя выраженія для замѣреній мѣста и времени; напр. *повалище* (Арх.) зн. пространство земли, достаточное для того, чтобы на немъ поваляться или разлечься; *рыкъ* (Твер.) вычаніе въ знач. мѣры разстоянія; *скокъ* (Влад.)—верста; *трава* (Камч.) въ знач. года *утражки* (Новг. Твер.)—треть лѣтнаго дня и т. п. (Записка О. И. Буслаева. Изв. II Отд. Ак. Н. 1852 I, 173—174).

(10) 2 изд. Спб. 1852. II Отд. 2 разс. 11 и 12 гл.

2+1, *чатур*=ча зн. и, *тур*=тер=3+1. Одинъ зн. отдѣльный, особенный, самъ-по-себѣ (*idios*). Два озн. разщепленіе, развѣтвленіе. Срв. нѣм. *zwei* и *Zweig*—вѣтвь. Семическое *цааф*, *сааф* со-звучно съ нѣм. *zweif*, *zweifeln*=разщепать, разодрать, раздвоить, сомнѣваться т. е. думать на двое.—*Сорокъ* сокращено изъ греч. *τεσσαράκοντα* *Десяносто* сокращено изъ девятьдесять=дева—ст—о=девен—о—ст—о. Окончаніе *о* появилась въ 90 по вліянію слѣдующаго за нимъ *сто* ⁽¹¹⁾ (?).—Исслѣдованія объ образованіи составныхъ порядковыхъ числительныхъ, о сочетаніи числительныхъ между собою и съ существительными, о склоненіи числительныхъ, особенно *полтора* и *полтретья*, принадлежать къ самымъ удачнымъ страницамъ во всемъ сочиненіи.

Вотъ всѣ, сколько мнѣ извѣстно, замѣчательныя исслѣдованія о вопросѣ, составляющемъ предметъ предлагаемой монографіи. Позволю себѣ упомянуть еще о превосходномъ трудѣ О. И. Буслаева, *О преподаваніи отечественнаго языка*, гдѣ можно найти нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о числительныхъ именахъ русскаго языка.

⁽¹¹⁾ Точно такимъ же образомъ Павскій объясняетъ замѣну и звукомъ *о* въ числ. *десять*=*несемь*, *повет*, вліяніемъ слѣдующаго за нимъ *десять* (?).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Предметъ этимологiи или словопроизведенiя состоитъ, какъ показываетъ самое названiе, въ изслѣдованiи словъ т. е. въ объясненiи ихъ происхожденiя и образованiя, съ цѣлю полнѣйшаго опредѣленiя и совершеннѣйшаго пониманiя какъ языка, такъ и самаго нашего мысленiя, необходимаго его условiя.

При бѣгломъ взглядѣ на запасъ словъ нашего роднаго языка, легко замѣтимъ что въ немъ подлѣ такихъ, которыхъ происхожденiе и соотношенiе съ предметомъ для насъ очевидны, напр. krejci a), kowár b), řezník c), čerwenka p), bělice e), okaun f), rohác g), hrdlička h), zeměplaz i), kowkop k), náprstek l), prohlubeň m), příval n), и т. д. находится великое множество иныхъ, въ которыхъ соотношенiе звука съ предметомъ а потому и поводъ къ наименованiю совершенно темны, неизвѣстны, такъ что такіа слова употребляются уже только какъ условные знаки для выраженiя извѣстныхъ понятiй; напр. zub, čmel, wčela, zlato, srdce, skála, kotew или kotwice, kopríwa или kropíwa и т. д. Если посредствомъ филологическаго разбора докажемъ, что поводъ къ наименованiю вышеозначенныхъ словъ дѣйствительно находится въ родственныхъ имъ zobati u zábsti (срв. нѣм. *beissende Kälte*, *die Kälte beisst mich*) šuměti, wučeti или bučeti, žlutý, střed (слав. срѣдъ), skelitise, откуда skulina (срв. лат. *gumpes* и *gumpere*), kot или kočka (срв. однозначущее дрв. чешск. и слав. маѣка «*kotwice* nebo маѣка», венгер. *Vas-macska*, т. *Zelesná kočka*), u-krop (срв. лат. *carbo* и однознач. *záhawka*, *urtica*, *Bren-nesel*),—тогда достигнетъ какъ наше мышленiе, такъ и языкъ большей ясности и точности, а потому и познанiе наше будетъ совершеннѣе. А чтобы этимъ способомъ мы могли дойти

a) Портной, кор. кро-ить.

b) Кузнецъ, кор. ков-ать.

c) Мясницкiй ножъ, кор. рез-ать.

d) Красная чашечка у пшѣтка, Кор.-чере. Срв. черсон-ная Русь, Черм-ное море.

e) Вѣзуга.

f) Окунь.

g) Рогачъ.

h) Горлица.

i) Пресмыкающiяся животныя; сост. въ зем-ли, и ял-зти.

k) Рудокопъ, kow=руда.

l) Наперстокъ.

m) Глубина.

n) Буря, сол-ненiе.

до ближайшаго повода къ наименованію, мы должны рѣшить новую задачу: откуда образовались слова *zobati*, *šuměti*, *wuĉeti* или *buceti*, *žlutý*, *střed*, *skeliti* или *škeřiti se*, *kot* или *kočka*, *ukrop*? гдѣ у нихъ поводъ къ наименованію? Такимъ образомъ мы непременно должны приступить къ новому разбору и доискиваться до болѣе глубокихъ основаній до тѣхъ поръ пока дойдемъ до самыхъ глубочайшихъ. Однако и то, что найдется при первомъ разборѣ слова и открытіи ближайшаго повода къ наименованію предмета, для усовершенствованія человѣческихъ познаній всегда важно, часто неоцѣнимо.

Возможность и необходимость этимологій, какъ науки, опирается на началахъ, извлекаемыхъ отчасти изъ мысли, отчасти изъ опыта. Эти начала принуждаютъ насъ принять за истину, что все предлагаемое нашему познанію какъ внѣшнюю природу, такъ и собственнымъ нашимъ духомъ, есть осуществленіе духа самодѣтельнаго и свободнаго, но дѣйствующаго по законамъ и правиламъ а не по слѣпому случаю,—духа постижимаго, если не въ самомъ себѣ и въ своей сущности, то по крайности въ своей дѣятельности (причемъ онъ только легко впадаетъ въ неосновательность), постижимаго разуму человѣческому (который самъ есть духъ),—и воспринимаемаго его понятіями въ истинномъ объемѣ. Такъ какъ языкъ есть найвысшее, къ сущности духа ближайшее осуществленіе мысли человѣческой, то не можетъ такое явленіе имѣть причину въ самомъ себѣ и оставаться чужимъ и непроницаемымъ до внѣшняго обнаруженія. Конечно, если бы съ другой стороны внимательно и строго мы рассмотрѣли то несовершенное состояніе, въ которомъ находится этимологія до настоящаго времени, несмотря на многостолѣтнія усилія тысячи ученыхъ изслѣдователей,—если бы вспомнили, какъ ложны, несостоятельны, даже нелѣпы ея результаты, то мы могли бы усумниться въ возможности ея, какъ науки, могли бы поставитъ ее на ряду съ астрологіей, хиромантіей, кроніологіей, физиогномикой и т. д. въ число простыхъ грѣзъ и забавъ воображенія, а также загадочныхъ, не достойныхъ имени науки гаданій. Но судя такъ, мы судили бы необдуманно, неосновательно и несправедливо. Несовершенство обще этимологій съ самыми точными и наиболѣе обработанными науками, философией, физикой, химіей, медициной и др., объемы которыхъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, даже тысячелѣтій не могли быть вполне опредѣлены, и отъ времени до времени появляются еще новыя системы; но по этой причинѣ ни одинъ разумный цѣнитель не будетъ считать ихъ невозможными и ненужными, хорошо зная, что истинная сущность человѣческаго духа заключается

не въ вѣденіи того или въ вѣрѣ въ то, чему мы научились, но въ стремленіи къ приобрѣтенію познаній, въ изысканіи и изслѣдованіи. Ничтожность этимологіи тогда только былабы доказана, когда бы совершенно убѣдились, что все постигнутое и вообще сдѣланное постижимымъ изслѣдованіями ученыхъ нисколько не важнѣе того, что знаетъ и можетъ знать объ языкѣ простой самородный умъ каждаго человѣка. Правда, что касательно послѣдняго результата и, такъ сказать, ядра предмета одно вѣденіе ничѣмъ не превышаетъ другое: но относительно формы различіе между ними велико, безконечно, а на этомъ здѣсь все и основывается. Еслиже мы видимъ въ этимологіи болѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, ошибокъ и заблужденій ученыхъ, то слѣдуетъ вспомнить, что, доходя до глубочайшихъ основъ языка, мы подходимъ къ предѣламъ безконечнымъ необъятнаго царства духа, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если наше слабое зрѣніе лица свѣта уже у самаго приступа къ нему теряетъ силы и тонетъ во мглѣ и мракѣ. Тутъ обыкновенно является на помощь разсудку воображеніе: судьба всѣхъ наукъ, не одной этимологіи. А потому, несмотря на неосновательность *въ цѣломъ*, этимологическая система можетъ быть поучительна *въ частностяхъ* и способствовать къ усовершенствованію человѣческихъ познаній, какъ цѣлаго усовершеншаемаго, но никогда вполне не усовершеншаемаго.

Задачу этимологіи составляетъ, какъ мы сказали выше, разясненіе повода къ наименованію предмета или основанія, почему опредѣленныя понятія выражаются опредѣленными звуками человѣческой рѣчи, что достигается только изслѣдованіемъ родства словъ, разборомъ составныхъ ихъ частей. То и другое возможно, потому что всегда большія часть каждаго языка насвоза прозрачна и видима, такъ что происхожденіе и образованіе словъ, а тѣмъ самымъ и поводъ къ наименованію предмета, въ той части языка ясенъ здравому смыслу и не можетъ приводить въ сомнѣніе.

Изошренній наукою умъ опредѣляетъ и здѣсь, какъ и вездѣ, неизвѣстное помощію того, что извѣстно, указываетъ органическое соотношеніе словъ темнаго происхожденія и образованія со словами ясными и такимъ образомъ стремится къ открытію первичныхъ, простыхъ элементовъ, а также послѣднихъ основаній языка. Но такъ какъ языкъ, что было прежде показано, должно разсматривать, какъ найвысшее, найсовершеннѣйшее воплощеніе теоретическаго духа въ природу, мысли въ тѣло, понятія въ звукъ, то само собою разумѣется, что всякое словопроизводство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только вѣчнымъ

приравниваніемъ или лучше примѣриваніемъ идеи къ звуку и наоборотъ звука къ идеѣ, т. е. постоянными положеніями и противоположеніями или утвержденіями и отрицаніями, какъ необходимыми условіями нашего мышленія. Что не входитъ въ этотъ объемъ, то и не составляетъ предметъ языка и его науки. То, о чемъ мы здѣсь разсуждаемъ, есть первичный и настоящій синтезъ, который, какъ всему въ природѣ, такъ и языку не только даетъ форму, но и опредѣляетъ его сущность, и безъ него ничто не можетъ быть воспринято, что только находимъ мы въ природѣ для воспріятія, хотя самъ онъ остается непостижимъ для человѣческаго разума.

Есть три ученныя системы, — скажу объ этомъ коротко, — касательно образованія основы или организма человѣческаго языка. По первой, языкъ есть приращенное, механическое отращиваніе человѣческаго организма, точно такое же какъ и дыханіе и т. п., и образовался самостоятельно посредствомъ соединенія членоставныхъ звуковъ въ большія или меньшія цѣлыя въ слѣдствіе простаго подражанія природѣ т. е. уподобленіемъ звуковъ мертвой и живой природы: это-*атомизмъ* (*atomismus*), по которому языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ природѣ, а разумъ человѣческій языку. Подобная ему философская система называется *материализмомъ* (*materialismus*) (1).

По другой системѣ языкъ есть истеченіе (*emanatio*) духа, распространяющагося извнутри наружу и переходящаго въ своемъ образованіи отъ цѣлаго къ частямъ, такъ напр. отдѣльныя слова образуются не внѣшнимъ соединеніемъ звуковъ, но какъ цвѣтокъ и растеніе внутреннимъ развитіемъ или побѣгомъ однихъ изъ другихъ, напр. производныхъ словъ изъ коренныхъ: это-*динамизмъ* (*dynamicismus*), по которому языкъ, а слѣдовательно и весь міръ, созданный языкомъ или мыслимый въ немъ, родился изъ идеи. Соответствующая философская система называется *идеализмомъ* (*idealismus*). По третьей системѣ, ни духъ произошелъ изъ языка и ни языкъ изъ духа человѣческаго, но человекъ при первомъ своемъ сознаніи открылъ себѣ и слово, органически соединенное съ его духомъ, т. е. образованіе языка синтетическое, положеніе, которое можно себѣ уяснить, но для окончательнаго разрѣшенія котораго необходимыя данныя премудро отказаны провидѣніемъ.

По этой третьей системѣ языкъ человѣческій во всѣхъ своихъ частяхъ и явленіяхъ, начиная отъ simplestшаго общепонятнаго звука до высшаго искусносоставленнаго предложенія, есть непрерывный и безконечный *символъ* въ полномъ смыслѣ этого слова т. е. такой, который при каждомъ новомъ во-

площеніи мысли въ звукъ, при каждомъ генетическомъ соединеніи матеріи съ формой, при каждомъ органическомъ сращеніи и совокупленіи элемента съ элементомъ, слога со слогомъ, слова со словомъ, нѣчто такое образуетъ, чего не было въ отдѣльно взятыхъ частяхъ и что опять уничтожается по разложеніи формы или разборѣ цѣлаго; напр. *padoba* изъ *na* и *doba*, *obraz* изъ *ob* и *raz* и т. д.

Что эта третія система одна только истинна и достойна человека, было всегда моимъ полнымъ убѣжденіемъ; но я не отвергаю и относительнаго значенія остальныхъ двухъ системъ, въ той степени, какъ духъ человеческій, иначе непоступающій въ своемъ мышленіи, какъ путемъ утвержденія и отрицанія, пользуется ими, какъ условіями и ступенями къ достиженію чего-то высшаго.

Для объясненія этого необходимо прибавить слѣдующее: каждый языкъ, взятый въ объективномъ смыслѣ, какъ содержаніе всего, что только образовалось отъ воплощенія мыслящаго духа въ форму звука, естественнѣе всего разсматривать, какъ нѣкоторый складъ понятій и словъ разныхъ порядковъ, изъ которыхъ самый низшій, состоящій изъ чувственныхъ словъ и звукоподраженій, основывается на необходимости природы, самый высшій, изъ частныхъ, каждый день творимыхъ и прилагаемыхъ къ предметамъ и лицамъ именъ, теряется въ эфирѣ свободы, а между этими двумя порядками находятся остальные со своими переносами понятій и словъ отъ внѣшнихъ образовъ къ мыслямъ, отъ мыслей къ идеямъ.

Любопытнѣйшій разумъ человека, стремясь къ разрѣшенію вопросовъ своей жизни, ищетъ такихъ точекъ отъправленія, откуда бы онъ могъ видѣть чисто, свѣтло и ясно всѣ тайны природы, а слѣдов. и тайны своего языка. Онъ избираетъ прежде всего низшую точку отправленія: тутъ ему представляется языкъ органическимъ необходимымъ произведеніемъ природы. Не успокоившись этимъ, онъ переходитъ на высшую ступень: тутъ ему представляется языкъ чистымъ оттискомъ и отголоскомъ жизненнаго духа. Но и здѣсь онъ не находитъ полнаго удовлетворенія. Тогда обогащенный необходимою опытностію, онъ возвращается на первую точку зрѣнія, изъ которой вышелъ.

Намѣреваясь представить этимологическій разборъ числительнаго имени, чтобы этимъ изслѣдованіемъ, если оно удастся, доказать не только возможность по и пользу этимологій, какъ науки, я призналъ нужнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о началахъ, которыми буду руководствоваться въ предпринятомъ трудѣ и о предѣлахъ, въ которыхъ я намѣренъ удержаться, чтобы избѣгнуть тѣмъ всѣхъ возможныхъ недоразумѣ-

нѣй и нарѣканій. И такъ скажу какъ можно короче объ этихъ началахъ и положеніяхъ.

1) Образованіе (genesis) языка есть *синтезизмъ* (synthetismus) т. е. такое соединеніе простыхъ элементовъ или членораздѣльных звуковъ, въ которомъ при каждомъ совокупленіи составныхъ частей въ новообразовавшемся цѣломъ касательно понятія ничего такого не прибавляется, чегобы не было въ отдѣльных частяхъ.

2) Словообразованію противоплагается *разборъ* (analysis), посредствомъ котораго обнаруживается совокупленіе составныхъ частей, но при разрушеніи формы теряется сущность слова т. е. смыслъ, заключающійся въ синтезѣ.

3) Каждый элементъ слова, каждый членораздѣльный звукъ прежде, нежели онъ синтетически совокупился съ другимъ, былъ самостоятеленъ и выражалъ извѣстное понятіе, ибо выраженіе понятій есть существенное свойство человѣческой рѣчи; безъ этого звукъ человѣскій стоитъ наравнѣ съ звукомъ звѣринымъ.

4) При совершенномъ или синтетическомъ соединеніи составныхъ части слова теряютъ свою самостоятельность такъ, что ни одна изъ нихъ сама по себѣ не имѣетъ значенія, всѣ же вмѣстѣ они *выражаютъ одно понятіе* (saznachenaji, consignificant, συσημαίνουσιν), но при этомъ одни изъ нихъ болѣе, а другія менѣе важны, одни сильнѣе, другія слабѣе, одни называются частями (prwky) и корнями, другія образовательными и флективными слогами или приставками (suffixa).

5) Рядомъ съ синтетическимъ образованіемъ новыхъ словъ изъ простыхъ элементовъ находится въ каждомъ языкѣ тропическій или *образный* способъ, который готовыхъ слова употребляетъ въ разныхъ смыслахъ, перенося ихъ отъ предмета къ предмету, отъ чувства слуха къ чувствамъ зрѣнія, осязанія, обонянія и вкуса, отъ предметовъ вещественныхъ и чувственныхъ къ отвлеченнымъ и сверхчувственнымъ, отъ понятій къ идеямъ. При этой многозначительности слова часто затемняется первичное, собственное значеніе, даже теряется совершенно; напр., báb, um, wtír, mysl и т. д. Здѣсь задачу словозлѣдователя составляетъ изысканіе первичнаго, собственного смысла, а для этого онъ долженъ пробираться по всѣмъ вышеозначеннымъ порядкамъ языка, начиная отъ самыхъ высшихъ, гдѣ ясно образованіе и употребленіе словъ, до самыхъ низшихъ, гдѣ онъ посредствомъ догадокъ долженъ проникать со своими простыми элементами до необходимаго въ природѣ. Теперь по обнаженію первичнаго, собственного значенія слова можно приступить къ

разбору составныхъ его частей, если только оно действительно есть синтетически образованное высшее цѣлое, а не простой, единичный, недѣлимый элементъ.

Между всѣми классами или категориями словъ, на которыя дѣлится человеческая рѣчь, едвали какая другая представляетъ для филолога столько трудности въ этимологическомъ отношеніи какъ та, которую мы называемъ *именемъ числительнымъ* (*ročním nebo číselným slowem, a šetrice krátkosti číslowem*). Эти слова какъ въ нашемъ славянскомъ, такъ и въ родственныхъ индоевропейскихъ языкахъ, носятъ на себѣ подобіе одинокихъ корней безъ видимой связи съ другими: доказательство ихъ старобытности. Кажется, что во всѣхъ языкахъ или генетическое соединеніе ихъ составныхъ частей, или первичное и собственное ихъ значеніе, смотря потому тѣмъ или другимъ способомъ они образованы, синтезомъ или метафорой, очень часто затемняются, отчего и поводъ къ ихъ наименованію приходитъ изъ забвеніе. Трудность разбора числительнаго имени еще болѣе увеличилась оттого, что александрійская система категорій словъ, обработанная Аристархомъ, Діонисіемъ и Аполлоніемъ, новѣйшими учеными подрыта и ниспровергнута, а на мѣсто ея еще не поставлена новая, стольже твердая и прочная. Тутъ начались и о категоріи числительнаго имени нескончаемые споры: нѣкоторые стали причислять его къ имени существительному, нѣкоторые къ прилагательному, нѣкоторые къ мѣстоименію, нѣкоторые отдѣляли отъ всѣхъ ихъ и поставили особенно; нѣкоторые считали его главною частію рѣчи, другіе служебною; нѣкоторые подводили его подъ категорію реальную, другіи идеальную. Знаменитый берлинскій мыслитель и изслѣдователь Др. Штернъ, которому мы обязаны большою благодарностію за двѣ прекрасныя книги о философіи языка, объяснивъ много темнаго въ языкѣ, впалъ въ заблужденіе относительно одного числительнаго имени, утверждая, что оно не слово, а неорганическій побѣгъ или лучшее вымыселъ языка, что однозначительно съ выраженіями Аполлонія и Аристарха «*flatus vocis «или» flatus aeris*». 2) Удивительно, что числительныя, которыя новѣйшіе нѣмецкіе писатели (и сами аугсбургскіи всеобщія вѣдомости) пишутъ и печатаютъ безъ отстановки напр. *dreimillionenneunzigtausend siebenhundertfünfzig*, не составляютъ слова по выраженію спекулятивнаго доктора Штерна, тогда какъ мы эмпирики Славяне считаемъ наше *а или* и полнымъ, совершеннымъ словомъ! Мы не только не сомнѣваемся въ мѣстѣ, которое занимаютъ числительныя имена въ категоріи словъ, но и утверждаемъ какъ истину, что числительныя принадлежатъ къ отдѣлу главныхъ категорій словъ, паравъ съ существитель-

нымъ и прилагательнымъ имеемъ и глаголомъ, безъ которыхъ языкъ и мышленіе невозможны: такъ какъ мышленіе есть опредѣленіе опредѣлимаго, то безъ трехъ простыхъ опредѣленій и категорій—количества, качества и пространства—оно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что понятія низшихъ чиселъ наравнѣ съ прочими найнижшими понятіями развиваются въ дитяти и вступаютъ въ организмъ мыслей. Итакъ съ этой стороны, касательно категоріи числительнаго имени, ничто болѣе не будетъ препятствовать нашему разбору, если только мы не наткнемся на нѣкія препятствія.

Такъ какъ основа числительнаго имени въ индоевропейскихъ языкахъ, какъ мы показали, столь стара и темна и непроницаема даже для привычнаго взгляда, то возникаетъ вопросъ, какими путями слѣдовали филологи, пытавшіеся разобрать числительное имя, и что указало имъ эти пути? Отвѣчаемъ: сравненіе высшаго порядка человѣческихъ языковъ и перенесеніе законовъ отъ языковъ, такъ сказать, *явотканной* организаціи (*jaw-wotkaného austroji*) на языки *скрытнотканной* организаціи (*krytotkaného austroji*).

При этомъ замѣчается слѣдующее: 1) Во многихъ языкахъ, особенно народовъ дикихъ, а именно африканскихъ и американскихъ, образованіе числительнаго имени достаточно извѣстно и очевидно; напр. въ языкѣ Фотъ: *fok* (1), *be* (2), *la* (3), *nū* (4), *tan* (5), *ta-fok* (6), *ta-be* (7), *ta-la* (8), *ta-nū* (9), *ntak* (10); въ языкѣ Фулахъ: *goh*, *diddi*, *tatti*, *ni*, *jowi*, *joa-go*, *joa-diddi*, *joa-tatti*, *joa-ni*, *zappo*; въ языкѣ Вей: *dóndo*, *filla*, *sakwa*, *nani*, *sólu*, *sun-dóndo*, *sun-filla*, *sun-sakwa*, *sun-nani*, *tan* и т. д., гдѣ видно, что числит. отъ *шести* до *десяти* образованы посредствомъ сложенія *пяти* съ основными единицами. 2) Другіе народы, стоящіе еще на низшей степени, Гренландцы, бразилійскіе Индѣйцы, Абипонцы, Тарахумарцы, Кооссане и т. д. считаютъ отъ *одного* до *десяти* или *двадцати* на пальцахъ, сначала лѣвой руки, потомъ правой, на конецъ ногъ, показывая каждый разъ столько пальцевъ, сколько нужно для выраженія даннаго числа, для *пяти* одну руку, для *десяти* обѣ руки или руку и ногу и т. д. Бразилійцы для выраженія числа *пять* показываютъ руку, говоря: *oje ré xé ró* *одна моя рука* или пять пальцевъ, для *десяти* обѣ руки, со словами: *xé ró* т. е. *мои руки*, для *двадцати* руки и ноги, при чемъ прибавляютъ: *xé ró xé ru* т. е. *мои руки мои ноги*. Гренландцы вмѣсто *двадцати* говорятъ *человѣкъ*, а вмѣсто *пяти* *человѣкъ*. И то и другое т. е. подъятіе нижнихъ числительныхъ именъ на высшія мѣста и движеніе, при счетѣ по пальцамъ, рукою и ногою, какъ основаніе числительной системы,

привело естественно къ той мысли, что какъ высшія числа образуются посредствомъ сложенія низшихъ чиселъ, такъ и высшія числительныя имена составляются посредствомъ синтетическаго соединенія низшихъ числительныхъ именъ, и что какъ *человѣкъ* въ иномъ смыслѣ и на иныхъ мѣстахъ составляетъ «*мѣру мѣръ*» [срв. палецъ, пядь, ступень (*střewic*), футъ, локоть, сажень (*saň*)], такъ особенно *рука* его, которая служитъ основаніемъ числительной системы почти во всѣхъ языкахъ.

3) При сравненіи египетской системы численныхъ письменныхъ знаковъ съ числительными словами въ рѣчи замѣчено, что эти послѣдніе въ своемъ образованіи представляютъ много аналогій съ чисельными знаками, т. е. іероглифическіе звуки такъ устроены, что отъ одного до десяти отдѣльных черточки ставятся одна подлѣ другой, однако съ видимыми отдѣленіями въ высшихъ порядкахъ: $1+3=4$, $2+3=5$, $3+3=6$, $3+4=7$, $4+4=8$, $4+5=9$ (т. е. одна черточка и три черточки означаютъ четыре и т. д.), и это соединеніе открыто болѣе глубокимъ проникнутіемъ въ складъ языка и въ именахъ числительныхъ, напр. коптское *rsii*=9 сокращено изъ *rsiiv*, сложенного изъ *rsi*=4 и *iv*=5.

4) При нѣкоторыхъ, особенно высшихъ числительныхъ, наглядно видно, что слова перенесены отъ означенія предметовъ вещественныхъ, цѣлыхъ или раздѣленныхъ на извѣстныя части, къ означенію опредѣленныхъ чиселъ, и притомъ такъ что имена членовъ человѣческаго тѣла измѣняющейся величины (напр. *palec*, *pid*, *loket*, палецъ, пядь, локоть и т. д.) перенесены къ означенію опредѣленнаго количества. Такъ напр. въ Китайскомъ языкѣ слово *pi* означ. *ухо* и *два*, *del uxo* и *del два*, *li* *солъ* (шестигранно-кристаллизующуюся) и *ли шесть* (также *олень*, потому что у него 4 ноги и два рога), *kien* *луковница* (которая, будучи поперегъ разрѣзана, представляетъ шесть круговыхъ кожачекъ и три срединныхъ) и *десять*; въ малайскомъ языкѣ *lima* *рука* и *пять*, въ мексиканскомъ *та-рука* и соединеніе пятковъ т. е. *десять*, *двѣдцать*, въ турецкомъ *el* *рука* и *пять* въ словѣ *el-li* (пять десятъ), въ татарскомъ *tiŋen* *мгла* и *tiŋan* *десять тысячъ* и т. д.

5) Наконецъ въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ ученые филологи посредствомъ тщательныхъ изслѣдованій надъ главнѣйшими языками индоевропейскаго племени доказали, что все ихъ словарное богатство можетъ быть выведено изъ двухъ-трехъ элементовъ: изъ *частицъ* (*prwkwūw*), изъ которыхъ образовались мѣстоименія, предлоги и нарѣчія, и изъ *корней*, изъ которыхъ произошли глаголы и имена существительныя и прилагательныя. Примѣриваніе числительнаго имени къ этимъ эле-

ментами показывать, что одни изъ нихъ, именно низшія, представляютъ нѣкоторое сходство съ мѣстоименными частицами, другія же напротивъ, и именно высшія, съ именными и глагольными корнями.

Такими и подобными замѣчаніями облегчился приступъ къ изслѣдованію темнаго образованія числительнаго имени въ языкахъ индоевропейскаго племени, и не замѣшкали ученые филологи, особенно нѣмецкіе, мужественно проникнуть черезъ ново-растворенную дверь до найсокровѣннѣйшихъ тайниковъ языка, такъ долго бывшихъ для нихъ недоступными. Но не время и не мѣсто теперь не только распространяться о различныхъ опытахъ разбора числительнаго имени ¹⁾, но даже и въ не многихъ словахъ повторить то, что намъ кажется правдоподобнымъ въ ихъ изслѣдованіяхъ: только одно еще здѣсь припомнимъ.

Всѣ способы счисления основываются на употребленіи *руки*, такъ что обыкновенно число пальцевъ на обѣихъ рукахъ т. е. *десять* принимается за основную единицу счисления, рѣже мѣнѣе т. е. счетъ пальцевъ одной руки или *пять*, а еще рѣже счетъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ т. е. *двадцать*;—оттого три различныя системы счисления: пятиричная, десятиричная и двадцатиричная, въ которыхъ дальнѣйшій счетъ производится посредствомъ соединенія пятковъ, десятковъ или двухъ десятковъ и приложенія къ нимъ единицъ.

Но уже и самыя единицы, исключая первыхъ изъ нихъ, составляютъ весьма часто плодъ или слѣдствіе вычисленія (обыкновеннѣе всего сложенія, часто умноженія); выраженного въ языкѣ соотвѣтствующимъ синтетическимъ соединеніемъ корней словъ,—рѣже метафоризма, который образно выражаетъ числа уже готовыми и совершенными словами;—но это еще яснѣе можетъ быть узнано изъ предлагаемаго разбора.

РАЗБОРЪ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО.

1. Одинъ.

а) Слв. *имъ* сохранилось только въ производномъ *инокъ* (*solivagus*, *monachus*) и въ сложныхъ *икорокъ* (*unicornis*), *инодушко* (*unanimiter*), также въ нарѣчій *вѣимъ* т. е. *съ имъ* (*semper*, *in eînet fort*), въ русскомъ *иноходъ* (*gradus tolutarii*, *Zelt*) и *иноходецъ* (*gradarius*, *tolutarius*, *Zelter*, чеш. однознат. *mimochod*). Корень *си* сохранился въ *еден* и чеш. *jen*, *jenom* (*solum*, *unice*), литв. *viėnas*, лат. *wėns*. скр. *ūna* въ *ūna-vinsati* (*un-de-viginti*, 19). Въ прочихъ случаяхъ *ēka*, венд. *atod*, греч. *εἷς* изъ *εἷς*, въ др. грч. *εἷς*. лат. *unus*, др. лат. *oinos*. гот. *dins*. в. сѣв. *ein*, слав. *идинъ*, чеш. *jeden*. скр. *adi* (*primus*).

Первая древнѣйшая форма ближе всего подходитъ къ мѣстоименіямъ *ми* (*alius*) и *оми* (*ille*), которыя разнятся скр. *alija* (*alius*) и не вполне сохранившемуся *ēna*, вин. *ēnat* (*huvo*). Корень слова есть звукъ *н*, въ смыслѣ указательномъ на предметъ присутствующій и видимый, отдѣленный въ пространствѣ, имъ занимаемомъ, отъ прочихъ мысленныхъ предметовъ. Въ языкахъ индоевропейскихъ звукъ этотъ, употреблялся для образованія мѣстоименія перваго лица, сохранился только въ двойственномъ и множественномъ числѣ, слав. *на* или *мы*, *наю*, *нама*, *наси*, *намы*, *нами*, и въ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа *мѣнѣ*, *мѣнѣ*, *мѣною* (здѣсь сверхъ того только какъ приставка), но въ другихъ языкахъ, а именно финскихъ, находимъ его на первомъ мѣстѣ т. е. въ имен. п. ед. ч., въ венгер. *én* (*ego*).

Впрочемъ за основаніе своего дальнѣйшаго разбора и изслѣдованія мы принимаемъ, что въ ту незапамятную доисторическую эпоху, въ которую образовались нынѣшнія наши числительныя имена, и въ томъ языкѣ, изъ котораго произошли индоевропейскія языки, звукъ *н*, полнѣе *на* или *ан*, употреблялся для мѣстоименія перваго лица и по родству понятій былъ перенесенъ къ означенію перваго числа.

Наше *ми* можно сравнить съ Латин. *mihi*, дрв. *oimoz* и т. д., несмотря на различіе гласныхъ *и* и *у*, потому что слав. *и* соответствуетъ Лат. *у*, *ю*; напр. *иго*—*jugu*, да и въ самомъ слав. яз. переходъ *у* въ *и* и на оборотъ *и* въ *у* (*имати-умѣ*) считается правильнымъ.

Вторая новѣйшая форма т. е. слав. *ю-динъ* чеш. *jeden* ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена, кромѣ скр. *adi* (*primus*).

Я полагаю, что слово это сложено изъ *к-ди-нѣ*, такъ что въ первой части слышится указательная частица *и*, которая слово выказывается въ первообразномъ словѣ *и-зи*, *и* (*ego*) и въ производномъ *и-же*, *и-же*, *и-же* (срв. нѣм. *je* въ *jeder*, *jemand*, *jemals* и т. д.), а во второй указательная же частица *ди* однозначна съ Греч. *δεις*. въ смыслѣ *тѣс*, по Мельгорну, въ *οὐδεις* (*нѣто*), *δεν* въ выраженіи *οὐδὲν ἐκ δαυὸς γίνεσθαι*, *ὁ δαίμων*, *οὐδὲν* (*нѣтъ*), *οὐδὲν*, *οὐδὲν*, слав. *оуица*, венгер. *ide*), хотя нѣкоторые отрицаютъ это, разлагая первое въ *οὐδὲ тѣс*, а второе въ *οὐδὲ ънѣ*.

Впрочемъ *ю-динъ*, *jeden* не можетъ быть непосредственно сравниваемо съ нѣм. *jeder*, потому что это противно аналогіи, по которой слав. *д* обращается въ нѣм. въ *т* (*t*) и на оборотъ нѣм. *t* въ слав. *д*, такъ что нѣм. *der* родственно съ чеш. *ten*.

Что *ю-динъ*, *jeden* образованы отъ мѣстоименнаго корня, а не отъ именнаго или глагольнаго, доказывается его чисто мѣстоименнымъ склоненіемъ: *к-диноу*, *одноу*, какъ *того*, *оного*, *того*,

onoho и т. д. (О различіи существительнаго и мѣстоименнаго склоненія см. *Pocátky Staročes. mlúwnice* въ *Wyboru z lit. české D. I str. 28, 76, § 28, 71*).

2. Два.

а. Слв. *два*, ж. *двъ*, чеш. *dwa, dwoe*. — литв. *du, dwoe*, лат. *duo*. — скр. *duu, du*, зенд. *dva*. — греч. *δύο, δύο*. — лат. *duo*. — гот. *twai*.

б. Слв. оба см. выше.

Это числительное имя видимо родственно къ мѣстоименіемъ втораго лица, слв. и чеш. *ты*, литв. *tù*, скр. *tva*, зенд. *tú*, греч. *σύ* (др. греч. *τοῦν*), лат. *tu*, гот. *thu*. Это родство еще очевиднѣе въ скр. *tvas* (*alius, secundus*), произвед. отъ *tva* (*tu*), какъ лат. *tuis* отъ *tu* (въ такомъ же отношеніи стоитъ греч. *μία, una*, къ лат. *mea*, греч. *μόνος, unus, solus*, къ гот. *mēins*, нѣм. *mein*): во всѣхъ прочихъ случаяхъ первоначальное острое *t* перешло въ тупое *d*.

Числительное *два*, какъ оно написано въ Острог. Ев., или *diwi*, какъ оно переименовано въ литв. яз., сложено изъ двухъ элементовъ: *дъ* и *ва*. Изъ нихъ первый, по своей матеріи, равняется, какъ было выше сказано, мѣстоименію втораго лица *ты*; другой же является въ двойств. ч. мѣст. какъ перваго, такъ и втораго лица, *ва*, жеп. *ель*, равно какъ и въ 1 л. глагола: *да-ва, дахо-ва*.

Мѣстоименіе *ты*, какъ по своей матеріи, такъ и по понятію, имѣть выражаемому, родственно съ указательною частицею слв. и дрв. чеш. *тъ, ten* (*ille*); а мѣстоименіе *ва* опирается на указат. частицу слв. и дрв. чеш. *овъ* (*hic*). По этому числит. *тыва*, позже *два*, образовалось посредствомъ соединенія (*synthesis*) двухъ элементовъ *ты* и *овъ* или *ва*, такъ что главный смыслъ заключается въ первомъ, а второй служитъ только къ означенію формы т. е. показываетъ отношеніе втораго лица (*ты*) къ первому (*ва*), что совершенно правильно.

Этотъ разборъ основывается на двусложности слова *два*, литв. *diwi*; но еслибы было справедливѣе разсматривать *е*, какъ измѣненіе гласной *у*, причиненное окончаніемъ *а*, которое иногда, а именно въ существительныхъ именахъ, уже само по себѣ означаетъ двойственность, напр. слв. *человѣка, бока* и т. п., тогда бы нужно было принять за истину, что въ словѣ *два* совершенно соединеніе перваго и втораго лица только по понятію, а не по звуку, т. е. что *два* не означаетъ *одинъ и одинъ*, но только единицу, которая также непосредственно слѣдуетъ за первою и къ ней относится, какъ *ты* за *я*.

Что каждый изъ элементовъ, *ты* или *тъ* и *ва* или *овъ*, самъ по-

себѣ выражаетъ понятіе двойственности, видно въ глагольных формахъ: да-*еа*, да-*та*, гдѣ какъ *еа*, такъ и *та* выражаетъ понятіе двойственности или два, съ тѣмъ только различіемъ, что *еа* относится къ первому, *та* ко второму и третьему лицу.

Но я не могу доказать, что это *еа* сокращено изъ *два*, какъ второй, *wtéry* изъ двѣторый, *dwtéry* (срв. греч. δειτερος) и скр. *vinšati* изъ *dvinsati* (20), лат. *viginti* изъ *dviginti*, греч. εἴημι, атт. εἴημι изъ δεῖσθαι и т. д.

Мѣстоименное происхожденіе числительнаго *два* объясняется тѣмъ, что оно склоняется по мѣстоименному склоненію; впрочемъ напр. род. и мѣст. мн. *двое*—*жсму* и т. д.

3. Три.

Слав. три, чеш. *tri*, литв. *trys*, лат. *tris*, скр. *tri*, *traja*, жен. *tišar*, зенд. *thri*, *thrájō*, греч. τρεῖς, *tría*.—лат. *tres*, гот. *thri*.

Каждому съ перваго взгляда представляется очевиднымъ родство этого числительнаго съ окончаніемъ сравнительной степени въ языкахъ индоевропейскихъ, скр. зенд. *tara* (напр. *riṇjatara* отъ *riṇja*, чистый), греч. *трос* (напр. σοφώ-трос отъ σοφός: мудрый), лат. *terus*, сокращ. *ter*, которое находится только въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, напр. *uter*, *neuter*, *alter*, *ceterus*, *exterus*, гот. *thara*, *thar* на тѣхъ же мѣстахъ, напр. *hvatthar* (кто изъ двухъ, *uter*), слав. *торъ* и *теръ* только въ мѣстоименіяхъ, напр. *кетеръ* (*quidam*), *каторъ*, *квторъ*, *ктеръ* (*quis*) и въ порядковомъ *вторымъ*, *вторъ* вм. *двѣтеръ* (*seundus*).

Если мы сравнимъ это окончаніе сравнительной степени *tara* съ окончаніемъ превосходной скр. и зенд. *tama* (напр. *riṇja-tama*), лат. *timus* (напр. *in-timus*, *ex-timus*), греч. *татос* (напр. σοφί-татос), убѣдимся, что то и другое сложено синтетически; потому что слогъ *ta* во всѣхъ трехъ формахъ одинъ и тотъ же, только въ *татос* онъ соединенъ самъ съ собою, въ *tama* съ *та*, въ *tara* съ *га*, и на этомъ различіи синтеза или соединенія основывается различіе между *tara* и *tama*.

Что касается до слога *ta*, то мы принимаемъ за истину, что онъ и здѣсь, какъ въ числит. *два*, гот. *dwai*, одного происхожденія съ указательною частицею *та*, изъ которой образовалось мѣстоименіе второго лица *ты*. Первое и основное противуположеніе въ языкѣ есть отдѣленіе я отъ *нея* или я и ты, второе отдѣленіе 2-го лица, съ которымъ говорятъ, отъ 3-го, о которомъ говорятъ, и это отдѣленіе есть подраздѣленіе, подчиненное первому. Что различіе второго лица отъ третьяго есть подраздѣленіе или что второе лицо раздѣлилось на два, второе и третье, доказательствомъ тому служить между прочимъ и то, что въ

древнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ, санскритскомъ, Zendскомъ, греческомъ и славянскомъ, второе и третье лицо въ двойств. числѣ обозначаются одною и тоюже приставкою т. е. *тѣ*; скр. въ наст. вр. *thas, tas*, въ прошед. *tam, tām*; греч. въ наст. *тѣ*, *тѣ*, въ прош. *тѣ*, *тѣ*, слав. *та. быста, ходита, несета*. Такъ и повелит. накл. въ лат. спряж. имѣетъ во 2 и 3 лицѣ *t*: *amato monelo, jungito, carito*. Такъ какъ въ отличеніи 2 лица отъ 3 вся сила падаетъ на 2 лицо, какъ на единицу, вычтенную изъ остальной суммы, то естественно послѣдовало заостреніе, а слѣдов. и намѣненіе звука. Оттого въ нѣкоторыхъ языкахъ корень мѣстоименія 2 лица замѣтно переначался въ выговорѣ, тогда какъ въ третьемъ лицѣ остался въ первоначальной своей чистотѣ и безъ всякой перемѣны; напр. греч. *су* (*tu*) и *тѣ* (*is-tu*). Тоже самое замѣчаемъ и въ числительномъ имени: во второмъ числѣ *ѣ* перешло въ *d* (исключая готскаго языка), въ третьемъ осталось безъ перемѣны: *два* (2), *три* (3). Что же касается до второго элемента т. е. *га*, то въ ближайшихъ и наиболѣе извѣстныхъ намъ языкахъ индоевропейскаго племени въ отдѣльномъ и самостоятельномъ видѣ его не находимъ, но въ болѣе отдаленныхъ и менѣе извѣстныхъ языкахъ, именно въ георгіанскомъ или грузинскомъ (а слѣд. и въ другихъ кавказскихъ, ему родственныхъ, языкахъ) сохранился онъ вполнѣ не только въ коренной формѣ въ вопросительномъ *га* (*quid?*), но и въ производныхъ *a-га* (*non*), *га-ѣ* (*ut, dass*), *га-мѣ* (*aliquid*), *га-мѣ* (*qui*), *ѣ-ѣ-га-ѣ* (*quis?*), *ѣ-ѣ-га-ѣ* (*quomodo?*), чѣмъ достаточно доказывается самостоятельность и первоначальное указательное значеніе этого элемента въ индоевропейскихъ языкахъ, потому что относительныя и вопросительныя мѣстоименія, какъ извѣстно, образуются изъ указательныхъ. Творецъ сравнительной грамматики считаетъ грузинское *га* за измѣненіе грузин. *ѣ* (*quis?*) или скр. *ѣ*, что по моему убѣжденію совершенно неосновательно и бесполезно.

Наше *три* по своей формѣ есть множественное число сущ. жен. рода (какъ *кости* и т. д.), съ чѣмъ случайно согласенъ грузинскій языкъ, который въ единственномъ числѣ имѣетъ мягкое окончаніе *ѣ* въ словѣ *ѣ-ѣ-га-ѣ* (*qui?*). Итакъ если въ числительныхъ *два* и *три* основной элементъ одинъ и тотъ же т. е. *тѣ* (*tu*), то и снѣтъ, какъ въ понятіи, такъ и въ звукахъ не различенъ. Въ словѣ *два* движеніе назадъ къ первому лицу выражается реально, но не обозначается звукомъ, развѣ если бы мы захотѣли принять *ѣ* за указатель этого отношенія, что, какъ было сказано, не совсѣмъ неумѣстно; въ словѣ *три* есть шагъ къ чему-то, лежащему за *тѣ*, *ты*, выраженному указательною чатвицею *г*, *га*, и движеніе впередъ къ первому лицу, вовсе не

обозначенное, а только предположенное еще въ мысли, движеніе вполнѣ заключающееся въ синтезѣ числа *два*.

Что нѣкоторые какъ числительное *три*, такъ и окончаніе сравнительной степени *tara* производятъ отъ скр. корня *tr* (*transgredi*), откуда лат. *trans*, *terminus* и т. п., достаточно будетъ упомянуть вскользь; выводъ этотъ не находитъ подтвержденія въ нашемъ языкѣ, въ которомъ напротивъ зубнымъ скр. *tr* и лат. *trans* соответствуютъ гортанные *kr* въ *krošiti*, *krex*, *skrx* и т. д.

За тѣмъ предѣлами, которыхъ не смѣетъ перейти историческое языковѣдѣніе, въ ту эпоху, когда глагольные корни и мѣстоименныя частицы составляли одно недѣлимое, могло и *tara* найдется въ нѣкоторомъ соотношеніи съ *tr*: но этого мы не хотимъ здѣсь ни подтверждать, ни отрицать.

Нѣкоторые полагаютъ, что окончаніе сравнительной степени *tara* служить къ означенію двойственности, напр. въ скр. *antaras* (*alter*) изъ *anjas* (*alius*), гот. *antbar*, греч. ἑτερος *em. heteros*, лат. *ceterus*. Но *antaras*, ἑτερος имѣло первоначально иное значеніе, по моему мнѣнію, и теперь только перенесено къ понятію *другой* (*secundus*).

4) Четыре.

Слв. четыре, чеш. *čtyři*, литв. *keturi*, лат. *četri*. скр. *čatur*, *čatvār*, ж. *čatasar*; зенд. *čatvār*. греч. τέτταρες *эол. τετταρες* лат. *quatuor*. гот. *fidvōr*.

Въ нашемъ славянскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ, очевидно происходящихъ отъ одного корня съ числительнымъ *четыре*, такъ что органическій составъ этого слова, очень уже затемненный въ другихъ родственныхъ языкахъ, у насъ еще вполнѣ извѣстенъ. Такія слова суть: рус. *четъ* (*par*), пол. *cztery* (*par*) въ выраженіи *cztery licha* (въ игръ, чеш. *lich suda*, рус. *четъ или нечетъ*, срб. *lijo ili tako*, *par* *impar*, *Grade oder Ungrade*), слв. *czeta* (*agmen*, *cohors*), *czetati* въ *sz-cetati* (*conjungere*). Поэтому мы полагаемъ, что основной смыслъ, заключающійся въ словѣ *четъ* или *czeta* есть соединеніе, совокупленіе, сопряженіе двухъ предметовъ въ одинъ (срв. лат. *jugum* отъ *jungere*) Союзъ *ча* въ чеш. *četvoro*, *čtyřero*, въ скр. и зенд. *čatvār*, лат. *quatuor*, гот. *fidvōr* очевидно скрытый, въ *четыре*, *keturi* и *теттаре* уже затемненный и въ скр. жен. *čatasar* вытѣсненный вставкою жен. *tisras* отъ *tri*, есть безспорно также самая указательная частица *са*, *съ*, которая обыкновенно употребляется въ нашихъ языкахъ, какъ знакъ двойственности. Итакъ *czeta* значитъ двѣ пары, двѣ четы (*duo juga*). Наконецъ окончаніе *ри* есть дальнѣйшее измѣненіе указа-

тельной частицы *pa*, какъ мѣра склоненія этого такъ сложнаго и въ педѣлимое синтетическое цѣлое слившагося корня.

Нашему *четы*, *чета* въ смыслѣ *par* и *jugum*, вполне соответствуетъ венг. *két*, *kettő* (duo) и *kötni* (ligare), *kötet* (ligamen), также Нѣм. *Kette* (catena) и *Kitt* (lithocola, caementum), *kitten* въ *zusammenkitten* (vincere lithocola), съ правильной обмѣной гортаннаго *k* и шипящаго *ч*.

Но такъ какъ слова *четы* и *четати* сами образованы уже изъ синтетическаго соединенія звуковъ *ч* или *k* и *t* (по аналогіи съ *чуж*—*чутити*, *рюж*—*рютити*, *труж*—*трутити*, *шаж* *са*—*шатати* *са*, *куж*—*кутити* и т. д.), то должно въ разборѣ идти ступенью выше къ элементамъ недѣлимымъ. Первый изъ нихъ находимъ въ скр. *śi* (legere, colligere), второй есть извѣстное окончаніе причастія *t*, на пр. *питъ*, *мытъ* и т. д. Отъ этого многозначительнаго скр. корня *śi* (colligere, congregare, numerare, solve, aestimare) происходятъ: глаголъ *śarajāmi*, сущ. *śajā*, *śit*, *śitja* (cumulus), сложные *viśi* (numerare), *apāśita* (expensus, solus), *apāśiti* (honor), *niśi* (mentem colligere, cogitare), удлиненный корень *śit* (cogitare), откуда *śintā* (cogitatio) и т. п. Ему соответствуетъ греч. *τίω*, *τίωω* (solvere, poenam luere, punire), откуда *τιμή* (poena, honor); Лат. *aestimare* (aes-tim-are) и наше слав. *чѣтъ*, *чѣту* (lego, numero, honor), *число*, *числа* (numerus), *почѣтъ*, *почѣть* (numerus), *цѣна* pretium, срв. литв. *сена* summa, numerus, лат. honor, dignitas), *чѣсть*, *честь* (honor), *чета* (agmen), *четати*, *сѣчетати* (conjugere) и т. д. (Другаго корня суть слк. *licit* numerare, и срб. *broj*—numerus, *brojiti* numerare, которому соответствуетъ чеш. *brojiti* tumultuari).

Итакъ въ нашемъ *чѣтъ*, *чѣсти*, *чѣть*, *почѣтъ* и т. д. основное понятіе—*соединеніе* (synthesis); слѣд. тоже самое должно заключаться и въ скр. *śintādjami* (cogito) и *śintā* (cogitatio), словахъ, какъ мы видѣли, происходящихъ отъ корня *śi*.

Изъ всего этого мы видимъ, что числит. *четыре* основывается, первое изъ всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ, на словѣ, выражающемъ понятіе *четъ* (*par*), образовавшемся изъ глагольнаго корня *śi* (colligere). Предъидущія *три* основывались на указательныхъ частицахъ *и*, *т*, *а*, *р*, какъ непосредственныхъ звуковыхъ истолкователяхъ возрѣвнѣя духа, наглядно представившаго себѣ формы пространства.

О происхожденіи разности въ произношеніи этого числительнаго въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ, напр. греч. *τέτταρες*, гот. *fidvōr* и т. д., я не буду распространяться: опытный филологъ можетъ самъ себѣ объяснить, не требуя нашей помощи, а только что начинающаго мы отсылаемъ

къ другимъ сочиненіямъ, особенно къ сравнительной грамматикѣ Фр. Боппа.

Иные производятъ *четыре*, скр. *čatur*, отъ скр. *ča* (греч. *kai*, лат. *que*) вм. *ка*, собственно относительнаго (первоначально указательнаго) мѣстоименія, употребляющагося въ смыслѣ *одинъ* въ скр. *eka*, греч. *ἑξτερος*, и *три*, такъ что *ča-tur*, *че-тыри*=1+3. Однакожъ это объясненіе не естественно.

Въ евр. *'arbdqdh* безъ сомнѣнія отъ *rab* (*multus, magnus*), откуда и *rabab* (*multitudo*) и *rbdbdh* (דברי, 10000), выражается идея размноженія, увеличенія. Венгер. *négy* (*quatuor*) отъ одного корня съ *nagy* (*multus*). Въ обоихъ этихъ языкахъ основаніемъ числительнаго *четыре* служитъ слово, выражающее понятіе, а не указательная частица или мѣстоименіе.

5. Пять.

Слв. пать, чеш. *pět*, литв. *penki*; лат. *péci*. скр. *panṣan*, зенд. *panṣan*. греч. *πέντε*, дрв. *piempe*, лат. *quinque*. гот. *fiinf*.

Наблюденіе, что рука, т. е. счетъ пальцевъ на ней, служитъ основаніемъ системы счисленія въ весьма многихъ языкахъ, въ которыхъ образованіе числительнаго имени ясниѣ, чѣмъ въ нашихъ индоевропейскихъ, привело естественно этимологовъ къ мысли о родствѣ между скр. *panṣan* (5) и *pani* (рука). Мнѣніе это, прекрасное само по себѣ и идущее къ дѣлу, получаетъ опору изъ нашего богатаго и организованнаго языка въ ожиданіи блестящаго подтвержденія.

Наше *пять*, первоначально *панти*, потомъ измѣненное и сокращенное въ *пять*, по формѣ сущ. собирательное жен. р., подобно прочимъ числительнымъ до *десяти*, съ перваго взгляда обнаруживаетъ родство со словами *падь* (*spithama, Spanne*) и *пасть* (*pugnus, Faust*), которыхъ корень и вѣтви находимъ въ глаголѣ *пѣмъ*, въ скр. *spṛā, spṛha*, откуда *spṛhjdmi* (*extendere, ducere*), также въ кор. *spṛar* съ приставкою *r*, откуда *pharparika* (*spithama*), въ перс. *repc* (*pugnus*), въ греч. *σπάω*, откуда *σπιδάμι*, въ лат. *pando*, откуда *spatium*, въ гот. *Spannan*, въ нѣм. *Spannen*, откуда *Spanne*, и въ нѣм. подобныхъ словахъ. Въ словѣ *пасть* (*pugnus*) с есть такая же вставка, какъ и въ словѣ *пѣстунъ* (*paedagogus*) отъ *пѣтати* (*alere*), *мѣсто* (*locus*) отъ *мѣтати* (*jacere*, *ponere* срв. Лот. *titu, habito*), *пѣстъя* (*praeformium, focus*) отъ *мѣтити* (*ascendere*), *вѣсть, повѣсть* (*vincium, fama*) отъ *мѣтити* (*loqui*), *лусъ* (*squama*) отъ *лупати* (*decorticare*), н. луж. *corstalo* вм. *чрътало* (*culter aratri*) отъ *чрътати* (*incidere*) и т. д.

Поэтому основаніемъ числительнаго *пять* служитъ понятіе пальцевъ руки, вмѣстѣ взятыхъ и сжатыхъ въ кулакъ (*пасть*,

перс. *penš*, *pignus*. *manus compressa*), чему новое окончательное доказательство увидимъ ниже, при числѣ *шесть*.

Подобно въ евр. *šamš* или *šamšš* (5), первоначально тоже что пастъ, отъ слова *kaf* (*manus*), а это послѣднее отъ *qudmex* (сареге *nehmen*).

Примѣры изъ другихъ языковъ, въ которыхъ оба понятія, *рука* и *пять*, обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ, мы привели уже выше; напр. бразил. *ро*, мал. *lima*, мекс. *та*, тур. *el* и т. д.

О достойномъ вниманія греч. выраженіи *πεμπτάχου*, т. е. (на пальцахъ) *считать* отъ дрв. греч. *πέμπε* вм. *πέντε*, было уже выше сказано.

6. Шесть.

Слв. шесть, чеш. *šest*. литв. лтш. *šeši*. скр. *šāś*, зенд. *kšvas*. греч. *ἕξ*. лат. *sex*. гот. *saihs*. евр. *šēš*.

Слово, которымъ означается понятіе *шесть* въ языкахъ индоевропейскихъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма отдалилось отъ первоначальной своей формы и измѣнялось.

Можно съ достовѣрностію предполагать, что первоначальною формою была *zakš*, съ которой лат. *sex*, въ произношеніи *seks*, греч. *ἕξ*, въ произношеніи *heks*, древнеиндское *hakṣi*, въ мн. ч. *haksvas*, сокрац. *kšvas*, гот. *saihs* гораздо ближе стоитъ, чѣмъ наше *шесть*, скр. *šāś*, лит. *šeši* и само евр. *šēš*, уже очень измѣненныя смягченіемъ гортаннаго *k* въ шипящую *ш* (о переходѣ *k* въ *š* и наоборотъ *š* въ *k*. см. сас XXI годъ sw. I, str. 37 sld).

Открытіемъ первоначальной формы *zakš*, за что мы обязаны благодарить остроумнаго Бенфея (Benfey), объясняется близкое родство этого слова съ нашимъ старославянскимъ, во всѣхъ трехъ южныхъ нарѣчіяхъ—сербскомъ, хорватскомъ и хорутанскомъ, употребляющимся до настоящаго времени словомъ *zaka* т. е. горсть (*vola*, *hohle Hand*; *manipulus*, *Handvoll*), которое само безъ сомнѣнія происходитъ отъ одного корня съ скр. *šāś*, *desider*. *zakš* (*jungere*).

Итакъ, теперь ясно отношеніе числительнаго *шесть* къ непосредственно предшествующему *пять*: оно ступенью или единицею выше нежели *пять*, какъ *zaka* (горсть) т. е. рука или длань съ распростертыми и нѣсколько загнутыми пальцами, приспособленная взять или обхватить что нибудь, больше *пяти* т. е. руки сжатой.

7. Семь.

Слв. семь, чеш. *sedm*.—литв. *septyni*, лтш. *septini*. скр. *saptan*, зенд. *haptan*. греч. *ἑπτα*. лат. *septem*. гот. *sibun*. евр. *šeba*.

Первоначальное значеніе этого числительнаго давно уже потеряно во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ: сравненіе съ семитическими языками, особенно евр. *šeba*, ведетъ къ евр. *šaba* (*jugare*), откуда и *šabat* (*dies sacramenti, sacrificii, sabbatum*). Поэтому *šaba* первоначально, какъ кажется, значило только присага, святость, посвященіе (*sacramentum, sacratio*), но потомъ оно было перенесено, что весьма обычно и естественно, къ означенію числа, которое чаще всего употреблялось при св. обрядахъ т. е. *семи*, напр. семь жертвенныхъ животныхъ, семь свѣтъльниковъ и т. д. Извѣстно, что число *семи* отъ начала исторіи рода человеческого считалось св. числомъ. Кому бы эта метафора показалась смѣлою и невѣроятною, тотъ пусть обратитъ вниманіе на первоначальное и буквальное значеніе словъ чеш. *týden*, рус. и сръб. *недѣля* (*hebdomas, septimana*, слав. седмица, илл. *sedmica*) и т. д. и на нынѣшнее ихъ значеніе.

Иные изслѣдователи считаютъ корнемъ словъ *sapta, septem*, *ἑπτα* скр. *sap* (*nectere*), которое по ихъ объясненію сложено изъ скр. *sa* или *saha* и *ap*, и утверждаютъ, что лат. *cor* въ *corula* родственно ему, чего мы не допускаемъ (греч. *ἄπτο* однокор. съ скр. *sač*).

Въ нашемъ *седмь*, какъ каждый видитъ, коренное *n* выпало и острое *t* перешло въ тупое *d*. Въ гот. *sīdun*, нѣм. *sieben* выпало *t*.

Окончаніе *m* въ нашемъ *седмь*, *осмь* и въ лат. *septem, novem, decem* кажется появилось вмѣсто первоначальнаго *n*.

Иные думаютъ, по моему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія, что въ *saptamas* (*Septimus*) *ma* есть суффиксъ порядковыхъ числительныхъ. Едва ли это такъ.

8. Осмь.

Слав. осмь, чеш. *osm*. литв. *aštūni, aktoinis* (*octava pars*); лот. *astoni*. скр. *aštau, aštan*; зенд. *astan*. греч. *ὀκτώ*. лат. *octo*. гот. *ahtān*.

Въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ, а именно: въ скр. *aštan*, греч. *ὀκτώ*, лат. *octo* и гот. *ahtān*, числительное *осмь* очевидно имѣетъ окончаніе двойственнаго числа. Это замѣчается и въ языкахъ семитическихъ, яснѣе всего въ арабскомъ, также въ эоіонскомъ, самомъ отдаленномъ изъ нихъ.

Такъ какъ *четыре* удвоенное составляетъ *осмь*, то необходимо предположить, что въ словѣ *осмь* скрывается корень слова *четыре*. Мысль эту по справедливости могъ бы считать простою грѣзою каждый, кто только бы сравнилъ слав. *четыре* съ слав. *осмь*: но если поставитъ литв. *keturi* и лат. *quatuor* рядомъ съ литв. *a-k-*

ainis, греч. *ἄ-ι-ν-ις* и лат. *o-st-o*, тогда возможность соединенія ихъ сдѣляется вѣроятною и понятною. Ядро обонхъ словъ, *ket* и *kt*, чего нельзя отвергнуть, одно и тоже: все различіе состоитъ въ измѣненіи звуковъ и въ приставкахъ. Переходъ гортаннаго *k* въ шипящіе *ч*, *ш* и въ свистящій *с* совершенно правиленъ и намъ уже извѣстенъ (См. саз. XXI гош. sw I, str. 37 sld). Сильное измѣненіе и окончательное затемнѣніе корня неминуемо ускорено приставкою *a*, которой значеніе до сихъ поръ еще загадочно. Еслиже въ скр. *aĩtai* и т. д. окончаніе *и* или *у*, сравнительно съ латин. *octavus*, принадлежитъ къ корню (*čatva*, *četva*), то признакъ двойственнаго числа *va* слился съ окончаніемъ корня (который и самъ первоначально означалъ двойственность, срв. *четыри*), что вознаграждено символическимъ означеніемъ двойственности спереди слова т. е. приставкою *a*, вѣроятно тою же самою, которая символизируетъ въ аор. минувость т. е. исполненіе и какъ бы удвоеніе времени, и во множествѣ греческихъ словъ, напр. *ἀδελφοί* (*fratres*) отъ *δελφός* (*uterus*), *ἄλοχος* (*conjug*) отъ *λόχος* (*lectus*), *ἄλογος* (*maritus*) отъ *κοίτη* (*cubile*) и т. д. соединеніе, совокупленіе, а тѣмъ самымъ какъ бы удвоеніе.

Насъ не должно приводить въ заблужденіе то обстоятельство, что окончаніе корня *p* въ *четыри*, скр. *čatwds*, *čatas*, здѣсь отброшено; оно отпало и въ скр. *čatus* вм. *caturs* (наоборотъ въ лат. *quater* вм. *quaters*), будучи вообще приставкою исчезающею, непостоянною.

Попытки нѣкоторыхъ ученыхъ объяснить это числительное производствомъ или отъ вымышленнаго корня скр. *as* (*dividere*), по сравненію съ *ansā* (*pars*), или отъ нѣм. *Ecke*, потому что чаще всего встрѣчаются четырехстороннія или четверичныя призмъ съ осмью углами (*Ecke*) и т. д. мы проходимъ молчаніемъ, какъ простое хватаніе съ вѣтру, безъ всякаго прочнаго основанія.

9. Девять.

Слв. девять, чеш. *dewět*. литв. *dewyni*, лот. *dewini*; по старопрус. *nevints*. скр. и зонд. *paván*; греч. *ἑννέα*. лат. *novem*. гот. *niun*.

Что въ нашемъ слв. *девять*, а подобно ему, и въ литв. *dewyni* первоначальное поднебное *n*, находящееся во всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, вытѣснено изъ своего мѣста позднѣйшимъ зубнымъ *д*, доказывается старопрусскимъ (нарѣчіе литовскаго языка теперь уже вымершее) *nevints*, сохранившемся по счастливому случаю. Этотъ переходъ *n* въ *д* находимъ въ срб. двойныхъ *kon*, *nakon* и *kod* (*penes*), *ustane* и *ustade* (*surrexit*).

nestane и *nestade* (defecit), равно употребляемыхъ въ той или другой формѣ.

Числит. *несать*, скр. *nava*, лат. *novus* и т. д. родственны съ прилаг. слав. *новъ*, литв. *naujas*, скр. *nava*, греч. *νέος*, лат. *novus*, гот. *nivis*, нѣм. *neu* и т. д., которое въ свою очередь виѣстъ съ превеликимъ множествомъ другихъ однокоренныхъ словъ, каковы *ныль*, *убъ*, *нитс*, *нит*, скр. *ни*, происходятъ отъ первичной, недѣлимой частицы указательной *на* (на). Иные при словахъ *новъ*, *novus*, указываютъ на евр. *naah*, *naah* (*splendere, lucere*), считая общимъ ихъ корнемъ *ни* (*splendeo, luceo*).

Причиною къ наименованію служитъ исполненіе или завершеніе второй четверки, осми, т. е. 4+4, и начало новаго порядка. *Несать* или *десать* означаетъ тогда число, непосредственно (*noviter*) слѣдующее за осмью. Подобно ему лат. *secundus* (отъ *sequor*), число слѣдующее за первымъ.

Иные принимаютъ *novus* въ смыслѣ *ultimus, postremus*, употребленіе часто встрѣчающееся въ латинскомъ языкѣ; но это мнѣніе мы считаемъ менѣе пригоднымъ. Впрочемъ мы соглашаемся съ тѣми изслѣдователями, которые думаютъ, что въ нашей десятиричной системѣ скрывается въ низшихъ числахъ четверичная, нисколько не измѣненная въ своихъ началахъ, вложенная въ самомъ зародышѣ своемъ въ ту, которая многими ея совершеннѣе и удобнѣе, и какъ бы заключенная въ ней. Что касается до измѣненія гласной *о* въ *е* въ нашемъ *десать* вм. *несать* изъ *новъ*, нужно вспомнить *второй, второк, который и вторы, аутеръ, ктеръ, брошекъ и бресекъ, хромъ и хѣмѣли, стонати и стенати, пелынь, полынь и палынь*, и *lebeda* и *loboda* и мн. др. Въ языкѣ еврейскомъ *tišgaḥ* (9) означаетъ разширеніе, распространеніе, что довольно аналогично съ нашимъ понятіемъ.

Совершенно иначе, нежели въ индоевроп. языкахъ образованы числит. *осмь* и *десать* въ языкѣ финскомъ, а именно вычитаніемъ *двухъ* и *одного* изъ *десяти*; напр. эстон. *осмь*, по различіи нарѣчій, *kahheksa* и *kattesa* отъ *kaks*, *katt* два, и *ksa*, за десять, девять; эстон. *ühheksa* и *üttesa*, отъ *üks*, *üss* одинъ, и того же самаго *ksa*, *sa*, такъ сказать *duo-de-decem, unum-de-decem* (какъ *undeviginti*).

10. Десать.

Слав. *десать*, чеш. *deset*.—литв. *dėšimt*, лот. *desmits*.—скр. *dasan*.—греч. *δέκx*.—лат. *decem*.—гот. *taihun*.

Въ высшихъ числахъ а) слав. *единнадцать*, чеш. *jedenáct*.—Литв. *wienolika*, лот. *wēn-padesmit*.—скр. *ēkadasa*; *зед. aēvan*.

dasó. греч. ἑνδεκά.—лат. undecim.—гот. ainlif.—в) слав. двадесать, чеш. dwacet.—литв. dwidesimít; лот. diwidesimít.—скр. vinsati; зенд. visaiti.—греч. ἑξήκοντ, дрв. ἑξήκοντ.—лат. viginti.—гот. twáitigus.

Если мы примемъ догадку за истину, что корень этого числительнаго въ первоначальной формѣ былъ *дак* или *дек*, такъ что *das* или *des* есть правильное его измѣненіе, происшедшее отъ перехода гортаннаго *k* въ свистящее *s*, и если обратимъ вниманіе на выраженіе рукою, какъ основаніе всѣхъ извѣстныхъ системъ отчисленія, то найдемъ въ языкахъ индоевропейскихъ немало числовъ явнаго родства съ нашимъ корнемъ. На первой ступени находятся: Скр. *daśas, daśina*, перс. *dest (manus)*, греч. δέξιος, δέξιτερος; лат. *dexter*, гот. *taihsvô*, слав. *деснь, десница* (чеш. *právoú, pravice*); на второй и на дальнѣйшихъ ступеняхъ скр. *dis (monstrare)*, греч. δάκτυλος, δάκτυλι, δέχομαι, δέχομαι, лат. *digitus, dicare* въ *indicare*, гот. *teihan (nunciare, dicere, zeigen)*; слав. *удесити* или *удосити* (*occurere, antreffen*), *десъ* (*liber chartae*, срв. франц. *une main de papier*) рус. *досугъ* (*otium, Musse*) и т. д. Глаголь *удесити, удосити* читается не рѣдко въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ и въ самыхъ извлеченіяхъ изъ нихъ у Карамзина (5).

Родство этихъ словъ съ числит. *десать*, касательно языковъ скр., греч. лат. и готскаго давно признано всѣми дѣльными филологами, что же касается нашего славянскаго языка, то оно для теоретика здравомыслящаго, непредубѣжденнаго основательно, чтобъ не сказать истинно само по себѣ.—Но касательно генетическаго происхожденія корня *дак* или *дек* и равнаго ему *das* или *des*, дѣло не можетъ быть до сихъ поръ положительно рѣшено.

Два противоположные пути избрали изслѣдователи къ рѣшенію этой задачи. Одни утверждаютъ, что *dek* или *des* есть простой, несложный корень, тождественный съ скр. *dis (monstrare)*, и что первоначально онъ означалъ руку и именно правую; отсюда *десать* тоже, что указаніе т. е. движеніе правою рукою при десятиричномъ счетѣ. На высшихъ мѣстахъ, въ скр. *vinsati* (20), *śasī's* (60), лат. *viginti* и т. д. корень этотъ сокращенъ и затемненъ отпаденіемъ *de, des*. Въ этомъ случаѣ слово *десити, удесити* точно также относится къ слову *десница, десный*, какъ лат. *monstro, sauat. monéo*, греч. ὁράω къ лат. *manus*. (Наше слав. *рука*, чеш. *ruka*, литв. *rankà* объясняется изъ литв. *rinkti* (*colligere*)).

Другіе полагаютъ что слово *десать* сложное, что по этой причинѣ повода къ наименованію должно искать въ составныхъ его частяхъ, и что слова *десный, десница* и т. д. образовались уже позже, перенесеніемъ корня *дес* къ означенію руки. Чтобъ мы

могли этотъ способъ объясненія вполне понять и правильно оцѣнить, должно идти выше и рассмотретьъ цѣлый рядъ высшихъ единицъ, опирающихся на словъ *десять*, какъ основаніи десятиричной системы. Такія слова суть: *двадцать* (20), *сто* (100), *тысяща* и *тысѣща* (1000); литв. *dvidesimti* (20) *simtas* (100), *tukstantis* (1000); скр. *vinsati* (20), *śatam* (100). зенд. *visaiti* (20) *s'ata*, *s'atam* (100); греч. *ἑξήκοντα* (20), *τριάκοντα* (30) *ἑκατόν* (100); гот. *twaiīgus* (20), *saihtstēhund* (60), *taihuntēhund* (100), *ikāsumdi* (1000) и т. д. Если мы исключимъ слав. и литв. формы *двадцать*, *dvidesimti*, также готскія двойныя *twaiīgus* и *saihtstēhund*, увидимъ, что во всѣхъ прочихъ числит. *десять* является въ новой формѣ, а именно скр. *s'atī*, зенд. *s'aiti*, греч. *хонта*, лат. *ginti*, *ginta*, и догадка, что *десять* могло быть сложено изъ *два* и *самъ*, представляется сама собою. Тутъ намъ прійдетъ на встрѣчу гот. *saihtstēhund* (60), *sibuntēhund* (70), *ahtān-tēhund* (80), *niuntēhund* (90), *taihuntēhund* (100), въ которыхъ во всѣхъ *tēhund* тоже что *taihunt* или первоначальное *tat-hund*, а это очевидно сложено изъ *tvadī* (duo) и *hand* (manus). 6) Последнее слово происходитъ отъ корня *hinkhan* (carere), отъ котораго образовано и *hunds* (canis, quia feras captat), и съ которымъ родственно лат. *prehendo*, правильно *praehendo*, греч. *ῥέω* у Гомера (*ἔλωτο, cepit*), *χαράσσειν*, слав. *сѣзати*, чеш. *sahati* (contingere) *сѣзень*, чеш. *sáh*, мор. слк. *sáha* (orgua, hexapeda).

По этому наше *двадцать* было бы сложено изъ *два* и *самъ* и значило бы тоже что *dwa sahy* т. е. два обхвата, двѣ горсти (zwei Griffe), подобно гот. *tái-sund* = *zwei Hände* (zwee Hend, zehend, zehen).—Другая готская форма *tigus*, замѣчу мимоходомъ, вѣроятно перемѣнена и сокращена изъ *tvadī* и *gund*, вм. *hund*, такъ что *gus* равняется греч. *хот* въ *ἑξήκοντα* (вмѣсто первоначальнаго *δφεν-δέξήκοντα*, какъ скр. *vinsati* вм. *dvīn-da sati*, лат. *viginti* вм. *doi-do-ginti*). Срв. н. нѣм. *Stiga* = 20 и нѣм. *Stiege*.

Что въ высшихъ числахъ, происшедшихъ чрезъ соединеніе основнаго десятка, сокращеніе весьма употребительно, подтверждается всѣми до сихъ поръ рассмотрѣнными языками, чеш. *dvacet*, произошло изъ *dwadset*, а это изъ *dwadeset jedenacet* изъ *jeden-nadeset*, въ санскритѣ въ формахъ *śas-tis* (60), *śapta-tis* (70), *ās-tis* (80) и *navā-tis* (90) сверхъ того еще и самъ корень *sati* раздробленъ, такъ что осталось изъ него одно *tī*, подобно тому, какъ во франц. въ *on-ze*, *douze*, *trei-ze* и т. д. сохранилось только *ze* изъ *deset*. Согласно съ этимъ объясненіемъ, представленнымъ Лепсіемъ и достаточно согласнымъ съ духомъ славянскаго языка и организмомъ нашего числительнаго, должно принимать слова, каковы *десный*, *десница*, *удесити* или *удосити*, *десъ*, *досугъ* и

т. д. скр. *dis* (*monstrare*), *daksas*, греч. δεξιός, δάκτυλος лат. *dexter*, *digitus*, гот. *taihsvōd* и т. д. уже за вторичный плодъ изъ той позднѣйшей эпохи всеобщаго, еще нераздѣлившагося индоевропейскаго языка, въ которую составъ слова *десять* совершенно затемнился и корень *des*, *dis* сталъ считаться простымъ, несложнымъ. Примѣровъ такого выростанія новыхъ корней изъ сложныхъ словъ темнаго образованія индоевропейскіе языки представляютъ много, но мы не хотимъ на нихъ останавливаться. Въ этомъ случаѣ языкъ уподобляется извѣстному растенію, индійской смоковницѣ, которая погружаетъ въ землю около себя свои вѣтви, и они въ свою очередь даютъ корни, изъ которыхъ вырастаютъ новые стволы, совершенно похожіе на первые и отличающіеся отъ нихъ только позднѣйшимъ образованіемъ и отдѣленіемъ.

Этому объясненію нѣсколько противорѣчитъ то, что *десяница* (предметъ конкретный) заимствуетъ свое имя отъ числа *десять* (понятія абстрактнаго), во сотни подобныхъ примѣровъ находятся въ языкахъ наиболѣе извѣстныхъ (между прочимъ срв. дрв. чеш. *dvaku*, два пальца, которые кладутъ во время присяги на св. предметъ, сокращ. изъ *dvajáky*, или по обыкновенному переходу *j* въ *h* *dvaháky*), и еще недавно многіе филологи (Боппъ и Поттъ и др.) не считали невозможнымъ, чтобъ скр. *pani* (манус) получило свое имя отъ числа *panśan*, лат. *dextra* отъ *decem* и т. д. а не на оборотъ.

Форма числительныхъ *пять*, *десять*, *десять*, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, есть причастная, таже самая, которую мы находимъ и въ нашихъ существительныхъ именахъ на *а*: *дѣлача*, *отроча*, *внуча*, род. *дѣлаче*, *отрочае*, *внучае* и т. д. Въ числит. *шесть* приставка *т* явилась позже вслѣдствіе простаго подраженія числамъ *пять*, *десять* и *десять*. Въ санскритѣ и другихъ родственныхъ языкахъ болѣе полныя формы нежели слв. *десять*, *десять*, а именно *navanti*, *dasanti*, не составляютъ позднѣйшее явленіе: напротивъ аналогія велитъ принять ихъ за основныя. Изъ высшихъ десятичныхъ чиселъ здѣсь будутъ особенно разсмотрѣны только *сто* и *тысяча*: прочіе сами собой въ этимологическомъ отношеніи ясны и вразумительны.

а) Слв. *сѣто*, чеш. *slo*. литв. *simtas*, лот. *simts*. скр. *satam*. зенд. *satem*, *sata*. греч. *ἐξήκον*. лат. *centum*. гот. *taihuntehund*. осетинское *sadda*.

Въ готскомъ *taihuntehund*, что значитъ двѣ руки умноженныя на двѣ руки (т. е. *tai* и *té* = двѣ, *hund* вм. *hand* = рука), вполне выраженъ поводъ къ наименованію. Но въ дальнѣйшемъ счетѣ въ готскомъ языкѣ употребляется простое *hunda* въ смыслѣ *сто*;

напр. *tva hunda* (200) Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ *сѣсто*, *simtas*, *salat*, *satem*, *ἐκατόν* и *centum* отличается, отъ основнаго *самъ*: *simti*, *sati* или *santi*, *хатъ* и *сетъ* или *genti* вм. *centi* только слабымъ видоизмѣненіемъ корня, окончаніемъ и началомъ, чѣмъ оно какъ бы приспособлено къ выраженію высшаго десятка; въ слав. *сѣсто* носовой звукъ *а* перешелъ въ *ѣ*, въ чеш. *sto* совсѣмъ исчезъ (подобный переходъ *сѣ* въ *сѣ*, *глубокъ* въ *гльбокъ* и т. п.); окончаніе *о* равняется скр. *am*, греч. *ου*, лат. *um* сред. рода; напр. *ζυγόν jugum* *ио*, *vinum* *вино*, *granum* *зерно* и т. д.

Что касается до этимологическаго разбора этого слова, то здѣсь имѣетъ силу все, замѣченное нами о славѣ *десять*.

Кто въ словѣ *десять* признаетъ *des* за простой и первоначальный корень, тотъ принимаетъ въ славѣ *сѣсто* отпаденіе кореннаго *де*. Кто напротивъ того слово *десять* считаетъ сложнымъ изъ *два-самъ* т. е. двѣ горсти, тотъ принимаетъ исчезновеніе первой половины т. е. *два*.

в) Слав. *тысяща*, *тысѣща*, серб. *tisutja*, чеш. *tisic*. литв. *tukstantis*; лот. *tukstots*. гот. *thūsundi*. (Въ прочихъ иначе: скр. *sahasram*, зенд. *hazanhra*, греч. *χιλίοι*, лат. *mille*).

Поводъ къ наименованію затемненъ сокращеніемъ и слитіемъ составныхъ частей слова: должно раздѣлить *тысѣща* на *ты-сѣща*, *tukstantis* на *tuk-stantis*, *thūsundi* на *thū-sundi*, и первую часть разсматривать, какъ сокращенную форму изъ *десять*, *dešimt* (первонач. *dekimt*), *taihun*, а вторую какъ измѣненіе *santi* *самъ*, *hundi* въ смыслѣ *сто*. Большая опредѣлительность и самостоятельность слова достигается и здѣсь только легкимъ видоизмѣненіемъ и какъ бы обновленіемъ корня: у насъ *ж* вм. *а*, хотя есть и *тысяща*, у литв. *у* и *k* вм. *з*; или только особеннымъ, удлинненнымъ мягкимъ окончаніемъ: серб. *ty-sutja*, блг. *тысѣща*, преобразованная и измѣненная форма вм. *тысѣтѣ*, *тысѣтѣ* (См. Časop. гошп. XXI, sv. I. Str. 62).

Иные производятъ это слово отъ лот. *tūkt*, *tūkst* (tumere слав. *тыжъ*, *тыти*), чего мы не можемъ допустить.

Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ число *тысяча* означаетъ иными словами, которымъ не родственны съ нашимъ: греч. *χιλίοι*, лат. *mle* или *mille*, скр. *sahasram*, зенд. *hazanhra* и т. д.; но здѣсь мы не можемъ заняться разысканіемъ о поводѣ къ ихъ наименованію и первоначальному значенію.

Припомнимъ только, что лат. *mle*, *mille* обыкновенно сближаютъ съ *multus*. баск. *mola* (*multitudo*) и греч. *διρῖος*, и что скр. и зенд. *sahasram* и *hazanhra* распространены и въ языкахъ турецкихъ, монгольскихъ и финскихъ (Срв. венгер. *ezer*).

II. СобираТЕЛЬНЫЯ И ДРУГІЯ.

До сихъ поръ мы перечли и разобрали, на сколько намъ было можно, основныя числительныя нашего славянскаго языка, на которыхъ зиждется вся система счисленія у нашего племени; теперь намъ должно обратить вниманіе на нѣкоторыя другія, какъ бы отдаляющіяся отъ первыхъ и употребляемыя рѣже и въ болѣе ограниченномъ смыслѣ.

Разобравъ первыя довольно пространно, бросимъ только бѣглый взглядъ на послѣднія. Сначала рассмотримъ тѣ, которыя близки по своему понятію къ основнымъ и которыхъ болѣе отдалѣ обыкновенно называютъ *собирательными*, а именно: *самъ, полъ, оба, десть, сорокъ, мѣра, копа, тѣма, ликъ* или *лика*; потомъ *порядковыя*, каковы: *первый, второй, другой*; наконецъ сложныя и раздѣлительныя, какъ въ формѣ прилагательныхъ, такъ и въ формѣ нарѣчій, а именно: *дучь, нѣсобенъ, губъ, пѣтъ, падъ, збвукъ, кратъ, жды, щи* и т. д.

Первое изъ нихъ, *самъ*, есть мѣстоименный корень, только образно перенесенный къ опредѣленному означенію понятія единичности; напр. *sám. jeden, sám jediný, samotén* и т. д. Сюда принадлежатъ скр. *sama* (aequalis, similis), откуда *sámi* (semis) т. е. ровная часть, Лат. *semel, simplex, semi*, греч. *ἅμα* (simul, cum), ἕμ, нѣм. *samt*. чеш. *sames, samice*, слав. *сѣ*, сокращ. *сѣ*, чеш. *zau*—и *z* (лат. *cum*, греч. *σύν*), главные предлоги для означенія понятія совокупленія, соединенія и мн. др.

Глубшимъ вникнутіемъ въ основу индоевропейскихъ языковъ уже давно разложено слово *sama* на двѣ мѣстоименныя частицы, изъ которыхъ каждая служитъ къ означенію единичности: на *sa*, греч. *ἄ*, напр. въ *ἄ—πᾶς*, и *ta*, напр. въ *τῷ α, τόπος*, о чемъ достаточно будетъ только упомянуть.

Полъ, одна изъ двухъ разныхъ частей, сравнивается съ производными словами *police* (armatia), *полено* (segmentum lignosum, lignum ad focum fissum) и *палица*, рус. *палка* (baculus), рус. *плаха*, чурбанъ изъ толстаго дерева на двое расщипленный, лат. *pálus*, нѣм. *Pfahl* и н. др. Означаетъ также сторону, напр. обѣ онѣ *полъ* рѣки, т. е. на той сторонѣ рѣки, — и родъ: мужской *полъ*, женскій *полъ* т. е. мужской родъ, женскій родъ. Слово весьма древнее (уже въ венгер. яз., чудскаго поколѣнія, *fele*=полъ, dimidium.) темнаго, загадочнаго происхожденія: скр. *phal* (dissecari, соб. gumpi) не принадлежитъ ли къ одному корню съ нашимъ *плѣтъ*? Если родственны слав. *поле*, лат. *plānus*, — то поводъ къ наименованію

заключается въ *ровности* (planities) касательно поверхности предмета. —

Оба, ж. обѣ, литв. *abbi*, лот. *abbi*, жен. *abbas*; скр. *kbkau*, зенд. *uḃa*, *uḃé*; греч. *ἄμφι*; лат. *ambo*; гот. *bái*, *ba*, *bajóths*. Родственно съ предлогомъ слв рус. чеш. *объ*, напр. *ob druhau stranu* (ex adverso), *ob rok ob den, ob nos*. (alternis annis, diebus, noctibus); греч. *ἄμφι*; лат. *ambi*; (напр. *ambedere*, *amburere*, *Ambidravi* отъ *Dravus*, *Abisones* отъ *Sontius*) гот. *bi*, древнѣм. *umbi*, нѣм. *ut*. вт. *umb*. и т. д. Что *оба*, *ambo* сложено изъ двухъ указательныхъ частицъ, изъ *a* или *am* и *ba* или *bo*, объясняется изъ сравненія съ синтетическими (имѣющими многосложныя слова) языками и подтверждается самостоятельнымъ употребленіемъ словъ *bái*, *ba* (*ambo*) и *bi* (*ambi*) въ готскомъ языкѣ. Я полагаю, что и зенд. *būja* (*secundus*) лат. *bi-cers*, *bis*, *binus* гораздо естественнѣе производить непосредственно изъ частицы *ba*, нежели изъ *dva*, *duo* (т. е. потерю зубнаго *d* и отверженіемъ губнаго *u* въ *v*). На первомъ мѣстѣ форма *am* вѣроятно уже позже получила характеръ носоваго звука, подобно скр *vīṇasāi*, лат. *quadringenti* и т. д. и простое *a* вѣроятно есть символическое означеніе двойственности, подобно *a—štau* (*octo*).

Десть слв. рус. срб. тетрадь бумаги (24 листа), такъ сказать «рука бумаги» (срв. франц. une *main de papier*) отъ корня *дес-*ный *десница*, о чемъ было сказано выше при словѣ *десять*.

Сорокъ рус. тоже, что *четыредесятъ* (чеш. *štyřicet*), изъ новогреческаго *σὀρῶντα*, а это послѣднее изъ древ. греч. *τεσσαρῶντα*. Уже у древнихъ *τῆρεξ* вш. *тетрѣпѣξ*. Въ болгар. нар. начальные *to* и *de* именъ греческихъ часто отбрасываются, напр. *Меа*, нынѣ *Mangrad*, вм. *Tomea*, *Tomi*; *Pirus*, нынѣ *Boár Kalesi* вм. *Topirius*. *Welta* вм. *Develtus* или *Debeltus* и т. д.

Meru у Словаковъ сорокъ въ просторѣчій, напр. *Kírpił megi wajes* (купилъ сорокъ лицъ),—есть слв. *мѣра*, чеш. *měra* (*mensura*, *Maas*).

Кора у Чеховъ, *Кѣра* у Литовцевъ, *Карс* у Лотышей, *шестьдесятъ* (нѣм. *Schok*); впрочемъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *кор*, *кора*, *кира* означаетъ тоже, что *куча* (*simulus*), литв. *kaucas*, лот. *kōra*, лат. *coria*, *simulus*, нѣм. *Haufen*, швед. *кор* и т. д. Корень тотъ же, что и въ скр. *śārajāmi* т. е. *ci* (*colligere*). И слв. *кѣпина* (*rubas*), пол. *кѣра*, *krpina*, (*frutex*; *insula in fluvio*, *Werder*) и т. п. непременно принадлежатъ сюдаже не смотря на то, что въ нихъ носовой звукъ *ж*, *є*.

Слв. *тѣма* (*μῆροι*, 10.000) тоже что *тѣма* *мракъ* (*tenebrae*). Рус. *туманъ* (*nebula*) первоначально было одинаковаго значенія

съ словомъ тѣма, и заимствовано въ этой формѣ отъ Татаръ; срв. мандж. *tome* (omnis), *tumen* (10.000), татар. *tuman* (nebula). Мракъ, облако и т. п. употребляются въ весьма многихъ языкахъ, какъ образное представленіе множества; срв. *τέφος μαρτύρων* (testium nubes) Евр. XII, I, «*patriarchōw a prorokōw oblak weliku*» Brat'vi. И греч. *μέρος* родственно съ *μαύρος* (niger), хотя нѣкоторые сравниваютъ его съ лат. *mille* и *multus*, а другіе съ скр. *blu-ri* (valde multum).

Ликъ у насъ въ двоякомъ смыслѣ: а) рус. срб. *ликъ*—образъ, видъ (species), удлиненное слв. чеш. пол. хрв. бѣг. *лице* (facies). б) мрус. пол. сѣк. *lik*—число (numerus), слв. *ликъ* (chorus), сѣк. *oblik* (rationes), литовскорусское и словацкое *liciai* (computare); у литовцевъ *lika* въ числахъ отъ 11 до 19 тоже, что десять: *wienolika* (11), *dwylika* (12), *trylika* (13) и т. д. Это *lik* или *lika* многоуважаемый творецъ сравнительной грамматики слишкомъ отважно, по моему мнѣнію, основывая на возможности перехода согласныхъ действительность его, производитъ вмѣстѣ съ гот. *lif* вм. *libi* отъ скр. *dazan* (desem), отдѣляя его какъ отъ нашего *ликъ*, прил.—*ликій* въ *коликий*, *толикий* и т. д., такъ и отъ гот. *leiks* (similis) въ *galeiks* (aequalis, gleich), *analeiks* (similis *ähnlich*), а это послѣднее *lik* еще отважнѣе, при помощи перемѣны понятій, выдаетъ за простое видоизмѣненіе скр. *drs* (similis) отъ корня *drs*, греч. *δέρω* (video) ¹⁾. Другіе литв. *lika* въ *wienolika* (11) и т. д. производятъ отъ литв. *liki* или *liekti* (linquo), такъ что *wienolika*—одинъ съ остаткомъ (jeden a ostatek) и т. д. Гораздо ближе, если мы не ошибаемся, скр. *likh* (scribere, pingere), особенно если мы сравнимъ съ чеш. *liciti* (pingere), и лат. *licera* и т. д. Основное понятіе вездѣ *species*, *figura*. Это слово наравнѣ съ словомъ *дова* есть одно изъ наиболѣе распространенныхъ и самыхъ замѣчательныхъ въ языкѣ славянскомъ, а потому заслуживаетъ болѣе полного, болѣе точнаго объясненія нежели то, которое мы можемъ здѣсь сообщить. — Впрочемъ мы различаемъ *lik*, *liki* (species, numerus) отъ окончанія—*ликій* въ *ликий*, *толикий*, *коликий*, *ювелику* ит. д., греч.—*λίος* въ *πηλίος*, *τηλίος*, считая это послѣднее сложнымъ изъ *ли* и *кэ*, согласно съ мнѣніемъ Добровскаго и вопреки Боппу.

Во всѣхъ языкахъ высшія количественныя и собирательныя числительныя имена происходятъ отъ корней означающихъ множество; напр. евр. *elef* (1000) употребляется болѣе въ смыслѣ семейство, первоначально же означало стадо, такъ какъ *elef* значить также скотъ; *rbabak* (*מֵרֶבֶב*, 10000) отъ *rabab* (multitudo), а это послѣднее отъ *rab* (multus, magnus); тоже самое и въ другихъ языкахъ.

Изъ порядковыхъ *прѣвъ*, первый *prwpi*, литв. *pirmas*, лот. *pirms* скр. *purva*, *prathamā*, зенд. *frathimo*, греч. *πρῶτος*, лат. *prīmus*, гот. *frum's*, *frumist's*, вмѣстѣ съ прилагат. *правый* и *прямой* имѣютъ своимъ корнемъ предлогъ *пра* (въ *праотецѣ*), скр. *pra*, отъ котораго *про*, *прѣ* и т. п. отличаются только значеніемъ, а не элементарною формою. Родственно по звуку, но отличною по натию, скр. *para*, лат. *par*, т. е. равный, товарищъ, греч. *παρά* (*juxta*), собственно ровно, равномерно противоположно ему зенд. *taro* (*super*), скр. *tīras* (*transversim*, *oblique*), лат. *trans*, слав. *крозъ*, *чрезъ*. Тамъ понятіе равенства, одинаковости,—здѣсь избытка, излишества; тамъ четъ (*par*), здѣсь нечетъ (*impar*) т. е. *три*.

Вторъ, *вѣторый*, *вѣтеръ* *вѣтерый*, дрв. чеш. *wtory* и *wtery* (*secundus*) сокращено изъ *два терый*, греч. *δεύτερος* отверженіемъ кореннаго *д*. Подобно въ скр. *vinśati* ви. *dvīśati* (20), греч. *ἑξήκτ* атт. *ἑξήκ* ви. *δ्वήκ*ти, лат. *viginti* ви. *dviginti*.

Другъ, *другый* (*secundus*) тождественно съ *другъ* (*amicus*, *sodalis*) и одного корня съ *драгъ* (*caus*).

Изъ сложныхъ и раздѣлительныхъ чеш. *duchy* въ *jednoduchy* (*simplex*) и *násobní* въ *dvójnásobní* (*duplex*) ясны сами собою; въ старославл. употреблялось *чубъ* напр. *самчубъ*, *трѣчубъ* или *тричубъ* (*duplex*, *triplex*) литв. *gubas*, напр. *gubaj*, отъ *гъс-баты*, чеш. *hubati* въ *zahubati* (*plicare*), а это послѣднее изъ корня *gu*, скрытаго въ скр. *guta* (*vocalis incrementum*, *Zulant*), *dviguta* (*duplex*) и въ пол. *giąć* (*flectere*); въ иллирскихъ нарѣчіяхъ *put* въ *jedanput*, *dvarputa* (*semel*, *bis*) есть Старослав. *путь* (*via*, *iter*), *red* въ *jedanred* (*semel*) тоже, что *радъ* (*ordo*), *struk* въ *dvostruk* (*duplex*, отъ *струкъ* (*siliqua*, *caulis*)). Изслѣдованіе о болѣе глубокихъ корняхъ этихъ словъ мы оставляемъ въ настоящее время.

Слав. *кратъ*, чеш. *krat* въ *jedenkrat* (*semel*), литв. *kartas*, скр. *krtvas*, напр. *pañca-krtvas*, пять-кратъ, происходитъ отъ скр. *krti* (*faciens*), а это отъ корня *kri* (*facere*, *creare*) перс. *kerden*, слав. *крѣати*).

Жды, въ нарѣчіяхъ *дважды*, *трижды* (*bis*, *ter*) и т. д. равняется скр. *dhd* въ *dvidhd*, *tridhd* и т. д. потому что *жд* есть болгарское измѣненіе древнѣйшаго *dj*, а наме *j* соответствуетъ скр. *h*.

Шти, по русскому выговору *щи*, также въ нарѣчіяхъ слав. *дваши*, *триши* (*bis*, *ter*) и т. д. есть болгарская форма древнѣйшаго измѣненія *ти* или *tji*, не знаю, отдѣльнаго первоначально или однокореннаго съ вышеприведеннымъ *dji*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Такъ какъ намѣреніе наше состоятъ не въ томъ, чтобъ представить здѣсь полное и подробное изслѣдованіе о числительныхъ именахъ, но только въ томъ, чтобъ разобрать этимологически образованіе основнаго нашего числительнаго, и этимъ путемъ, на сколько возможно, пробраться къ первому, ближайшему поводу наименованія чиселъ, — то мы можемъ пропустить всѣ другіе грамматическіе вопросы, которые рождаются въ мысли при разсматриваніи этого предмета, и оглянуться назадъ на совершенный нами путь къ предположенной цѣли и собрать въ одно мѣсто всѣ результаты. Вотъ они въ короткихъ словахъ:

I. Основныя наши числительныя имена родственны въ этимологическомъ отношеніи частію съ указательными частицами, изъ которыхъ образовались личныя мѣстоименія, частію съ корнями, выражающими понятія, изъ которыхъ произошли глаголь и имена, какъ существительныя, такъ и прилагательныя. Съ указательными частицами родственны первыя три числа, согласно раздѣленію трехъ личныхъ мѣстоименій, съ которыми они совершенно одинаковой матеріи: слав. *і-единъ*, чеш. *jeden*, слав. *мы* (і-а, ны), *два* (ты), *три* (тъ, ten); съ корнями глагольными и именными родственны прочія семь: *четыре*—двѣ четы, двѣ пары, *пять*—*пасть* (у лѣвой руки), *шесть*—шака т. е. горсть, *семь*—обѣтъ или святость, *осмь*—двѣ четверки, *девять*—новое число, *десять*—десница или правая рука, *сто* есть вторая половина слова *десять*, по отпадении первой.—*Тысяча* сокращена изъ *десать*—*сать*, *десять* сотъ. Къ тому же результату ведетъ разборъ всѣхъ прочихъ числительныхъ именъ нашего языка и родственныхъ ему иудейскихъ. И между этими послѣдними низшія и также элементарныя три числа родственны съ личными мѣстоименіями, а прочія съ глагольными и именными корнями; напр. греч. *μία*, *δύο* съ *теа*, *теіна*, чеш. *тне*, *те*, *ті*; *за* съ нашимъ *ся* (са), *см*, *себѣ*, *собѣ*, скр. *tvaz* съ *tva* (tu); напротивъ *мѣра*, *копа*, *тѣма* и т. п. суть существительныя имена, перевесенныя къ означенію опредѣленнаго числа. Замѣчательно и достойно вниманія сходство и въ томъ, что какъ къ означенію понятія перваго лица употребляется много различныхъ частицъ въ прямыхъ и косвенныхъ падежахъ, такъ и къ означенію понятія единичности употребляются тѣже самыя частицы одна, возлѣ, другой, но изъ нихъ въ самой числительной системѣ обыкновенно одна получаетъ перевѣсъ надъ всѣми другими.

2) Въ томъ показаніи, что первыя, элементарныя три числа родственны съ тремя личными мѣстоимѣніями, а слѣдовательно

и съ различеніемъ трехъ лицъ и ихъ значеніемъ, — прочіе же образовалось посредствомъ болѣе или менѣе свободнаго перенесенія словъ отъ предметовъ вещественныхъ къ означенію отвлеченныхъ понятій т. е. опредѣленнаго количества, — въ этомъ показаніи обнаруживаются свойства и качества какъ цѣлаго языка, такъ и самой человѣческой мысли. Съ одной стороны мы стоимъ на томъ краю дѣятельности человѣческаго разума, гдѣ начальные и основныя его понятія кажутся погребенными въ внутренности природы; по этому намъ предстоитъ все дальше и дальше разбирать элементы и изслѣдовать ихъ значеніе. Съ другой стороны мы находимся въ области свободной и сознательной дѣятельности духа, именно происхожденія своихъ мыслей и ихъ означенія, перенесеніемъ словъ отъ предмета къ предмету, отъ мысли къ мысли, измѣненіемъ и установленіемъ ихъ значенія по произволу. — Уже изъ этого мы можемъ заключать о несостоятельности мнѣнія тѣхъ впрочемъ ученыхъ и уважаемыхъ филологовъ, которые *всякое* числительное, *всякое* мѣстоимѣніе, *всякій* предлогъ выдаютъ за *метафору*, утверждая, что они суть сокращенныя имена предметовъ вещественныхъ, а именно:

одинъ происходитъ отъ какого нибудь слова, которое нѣкогда въ какомъ нибудь языкѣ означало *голова*, потому что голова единична, *два* отъ слова которое означало *очи*, *уши*, *руки*, *ноги*, *рога*, и т. п., потому что эти предметы двойственны. Заблужденіе явно. Если бы всѣ числа были простымъ перенесеніемъ словъ отъ означенія предметовъ вещественныхъ и чувственныхъ къ понятіямъ отвлеченнымъ и сверхчувственнымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ было бы то, что человѣческое мышленіе и рѣчь могли когда-то въ опредѣленныхъ границахъ и могутъ теперь еще производиться безъ опредѣленія количества и различенія лицъ, что противорѣчитъ само себѣ.

Разборъ имени числительнаго, какъ и всего прочаго въ языкѣ, чего нельзя отвергнуть, ведетъ къ дуализму элементовъ и корней. Будемъ знать только, что эта простая антиномія, какъ и всѣ другія, въ которыя впадаетъ духъ человѣческій при своемъ мышленіи, достигаетъ въ чемъ-то высшемъ своего соединенія и согласенія, что эта антиномія, въ которую впадаетъ филологъ при изслѣдованіи основнхъ элементовъ и человѣческихъ понятій, находитъ причину въ чемъ-то высшемъ, но скромному филологу нельзя перескакивать между, опредѣленную его науку, и обшчатъ свѣтъ, который не данъ ему въ удѣлъ.

3) Все, что духъ человѣческій самодѣтельно, хотя подъ вліяніемъ тѣлеснаго своего организма, творитъ и образуетъ, въ области чувственнаго воспріятія воплощеніемъ мысли въ слово,

должно,—чтобъ получить истинное существованіе, истинное бытіе,—принять на себя подобіе и видъ природы, слѣдовательно подчиниться законамъ механизма, въ чемъ заключается вся сила и особенность природы какъ прямой противоположности духа. Изученіе же духа доходитъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи до самыхъ глубочайшихъ и недовѣдомыхъ основъ.

Правда, изучая природу, мы тѣмъ самымъ изучаемъ и міръ духовный; но и въ самой душѣ бываетъ смѣна дня и ночи, свѣта и мрака, и она обладаетъ способностію вѣдѣнія, пока свѣтитъ солнце сознѣющаго разума. Ясное этому доказательство представляютъ и числительныя имена. Искать въ каждомъ случаѣ причинъ, почему духъ человѣческій различеніе трехъ лицъ или трехъ начальныхъ чиселъ называлъ тѣми, а не другими звуками, составляетъ и для гениальныхъ умовъ задачу неразрѣшимуую, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не разрѣшенную: но и на высшихъ, болѣе доступныхъ для нашего вѣденія ступеняхъ числительной системы нашего и вообще каждаго языка,—этого искусно созданнаго міра величинъ и количествъ,—свѣтъ прибываетъ слабо и мало-по-малу, и между предѣлами мрака и свѣта далеко простирается область сумрака. И видимъ тутъ, что слова свободно и сознательно,—и конечно не безъ причины,—перемѣнивъ первоначальное свое значеніе должны были все болѣе и болѣе слагаться и переходить въ простые, самородные знаки понятій, чтобъ достичь права *прирожденности*. Никто не мыслить при *пяти* о *пяти*, при *шести* о *шакъ* или горети, при *семи* объ *обътъ* или святости, при *деяти* о *новомъ* числѣ, при *десяти* о *десницѣ*, хотя было время, когда все это ясно и чисто должно было приходить на мысль говорящему и быть имъ сознаваемо. Такое отчужденіе по истинѣ было необходимо, неизбежно, если только счисленіе съ помощію этихъ словъ входило въ организмъ *прирожденнаго* языка. Сокращеніе и измѣненіе числительныхъ именъ по ихъ матеріи или звуку есть простое слѣдствіе этого.

4) Каждый языкъ заключаетъ въ себѣ безчисленное множество смѣлыхъ и разнообразныхъ сокращеній и измѣненій словъ, и можно найти сотни болѣе смѣлыхъ и разнообразныхъ, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ намъ имена числительныя. Это сокращеніе и измѣненіе достигаетъ высочайшей степени на высшихъ десятичныхъ, сотенныхъ и тысячныхъ мѣстахъ. Изъ многихъ примѣровъ я приведу здѣсь только нѣкоторые, для простаго напомниманія. Чеш. *jedenáct* вм. *jedennadeset*, *dvacet* вм. *dwadeset*, *jedenmestita* вм. *jedenmezidesitma* ($10+1+10=21$), служитъ намъ ближайшимъ того доказательствомъ. Уже въ скр. мы находимъ

ḡas̄ti вм. *ḡas̄dasati* (60), *saptati* вм. *saptadasati* (70) и т. д., въ греч. *εἰκοσι* вм. *δφδεκάτι*, *τῆτρακχιον* вм. *τῆτραδρακχιον*, въ лат. *viginti* вм. *deviginti*, *duodennis* вм. *duodecennis*, *dodrans* вм. *dequadrans*, *sembella* вм. *semilibella* въ нѣм. *hundert* вм. гот. *taihuntéhund*, во франц. *onze*, *douze*, *treize* и т. д. сократилось такъ, что изъ первоначальнаго *decem* (*dix*) образовалось простое *ze*, въ англ. *eleven* вм. *one-leven*, въ итал. *centi* вм. *viginti* и т. д. Нашему *сто* вм. *десять* × *десять*, *тысяча* вм. *десять* × *сто* аналогично лат. *decies aeris* вм. *decies centena millia aeris*. Подобныхъ примѣровъ во всѣхъ языкахъ множество, чѣмъ въ извѣстной степени оправдывается отважность филолога, восходящаго въ мысли своей отъ разсматриванія кусковъ и обломковъ къ угадыванію цѣлаго.

5) Мы сказали въ самомъ вступленіи къ этому труду, что предметъ этимологіи составляетъ разысканіе причины наименованія предмета, или соотношенія нашихъ понятій съ означущими имъ звуками,—сказали, что при этомъ непременно должно восходить постепенно отъ причинъ ближайшихъ къ отдаленнѣйшимъ, пока не дойдемъ до самыхъ глубокихъ. Мы старались, на сколько намъ было возможно, добраться только до ближайшихъ причинъ наименованія нашихъ чиселъ; восхожденіе къ болѣе глубокимъ и достиженіе послѣдней мы должны предоставить доброй волѣ, охотѣ и опытности снисходительнаго читателя.

Почтемъ себѣ за счастье, если намъ удалось пролить изъ богатаго и древняго языка нашего какой нибудь *новый свѣтъ* на этотъ важный и темный предметъ, а чрезъ то доказать предъ лицомъ непредубѣжденныхъ судей право однородства нашего языка съ прочими прославленными индоевропейскими языками.

Мы увѣрены, что и тотъ, кто при помощи его будетъ съ искренностію и постоянствомъ искать дальнѣйшаго и высшаго свѣта, не даромъ будетъ трудиться и не пожалѣетъ своего труда. Заканчиваю словами, произнесенными нами двадцатью двумя годами прежде: *языкъ славянскій старъ и богатъ, и изучающій его будетъ щедро вознагражденъ*.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) См. I. M. *Minner* Ansichten von Entstehung, Wesen und Erscheinungen der menschlichen Sprache, Stuttg. 1839. 8°. Здѣсь происхожденіе *εσλη* понятій отъ чувственныхъ образовъ и матеріальность ихъ, равно какъ и происхожденіе разума изъ языка ясно выражены, и между прочимъ вотъ что читается о матеріальности понятій: «Einen recht deutlichen Beweis von der tastbaren materiellen Beschaffenheit unserer Begriffe erhalten wir, wenn wir etwas Vergessenem mit unserem Gedächtnisse nachjagen, und es uns ist, als wenn es einen Körper hätte und wir manchmal im Begriffe sind es zu erhaschen, wenn es uns, wie ein Aal, ent-schlüpft» S. 30.

2) *S. Stern*. Lehrbuch der allgemeinen Grammatik. Berlin 1840. 8° Сочинитель оканчиваетъ свое изслѣдованіе о числительныхъ именахъ слѣдующими замѣчательными словами: «Und so müssen wir also das Resultat als entschieden betrachten, dass das Zahlwort nicht in die Reihe der Wörter als organisches Sprachgebilde gehöre». S. 76.

3) Достойно вниманія въ этомъ отношеніи греческое выраженіе *πενταχαι* т. е. считать на пальцахъ, отъ дрв. греч. *πεντε* вм. *πέντε* (quinque).

4) По этой причинѣ мы отсылаемъ снисходительнаго читателя къ слѣд. сочиненіямъ: *Fr. Wüllner* Über Ursprung und Urbedeutung der sprachlichen Formen, Münster. 1831. 8° *Elio xce* Über die Verwandtschaft des Indo-germanischen, Semitischen und Tibetanischen. Münster. 1838. 8°

Fr. Bopp. Vergleichende Grammatik. Berlin. 1833 4° S. 428—467.

R. Lepsius Zwei sprachvergleichende Abhandlungen. Berlin 1836 8°

Th. Benfey Griechisches Wurzellexicon. Berlin 1839 8° 2 d.

W. Mohr Dialektik der Sprache. Heidelberg 1840 8°

M. Schasler de pronomine personali. Berol. 1848 8°

A. T. Pott Etymologische Forschungen. Lemgo 1837 8° ч. 2 стр. 276—277.

Elio xce Die quinare und vigesimale Zählmethode. Halle 1847 8°

5) Ист. Гос. Рос. IV, 53 *неудоси* (незастигъ); IV, 12 *удоси мю* (постигъ его, угодилъ ему) и т. д.

Находится и въ весьма старомъ словарѣ церковнославянскаго языка.

6) Удивительно, что и въ арабскомъ языкѣ слово *handat*, по Лепсію, имѣетъ значеніе ста.

7) *Fr. Bopp Vergleichende Grammatik. Berl. 1833 S. 447. 597.*

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХЪ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

Сочиненіе студента Ал. Пятковского.

(Статья первая)

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ВЕНЕВИТИНОВА.

Имя Веневитинова давно извѣстно въ нашей литературѣ. Талантливый, такъ много общавшій поэтъ, умный критикъ,—онъ конечно не могъ, безъ большой несправедливости, пройти въ ней незамѣченнымъ, а похвалы и сожалѣнія о его ранней утратѣ вполне упрочили за нимъ извѣстность, купленную природными дарованіями.

Бѣлинскій говорилъ объ немъ: «Изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся въ первое время Пушкина, исключая гениальнаго Грибоѣдова, несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе памяти—Полежаевъ и Веневитиновъ». Туманскій, Дельвигъ, Деларю, Кольцовъ, писали ему эпитафіи, избранныя его произведенія вошли въ разнаго рода литературные сборники, а небольшая, поверхностная біографія ввела нашего поэта въ кругъ привилегированныхъ знаменитостей Энци. Словаря (Т. IX).

Казалось бы, со всѣхъ сторонъ оцѣнена эта краткая дѣятельность, которую часто осматривали и высоко поставили... Но на дѣлѣ выходить не такъ. Ни одно изъ всѣхъ данныхъ о нашемъ поэтѣ не пошло далѣе того предисловія къ первому изданію его сочиненій, гдѣ говорилось о его ранней смерти, о несомнѣнности его дарованій, о симпатичности его музы. Только одна, серьезная по самому плану, статья И. В. Кирѣевскаго (Денница за 1830 г.), бывшаго друга покойнаго поэта, является исключеніемъ, указывая прямѣй и рѣшительнѣй мѣсто Веневитинова въ литературѣ. Но затрогивая множество лицъ и вопросовъ, статья эта не могла имѣть значенія и отвѣтственности монографія,—а ей то уже пора представить на судъ общества, которому долго

твердили, что Веневитиновъ послужилъ его эстетическому образованію, и которое однакожь беретъ это не иначе какъ «на вѣру». Вѣроятно, было бы интересно узнать ему: на чемъ основываются эти права на его особенное вниманіе, какимъ рѣзкимъ, самобытнымъ характеромъ отмѣчена посвященная ему дѣятельность?

А между тѣмъ—и еще такъ недавно—сочиненія Веневитинова изданы вмѣстѣ съ сочиненіями В. А. Пушкина, какъ бы весьма близкія къ нимъ по достоинству, или характеру, безъ всякихъ комментаріевъ, безъ группировки, или выбора произнесенныхъ о нихъ сужденій. Неумѣстное сосѣдство удаляетъ отъ Веневитинова менѣе просвѣщенную публику, а отсутствіе подробной характеристики ослабляетъ въ болѣе образованной то сочувствіе къ поэту, которое вызывается ближайшимъ съ нимъ знакомствомъ.

Но Веневитиновъ замѣчателенъ не только какъ литераторъ. Его личная натура представляетъ намъ такое богатство разнообразныхъ дарованій, такое замѣчательное сліяніе строгато мышленія съ самой нѣжной чувствительностью, наконецъ столько счастливыхъ условий для полнѣйшаго развитія, что, быть можетъ и слабый очеркъ ея заинтересуетъ читателя. Г. Плетневъ былъ совершенно правъ, сказавши, что «природа, какъ бы съ удовольствіемъ, образовала Веневитинова, надѣливъ его талантами самыми увлекательными».

Вполнѣ убѣжденные въ томъ, что частная жизнь подобнаго человѣка—въ видѣ совокупности тѣхъ душевныхъ движеній, которыя только вполнѣ выражены имъ въ словѣ и безъ указаній не всегда понятны и связаны—не лишена хотя относительной важности, мы излагаемъ ее—какъ необходимое поясненіе литературной дѣятельности поэта, необходимое вступленіе къ ней.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ родился въ Москвѣ 14-го Сентября 1805 года (*). Общественное положеніе, избы-

(*) Бѣлая часть фактовъ, приведенныхъ здѣсь, сообщена намъ словесно лицами ближайшими къ покойному поэту. Спѣшимъ замѣтить, что, въ выборѣ этихъ фактовъ, мы руководились одной идеей—очертить по возможности характеръ и вѣстельную обстановку его развитія, а не писать перечень событій, гдѣ бы, за общіесть ненужныхъ подробностей, исчезала живая мысль. Съ теми же видами мы пользовались въ послѣдней части «Матеріаловъ» до сихъ поръ нетронутымъ сокровищемъ—письмами Веневитинова къ одной близкой особѣ.

Нельзя при этомъ не предупредить читателя гасчетъ неизбежныхъ пробѣловъ въ нашемъ трудѣ, особливо же въ описаніи первой молодости поэта. Пополнить ихъ—принадлежитъ соединеннымъ усиліямъ всѣхъ лицъ, знавшихъ поэта, и ихъ то возмо-

токъ матеріальныхъ средствъ благопріятствовалъ поворожденію. Онъ принадлежалъ по роду къ одной изъ старинныхъ дрянскихъ фамилій, по всей вѣроятности вышедшей изъ Запорожья (въ родословной Д. В. часто упоминаются «есаулы»); большое помѣстье въ Воронежской губерніи ограждало его отъ всѣхъ золъ и искушеній бѣдности.

Въ младенчествѣ потерялъ онъ своего отца,—и весь трудъ первоначальнаго воспитанія ребенка доставался на долю матери (Анны Николаевны). Къ счастью Веневитинова, она не была похожа на тѣхъ классическихъ «матушекъ», по имени которыхъ называютъ цѣлую толпу балованныхъ и вѣчно недозрѣлыхъ сынковъ; она также избѣгала односторонней методы «учить» дѣтей нравственности съ помощью избитой морали и жесткаго обращенія съ возрастомъ, нисколько не примѣняемаго къ его свойствамъ и требованіямъ. Постоянное, но не стѣснительное наблюденіе надъ сыномъ, въ духѣ теплой, непедантической религіи, составляло для нея лучшую заботу, а собственный примѣръ христіанской любви и кротости, вѣрнѣе всѣхъ голословныхъ поученій, дѣлалъ благотворнымъ надзоръ ея. Подъ ея то вліяніемъ освоился поэтъ съ тою «нравственною свободой» про которую такъ часто говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Когда ребенку минуло 8 лѣтъ, то мать, уже теряя возможность вести его впередъ одними собственными стараніями, счумѣла найти человѣка, который бы могъ съ такою же любовью и внимательностью направлять его дальнѣйшее образованіе. Это былъ французъ Дорѣръ: умный и вполне образованный воспитатель, онъ могъ, какъ нельзя лучше, дѣйствовать на впечатлительнаго мальчика.

Лѣтнія поѣздки въ Кусково или Сокольники пріятно разнообразили учебную жизнь—и тамъ, на волѣ и просторѣ, тѣшился ребенокъ-поэтъ. Всевозможныя игры бывали имъ перепробованы; тамъ же вѣроятно одушевила его впервые и та любовь къ природѣ, которую онъ постоянно сохранялъ въ себѣ. Часто доброму гувернёру приходилось отыскивать въ саду своего питомца, чтобы спросить почти всегда бойко выученный урокъ,—и звонкій голосокъ, а потомъ и книга, слетавшая съ какого нибудь высокаго дерева, давали знать о прихотливо выбранномъ мѣстѣ.

жизни, уже готовая утратиться, хотѣлось бы пробудить намъ. Если намъ это удастся, если только о Веневитиновѣ, возбужденіе нашей статью, уяснить его, достойную вниманія, личность, то мы будемъ довольны уже тѣмъ, что, первые, подали за нея голосъ.

Авт.

Книга эта обыкновенно была латинской грамматикой: съ нея началъ Дореръ, знатокъ римской литературы, классическое образование мальчика.

Хотя, въ параллель съ изученіемъ древней литературы, Дореръ ставилъ изученіе своей родной, ложно классической, но онъ далеко не былъ тѣмъ огравиченнымъ и упрямымъ доктринеромъ, какимъ мы видимъ въ послѣднее время Низара. По крайней мѣрѣ онъ не старался привить своему ученику теоретическаго поклоненія ложному классицизму, и ни въ дѣтствѣ, ни въ позднѣйшихъ дѣтахъ, у Веневитинова не лежало сердце къ франц. поетамъ. Только Грессе и Мильтуа, задушевные болѣе прочихъ, одно время нравились ему. Къ тому же успѣшное занятіе нѣмецкой литературой, (подъ руководствомъ того же гувернера), скоро открыло для его мысли тотъ просторъ, котораго не могли дать однообразныя произведенія французскихъ писателей и указало: какихъ взглядовъ на искусство будетъ держаться молодой поэтъ. Впослѣдствіи, при помощи К. И. Герке, одного изъ друзей дома, занятія нѣмецкой словесностью пошли еще успѣшнѣй. Для греческаго языка былъ найденъ, по совѣту Дорера, особый преподаватель—грекъ Бейля.

Замѣчательныя способности дитяти, его недѣтская вдумчивость и внимательность много помогали его успѣхамъ. Софокль и Эсхиль скоро увлекли его, и укрѣпившись въ познаніяхъ языка, онъ пробовалъ даже переводить изъ послѣдняго («Прометей»). Вѣроятно съ этого же времени онъ полюбилъ и Платона, въ которомъ находилъ «столько же поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли». (Пис. о Фидосѣ, Соч. Вен. изд. 1855 г. стр. 129).

Вообще онъ скоро свыкъся съ древнимъ міромъ, гдѣ «мысли... и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, въ которомъ философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ». (Разб. разс. Мерзл. стр. 136). По другимъ предметамъ, нужнымъ для элементарнаго образованія, были своевременно приглашаемы наставники,—и такимъ образомъ мальчикъ избавился отъ училищнаго воспитанія, конечно представляющаго много практическихъ выгодъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно же въ то время, и много препятствій для правдильнаго, постепеннаго развитія.

Впрочемъ никто изъ этихъ учителей не вліялъ замѣтно на мальчика, не исключая и преподавателя русской словесности. Русская литература, еще только расцвѣтавшая тогда, не могла представить много даровитыхъ спеціалистовъ, и нашъ поэтъ самъ долженъ

былъ позаботиться объ этой части своего образованія. Изъ русскихъ писателей онъ познакомился прежде всего съ Карамзинымъ. «Исторія Госуд. Россійскаго» и другія сочиненія того же автора были прочтены Веневитиновымъ съ большою жадностью, и, безъ сомнѣнія, съ пользою. Можно думать, что они отчасти развили въ немъ страсть къ познаніямъ и то нѣжное, мечтательное настроеніе духа, которое было прежде возбуждено названными вами французскими писателями.

Объ руку съ литературными занятіями Веневитинова шли другія, столько же освѣжающія и увлекательныя—занятія живописью и музыкой. Его разнообразныя таланты и здѣсь выказали себя въ полномъ блескѣ. Позже онъ такъ успѣлъ въ послѣдней, что могъ свободно писать довольно трудныя композиціи и постоянно слылъ въ кругу своихъ знакомыхъ за талантливаго музыканта. Заключительные стихи «къ любителю музыки» показываютъ весьма ясно, какой глубокой, вдохновенный смыслъ имѣла для него поэзія звуковъ. Нѣсколько пьесъ Пушкина было въ ранней молодости переложено имъ на ноты; до насъ не дошли эти переложенія, но сохранились нѣкоторыя другія музыкальныя пьесы.

Мы видѣли также одну его художническую работу (эскизъ головы Медузы) и не могли не признать въ ней смѣлости и выразительности, весьма значительныхъ при томъ маломъ упражненіи, которымъ онъ могъ пользоваться.

Среди такихъ то занятій незамѣтно промелькнуло дѣтство поэта.... Но эта любовь къ размышленію и серьезнымъ умственнымъ трудамъ, замѣчаемая въ нашемъ дитяти, нисколько не мѣшала его природной рѣзвости,—и рѣдкій изъ дѣтей такъ непринужденно и добродушно веселился какъ онъ.

Съ 14-ти лѣтъ особенныя наклонности мальчика выразились опредѣленнымъ образомъ: Гораций не сходилъ съ его рабочаго стола и плодомъ такой умственной дружбы были немногіе переводы въ стихахъ изъ римскаго корифея. До насъ не дошелъ этотъ авторскій дебютъ поэта, но мы имѣемъ другой переводъ—изъ Виргиліевыхъ Георгикъ, (Знаменія передъ смертію Цезаря), писанный почти въ одно время. Подобныя опыты не пропадаютъ даромъ, и 16-ти лѣтъ Веневитиновъ уже былъ достаточно развитъ, чтобы написать чистымъ и звучнымъ языкомъ маленькое оригинальное посланіе къ друзьямъ (Соч. Вен. стр. 14). Здѣсь подъ именемъ друзей нужно разумѣть дѣйствительныхъ друзей юности поэта. Подобно всякому юношѣ съ нѣжной и пылкой душею, онъ рано искалъ дружеской пріязни и первыя лица, раздѣлявшія се, были: Скарятинъ, даровитый художникъ, умер-

пий въ Италиі на мѣстѣ изученія искусства и Ѳ. С. Хомяковъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Къ этому же времени относится и «Вѣточка» переводъ изъ Грессе (Gresset), единственное стихотвореніе заимствованное Веневитиновымъ изъ французской литературы (*).

Изъ посланія видимъ мы, что юный поэтъ уже успѣлъ усвоить себѣ строгій и здравый взглядъ на вещи. «Пусть — говорятъ онъ—кто хочетъ ищетъ славы, богатства, веселья—я и безъ нихъ счастливъ.

Съ лирой, съ вѣрными друзьями....

* Это стихотвореніе помѣщено въ «сочиненіяхъ Веневитинова» безъ указанія заимствованія. По примѣру большей части тогдашнихъ писателей, Веневитиновъ, прибавивъ къ концѣ пьесы четыре собственныхъ стиха, считалъ себя вправе печатать её подъ своимъ именемъ.

Мы приводимъ параллельно оба стихотворенія, отицая курсивомъ тѣ строфы или отдѣльныя выраженія, которые переданы особенно близко.

Gresset.

(Galerie littéraire, par J. B. Maigrot).

En promenant vos rêveries
Dans le silence des prairies,
Vous voyez un faible rameau
Qui par les jeux du vague Éole,
Détaché de quelque arbrisseau,
Quitte sa tige, tombe et vole
Sur la surface d'un ruisseau.
Là, par une invincible pente,
Forcé d'errer et de changer,
Il flotte au gré de l'onde errante
Et d'un mouvement étranger
Souvent il paraît, il surnage;
Souvent il est au fond des eaux.
Il rencontre sur son passage
Tous les jours des pays nouveaux:
Tantôt un fertile rivage
Bordé de côtes fortunées;
Tantôt une rive sauvage
Et des déserts abandonnés.
Parmi ces erreurs continues,
Il suit, il vogue jusqu'au jour,
Qui l'ensevelit à son tour
Au sein de ces mers inconnues
Où tout s'abîme sans retour.

Веневитиновъ.

(Соч. Вен. стр. 17).

Въ безцвѣтный часъ уединенья,
Когда пустынною тропой
Съ живыми восторгомъ упоенья
Ты бродишь съ нилою мечтой
Въ твои дубравы молчаливой,—
Видалъ ли ты, какъ ольха игривой
Младую вѣточку сорветъ?
Родной кустарникъ остылъ,
Она вѣется, упавъ
На зеркало ручейныхъ водъ,
И, новый житель влаги чистой,
Съ потокомъ плыть принуждена.
То надъ струей серебристой
Спокойно носится она,
То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
И кроется на днѣ ручья;
Плыветъ—все новое встряхаетъ,
Все незнакомые края:
Усыпанъ вѣжными цвѣтами
Здѣсь улыбающійся берегъ,
А тамъ пустыни, вѣчный снѣгъ,
Иль горы съ грозными скалами.
Такъ далъ вѣточка плыть
И путь невѣрный свой свершаетъ
Пока она не утопаетъ
Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ
Вотъ наша жизнь!—такъ къ взрой цѣль
Необоримою волной
Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
Влечетъ до дѣри гробовой.

Взглядъ самъ по себѣ конечно идеалистическій, но и самый буквализмъ его уже нѣсколько указывалъ на ту норму понятій, въ которой позже утвердился поэтъ. Послѣдствія доказали, что подобный складъ мыслей былъ не плодомъ распалившагося воображенія, но первымъ откликомъ пробужденнаго сознанія.

Уже много лѣтъ спустя, Веневитиновъ говорилъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній, обращаясь къ поэтическому образу—«хранителю» своей души:

Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной оѣви,—
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ
И лучъ тиеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни....

(Соч. Вен. стр. 43).

Быть можетъ раннее изученіе Байрона, (на франц. языкѣ), помогало развиваться этому взгляду, но самая чуткость, съ которою нашъ поэтъ прислушивался къ мотивамъ англійскаго лирика, уже предполагала собою достаточную душевную зрѣлость и способность «воспринимать» то, что могло вызвать сочувствіе молодого сердца. А если же впоследствии Веневитиновъ и называлъ себя «ученикомъ» (*) Байрона, то этого никакъ нельзя принимать въ ограниченномъ смыслѣ подражательности. Въ этомъ случаѣ онъ былъ столько же подражателемъ, сколько и тогда когда называлъ Жуковского своимъ «наставникомъ» (соч. Вен. стр. 55). Какъ англійскій поэтъ, такъ и знаменитый его переводчикъ, только обогатили поэзію Веневитинова новыми звуками, которые онъ располагалъ и разнообразилъ совершенно по своему.

Подобный взглядъ не подавлялъ собою природной впечатлительности поэта. Чувство, высказанное только вполнину, или переданное ближайшему сердцу, не гложетъ въ глубокой душѣ, но возбуждая сильную внутреннюю работу, дѣлается полиѣе и плодотворнѣе..... 17-ти лѣтъ Веневитиновъ посѣтилъ впервые театръ. Давали какую то Оперу Россіи. Пьеса произвела сильное впечатлѣніе на поэта, и онъ потомъ цѣлый мѣсяцъ твердилъ наизусть поразившія его мѣста, и примѣнялъ къ себѣ различныя положенія дѣйствующихъ лицъ.

Семнадцати же лѣтъ Веневитиновъ почувствовалъ себя достаточно приготовленнымъ, чтобы слушать лекціи въ своемъ родномъ университетѣ, уже представлявшемъ, въ удовольствіе

(*) Въ Посланіи къ Скарятину (Соч. Вен. стр. 25).

полезной дѣятельности, имена Мерзлякова, Давыдова, Павлова. Несомнѣнный талантъ перваго изъ нихъ составилъ даже эпоху въ исторіи этого университета. То поэтъ, то ученый, Мерзляковъ имѣлъ сильное вліяніе на слушателей. Его горячая любовь къ успѣхамъ русскаго просвѣщенія, часто выражавшаяся въ увлекательной импровизаціи, много укрѣпила необходимую симпатическую связь между кафедрой и аудиторіей, а публичныя лекціи, читанныя имъ въ 1812 и 16 годахъ, обратили на университетъ особенное вниманіе общества. Притомъ же и сухой классицизмъ Баттѣ и Лагарпа, принятый Мерзляковымъ въ основу профессорской и критической дѣятельности, замѣтно смягчился въ немъ эшенбургскими идеями, и еще болѣе тѣмъ природнымъ чувствомъ изящнаго, которое нерѣдко проглядывало изъ за механическаго построения его ученыхъ приговоровъ. Такъ напримѣръ, не смѣя открыто бранить Сумарокова и Хераскова, Мерзляковъ находилъ иногда возможнымъ вставлять среди похвалъ такіа замѣчанія, которыя позволяютъ сомнѣваться въ непринужденности его хвалебнаго тона (Тр. Общ. Люб. Рос. Сл. за 1804).

Но ограниченность и отсталость его литературной теоріи уже вызывала дѣятельность Давыдова (И. И.), въ духѣ новыхъ, болѣе широкихъ взглядовъ на искусство. На долю Павлова (М. Ѳ.) выпала та же обязанность вести впередъ своихъ слушателей и современниковъ—именно усвоить точнымъ наукамъ болѣе разумное и вмѣстѣ примѣнимое къ жизни направленіе. Эта замѣчательная черта профессора Сельскаго Домоводства всего яснѣе выразилась впоследствии — и въ его публичныхъ лекціяхъ (въ Февр. 1825 г.), и въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ, гдѣ, по привычкѣ объяснять каждый фактъ какимъ нибудь разумнымъ началомъ, онъ проводилъ «философическій взглядъ» даже на холеру (Телеск. 1831 г.), тогда еще мало разъясненную. Бесѣды съ Павловымъ и слушаніе его лекцій навели Веневитинова на занятія шеллинговой философіей, которую Павловъ одинъ изъ первыхъ распространялъ въ Россіи. Плодомъ этихъ занятій были извѣстныя публикѣ нисѣма къ Княгинѣ Трубецкой—о Философіи (Графинѣ N).

Посѣщая университетъ, Веневитиновъ не записывался впрочемъ въ студенты и не обязывалъ себя къ постоянному, регулярному посѣщенію одного факультета. Педагогическія бесѣды, устроенныя для всѣхъ желающихъ профессоромъ Мерзляковымъ, развернули въ юношѣ тѣ качества хорошаго прозаика, которымъ суждено было проявиться только въ весьма не многихъ статьяхъ. Очевидцы говорили намъ, что остроуміе молодаго человѣка и замѣчательная діалектика его доводовъ обращали на себя

вниманіе какъ главы ученыхъ диспутовъ, такъ и самихъ диспутантовъ. Здѣсь же, возражая профессору, Веневитиновъ показалъ впервые ту самостоятельность взглядовъ, которую выразилъ впоследствии въ разборѣ разсужденія Мерзлякова: «о началѣ и духѣ древней трагедіи».

Въ самомъ дѣлѣ трудно было бы нашему поэту согласиться съ тѣмъ, что «Жуковскій—это арабскій конь, который бросился въ каменистую степь и хромаетъ на всѣ четыре ноги» (*).

Года два продолжалось это вольное, перерывистое слушаніе университетскихъ лекцій—и къ его то времени относятся многія произведенія Веневитинова, и между ними переводъ изъ Макферсона (съ франц. текста—пѣснь Кольмы), и два отрывка изъ неконченной поэмы. Сюжетъ поэмы заимствованъ изъ исторіи г. Зарайска, жестоко пострадавшаго въ первое нашествіе Монголовъ. Еще въ ранней молодости поэтъ былъ въ этомъ городѣ и воспользовался устнымъ преданіемъ.

Говорятъ, что Зарайскій Князь Федоръ получилъ отъ Батыя предложеніе достойное азіатца: привести къ нему на ложе свою молодую, прекрасную жену Евпраксию. Въ случаѣ несогласія Батый грозилъ ему окончательнымъ разореніемъ удѣла. Но молодой князь не испугался угрозы и въ порывѣ благороднаго мужества рѣшился отстоять свои супружескія права. Онъ встрѣтилъ Хана передъ стѣнами города и далъ ему роковую битву, нѣвшую одинъ конецъ со всѣми тогдашними битвами. Федоръ былъ убитъ, Батый съ торжествомъ готовился исполнить желаніе. Но Евпраксія не дождалась своего позора: узнавъ о геройской смерти мужа, она бросилась внизъ съ городской стѣны... До сихъ поръ мѣстные жители показываютъ ея могилу, не привлекательную ничѣмъ кромѣ воспоминаній.

Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣковъ
И вѣетъ вкругъ нѣмыхъ гробовъ.....

(Соч. Вен. стр. 19).

Простое, но выразительное событіе было оцѣнено по достоинству поэтическимъ чутьемъ Веневитинова, и только скоро начавшееся глубокое изученіе германской литературы отвлекло его отъ тщательной обработки этого сюжета.

Сюда же прилагаютъ: Къ друзьямъ на новыи (1823) годъ, Отрывки изъ пролога: Смерть Байрона, Пѣснь Грека, Любимый цвѣтъ и 1-е посланіе къ Рожалину. «Отрывки» показываютъ

(*) Воспоминаніе одного изъ бывшихъ слушателей Мерзлякова.

намъ, что Веневитиновъ умѣлъ видѣть Байрона въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ, какъ бойца за угнетенное человѣчество; «Пѣснь Грека» навѣяна тѣмъ же предметомъ. «Любимый цвѣтъ» посвященъ Веневитиновымъ своей сестрѣ—Софѣ Владиміровнѣ (С. В. В.). Небрежность нѣкоторыхъ стиховъ въ этой пѣснѣ, а равно и во многихъ другихъ,—вредящая поэтической мысли, происходитъ отъ того, что нашъ поэтъ писалъ «сразу», почти безъ вариантовъ.

Посланіе къ Рожалину, носящее на первый взглядъ слѣды какого то насильственнаго байронизма, объясняется тѣмъ, что поэтъ дѣйствительно былъ обманутъ однимъ близкимъ человекомъ, долго скрывавшимъ свой настоящій характеръ. Оно начинается въ жизни поэта новую эпоху, о которой мы будемъ говорить въ свое время. Учебныя занятія юноши шли въ уровень съ его поэтическимъ развитіемъ, и черезъ два года послѣ первой прослушанной лекціи, онъ, безъ труда, выдержалъ довольно трудный экзаменъ, требовавшійся тогда по указу 1809 года для полученія нѣкоторыхъ преимуществъ по гражданской службѣ. Недостатокъ реальныхъ познаній поэтъ восполнилъ нѣсколько позже изученіемъ физиологій подъ руководствомъ знаменитаго Лодера. Въ анатомическомъ театрѣ вѣроятно пришла ему впервые мысль того романа, гдѣ, какъ извѣстно, трупъ хорошенькой женщины играетъ весьма важную роль.

Теперь Веневитиновъ вступалъ уже въ болѣе широкую практическую жизнь. Но не шумными оргіями, не разгульнымъ самозабвеніемъ отпраздновалъ онъ свое вступленіе въ свѣтъ. Московскій Архивъ Коллегіи Иностран. Дѣлъ, (тогда еще не было Министерства) скрылъ его на время отъ всякаго блеску и хлопотъ въ скучномъ сосѣдствѣ съ пыльными хартіями. Развитый юноша не плѣнился привольной жизнью военнаго человѣка, такъ заманчивой въ то время, когда

Любимцамъ гвардіи, гвардейцамъ, гвардіонцамъ,

Ихъ золоту, шитью дивились будто солнцамъ,

и, безъ всякихъ колебаній, предпочелъ ей скромную архивскую службу, представлявшую впереди переводъ въ Коллегію Ив. Дѣлъ. А возможность поѣздки въ русское посольствѣ за границу, гдѣ онъ могъ бы, въ сближеніи съ чужими народностями, дополнить свое умственное образованіе, всегда манила поэта. Вѣроятно, онъ думалъ въ этомъ случаѣ, что «знающій одну свою родину прочелъ только первую страницу книги вселенной» (*).

Конечно не безъ глубокаго сознанія Веневитиновъ рѣшился

(*) Эпиграфъ къ Чайльдъ-Гарольду.

на такой выборъ. Его «Жертвоприношеніе» (Соч. Вен. стр. 59) говоритъ довольно убѣдительно, что сходясь весьма близко съ прелестями разсѣянной жизни, онъ всегда умѣлъ предпочесть ей другую жизнь—трудовую и разумную. Благодѣтельное воспитаніе, которое получилъ онъ, объясняетъ вполнѣ удовлетвори- тельно такой образъ мыслей. Нестѣсненный никогда въ своемъ нормальномъ развитіи давленіемъ грубой власти, Веневитиновъ не могъ чувствовать и того желанія «закружиться», хватить че- резъ край всякаго рода удовольствій, которое овладѣваетъ иногда молодымъ человѣкомъ, только что вырвавшимся на волю, полу- чившимъ, послѣ долгихъ задержекъ, свободу самоуправленія....

Другаго рода страсти овладѣли теперь юношей: онъ сдѣлался членомъ весьма замѣчательнаго литературнаго кружка, въ кото- рый вошли: И. В. Кирѣевскій, Кошелевъ, Мазьцовъ, В. П. Ти- товъ, Рожалинъ, Шевыревъ, Погодинъ, Ѳ. С. Хомяковъ. Каж- дый вторникъ вся названная молодежь собиралась къ Веневити- нову—и въ этой сферѣ доканчивалось развитіе поэта. Философ- ское направленіе, только что возникавшее между образованнѣй- шими москвичами, преобладало въ этомъ кружкѣ,—и здѣсь то Веневитиновъ, подкрѣпленный десяткомъ умныхъ и пылкихъ головъ, окончательно вышелъ на тотъ «священный путь» пыл- ливаго, но не узкаго мышленія, который долженъ былъ, безъ большихъ поворотовъ и уклоненій, вести его къ цѣли жизни.

Москва вообще богата всякаго рода кружками: славянская общи- тельность и охота рѣшать всѣ дѣла «міромъ» нигдѣ такъ не раз- вита, какъ въ нашей древней столицѣ. Москвичъ словоохотливъ и любитъ объяснять разумной причиной каждый свой поступокъ, быть можетъ не стоющій объясненія. «При первой встрѣчѣ съ вами—говоритъ Бѣлинскій «въ Физіологіи Петербурга»—Моск- вичъ непремѣнно заспоритъ и только тогда начнетъ иронически улыбаться, когда увидитъ, что ваши мнѣнія не сходятся съ мнѣ- ніями кружка, въ которомъ онъ ораторствуетъ или слушаетъ, какъ другіе ораторствуютъ.»

Противъ такихъ-то кружковъ многіе возставали и возстаютъ, какъ противъ такой умственной западни, гдѣ гибнетъ свобода мысли и самостоятельное развитіе человѣка и на мѣсто всего это- го воцаряется полная послушность «общей» волѣ, «общему» дви- женію, всегда подчиненнымъ одной сильной волѣ, или двумъ, тремъ даровитымъ людямъ; короче говорятъ, что каждый такой общинникъ вырабатываетъ не свою личность, а личность кружка, къ которому принадлежитъ онъ, и, теряя собственную физіоно- мію, сливается съ дюжиной, или массой. Подобное мнѣніе нель- зя назвать безусловно неправильнымъ, но вѣрность его тѣсно

опредѣляется большимъ или меньшимъ объемомъ входящаго въ кружокъ дарованія. Если оно ничтожно-мало, то пѣтъ сомнѣнія что типичность его будетъ совершенно сглажена вліаніемъ болѣе сильныхъ и даровитыхъ натуръ,—и конечно не къ худшему, потому что лучше вовсе не имѣть никакой фizioноміи, нежели имѣть ее дикую. Но если же дарованіе это въ самомъ объемѣ своемъ носить неистребимый зародышъ своеобразности, то странно предполагать, что какое бы нибыло постороннее вліаніе можетъ унизить его до безличности. Въ самомъ послѣдованіи чужимъ мыслямъ оно останется оригинальнымъ, по тому что въ безконечныхъ примѣненіяхъ мысли и долженъ выказаться особый тонъ, или извѣстная степень ея усвоенія.

Таковыми то эклектиками являются намъ и члены упомянутаго кружка. Такъ напримѣръ, бывши очень друженъ съ Кирѣевскимъ, Веневитиновъ уберется отъ той гордой, чуждой всѣхъ сердечныхъ вѣрованій, философій, которой поддался было сначала его молодой другъ, вѣроятно отъ пристальнаго и черезъ чуръ довѣрчиваго изученія писателей прошлаго вѣка, точно также въ послѣдствіи, согласясь съ главными пунктами его новой теоріи, не утратилъ бы своего личнаго, поэтическаго воззрѣнія на предметы, находившаго жизнь и красоту тамъ, гдѣ другой увидѣлъ бы только одно разрушеніе (*).

Кромѣ Кирѣевского, Рожалинъ былъ особенно близокъ къ поэту. Умный труженикъ, знатокъ нѣмецкой и древне классической литературъ, и партизанъ новаго, болѣе жизненнаго направленія искусства, Рожалинъ скоро сдѣлался необходимымъ для поэта. Природные инстинкты Веневитинова, отвлекавшіе его отъ застою въ литературѣ и ложно классическихъ авторитетовъ, были закрѣплены тщательнымъ изученіемъ Шекспира, (въ переводахъ Авг. Шлегеля), на котораго Рожалинъ указалъ ему. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ отъ Рожалина только одни, кропотливо отдѣланные, переводы изъ Геерена, (Моск. Вѣстн, 1827 г, «О древней торговлѣ», «О Раманѣ», «О Шлѣцерѣ»), но при всемъ усердномъ труженичествѣ, составлявшемъ отличительную черту этаго характера, онъ не былъ лишенъ и того поэтическаго элемента, который привлекалъ къ нему Веневитинова. Полной взаимностью отвѣчалъ Рожалинъ нашему поэту и въ

(*) Сущность новой теоріи Кирѣевского, какъ извѣстно, состояла въ томъ, что Европа отжила свою умственную жизнь и что отъ Россіи она ожидаетъ обновленія своихъ силъ. Если съ великимъ назначеніемъ Россіи можно было и тогда согласиться, то перваго положенія Кирѣевского нельзя было признать не только тогда, когда гегелизмъ еще не проникалъ въ европейскую науку, а Франція не выработала социальныхъ началъ, но даже и теперь—въ виду Италіи, готовою начать обновительную историческую жизнь.

слѣдствіи, умирая въ чахоткѣ, вспоминалъ объ немъ.... Ко времени этой пріязни относятся переводы Веневитинова — изъ «Эгмонта» Гете и Геерена (отрывокъ «Европа»). Выборъ послѣдней статьи, вѣроятно, былъ сдѣланъ не безъ совѣта Рожалина. Въ ней, между причинами возвышенія Европы, встрѣчаемъ одну, признаніе которой даетъ особенную цѣну труду переводчика—это представительная форма европейскихъ государствъ...

Открытая душа Веневитинова была вполне цѣнима его друзьями. Его блестящее остроуміе, не вездѣ одинаково настроенное, но всегда удачно раздѣлившееся въ близкомъ пріятельскомъ кружкѣ, много оживляло систематическія засѣданія молодыхъ людей. Замѣчательная физическая красота, выразительные каріе глаза и звучный голосъ довершали очаровательность Веневитинова во всякомъ обществѣ. Съ любовью и глубокой грустью вспоминалъ нашъ поэтъ объ этомъ близкомъ сердцу кружкѣ, оторванный отъ него необходимостью. Онъ говорилъ:

Отдайте мнѣ друзей моихъ,
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій, но горячій взоръ,
Языкъ безмолвныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ.

(Соч. Вен.; Послан. къ Р-ву, стр. 46).

Общество молодыхъ, даровитыхъ людей, со всѣмъ жаромъ своего возраста привязанныхъ ко всѣмъ благороднымъ стремленіямъ, конечно не могло вести безплодныхъ бесѣдъ и не болѣе какъ «шумныхъ» преній. Мы достоверно знаемъ по крайней мѣрѣ, что на этихъ мало замѣченныхъ сеймахъ весьма послѣдовательно выработалась идея необходимости такого журнала, который выполнялъ бы всѣ условія «русскаго» періодическаго изданія. Условія эти съ большою ясностью высказаны въ статьѣ Веневитинова: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», которая, въ видѣ проекта, была прочтена на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ. Въ ней высказывалось много свѣтлыхъ мыслей на счетъ характера русскаго просвѣщенія, русскихъ журналовъ и возникшаго изъ него «чувства подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболопство». Въ этомъ же кружкѣ были прочтены прозаическіе отрывки: «Скульптура, живопись и музыка», «Утро, полдень, вечеръ и ночь» и «Анаксагоръ». Содержаніе этихъ отрывковъ уже показываетъ многосторонность и живой интересъ бесѣдъ молодыхъ людей. Послѣдній изъ нихъ («Анаксагоръ»), гдѣ высочайшая поэзія полагается въ философію, обнаруживаетъ разомъ и то, что поэтъ ушелъ очень далеко въ наукѣ познанія, и силу поэтическаго дара, которымъ онъ могъ оживлять самыя отвлеченныя мысли.

Программу статей: «Нѣсколько мыслей въ планѣ журнала». взялся исполнить нѣсколько позже Московскій Вѣстникъ (изд. съ 1827 г.) Веневитиновъ, всегда ожидая отъѣзда въ Петербургъ, не могъ быть редакторомъ Вѣстника, но постоянно бралъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Его содѣйствію обязанъ былъ этотъ журналъ сотрудничествомъ Пушкина. Уже изъ Петербурга Веневитиновъ просилъ: «сказать искренно, что говорятъ о Московскомъ Вѣстникѣ». Въ другомъ мѣстѣ того же письма онъ проситъ передать Погодину, (редактору Вѣстника), что нехудо было бы пригласить въ сотрудники журнала Мицкевича, слышшаго за знатока «литовскихъ древностей, латышскаго и древнеславянскаго языковъ». Также предлагаетъ онъ сразить въ конецъ «треглавую петербургскую гидру»: Пчелу, Архивъ и Сына Отечества, мира съ которыми, по его мнѣнію, не могло быть. Въ полемикѣ съ Телеграфомъ онъ совѣтовалъ быть осторожнѣе, указывая на особенныя достоинства этого журнала.

«Скажи Погодину—пишетъ онъ въ письмѣ отъ 24-го Января 1827 года—чтобъ онъ не скупился, прибавилъ листочекъ къ журналу, а то онъ точно въ чахоткѣ. Да что онъ не разнообразитъ его! Я объ нихъ, (издателяхъ Моск. Вѣстника), больше забочусь, чѣмъ они о себѣ».

Большая часть его совѣтовъ исполнилась—и современники оцѣнили прекрасное направленіе журнала. Самый Телеграфъ, забывъ на время свою обычную строгость и сухость похвалъ, говорилъ, что «Московскій Вѣстникъ обращаетъ на себя вниманіе не одною исправностью выхода книжекъ (достоинство далеко не маловажное въ то время), но и самымъ содержаніемъ, благонамѣренностью критики, свѣжестью статей. И такъ мы будемъ вполнѣ правы, если бросимъ впослѣдствіи бѣглый взглядъ на русскую журналистику и укажемъ въ ней мѣсто этому новому органу. Теперь же перейдемъ къ важнѣйшей эпохѣ въ жизни поэта—его первой, юношеской любви.

Ученые труды и философскія бесѣды конечно не могли поглотить всего Веневитинова: его живая, сочная душа не могла остаться при одной жизни ума безъ жизни сердца, чтобы наконецъ представить въ юношѣ одного изъ тѣхъ довременныхъ «старичковъ» надъ которыми недавно такъ зло и удачно подсмѣялся г. Бенедиктовъ (Нов. ст. Бен., стр. 27). Природная впечатлительность поэта не загасла въ этомъ раннемъ умственномъ развитіи и вырвалась таки наружу въ горячей, страстной любви.... Это случилось въ половинѣ 1825-го года, то есть когда Веневитинову было около 20-ти лѣтъ.

Время любви—весьма важный и вмѣстѣ необходимый моментъ

въ развитіи каждаго человѣка. Кто не прошелъ этихъ волненій, всегда дорогихъ для памяти, кто не былъ въ той завѣтной порѣ, когда

Безумно сердце просить женской ласки.
И чудная мечта нашептываетъ сказки?

Притомъ же особенности натуры Веневитинова много способствовали силѣ и продолжительности его любви,—и потому неудивительно, что она длилась довольно долго и не скоро поддавалась холоду жизни. Обладая сердцемъ нѣжнымъ и привязчивымъ, поэтъ не могъ любить вспышкой, съ расчетомъ, съ *aggrède pensèe*,—любовь сдѣлалась его вдохновеніемъ, цѣлю, привязывавшей его къ жизни.

«Сонетъ» (Соч. Вен. стр. 27)—одинъ изъ лучшихъ сонетовъ того времени—предваряетъ эту любовь. Изъ него видимъ мы, что въ груди молодого поэта было скоплено уже много страсти прежде, чѣмъ онъ встрѣтился съ предметомъ своей любви.

Два стихотворенія: «Элегія» и «Италія», (написанныя уже по отъѣздѣ изъ Москвы), нѣсколько изображаютъ личность любимой особы и характеръ любви къ ней Веневитинова. Изъ перваго мы узнаемъ, что она только вернулась съ юга и «принесла въ очахъ цвѣтъ южнаго неба» Чувство, возбужденное ей, поэтъ называетъ «томительнымъ и мятежнымъ огнемъ»:

Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной,
Нѣтъ! онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ.
Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ,
И сердце вновь пробудится страданьемъ.

(Соч. Вен. стр. 64).

Второе стихотвореніе, гдѣ поэтъ самъ надѣется посѣтить «отчизну вдохновенія», позволяетъ думать, что рассказы молодой путешественницы о дальней и чудной сторонѣ были свѣжи и увлекательны...

Пьесы: «Завѣщаніе» и «Къ моему перстню» (Соч. Вен. стр. 47 и 49), хотя написанныя уже послѣ, относятся по духу къ этому времени, и какъ слѣдовало ожидать, носятъ на себѣ печать болѣзненности и тѣкой грусти, такъ сродныхъ всякой нѣжной и глубоколюбящей душѣ въ минуты сильнѣйшаго напряженія ея чувства. Къ тому же любимая особа была много старше и развитѣе нашего поэта и не могла отвѣчать его страсти съ одинаковой искренностью и теплотою. Два стиха въ пьесѣ: «Къ моему перстню» наводятъ на мысль, что отношенія ихъ были лишены той взаимности, которая могла бы исключить душевную тревогу поэта. «Дружба»—говоритъ онъ своему перстню—

..... тебя залогом состраданья
Любви рыдающей дала!

Но натура этой женщины, — недаромъ прозванной въ высшемъ кругу «Сѣверной Коринной», — была весьма даровита и симпатична, — и любовь къ ней Веневитинова продолжалась въ Петербургѣ, сверхъ полутора года, проведеннаго въ Москвѣ. Такъ говорилъ онъ, вспоминая интимныя бесѣды:

Отдайте сладостные звуки,
Они мнѣ счастья поруки:
Такъ тихо вѣяли они
Огнемъ любви въ душѣ невѣжды
И свѣтлой радугой надежды
Мои расписывали дни....

(Соч. Вен. стр. 46).

Но сверхъ этого сильнаго чувства, замыкавшаго собой все нравственное развитіе поэта, московская жизнь подарила его знакомствомъ съ А. С. Пушкинымъ, пріѣзжавшимъ въ 1826-мъ году, по особеннымъ причинамъ, въ Москву.

Еще живши въ Тригорскомъ, Пушкинъ узналъ Веневитинова по разбору 1-й пѣсни Овѣгина въ критикѣ на статью Телеграфа (Соч. Вен. стр. 156). По пріѣздѣ въ Москву, онъ, съ живостью такъ ему свойственной, объявилъ г. Соболевскому, у котораго остановился, желаніе познакомиться съ авторомъ. «Это единственная статья — говорилъ А. С. — которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ. Все остальное или брань, или переслащенная дичь» (*).

Въ домѣ Соболевскаго произошло это знакомство, когда Пушкинъ, устроивъ литературную вечеринку для прочтенія «Бориса Годунова», пригласилъ къ ней и Веневитинова. Въ домѣ послѣдняго происходило на другой день вторичное чтеніе той же пьесы.

Геніальный поэтъ не могъ не замѣтить въ Веневитиновѣ тѣхъ особенныхъ достоинствъ, которыя такъ влекли къ нему всѣхъ людей, знавшихъ его, и скоро между ними началась довольно тѣсная связь. Мы имѣемъ одну пьесу, писанную Веневитиновымъ къ своему новому другу и ея почтительный тонъ говоритъ довольно ясно, что Пушкинъ увлекъ нашего юношу широтой и живостью своего ума, гибкостью остроумія, тонкаго и блистательнаго.

Пьеса начинается обращеніемъ къ творцу «Бориса»:

Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа

(*) Мы не ручаемся, конечно, за буквальную точность этихъ словъ.

И снисходительнаго слуха
Младую музу удостой.....

(Соч. Вен. стр. 54).

Впослѣдствіи Пушкинъ былъ глубоко огорченъ смертью своего юнаго друга и раздѣлялъ всѣ хлопоты родныхъ о его погребеніи.

Вскорѣ однако приблизилось для Веневитинова время разлуки съ Москвой. Въ Канцеляріи Коллегіи Иностран. Дѣлъ открылась вакансія—и въ концѣ Сентября 1826 года нашъ поэтъ отправился туда,—съ прежней любовью и недавно начатымъ романомъ. Бутеневъ становился въ Петербургѣ его ближайшимъ начальникомъ; О. С. Хомяковъ и французъ Вошѣ, только что вернувшійся изъ Сибири, куда онъ сопровождалъ княгиню Трубецкую, были его попутчиками. Компанія послѣдняго надѣлала остановокъ въ долгомъ и скучномъ переѣздѣ, но прямота и благородство молодого поэта скоро кончили всю некстати начатую исторію.

Проѣздомъ чрезъ Новгородъ Веневитиновъ вдохновился его грустной судьбой и написалъ стихотвореніе, названное именемъ вольнаго города (Соч. Венев. «Новгородъ»).

«Москву оставилъ я какъ шальной—писалъ Веневитиновъ въ первомъ письмѣ дѣзъ Петербурга—не знаю, какъ не сошелъ съ ума. Сюда пріѣхалъ больной». На просьбу своего корреспондента описать ему Петербургъ, онъ отвѣчалъ, что «описывать Петербургъ не стоитъ. Хотя Москва и не даетъ объ немъ понятія, но онъ говоритъ болѣе глазамъ, чѣмъ сердцу». Любуясь Казанскимъ Соборомъ, поэтъ находилъ въ себѣ склонность къ набожности. «Я люблю, говоритъ онъ, церковь огромную и довольно величественную». Чувство изящнаго и необходимость сильнаго утѣшенія заодно развивали въ немъ эту склонность, но мы не думаемъ, чтобы когда нибудь она перешла ту черту, на которой только возвышаетъ и укрѣпляетъ человѣка, не заразивъ его ни аскетизмомъ, ни презрѣніемъ—достойнымъ тоже презрѣнія—къ силамъ разума.

Таврическій Дворецъ съ своей знаменитой залой и садомъ скоро сдѣлался предметомъ частыхъ посѣщеній поэта: особенно нравилась ему группа Лаокоона. Нева «плѣнила» его и это чувство онъ спѣшилъ заявить въ стихотвореніи: «Къ моей богинѣ». Изъ него видимъ мы, что не одну прогулку по берегамъ «тихоструйной» рѣки сдѣлалъ нашъ поэтъ, вспоминая Москву и виновницу того чувства, которое теперь отравлялось разлукой.

«Обѣдаю за общимъ столомъ у Andrieux—писалъ онъ въ первомъ же письмѣ—гдѣ собираются говоруны и умники Петербурга. И, разумѣется, молчу и вужно прибавить, что я сталъ очень молчаливъ съ тѣхъ поръ, какъ тебя оставилъ». Здѣсь по-

ясняется замѣчательная черта въ характерѣ Веневитинова: онъ не былъ «говорунѣмъ», не любилъ словесныхъ турнировъ, на которые иной боецъ за-долго запасаетъ стрѣлы и копья,—и, только съ близкими людьми, могъ вступать въ живой, одушевленный разговоръ. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ вполне вѣренъ тому идеалу человѣка, который самъ начерталъ въ стихотвореніи: «Поэтъ». Ему трудно было говорить то, чего онъ не чувствовалъ и о томъ, чему не сочувствовалъ, и «слово, сжатое искусствомъ» всегда замирало въ устахъ его. Конечно, при помощи обширной проницательности и способности вызывать на откровенность всякое новое лицо, сближавшееся съ нимъ, онъ скоро находилъ людей, съ которыми бы могъ «отвести душу», но, несмотря и на это, онъ онъ не могъ остаться въ Петербургѣ вполне тѣмъ человѣкомъ, какимъ знавалъ себя прежде. Всѣ привязанности сердца, всѣ воспоминанія молодости, влекли его въ покинутый городъ,—и онъ, съ полнымъ правомъ, указывалъ на себя Рожалину, какъ на жертву «многолюдной пустыни, не населенной ни единою душою». (Соч. Вен. стр. 45). Въ письмахъ къ одному близкому лицу, онъ часто просилъ передать поклонъ любимой особѣ, или нѣкоторые изъ своихъ стиховъ. Въ Петербургѣ онъ встрѣтилъ одну, тоже весьма привлекательную женщину, но сердце его уже не было свободно и онъ говорилъ, что «любуется ей, какъ Ифигніей въ Тавридѣ, которая, мимоходомъ сказать, прекрасна». Въ Декабрѣ онъ думалъ развлечься петербургскими маскарадами, но не вынесъ изъ нихъ ничего, кромѣ скуки. Болѣзненное состояніе его духа заранѣе опредѣлило это впечатлѣніе.—Изъ всѣхъ знакомствъ, заведенныхъ Веневитиновымъ въ новомъ мѣстѣ, знакомства съ Кн. В., Гр. Л., Дельвигомъ и Козловымъ были для него пріятнѣйшими. Въ домѣ первыхъ двухъ онъ чаще всего проводилъ время, свободное отъ службы и поэтическихъ вдохновеній. Дельвигъ, благодаря своей прямой, честной натурѣ, «привлекавшей его къ возвышеннымъ глѣбцамъ» скоро сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ Веневитинова. Нерѣдко цѣлые вечера проводили они вмѣстѣ «попѣвая пѣсни и швыряя другъ въ друга стихами».

Здѣсь же кстати замѣтить, что, въ минуту увлеченія, поэтъ нашъ былъ самымъ счастливымъ импровизаторомъ и часто даже сочинялъ цѣлую шутливую оперу на того, кто затрогивалъ въ немъ юмористическую жилу. Сохранилась діатриба, направленная имъ на одного изъ знакомыхъ, большаго мастера на пышныя фразы, человѣка, который самъ себя подслушивалъ въ разговорѣ; еще уцѣлѣлъ водениль, писанный, подъ веселую руку, для домашнего спектакля

Кромѣ Дельвига, нашлись и другіе претенденты на дружбу поэта: два журналиста «увивались около него, какъ около липки», намѣтивъ пользу для себя и для своихъ изданій, но скоро однако потеряли надежду «добыть отъ него меду». Молодость поэта не мѣшала ему разгадать вполне новыхъ пріятелей и ихъ расчетливыя ласки.

«Я дружусь съ моими дипломатическими занятіями»—писалъ Веневитиновъ въ Декабрѣ, пригоняемый къ нимъ горечью своей внутренней жизни. «Молю Бога, чтобы поскорѣе былъ миръ съ Персіей: хочу отправиться туда и на свободѣ пѣть съ восточными соловьями.» Судьба не дала ему дожить до той печальной катастрофы, которой вскорѣ подверглось наше персидское посольство: оно уже готовило ему болѣе раннюю и мирную смерть.

Таланты молодого человѣка и его усердіе къ службѣ были скоро замѣчены гр. Лавалемъ, поручавшемъ его перу самыхъ важныхъ бумаги. По его же приглашенію, Веневитиновъ разбираетъ сцену изъ «Бориса Годунова» для *Journal de S. Pétersbourg* (Соч. Вен. стр. 181; *Analyse d'une scène, détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin*), но, еще нерѣшенная въ то время, участь Пушкина помѣшала этой статьѣ явиться въ правительственномъ журналѣ. Когда же пронесся слухъ, что Улыбышевъ собирается бранить эту сцену, то Веневитиновъ надѣлся опять приняться за перо. «Я очиню перышко-говорилъ онъ-и мы перевѣдаемся».

«Несмотря на множество занятій-сообщалъ онъ въ декабрьскомъ письмѣ- я все таки нахожу время писать». Хотя это случалось довольно часто, но, несмотря на свое обиліе, всѣ произведенія, писанныя имъ въ эту пору, имѣютъ много достоинствъ и ясно выражаютъ тотъ крутой переходъ отъ юношества къ зрѣлости, въ которомъ теперь находился авторъ. Сюда относятся: «Поэтъ», первое стихотвореніе, присланное изъ Петербурга, и всѣ стихотворенія, помѣщенные въ изданія послѣ него. Въ нихъ проглядываетъ уже серьезный взглядъ на жизнь, а въ переводахъ изъ Фауста видно желаніе глубже вникать въ вопросы этой жизни. Пьесы: «Три участа» и «Жизнь» показываютъ, что поэтъ не обошелся при этомъ безъ того невольнаго скептицизма, который обуславливаетъ всякое раннее развитіе. Неустоявшаяся мысль еще требуетъ опоры, хотя сердце и рвется съ прежней горячностью по однажды избранному пути. Вторая пьеса могла бы даже служить программой поэзіи Варатынскаго, хотя послѣдній нисколько не былъ подражателемъ, но собственнымъ мышленіемъ достигъ того же грустнаго вывода. (*)

(*) Вотъ эта коротенькая пьеска:

Сначала жизнь пылаетъ насъ,

Стихотвореніе «Домовой» присланное съ однимъ декабрьскимъ письмомъ, тоже имѣетъ цѣну по милой простотѣ и народному колориту, особенно утѣшительному въ то время, когда «солдаты» Дельвига описывали высокимъ слогомъ вліяніе лѣтняго воздуха на свои «суставчики», а рыбакъ Гнѣдича любовался на звѣзды и слышалъ въ тѣниночѣй какіе то «вѣщіе гласы».

При посылкѣ «Домоваго» выразилась еще одна важная особенность въ характерѣ Веневитинова: онъ запрещаетъ показывать эту пьеску въ дамскомъ обществѣ, хотя въ ней нѣтъ ничего, не только циническаго, но и сколько нибудь оскорбительнаго для самой придирчивой нравственности. Но всего замѣчательнѣй стихи, начинающіеся такъ:

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенія.

(Соч. Вен. стр. 67.

Въ нихъ уже видно начало освобожденія поэта отъ всѣхъ исключительныхъ привязанностей въ пользу свѣтлой, глубоко поэтической созерцательности. Онъ не доволенъ однимъ чувствомъ, незрѣлымъ въ самомъ себѣ хотя и обогатившимъ его жизнь новыми впечатлѣніями,—но хочетъ объять всю природу и въ свободномъ вдохновеніи воспроизводить каждый ея фактъ достойный воспроизводить.

Такъ соловей, въ тѣни дубравъ,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Улыло вечеръ воспѣваетъ,
И утромъ весело встрѣчаетъ,
Въ румяномъ небѣ ясный день.

Короткій разговоръ «Поэта и Друга» писанный подъ вліяніемъ какого то пророческаго предчувствія, долженъ остановить на себя все вниманіе біографа. Здѣсь, въ лицѣ «Поэта», мы узнаемъ са-

Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ,
И, какъ заманчивый рассказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ:
Кой-что страшитъ издалека,—
Но въ этомъ страхѣ наслажденье.—
Онъ веселитъ воображеніе,
Какъ о волшебномъ приключеніи
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривый;
Мы привыкаемъ къ чудесамъ,
Потомъ-на все глядимъ лѣнливо,
Потомъ—и жизнь посылаетъ намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

(Соч. Вен. стр. 44).

мага, Веневитинова въ сокровеннѣйшихъ движеніяхъ его сердца
Вспомнимъ строфу:

Душа сказала мнѣ давно
Ты въ міръ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Но поэтъ твердо вѣруетъ, что

Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата...

«Земная участь и апопсоза художника» дополняетъ впечатлѣніе предъидущаго: ту же вѣру въ безсмертіе, надежду на пониманіе и сочувствіе потомства поэтъ выражаетъ въ образахъ, заимствованныхъ у Гёте. Частныя мысли замѣчательны: въ лицѣ «художника» поэтъ говоритъ:

..... лишь тотъ знакомъ съ душевнымъ наслажденьемъ,

Кто пріобрѣлъ его трудами и терпѣньемъ.

Подъ именемъ «Мастера» онъ сѣтуетъ на то, что

..... въ наши времена всѣ любятъ путь широкій,
Не трудную стезю, не строгіе уроки. (*)

Въ Февралѣ 1827 года мы застаемъ Веневитинова за новой работой, которая должна была рѣшить: «долженъ ли онъ слѣдовать влеченію къ поэзій или побороть въ себѣ эту страсть». Къ сожалѣнію намъ не осталось ни одного отрывка изъ этого, по всей вѣроятности, прекраснаго произведенія. Романъ, начатый Веневитиновымъ въ Москвѣ, тоже подвигался впередъ. Намъ сохранился отъ него одинъ отрывокъ и еще программа всего сочиненія, изложенная въ предисловіи къ прозаическимъ статьямъ Веневитинова. По ней можно судить, что романъ этотъ всего приличнѣе было бы писать стихами. Его многія длинноты не были бы такъ замѣтны, а иныя подробности вышли бы гораздо эффектнѣе подъ выразительнымъ, краткимъ стихомъ Веневитинова.

Изъ помнутаго отрывка мы убѣждаемся еще положительнѣй, что для поэта проходила уже пора безотчетныхъ восторговъ любви. Усиленная работа мысли, укрѣпленной и направленной опытомъ, уже привела его къ рубежу юношеской страсти—строгой наблюдательности и безысключительному анализу всякаго чувства. Поэтъ уже не удовлетворялся «первымъ идеаломъ своимъ, тѣмъ образомъ, въ который выливалъ всю душу»,—и смѣло указывалъ себѣ на третью эпоху жизни, эпоху думъ. Трудъ

(*) Читатель не удивится смѣлости, съ какой мы усвоиваемъ Веневитинову приведенныя мысли: у такихъ мыслителей-поэтовъ, какъ Веневитиновъ, переводныя пьесы, всегда въ главныхъ чертахъ, выражаютъ собственный духъ переводчика.
Лст.

и мышленіе становились его девизомъ.... Но физическія силы поэта, какъ ни были значительны, не вынесли такой жгучей умственной работы. Онъ

..... жизни не щадилъ чувства,—

и надъ нимъ сбывалось его же собственное пророчество.... За мѣсяцъ до кончины поэта, Гр. Стурдза уже видѣлъ на его лицѣ признаки близкаго разрушенія. «Я видѣлъ Веневитинова—говорилъ онъ впоследствии О. С. Хомякову—и съ перваго взгляда призналъ въ немъ геніальность, но тутъ же замѣтилъ я на его лицѣ признаки скорой смерти. Я въ этомъ никогда не ошибался.»

Еще бѣдный поэтъ мечталъ о поѣздкѣ въ Маѣ мѣсяцѣ въ Ревель и Финляндію, какъ вдругъ неотразимая болѣзнь сложила его въ постель. Жестокій тифъ продолжался, по показанію однихъ писемъ до 5, а по другимъ даже до 9 дней. Докторъ Раухъ, славный въ то время въ Петербургѣ, лечилъ больного, но безъ успѣха,—и 15 Марта 1827 года Д. В. Веневитиновъ скончался на рукахъ Хомякова, Муханова и другихъ близкихъ людей.

Вѣсть о его смерти поразила ужасомъ всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ. Стоитъ только просмотрѣть разныя письма на этотъ печальный случай, чтобы убѣдиться въ томъ, что только глубоко честная, любящая и обаятельная душа могла возбудить такіа сходныя чувства. Отъ матери долго скрывали ея потерю. Хомяковъ заболѣлъ отъ горести. Выражая свою любовь къ покойному, одна дама писала, что «это чувство было обще всѣмъ, кто зналъ поэта». «Душа разрывается—писалъ Кн. О.—я плачу, какъ ребенокъ»!...

Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву, и вотъ какой эпитафіей почтилъ его гробницу старикъ—Дмитріевъ:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской,

Надъ нею роза дышетъ,—

А старость дряхлою рукой

Ему надгробье пишетъ!...

На могильной плитѣ, (въ Симоновомъ монастырѣ), вырѣзана краткая надпись:

Какъ зналъ онъ жизньъ, какъ мало жилъ. (*)

(*) Москва до сихъ поръ не забыла своего поэта какъ видно изъ статьи г. Демичева о похорожахъ С. Т. Аксакова (Русск. В. 1859 года). *Дом.*

ЗАМѢТКИ ОБЪ А. С. ГРИБОѢДОВѢ.

Скудость обнародованныхъ до сихъ поръ свѣдѣній о жизни Грибоѣдова препятствуетъ разъясненію важнаго въ его біографіи вопроса: какъ развилось и окрѣпло его дарованіе и что способствовало этому развитію? Предлагаемъ нѣсколько указаній, хоть отчасти разъясняющихъ этотъ вопросъ.

А. С. Грибоѣдовъ родился 4 Января 1795 года, первоначальное образованіе онъ получилъ въ родномъ семействѣ сперва подъ руководствомъ матери, Настасьи Федоровны, женщины очень просвѣщенной, а потомъ подъ наблюденіемъ иностранцевъ гувернеровъ. Первымъ изъ нихъ былъ извѣстный ученый и энциклопедистъ Петрозиліусъ, вторымъ Богданъ Ивановичъ Іонъ. Последний, человекъ очень ученый, образованный, далъ Александру Сергѣевичу классическое образованіе. Въ 1811 году превосходно приготовленный Грибоѣдовъ поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета. Но Іонъ продолжалъ жить у Грибоѣдовыхъ и всегда сопровождалъ своего воспитанника на лекціи; это было тогда въ обычаѣ у молодыхъ людей богатыхъ фамилій. Уже въ это время Грибоѣдовъ говорилъ по французски, нѣмецки, англійски и итальянски ⁽¹⁾ и оказывалъ склонность къ серьезному чтенію. Это чтеніе, вмѣстѣ съ университетскими лекціями, стало въ послѣдствіи главнымъ основаніемъ его образованія. Будучи студентомъ, Грибоѣдовъ съ Іономъ читалъ латинскихъ классиковъ; любимыми его писателями были комики

(1) Это показаніе, принадлежащее г. Н. (см. ниже), не согласно однако со слѣдующими словами Грибоѣдова: «Les connaissances que je possède se réduisent à celle des langues: Slavonne et Russe, Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan et l'Arabe (Москвитинъ 1856 г., № 12, изъ черновой рукописи одного письма, писаннаго Грибоѣдова въ 1820 году. См. также изд. Сергеевскаго: А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія». СПб. 1838 (8), стр. 48). Быть можетъ скрытность руководила словами поэта. Грибоѣдовъ записался также греческимъ языкомъ (около 1817 года), какъ увидитъ читатель изъ напечатаннаго ниже письма А. С.

Плавтъ и Теренцій. Однажды онъ не поладилъ со своимъ наставникомъ и вмѣсто Юна просилъ одного изъ своихъ товарищей, г. Н. ⁽²⁾, помочь ему въ чтеніи Плавтова «Хвастливаго Война». При этомъ случаѣ г. Н. убѣдился, что латынь коротко знакома Грибоѣдову, и г. Н. приходилось объяснять Александру Сергѣевичу только нѣкоторыя особенности Плавтова языка.

Благодаря знанію древнихъ языковъ, Грибоѣдовъ почти одинъ изъ русскихъ былъ въ состояніи слѣдить за лекціями нѣмецкихъ профессоровъ, читавшихъ по латини. Недовольствуясь университетскими лекціями, онъ частнымъ образомъ слушалъ эстетику у профессора Буле, на нѣмецкомъ языкѣ.

Литературныя занятія будущаго автора «Горе отъ ума» начались еще въ университетѣ. Нерѣдко читалъ онъ своимъ товарищамъ стихи своего сочиненія, большею частью сатиры и эпиграммы. Однажды, въ началѣ 1812 года, онъ прочелъ Юну и г. Н. отрывокъ изъ комедіи, имъ задуманной: это были начатки «Горе отъ ума». Это извѣстіе, сообщенное г. Н., по нашему мнѣнію, такъ важно, что для полной достовѣрности, требуетъ новаго подтвержденія, но во всякомъ случаѣ оно правдоподобіе разсказа г. Булгарина о снѣ, видѣнномъ Грибоѣдовымъ въ Персіи и подавшемъ ему поводъ къ созданію знаменитой комедіи ⁽³⁾. Могутъ возразить, что семнадцатилѣтній Грибоѣдовъ не могъ близко знать московское общество, такъ живо имъ изображенное.—Справедливо, но несомнѣнно и то, что комедія была много разъ передѣлываема и исправляема ⁽⁴⁾. И можетъ быть, въ своемъ первообразѣ, мало походила на полнѣйшую свою форму.

Передъ началомъ войны 1812 года студентамъ Московскаго Университета сдѣланъ былъ вызовъ: не пожелаетъ ли кто поступить въ военную службу? Патріотическое движеніе было всеобщее, и Грибоѣдовъ, подобно многимъ другимъ, оставилъ университетъ для военной службы.

Служебная дѣятельность Грибоѣдова, сперва военная, а потомъ дипломатическая, не помѣшала ему продолжать свое образованіе чтеніемъ, которое было очень разнообразно, какъ это доказывается недавно изданною черною тетрадью поэта ⁽⁵⁾. Полагаемъ, что это чтеніе сформировало здравыя литературныя понятія Грибоѣдова, не позволившія ему увлечься сенти-

(2) Г. Н. сообщившій намъ всѣ эти свѣдѣнія (за что приносимъ ему полную нашу благодарность) былъ короткимъ знакомымъ Грибоѣдова. Г. Н. специально изучалъ римское право и латинскую филологію.

(3) Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, напечатанныя при «Горѣ отъ ума», изданіе г. Чердохостова. Спб. 1854 (13), стр. XII и XIII.

(4) Свидѣтельство г. Булгарина тамъ же.

(5) Русское слово на 1859 годъ, книги IV и V.

ментальнымъ направленіемъ, которое господствовало въ нашей литературѣ въ послѣдніе годы прошлаго вѣка и въ первый десятокъ, пятнадцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Это направленіе утвердилось у насъ «Письмами Русскаго Путешественника» (1791 г.), повѣстями Карамзина, пѣснями Дмитріева и Нелединскаго-Мелецкаго. Подражатели ихъ довели это направленіе до крайности. Крайности вызвали въ литературѣ насмѣшки и противодѣйствіе: появился «Новый Стернь» Кн. Шаховскаго (1807), началось изданіе «Благонамѣреннаго», который открылъ жестокою войну съ сентиментальностью (1818 г.). Загоскинъ написалъ «Романъ на большой дорогѣ» (1819). Грибоедовъ тоже принялъ участіе въ этой литературной борьбѣ, написавши въ 1817 году, вмѣстѣ съ П. А. Катенинымъ, комедію въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ». Она не была до сихъ поръ ни напечатана, ни играна на сценѣ (*). Поэтому, предлагаемъ здѣсь краткое обзорѣніе ея содержанія, на основаніи рукописи, принадлежавшей П. А. Катенину.

Его превосходительство г. Звѣздовъ, будучи въ Казани, познакомился съ г. Беневольскимъ, который «предложилъ ему свои услуги и имѣлъ хожденіе за его дѣлами». Въ благодарность за это Звѣздовъ обѣщалъ покровительствовать сыну Беневольскаго, когда онъ, окончивши курсъ въ Казанскомъ Университетѣ, пріѣдетъ, въ Петербургъ, и выдать за него свою воспитанницу Варвару Николаевну. Но Варинька влюблена въ Полюбина, молодого человѣка, служащаго въ Петербургѣ, и любима имъ взаимно. По этому, когда Евлампій Аристарховичъ Беневольскій (сынъ) пріѣзжаетъ въ домъ Звѣздова (этимъ начинается комедія) и задумываетъ немедленно привести въ исполненіе обѣщаніе своего покровителя, то встрѣчаетъ противодѣйствіе и въ самой Варинькѣ, и въ женѣ Звѣздова, и въ ея братѣ Саблинѣ (пріятелѣ Полюбина). Дѣло въ томъ, что Беневольскій оказывается боль-

(*) Г. Серчевскій въ изданіи сочиненій Грибоедова (СПб. 1858 (8), стр. 243) говоритъ, о «Студентѣ» слѣдующее: «Въ этомъ произведеніи выведена тогдашняя борьба классицизма съ романтизмомъ; она наполнена идеями устарѣвшими и заключаетъ въ себѣ личности, недозволившими (должно быть не дозволившими) представить ее на сценѣ и еще менѣе подвергнуть типографскому тисненію» Неизвѣстно, откуда взяты эти свѣдѣнія; не знаемъ также противъ кого направлена комедія (что касается борьбы классицизма съ романтизмомъ и устарѣвшихъ идей, то ихъ вовсе нѣтъ въ пьесѣ: Грибоедовъ, какъ и Кн. Шаховской, враждовалъ противъ чувствительности, но былъ горячій защитникъ романтизма, что видно изъ его статьи «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Леонора» помѣщенной въ Сынѣ Отечества 1816 г. № 30, стр. 150», и въ изд. Серчевскаго стр. 18) между тѣмъ какъ Шаховской пытался осуждать романтизмъ въ «Липецкихъ Водахъ». Вообще Грибоедовъ отличался чрезвычайною самостоятельностью литературныхъ новатій.

шимъ оригиналомъ; онъ не большаго ума, но страшно честолюбивъ и имѣетъ высокое мнѣніе о своихъ дарованіяхъ, до крайности зараженъ сентиментальностью, господствующею въ нашей литературѣ, и самъ пишетъ стихи. Звѣздовъ сперва не соглашается измѣнить своему общанію, но потомъ убѣжденный хитростію своей жены, уступаетъ общему желанію и женить на Варинькѣ Полюбина, а Беневоольскій остается ни при чемъ и принужденъ выѣхать изъ дома бывшаго своего покровителя. Этимъ и кончается комедія.

Вотъ обращикъ сатиры автора на литературную чувствительность и литературные нравы эпохи (Беневоольскій мечтаетъ о своей столичной жизни тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ): «Вступаю въ новый для меня свѣтъ. Ну, однако, какой же новый? я его знаю, очень хорошо знаю; я прилежалъ особенно къ наблюденіямъ практической философій, читалъ Мармонтеля, Жан-Лисъ, плѣнительныя повѣсти новыхъ нашихъ журналовъ..... и кто же ихъ не читалъ? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисомъ, бѣдной молодницею. Они будутъ водители мои въ этомъ блуждалищѣ, которое называютъ большимъ свѣтомъ.... Здѣсь я увижу эти блестящія собранія, гдѣ вкупѣ дружатся съ роскошью, въ нихъ найду женщинъ милыхъ, любительницъ талантовъ, какую нибудь Нинону, Севинье; имъ стану посвящать стишки маленькіе, легкіе; ихъ окружаютъ вертопрахи, модники: я устрашу ихъ сатирами, и они станутъ уважать меня. Тутъ же встрѣтятся мнѣ авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себѣ громкую славу, признаны безсмертными—въ двадцати, въ тридцати изъ лучшихъ домовъ: я къ нимъ буду писать посланія, они ко мнѣ; мы будемъ хвалить другъ друга! О, неподобно! Звѣздовъ ѣздитъ во дворецъ—онъ будетъ моимъ меценатомъ, мнѣ дадутъ пенсію, какъ всѣмъ подобнымъ мнѣ талантамъ, я наживусь, разбогатею.»

Въ комедіи встрѣчаются черты мѣткой наблюдательности, независимо отъ цѣли пьесы. Вотъ напр, какъ старикъ Звѣздовъ даетъ приказанія своему слугѣ:

«Да отнеси назадъ картины этому шельмѣ итальянцу, вотъ что всегда ко мнѣ ходитъ; сказать ему, что онъ плутъ, воръ; я кому ни показывалъ картины, всѣ говорятъ: мерзость, а онъ съ меня слугъ вексель въ двѣнадцать тысячъ. Чтобъ взялъ назадъ свою дрянъ за половинную цѣну, а то подождетъ же денегъ лѣтъ десять, не у него одного есть вексель на мнѣ. Да отправить старосту женщиной деревни, наказать ему крѣпко, чтобы Оомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы двадцать пять рублей до копѣйки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ? то рекрутъ для Царя, что оброкъ для господина; такъ

чтобы двадцать пять рублей были на готовѣ. Онъ видно шутить двадцатю патью рублями; прошу покорно, да гдѣ жъ ихъ сыщешь? кто мнѣ ихъ подарить? на улицѣ что ли валяются? Двадцать пять рублей очень дѣлають счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень.... говорятъ, что все подешевѣть, а между тѣмъ все вздорожало, такъ чтобъ Оомка внесъ двадцать пять рублей, хотъ роди да подай!»

Или вотъ финансовоу расчетъ Звѣздова:

«Взяткинъ векселя не переписываетъ за то, что я ему за годъ не отдалъ процентовъ, деретъ кожу—проценты безбожные—да я еще ему ихъ стану платить! пусть припишетъ!»

Или вотъ способъ устроить судьбу своей воспитанницы:

«Звѣздовъ, Человѣкъ, человѣкъ, позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здѣсь!»

Звѣздова. За чѣмъ?

З—ва. Варинькѣ объявить, чтобъ она была готова нынѣшній же день къ свадьбѣ.

З—ва. Вѣдь она не крѣпостная твоя! что за презрѣніе ко всему роду человѣческому! надо же сдѣлать помолвку, подумать о приданомъ, какъ вездѣ водится!»

Возникаетъ вопросъ, какъ бы пристроить Беневольскаго на службу. «Ну, да что объ немъ много думать! говоритъ Звѣздовъ; дураки въ Петербургѣ не бываютъ безъ мѣста.»

Вотъ любопытный разговоръ брата съ сестрою:

«Саблинъ. Помилуй, матушка! Ты мнѣ вѣкъ свой читаешь проповѣди за все про все, а сама сего дня изволила спать до полудня: я тебя и дожидаться не могъ.

Звѣздова. Я вчера поздно пріѣхала, часу въ четвертомъ; у княжны Дарьи Савишны на дачѣ былъ дѣтскій балъ.

С—нъ. Ты что за дитя?

З—ва. Пельзя же не ѣхать, если зовутъ!

С—нъ. Слыханное ли дѣло! и ты тутъ съ ребятишками расплясалась. Жаль, что меня не было, нахотелся бы!

З—ва. Хохотать вовсе нѣ чему; гораздо лучше забавляться съ дѣтьми, нежели дѣлать то, что вы всѣ, господа военные. Со стороны смотрѣть и смѣшно, и стыдно: пріѣдутъ на вечеръ, обойдутъ всѣ комнаты, иной тутъ же и уѣдетъ, и какъ ему остаться! онъ званъ еще въ три дома, куда тоже гораздо бы лучше совсѣмъ не ѣхать, если только за тѣмъ же; другіе разсѣдутъ стариками, кто за бостонъ, кто за крепсъ, толкуютъ о лошадяхъ, объ мувирахъ, спорятъ въ игръ, кричатъ во все горло, или—что еще хуже—при людяхъ шепчутся; хозяйка хочетъ занять гостей, музыканты цѣлый часъ играютъ по пустому, никто и не

встанеть: тотъ не танцуетъ, у того нога болитъ, а все вздоръ: наконецъ иногда упросать, онъ удостоить выборомъ какуюнибудь счастливую дѣвушку, прокружится разъ по залѣ и усталъ до ужина. Тутъ, правда, усталыхъ нѣтъ: наѣдятся, напьются и уѣдутъ спать.

С—из. А я тебѣ коротко скажу, что, кромѣ ужина, нѣтъ ничего хорошаго ни на одномъ балѣ; я ихъ терпѣть не могу еще съ десяти лѣтъ, какъ дядюшка заставлялъ меня насильно прыгать со всѣми уродами.

Къ тому же 1817 году относится сатирическое стихотвореніе Грибоедова «Лубочный Театръ», направленное противъ Загоскина. Мы печатаемъ это стихотвореніе вмѣстѣ съ письмомъ автора «Горе отъ ума» къ П. А. Катенину, заключающимъ въ себѣ нѣкоторыя объясненія по поводу «Лубочнаго Театра». Правописаніе подлинниковъ сохранено нами вполнѣ.

Октября 19.

Что ты? душа моя Катенинъ, надѣюсь, что не сердишься на меня за письмо, а если сердишься, такъ сдѣлай одолженіе перестань. Ты знаешь, какъ я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никакъ не могли мнѣ быть по сердцу, а притомъ меня взбѣсило, что ихъ читали тѣ, кому бы вовсе не слѣдовало про это знать ⁽¹⁾. Впрочемъ я вообще былъ не въ духѣ какъ писалъ, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты можетъ быть не знаешь какъ сильно хорошее и дурное время надо мной дѣйствуютъ, спроси у Бѣгичева ⁽²⁾. Ахъ! поклонись Алексѣю Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по настоящему эти вещи пишутся въ концѣ письма; но ужъ у меня однажды на всегда никто не на своемъ мѣстѣ. А самое первое голова—И смѣшно сказать отъ чего?—Дуракъ Загоскинъ въ Журналъ своемъ намаралъ на меня ахиною ⁽³⁾. Коли ты хочешь непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва какъ прочелъ расмѣлся, но послѣ чѣмъ больше объ

⁽¹⁾ Надобно замѣтить, что это письмо—только небольшой отрывокъ переписки двухъ друзей писателей.

⁽²⁾ Другъ Грибоедова, полковникъ Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ.

⁽³⁾ Тутъ разумѣется журналъ, «Сѣверный Наблюдатель», который въ 1817 году издавалъ П. Корсаковъ (СПб. (8) 2 ч.) Загоскинъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе (см. Біографію М. П. Загоскина, сост. С. Т. Аксаковымъ и помѣщ. въ Москвитинѣхъ (СПб. 1853 г. № 1, отд. 1, стр. 27). Перелистывая Наблюдатель, мы не могли однако найти намековъ, оскорбившихъ Грибоедова.

этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фассею и пустилъ по рукамъ, вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копія этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Бѣгичеву;—покажи кому хочешь впрочемъ. Воля твоя нельзя же молчаньемъ отдѣлываться когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вѣчно хранитъ благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями. Ахъ! кстати онъ совершенно окончилъ свою комедію ⁽¹⁰⁾, не достаётъ только предисловія, развязка преакуратная: графъ женится на княжнѣ, князь съ княжной уѣзжаютъ въ деревню, дядя и тетка изъясняютъ моральную цѣль всего происшедшаго, Машу и Ваньку устыжаютъ, они хотятъ—стыдятся, хотятъ—нѣтъ, Цаплинъ въ полиціи, Инквартусъ и многіе другіе въ дуракахъ, въ числѣ ихъ будутъ и зрители я думаю, ну да это не мое дѣло, я буду хлопать.—Хочешь ли кое что узнать объ другихъ твоихъ пріятеляхъ. Изволь.—Объ Чепеговѣ, однако я ничего не могу сказать, потому что не видалъ его съ тѣхъ поръ какъ ты отправился въ Москву.—А Андрей Андреевичъ ⁽¹¹⁾ послѣдній вторникъ является на вечеръ къ Шишкову, слушаетъ Тасса въ прозѣ ⁽¹²⁾, и благополучно спитъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и бодрствуетъ до третьяго часа ночи. Я его какъ душу люблю, и жалѣю, а самъ я регулярно каждый вторникъ боленъ. Читалъ ты Жандровъ отрывокъ изъ Гооголіи въ *Наблюдатель* ⁽¹³⁾?—Безподобная вещь, только одно слово и къ тому же рѣзма пребогомерская: *гооляда*. Видишь ты въ Библии это значить стадо, да какое мнѣ дѣло? Я теперь для него Семслу Шиллерову перевожу слово въ слово, онъ изъ нея вѣрно сдѣлаетъ прелестную вещь ⁽¹⁴⁾—это для бенефиса Семеновой. А я ей же въ бенефисъ отдаю *Les fausses infidélités* ⁽¹⁵⁾. Для Вальберховой я

(10) Здѣсь разужьется комедія въ 5 д. «Пустодѣи», изданная въ 1820 г. Спб. (8).

(11) Жандръ.

(12) «Освобожденный Иерусалимъ» въ 20 пѣсняхъ; соч. Торквата Тасса, пер. съ Итал. А. С. Шишковъ 2 г. Спб. 1818—1819 (4).

(13) «Сѣверный Наблюдатель» Корсакова, ян 1817 годъ.

(14) Въ Сынѣ Отечества на 1817 г. ч. 42, стр. 237 и слѣд., напечатана «Семсла» (вольный переводъ съ Писецкаго) А. А. Жандра, при запискѣ Грибоедова въ редакцію. Въ запискѣ сказано, что А. А. Жандръ предпринялъ переводъ по успешной просьбѣ Грибоедова и во вставкахъ обогатилъ эту вещь новыми, оригинальными красотами.

(15) Грибоедовъ, виветъ съ А. А. Жандромъ, перевелъ съ французскаго стійкии комедію Барта «Притворная неутѣренность» (Спб. 1818 (8). Впрочемъ, изъ письма можно заключить, что автору «Горе отъ ума» принадлежатъ большая часть перевода. Г. Сергеевскій (А. С. Грибоедовъ и его сочиненія стр. 243) говоритъ, что

сдѣлалъ четыре сцены, которыми Жанръ очень доволенъ. На будущей почтѣ пришлю тебѣ. Скажи Бѣгичеву, что это безстыдное дѣло, онъ мнѣ еще ни строчки не писалъ.—И я ему буду платить тѣмъ же. Прощай сейчасъ ѣду со двора: куда ты думаешь? Учпться погречески. Я отъ этого языка съ ума схожу, каждый божій день съ 12-го часа до 4-го учусь, и ужъ дѣлаю большіе успѣхи. По мнѣ онъ вовсе не труденъ.

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ.

Comptable de l'ennui, dont sa Muse m'assomme.
Pourquoi s'est il nommé, s'il ne veut, qu'on le nomme?
Gilbert.

Эй! Господа!
Сюда! Сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ,
Есть тѣмъ у насъ оказій разныхъ:
Есть дикій человекъ, безрукая мадамъ!
Взойдите къ намъ!
Добро пожаловать, кто баринъ тороватый,
Извольте видѣть—вотъ
Рогатый, нерогатый
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и княжны, князь Фолькинъ и князь Блесткинъ ⁽¹⁷⁾
Они хоть не смѣшны, да самъ за то ужъ онъ
Куда смѣшонъ!—
Съ нимъ вмѣстѣ быть ей богу! праздникъ.
Вотъ вамъ его *Проказникъ* ⁽¹⁸⁾
Спроказилъ онъ неловко—разъ упалъ,
Да и не всталъ.
Но авторъ таковымъ примѣромъ

«Притворная невѣрность» была играна на СПб. театрѣ 29 Сентября 1815 года; это несправедливо, въ этотъ день играна была первая комедія Грибоедова «Молодые супруги». «Притворная невѣрность» представлена была въ Февралѣ 1818 года.

(16) Эти сцены, которыя прибавилъ Грибоедовъ въ комедіи Кн. Шаховскаго «Своя семья». Онъ напечатаны въ первый разъ въ Сынѣ Отечества 1817 года, ч. 42, съ маленькимъ предисловіемъ А. С., объясняющимъ содержаніе комедіи.

(17) Намеки на дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Загоскина.

(18) Комедія Загоскина, ненапечатанная; написана имъ въ 1814 году (См. Москва 853, № 1 статья С. Т. Аксакова о Загоскинѣ, стр. 21).

Не наученъ—грѣшитъ передъ партеромъ
 Проказитъ до сихъ поръ.
 Что видитъ и что слышитъ,
 Онъ обо всемъ исправно вздоръ
 И говоритъ и пишетъ.
 Вотъ *Богатоновъ* ⁽¹⁹⁾ вамъ: особенно онъ милъ,
 Богатъ чужимъ добромъ, все крадетъ, что находитъ,
 Съ *Транжирина* ⁽²⁰⁾ кафтанъ стащилъ
 Да въ немъ и ходитъ
 А свѣтскій тонъ
 Не только онъ
 И вся его бесѣда,
 Переняла у *буйнаго сосѣда* ⁽²¹⁾.
 Что вы? неужь-то по домамъ?
 Ужь надоѣло вамъ!
 И кстатн-ль?
 Вотъ вамъ *Загоскинъ-Наблюдатель*
 Вотъ *Сынъ Отечества*, съ нимъ вѣчный состязатель,
 Одинъ напишетъ вздоръ,
 Другой на то разборъ,
 А разобрать труднѣе
 Кто изъ двохъ глупѣе?.....
 Что вы смѣтаете господа?
 Писцу насмѣшка не бѣда.
 Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
 Да ужъ давно махнулъ рукою.
 Махнулъ перомъ, отдалъ сыграть,
 А вы пожалуй разсуждайте.
 Махнулъ перомъ, отдалъ въ печать,
 А вы читайте!

Какъ ты думаешь? Вѣстникъ Европы не согласится у себя напечатать. Бѣгичевъ съ нимъ пріятель.—Я бы подписалъ свое имя (*коли нельзя иначе*).

Вмѣсто Загоскина:

Вотъ вамъ *Михайло Моськинъ*.

(19) «Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ», ком. въ 5 д. соч. И. Загоскина СПб. 1817 (8).

(20) Главное дѣйствующее лицо въ комедіяхъ Кн. Шаховскаго «Полубарскія Затѣи» и «Чванство Транжирина».

(21) Извѣстное въ рукописи стихотвореніе В. А. Пушкина.

А въ другомъ мѣстѣ:

Вотъ *Москвитинъ-Наблюдатель*

А стихъ:

Княгини и пр. и пр.

Вотъ какъ раздробить:

Княгини и

Княжны

Князь Фолькинъ и

Князь Блесткинъ

Между тѣмъ обнимаю тебя.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность М. И. Катенину, сообщившему рукопись «Студента», «Лубочный Театръ» и письмо Грибоедова для напечатанія въ студентскомъ «Сборникѣ».

А. Майковъ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ СТАТЬЕ

«НОВОЕ ПРЕДПРИЯТІЕ НАШИХЪ СТУДЕНТОВЪ»

ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ ПЕРВОМЪ ВЫПУСКѢ «СБОРНИКА»

Съ оживленіемъ современнаго русскаго общества все болѣе чувствуется и сознается необходимость результатовъ науки для примѣненія ихъ къ жизни. Проявленіе этой необходимости особенно ярко отражается на молодомъ поколѣніи, въ ихъ юношескомъ, горячемъ стремленіи къ усвоенію науки по всѣмъ отраслямъ знаній и обнаруживается въ ихъ дѣятельности. Первый выпускъ «Сборника» Студентовъ С. Петербургскаго Университета довольно ясно показалъ начало этой дѣятельности, которая простирается и на изученіе восточныхъ языковъ.

Наукообразное изученіе восточныхъ языковъ въ Россіи, кромѣ цѣли науки, имѣетъ тѣсную связь съ русскою государственною и гражданскою жизнью, потому что Россія находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ соприкосновенными восточными государствами, а главное — въ ея собственныхъ нѣдрахъ обитаютъ милліоны инородцевъ восточнаго происхожденія, знаніе жизни и стремленія которыхъ невозможно безъ знанія языка и исторіи. Эти причины достаточно показываютъ, что изученіе восточныхъ языковъ въ Россіи совпадаетъ съ другими животрепещущими общественными вопросами и что въ этомъ все русское общество необходимо должно содѣйствовать видамъ правительства, представляя изъ среды своей молодыхъ людей, научно знакомыхъ съ восточными языками и проникнутыхъ истинными философскими началами, не разъединяющими чело-

вѣка отъ дѣйствительности. Предоставивъ этимъ людямъ кругъ дѣятельности соотвѣтственно силамъ каждаго, правительство дастъ имъ возможность на дѣлѣ осуществить убѣжденія, внушаемыя истиннымъ образованіемъ: эти люди, управляя внѣшнею жизнію инородцевъ, въ тоже время могутъ имѣть благотворное вліяніе и на развитіе ихъ нравственныхъ силъ.

Съ такой точки зрѣнія вновь учрежденному Факультету Восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ *предстоитъ огромное значеніе въ жизни и наукѣ* ⁽¹⁾, какъ единственному учрежденію въ Россіи для изученія восточныхъ языковъ и народовъ, учрежденію тѣмъ болѣе важному, что оно сосредоточено въ столицѣ, откуда умственное движеніе и дѣятельность распространяются на всю Имперію. Несмотря на кратковременность своего существованія, Факультетъ Восточныхъ языковъ (открытъ 28 Августа 1855 года) начинаетъ уже обнаруживать свою дѣятельность. Такъ, изданіе нашего «Сборника» преимущественно обязано мысли и стараніямъ одного изъ студентовъ этого Факультета; *новое же предпріятіе нашихъ студентовъ* ⁽²⁾, о чемъ помѣщено извѣстіе въ учено-литературныхъ замѣткахъ «Сборника», есть начало проявленія дѣятельности студентовъ въ изученіи *собственно восточныхъ языковъ*, дѣятельности, которая съ теченіемъ времени должна расширяться все болѣе и болѣе отъ многоразличія вопросовъ, напрашивающихся на наше вниманіе.

Задачею настоящаго предпріятія студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ было—положить начало къ основательному изученію восточныхъ языковъ *составленіемъ, переводомъ и изданіемъ* слѣдующаго рода руководствъ:

1) *Пособій для начинающихъ*. Эти пособія имѣютъ въ виду дать средства начинающимъ изученіе восточныхъ языковъ *узнать и усвоить въ короткое время (посредствомъ чтенія) основные элементы изучаемаго языка, занимаясь независимо отъ профессора* ⁽³⁾, и такимъ образомъ, *усвоивъ эти элементы въ стройной, живой органической системѣ, одушевленной самобытною идеею языка* ⁽⁴⁾, быть готовымъ сознательно слѣдить за лекціями профессоровъ.

(1) Сборникъ Студентовъ С. Петербургскаго Университета вынужденъ первый стр. 381.

(2) Мысль изданія «Сборника» и мысль новаго предпріятія студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ высказаны впервые однимъ и тѣмъ же Студентомъ, Г. Богушевичемъ.

(3) Тамъ же, стр. 365.

(4) Тамъ же, стр. 368.

2) *Составленіе, переводъ и изданіе грамматикъ.* Нѣкоторые восточные языки не представляютъ удовлетворительныхъ для студентовъ грамматикъ или по причинѣ своей краткости, или сложности правилъ, или наконецъ потому, что вовсе нѣтъ печатныхъ грамматикъ,—или если и есть, то недоступны по рѣдкости и дороговизнѣ изданія, или изложены на такомъ языкѣ, которымъ не всѣ владѣютъ. Удовлетворить этимъ требованіямъ составленіемъ, переводомъ и изданіемъ ихъ (если онѣ находятся въ рукописи у г. профессоровъ) было второю задачею предпріятія студентовъ.

3) *Составленіе, переводъ и изданіе такихъ словарей восточныхъ языковъ, какихъ нѣтъ на русскомъ языкѣ.*

4) *Составленіе и изданіе хрестоматій* подъ руководствомъ профессоровъ.

5) *Составленіе и изданіе учебныхъ пособій для разговорнаго языка* подъ руководствомъ практическихъ преподавателей.

Вотъ въ чемъ заключалась, по нашему мнѣнію, задача новаго предпріятія студентовъ Восточнаго Факультета. Цѣлю исхода этого предпріятія было: 1) во время университетскаго образованія, основательно изучивъ восточные языки, ознакомиться съ жизнію, исторіею восточныхъ народовъ и умственнымъ развитіемъ ихъ возможно полно и отчетливо, и 2) чтобъ это изученіе шло въ связи съ изученіемъ другихъ наукъ, безъ чего оно въ примѣненіи къ жизни не можетъ представить студентамъ предполагаемыхъ результатовъ. Вѣроятно, съ такой точки зрѣнія и была высказана общая мысль въ проектѣ о составленіи учебниковъ для восточныхъ языковъ: «недостатокъ, или *върнѣе*—совершенное неимѣніе учебниковъ по нашему Факультету, дѣлаетъ изученіе восточныхъ яз. въ высшей степени труднымъ и далеко не позволяетъ студентамъ удовлетворять требованіямъ программы, составленной для преобразованнаго Факультета «Восточныхъ языковъ»⁽⁵⁾.

Вообще вѣрная мысль относительно взгляда студентовъ на изученіе у насъ восточныхъ языковъ, въ частности она не вѣрна. Объяснимся. Послѣ этого пункта упомянутаго проекта говорится: «пересмотрѣвши учебники, которыми въ настоящее время пользуемся, мы увидимъ, что....для *Монгольскаго и Калмыцкаго языковъ нѣтъ хрестоматій, а для послѣдняго и грамматики*»⁽⁶⁾. На основаніи чего требуютъ изданія: *Монгольская краткая Грамматика, Калмыцкая Грамматика, Калмыцкая*

(5) Тамъ же, стр. 364.

(6) Тамъ же, стр. 365.

«Христоматія, Словарь Русско-монгольскій, Словарь Русско-калмыцкій, Словарь Калмыцко-русскій», (?) Изъ этого проекта видно, что для Монгольскаго и Калмыцкаго яз. нѣтъ ни грамматикъ, ни христоматій, ни словарей, однимъ словомъ, нашими учеными не сдѣлано ничего для изученія этихъ языковъ.

Ближе знакомые съ трудами Г. г. оріенталистовъ, съ честію и славою подвизавшихся и подвизающихся на обширномъ, многотрудномъ поприщѣ ученой разработки и изслѣдованій Монгольскаго и Калмыцкаго языковъ 1) пересмотримъ то, что они представили и представляютъ намъ для изученія этихъ языковъ, 2) укажемъ средства избѣжать неопредѣленности въ настоящемъ предпріятіи студентовъ Восточнаго Факультета для достиженія прекрасной ихъ цѣли.

Систематическое изученіе Монгольскаго языка положено уроженцемъ г. Амстердама, купеческимъ прикащикомъ въ нашихъ приволжскихъ странахъ, въ послѣдствіи знаменитымъ труженикомъ науки Академикомъ нашимъ Я. Шмидтомъ (*). Въ 1831 году онъ издалъ *Grammatik der Mongolischen Sprache*, которая въ слѣдующемъ 1832 году была переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: *Грамматика Монгольскаго языка. Перев. съ Нѣм. съ литогр. чертежемъ. 1832* (°). Къ концу ея присоединены отрывки изъ *Улигеръ-унъ далай* («море притчи») и *Алтан-Герель* («золотой лучъ») съ пояснительными примѣчаніями и переводомъ на русскій языкъ. Въ слѣдъ за тѣмъ въ 1835 году онъ издалъ *Монголо-нѣмецко-русскій Словарь, съ присовокупленіемъ Нѣмецкаго и Русскаго алфавитныхъ списковъ*. (10) Этотъ Словарь достаточно замѣняетъ словари и Русско-монгольскій и Нѣмецко-монгольскій. Въ предисловіи къ нему Шмидтъ говоритъ: «я не имѣлъ въ виду составить Словарь, вполне объемлющій все сокровище Монгольскаго языка, а, соображаясь съ настоящею потребностію, ограничился только выборомъ нужнѣйшихъ и употребительнѣйшихъ словъ и оборотовъ, которые могли бы

(7) Тамъ же, стр. 367.

(8) Некрологъ Шмидта въ журн. Минист. Народ. Просв. часть II, отд. III, стр. 41.

(9) Первая Монгольская граммат. написана протоіереемъ Бобровниковымъ, который, будучи не приготовленъ къ ученымъ занятіямъ, не могъ представить въ системѣ правилъ Монгольскаго языка. Эта Грамматика въ настоящее время библиографическая рѣдкость.

(10) О немъ сказано въ журналѣ Мин. Нар. Пр. Часть VII, стр. 411.

служить порядочною основою учащимся, пока со временемъ болѣе разившееся познаніе сего доселѣ еще малоуваженнаго языка не потребуеъ обширнѣйшихъ пособій. Словарь сей—продолжаеъ онъ—должно почитать какъ бы началомъ и основаніемъ другаго подробнѣйшаго лексикона, коего выполненіе представлено будущему времени; и мы вправѣ ожидать, что время это не такъ далеко: ибо есть надежда, что систематическое изученіе Монг. яз. не пресѣчется мскою смертію, съ тѣхъ поръ какъ два молодые ученые, г. г. *Ковалевскій* и *Поповъ* съ ревностію и отличными успѣхомъ посвятили себя сему предмету и, уже занявъ по опому каѳедры при Казанскомъ Университетѣ, обѣщаютъ привести не маловажную пользу». (предисл. къ словарю стр. III и IV.).

Еще прежде выхода этихъ трудовъ знаменитаго Шмидта, именно въ 1828 году, по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, на основаніи представленія исправлявшаго должность Попечителя Казанскаго учебнаго округа (Мусинъ-Пушкина) состоявшіе при Казанскомъ Университетѣ, по Восточной словесности, перемѣщенный изъ Вильны кандидатъ *Іосифъ Ковалевскій* и казенно-коштный воспитанникъ Университета дѣйствительный студентъ *Александръ Поповъ*, были отправлены въ Иркутскъ къ служившему тамъ переводчикомъ Статскому Совѣтнику Игумнову для изученія Монгольскаго языка и для занятія, по возвращеніи, мѣстъ преподавателей. Съ разрѣшенія Попечителя тамъ предпринимали они поѣздки въ кочевья Бурятъ, вступая въ сношенія съ учеными ламами и вникая не только въ языкъ какъ книжный, такъ и разговорный, но и въ Литературу, религію и исторію. Для ближайшаго знакомства съ бытомъ внутреннихъ монголовъ *Ковалевскій* въ 1829 году предпринималъ поѣздки въ *Ургу*, столицу Монголіи, а въ 1830 году былъ прикомандированъ къ отправлявшейся въ Китай Пекинской Духовной Миссіи, которую *Поповъ* сопровождалъ до Урги. По возвращеніи въ Кяхту они поселились уже въ стойбищахъ монгольскихъ, сами дополняя пріобрѣтенныя обширныя познанія, и постоянно представляли Попечителю отчеты о своихъ занятіяхъ. Въ 1833 году они возвратились въ Казань, а потомъ, когда Императорская С. Петербургская Академія Наукъ подвергала ихъ строгому испытанію, они заняли каѳедры⁽¹⁾.

Такимъ образомъ русскими учеными было начато изученіе Монгольскаго языка *самостоятельно*: они еще въ 1831 году,

(1) Журн. Мин. Нар. Пр. Часть XL, отд. II, стр. 56—58.

до выхода трудовъ Шмидта, занимался въ Иркутскѣ составленіемъ Монгольской грамматики и словаря ⁽¹²⁾, начало котораго было положено Г. Поповымъ ⁽¹³⁾. Въ 1835 году Г. Ковалевскій издалъ *Краткую Грамматику Монгольскаго языка* ⁽¹⁴⁾, въ которой онъ изложилъ ясно и опредѣлительно самыя основныя начала этого языка. Вслѣдъ за тѣмъ вышли слѣдующія Монгольскія хрестоматіи:

а) *Монгольская Хрестоматія для начинающихъ обучаться Монгольскому языку, изданная Адъюнктомъ-Профессоромъ Казанскаго Университета А. Поповымъ. Казань 1836* ⁽¹⁵⁾. О цѣли и предназначеніи ея издатель говоритъ въ предисловіи на V и IV стр. «желая сколько возможно содѣйствовать къ успѣшному изученію сего языка въ любезномъ нашемъ отечествѣ, я составилъ Монгольскую хрестоматію съ краткимъ при ней словаремъ. *Отрывки лучшихъ Монгольскихъ сочиненій*, помѣщенные въ ней, я расположилъ въ систематическомъ порядкѣ, сообразно качеству слога. Во время преподаванія этого языка въ Университетѣ и Гимназіи (Казанской), я узналъ на опытѣ, что таковая постепенность скорѣе ознакомливаетъ учащихся съ лучшими произведеніями Монгольской литературы; потому что статьи, входящія въ составъ моей Хрестоматіи, выбраны изъ разнородныхъ сочиненій, какъ по слогу, такъ и самому содержанію». *Объясненія и Словарь*, присовокупленные къ этой прекрасно-составленной Хрестоматіи, также удовлетворяютъ своей задачѣ.

в) *Монгольская Хрестоматія, изданная Экстра-ординарнымъ Профессоромъ Казанскаго Университета О. Ковалевскимъ. Томъ Первый 1836 году. Томъ второй въ 1837 году* ⁽¹⁶⁾. Издатель говоритъ въ своемъ предисловіи на страницахъ XIV, XV и XVI, что онъ заботился «о соблюденіи связи и постепенности въ переходѣ отъ легкихъ отрывковъ къ труднѣйшимъ», и что, кромѣ языка,

⁽¹²⁾ Казанскій Вѣстникъ 1831 года, стр. 170.

⁽¹³⁾ Этотъ Словарь г. Попова первоначально состоялъ изъ двухъ томовъ, а впоследствии былъ увеличенъ до трехъ большихъ томовъ и представленъ въ Императорскую Академію Наукъ, которая сдѣлала о немъ лестный отзывъ. Г. Поповъ не могъ издать этотъ Словарь въ свое время по причинѣ обстоятельствъ отъ него независшихъ. Первоначальный Словарь Поповъ принесъ въ даръ въ бібліотекъ 1-й Казанской Гимназіи въ память полученнаго имъ тамъ образованія, а полный Словарь пожертвованъ имъ въ бібліотеку Казанскаго Университета, какъ мѣста его образованія, и двенадцатилѣтней служебной его дѣятельности. Оба Словаря находятся теперь въ бібліотекѣ С. Петербургскаго Университета; первый въ *студентской бібліотекѣ* S. MS. 267 I, а второй въ общей университетской бібліотекѣ подъ № 25, 578.

⁽¹⁴⁾ Разборъ помѣщенъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. Часть IX, стр. 651.

⁽¹⁵⁾ Разборъ ея тамъ же Часть XIX, стр. 181.

⁽¹⁶⁾ Разборъ ея Ж. М. Н. Пр. Часть XIX, стр. 170—180.

въ выборѣ текста онъ обращалъ вниманіе на разнообразіе и самое содержаніе пісць. «*Повѣсти*—говоритъ онъ—познакомятъ читателей съ нравственною и догматическою частью Буддизма и готовятъ ихъ разумѣнію чисто догматическихъ статей, коихъ слогу и идеи требуютъ уже особеннаго запаса предварительныхъ свѣдѣній. *Отрывки* о судьбѣ вѣры буддійской представляютъ рядъ происшествій и подробностей, необходимыхъ для каждаго вытекающаго въ сущность событія азіійскихъ народовъ, и послужатъ пособіемъ къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Наконецъ извлеченія изъ *Монгольскаго и Тибетскаго уложенія*, также изъ Императорскихъ поученій, облегчатъ доступъ къ новому языку и положенію упомянутыхъ народовъ. *Примѣчанія*, присовокупленные къ этой учебной книгѣ, принимали также разнообразное направленіе. Въ нихъ объяснены—или свойства языка, разборъ грамматическихъ измѣненій, значенія словъ и оборотовъ (частію съ помощію другихъ книгъ), указаніемъ связи предложеній, или свѣдѣнія, облегчающія понятіе смысла и знакомящія съ духомъ религіи, правами, идеями и исторіей народа». Имѣя такія превосходныя Христоматіи, возможно-ли было говорить, что нѣтъ *Монгольской Христоматіи*? (17)

Этими трудами не ограничились преемники Шмидта, перваго руководителя Европейцевъ въ новой для нихъ области изученія языка и литературы Монголовъ. Г. *Ковалевскій* выполнилъ надежды Шмидта. Онъ издалъ плодъ пятнадцатилѣтнихъ трудовъ своихъ: *Монголо-руско-французскій Словарь* (18) (*Dictionnaire Mongol-russe-français*), Казань. Первый томъ вышелъ въ 1844, второй въ 1846, третій въ 1849 году. Этотъ превосходный Словарь, составленный по 80 источникамъ, изъ этихъ источниковъ главнымъ былъ первоначально составленный Поповымъ краткій Монгольско-русскій Словарь, которымъ пользовался г. Ковалевскій, о чемъ не сказано имъ ни слова въ предисловіи, въ ученомъ мірѣ приобрѣлъ почетную славу и представилъ богатѣйшіе матеріалы для сравнительнаго изученія языковъ.

Систематическое изученіе собственно Калмыцкаго языка (языка Ойратовъ) обязано г. *Попову*, который въ 1838 году представилъ

(17) Есть еще трудъ священника Шергина: «Собраніе правоученій, молитвъ съ канонами святыхъ пасхи, баченъ, повѣстей, изреченій, анекдотовъ и разговоровъ, переведенныхъ на Монгольскій языкъ съ присовокупленіемъ Монголо-Россійскаго Словаря. Казань, 1841». Переводъ съ русскаго невѣренъ и пользоваться имъ нельзя, кромѣ Словаря, въ которомъ до 3,000 словъ.

(18) Разборъ ея помѣщенъ въ Ж. М. Н. Пр. Часть I, отд. III, стр. 56. Изъ отчетовъ Казанскаго Универ. видно, что Г. Ковалевскій въ началѣ составлялъ *Монголо-Ламинско-Русскій Словарь*.

Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа (Мусину-Пушкину) свое предположеніе, что такъ какъ къ изученію Монгольскаго языка уже собрано было много матеріаловъ, то было бы полезно приступить къ собранію такихъ же матеріаловъ и для Калмыцкаго языка по близкому сродству обоихъ языковъ. Г. Поповъ вызвался собрать эти свѣдѣнія на мѣстахъ, гдѣ населеніе Калмыковъ наиболѣе многочисленно, въ губерніяхъ Астраханской, Саратовской и въ Кавказской области. Результатомъ четырехъ мѣсячнаго тамъ пребыванія Г. Попова были: отчетъ ⁽¹⁹⁾, заслужившій лестное одобреніе Министра Народнаго Просвѣщенія ⁽²⁰⁾ и составленная имъ *Сравнительная Грамматика Монголо-Калмыцкаго языка* ⁽²¹⁾.

Впрочемъ Поповъ издалъ въ свѣтъ *Грамматику* одного только *Калмыцкаго языка* (Казань, 1847), ⁽²²⁾ имѣя въ виду дать прежде руководство для этого языка, не имѣвшего еще ни Грамматики, ни хрестоматіи, ни словаря. «По своему появленію—говоритъ авторъ въ предисловіи къ Грамматикѣ на стр. VIII—она есть первая въ Европѣ и ни одинъ ученый не сдѣлалъ даже попытки къ обработкѣ избраннаго мною предмета. Такъ какъ литература Калмыцкая народными произведеніями обильнѣе литературы Монгольской, потому—продолжаетъ авторъ—если съ одной стороны разработка такой богатой, разнообразной литературы уже сама по себѣ можетъ открыть весьма много новаго, любопытнаго, недосказаннаго Монголами, какъ по части буддизма, такъ и по части политической литературы, то съ другой стороны изученіе *калмыцкаго въ отношеніи административнаго*. Чтобы многочисленное народонаселеніе *Калмыковъ*, находящееся въ предѣлахъ нашего отечества и составляющее особенное управленіе, вывести изъ состоянія полудикости, *сблизить съ гражданственностію*, чтобы вполнѣ дать почувствовать отеческую заботливость благотворнаго нашего Правительства, *надобно прежде приоткрыть людей, которые бы знали ихъ языкъ, и успѣли вникнуть въ нравы, обычаи и самое ихъ въроученіе* (стр. VIII)».—Съ такой точки зрѣнія составлена настоящая Грамматика, отличающаяся яснымъ изложеніемъ правилъ языка, многочисленностію примѣровъ къ каждому грамматическому правилу; сверхъ

⁽¹⁹⁾ *Краткія замѣчанія о Приволжскихъ Калмыкахъ*. Жур. М. Н. Просв. Часть XXII отд. II, стр. 17. Переведено на Нѣмецкій языкъ въ *Augsburger Allgemeine Zeitung*.

⁽²⁰⁾ Ж. М. Н. Пр. Часть XL, отд. II, стр. 71.

⁽²¹⁾ Ж. М. Н. Пр. Часть XLII, отд. III, стр. 51, и отчеты Казанскаго Университета.

⁽²²⁾ Рецензія Ковалевскаго Ж. М. Н. Пр. Часть LXII, отд. III, стр. 52. Отвѣтъ Попова на эту рецензію, тамъ же, Часть LXVII, отд. VI, стр. 1.

того приложено девять отрывковъ Калмыцкихъ произведеній съ переводомъ на русскій языкъ, съ примѣчаніями и указаніями на §§ грамматическихъ правилъ. Все это ставитъ Калмыцкую Грамматику Попова замѣчательнымъ явленіемъ тѣмъ болѣе, что она замѣтила до сихъ поръ Калмыцкую Христіанію, для начинающихъ изученіе этого языка.

Составленная Поповымъ *Сравнительная Грамматика Монголо-калмыцкаго языка* (рукописная) послужила главнымъ основаніемъ къ прекрасному труду ученика его, Баккалavra Казанской Духовной Академіи *Алексѣя Бобровникова*: «*Грамматика Монгольско-калмыцкаго языка, Казань 1849 года*»⁽²²⁾. Въ этомъ учено-филологическомъ трудѣ, составленномъ на основаніи трудовъ предъидущихъ, Бобровниковъ и сдѣлалъ сближеніе, соединивши подъ одинъ обзоръ и книжный и живой Монгольскій языкъ, т. е. онъ рассмотрѣлъ въ ней Монгольскій яз. въ двухъ письменностяхъ Монгольской и Калмыцкой, или, что почти тоже, онъ видитъ въ ней грамматику книжно-разговорнаго Монгольскаго языка. Этою Грамматикою авторъ желалъ доставить также пособие, которое открыло бы изучающимъ настоящее значеніе Монгольскаго языка, облегчило переходъ отъ изученія языка книжнаго къ разумѣнію живой рѣчи и дало бы изучающимъ Калмыцкій языкъ возможность пользоваться Монгольскимъ Словаремъ Ковалевскаго тогда только что изданномъ (Предисловіе къ Грам. стр. VII и VIII). Бобровниковъ (сынъ сочинителя *первой* Монгольской грамматики) совершенно съ новой точки зрѣнія, какъ требуетъ духъ этихъ языковъ, превосходно обработалъ этимологию; въ синтаксисѣ же не достигаетъ своей цѣли, силась возвести каждую въ языкъ встрѣчающуюся форму въ правило, въ законъ. Однако знатоки съ удовольствіемъ могутъ останавливаться на новыхъ воззрѣніяхъ и въ этомъ отдѣлѣ.

Изъ этого обзора видны слѣдующія руководства: 1) *Грамматику Монгольскаго языка* Шмидта (на Нѣм. и Рус. яз.). 2) *Краткую Грамматику Монгольскаго книжнаго языка* Ковалевскаго. 3) *Грамматику Калмыцкаго языка* Попова. 4) *Грамматику Монгольско-калмыцкаго языка* А. Бобровникова. 5) *Монголо-нѣмецко-русскій Словарь* Шмидта, достаточно замѣняющій

⁽²²⁾ Рецензія помѣщ. въ Ж. М. Н. Пр. Часть LXXI, отд. III, стр. 11.

6) *Русско-монгольскій и Нѣмецко-монгольскій Словарь*, 7) *Монголо-русско-французскій Словарь* Ковалевскаго, 8) *Монгольскую Христоматию для начинающихъ обучаться Монгольскому языку* Попова и 9) *Монгольскую Христоматию* Ковалевскаго.

Исправивъ такимъ образомъ ошибку проекта, (по которому не оказывалось ни одного учебника для изученія *Монгольскаго и Калмыцкаго языковъ*), должны упомянуть и о тѣхъ трудахъ, которые приготавлиются къ печати нашими учеными оріенталистами. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода *Калмыцкой Христоматіи* съ примѣчаніями и *Калмыцко-русскимъ Словаремъ*, и *Русско-Калмыцкаго Словаря* составленнаго исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора К. Θ. Голстунскаго ⁽²⁴⁾. Кромѣ этихъ трудовъ подъ руководствомъ практическаго преподавателя Ламы Галсанъ Гомбоева готовятся матеріалы для изученія *разговорнаго Монгольскаго языка*.

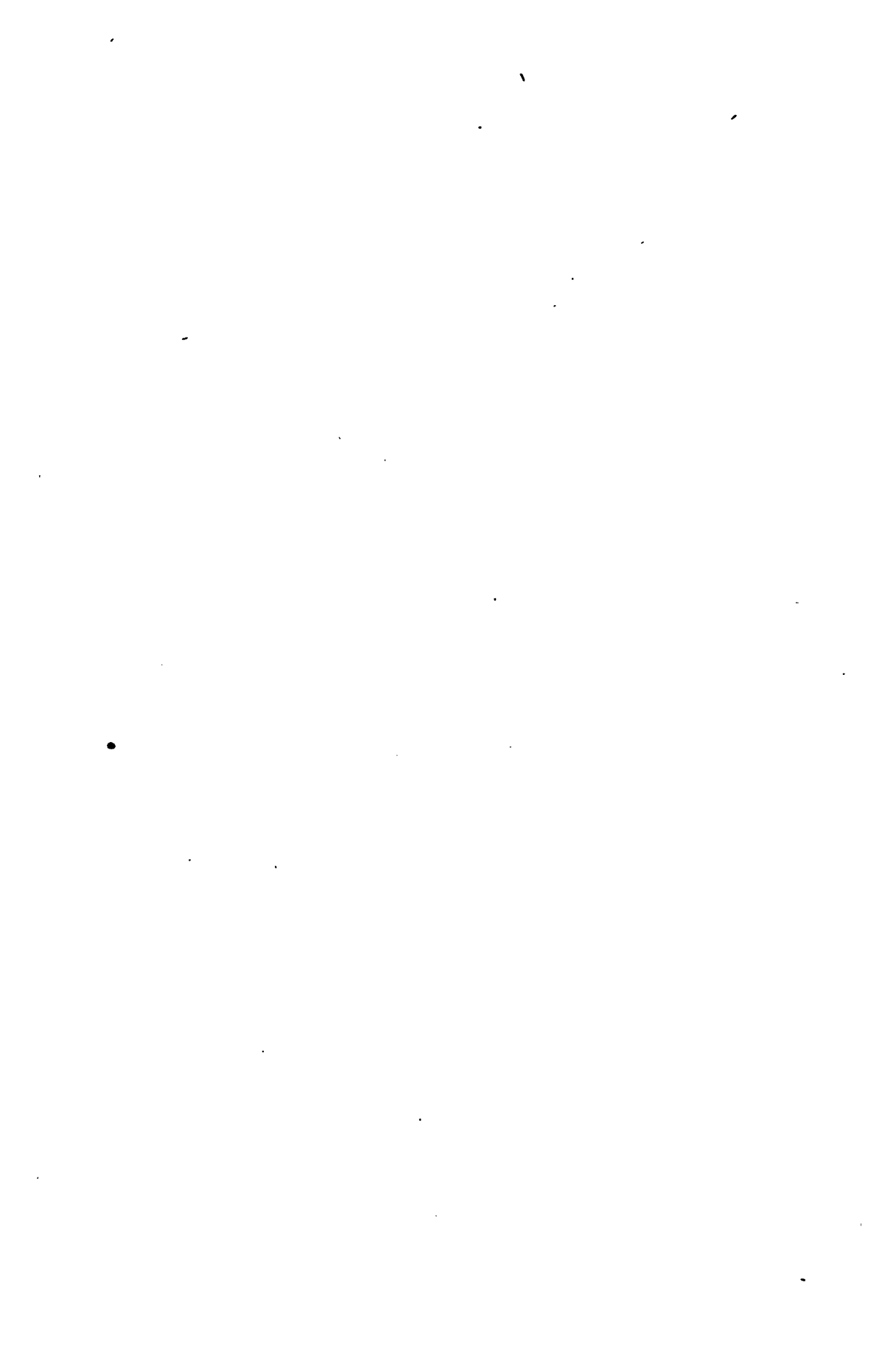
Вполнѣ сочувствуя предпріятію Студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ мы однако думаемъ, что нашимъ трудамъ по составленію учебныхъ пособій долженъ предшествовать въ «Сборникѣ» рядъ статей, представляющихъ: 1) исторію изученія и преподаванія восточныхъ языковъ въ Россіи, и 2) обзоръ всѣхъ руководствъ для изученія восточныхъ языковъ, изданныхъ при различныхъ требованіяхъ необходимости и науки до настоящаго времени. Такой предварительный обзоръ: 1) представитъ намъ въ настоящемъ свѣтѣ дѣятельность ученыхъ оріенталистовъ и укажетъ намъ, къ чему должна быть обращена наша дѣятельность, 2) желающимъ посвятить себя изученію восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ укажетъ пособия, съ которыми они могутъ уже сознательно слѣдить за лекціями профессоровъ, и 3) дастъ современному русскому обществу случай убѣдиться, какъ необходимо изученіе восточныхъ языковъ въ

⁽²⁴⁾ При изученіи Калмыцкаго языка до настоящаго времени мы пользовались, кромѣ Монгольскаго Словаря Ковалевскаго, рукописнымъ *Калмыко-русскимъ Словаремъ* Шиндта, (привезеннымъ въ 1856 году изъ Калмыцкихъ степей и нынѣ хранящемся въ нашей Университетской Библіотекѣ). Этимъ Словаремъ Шиндта пользовался вѣроятно и Цинкъ въ своемъ литографированномъ *Калмыцко-нѣмецкомъ Словарѣ Handbuch der West-mongolischen Sprache* и печатномъ *Нѣмецко-калмыцкомъ алфавитномъ спискѣ* (изданныхъ въ 1855 году). Deutsches Wort-Register zum West-mongolischen Wörterbuch. Со словаремъ Цинка, небрежно изданнымъ, нельзя прочесть ни одной Калмыцкой рукописи; равно и литографированная *Калмыцкая Грамматика Grammatik der West-mongolischen das ist Oirad oder Kalmükischen Sprache* не представляетъ ничего новаго къ трудамъ нашихъ ученыхъ. Вышедшій въ 1857 году *Русско-калмыцкій Словарь* священника Смирнова, также не можетъ служить пособіемъ потому, что кратокъ (2,000 словъ), невѣренъ въ значеніяхъ словъ и орфографіи.

Россіи и какъ этотъ важный вопросъ тѣсно совпадаетъ съ другими животрепещущими общественными вопросами. При такомъ историческомъ обзорѣ не можетъ быть уже никакой неопредѣленности въ нашемъ предпріятіи, и мы въ состояніи будемъ заявить нашу дѣятельность еще подъ руководствомъ профессоровъ. Такимъ путемъ Факультетъ Восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ съ теченіемъ времени, дѣйствительно можетъ пріобрѣсть *огромное значеніе въ жизни и наукъ.*

Студенты Монголо-Калмыцкаго
разряда.

Декабрь 1857 года.

ЛѢТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТА.

Nugae sunt, fateor, sed nugae ad seria ducunt.

Два года прошло со времени появленія 1-го выпуска Сборника, издав. студентами. Много измѣнилось въ нашей жизни въ эти два года: много отброшено стараго, много принято новаго и теперь, въ краткомъ обзорѣ, мы хотимъ представить читающей публикѣ тѣ изъ фактовъ внутренней жизни Университета, которые имѣютъ право на ея вниманіе.

Мы начнемъ съ того, чѣмъ заканчивалась лѣтопись внутренней жизни 1-го выпуска,—скажемъ нѣсколько словъ о *Кассѣ бѣдныхъ студентовъ*. Надежды, высказанныя въ ту пору, вполне оправдались: мысль помогать недостаточнымъ нашимъ товарищамъ и такимъ образомъ устранять физическія препятствія для ихъ труда, осуществилась и стала въ настоящее время дѣломъ. 3 Декабря 1857 г. было положено: основанною кассою завѣдывать студентамъ-редакторамъ и депутатамъ, выбраннымъ большинствомъ голосовъ отъ каждаго факультета, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлены и приняты студентами правила о кассѣ бѣдныхъ студентовъ. Въ основѣ этихъ правилъ лежатъ два существенныя положенія :

I. Касса студентовъ состоитъ при Сборникѣ, издаваемомъ студентами Петербургскаго Университета.

II. Право на вспоможение изъ кассы даетъ трудъ. Въ послѣдствіи признано было необходимымъ пояснить это 2-е положеніе такъ: «всякій бѣдный студентъ имѣетъ право на вспоможеніе, если не будетъ доказано, что онъ не трудится.» И дѣйствительно, нуждающіеся изъ вновь поступившихъ студентовъ, хотя и не могутъ представить видныхъ доказательствъ труда, тѣмъ не менѣе по бѣдности имѣютъ право на полученіе вспоможенія. Этимъ былъ избѣгнутъ формализмъ свидѣтельствванія о бѣдности. Къ этимъ основнымъ положеніямъ, служащимъ исходною точкою въ кругѣ дѣятельности членовъ кассы, присоединены положенія, принятые студентами, но подвергающіяся, по мѣрѣ надобности, новому обсужденію. Приводимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ: 1-е. Свидѣтельствовать о бѣдности товарища можетъ и нравственно обязанъ каждый студентъ. Для этого заведена особая книга, въ которую каждый студентъ можетъ вносить кандидата на вспоможеніе, означая при этомъ свою фамилію.

2. Узнаютъ о положеніи нуждающихся товарищей и распределяютъ (предварительно) вспоможеніе студенты редакторы и студенты—депутаты, каждый по своему факультету.

3. Окончательное назначеніе выдачи производится въ общемъ собраніи студентовъ-редакторовъ и депутатовъ всѣхъ факультетовъ и разрядовъ.

4. Выдачи производятся двоякимъ образомъ: во 1-хъ, въ видѣ заимообразной ссуды; во 2-хъ, въ видѣ вспоможенія или предварительнаго вознагражденія за статью для Сборника. И въ томъ и въ другомъ случаѣ получающій росписывается въ особой книгѣ.

5. Выдачи производятся отдѣльному лицу такъ часто и въ такихъ размѣрахъ, какъ позволяютъ средства кассы.

Правило 4-е получило въ послѣдствіи дальнѣйшее развитіе: а.) Заимообразныя выдачи возможны при ручательствѣ членовъ редакціи. Срокъ зависитъ отъ желанія занимающихъ, однако не простирается далѣе выхода изъ Университета; и б.) Для заимообразныхъ выдачъ изъ кассы студентовъ должно строго наблюдать, чтобы касса не истощалась подобными выдачами и была въ состояніи удовлетворять просьбамъ о вспоможеніи.

Для того, чтобы редакторы и депутаты не могли въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать произвольно, существуетъ правило, по которому они обязаны давать своему факультету отчетъ въ дѣйствіяхъ не только.

Перечислимъ главные положенія кассы студентовъ для вспоможенія, мы перейдемъ къ самымъ источникамъ кассы. Они заключаются:

Во 1-хъ, въ взносахъ достаточныхъ студентовъ произвольной суммъ, довольно большой или очень малой, для помощи своимъ бѣднымъ товарищамъ. Вносы эти принимаются въ Редакціонной комитетъ, гдѣ для этой цѣли находится дежурный депутатъ, а сумма и имя вносящаго пишется его собственноручно въ особую шнуровую книгу.

Во 2-хъ, ежегодныя музыкальныя упражненія, производимыя въ Университетской залѣ, которыя, за покрытие расходовъ, доставляютъ довольно значительныя средства для вспоможеній.

Въ этомъ году произошло во внутреннемъ ихъ составѣ слѣдующее измѣненіе: до сего времени музыкальными упражненіями заведовалъ Г. инспекторъ студентовъ, и по окончаніи ихъ оставшаяся сумма раздавалась некоторымъ недостаточнымъ студентамъ. Но, такъ какъ нынѣ при редакціи Сборника учредилась касса для вспоможенія, такъ какъ членамъ редакціи наиболее извѣстно положеніе и состояніе своихъ бѣдныхъ товарищей, и какъ отъ этого знанія зависитъ возможная вѣрность и справедливость въ выдачѣ вспоможеній; то и заведеніе музыкальными упражненіями передано, по желанію Г. Инспектора и съ утвержденія Г. Намѣстителя, къ студентамъ редакторамъ и депутатамъ.

Къ этому роду источниковъ мы отнесемъ и одинъ концертъ въ году, по окончаніи всѣхъ музыкальных упражненій, съ участіемъ артистовъ итальянской труппы. Вся сумма, выручаемая отъ этихъ концертовъ, за исключеніемъ издержекъ, идетъ въ кассу и слѣдовательно въ пользу нашихъ недостаточныхъ товарищей.

Говоря объ этихъ концертахъ, мы позволимъ себѣ сказать слово объ Анжеликѣ Бозио, мы позволимъ себѣ почтить память той, которая съ вѣрными сочувствіемъ принимала въ нихъ участіе. Не

задолго до своей смерти, она, как и въ прошлые годы, пришла къ намъ принести и свою ленту въ общую -собрание. При громкихъ рукоплесканіяхъ, при крикѣ, вызывавшемъ общую благодарность, на рукахъ вынесли студенты изъ своего зданія представительницу искусства.... А чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ узналъ весь Петербургъ о ея смерти. Большая часть студентовъ шла въ домъ, гдѣ она жила и теперь лежала мертвая. Почти все мы, студенты, собрались на ея погребеніе. Каждый шелъ туда, влекомый своимъ собственнымъ чувствомъ.... Вотъ что прочли мы въ одномъ журналѣ: «Отсюда (изъ церкви Св. Клементія), въ сопровожденіи тысячной толпы, въ которой особенно замѣтно было «огромное множество восторженныхъ и признательныхъ студентовъ, тѣло Анд. Бозіо отвезено на католическое кладбище Св. Маріи и «передано землѣ. На свяжую могилу, вмѣстѣ съ землею, падали не- «притворныя слезы и вѣты....»

Наконецъ въ 3-хъ, къ источникамъ кассы относятся и суммы отъ публичныхъ лекцій нашихъ профессоровъ. Говори ниже объ этомъ полезномъ учрежденіи и прекрасномъ поступкѣ Гг. профессоровъ, въ которомъ высказалось ихъ сочувствіе къ общему дѣлу студентовъ, мы здѣсь только замѣтимъ, публичныя лекціи будутъ читаться и въ этомъ году.

Итакъ такіе источники и средства, касса, начали производить свои выдачи съ 31 Декабря 57 г., выдала до 1 Іюня 59 г.— 9000 р. с. въ видѣ вспоможеній и разнообразныхъ орудъ. Правленіе Университета въ этотъ промежутокъ времени выдало стипендіями и одновременно пособіями 7160 р. с. Г. Инспекторъ студентовъ, изъ суммъ выручаемыхъ за музыкальными упражненіями, роздалъ около 3000 р. с.

Итогъ всѣхъ этихъ пособій уже слишкомъ достаточно свидѣтельству о количествѣ бѣдныхъ студентовъ; а при этомъ еще надо-жно забывать всѣхъ мѣръ, которыми употребляютъ наши товарищи для пріисканія себѣ хлѣба и некрова: одни занимаются каллиграфіею (копильщиками) изъ различныхъ сочиненій для журналовъ, другіе—переводными статьями съ иностранныхъ языковъ, афферктурой и т. д.; многіе даютъ уроки въ частныхъ домахъ; для доставленія

студентамъ этого послѣднего рода занятій, при редакціи Сборника заведена книга для записыванія лицъ, посещающихъ лекціи уроки г.г. студентовъ; но, къ сожалѣнію, эта предпринятая мѣра для удовольствіи обѣихъ сторонъ пока не дѣйствительна и можетъ быть достигнута тогда только, когда на самомъ дѣлѣ будутъ обращаться съ подобными просьбами въ редакцію.

А между тѣмъ численность студенчества, которая можетъ свидетельствовать о потребности Университетскаго образованія, растетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1859 году число студентовъ дошло до 859. Вотъ распредѣленіе этого числа по факультетамъ:

На факультетѣ историко-филологическомъ	50
— — — восточныхъ языковъ	54
— — — физико - ма- тематическ. } разрядъ матем. наукъ	147
— — — юридическ. } ————— естеств. —	130
— — — ————— } разрядъ юрид. наукъ.	300
— — — ————— } ————— камер. —	178

Разность въ числѣ между факультетами не можетъ не обратить на себя вниманія, и прежде всего это вниманіе останавливается на числѣ студентовъ по Историко-Филолог. факультету. Тутъ, разумеется, существуютъ положительныя причины такой малочисленности. Она высказана уже въ первомъ выпускѣ нашего Сборника (Истопное внутр. жизнь Университ., стр. 380.). Мы опять повторимъ здѣсь, что и на самомъ дѣлѣ, къ сожалѣнію, только весьма немногіе могутъ получить классическое образованіе: одна 3-я гимназія не можетъ служить, достаточнымъ рассадникомъ молодыхъ людей, готовящихся впоследствии къ ученымъ занятиямъ и трудамъ по историческимъ и филологическимъ наукамъ. Мы опять повторяемъ высказанное въ 54 г. обещаніе объ устраниніи этого препятствія. Мы ждемъ исполненія этого обещанія, и намъ вѣроятно придется ждать недолго, потому что въ настоящую минуту, когда идетъ рѣчь и дѣло о развитіи всѣхъ элементовъ духовной жизни, элементъ классическаго образованія не можетъ остаться въ сторонѣ, врозь приложен.

Число студентовъ увеличивается, молодое поколѣніе жаждетъ и хочетъ усвоить разумное слово объ наукѣ, развѣтленія наукъ,

вопросовъ, накопившихся въ неокрѣпшихъ еще головахъ, оно ищетъ и находитъ. Каведры обогащаются новыми дѣтелями: Въ Сентябрѣ 57 г. началъ свои лекціи по гражданскому праву К. Д. Кавелинъ; въ Январѣ 58 г. вступилъ на каведру Уголовнаго права Вл. Д. Спасовичъ; въ Сентябрѣ того же года возвратился изъ-за-границы послѣ двухлѣтняго путешествія профессоръ по каведрѣ Исторіи. М. М. Стасюловичъ. Масса слушателей, постоянно наполняющая большіи аудиторіи этихъ профессоровъ, говоритъ громче всѣхъ рукописанныхъ о достоинствѣ и живомъ интересѣ ихъ лекцій.

Въ настоящее время, при факультетѣ Восточныхъ языковъ учрежденъ 6-й разрядъ—Санскрито—Персидскій. Вслѣдствіе этого, въ Сентябрѣ 59 г. было объявлено, «что преподаватель Коссовичъ, по приказанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, будетъ читать вступительную лекцію, въ Четвергъ, 24 сего Сентября, въ которой между прочимъ, представитъ историческій очеркъ, трудовъ, совершенныхъ европейскими учеными по части языковѣдѣнія Арійскаго Востока.»

Въ то же время молодые профессора приобретаютъ богатые запасы знаній въ заграничныхъ Университетахъ. Между другими, въ Мавъ уѣхалъ изъ Петербурга М. И. Сукомляновъ, провозглашенный тогда благодарными ему студентами. Эта благодарность была имъ вполне заслужена. Изданіе Сборника было еще мечтою, когда онъ, вмѣстѣ съ студентами, взялся за осуществленіе этой мысли. Онъ дѣйствовалъ, полный энергіи и любви къ общему дѣлу, онъ былъ нашимъ перлынь и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ руководителемъ въ новомъ для насъ дѣлѣ; подъ его руководствомъ основалась и выросла для вспоможенія нашимъ недостаточнымъ товарищамъ. Такого образца, избраннаго студентами въ Профессора—редактора, онъ вполне оправдалъ ихъ довѣріе; они доказывали ему это и фотографіей его портрета и не разъ высказанною общою благодарностью.

Заговоря объ одномъ лицѣ, такъ много принимавшемъ участіе въ общемъ дѣлѣ студентовъ, мы не можемъ умолчать о другомъ, не можемъ не вспомнить имени, которое въ неопредѣлительное время студенты признавали уважать и любить, которое и теперь часто рождало въ отѣнѣхъ Университета. Мы говоримъ о бывшемъ Про-

починалъ Петербургскаго Округа, о Князѣ Григорѣ Александровичѣ Щербатовѣ. Въ немъ вынуженъ Сберица упомянуто уже о содѣйствіи Кня. Щербатова въ наемѣ Сберица. Помня хороша званіе Университета, сознавая потребность его образованія, она не упустила заботиться о средствахъ къ развитію внутренней университетской жизни, и его заботы не потрачены даромъ. Онъ любилъ студентовъ, это высказалось во всемъ его дѣйствіяхъ, и студенты платили ему взаимною любовью. Оттого нѣтъ и было тогда грустно услышать вѣсть объ оставленіи имъ должности наемчича.

Такое понятіе объ университетскомъ образованіи, такая потребность его постоянно растетъ и высказывается. Въ подтвержденіе своихъ словъ мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующее предложеніе отъ начальника Могилевской губерніи Г. Бендизина къ Г. Инспектору студентовъ:

«Озабочиваясь замѣщеніемъ различныхъ должностей въ внутренней жизни управленія губерніи людьми способными, добросовѣстными и научно-образованными, и принявъ въ соображеніе, что мы имѣемъ предостать значительныя преобразования какъ по губернскаму, такъ и преимущественно по уѣздному управленію, съ учрежденіемъ должностей особенныхъ слѣдственныхъ чиновниковъ, я рѣшаюсь обратиться къ Вашему, Милостивѣйшій Государь, съ искреннѣйшею просьбою предложить молодымъ людямъ, съ успѣхомъ окончившимъ или окончивающимъ курсъ юридическихъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ, поступить на службу въ Могилевскую губернію кандидатами на должности уѣздныхъ стряпчихъ и слѣдственныхъ чиновниковъ. Къ сему считаю не лишнимъ присовокупить, что содержаніе уѣздныхъ стряпчихъ предполагается увеличить, но въ какомъ размѣрѣ еще не вѣдомо; слѣдственнымъ же чиновникамъ предназначается до 1000 руб. сер. въ годъ. Такъ какъ по всемъ вѣроятіямъ предложенныя преобразования будутъ осуществлены въ весьма не продолжительномъ времени, то было бы необходимо, чтобъ молодые люди, желающіе занять означенныя должности, заблаговременно прибыли въ Могилевскую губернію, дабы имѣть возможность въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ изучить порядки службъ и хотя нѣсколько ознакомиться съ практическимъ приложеніемъ теоретиче-

«снѣтъ никакихъ, пріобрѣтенныхъ ими въ Университетѣ. Я надѣюсь, что г. г. студентами Петербургскаго Университета примутъ такое предложеніе мое, какъ выраженіе живаго сочувствія къ благо-родному направленію университетскаго юношества, какъ доказательство, что я буду унѣтъ цѣнить честный, посвященный трудъ тѣхъ изъ книгъ, которые сдѣлаютъ мнѣ честь познакомиться съ службою въ вѣрнопутную мнѣ губернію.»

Мы перейдемъ теперь къ самому новому изданію и, по установленному правилу, приведемъ здѣсь отзывы Гг. Профессоровъ о нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ,

О статьѣ Дм. Писарева «Вильгельмъ Гумбольдъ» Профессоръ А. В. Никитенко отзывался, что она «по литературному и ученому своему достоинству заслуживаетъ быть напечатанною въ Сборникѣ».

Профессоръ Изм. Ив. Срезневскій далъ слѣдующій отзывъ о переводной статьѣ В. Макушева «Филологическій разборъ числительныхъ именъ». «Съ истиннымъ удовольствіемъ я прочитаю статью П. П. Шафарика въ Русскомъ переводѣ В. В. Макушева. Изъ него хоть иъспользовано можно познаться съ тѣмъ филологическимъ направленіемъ, котораго сталъ держаться Шафарикъ, когда занялся языкомъ Славянскимъ специально. Между славистами онъ одинъ имѣетъ первыя шаги на этомъ пути, — и выработанные выработалъ самостоятельную. Нельзя не жалѣть, что изъ его работъ на этомъ нѣтъ напечатаны пока еще очень немногія.»

Статья Г. студента Пятковского б. одобрена къ печати въ слѣдующихъ словахъ Г. Професс. Никитенко: «Статья Г. Пятковского о жизни и сочиненіяхъ *Вомесинимоса*, назначенная для сборника, изд. студ. С. Петербургскаго Университета, по литературному своему достоинству, заслуживаетъ быть помѣщаемой въ немъ.»

О сочиненіи кандидата А. Фаминина «Организмы на границѣ животнаго и растительнаго царства» мы не можемъ дать точный отчетъ за отсутствіемъ Проф. Ценковского.

Профессоръ М. Е. Андреевскій сообщилъ слѣдующее мнѣніе о статьѣ Студ. Генерозова-Смыкова «Робочіе люди».

«Изъ многихъ еще неизслѣдованныхъ вопросовъ Государственнаго Права, на которые я обращаю вниманіе моихъ слушателей,

Студ. *Генерозова-Смышкова* занялся изучением *Рабочих Людей*; какъ класса лицъ весьма кратко опредѣленнаго въ положительномъ законодательствѣ (Т. IX Св. Зап. Гражд.), и представляющаго любопытное историческое происхожденіе, вовсе еще необъясненнаго въ нашей литературѣ. Въ своей статьѣ, «*Рабочіе люди*», г. *Генерозовъ-Смышковъ* прослѣдилъ по воцѣ указать, начиная со времени Императора II, судьбу рабочихъ людей, и въ своемъ историческомъ анализѣ представилъ задатки хорошо усвоеннаго критическаго метода, бросилъ много справедливыхъ взглядовъ, и въ заключеніи помѣстилъ новыя и весьма любопытныя выводы объ историческомъ происхожденіи и нынѣшнемъ значеніи рабочихъ людей. Но этихъ причинанъ, статья г. *Генерозова-Смышкова*, не смотря на ея краткость, не пройдетъ незамѣченою въ литературѣ Русскаго государственнаго права. Напрасно только авторъ начало своей статьи замѣнилъ общими понятіями, и то недостаточно у него развитыми, о наказаніи и исправленіи преступника: его статья не только бы не потеряла, но напротивъ выиграла бы, если бы онъ ее началъ прямо съ историческаго разсмотрѣнія рабочихъ людей.»

Изъ сожалѣній авторъ не могъ воспользоваться справедливыми замѣчаніями Профессора: смерть запретила ему это: онъ умеръ оставивъ по себѣ добрую память между товарищами. Статью свою онъ посвятилъ сестрѣ *Аннѣ Афон. Смышковой* въ слѣдующемъ письмѣ:

Любезная сестра!

Съ младенчества ты заливала мнѣ пашку, мать: во время моего дѣтства была моимъ другомъ и первымъ учителемъ, — тобѣ обязанъ я первыми уроками нравственности; наконецъ ты была ангеломъ-утѣшителемъ въ скорбныя минуты моей жизни. Нѣмало помню твоихъ прощанъ, но исполненныя любви до самоотверженія къ брату, какъ къ другу, слова, которыя ты писала мнѣ, когда я, не видя повода своему бездѣльному положенію, хотѣлъ оставить Университетъ. Вотъ твои строки: онѣ у меня предъ глазами, — не я сохранию ихъ на всегда въ моемъ сердцѣ, какъ драгоценнѣйшій перлъ изъ моихъ воспоминаній. «Ты хочешь оставить Университетъ», писала ты, «что же думаешь предпринять, оставя ученіе? Тогда ты

тоже не мѣшало сѣбѣ содержать себя собственными средствами, а это тебѣ будетъ въ тысячу разъ дороже теперешняго. Теперь ты при мѣстѣ; а тогда ты будешь празднымъ человѣкомъ, который не дерзаетъ и котораго презираютъ. Я советовала бы тебѣ продолжать начатое тобою ученье, хоть какъ нибудь, если это возможно и при бездѣльномъ излѣченіи: за дѣломъ все-таки легче поровнѣть голову и сердце; быть полубосымъ и полунагимъ, да быть при мѣстѣ, — еще сносно. Терпи, — Богъ не посылаетъ намъ крестовъ свыше силъ нашихъ, а внутренно мы должны сознаться что Онъ смотритъ на насъ еще съявля милосердія и любви.

«Я сама приду къ тебѣ въ Петербургъ, буду жить для тебя въ услуженіи, толькобъ ты попомнилъ мое желаніе — учился и быть хорошимъ человѣкомъ!» — Позволь же мнѣ, любезная сестра, посвятить тебѣ это мое сочиненіе, мой первый опытъ на учено-литературномъ поприщѣ. Онъ несправедливости принадежитъ тебѣ, какъ трудъ того времени, когда ты писала мнѣ, приведенная мною, отрини. Я освѣдѣляла себя счету, если ты примешь этотъ трудъ, какъ выраженіе моего совершеннѣйшаго къ тебѣ уваженія и искренней преданности. —

Мы привели здѣсь это писмо: оно мѣсто преле на помѣщеніе въ нашей лѣтониси, какъ по предсмертному желанію автора статьи, такъ и по прекрасному убѣжденію, выраженному въ письмѣ дѣвушки къ брату о необходимости труда и ученья.

Не говоря здѣсь о всѣхъ диссертацияхъ, писанныхъ на заданіе Гг. Профессоровъ тамъ *) въ 1859 и 59 г., мы назовемъ только одну изъ нихъ, которую предполагается помѣстить въ Сѣверномъ Сборникѣ. Эта диссертация студента IV курса Юридическаго факультета *П. Вильяма*, писанная на тему: «Пониманіе въ сноточеническомъ единствѣ ученье Лейбница о преемствѣ и о выраженіи ея въ государствѣ и положительныхъ законодательствахъ», и

*) Отчетъ и разборъ объ этихъ диссертацияхъ помѣщается въ «Годишномъ Актѣ Петерб. Университета, въ Приложеніи.

объяснить это учение сравнениемъ съ нѣкоторыми нѣмецкими о главныхъ основаніяхъ законодѣнія.»

Изъ кружка студентскихъ занятій не ограничивается этия труды. Одни занимаются полезными трудами по факультетскимъ предметамъ, другіе трудятся и помѣщаютъ свои статьи оригинальными или переводными въ разныхъ журналахъ, нѣкоторые издають отдѣльныя книги, болѣе или менѣе полезные. Такъ студентомъ Восточнаго факультета *Цесляковскимъ* составленъ Манджуро-Русскій словарь. Прекрасный этотъ трудъ предполагается помѣстить въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ Сборника. Студентомъ Восточнаго факультета *Верескинымъ* литографированы Записки Арабской Грамматикѣ, составленныя по лекціямъ М. Т. Навроцкого.

Студенты *Ив. Лазаревскій* и *Як. Утинъ* издали: *Собраніе памятниковъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. СПб. 1859 г.* Цѣль этой книги объясняется составителями въ предисловіи. Вотъ что говорятъ они: «Источники исторіи права служатъ законнымъ источникамъ, различнымъ юридическимъ актамъ и другимъ памятникамъ законодательства. У насъ такихъ памятниковъ издавна въ настоящее время недостаточное количество, чтобы на основаніи ихъ начать разработку исторіи права. Но памятники эти разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, болѣею частью недоступныхъ студенту или по своей рѣдкости, или по дороговизнѣ; а между тѣмъ чтобы иметь памятники, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ изъ нихъ, необходимо для каждаго студента, имѣть и самыя лекціи исторіи права не приносятъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы;—слѣдовательно необходима книга, въ которой были бы собраны эти памятники. «Указатель русскійхъ законовъ» *Магницкина* (собственно первая его часть) могъ бы удовлетворить этой потребности; но, не говоря уже о томъ, что имѣть сборникъ составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость; въ немъ помѣщены не всѣ памятники, ознакомленіе съ которыми составляетъ, такъ сказать, введеніе въ полное изученіе памятниковъ русскаго права, и самыя памятники введены въ немъ не поименнымъ и неточнымъ спискамъ. И такъ, — повторяемъ, — необходимъ сборникъ, въ которомъ были бы собраны всѣ важнѣйшіе памятники древняго русскаго права и который былъ бы доступенъ студенту

студенту. Настоящим извещаемъ мы думаютъ удовлетворить этой потребности; насколько мы успѣли въ этомъ, — представляемъ судить преподавателямъ и товарищамъ нашимъ, такъ какъ для насъ главнымъ собственно и назначается эта книга.» Изданіе это уже подверглось критической оцѣнкѣ въ разныхъ журналахъ (Ж. Мин. Юстиціи, Архивъ, Н. М. Калачова, Русское Слово).

Вой рѣшеніемъ признавая пользу труда нашихъ товарищевъ, находимъ однако и нѣкоторые недостатки. Вѣроятно второе изданіе «Собранія напечатанныхъ» докажетъ что составители умѣли воспользоваться дѣльными замѣчаніями.

А теперь, пока, во всякомъ случаѣ, книга Ив. Лазаревскаго и Як. Утина составляетъ пріятное явленіе въ Русской юридической литературѣ; польза же ея несомнѣнна, — въ этомъ на опытѣ можемъ убедиться каждый, и особенно студенты, занимающіеся хоть сколько нибудь исторіей русскаго права.

Студенты Аверкиевъ и Алексѣевъ перевели на русскій языкъ замѣчательную книгу: *Vues générales sur le système de l'enseignement de l'Université de Paris* Шарль Жерар. Это сочиненіе есть первый учебный трудъ по унитарной системѣ Шарль Жерара и Августа Жерара. Авторъ книги Шарль Жераръ былъ въ то же время и творецъ унитарной системы. Изъ этого уже можно видѣть, что унитарная система возможна здѣсь съ полнотой и ясностью и приложена не только къ выдающимся, но и къ простымъ талантамъ Химин. На русскій языкъ теперь это единственное руководство къ изученію унитарной системы.

Студентъ Н. Бенардани перевелъ на Англіійскій языкъ знаменитое «*Forc sans Ulla*» Гривбодова, и намъ пріятно сказать здѣсь, что англійскіе журналы отзывались съ похвалою объ этомъ трудѣ нашего товарища. Считаемо умѣстнымъ упомянуть здѣсь, что кромѣ перевода Гривбодова, студентъ Н. Бенардани перевелъ нѣсколько главъ Гоголя, которыя скоро появятся въ печати въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ.

Кромѣ того, Н. Бенардани и Ю. Богумиличъ предприняли составленіе и изданіе: *Указателя статей серьезныхъ содержанія, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ*. Пока вышло въ свѣтъ пять выпусковъ: 1.) Къ Смыслу Отечества (1812—

1852.), 2.) Къ Библіотекѣ для Чтенія (1834—1854), 3.) Къ Финскому Вѣстнику и Сѣверному Обзорнику (1845—50), 4.) Къ Репертуару и Пантеону (1839—56), 5.) Къ Москову Телеграфу (1828—34.).

Этотъ трудъ приобрести значеніе въ Русской Литературѣ, если будетъ омонченъ въ полномъ объемѣ, т. е. если обшнеть въ своемъ составѣ всѣ замѣчательныя русскія журналы; потому что всѣ до сихъ поръ предпринимавшіеся подобныя библіотеческія изданія или не были доведены до конца (какъ Указатель къ журналамъ *Бессирова*), или касались только специальныхъ изданій (какъ Указатель къ Сѣверному Архиву А. Н. Асинасьева, Указатель къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія*. — Галакина).

По установленному правилу и порядку въ Январѣ или Февралѣ каждаго новаго года студентами производится переизборъ редакціи и депутатовъ.

Мы указываемъ на это явленіе 1858 и 1859 г. только по отношенію къ тому разногласію, которое проявилось при этомъ случаѣ. Было высказано мнѣніе, что Сборникъ не долженъ существовать. За такіе убѣжденія, если только такое убѣжденіе возникло, должна слѣдовать акація, и, если бы эта мрачная акація проникла въ большую семью студентовъ, — она бы сгубила много хорошаго, она бы принесла съ собою много злаго. Пусть вспомнитъ тѣ, которые рѣшились высказать мнѣніе противъ изданія Сборника, слова нашего известнаго соотечественника В. В. Ганни (въ письмѣ это къ редактору съ благодарностью за сообщеніе 1-го выпуска Сборника) «Друзья мои,» писалъ онъ, употребляйте слово въ дугѣ правды, въ дугѣ любви, какъ орудіе мира и дружелюбія. Горе употребляющимъ слово во зло!... Ваша мысль соединиться въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣть въ виду общій интересъ, да занимаетъ Васъ еще долго на пользу, честь и славу Вашего великаго отечества! Да будете увѣрены, что при такомъ стремленіи залетать лучи вашего успѣха далеко, за предѣлы «къ роднымъ племенамъ.»

Пусть же прочтутъ наши товарищи, охладѣшіе къ общему дѣлу, слова уважаемаго нами Ректора, пусть прочтутъ они и воспри-

тятся въ нашу дружную семью. Число ихъ разумѣется не велико, но въ нашей общинѣ каждый членъ ее долженъ быть дорогъ. На англѣ, давая обществу отчетъ о состояніи и дѣятельности Петербургскаго Университета за 1857 г. П. А. Плетневъ говорилъ:

«Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ возбужденія самостоятельной умственной дѣятельности студентовъ здѣшняго Университета «служить предпринятое ими изданіе, подъ названіемъ «Оберина»... И далѣе: «Я готовъ повторить здѣсь и повторю, въ которыхъ «не бываетъ недостатка противъ всякаго новаго предпріятія... Время, «требующее отъ студента на притомленіе сочиненія и не самое «ихъ печатаніе, не будетъ ли отнято отъ необходимаго изученія «проходимыхъ имъ предметовъ? Университетское изученіе не «есть выучиваніе лекцій наизусть. Оно состоитъ въ ясномъ пониманіи главныхъ идей науки и въ дополненіи ихъ непосредственными «трудомъ по указаннымъ источникамъ. Идемъ только отъ того и «откажемся лени, когда вдумываемся въ нихъ, извлеченно проходимъ имъ въ послѣдовательности и наконецъ свободно обнимаемъ ихъ въ полномъ составѣ.» Ничѣмъ такъ легко и верно не дойдешь до этого, какъ задумавшись трудомъ надъ отдѣльною частію науки. Этотъ анализъ открывающій уму продолженіе отъ него до «самъ веръ тайны, развертываетъ его силы и подобно гимнастикѣ «упрочиваетъ ихъ. Что касается до ближайшаго знакомства съ источниками, дополняющими схваченныя на лекціи идеи, самая необходимость сообщить собственному сочиненію достоинство и ясность «приводитъ въ нихъ и заставляетъ изучать ихъ со всею основательностью. Кто мыслитъ обещаніе увеличеніе кабинетнаго труда, тотъ «хорошо знаетъ, какъ въ продолженіе его сосредоточиваются всѣ «интеллектуальная наши способности, и до какой зрѣлости доходятъ «умъ въ этой работѣ. Безъ собственныхъ опытовъ ни въ чемъ не дойдешь до совершенства. Теоретическія знанія подобны въ вѣкомъ старомъ символѣ тѣмъ умственнымъ приобритеніямъ, которыя напоминаютъ думу при разсказѣ о прекраснѣйшей сценѣ, картинѣ и «музыкѣ. Кажется, все чувствуешь, а въ сущности остается ничто «важное памятію. Только непосредственное прикосновеніе къ предметамъ сообщаютъ намъ истинное, прочное о нихъ знаніе.»

Переходя къ положенію болѣе или менѣе важному въ жизни роднаго нашего Университета за второй семестръ прошлаго академическаго года, намъ пріятно начать нѣсколькими словами о публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ залѣ Университета нѣкоторыми изъ его Гг. Профессоровъ.

Мысль чтенія подобныхъ публичныхъ лекцій не сразу принадлежить мысли студентамъ: они сначала заговорили объ этомъ, они приглашали Гг. Профессоровъ, на нихъ заботливости лежало все устройство этихъ лекцій, наконецъ къ нимъ же перешелъ и конечный результатъ публичныхъ бесѣдъ—сумма выручавшаяся за нихъ должна была быть однимъ изъ источниковъ «кассъ бѣдныхъ студентовъ.»

Съ особеннымъ удовольствіемъ упоминаемъ мы о нихъ; совершенно новая мысль эта вполне оправдала надежду студентовъ, — и Гг. Профессора и наше образованное Общество высказали участіе къ своему Университету. Гг. Профессора всемогущественно предоставившись имъ случаемъ содѣйствовать студентамъ въ ихъ намѣреніи способствовать нашимъ недостаточнымъ товарищамъ и чрезъ то и самой наукѣ, на сколько она зависитъ отъ матеріальныхъ достатковъ ея тружениковъ. Съ другой стороны и Общество, оказало сочувствіе къ этому предпріятію и наполнило собою Университетское зало.

Общество имло съ полною увѣренностію усиловать новыя результаты науки въ формѣ доступной для каждаго; эту увѣренность гарантировали съ одной стороны выборъ предмета. съ другой стороны имена Гг. Профессоровъ назначить на себя эту не легкую задачу: нашей образованной публикѣ давно было знакомо имя А. В. Никитенко. Старый любитель онъ выступилъ говорить «о Державинѣ и его времени;» затѣмъ вступилъ на кафедру молодой, только что вернувшійся изъ-за границы М. М. Стасюловичъ, съ которымъ общество познакомилось еще такъ недавно, но уже такъ ясно высказало къ нему свое сочувствіе и онъ предлагалъ ему на судъ новыя взгляды науки на одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ, предлагалъ ближе познакомиться съ провинціальнымъ бытомъ Франціи при Людовикѣ XIV. Рядъ публичныхъ лекцій заключилъ Н. М. Благодѣицкій, желавшій сказать обществу о «Юсенагѣ и его сити-

рахъ» и неубавившейся старыхъ, гнилыхъ предубѣждений противъ науки, которой онъ былъ представителемъ.

Малочисленность публичныхъ лекцій (числомъ 3) не дозволяла Профессору Никитенко выполнить вторую часть своей задачи, но личность и заслуги пѣвца Екатерины желалъ очертить совершенно рельефно нашъ знатокъ русской литературы; не требуя отъ Профессора ничего невозможнаго — обнять всю тему въ нѣсколько часовъ, публика высказала свое полное сочувствіе къ словамъ и мыслямъ Профессора. Отъ времени Екатерины вниманіе публики было перенесено Профессоромъ Стасюлевичемъ въ другой вѣкъ, далеко на западъ, слѣдить за жизнью другаго народа подъ управленіемъ Людовика XIV, имя котораго въ лѣтописяхъ Франціи составило такую же эпоху, какою въ лѣтописяхъ нашей страны — имя Екатерины Великой. Послѣ лекціи Профессора мы могли повторить вѣстѣ съ нимъ, что «еще однимъ великимъ человекомъ меньше!» Еще далѣе откинуто было вниманіе публики, Н. М. Благовѣщенскій, къ болѣе отдаленному времени Римскихъ Императоровъ. Темой его лекціи былъ «Ювеналъ», сатирикъ времени Доминіана, который такъ хорошо зналъ всѣ черныя стороны своего времени и такъ нѣтко порождалъ ихъ.

Двумя лекціями Г. Благовѣщенскаго заключился рядъ публичныхъ лекцій въ залѣ нашего Университета. Въ заключеніе мы должны прибавить, что и другіе Гг. Профессора представили программы лекцій по предметамъ ихъ кафедръ, но должны были отказаться помочъ общему дѣлу, вслѣдствіе обстоятельствъ отъ нихъ не зависящихъ.

Мы просили всѣхъ Гг. Профессоровъ читать публичныя лекціи позволенія напечатать ихъ при нашемъ «Сборникѣ». И въ нынѣшнемъ выпускѣ мы предлагаемъ публикѣ поданный текстъ публичныхъ лекцій Гг. Профессоровъ Стасюлевича и Благовѣщенскаго. Онъ помещенъ въ приложеніи къ настоящему выпуску и потому — то мы выше не сказали ничего, ни о ихъ содержаніи, ни о значеніи этого содержанія; относительно лекцій Г. Стасюлевича мы позволимъ себѣ замѣтить только, что при сочувствіи, которое оказала публика, всякая критика по поводу этихъ лекцій,

должна была относиться собственно къ публикѣ, а не къ читавшему ихъ Профессору. Въ своемъ письмѣ къ редакціи, которое мы помѣщаемъ предъ лекціями, Профессоръ самъ отвѣтилъ на возможные возраженія и объяснилъ причины незначительной перестановки въ текстѣ, которую потребовали условія печати. Что же касается до лекцій Н. М. Благовѣщенскаго, то мы можемъ только сказать, что они уже были помѣщены въ одномъ изъ №№ Русскаго Вѣстника за 1859 годъ; но мы просили Г. Профессора дозволить намъ представить читающей публикѣ лекціи въ неискаженномъ видѣ, въ какомъ мы прочли ихъ въ сказанномъ журналѣ.

Въ последнее время Совѣтъ Университета принялъ различныя мѣры для произведенія экзаменовъ съ большею и возможною строгостью. Такия мѣры для увеличенія должной строгости и разборчивости при экзаменахъ, не могли показаться странными. Мы входимъ въ университетъ съ вѣрою на вознагражденіе честнаго труда своимъ трудомъ; въ последнее время молодое поколѣніе очистилось отъ позорной мысли приходить въ Университетъ искать матеріальныхъ интересовъ; грубая ограниченность, которая захотѣла бы искать здѣсь только мундира съ свѣтлыми пуговицами или незаслуженнаго кандидатскаго диплома, была бы громко осмѣяна. Къ сожалѣнію прекрасныя намѣренія Совѣта были дурно и ложно поняты многими; это видно изъ появленія въ последнее время нѣкоторыхъ неосновательныхъ статей. Университетъ отнюдь не можетъ въ этомъ дѣлѣ руководствоваться извѣстнымъ текстомъ: «много званыхъ, мало избранныхъ»; его двери должны быть открыты для каждаго, который можетъ войти въ нихъ. Тутъ фактъ, что изъ 300 молодыхъ людей вступило въ Университетъ только 73, далеко не ложится пятномъ на юное поколѣніе, онъ говоритъ о слабости среднихъ учебныхъ заведеній, о необходимости преобразованія и улучшенія этихъ заведеній, для чего, какъ извѣстно, предпринимаются въ настоящее время средства и мѣры. Основываясь же на совершенно мнимой легкости переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ, было бы слишкомъ дерзко и нагло обвинить студентовъ въ небозукоризненномъ поведеніи. Одинъ голый перечень явленій въ жизни Университета, какъ касса бѣдныхъ студентовъ, полныя большія аудиторіи Гг. Профессоровъ, разнообразныя труды

студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, труды, которые не могутъ быть работою одного дня, много другихъ фактовъ, громко говорить въ пользу студентовъ, ясно свидѣлствуютъ, что студенты посѣщаютъ преимущественно и безъ строгаго сраженія съ другими «публичными истами», Университетъ; и такимъ образомъ служатъ яркими опроверженіемъ многихъ неосновательныхъ мнѣній.

Намъ пріятно закончить нашу лѣтопись извѣстіемъ о тѣхъ пріобрѣтеніяхъ которыми суждено быть украшеніемъ нашего Университета; мы говоримъ о Гг. Совѣтовъ, Лагуна, Губа, Костомаровъ и Утина, пополнившихъ собою число Профессоровъ нашего Университета. Для большинства нашей публики это уже не новость, живой интересъ возбуждаемый лекціями нѣкоторыхъ изъ Гг. Профессоровъ связъ съ нашимъ Университетомъ ту долю исключительнаго, исключительнаго учрежденія, которая тяготѣла надъ нимъ. Мы съ радостію увидѣли среди себя много лицъ не принадлежащихъ къ числу студентовъ, изъ среды всѣхъ сословій нашего отечества; различіемъ возраста, званій, пола лицъ посѣщающихъ лекціи нѣкоторыхъ изъ нашихъ Профессоровъ, Университетъ нашъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ то значеніе въ обществѣ, которое по праву принадлежитъ ему. *)

Объясненіемъ сказать подробности, въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ, о дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нашихъ Профессоровъ, мы заканчиваемъ нашу лѣтопись.

Мы по возможности старались привести здѣсь всѣ явленія, совершившіяся въ университетской нашей жизни. Быть можетъ мы многое недосказали, многое только коснулись, но самое это молчаніе невольно высказываетъ наши убѣжденія, касательно вопросовъ нами незатронутыхъ и предоставленныхъ суду людей, болѣе или менѣе принимающихъ живое участіе въ ходѣ образованія русскаго общества.

*) Вступительныя лекціи Гг. Профессоровъ Костомарова и Утина напечатаны: одна въ «Русскомъ Словѣ», другая — въ «Отечественныхъ Запискахъ».

ско не превышало тридцати пяти тысячъ человѣкъ, имѣя однакожъ нѣсколько орудій. Восьмага сентября 1514 года считал по Р. Х.,⁶⁰ настлавъ мостъ, Константинъ переправилъ пѣхоту черезъ Борисеенъ у города Орши, конница же переправилась черезъ узкій бродъ подъ самою оршинскою крѣпостью. Вскорѣ послѣ того какъ половина войска перешла черезъ Борисеенъ, извѣстили объ этомъ Ивана Андреевича Челадина,⁶¹ которому московскій князь поручилъ главное начальство,—и совѣтовали напасть на эту часть войска и уничтожить ее. Но онъ отвѣчалъ: «если мы разобьемъ эту часть войска *литовскаго*, то останется другая, къ которой могутъ присоединиться другія силы; и такимъ образомъ намъ будетъ грозить *новая* болѣе опасная *война*. Подождемъ немного, пока переправится все войско: у насъ такія силы, что, безъ сомнѣнія, мы можемъ безъ большаго труда или разбить это войско, или окружить его и гнать до самой Москвы, какъ бывовѣ. Наконецъ намъ останется только занять всю Литву». Между тѣмъ приближалось литовское войско, въ составъ котораго входили поляки и солдаты изъ чужихъ странъ, и когда оно отошло отъ Орши на 4000 шаговъ,—обѣ арміи остановились. У московитовъ два крыла далска отошли отъ остальнаго войска, для того чтобы обойти непріятеля съ тыла; главное же войско въ боевомъ порядкѣ стояло въ серединѣ, а впереди были поставлены тѣ, которые должны были вызвать непріятеля на бой. Напротивъ нихъ литовцы долго давали диспозицію своимъ разноплеменнымъ силамъ, ибо каждое княжество прислало войско и предводителя своего племени, и такимъ образомъ въ боевой линіи каждому было дано свое мѣсто. Наконецъ, поставивъ нѣсколько отрядовъ впереди, московиты подають сигналъ и первые дѣлають нападеніе на литовцевъ.—Тѣ стоятъ безстрашно и отражаютъ ихъ; но московиты, получивъ подкрѣпленіе, въ свою очередь обращаютъ въ бѣгство литовцевъ. Такимъ образомъ нѣсколько разъ обѣ стороны, усиливаясь свѣжими подкрѣпленіями, опрокидываютъ другъ друга. Наконецъ всѣ силы введены были въ дѣло.

Тогда литовцы, съ намѣреніемъ отступивъ къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ поставлены были орудія, обратили пушки на преслѣдовавшихъ ихъ московитовъ: они стрѣляютъ, разстраиваютъ и разрываютъ густые задніе ряды, стоящіе въ резервѣ. Московиты были уstraшены этимъ новымъ образомъ воины, такъ какъ они думали, что только первые ряды, сражающіеся съ непріятелемъ, находятся въ опасности; они смѣшались и ударились въ бѣгство, считая переднія дружины уже разбитыми.

gam capessunt. quos Lithvuani connessi, omnibus copijs effusis insequuntur, fugant, aeduntque. Hanc caedem sola nox ac syluae dirimerunt. Est inter Orsam et Dobrovunam⁶³ (quae quatuor mil. Ger. distant) fluuius Cropivuna⁶⁴ dictus: in cuius dubijs et altis ripis fugientes, tot Mosci submersi sunt, ut cursus fluminis impediretur. Capti sunt in eo conflictu omnes militiae praefecti ac consiliarij: quorum praestantiores, Constantinus sequenti die lautissimè accepit, dein ad Regem misit: qui per castra Lithvuanica sunt distributi. Ioannes Czeladin⁶⁴ cum alijs duobus praecipuis ingrauescentis iam aetatis ducibus, habebatur in ferreis compedibus Vuilnae. i hos ego, cum à Caesare Maximiliano legatus in Moscovuiam missus essem, permittente Rege Sigismundo, accessi, eosque consolabar: aureos praeterea aliquot, obsecrantibus mutuo^h dederam. Princeps porro acceptaⁱ suorum clade, Smolenczko continuo relinqueas, in Moscovuiam fugit: et ne castrum Drogobusch⁶⁵ Lithvuani occuparent, incendi iubet. Lithvuanicus exercitus rectè Smolenczko civitatem contendit. sed capere eam non potuit: quòd praesidijs impositis Moscus eam bene firmatam reliquerat: et quòd hyems impendens obsidionem impediabat: tum quòd plurimi post conflictum praeda onusti, satis se effecisse rati, domum repetebant: denique quòd neque Lithvuani, neque Mosci expugnare arces, aut ui capere norunt.⁶⁶ Ex ea autem uictoria, praeter recuperata citra Smolenczko tria castra, Rex nihil reportauerat. Anno post hunc conflictum quarto, misit in Lithvuaniam exercitus Moscus, atque intra meatus Dvuiuae^a fluuij et Poloczko castrum consedit: ac inde bonam exercitus partem, quae Lithvuaniam abacta praeda caede et incendijs depopularetur, dimisit. Albertus Gastold Poloczkijs Vuuyuoda⁶⁶ una noctium egressus, flumine superato, aceruum faeni, quod ad longam obsidionem congegesserant Mosci, incendit, hostem inuadit: quorum alij caesi ferro, alij fugiendo submersi, alij capti, pauci euaserunt. caeteri, qui palantes^b Lithvuaniam

h) 1563 B. ein Schiffreich wasser (названъ мѣръ) i) 1557 B. Wîlda. j) 1557 B. въ. leg. въ Mosc. Zu dem kühnig Sigmunden und zu gedachtem Basilio Grossfürsten. k) 1557 B. въ. die mir in der Mosqua auf ire schreiben wider gekheit seind worden. l) 1557 B. erschreck. m) 1557 B. quòd-reliquerat—мѣръ.

a) 1557 B. Duna. b) 1549 B. acervo vno foeni. c) 1557 B. нпуѣ. im Reisen und raub gewest.

Тогда литовцы обращаются назадъ, со всѣми силами настигаютъ ихъ, преслѣдуютъ и убиваютъ. Одна ночь и дѣса прервали эту сѣчу. Между Оршей и Дубровной⁶² (которыя отстоятъ другъ отъ друга на 4 германскихъ миль) есть судоходная рѣка Кропивна⁶³: въ ней потонуло столько московитовъ, бѣжавшихъ по ея опаснымъ и высокимъ берегамъ, что теченіе рѣки замедлилось. Взяты были въ этомъ сраженіи всѣ начальники войска и военные совѣтники. На слѣдующій день Константинъ сдѣлалъ великолѣпный пріемъ знатнѣйшимъ изъ нихъ; потомъ отправилъ ихъ къ королю: они были распределены по литовскимъ крѣпостямъ. Иванъ Челадипъ⁶⁴, съ другими двумя главными вождями уже преклонныхъ лѣтъ, содержался въ Вилгѣ въ желѣзныхъ кандалахъ; когда я былъ отправленъ посломъ отъ цесаря Максимилиана къ королю Сигизмунду и къ упомянутому великому князю Василю, то навѣститъ ихъ съ позволенія короля Сигизмунда и утѣшалъ ихъ, кромѣ того, по ихъ покорной просьбѣ, далъ въ долгу нѣсколько золотыхъ, *которые и были уплачены лишь по ихъ запискѣ въ Москву*. Услышавъ о пораженіи своихъ войскъ, князь испугался немедленно и оставилъ Смоленскъ и поспѣшно уѣхалъ въ Москву, приказавъ сжечь крѣпость Дорогобужъ, чтобы не завладѣли ею литовцы. Литовское войско направилось прямо къ городу Смоленску, но не могло взять его, потому что московскій князь сильно укрѣпилъ его и оставилъ въ немъ гарнизонъ. Къ тому же приближающаяся зима мѣшала осадѣ. Кромѣ того литовцы были обременены добычей, доставшеюся послѣ сраженія, и многіе требовали возвращенія домой, полагая, что они уже довольно сдѣлали. Наконецъ литовское войско не могло взять Смоленска и потому, что ни литовцы, ни московиты не умѣютъ брать крѣпостей⁶⁵. Но отъ этой побѣды король ничего не выигралъ, кромѣ возвращенія трехъ городовъ по сую сторону Смоленска. На четвертый годъ послѣ этого сраженія московскій князь послалъ войско въ Литву; оно расположилось станомъ между теченіями рѣки Двины и городомъ Полоцкомъ. Отсюда онъ отпустилъ большую часть своего войска опустошать Литву огнемъ и мечемъ и собирать добычу. Альбертъ Гастолаъ, полоцкій воевода⁶⁶, вышедши въ одну ночь и перешедъ рѣку, зажегъ кучу сѣна, которую собрали московиты для долгой осады, и напалъ на непріятелей: одни изъ нихъ погибли отъ меча, другіе потонули въ бѣгствѣ, третьи были взяты въ плѣнъ, немногіе спаслись; изъ остальныхъ, которые, переходя съ одного мѣста на другое, *грабили и опустошали Литву*,—одни побѣждены въ разныхъ мѣстахъ, другіе убиты поселянами, спасаясь въ лѣ-

uastabant, pars in locis diuersis deuicti, alij in syluis errantes à colonis trucidati sunt. ^{d 67.}

Casan regnum ^e Moscus quoque eo tempore, tam nauali quàm equestri exercitu erat aggressus: sed re infecta, amissis quampluribus militibus redijt. ^{68 f} Porro princeps ille Basilius, etsi in bello esset infaelicissimus, nihilominus tamen à suis semper, tanquam res faeliciter gereret, laudatur: et cum nonnunquam uix dimidia militum pars domum redierit, tamen ne unum quidem praelio esse amissum dictitant. Imperio, quod in suos exercet, omnes facillè uniuersi orbis monarchas superat. ⁶⁹ et id quod pater incaeperat, ipse perfecit: nimirum omnes principes, et alios quo suis omnibus castris ac munitionibus exuit. Certè fratribus suis germanis nec arces permittit, nec etiam confidit. omnes iuxta, dura seruitute premit: adeò, ut quemcunque apud se in aula esse, aut in bellum ire, aut legationem aliquam obire iusserit, obire quoduis suis sumptibus cogatur: exceptis adolescentulis filijs Boiaronum ^g, hoc est, tenuioris fortunae nobilium, quos paupertate oppressos, quotannis assumere, eosque inaequali stipendio proposito alere solet ^{70 h}. Porro quibus in annum sex ⁱ aureos numerat, ijs tertio quoque anno stipendium exoluitur: quibus autem in singulos annos dantur XII aurei, ij coguntur ad quoduis munus obeundum suis et sumptibus et equis aliquot, esse parati ac expediti. praestantioribus, qui legationem aut alia grauiora officia obeunt, ^j aut praefecturae, ^k aut uillae, aut praedia, ^l habita cuiusque et dignitatis et laboris ratione, attribuuntur: de quibus tamen singulis certos annuos census Principi pendunt mulcta duntaxat, quam à pauperibus aliquid fortè delinquentibus extorquent, et quaedam alia illis cedunt. Huiusmodi autem possessiones utendas plerunque ad sesquiannum permittit. si quem tamen singulari gratia, seu beneuolentia ^m complectitur, addit menses aliquot: sed elapso eo tempore, cessat omnis gratia, totoque sexennio gratis tibi erit deinceps seruiendum. ⁿ Erat quidam ^p Basilius Tretyack Dolmatovu, ⁷¹ charus Principi, et inter intimos Secretarios habitus: quem cum legatum ad Caesarem Maximilianum decerneret, seque ut praepararet, iuberet: ac cum

d) 1550 Ит. нуб. et morti restorno. 1557 B. нуб. das also von den allen wenig heimckhumen sein sollenn. e) 1557 нуб. Thatterisch. f) 1557 B. amis. quampl. mil. redijt—нѣтъ. g) 1557 B. Boyarn Sun. 1563 B. jüngling der Boiaronen. h) 1557 B. eosque—solet—нѣтъ. i) 1557 B. нм. drey je ainem sechs gulden. j) 1557 B. нуб. den gibt man nit gelt. k) 1563 B. Landtvogley. l) 1563 B. meyerhöff. m) 1557 B. нм. aut praedia-ratione: oder andere bestimble und benannte einkhomen. n) 1550 Ит. нуб. et amicitia. o) 1557 B. Въ предъидущемъ предложениі нѣтъ нѣтъ порядокъ словъ. p) 1563 B. es war einer

сахъ, *идя и оставались мертвые такъ, что изъ всѣхъ соротились немногіе* ⁶⁷.

Въ то же время московскій князь также выступилъ противъ (*татарскаго*) царства казанскаго, съ судовою и конною ратью, — но воротился, не сдѣлавъ дѣла и потерявъ весьма много воиновъ ⁶⁸. Хотя этотъ князь Василій въ войнѣ былъ весьма несчастливъ, однако тѣмъ не менѣе свои всегда выхваляютъ его такъ, какъ будто бы онъ велъ дѣла свои счастливо; и хотя иногда ворочалась едва половина воиновъ, однако они утверждаютъ, что въ сраженіи не потеряно ни одного. Властью, которую имѣетъ надъ своими, онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра ⁶⁹. Онъ исполнилъ то, что началъ его отецъ, — именно отнялъ у всѣхъ князей и другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія. Даже своимъ роднымъ братьямъ онъ не ввѣряетъ крѣпостей, и не позволяетъ имъ въ нихъ жить. Почти всѣхъ гнететъ онъ тяжкимъ рабствомъ, такъ что тотъ, кому онъ приказалъ быть у себя во дворцѣ, или идти на войну, или отправлять какое нибудь посольство, принужденъ отправлять свою должность на свой счетъ, исключая юношей, боярскихъ дѣтей, т. е. благородныхъ людей небольшого достатка, которыхъ, по ихъ бѣдности, онъ ежегодно беретъ къ себѣ и обыкновенно даетъ жалованье, но не всѣмъ одинаковое ⁷⁰. Тѣмъ, которымъ онъ кладетъ *отъ трехъ до 6* золотыхъ въ годъ, жалованье выдается только на третій годъ; тѣмъ, которымъ дается каждый годъ по 12 золотыхъ, обязаны быть готовыми ко всякой должности на своихъ издержкахъ и съ нѣсколькими лошадьми. Знатнѣйшимъ, которые отправляютъ посольства или другія важныя должности, даются или управленія областями, или села, или помѣстья, или *другія опредѣленные и означенныя доходы*, смотря по труду и достоинству каждаго; однако они платятъ съ нихъ князю извѣстную ежегодную подать: имъ идетъ только денежная пеня, которую они взимаютъ съ бѣдныхъ, чѣмъ либо провинившихся, и нѣкоторые другіе доходы. Князь позволяетъ пользоваться такого рода владѣніями болѣею частью въ продолженіи полутора года; если же оказывать кому особенную милость и благоволеніе *и дружбу*, то прибавляетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ: но по прошествіи этого времени всякое жалованье прекращается, и цѣлые шесть лѣтъ такой человекъ долженъ служить даромъ. При княжескомъ дворѣ былъ нѣкто Василій Третьякъ Долматовъ, ⁷¹ пользовавшійся милостью князя и бывшій въ числѣ ближнихъ дьяковъ его. Князь назначилъ его посломъ къ цесарю Максимилиану и приказалъ ему приготовляться. Когда Третьякъ говорилъ, что у него нѣтъ

uatico se ac sumptibus^a carere diceret, mox in Bielojessero captus, inque perpetuis carceres coniectus, tandem miserrimè periit. cuius tam mobilia quàm immobilia^c bona Princeps sibi uendicauit. et quamuis ter mille florenorum in prompta pecunia repperat, fratribus tamen ac haeredibus suis ne terunne teruncium^a quidem dederat. Hoc ita esse, praeter communem famam,^b Ioannes scriba⁷², qui à Principe, ut mihi res in quotidianos uitae usus necessarios suppeditaret, constitutus erat, fatebatur: et qui illum simul, ubi captus erat, in sua custodia habebat: itidem duo Basilij fratres, Theodorus et Zacharias,⁷³ qui nobis redeuntibus ex Mossaisco in Smolenczko procuratores erant dati, sic actam rem affirmabant^d. Quicquid Oratores ad externos Principes missi, preciosi,^e reportant, id Princeps in suum. fiscum reponit, inquires, aliam ipsis gratiam se facturum: quae talis est, ut suprà dixi. Oratores enim, Knes Iuuan, Posetzen, Jaroslavuski et Semen, id est Simeon, Trophimovu secretarius,^f à Caesare CAROLO Quinto, ad quem missi erant, donati grauibus torquibus aureis, catenis^g, Hispanica et ea quidem aurea moneta: item à Caesaris fratre FERDINANDO archiduce Austriae, Domino meo, argenteis poculis, aureis et argenteis pannis, Germanica aurea moneta,⁷⁵ cum redeuntes nobiscum^h in Moscoviam uenissent,ⁱ Princeps continuo et catenas et pocula,^k atque maiorem partem Hispanicorum aureorum illis ademit. Rius rei ueritatem cum ab Oratoribus inquirerem, alter timens ne Principem suum traduceret, constanter negabat: alter uerò dicebat, Principem iussisse numera Regia ad se deferri, ut ea videat. Pòst cum saepius eius rei meminissem, alter, aut ut mentiendi occasionem, si pernegaret: aut periculum, si fortè ueritatem fateretur, effugeret: me posthac frequentare desierat. Aulici denique factum non negabant, sed respondebant: Quid tum, si alia gratia illis Princeps rependit? Authoritate sua tam in spirituales quàm seculares utitur, liberè ac ex uoluntate sua de omnium et ui-

an dess fürsten hoff. q) 1557 B. uatico se ac sump.—zerung u npm6. unnd der Fürst jm swaymal bevolhen zu raisen, zum dritten mal liess den fahen. r) 1557 B. Cleinoter und Parschaft.

a) 1557 B. nichts. 1563 B. Kein pfennig. b) 1557 B. praeter com. famam.—ntrb. c) 1557 B. npm6. der ain dem Graff Lienharden Nugarolis und der annder mir. d) 1557 B. npm6. und uns gefragt, was für ain recht boy uns were, wann ain Brueder sturb, ob nit seine brüeder desselben verlassen guet orben. e) 1557 B. npm6. und dieselben mit khetten. Tringkhgeschirren und annderm Verehrt worden. f) 1550 Hr. Knes Iyuan—secretarius.—ntrb. g) 1557 B. nm. torqu. catenis—khetten. 1563 E. vil Hispanischer ducaten (nm. catb. Hisp.—mon.) h) 1557 B. nm. nobiscum: mit dem grafen Nugarolis und mit mir. i) 1557 B. npm6. haben sy dem Fürsten alles solches fürtragen unnd bringen müessen. j) 1557 B. et cath. et poc.—ntrb. k) 1557 B. nm. Gottes Klucznick das ist Schlüsselträger sovil als Camerer.

денегъ на дорогу и на издержки, и когда князь дождь ему при-
казывалъ, то въ третій разъ—его тотчасъ схватили, увезли въ
Бѣлоозеро и на всю жизнь заключили въ темницу, гдѣ онъ на-
повецъ и погибъ жалкою смертію. Князь взялъ себѣ его имѣніе,
движимое и недвижимое, драгоценности и подарки, и вышедши
у него 3000 флориновъ чистыми деньгами, не далъ его братьямъ
и наслѣдникамъ ничего, ни пфенинга, даже четвертей части.
Подлинность этого, кромѣ общей молвы, подтверждалъ писецъ
Иванъ⁷³, который былъ ко мнѣ приставленъ княземъ, чтобы
доставлять вещи, необходимыя для ежедневнаго употребленія:
онъ держалъ Третьяка подъ стражей, когда тотъ былъ взятъ.
Два брата Василия Третьяка, Феодоръ и Захарія,⁷⁵ которые
были даны одиъ графу Леонарду Нугаролису, другой мнѣ
приставленъ на возвратномъ пути изъ Можайска въ Смоленскъ,
утверждали тоже самое и спрашивали, какой законъ у насъ и не
послѣдуетъ ли у насъ братъ и тѣмъ, оставшіяся послѣ смерти
брата. Если послы, отправленные къ иностраннымъ госуда-
рямъ, которые почитаютъ или подарками, или данью (ожерельемъ),
чаши и прочее, привозятъ эти драгоценности, то князь от-
казывалъ это въ свою казну, говоря, что онъ дастъ имъ дру-
гую награду, а она такова, какъ я оказалъ выше. Такъ, когда
вмѣстѣ съ графомъ Леонардомъ Нугаролисомъ и со мною возврати-
лись въ Москву послы князь Иванъ Посечень Ярославскій и
дядя Семень (т. е. Симеонъ) Трофимовъ,⁷⁴ получивъ въ даръ
отъ цесаря Карла V, къ которому были посланы, тяжелыя золотыя
ожерелья, цѣпи, много испанскихъ дукатовъ,—а отъ брата цесаря,
Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго, моего государя, серебря-
ныя чаши, золотыя и серебряныя парчи, и нѣсколько нѣмецкихъ
гульденовъ,⁷⁵—то они должны были все это представить и принести
князю, который не медля отобралъ у нихъ и цѣпи, и чаши, и боль-
шую часть испанскихъ дукатовъ. Когда я спрашивалъ пословъ,
справедливо ли это,—то одинъ постоянно отрицалъ, боясь уни-
зить своего князя, другой же говорилъ, что князь приказалъ при-
нести съ себѣ царскіе подарки, чтобы поглядѣть на нихъ. По-
томъ, когда я весьма часто вспоминалъ юбъ этомъ, одинъ изъ
нихъ пересталъ послѣ этого посѣщать меня, чтобы не быть
принужденнымъ ко лжи, продолжая отпираться, или чтобы избѣ-
жать опасности въ томъ случаѣ, если признается въ истинѣ.
Но придворные не отвергали этого факта, а отвѣчали: Такъ
чтоже, если князь вознаградить ихъ другою милостію? Онъ
имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными
особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается
жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ

ta et bonis constituit: consiliariorum quos habet, nullus est tantae auctoritatis, qui dissentire, aut sibi in re aliqua resistere audeat. Fatentur publicè, uoluntatem Principis, Dei esse uoluntatem: et quicquid Princeps egerit, ex uoluntate Dei agere. ob id etiam clauigerum et cubicularium Dei^k appellant, exequutorem denique uoluntatis diuinæ credunt. Vnde Princeps ipso, si quando preces interponuntur pro captiuo aliquo, aut re alia graui,^l respondere solet: Cum Deus iusserit,^m liberabitur. Ita similiter, si quisquam de re aliqua incerta et dubia quaerit, respondere communiter solent: Deus scit,ⁿ et magnus Princeps. Incertum est, an tanta immanitas gentis tyrannum principem exigat: an tyrannide Principis, gens ipsa tam immanis, tamque dura crudelisque reddatur.⁷⁶

Atempore Rurickh^o usque ad hunc praesentem Principem,^p non alio titulo⁷⁷ usi sunt principes illi, quam Magnorum Ducum aut Vuolodimeriae, aut Moscovuiae aut Novuogardiae,^q etc. praeter Ioannem Basilij. qui se dominum totius Russiae, et magnum Ducem Vuolodimeriae, etc.^r appellabant. Hic vero Basilius Ioannis^s sibi uendicat et titulum et nomen regium, in hunc modum: Magnus Dominus Basilius Dei gratia Rex et Dominus totius Russiae, et magnus Dux Vuolodimeriae, Moscovuiae, Novuogardiae, Plescovuiae, Smolenczkiae, Tueriae, Jugariae, Permiaie, Viackiae,^t Bulgariae, etc. Dominus et magnus Dux Novuogardiae terrae inferioris, et Czernigouuiae, Rezaniae, Vuolotkiae, Rschouuiae, Beloiae,^u Rostouuiae, Iaroslauuiae,^v Bieleriae, Vdoriae, Obdoriae, Condiniae, etc. Porro cum omnes^w hunc Imperatorem nunc appellent,^x uidetur necessarium, ut et titulum et causam huius erroris exponam. Czar Rhutenica lingua regem significat, cum autem communi Sclauonica, apud Polonos, Bohemos, et alios omnes sumpta quadam consonantia, ab ultima, et ea graui quidem syllaba Czar,^y Imperator seu Caesar^z intelligatur: unde omnes qui Rhutenicum idioma seu literas non callent, item Bohemi, Poloni, atque etiam Sclauo regno Hungarico subditi, alio nomine regem appellant, nempe Kral, alij Kyrall, quidam Koroll: Czar autem solum Caesarem, seu Imperatorem^z dici existimant: unde factum, ut Rhuteni interpre-

стр. 10.

l) 1557 B. aut re al. gr.—нѣтъ. m) 1557 B. нѣтъ. das wirdt on dein leit. n) 1549 B. fecit—опечатка въ. scit. o) 1550 Ht. Ruridch. p) 1557 B. нѣтъ. des blinden Basili Sam. g) 1557 B. союзомъ aut—нѣтъ. r) 1557 B. Vuolodimeriae etc.—нѣтъ. s) 1557 B. an. desselben sun Gabriel, der sich Basillum übernente. t) 1550 Ht. Vlackhia.

a) 1550 Ht. Balosa. b) 1550 Ht. Larossauia. c) 1557 B. seine Thulmetischen. d) 1557 B. нѣтъ. nicht Khunig, sonder Lateinisch Imperator, das ist Teutsch, Kayser. l) 1563 B. Keytzar oder Czar. f) 1557 B. нѣтъ. das solches wort ainen Khunig ausspricht. g) 1563 B. Kayser

онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлится въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ божіей; потому они даже называютъ его *божьиимъ ключникомъ, ключесницею* *тоже что: Camerer*, и постельникомъ Бога, и наконецъ вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ, *это случится безъ твоей заботы*. Подобно тому, если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ,—обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій князь. Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тираниа государя; или отъ тираниа князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ?⁷⁶

Со времени Рюрика до нынѣшняго князя, сына *Василія Темнаго*, прежніе государи не употребляли другаго титула,⁷⁷ какъ великихъ князей или владимірскихъ или московскихъ или новгородскихъ и пр., кромѣ Іоанна Васильевича, который называлъ себя господиномъ всей Руссіи и великимъ княземъ владимірскимъ и пр. *Василій же Іоанновичъ (прежде Гавріилъ)* присвоиваетъ себѣ титулъ и имя царя слѣдующимъ образомъ: Великій Господинъ Василій; Божіею милостію Царь и Господинъ всей Руссіи, и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и пр., Господинъ и Великій Князь Нижней земли Новгородской, и Черниговскій, Рязанскій, Волоцкій, Ржевскій, Бѣлевскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и пр. Такъ какъ нынѣ всѣ (*переводчики, толмачи*) называютъ его не *королемъ*, но императоромъ, по нѣмцки—*Kauser*,—то мнѣ кажется необходимымъ распространяться о титулѣ императора и о причинѣ этой ошибки. Слово царь на русскомъ языкѣ значитъ король, гех. Но на общемъ славянскомъ языкѣ, у поляковъ, богемцевъ и всѣхъ другихъ—подъ словомъ *кейцарь (кесарь)* или царь понимаютъ императора или цесаря *такъ какъ-будто это слово ровномыслию королю*, отъ созвучія этого слова съ послѣднимъ долгимъ слогомъ слова *Caesar*. Оттого всѣ, которые не понимаютъ русскаго языка, и не знаютъ русскихъ буквъ, какъ то богемцы, поляки и славяне, подвластные венгерскому королевству, называютъ *гех* другимъ именемъ, одни—кралемъ, другіе киралемъ, нѣкоторые королемъ, и полагаютъ, что царемъ называется только одинъ цезарь или императоръ. Отъ этого произошло, что

tes audientes Principem suum ab externis nationibus sic appellari, coeperunt et ipsi deinceps Imperatorem nominare, nomenque Czar dignius esse quam Regis (licet idem significant) existimant. Caeterum si euoluas omnes eorum historias, atque sacram scripturam, ubique Regis nomine Czar, Imperatoris uerò Kessar reperies. Eodem errore Imperator Thurcarum Czar appellatur, qui tamen non alio eminentiore quam Regis, hoc est, Czar titulo ab antiquo est usus. Hinc Constantinopolim Czarigrad, quasi dicas Regiam urbem, Turcae Europaei,^h qui lingua Slaonica utuntur, appellant. Sunt qui Principem Moscoviae Album Regem nuncupantⁱ Ego quidem causam diligenter quaerebam, cur Regis Albi nomine appellaretur, cum nemo principum Moscoviae eo titulo antea esset usus: imò consiliarijs ipsis saepe data occasione, et aperte dixi, nos non Regem, sed Magnum ducem agnoscere. Plerique tamen hanc Regij nominis rationem esse putabant, quòd sub imperio suo reges haberet:^j Albi uerò rationem nullam habebant. Credo autem, ut Persam nunc propter rubea tegumenta capitis Kisilpassa, id est, rubeum caput uocant: ita illos propter alba tegumenta, albos appellari.^k Regis porro titulo utitur^l ad Romanum Imperatorem et Pontificem, regem Suetiae et Daniae, Magistrum Prussiae,^m Lituoniae: et, ut accepi,ⁿ ad Turcarum principem. ipse uerò à nemine horum, nisi fortè à Linonien^o. Rex appellatur^o Titulis autem antiquitus, tribus circulis triangulo inclusis,⁷⁸ uti solebant, quorum primus in supremo circulo hisce verbis continebatur: Deus noster trinitas, quae fuit ante omnia secula, pater, filius, et spiritus sanctus: non tamen tres dij, sed unus Deus in substantia. In secundo, titulus Imperatoris Thurcarum erat, particula adiecta: Fratri nostro

h) 1550 Mr. *Caucopai* (1). i) 1557 B. m. *Turcae Europaei etc. u. sancti*—nuncupant: Weisse Reissen oder weissen Khunig nennen etliche, und wollen damit ein unterschied der Reyssen machen. j) 1557 B. *imo—habent*—нѣтъ. k) 1557 B. m. *Albi errationem* и до *albos appell*: Die gemeinen leut in der Mosqua, welche höflichen vermalnen zu reden, haben den Grossfürsten den weissen Khunig gemeint, aber der khainer vrsach gewüsst zu geben, es wäre dann, wie etliche Khunig nach jren hueten gearnt werden, als dem Persier ment man das Rot huetl, nach ainen andern nennt man das grauen huetl, So fueren die Moscovither all weisse huetl, ob der Fürst auch darnach der weisse hieus. l) 1557 B. npu6. wiewol er alle seine Brief mir Reissisch schreibt darin Er ich Czar ment, so schikht Ergemeineklich Lateynische Copeyen darmit oder darinn und anstat des Czar setzen sy Imperator, den wir Theütsch Khayser nennen, des gebraucht Er sich allain zu ferlendischen, als—m) 1557 B. *Mag. Pr.*—нѣтъ. n) 1557 B. *et acc.*—нѣтъ. o) 1557 B. *nisi—Linonien*—нѣтъ. 1563 B. m. *Lituoniae*: Grossmeister in Leyfland. p) 1557 B. npu6. Wann sich aber der Reiss ein Czar gegen den Khunig zu Polln geschriben, so hat man solehe brieff mit angenommen, dann die zwen wollen in den titl, ainer dem andern nichts neues zuelassen. Als auch geschach, so wie den ausstand zwischen juen beschlossen, setzt der Polnisch in sein titl, Hertzog in der Mass, der vor niche gewest, wie harrt man das erhalten, das die Moscovither dasselb zuegeben haben. Въ лат. текстѣ см. даже на стр. 25. Basilio Ioannis etc.

русскіе переводчики, слыша, что иностранцы называютъ ихъ государя императоромъ, начали и сами именовать его такъ, полагая, что имя царя почетнѣе, чѣмъ имя короля (хотя они и значатъ одно и тоже). Но если пересмотрѣть всѣ ихъ лѣтописи и священное писаніе, то вездѣ слово царь соотвѣтствуетъ слову гех, а императоръ—слову кесарь. По такой же ошибкѣ царь турецкій назывался императоромъ, хотя онъ издревле не употреблялъ другаго болѣе высокаго титула, чѣмъ титулъ царя т. е. короля. Отъ того европейскіе турки, которые употребляютъ славянскій языкъ, называютъ Константинополь Царегородомъ, такъ сказать царскимъ городомъ. Нѣкоторые различаютъ бывшихъ русскихъ или бывшаго царя и хотятъ даже такъ образно раздѣлять русскихъ.⁷⁷ Я тщательно отыскивалъ причину, почему бы онъ назывался бывшимъ царемъ, когда прежде никто изъ московскихъ князей не употреблялъ этого титула; сверхъ-того часто и открыто говорилъ при случаѣ совѣтникамъ, что мы признаемъ его не царемъ, а великимъ княземъ. Весьма многіе полагали причину царскаго титула въ томъ, что онъ имѣетъ подъ властью царей, но не могли представить никакой причины названію бывшій. Я же увѣренъ что московскаго князя называютъ *престолюдины въ Москвѣ бывшимъ царемъ, но имѣя то основаніе, кромѣ того, какъ другіе цари называются по своимъ шапкамъ, отъ своихъ бывшихъ шапокъ, какъ теперь Персидскій Шахъ называется Кизиль-пашей т. е. красной головой—отъ красной шапки, другіхъ называютъ сѣрой шапкой. Такъ какъ московиты носятъ бѣлыя шапки, то можетъ быть и князь по этому называется бывшимъ. Хотя великій князь въ свои грамоты ко мнѣ пишетъ по русски, идѣ называетъ себя царемъ; но онъ прилагаетъ обыкновенно латинскіе копін, идѣ императоръ пишетъ императоръ, которая по нѣмцамъ мы называемъ *Kaiser*. Этотъ титулъ онъ употребляетъ только въ сношеніяхъ иностранныхъ, именно въ сношеніяхъ съ великимъ императоромъ и папою, съ королями шведскимъ и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ турецкимъ; его же никто изъ нихъ не называетъ царемъ, развѣ только великій ливонскій магистръ. Съ давняго времени они (московскіи князья) употребляли титулы, которые были написаны на трехъ кружкахъ,⁷⁸ вставленныхъ въ треугольникъ. Первый изъ нихъ, на верхнемъ кружкѣ, заключался въ слѣдующихъ словахъ: Богъ нашъ есть Святая Троица, которая была прежде всѣхъ вѣковъ, Отецъ и Сынъ и Духъ Святой; но не три Бога, а по существу одинъ Богъ. На второмъ былъ титулъ императора турецкаго, съ прибавленіемъ: Любезному*

dilecto. In tertio, titulus Magni ducis Moscoviae, quo se regem, et haeredem ac dominum totius Russiae orientalis et meridionalis fatebatur, in quo communi formulae subiunctum uidimus: Misimus ad te nostrum fidelem consiliarium^a. Ad regem autem Poloniae huiusmodi titulo utitur: Magnus Dominus Basilius, De: gratia Dominus totius Russiae, et Magnus dux Vuolodimeriae, Moscoviae, Novuogardiae, Smolenski, Tvueriae, Iugariae, Permae, Bolgariae,^d etc. omisso Regis titulo. neuter enim horum alterius literas nouo titulo auctas, accipere dignatur. Quod quidem nobis Moscoviae existentibus acciderat, cum regis Sigismundi literas ad se missas, atque titulo ducis Masoviae auctas, Moscus grauatim acceperat.—

Scribunt^a quidam, Moscum à Pontifice Romano et à Caesare Maximiliano nomen expetiuisse, et titulum Regium.⁷⁹ Mihi uerisimile non uidetur: praesertim cum nulli homini infensior sit, quàm summo Pont. et quem non nisi Doctoris titulo dignatur. Caesarem autem Romanum non maiorem se existimat: ut ex literis suis apparet, in quibus nomen suum Imperatoris titulo praeposit. Nomen item Ducis apud eos dicitur Knes: nec alium maiorem titulum, ut dixi, unquam habuerunt, adiuncta illa dictione, Magnus. nam omnes alij qui unicum principatum habebant, dicebantur Knes: qui uerò plures principatus, atque alios Knes subiectos sub imperio habebant, Vueliki Knesi, id est Magni duces appellabantur. neque alium gradum seu dignitatem habent post Boiarios, qui more nostro locum nobilium (ut supra dixi) seu equitum tenent^b. In Croacia uerò primores similiter Knesi uocantur: apud nos uerò, sicuti et in Hungaria, uno nisi Comitum nomen obtinent.^{80 c}

Non dubitarunt^d mihi uiri quidam principes dicere, imò ceu exprobare, quòd modernus Moscouiae princeps proferre soleat literas sanctae memoriae Imperatoris Maximiliani, quibus nomen Regium tributum sit patri eius Gabrieli, qui postea mutato nomine Basilius uocari maluit: quodque affirmet, me eas literas ad illum

q) 1557 В. вм. описаніа формы титула—приложено самое изображение: въ 3 соединенныхъ между собой въ видѣ прямой цѣпи звѣнкахъ, изъ которыхъ средній больше крайнихъ, сдѣланы надинск. Въ среднемъ: Unser Gott die dreysaltighkait die gewest ist von Ewigkhait Vater, Son, Hailiger Geist, doch nit drey Götter, sonder ein Gott im wesen; въ 1-мъ крайнемъ: Hierinn war des Türckhen Tittl gestellt; въ 3-мъ наконецъ: Grosser Herr Basillius Khunig Herr und Erb aller Reissen im anfang und miltig.
r) 1557 В. *Ad regem—Bolgariae*—нѣтъ.

a) 1557 В. Scribunt etc. помѣщено въ нѣмецкомъ текстѣ выше (на 9 стр. об.)
b) 1557 В. приб. die minndern nennt man der Boyern Sun. Boy nach windischer Sprach heisst Khrig, aus dem möchten Sy Kriegsleude haissen. c) 1557 В. вм. предмд. предложія: in Crobaten und Hungern nennt man die Grafen auch die Pfaffen Khness. Вообще все это мѣсто въ нѣмецкомъ пер. нѣсколько измѣнено въ порядкѣ предложений. d) Отсюда и до *adducturi* (на 3 строкѣ 19-й стр. лат. текста) нѣтъ въ 1849 В. 1551 В. и 1550 Ит.

брату нашему. На третьемъ титулѣ великаго князя московскаго, въ которомъ онъ писался царемъ и наслѣдникомъ и господиномъ всей Руссіи восточной и южной, и въ которомъ я видѣлъ прибавленіе обыкновенной формулы: Посылаемъ къ тебѣ нашего вѣрнаго совѣтника. Въ сношеніяхъ же съ королемъ польскимъ онъ употребляетъ такого рода титулъ: Великій Господинъ Василій, Божією милостію Господинъ всей Руссіи и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, и пр., пропуская титулъ царя, по тому что ни тотъ, ни другой изъ нихъ не удостоитъ принять грамоту другаго съ прибавленіемъ новаго титула. Это случилось даже въ нашу бытность въ Москвѣ, когда московскій князь насилу принялъ присланныя къ нему грамоты короля Сигизмунда, съ прибавленіемъ титула московскаго князя.

Нѣкоторые пишутъ, что московскій князь домогался отъ римскаго папы и отъ цесаря Максимиліана царскаго имени и титула ⁷⁹. Это мнѣ кажется неправдоподобнымъ, преимущественно потому, что московскій князь ни одному человѣку такъ не враждебенъ какъ папѣ, котораго онъ удостоиваетъ только титула учителя. Цесаря же римскаго онъ почитаетъ не выше себя, какъ это явствуетъ изъ его грамотъ, въ которыхъ онъ свое имя ставитъ впереди императорскаго титула. Герцогъ у нихъ называется княземъ, и они, какъ я сказалъ, никогда не имѣли другаго титула больше этого, и только прибавляли къ нему слово великій, ибо всѣ прочіе, которые имѣли только одно княжество, назывались князьями; которые же владѣли большимъ числомъ княжествъ и имѣли подъ своею властью другихъ князей, тѣ назывались великими князьями. Они не имѣютъ другой степени или достоинства, кромѣ бояръ, которые соотвѣтствуютъ, какъ я сказалъ выше, нашимъ дворянамъ или рыцарямъ. *Низшихъ называютъ боярскими дѣтьми. Бой на виндскомъ языкѣ значитъ война, отсюда (бояре) значитъ военные люди.* Въ Кроаціи знатнѣйшіе вельможи и *духовенство* также называются князьями,—а у насъ, какъ и въ Венгріи, даютъ имъ только названіе графовъ ⁸⁰.

Нѣкоторые знаменитые *мужи въ Польшѣ и Москвѣ* не усомнились обратиться ко мнѣ съ укоромъ за то, что *будто черезъ меня присвоена великому князю такая свобода въ титулѣ, это царское достоинство*, что новѣйшій московскій князь обыкновенно ссылается на грамоты блаженной памяти Максимиліана, которыми присвоенъ царскій титулъ его отцу Гавріилу, который потомъ переимѣнилъ имя и по своему желанію сталъ называться Василюмъ. По словамъ этихъ людей, онъ утверждаетъ, что я

pertulisse. ¹⁸⁾ ea que ob causam factum est, ut in nouissimis cum rege Poloniae tractatibus, aut Rexapllri, aut omnes pactiones irritas esse noluerit. Etsi uerò his sermonibus, tanquam nec ueris, nec uerisimilibus minimè deberem commoueri: tamen eos non tam mea, quàm opti mi et clementissimi principis mei causa cogor refutare, cum uideam etiam pijssimos eius manes temerè in inuidiam uocari. Non est obscurum, fuisse quandoque simultatem aliquam inter Maximilianum Imper. et Sigismundum Poloniae regem, ea nimirum tempestate, qua Sigismundus ducebat Stephani comitis Scepusiensis ¹⁹⁾ filiam. Nam id eò fieri quidam interpretabantur, ut frater sponsae Ioannes, nuptijs Annae filiae Vuladislai regis Hungariae, autoritate et opera Sigismundi fratris potiretur: et per hoc impediretur, irritumque fieret ius successionis, quòd Maximiliano, eius' ue nepotibus in regnum Hungariae debebatur. Qua de causa sanè Maximilianus sua referre existimabat, Moschum perpetuum Lithuanorum et Polonorum hostem, sibi habere coniunctum. At posteaquam conuentu ad Posonium habito, de Annae nuptijs inter Maximilianum et Vuladislauum, praesente et fauente Sigismundo, conuenit, extinctis subito et sublatis omni'us suspicionibus et simultatibus, tam arcè complexus est Sigismundum Maximilianus, ut non dubitaret quandoque dicere, (quòd alibi quoque retulimus) se cum Sigismundo et ad superos et ad inferos esse iturum. Etsi igitur fuit tempus, cum Maximilianus sibi Moschum foederatum esse uellet: tamen ei regium nomen nunquam tribuit: quod literis et instrumentis utrinque datis et acceptis, facile comprobari potest, si cui fortè testimonium meum, etsi uerum et fidele, minus ponderis habere uideatur. Cur uerò hunc titulum ab Imperatore Maximiliano peteret Moschus, qui antequam quiquam inter eos negocij esset, non modò se ei parem, sed etiam superiorem uideri uoluit, nomen suum et titulum semper Imperatorio praeponens, siue loqueretur, siue scriberet: quod nunc quoque, ut dictum est, ceu mordicus retinetur? At Regium nomen, ne ad Poloniae quidem regem scribens, post meum ex Moscouia reditum usurpauit. Hoc quidem in confesso est, quod ad Imperatorem, aut summum Pontificem scribens, se Regem et Dominum totius Russiae uocat. Quin ne Imperatorio quidem nomine abstinet, si quas fortè literas ex Ruthena lingua in Latinam

e) 1557 B. нх. *Non dubitarunt—pertulisse*: Es haben hernach etliche in Polln (1563 B. Moscoviten) mich in Verdacht ziehen wollen, als solde ich dem grossfürsten solche freyheit des Titls oder Khunigckliche Wird bracht haben. Затѣмъ отъ сего же объ причинѣ и до adducturi (19 стр. Лат. текста)—идѣтъ.

(¹⁹) Въ подлинномъ базельскомъ изданіи 1656 г. здѣсь опечатка: см. 18-й стр. 20-я.

привезъ къ нему эти грамоты ⁶¹. По этой причинѣ произошло то, что въ новѣйшихъ трактатахъ съ королемъ польскимъ, онъ захотѣлъ или называться царемъ, или считать недѣйствительными всѣ договоры. Хотя я не долженъ бы былъ нисколько беспокоиться объ этихъ рѣчахъ, какъ о несправедливыхъ и неправдоподобныхъ, однако я принужденъ опровергнуть ихъ не столько для себя, сколько для благочестиваго и милостивѣйшаго моего государя, вида, какъ дерзко призываютъ ненависть на его блаженную память. Довольно извѣстно, что одно время существовала вражда между императоромъ Максимилианомъ и Сигизмундомъ, королемъ польскимъ, именно когда Сигизмундъ женился на дочери Стефана, графа сценузійскаго ⁶². Ибо нѣкоторые толковали, что это было сдѣлано для того, чтобы Іоаннъ, братъ нечѣсты, могъ получить руку Анны, дочери короля венгерскаго Владислава, черезъ влияние и посредство его брата Сигизмунда,—и черезъ то воспрепятствовать и уничтожить права наслѣдства на королевство венгерское, которыя принадлежали Максимилиану и его внукамъ. По этой причинѣ Максимилианъ справедливо полагалъ, что ему полезно будетъ имѣть союзникомъ московскаго князя, постоянного врага литовцевъ и поляковъ. Но послѣ того какъ на сеймѣ въ Пресбургѣ Максимилианъ и Владиславъ уговорились о бракѣ Анны, въ присутствіи и при содѣйствіи Сигизмунда,—съ этого времени всѣ подозрѣнія и несогласія были устранины и уничтожены, и Максимилианъ такъ крѣпко полюбилъ Сигизмунда, что не усумнился сказать (въ другомъ мѣстѣ мы также объ этомъ говорили), что онъ пойдетъ съ Сигизмундомъ въ рай и въ адъ. Хотя было время, когда Максимилианъ искалъ союза съ московскимъ княземъ, но однако никогда не присвоивалъ ему царскаго титула, что легко можетъ быть доказано грамотами и печатами, обмѣненными съ обѣихъ сторонъ, если мое свидѣтельство, хотя справедливое и вѣрное, покажется кому недостаточнымъ. Для чего же бы московскій князь просилъ этого титула у императора Максимилиана, тогда какъ еще прежде нежели было между ними какое нибудь дѣло, онъ хотѣлъ видѣть себя не только равнымъ, но и высшимъ, ставя свое имя и титулъ въ рѣчахъ и на бумагахъ выше императорскаго, что даже нынѣ, какъ сказано, такъ упорно соблюдается? А послѣ моего возвращенія изъ Московіи онъ не употреблялъ царскаго титула даже въ перепискѣ съ польскимъ королемъ. Извѣстно же, что въ сношеніяхъ съ императоромъ или съ папою онъ называетъ себя царемъ и господиномъ всей Русіи. Даже и отъ названія императора не отказывается онъ, если присоединяетъ переводъ грамоты съ русскаго на латинскій,

uersas adiungit: nimirum ipsis interpretibus uocem Czar, quae Regem significat, Imperatorem uertentibus. Atque hunc in modum idem se et regem et Imperatorem facit. Sed quòd ab Imperatoribus, Maximiliano, eiusue nepotibus, creatus sit Rex, in Poloniae regum iniuriam, id nemo crediderit. Quorsum enim attineret, eum Regiam dignitatem, ut fama est, à summo Pontifice petere, si eam antea ab Imperatoribus accepisset? Atque haec quidem dicta sint pro Maximiliano Augusto, domino meo: qui Sigismundo regi, quoad uixit, certus et syncerus amicus fuit,

. De me uerò ipso quid dicam? Qua fronte quaeso fuisssem ausus, toties et in Poloniam et in Lithuaniam currere ac recurrere, in regem Poloniae Sigismundi patris et filij conspectum uenire, publicis Polonorum conuentibus interesse, uiros Principes intueri, si commodassem operam hac in re meam Principe meo, cuius nomine ac uerbis, fraternè, amicè, benignè ac beneuolè, et Regi et Ordinibus omnibus frequentissimè detuli, quicquid à coniunctissimo, optimo, et clementissimo Imperatore deferri posset? Si nullum est secretum, quod non reueletur: certè si quid indignum officio meo admissem, id dudum in lucem erupisset. Sed consolor me recti conscientia, qua nulla est consolatio firmitior. Et acquiesco suauiter in Regum Poloniae gratia, ac caeterorum Poloniae ordinum beneuolentia, quam mihi nunquam defuisse recorder.

Fuerunt fortè tempora, quibus talia minore quàm nunc inuidia spargi potuissent. Sed haec feri hac tempore, quid est aliud, quàm quaerere modos, ad dissociandas coniunctissimorum Principum voluntates, quae omnibus studijs atque officijs copulandae et consolidandae essent? Videbantur acta transacta esse omnia, quae nemo non putabat ad reliquias Hungariae seruandas, et ad amissa recuperanda, maximum momentum esse habitura. Verùm quibus ea res et antè magno bono fuit, et amplius futura erat, hi sive Turcico, sive alio quopiam malo spiritu afflati, pactorumque et
 corp. 49. conuentorum obliti, res nouas et perniciosas moliuntur: non repantes secum, in quantum discrimen et se ipsos, et uicinas prouincias, ac in primis Hungariam, de uniuerso nomine Christiano quàm optimè meritam, sint adducturi. 85.

такъ какъ сами толмачи переводятъ слово царь, которое значить король, словомъ императоръ. Такимъ образомъ, онъ самъ сдѣлалъ себя и царемъ и императоромъ. Но чтобы сдѣлали его царемъ императоры Максимилианъ и его внуки, въ обиду королямъ польскимъ,—этому никто не повѣритъ. Для какой же нужды онъ, какъ слышно, домогается царскаго достоинства отъ папы, если прежде того получилъ его отъ императоровъ. Пусть это послужитъ въ защиту августѣйшему Максимилиану, моему государю, который до самой смерти былъ вѣрнымъ и искреннимъ другомъ королю Сигизмунду.

Что же я скажу о самомъ себѣ? Съ какимъ лицомъ, спрашиваю, осмѣлился бы я столько разъ ѣздить въ Польшу и Литву показываться на глаза королей польскихъ, Сигизмунда и его сына, присутствовать на сеймахъ поляковъ, глядѣть на вельможныхъ пановъ, если бы я помогалъ въ этомъ дѣлѣ моему государю, отъ имени и по порученію котораго я весьма часто говорилъ братски, дружески, благосклонно и доброжелательно и королю и всѣмъ сословіямъ все, что можно говорить отъ самого дружественнаго, самого лучшаго и милостивѣйшаго императора? Если нѣтъ тайны, которая не обнаружится, то вѣрно давно бы вышло на свѣтъ, если бы я позволилъ себѣ что нибудь недостойное моего званія. Но я утѣшаюсь сознаніемъ своей правоты, тверже котораго нѣтъ никакого утѣшенія. И я спокойно полагаюсь на милость королей польскихъ и благосклонность прочихъ сословіи Польши, вспоминая, что я всегда имѣлъ ихъ.

Были времена, когда такіа рѣчи могли быть распространяемы, менѣе разжигая ненависть, нежели нынѣ. Но распространять ихъ въ наше время,—это ничто иное, какъ искать способовъ къ разрушенію взаимнаго расположенія самыхъ дружественныхъ государей, тогда какъ его должно было бы скрѣплять и всевозможнымъ стараніемъ. Казалось, что окончены были всѣ дѣла, которыя, по общему мнѣнію, должны были имѣть величайшую важность для сохраненія остатковъ Венгріи и для возвращенія утраченнаго. Но тѣ, для которыхъ это дѣло и прежде было большимъ добромъ, а въ будущемъ обѣщало еще больше, тѣ, заразясь турецкимъ или какимъ нибудь другимъ злымъ духомъ, и забывъ объ условіяхъ и договорахъ, замышляютъ новое и опасное дѣло, не разсудивъ, въ какое несчастіе они вовлекутъ и самихъ себя и сосѣдей, и преимущественно Венгрію, такъ прекрасно послужившую всему христіанству. ⁸⁵

MODUS INAUGURANDI

Principes. ^b

Morem, quo Principes Moscoviæ inaugurantur, sequens formula, quam non ita facile consecutus sum, ⁸¹ tibi depinget: et quæ usus est Magnus Dux Ioannes Basilij, cum suum nepotem Deme-

b) 1549 B., 1550 Ит. 1551 Б. заглавія нѣтъ. 1551 Б.: Wie die Grossfürsten eingesetzt werden unnd sonderlich der Demeter des Hannsen Son eingesetzt ist worden (про сѣмъ вѣсть сѣдъ. Morem etc). 1563 Г. Wie sig ire fürsten einsetzend und bestätigend.

Appendix oder angehengte Historien von der Moscoviten letzten handlungen.

Es hat der Moscoviter Grossfürst Basilius treffendlichen viel land und furstenthum an sich gebracht, und sein reich sehr gewelthet, wie vorhin angezeigt worden. Farnemlich aber als man zalt nach Christe geburt 1513 jar hat er mit künig Sigmund in Poland schwere krieg gefüret und durch Michael Linski hilff und verretterey die namhafte statt unnd land Smolentzko an sich gezogen, welche mehr dann vor hundert jaren durch Vitolden den Grossfürsten in Littaun erobert worden. Ob wol auch inn Volgendem 1514 jar die Polecken mit grosser Rüstung in der Moscoviten grentzen gezogen, und einen gewaltigen sig bekommen, also dass mehr dann dreissig tausent Moscoviten vor Smolentzko auf der wallstatt tod beliben (wie solliches in Pauli Iovij historien nach der lenge beschriben) habend sie doch dise statt unnd gewaltig fürstenthum nicht mehr mögen an sich bringen d.eshalben sy auch biss zu diser zeit in der Moscoviten gewalt beliben.

In volgendem 1518 jar ist Basilius der Moscoviten Grossfürst abermalen mit einem treffenlichen grossen gezeug in Littaun gefallen, dess vorhaben dasselbig gantze land an sich zu bringen, aber er ist von künig Sigmunden dermassen mit starcker wehr empfangen, dass er nicht aussgerichtet, sonder widerhinder sich in sein land ziehen müssen.

Nach diser tath ist durch keyser Maximilian auch harnsch durch keyser Carle und seines brüders Ferdinandi ernstliche unterhandlung ein friden oder anstand zwischen den Christen und Moscoviten angericht worden. Mittler zeit aber hatt Basilius gegen Orient und Mittag wilandere landschaften erobert und sein reich erweythet. Zu letzt aber Anno 1527 sind sy mit den Tartaren abermalen angezogen, also dass es zu eilner namhaften feldschlacht bey Carlonen in Littaun gerathen, da dann auch mehr dann sechs und zwanzig tausent ungleübigen erschlagen worden. Auß welches abermalen ein astand gevolget. In dem nachgenden jar ist Basilio dem Grossfürsten sein junder Sun Johannes, erboren, welcher zum volgenden zeyten auß den vatter in das Regiment kommen.

Anno 1553 hatt Johannes der Grossfürst in Moscauw einen ernstlichen krieg mit den Schwedieren gefüret, vil land verderbet, und zu letzt nach grossem blut verglesse wider friden angerichtet.

Anno 1562 hatt Johannes der Grossfürst in Moscauw einen ernstlichen feldzug wider den Teutschen ritters orden in Leyfland zu handen genommen, gransamen tyranny wider die weib und man, jung und alt gefühet, auch denselbigen in einem streyt ob gelegen und fast das gantz land mit gewalt an sich gebracht. Also dass die Leyfländer von dem Römischen reich hilff begeren, unnd sich zu letzt an Sigmunden dess nammen den andern Künig in Poland ergeben müssen.

Deshalben der krieg zwischen den Polecken und ihren angeborenen feinden den Moscoviten wider angangen, unnd treffentlich zu genommen. Dann es ist der Moscovit in Littaun gezogen, mehr dann hundert flecken verherget, vil Christen gefangen hinfüret, un sich doch zu letzt. als jm künig Sigmund mit starcker macht begegnet, wider hinder sich ghen Smolentzko in sein gewarsamme gethon, und bald harnsch aber ein Anstand gemacht.

Обрядъ вѣнчанія князя на царство (*).

Слѣдующее описаніе, которое я съ трудомъ досталъ, изобразитъ тебѣ обычай вѣнчанія московскихъ князей на царства. Эту форму употребилъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ, когда

(*) Приложение или дополнительная исторія послѣднихъ Московитовъ дѣлній.

Великій князь Московскій Василій покорилъ себѣ великое множество земель и княжествъ и весьма распространялъ свое царство, какъ о томъ прежде указано. Считая по Р. Х. въ 1513 г. онъ велъ особенно замѣчательную, тяжелую войну съ Сигизмундомъ королемъ польскимъ и покорилъ себѣ съ помощію Михаила Глинскаго и его извѣсны извѣстное княжество и городъ Смоленскъ, который былъ взятъ великимъ княземъ Литовскимъ Витольдомъ еще за 100 лѣтъ передъ симъ. Хотя въ слѣдующемъ 1514 г. поляки двинулись съ огромнымъ вооруженіемъ въ предѣлы Московитовъ и одержали сильную побѣду такъ, что на полѣ битвы передъ Смоленскомъ осталось болѣе 30000 убитыхъ московитовъ (какъ это подробно описано въ исторіи Павла Юбуз); но все таки они не смогли покорить городъ и княжество, которые и до сихъ поръ остаются во власти Московитовъ.

Въ слѣдующемъ 1518 году Великій Князь Московскій Василій снова вторгся въ Литву съ очень большимъ войскомъ, чтобъ покорить себѣ всю страну. Но онъ былъ встрѣченъ королемъ Сигизмундомъ съ такимъ сильнымъ отпоромъ, что не достигнувъ цѣли долженъ былъ вернуться къ себѣ домой. Послѣ того, благодаря усердному участію Царя Максимилиана, а позже Царя Карла и брата его Фердинанда, заключенъ миръ или перемиріе между христіанами (православными католиками поляками) и московитами. Между тѣмъ Василій покорилъ много другихъ земель къ востоку и къ югу и распространялъ свое царство. Наконецъ въ 1527 г. они снова сразились съ татарами, при чемъ произошла знаменитая битва при Каріонѣ въ Литвѣ, гдѣ было избито болѣе двадцати шести тысячъ невѣрныхъ. За тѣмъ снова послѣдовало перемиріе. Въ слѣдующемъ году у Великаго Князя Василія родился младшій сынъ Іоаннъ, который въ послѣдствіи времени наследовалъ отцу.

Въ 1533 г. Великій Князь Московскій Іоаннъ велъ жестокую войну со Шведами, раззорилъ многія страны и наконецъ послѣ большаго кровопролитія заключилъ снова миръ.

Въ 1562 г. Іоаннъ Великій Князь Московскій предпринялъ тяжелый походъ противъ нѣмецкаго рыцарскаго ордена въ Лифляндіи; онъ поступалъ съ жестокой тираніей съ женщинами и мужчинами, съ молодыми и старыми, и разбивъ непріятеля въ одномъ сраженіи, онъ силой воевалъ почти всю страну. Тогда Лифляндцы просили помощи у римской имперіи и наконецъ должны были отдаться Сигизмунду королю польскому, второму съ этихъ именемъ. Поэтому снова завязалась война между поляками и ихъ враждебными врагами московитами и весьма усиливалась. Московиты пошли въ Литву, раззорили тамъ болѣе 100 мѣстечекъ, увели въ плѣнъ много христіанъ (*католиковъ*) и, когда наконецъ ихъ вышелъ на встрѣчу король Сигизмундъ съ сильнымъ войскомъ, то они отошли назадъ къ Смоленску въ безопасное мѣсто, и вскорѣ послѣ того заключили перемиріе.

(Въ изд. 1567 г. прибавлено:) Въ 1567 г. въ Январѣ прошелъ общій слухъ, что будто Великій Князь Московскій приготовляетъ сильное вооруженіе, чтобъ въ слѣдующемъ году напасть снова на Литву и на прилежащія страны. Да обратятъ Богъ это къ добру!

trium, ut antea memini, Magnum ducem et monarcham Russiae inuestituerat. °

In medio templi diuæ Virginis, erigitur tabulatum, super quo tria sedilia, Auo scilicet, Nepoti, et Metropolitano^d collocantur. Constituitur item fuggestum, quod ipsi Nolai uocant: super quo Ducalis pileus, ° et Barma, hoc est ornamentum Ducale, ponuntur. Pòst, ad constitutum tempus Metropolitanus, Archiepiscopi, Episcopi, ° Abbates, Priores, totusque conventus Ecclesiasticorum, solenibus ° ornamentis induti adsunt. Magno itaque Duce cum Nepote templum ingrediente, canunt Diaconi: Multos annos^b uni Duci magno Ioanni, secundum consuetudinem. Sub hac Metropolitanus cum toto clero canere incipit orationemⁱ diuæ Virginis, et sancti Petri confessoris, quem ipsi more suo Miraculosum appellant: qua finita, Metropolitanus, Magnus Dux, et Nepos, tabulatum ascendunt, inque sedilia collocata sedent, Nepote interim ab initio tabulati subsistente. Tandem Magnus Dux in hac verba praefatur: Pater^j Metropolitane, ex diuina uoluntate, à nostris maioribus Magnis Ducibus antiqua et hactenus obseruata consuetudine, patres Magni Duces, filijs suis primogenitis consignabant Magnum Ducatum: et sicut eorum exemplo, genitor meus Magnus Dux, me coram se benedixit Magno Ducatu: ita ego quoque primodenitum meum Ioannem, coram omnibus Magno Duca^u benedixi. Sed quia diuina uoluntate accidit, ut filius ille meus mortem obierit, superstes autem sit unigenitus Demetrius, quem mihi Deus loco filij mei dedit: hunc itaque ego pariter coram omnibus benedico, nunc, et post me, Magno Ducatu Vuolodimeriae, Novuogardiae, et caetera. super quibus et patrem eius benedixeram.

Sub hac Metropolitanus iubet Nepotem locum sibi assignatum

(Въ изданіи 1567 г. прибавлено:) Anno 1567 in Januario ist ein gemein geschrey aussgangen, das der Grossfürst in Moscauw in treffenlicher rüstung seye, abermalen in Littauw und umstossende lender das folgende jar zu fallen. Gott welle es zu gutem wenden.

Durch solliche mannigfaltige feldzug und nammhafftis tathen ist der Moscowiten namm bey allen umliegenden Völcker auch in Teütschem land sehr erschrockentlich worden, also dass man besorgen, es werde uns Gott durch unser vilfaltige sund und Missethat, wor wir uns nicht zu jhm mitt warer buss bekeeren, durch den Moscoviten, Türcken, oder andere grosse Monarchen ernstlichen heimsuchen, unnd schwerlichen straffen. Wann aber yemand etwas weytleüffiger der Moscoviten historien zu wüssen begeret, der läse der hochwürdigen weyssen herren Pauli jovij unnd Martini Cromeri historien, so sig vonn den Mitnächtischen völkeren fleysig beschriben, welche erst neüwlich iun nechst verschinen jaren zu gutem gemeiner Teütscher nation durch uns uns?) auch verteütschet, und inn truck verfertiget worden.

c) 1757 B. *Morem-inuestituerat*—нѣтъ. Сх. предыд. var. b. d) 1557 B. нпмб. dem obriten priester. 1563 B. dem Erzbischoff. e) 1557 B. der huet. f) 1557 B. *Episcopi*—нѣтъ. g) 1557 B. hochzeitlichen. h) 1563 B. нпмб. regiere i) 1563 B. Magnifirst oder Lobgesang. j) 1563 B. нпмб. mein Heher.

ставилъ своего внука Димитрія великимъ княземъ и монархомъ Руссiи, какъ я прежде упоминалъ.

Посреди храма Пресвятой Дѣвы воздвигается досчатое возвышеніе, на которомъ помѣщены три сѣдалища, именно для дѣда, внука и митрополита. Ставится также налой, на которомъ положены княжеская шапка и бармы т. е. княжескія украшенія. Потомъ въ назначенное время собираются митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены и все духовенство въ торжественномъ (*свадебномъ*) облаченіи. Когда входитъ въ храмъ великій князь съ внукомъ, діаконы поютъ по обыкновению многія лѣта *царствовать* одному великому князю Іоанну. Послѣ этого митрополитъ со всѣмъ клиромъ начинаетъ пѣть благодарственный молебенъ, (*канонъ, Magnificat*) Пресвятой Дѣвѣ и св. Петру Исповѣднику, котораго они по своему обычаю называютъ чудотворцемъ. По окончаніи этого митрополитъ, великій князь и внукъ всходятъ на досчатое возвышеніе и садятся на приготовленные сѣдалища, между тѣмъ какъ внукъ останавливается на краю возвышенія. Тогда великій князь произноситъ слѣдующія слова: Отецъ митрополитъ, по волѣ Божіей, по древнему обычаю соблюденному доселѣ великими князьями, нашими предками, великіе князья—отцы назначали великое княжество своимъ первороднымъ сыновьямъ: и какъ по ихъ примѣру, великій князь родитель мой, при себѣ благословилъ меня на великое княжество, такъ и я передъ всѣми благословилъ на великое княжество моего первенца Іоанна. Но такъ какъ божіею волею случилось, что сынъ мой умеръ, и остался послѣ него единородный сынъ его Димитрій, котораго Богъ далъ мнѣ на мѣсто сына; то я предъ всѣми вами благословляю его, теперь и послѣ меня, на великое княжество владимірское, новгородское и пр., на которыя я благословилъ его отца.

Послѣ этого митрополитъ велитъ внуку сѣсть на назначенное

Отъ этихъ различныхъ походовъ и знаменитыхъ дѣлъ, имя московитовъ сдѣлалось страшнымъ для сосѣднихъ народовъ, а также и для Германіи. Должно стараться, чтобъ Богъ не попустилъ-бы и за многіе грѣхи и злодѣянія наши, въ которыхъ мы каемся Ему не съ истиннымъ раскаяніемъ, не наказалъ-бы насъ тяжко нападеніемъ московитовъ, турковъ или другихъ сильныхъ монарховъ. Если же кто нибудь пожелаетъ знать подробнѣе исторію московитовъ, тотъ пусть прочтетъ повѣствованія высокопочтенныхъ ученыхъ мужей Павла Іовія и Мартина Кромера, такъ какъ они прилежно описали восточные народы. Ихъ сочиненія недавно, въ послѣдніе года, переведены нами на нѣмецкій языкъ и приготовлены къ печати для чтенія германскому народу.

accedere, et benedicit illi cruce, Diaconumque iubet orationes diaconorum recitare. ipse interim sedendo iuxta illum, capite inclinato quoque, orat: Domine Deus noster, Rex regum, Dominus dominantium, qui per Samuelem prophetam elegisti Dauid seruum tuum, et inunxisti illum in Regem, super populum tuum Israel: tu nunc exaudi preces nostras, tuorum indignorum, et respice à

срп. 20. Sanctuario tuo ad fidelem seruum tuum Demetrium, quem elegisti, exaltare regem tuis gentibus sanctis, quem redemisti praeiosissimo unigeniti filij tui sanguine: et inunge eum oleo laeticiae, protege eum virtute excelsi, pone super caput coronam de lapidibus preciosis, da illi longitudinem dierum, et in dextram sceptrum Regale: pone illum in sedem iustam, circunda illum omnibus armis iusticiae, fortifica illum in brachio, et subijce illi omnes linguas Barbaricas: * et sit totum cor eius in timore tuo, qui te humiliter audiat: auerte illum à fide mala, et demonstra illi saluum conseruatorem mandatorum sanctae tuae uniuersalis Ecclesiae, ut iudicet populum in iusticia, et iusticiam praestet pauperibus, conseruetque filios pauperum, et consequatur dein regnum coeleste,

Postea clara uoce loquitur: Sicuti est tua potentia, et tuum est regnum: ita et laus et uirtus sit Deo patri, et filio, et spiritui sancto, nunc et in secula seculorum. Finita hac oratione, imperat duobus Abbatib. Metropolitanus, ut sibi barma porrigant, quae unà cum pileo, quodam tegumento serico (quod Schirnikoïu appellant) tecta erat. Mox hanc tradit Magno duci, cruceque nepotem signat. Magnus autem dux eam super nepotem ponit. Dein Metropolitanus inquit: Pax omniibus. Cui diaconus: Domine oremus. tum Metropolitanus orans: Tibi unico regi aeterno, cui terrenum quoque regnum creditum: inclinate vos nobiscum, inquit, et orate omnia regnantem: Conserva illum sub protectione tua, contine illum in regno, ut semper bona et decentia agat: fac clarescat iusticia in diebus suis, amplificationeque sui dominij, et ut in tranquillitae eius quietè, sine discordia uiuamus, in omni bonitate et puritate. et haec submissius. Alta autem uoce: Tu es Rex mundi, et sernator animarum nostrarum: laus tibi patri, et filio, spirituique sancto, nunc et in secula seculorum, amen. Tandem pileum Ducalem à duobus Abbatibus mandato sibi allatum, Magno

a) 1563 Б. нрнѣ. oder aussländische.

ему мѣсто и благословляетъ его крестомъ, а діакону велитъ читать молитвы діаконовъ (эктеһіп?); самъ между тѣмъ, сядя подлѣ него и наклонивъ голову, произноситъ слѣдующую молитву: Господи Боже нашъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Который чрезъ Самуила пророка избралъ Давида раба Своего и помазалъ его въ цари надъ народомъ Своимъ Израилемъ: Ты и нынѣ услышь мольбы наши, Твоихъ недостойныхъ рабовъ, и воззри отъ Святилища Твоего на вѣрнаго раба Твоего Димитрія, котораго Ты избралъ воздвигнуть царемъ надъ святыми Твоими народами, котораго ты искупилъ драгоценнѣйшею кровію Единороднаго Твоего Сына; и помажи его елеемъ радости, покрой его доблестью высокою, положи на его голову вѣнецъ изъ драгоценныхъ камней, дай ему долгоденствіе и въ десницу его царскій скипетръ; поставь его на престолъ правды, окружи его всѣми орудіями правосудія, укрѣпи его руку, и покори ему всѣ языки *многочисленные*; и да будетъ сердце его всецѣло въ страхъ Твоемъ, дабы смиренно послушалъ Тебя; отврати его отъ неправой вѣры, и покажи ему праваго хранителя заветовъ святой Твоей вселенской церкви, да судитъ народъ по правдѣ, и даетъ правду бѣднымъ, и хранитъ сыновъ бѣдныхъ, и наследитъ потомъ Царствіе небесное.

Послѣ того онъ говоритъ громкимъ голосомъ: Яко Твоя есть сила и Твое есть царство, да будетъ и хвала и честь Богу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Окончивъ эту молитву, Митрополитъ приказываетъ двумъ архимандритамъ принести ему бармы, которыя покрыты вмѣстѣ съ шапкой однимъ шелковымъ покрываломъ (которое называется *Ширинкою*). Потомъ передаетъ ихъ великому князю и осѣняетъ внука знаменіемъ креста. Великій же князь возлагаетъ ихъ на внука. Потомъ Митрополитъ говоритъ: Миръ всѣмъ. Діаконъ говоритъ ему: Владыко помолимся. Тогда Митрополитъ произноситъ молитву: Тебѣ единому Царю вѣчному, которому также земное царство подвластно: преклонитесь вмѣстѣ съ нами и молитесь Царствующаго надъ всѣмъ: Сохрани его подъ кровомъ Твоимъ, поддержи его на царствѣ, чтобы онъ всегда совершалъ то, что добро и что надлежитъ ему дѣлать; дай, чтобы онъ въ дни свои сіялъ правосудіемъ, и умножь его царства, и чтобы мы жили подъ его тихимъ правленіемъ въ покоѣ, безъ распрій, во всякомъ добрѣ и чистотѣ; это Митрополитъ произноситъ тихо. Потомъ громкимъ голосомъ: Ты еси Царь міра и Спасъ душъ нашихъ: хвала Тебѣ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь. Наконецъ онъ подаетъ великому князю княжескую шапку, принесенную по его приказанію двумя архиман-

duci porrigit: ad haec, cruce nepotem in nomine patris, et filij, et spiritus sancti signat. pileum ^b porro Magno duce capiti nepotis imponente, Metropolitanus primum, dein archiepiscopus et episcopi accedentes, manu ei benedicebant. His ordine peractis, Metropolitanus, et Magnus dux, nepotem sibi assidere iubent, paulisperque commorati surgunt. Interea diaconus Letaniam (ut uocant) incipit, Miserere nostri Domine: nominans Ioannem magnum ducem. rursus alter chorus commemorat, magnum ducem Demetrium nepotem, et alios secundum consuetudinem. Finita Letania, orat Metropolitanus: Osanctissima domina uirgo Dei genitrix. et post orationem Metropolitanus et magni duces consident. Sacerdos seu diaconus locum demonstrat, in quo legebatur Euangelium, altaque uoce dicit: Multos annos Magno duci Ioanni, bono fideli Christi dilecto, Deo electo, et Deo honorando, Magno duci Ioanni Basilij Vuolodimeriae, Novuogardiae et totius Russiae monarchae, per multos annos. Sub haec sacerdotes ante altare canunt: Magno duci multos annos. itidem in dextro ac sinistro choro diaconi canunt, Multos annos. tandem rursus diaconus alta uoce, Multos annos Magno duci Demetrio, bono fideli Christi dilecto, Deo electo et honorando: ^a magno duci Demetrio Ioannis Vuolodimeriae, Novuogardiae, et totius Russiae multos annos. Sacerdotes item apud altare, et in utroque choro intonant, Multos annos Demetrio. Quibus peractis, Metropolitanus, Archiepiscopus, Episcopi, et tota congregatio ordine, magnos duces accedunt, eosque honorifice consalutant. accedunt et filij magni ducis, inclinando et salutando magnum ducem.

INSTITUTIONES MAGNI

Ducis iam inaugurati. ^b 85

Simon Metropolitanus ^a inquit: Domini et fili, magne dux Demetri diuina uoluntate, auus tuus magnus dux fecit tibi gratiam, benedixit te ducatu magno: et tu Domine et fili, habe timorem Dei in corde tuo: ama iusticiam, et iustum iudicium: obedias auro tuo magno duci. et nos te Dominum filium suum benedicimus, et Deum oramus pro tua salute. Dein Metropolitanus et magni duces surgunt, Metropolitanusque orans benedicit cruce magno duci.

b) 1563 B. das fürstlich parrest.

a) 1557 B. *bono-honorando*—нѣтъ. b) 1557 B. die vundterweisung dem Neuen Grossfürsten füergehalten. 1563 B. Dess Grossfürsten ordnungen wann er jetzt erwehlet worden. c) 1563 B. *npw6*. oder der oberste Bischoff.

дритами; затѣмъ осѣняетъ внука крестомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Потомъ когда великій князь возложилъ шапку (*княжескій вѣнецъ*) на главу внука, сперва Митрополитъ, потомъ архіепископъ, епископы, подходя, благословляютъ его рукою. Когда же было сдѣлано по порядку, Митрополитъ и великій князь приказываютъ внуку сѣсть съ ними и, немного обождавъ, встаютъ. Между тѣмъ діаконъ читаетъ такъ называемую летанію: Помилуй насъ, Господи, и за тѣмъ поминаетъ великаго князя, Іоанна. Ему отвѣчаетъ хоръ и поминаетъ внука, великаго князя Дмитрія и другихъ, по обыкновенію. По окончаніи летаніи, митрополитъ произноситъ молитву: О пресвятая Владычица Богородица Дѣва и пр.; послѣ молитвы митрополитъ и великіе князья садятся. Священникъ или діаконъ указываетъ на мѣсто, на которомъ читалось Евангеліе, и говоритъ громкимъ голосомъ: Многія лѣта великому князю Іоанну, благовѣрному, возлюбленному Христа, Богомъ избранному и Богомъ превознесенному, великому князю Іоанну Васильевичу Владимірскому, новгородскому и всеіи Руссіи монарху, многія лѣта. Послѣ этого священники предъ олтаремъ поютъ: Великому князю многія лѣта, также на правомъ и лѣвомъ хорѣ діаконы поютъ многія лѣта. Наконецъ снова діаконъ говоритъ громкимъ голосомъ: Многія лѣта великому князю Дмитрію, благовѣрному, возлюбленному Христа, Богомъ избранному и превознесенному, великому князю Дмитрію Іоанновичу владимірскому, новгородскому и всеіи Руссіи, многія лѣта. Также священники у олтаря и на обоихъ хорахъ поютъ: многія лѣта Дмитрію. Послѣ чего Митрополитъ, архіепископъ, епископы и все собраніе по порядку подходятъ къ великимъ князьямъ и съ почтеніемъ поздравляютъ ихъ; потомъ подходятъ и сыновья великаго князя, кланяясь и поздравляя новаго великаго князя.

Церемоніалъ послѣ вѣнчанія великаго князя. ⁸⁵

Митрополитъ Симонъ или старшій епископъ говоритъ: Государь и сынъ, великій князь Дмитрій, дѣдъ твой, великій князь, волею Божіею пожаловалъ тебя, благословилъ тебя на великое княжество: и ты, государь и сынъ, имѣй въ сердцѣ твоємъ страхъ божій, люби справедливость и правый судъ; повинуйся дѣду твоему, великому князю, и всѣмъ сердцемъ пекись о всѣхъ правовѣрныхъ. И мы тебя, государя сына своего, благословляемъ и молимъ Бога о твоємъ здравіи и благоденствіи. Потомъ Митрополитъ и великіе князья встаютъ, а Митрополитъ съ молитвой благословляетъ крестомъ великаго князя и его сыновей.

eiusque filijs. tandem Liturgia, hoc est sacro perasto, ^d magnus dux auus se in suam habitationem confert. Demetrius uero in quicali pileo et barma, ex aede diuae Virginis, magna Baiaronum caterua, filisque comitantibus, ad templum Michaelis archangeli pergit, ubi in uestibulo supra pontem à Georgio magni ducis Ioannis filio, ter ^e dengis aureis aspergitur (per dengam genus monetae ^f intellige) templumque ingresso. Sacerdotes letaniam orantes, secundum consuetudinem, cruce ei benedicebant, et iuxta sepulchra ac monumenta eum signo crucis signabant. Dein templum egrediens, in porta à Georgio rursus dengis aureis aspergitur. Post rectà in templum annunciationis Mariae progreditur, ubi Sacerdotes pariter ei benedicebant, et à Georgio dengis ut antea aspergebatur. Peractis tandem ijs, ad auum et matrem se contulit Demetrius. Acta sunt haec anno mundi ^g 7006. à nato autem Christo 1497. die quarta mensis Fe'ruarjij. ^h

Interfuerunt autem huic mandato magni ducis, et benedictioni Simonis metropolitani:

Tychon archiepiscopus Rostovuiensis et Ioroslavuiensis: ⁱ Nyphont Susdaliensis et Toruski: Vuasian episcopus Tvuerensis. Prothasius, Resanensis et Muromski Afranius Columbnensis, Ieufimi, ^j Sarki et Podonski episcopi. ⁸⁶

Multi item Abbates et Priores inter quos potiores Serapion, prior monasterij ad sanctam Trinitatem, diui Sergij et Makirij, Prior monasterij ^k sancti Cyrilli: magnus denique conueutus religiosorum et Ecclesiasticorum aderat. Inter prandendum, muneris quasi loco oblatum erat cingulum latum auro, argento, gemmis preciosis ^{crp 22} p. 22 confectum, quo cingebatur. mox Selgi quoque Pereaslavuski, hoc est, pisciculi ex lacu Pereaslavuiensi, halecibus non dissimiles, quorum et nomen habent. Ideo ^a autem id genus piscium putant afferi, quod Pereaslavu nunquam separabatur à Moscovia, uel Monarchia.

Barmai est ueluti torques latae formae, ex serico uilloso, ^b extrinsecus tamen auro et omnis generis gemmis concinné confectus: quem Vuolodimerus praefecto cuidam Caphae Januensi profligato ademit.

Pileus ipsorum lingua Schapka dictus, quo Vuolodimerus Monomach usus est, et quem gemmis ornatum, aureis item laminis,

d) 1563 Б. нм. *Liturgia h. e. sac. perac.* die Liturgia unnd das Göttlichampf. e) 1663 Б. zum dritten mal. f) 1563 Б. нм. jr beste münztz ist. g) 1557 Б. nach jrer Reitung (=Rechnung?) h) 1563 Б. Hornung i) 1557 Б. приб. die Bischöffe. j) 1563 Б. zu jerifimi, пом. г. человеческое имя (Ефимий) принято за название какой-то местности. k) 1563 Б. нм. St. Sergien und Macherien die fürnempsten auch prior etc.

a) 1557 Б. приб. darumb zu solcher hochzeit bringt. b) 1549 Б. нм. ex veluto. c) 1550

Наконецъ, по совершеніи Литургіи т. е. священно—дѣйствія, великій князь—дѣдъ отправляется въ свое жилище. Димитрій же въ княжеской шапкѣ и въ бармахъ, въ сопровожденіи большой толпы бояръ и боярскихъ дѣтей, шествуетъ изъ храма Пресвятой Дѣвы въ храмъ Михаила архангела, гдѣ Георгій, сынъ великаго князя Іоанна, трижды (*въ третій разъ?*) осыпаетъ его на паперти золотыми денгами (подъ денгой надобно понимать *лучшій* родъ *ихъ* монеты), и когда онъ вошелъ въ храмъ, священники служили летанію по обычаю, благословляли его крестомъ, и также осѣняли его крестнымъ знаменіемъ у могилъ и надгробныхъ памятниковъ. Потомъ при выходѣ изъ храма, Георгій снова осыпалъ его золотыми денгами. Послѣ этого онъ отправился въ храмъ Благовѣщенія, гдѣ священники также благословляли его, а Георгій, какъ прежде, осыпалъ денгами. По окончаніи этого Димитрій пришелъ къ дѣду и матери. Это происходило въ 7006 году *по ихъ лѣтосчисленію* отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова въ 1497, въ четвертый день мѣсяца февраля.

При этомъ присутствовали по приказанію великаго князя и по благословленію Митрополита Симона.

Тихонъ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, Нифонтъ, суздальскій и торускій (туровскій?); Вассіанъ, епископъ тверской; епископы: Протасій рязанскій и муромскій, Аѳраній коломненскій, Ефимій сарекій и подонскій.⁸⁶

Также многіе архимандриты и игумены, между которыми важнѣйшіе: Серапіонъ, игумень троицко-сергіевского монастыря и Макарій, игумень монастыря св. Кирилла; наконецъ присутствовало большое сборище монаховъ и духовныхъ. За обѣдомъ Димитрію былъ поднесенъ въ даръ широкій поясъ, сдѣланный изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которымъ онъ опоясывался; послѣ этого поднесены были переяславскія сельги т. е. рыбки изъ озера переяславскаго, не отличающіяся отъ нашихъ сельдей, имя которыхъ онѣ и носятъ. Полагаютъ, что этотъ сортъ рыбъ подаютъ *на пирахъ* потому, что Переяславъ никогда не отдѣлялся отъ московскаго княжества или монархіи.

Бармы есть родъ широкаго ожерелья изъ мохнатого шелку; снаружи прекрасцо отдѣланы золотомъ и всякаго рода драгоцѣнными камнями; ихъ Владиміръ отнялъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ.

Рілеуз называется на ихъ языкѣ *шапка*; ее носилъ Владиміръ Мономахъ; она украшена драгоцѣнными камнями и чудно сдѣлана изъ золотыхъ пластинокъ, которыя извиваются наподобіе

quasi quibusdam spirulis subinde sese uibrantibus, mirè concinatum reliquit. hascenus dixi de principe, qui maiorem partem Russiae tenet. ⁸⁷

Caeteras ussiae partes nunc unus Sigismundus ^d Poloniae rex, magnusque Dux Lithvaniae tenet. Caeterum cum regum Poloniae, qui originem suam ex Lithuanis traxerunt, mentio fit, de genealogia ^e eorum quaedam subiungenda uidentur. ⁸⁸

Praefuit magno Ducatui Lithvaniae princeps quidam Vuitenen, quem cum famulus eius Gedemin, ut Polonorum annales referunt ⁸⁹ f. occidisset, mox et ducatu et uxore potitus est: ex eaque inter plures alios, praecipuos duos suscepit filios, Olgird et Kestud. Ex Kestud natus est Vuitoldus ^g, quem alias Vuitovudum appellant: et Anna, Janusij ^h ducis Mazcuviae ⁱ coniunx.

Vuitoldus reliquit unicam filiam Anastasiam, quae Basilio duci Moscoviae in matrimonium collocata, Sophiaeque nominata est ^j: ex qua natus est Basilius, pater magni illius Joannis ^k, auus Basilij Rhutenorum principis, ad quem Orator missus fui. ^{*}

Kestud porro ab Olgird fratre iu carcerem coniectus, miserè perijt. Vuitoldus quoque, uir, quo maiorem Lithvania non habuit, et ex baptismo Alexander dictus, 1430 moritur.

Olgird Gedemini filius, ex uxore Mariae, principe Tvuerensi Christiana, inter alios filios Jagelonem suscepit. Is regnandi cupiditate non solum regnum Poloniae, sed ipsam Hedvuigim^a quoque, quae tum diademate insignita regno praefuit, Vuihelmoque duci Austriae desponsata fuit, atque adeo parentibus primatibusque utriusque regni consentientibus, ante nobiles annos^a Regio more cum eo concubuisset, affectabat: missisque mox in Poloniam Oratoribus suis, regnum et Hedvuigim uxorem expetit^b. Yt autem Polonos in suam sententiam pertraheret, uotique compos fieret, inter alia fidem se Christi unà cum fratribus suis, ducatibus item Lithvaniae et Samogithiae suscepturum pollicetur: alijsque id genus promissionibus, Polonos in suam sententiam permouit, ut Hedvuigis horum autoritate adducta, atque etiam inuita, rescisso priore matrimonij foedere, illi nuberet. ^p quo facto, Jagelo ipse continuò Vuoladislai nomine accepto baptisatur, in Regem coronatur, nuptijsque peractis Hedvuige uxore anno Domini 1386 potitur.

Мт. Слѣдующее означено: Del Re di Polonia. d) 1557 B. *Sigismundus* — нѣтъ. e) 1563 B. нпмб. oder geburtslinien. f) 1563 B. нпмб. so neulich von Heinrich Pantaleon ver-teutschet worden. g) 1557 B. нпмб. der gross stritbar fürst. h) 1557 B. lanvsn. i) 1557 B. Mass. j) 1557 B. *Sophioque nomin. est* — нѣтъ. k) 1557 B. нпмб. von dem Hannsen Gabriel, der hernach Basilius genannt. l) 1557 B. *avus fui* — нѣтъ. m) 1557 B. нпмб. Khe-nig Ludwigs zu Hungern und Poln Tochter. n) 1557 B. нпмб. zu Hamburg der Thoe-naw. o) 1557 B. *missisque expetit* — нѣтъ. p) 1557 B. *Ut autem nuberet* — нѣтъ.

вѣѣ. До сихъ поръ я говорилъ о государѣ, который владѣетъ болѣею частію Руссін.⁸⁷

Остальною частью Руссін въ настоящее время владѣетъ одинъ Сигизмундъ, король польскій и великій князь литовскій. Но такъ какъ рѣчь зашла о короляхъ польскихъ, которые ведутъ свое происхожденіе изъ Литвы, то, кажется, нужно сказать что нибудь объ ихъ родословной.⁸⁸

Въ великомъ княжествѣ литовскомъ властвовалъ нѣкогда князь Витенъ; онъ былъ убитъ своимъ слугою Гедиминомъ, какъ рассказываютъ польскія лѣтописи (*которые недавно переведены на нѣмецкій языкъ Гейрихомъ Панталіономъ*).⁸⁹ Гедиминъ овладѣлъ и княжествомъ и супругою Витена, и отъ нея имѣлъ много сыновей; изъ нихъ замѣчательны два; Олгердъ и Кестудъ. У Кестуда родился *воинственный* князь Витолдъ, который иначе называется Витовтомъ, и Анна, супруга Янузія, князя мазовскаго.

Витолдъ оставилъ единственную дочь Анастасію, которая была выдана за Василія, князя Московскаго. и названа Софією; отъ нея родился Василій, отецъ Іоанна Великаго, дѣдъ Василія, князя русскаго, къ которому я былъ отправленъ посломъ.

Кестудъ былъ заключенъ въ темницу братомъ Олгердомъ и погибъ жалкою смертію. Витолдъ же, въ крещеніи нарѣченный Александромъ, умеръ въ 1430 году; Литва не имѣла мужа, болѣе великаго.

Сынъ Гедимина, Олгердъ отъ супруги своей Маріи, княжны тверской и христіанки, имѣлъ, кромѣ другихъ сыновей, Ягеллона. Властолюбивый Ягеллонъ сильно желалъ получить не только польское королевство, но и руку Гедвиги, *дочери Людвига, короля польскаго и венгерскаго*, которая носила тогда королевскую корону и была обручена съ Вильгельмомъ, герцогомъ австрійскимъ, и по желанію родителей и вельможъ того и другаго государства, сочеталась съ нимъ, *въ Гамбургѣ на Дунаѣ* по царскому обыкновенію, прежде совершеннолѣтія. Отправивъ своихъ пословъ въ Польшу, Ягеллонъ требовалъ государства съ рукою Гедвиги. Для того чтобы склонить поляковъ на свою сторону и получить желаемое, онъ обѣщался между прочимъ принять христіанскую вѣру вмѣстѣ съ своими братьями и съ княжествами литовскимъ и самогитскимъ; такого рода обѣщаніями онъ до того привлекъ къ себѣ поляковъ, что они принудили Гедвигу, противъ ея воли, выйти за него замужъ, разорвавъ узы перваго брака. Послѣ этаго Ягеллонъ немедленно крестился, принявъ имя Владислава, былъ коронованъ и сочетался бракомъ съ Гедвигой въ 1386 году. Когда она вскорѣ пос-

qua tamen non longé pòst primo in partu mortua, Annam comitem
 crp. 25. Celeiae duxit uxorem: ex qua suscepit unicam filiam Hedviguim,
 desponsatam Friderico iuniori Brandenburgensi. Duxerat et
 anum^a quandam: qua pariter mortua, Rhutenam Andreae Joan-
 nis ducis Chiovuiensis filiam Soucam, quae pòst assumpto ritu
 Romano, Sophia⁶⁰ appellata est, ^b duxit: ex eaque suscepit Valadis-
 laum et Casimirum filios.

Vuladislaus patri in regno successit, inque Hungariae regem,
 submoto legitimo haerede, Alberti regis defuncti filio Ladislao
 posthumo, coronatus, ad Vuarnamque pòst à Thurcis oppressus
 est.^c

Casimirus, qui tum magnum Lithvaniae ducatum tenebat, et
 qui Ladislao posthumo similiter regnum Bohemiae, forté fratris
 exemplo ductus, adimere uoluit, fratri in regno Poloniae successit.
 dein eius Ladislai, Hungariae et Bohemiae regis sororem Elisabe-
 tham in uxorem duxit: ex qua suscepit filios, Vuladislaum Hunga-
 riae et Bohemiae regem, Ioannem Albertum, Alexandrum, Sigis-
 mundum, Poloniae reges: Fridericum Cardinalem. et Casimi-
 rum^d, qui in Sanctorum numerum relatus est.

*Vuladislao erat Ludouicus^f filius, et Anna filia. Ludauicus in
 regno successit: Maria Philippi regis Castellae, archiducis Aus-
 triae, filia in uxorem ducta, à Thurcis in Mohacz anno 1526^g op-
 pressus est.

Anna FERDINANDO^h, Romanorum, Hungariae et Bohemiae
 regi, archiduci Austriae nupsit: quatuor filijs, et undecim filiabus
 ex ea susceptis, Pragae tandem in puorperio, auno Domini 1547
 moriturⁱ.

Ioannes Albertus sine coniuge obiit.

a) 1557 B. нпу6. des geschlechts Piletzkhj, des die Poln vbl zufriden b) 1563 E. quae-
 est—нэръ. c) 1557 B. м. Vuladislaus-oppressus est: Wladislavs kha nach seines va-
 ters Tod in das Khunigreich Poln, und als Albrecht ein Hertzog zu Osterreich, Römi-
 scher, Hungerischer unnd Behaimischer Khünig abstarb, die Khünigin schwanger ver-
 liess, vil, der Hungern wolten der geburt nit erwarten, schigkhten zu dem Wladislaw
 gen Poln unnd ehe solche pottin zu dem Khunig khamen, wardt des Khünig Albrechts
 Sun Lasla geborn, solcher wardt den potten zeitlichen verkündt, Sy verharren aber in
 jrer potschaft, begerten des Wladislaen zu einem Khünig, der nam das an, unnd kham
 in Hungern, verstieß den rechtn Erben macht darnach mit den Türgkhen fryd, liess
 sich darüber dem Babst bewegen, und brach dem Türgkhen ein gegebenen glauben,
 umb das unnd das er den rechten Erben enterbte, strafft in Gott, der Türgkh hat jae zu
 Wara erschlagen. 1563 E. нпу6. Anno 1444. d) 1557 B. нпу6. der hat mit seinem Brue-
 der umb das Hungerland Khriegt, и даъбе: ligt zu der Wilda. e) 1557 B. нпу6. Wladis-
 laus, Casimirj Sun, Khunig zu Hungern und Behamb nam Annam des geschlechts de Fe-
 xis unnd Candola aus Frangkreich. f) 1557 B. нпу6. Ist in des vaters leben zu Hun-
 gern und Behamb gecrönt worden. g) 1557 B. нпу6. am 29 Tag Augusti. h) 1557 B. Къ
 титъу Федъ. нпу6анено: Infanta in Hispanien. i) 1557 B. нпу6. ein unaussprechlich.

лѣ того умерла въ первыхъ родахъ, онъ взялъ въ супруги Анну, графиню целсійскую; отъ нея онъ имѣлъ единственную дочь Гедвигу, обрученную съ Фридерикомъ, младшимъ принцемъ бранденбургскимъ. Потомъ онъ женился на какой то старухѣ; изъ племени рода, члѣны полки были недовольны; когда и она также умерла, онъ взялъ въ супруги русскую, Сонку, дочь кievскаго князя Андрея Іоанновича, которая потомъ, принявъ римское исповѣданіе, названа Софією: ⁹⁰ отъ нея онъ имѣлъ сыновей Владислава и Казимира.

Владиславъ вступилъ на польскій престолъ по смерти своего отца, когда Альбрехтъ, герцогъ австрійскій, римскій, венгерскій и богемскій умеръ, оставивъ беременную жену, то многіе изъ венгерцевъ не хотѣли дожидаться рожденія (младенца), послали къ Владиславу въ Польшу; но прежде чѣмъ послы явились къ королю, родился сынъ Альбрехта Лисла, (Ладислава Постума) о чемъ они и были извѣщены. Однако они медлили своимъ посольствомъ и уговорили Владислава быть королемъ. Тотъ принявъ предложеніе, пришелъ въ Венерію, свергнувъ истиннаго наследника, заключивъ потомъ миръ съ турками; и за то, что свергнулъ истиннаго наследника, былъ наказанъ Богомъ: турки разбили его при Варшѣ въ 1444 году.

Казиміръ, владѣвшій тогда великимъ княжествомъ литовскимъ и по примѣру брата желавшій подобнымъ же образомъ отнять у Ладислава Постума богемское королевство, наследовалъ брату въ Польшѣ; потомъ взялъ въ супруги Елисавету, сестру того же Ладислава, короля венгерскаго и богемскаго: отъ нея онъ имѣлъ многихъ сыновей: Владислава, короля венгерскаго и богемскаго, Іоанна Альберта, Александра, Сигизмунда, королевъ польскихъ, Фридерика Кардинала и Казимира, который воевалъ съ своимъ братомъ за Венерію, потомъ причисленъ къ лику святыхъ и нынѣ покоится въ Вильнѣ.

У Владислава, сына Казимира, короля венгерскаго и богемскаго, женатаго на Аннѣ изъ французскаго рода de Foix и кандоса былъ сынъ Лудовикъ и дочь Анна. Лудовикъ коронованный королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ еще при жизни отца наследовалъ царство; взялъ въ супруги Марію, дочь Филиппа, короля Кастильскаго и Эрцгерцога Австрійскаго, онъ погибъ въ 1526 году 29 Августа въ битвѣ съ турками при Могачѣ.

Анна вышла замужъ за Фердинанда инфанта Испанскаго, короля Римскаго Венгерскаго и Богемскаго Эрцгерцога Австрійскаго; произвела на свѣтъ четырехъ сыновей и одиннадцать дочерей, она умерла въ родахъ, въ Прагѣ, въ 1547 году. Невыразимое благочестіе добродѣтельной королевы дѣлало то, что никто не уходилъ отъ лица ея не утѣшенный.

Іоаннъ Альбертъ умеръ въ безбрачій.

Sigismundus ex priore uxore Barbara, Stephani comitis Zepu-
siensis filia, suscepit Hedvigin, Ioachimi Brandenburgensis
Electoris coniugem. Ex posteriore Bona, filia Soannis Ifortiae du-
cis Mediolani et Barij, suscepit Sigismundum^k secundum Poloniae
regem, magnum Lihvuaniae ducem: qui Elizabetham FERDI-
NANDI Romanorum, Hungariae et Bohemiae regis etc. filiam,
anno 1543. sexta die Majj uxorem duxit.^r quae tamen immatura
morte, et sine prole, anno 1545. die Iunij^m decimaquinta deces-
sit.^a

Duxit deinde Barbaram, ex domo Radsivilorum; quae ante
Gastoldo Lithvuano nupta fuerat, inuitis parentibus: et subditis
hoc matrimonium tam indignè ferentibus, ut rebellio eorum iam
coepta, in perniciosam seditionem abijsset, st FERDINANDUS
rex iniurias filiae illatas ulcisci, quàm earum memoriam depone-
re maluisset.^o Hac uerò mortua, idem Sigismundus ad redinte-
grandam cum Ferdinando coniunctionem et affinitatem conuersus,
coniugio sibi copulauit Catharinam, germanam sororem Elisabe-
thae, quam Franciscus dux Mantuae uiduam reliquerat. Nuptiae
celebratae sunt Cracoviae, 31 Iulij, anno 1553. Ytranque sororem
ego, tanquam Magister seu Praefectus Curiae, ad sponsum de-
duxi.^p

Semouites Mazouiae dux, ex Alexandra Iagelonis sorore suscepit
multos filios, filiasque. Filij sine liberis decesserunt. Ex filiabus p.
exp. 24. 24 Czimburgis^s nupsit Arnesto austriae Archiduci, ex eoque genuit
Fridericum Romanorum Imperatorem, patrem Maximiliani Impe-
ratoris. Maximilianus genuit Philippum, Hispaniarum regem: Phi-
lippus CAROLUM V. et FERDINANDUM, Romanorum Impera-
tores.

Ovuka Vuoleslao, Thesinensi duci,^a in matrimonium collocata est.

Amulia, Vuoguslao Stolpensi duci, qui nunc Pomeraniae
dux appellatur, nupsit.

Anna uerò, Michaeli duci Lithvuaniae: Catharina innupta obiit.

Porro Olgird atque Iagelonis fratres, nepotesque, item filiarum
eiusdem liberos, Kestudis denique Casimiri, aliorumque Regum

Goitsfurchtige guettige Eerliche Khunigin khain mensch ist traurig von jrem angesicht
jrenthalben geschaiden. j) 1557 B. нпуб. der hayrat halben ich nach bevelch Khaiser Ma-
ximilians etc. am ersten gehandelt hab. k) 1557 B. нпуб. Augustum, der in seines Va-
ter und Muetter leben zu Khunig zu Polln gekhrönt. l) 1557 B. anno — duxit — нтъ.
m) 1563 B. Brachmonat. n) 1557 B. anno — decessit — нтъ; но нм. этого нпуб. die nit gar
wol gehalten worden, и даzte: welche in Poln in gmain hertzlichen clagtn, neanten sy
auch heillig. o) 1557 B. нпуб. Ich bin ain pot gewest damit der (Frieden) erhalten ist
worden. p) 1549 B., 1550 Ht. и 1551 B. duxi — deduxi — нтъ. 1557 B. нпуб. und auf
den Khunig Sigmunden ellain khomen, hernach von den Töchtern. q) 1549 B. Zim-
burgis.

a) 1563 B. fürst zu Thesin oder Stettin. b) 1549 B., 1550 Ht. и 1551 B. оредна и 40

Сигизмунтъ отъ первой супруги Барбары, дочери Стефана, графа Зензигскаго, имѣлъ дочь Гедвигу, впоследствии супругу Іоахима, электора Бранденбургскаго. Отъ другой супруги, Боны, дочери Іоанна Сфорцы, Герцога Медіоланскаго и Барскаго, о свадьбѣ которыхъ я по приказанію царя Максимилиана первый хлопоталъ, онъ имѣлъ августѣйшаго Сигизмунда второго, коронованнаго еще при жизни отца, королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, который 6 Мая 1543 года вступилъ въ бракъ съ Елисаветою, дочерью Фердинанда, короля Римскаго, Венгерскаго и Богемскаго и пр., но она скончалась въ цвѣтущей юности и безъ потомства, 15 Іюня 1545 года. О ней всѣ въ Польшѣ жальли отъ всего сердца и прозвали даже святой. Потомъ Сигизмундъ второй женился, противъ воли родителей, на Барбарѣ, изъ дома Радзивилловъ, которая была прежде замужемъ за однимъ Литовцемъ Гастольдомъ; подданные его съ такимъ негодованіемъ смотрѣли на этотъ бракъ, что начавшееся уже возмущеніе ихъ могло бы перейти въ опасный бунтъ, если бы король Фердинандъ захотѣлъ мстить за обиды, нанесенныя его дочери и не желалъ бы лучше предать ихъ забвенію. Я былъ тамъ въ качествѣ посла для заключенія мира. По смерти же Барбары, снова желая возобновить союзъ родства съ Фердинандомъ, Сигизмундъ сочетался бракомъ съ Катериною, родною сестрою Елисаветы, которая осталась вдовою послѣ Франциска, Герцога Мантуанскаго. Свадьба отпразднована была въ Кракѣ, 31 Іюля 1553 года. Обѣихъ сестеръ я, какъ обергофмейстеръ, отводилъ къ жениху.

Семовитъ, князь Мазовскій, имѣлъ отъ сестры Ягеллона, Александры, многихъ сыновей и дочерей. Сыновья скончались бездѣтными. Изъ дочерей-Чимбурга вышла за Эрцгерцога Австрійскаго Эрнста и родила отъ него Фердинанда, императора Римскаго, отца императора Максимилиана. Максимилианъ произвелъ на свѣтъ Филиппа, короля Испанскаго, Филиппъ, Карла V и Фердинанда, императоровъ Римскихъ.

Овка была выдана за Волеслава, Герцога Туинскаго или штеттинскаго.

Амулія вышла за Богуслава, Герцога Столпенскаго, что нынѣ называется Герцогомъ Помераніи. Анна же за Михаила, князя Литовскаго; Катарина умерла безбрачною.

Если бы кто нибудь захотѣлъ перечислить по порядку братьевъ, сыновей и внуковъ Ольгерда и Ягеллона, также потомковъ дочерей Ягеллона, наконецъ потомковъ Кестута, Казимира и другихъ королей, тогъ убѣдился бы, что многочисленное потом-

posteror, si quis ordine recensere uellet, in immensum tam numerosa proles excresceret: quae tamen ut subito aucta est, ita nunc in uno regis Poloniae iam mortui filio, Sigismundo secundo Poloniae rege, masculinus sexus residet.

^b Quoniam autem in mentionem posteritatis Gedemini, et regum ex ea stirpe incidimus, haud abs re uisum est, si quae regnantibus Wladislao Hungariae et Boemiae, ac eius fratre Sigismundo Poloniae regibus (Casimiri filijs) euenerunt, subiiceremus.

Alexander Helenam, Ioannis magni ducis Moscoviae filiam, duxit uxorem: sine liberis tamen decessit.

est absorptus (на стр. 25, лат. текста) — итъ. Въ 1557 В. т. е. въ иѣмеконѣ переносѣ самого Герберштейна все это мѣсто изложено нѣсколько иначе и подробнѣе, а именно слѣдующимъ образомъ:

König Sigmund erzeugt auch mit der Bona vier Töchter, die elter Isabella war Graf hausen im Zips der sich nach Khünig Ludwigs tot in das Khünigreich Hungern eengedrungen, Und dan mit thädig bey einem thail des Reichs Khünig beliben, die beide geherten Hanns Sigmund dem das Hertzogthumb Oppl in der Schlesien mit thädig noch mit seinem Vater beschlossen, damit er hungern abgestanden geben ist worden.

So dann des Gedemin geschlachts gedacht worden, hat mich nit für unnütz angesehen, etliche geschichten bey desselben absteigenden Khünigen Wladislao zu Hungern und Bohamb und Sigmunden Khünig Casimirus zu Pola Sönen, sich zugetragen. Der Wladislaus wardt noch Khünig Iursickhn tod, zu Khünig in Beham, und nach Khünig Mathias absterben zu Khünig in Hungern erwölt. Wiewol Khaiser Maxmillian aus vorgehenden vertragen, weil Mathias Khain leibserben verlassen, des sich die Hungern nottürftiglichen verschriben hettten, zu Khünig antzunehmen, wol ursach und guet re. ht gehet, solch Khünigreich anzufallen. So hat doch der Khaiser zugeben, unnd den zu Khünig hewilligt. Allain das seinen Sönen wofern Wladislaus khainen mändlichen Erben verliess, das Khünigreich zuesteen soldt, Solches abermals mit den geistlichen und weltlichen nottürftiglichen verschriben, und verlübt worden, Wladislaus hette Beatrice Khünig Mathias witben unfruchtbare verwilligt zunemen, mit der selben hilff unnd auf solchen trost wardt er erwölt, aber vortzug das nit Namb aus Frannkreich Annam von dem geschlecht Candale unnd Foyx mit der erzeugt ain Tochter Annam, Khaiser Maxmillian wolt die verträg und der Hungern verschreibung becreffigen, Sücht weg, damit die selb tochter Anna ainem seiner Enengkh Carol oder Ferdinando Khünig Philippen in Hispanien Eertzhertzen zu Osterreich Sönen ainen vermählt wurde, und handele das mit vleiss, Sowaß graff Steffan in Zipps (der bey Khünig Mathias in grossen gewaltt und ansehen gewest ist, dardurch auch vil Reichthumb uberkhomen, gelassne witib ain geborne hertzogin von Teschn, aines grossen gemüets, die understünde sich mit den ansechtlichsten hungern in den merern Spanschaften zu handeln mit jargelt (das sy jargeläsch nennen) diemsten und in vill annder weg an sich zuziehen, der mahnung das sy jren Sun hansen die obgemelt jren Khünigs tochter zu gemachl der hoffnung darmit auch das Khünigreich (weil der Khünig allt unnd khrangk war) zu bekomen. Zu den gab Khünig Sigmunds in Poln heirat, der gemelltes graff Steffans tochter Barbara ehelichen genomen hette, ain grossen trost, der wurde bey seinem Bräuder solche sachen befürdern, selches gab auch dem Khaiser umb sovil mit merern ernst sein fürnemen in das werch zubringen vrsach, Desselben gemuettes war auch der Khünig zu Hungern, der aber nit allei sachen sein selbs gewalttig war, dann die bestelten hungern befürderten auff die ander Parthey, Derhalben der Khaiser sein Kriegsvelgk veramblete, und zohe für Bresspur das war im 1506 jar (datzumal ich mein erstes barnach gebraucht unnd mit getzogen bin), Es war gleichwol die red die Khünigin wäre sehwan ger, das etliche nit glauben wolten, So begab es sich das sy in der zelt jren Sun Ludwigen geberte, Darauf war ein anstand und dann gantzer frid gemacht, nichts mind

ство ихъ разрослось до безконечности. Однако не смотря на то, что оно такъ быстро размножилось, теперь вся мужская линія заключается въ одномъ королѣ Польскомъ Сигизмундѣ второмъ, сынѣ умершаго короля Польскаго.

Такъ какъ мы упомянули о потомствѣ Гедимина и о короляхъ изъ этаго дома, то, кажется, не будетъ лишнимъ, если мы сюда прибавимъ описаніе того, что произошло въ царствованіе Владислава, короля Венгерскаго и Богемскаго, и его брата Сигизмунда, короля Польскаго, сыновей Казимира.

Александръ вступилъ въ бракъ съ Еленой, дочерью Іоанна, великаго князя Московскаго, однако скончался бездѣтнымъ.

Posteaquam Vladislaus regno Hungariae, concedente, et ius successionis sibi reservante Maximiliano Romanorum Imp. potius esset, et unicam tantum filiam iam consensens haberet: Maximilianus, quo ius successionis aliqua arctiore coniunctione confirmaretur, cum Vladislao de matrimonio inter alterum nepotum suorum ex filio suo Philippo Hispaniarum rege, et Anna Vladislai filia contra hendo, tractare coepit. Nam Annae nuptias perditē ambiebat Ioannes Zapolitanus, filius Stephani Scepusiensis comitis: cuius summa fuerat apud Mathiam regem, atque adeo apud ipsum Vladislaum autoritas. Vehementer adnitente matre uidua, quae

handlet jeglicher thail nach seinem besten, Der Ludwig war also junger zu Hungern unnd Behamb gekhronn.

Weil auch Khünig Sigmund in Poln in verdaacht war, als fürderte der selb seinen schwager, khame mit dem Kayser in ainen unwillen. Aber hernach war sovill gehandelt, das im 1515 jar die drey Khünig Wladislaus mit seinem Sun Khünig Ludwigen und Sigmunden sein brüeder gen Wienn zu dem Khaiser khamen, Die tochter darumb der strydt, war auch dargebracht. Als die drey Khünig auff zwe meilwegs gegen Wien Zugen, khame der Khaiser denen entgegen, unnd als der Khaiser uber ain etafne hoch abtobe, Schyn die Sun hell inn das geharnascht oder gerüste volgh, Als das die Hungern ersahen, empfiengen ain forcht vermainten man bedörffte zu freuntlichen händlungen sovill eisens nit, Schigkhten zu Khünig Sigmunden, vermainten sich dem Khaiser nit zu vertrauen, Der Khünig zu Polln gab die Antwort, Er hab sich in Khaiser vertraut, wolt auch jmezueziehen, wer nit wolt, setzt solches yeglichem zu seinem bedenken. Da zu Wien waren die heyrratten beschlossen, Dem Khünig Ludwigen Maria Khünig Philipsen obgemelt Khaisers Sun tochter, die Anna dauon oben, wardt dem Khaiser Sover seiner obermelter Engkhl khainer die name, vermaehlt, Mit dem wardt die freuntschafft zwischen dem Khaiser unnd Khünig Sigmunden verneuert, dermassen das ich auss des Khaisers mund die wort gehört hab, mit dem Khünig wohin der wolte zu himel oder zur hell faren, Khünig Ludwig (wie man sagte) war unzeitlig geborn, als on ain haut, zu früe jme der part gewachsen, unzeitlig verheyrat, unzeitlig in das Regiment Khomben, Ist auch vunzeitlig gestorben, Sein tod hat grosse beschwärdt und bekühmernuss nit allain dem Hunger Lannd, Sunder allen anrindenden auch gemainer Christenheit ptocht, Es ist gleichwol an jme die erfarnhait und merere wissenhait obgangen, So ist er doch aines gar Eerlichen treuen unnd frumen gemüets gewest, Da Soliman der Thürkhisch Khaiser in sein stüel oder Regiment zu Constantinopl gesessen, hat nach seiner Eltern gewonhait sein potschafft gen Hungern geschickht, Solche sein erhöhung verkündt, danebn wer frid oder khrieg begerte, dem stünd sein Portten offen. Die selb potschafft haben die hungern aufgehalten zu Rach, umb das des Türgken vatter, Ir postchofft auch aufgehalten, unnd in seiner hörfart mit sich geführt hette, des nit wol bedacht war, ainem mächtigern dermassen zu bewegen, Darumb auch der Türgkh nach Hungern gezogen, Khrieichisch weissenburg (welches an der Sau, wie die in die Thüernarn felt, ligt) genommen. So der Türgkh der Hungern thuen unnd mügen, erfarn, Ist Er am dritten jar wider khomen, Ueber die Saw und Traa in Hungern gernekt, wie Khünig Ludwig erinderte das der Türgkh mit seiner macht jme zdetzuge, Schigkht seinem hofmalster Trepkha genannt ain Polägkh zu Khünig Sigmunden seinem vetter in Poln, mit höchstem bitt, er wolte sich an die Grenitzen seines Reichs thuen, daselbst hin wolt er auch khumen zu berathschlagen, wie den sachen zuthun wäre, Der gesandt möchte das nit erbitten, hat er mit zäherenden augen zu dem Khünig Sigmund gesagt, du wirst deinen vetter nimer sehen, auch Khain potschafft mer von Ime haben, Es ist jaider also organgen, Khünig Sigmund zohe vorn von der Hungrischen gränitzen nach Dantzka in Preussen, Khünig Ludwig sembt seinem treuen Hofmalster zu Mehätsch umbkhumen, Unnd von Jagello der ainig Khünig Sigmund Augustus obgemelt Khünig Sigmunds des Ersteny Sun mädlichs stammens auff heut noch verhanden.

Владиславъ овладѣлъ королевствомъ Венгерскимъ съ согласія Римскаго Императора Максимиліана, который выговорилъ себѣ право наслѣдства. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Владиславъ имѣлъ только одну дочь. Для того чтобы подкрѣпить свое право на наслѣдство болѣе тѣснымъ союзомъ, Максимиліанъ началъ съ Владиславомъ переговоры о заключеніи брака между однимъ изъ его внуковъ, отъ сына Филиппа, короля Испанскаго, и Анною, дочерью Владислава. Руки Анны веѣми средствами домогался Іоаннъ Запольскій, сына Стефана, графа Сценузійскаго; онъ пользовался большимъ вліяніемъ при королѣ Матвѣѣ и даже при самомъ Владиславѣ. Сильно помогала ему его мать,

primarios quosque uiros in Comitatibus et prouincijs Hungariae, muneribus atque stipendijs annuis (quae sua lingua Iargalae uocant) inescatos, et ad quaeuis obsequia obuoxios tenebat: nihil dubitans, quin horum studijs et suffragationibus, et matrimonium istud filio conficeret, et per hoc eidem regnum pararet. quibus mulieris machinationibus ingens deinde momentum addidere nuptiae, quae inter eius filiam, Ioannis sororem et Sigismundum Poloniae regem factae sunt. His rebus animaduersis, Maximilianus hoc magis sibi, quod de matrimonio inter nepotem suum et Annam instituerat, urgendum esse ratus, cum exploratum haberet, Vuladislauum idem cupere, sed factione et studijs eorum qui Ioanni Zapolitano deuincti erant, impediri: aleam sibi iaciendam, et Hungariam armis tentandam esse putauit. quo in bello ego primum militiae tyrocinium feci. Sed cum hoc in armorum strepitu Ludouicum Vuladislao nasci contigisset, interpositis primum inducijs, ad solidiorem pacem deuentum est: quae deinde huc exijt, ut Vuladislauus cum filio iam coronato, et filia, ac huius frater Sigismundus Poloniae rex Viennam ad Maximilianum uenirent: ubi factis cum Anna sponsalibus, et extinctis omnibus simultatibus, et suspicionibus, quibsv, ob ambitionem Ioannis Zapolitani indolgebatur, principes isti perpetuo foedere sunt coniuncti. Sic autem Sigismundus rex tum Maximiliano Imp. satisfecit, seque approbauit, ut idem aliquando me audiente diceret: Se cum hoc rege, quacunque intendat, et ad superos et ad inferos esse iturum. De Ludouico uulgò dictum est, quòd immaturo partu editus, immatura aetate uxori iunctus et barbatus fuerit: ac regno quoque immaturus, immaturam mortem obierit. His uerò addi potest, quòd mors eius regno Hungariae, et omnibus uicinis, non minus immatura quàm acerba fuerit. Etsi uerò salutaribus con silijs destituebatur Ludouicus, tamen optima eum in patriam etsubditos suos mente et affectione fuisse, et quibus ea seruarentur rationibus quacessisse, constat Nam ubi cognouisset, Solimanum post Belgradum ^a captum, nouam et formidabilem expeditionem aduersus se moliri, miserat adolescens Curiae suae magistrum Polonum cognomento Trepca, ^b ad patrum suum regem Sigismundum: summis precibus oratum atque obtestatum, ut ne ad regni sui confinia accedere, ac secum caplendorum consiliorum causa conuenire grauaretur. Sed cum hoc praecise r cusatum esset a Sigismundo, Trepca cum lachrymis dixisse fertur: Nepotem tuum rex nunquam deinde uidebis, nec ullam ab eo

^a) 1563 Б. Griechischeu weissenburg. ^b) 1563 Б. Трепча; и дѣлаѣ такоѣ омнѣмъ. ^c) 1563

вдова, которая привлекла къ себѣ всѣхъ знатнѣйшихъ людей въ комитатахъ и провинціяхъ Венгріи подарками и годовымъ жалованьемъ (что называется на ихъ языкѣ *Iargalass*), и могла рассчитывать на ихъ услуги. Она нисколько не сомнѣвалась, что ихъ содѣйствіемъ состоится бракъ ея сына съ наследницею, а черезъ это отоидетъ къ нему и королевство. Интригамъ этой женщины большую важность придавъ бракъ, заключенный между ея дочерью, сестрою Іоанна, и Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ. Узнавъ объ этомъ и полагая, что тѣмъ болѣе ему нужно стараться о заключеніи брака между его внукомъ и Анною, Максимилианъ увѣрился въѣсть съ тѣмъ, что и Владиславъ желаетъ тогоже, но ему препятствуетъ въ этомъ вліяніе партіи, которая была привязана къ Іоанну Запольскому. Потому онъ полагалъ, что ему должно кинуть жребій и помогать Венгріи оружіемъ. Въ этой войнѣ я сдѣлалъ первый опытъ на военномъ поприщѣ. Но когда во время брачной тревоги у Владислава родился Лудовикъ, то сперва было заключено перемиріе, а потомъ и прочный миръ, на которомъ было положено, что Владиславъ съ сыномъ, уже коронованнымъ, и съ дочерью, и его братъ Сигизмундъ, король Польскій, пріѣдутъ къ Максимилиану въ Вѣну. Здѣсь совершенно было обрученіе Анны, и уничтожены непріязнь и всѣ подозрѣнія, возбужденныя честолюбіемъ Іоанна Запольскаго, и эти государи заключили вѣчный союзъ и дружбу. Король же Сигизмундъ совершенно оправдался передъ императоромъ Максимилианомъ и такъ удовлетворилъ его, что Максимилианъ, въ моемъ присутствіи, однажды сказалъ: За этихъ королей я пойду и въ рай и въ адъ. Объ Лудовикѣ обыкновенно говорятъ, что, родившись прежде времени, онъ прежде времени возмужалъ, женился, и преждевременно взомелъ на престолъ, также преждевременно и умеръ. Къ этому можно прибавить, что смерть его была не только преждевременна, но и горестна для Венгріи и всѣхъ сосѣдей, хотя Лудовикъ не могъ сдѣлать ничего полезнаго, однако достоверно, что онъ любилъ отечество, былъ добръ съ своими подданными и изыскивалъ средства къ ихъ спасенію. Узнавъ, что Салиманъ, по взятіи Бѣлграда, замышляетъ новый, ужасный походъ противъ него, юный король послалъ своего Гофмейстера Трепку, родомъ поляка, къ своему дядѣ, королю Сигизмунду, и заклиналъ его, чтобы онъ не вѣдннлъ себѣ въ трудъ пріѣхать на границу своего королевства и съѣхаться съ нимъ для совѣщанія. Но когда Сигизмундъ наотрѣзъ отказалъ въ этомъ, —Трепка, говорятъ, сказалъ со слезами: Король, ты никогда уже не увидишь своего племянника, и не будешь болѣе принимать отъ него посоль-

legationem audies. Idque sic evenit. Nam rege Sigismundo ab Hungariae finibus religionis praetextu longius ad Gedanum * in Prussiam abeunte, nepos eius unà cum eodem Trepcā, illa funestissima clade, quā à loco Mohaciensem uocant, est absorptus. Sed nunc ad Moscos redeo.

Basilio Ioannis^d de uxore ducenda deliberanti, consultantique, uisum tandem fuit, ut potius subditi alicuius filiam, quā externam duceret: tum ut maximis parceret sumptibus, simul ne uxorem peregrinis moribus diversaque religione imbutam haberet. Huius autem consilij Georgius cognomento Paruus, principis et thesaurarius^e et consiliarius summus, author fuit. Putabat enim, principem, filiam suam uxorem ducturum. Sed tandem publico de consilio, Boiarorum filiae numero mille et quingentae, cum in unum locum conductae essent, ut ex illis quam uellet, eligeret:^f delectu princeps habito, Salomeam, Ioannis Sapur Boiaronis filiam, contra Georgij opinionem iu uxorem elegerat.^g Ex eā porro cum ad unum et uiginti annos liberos non suscepisset, sterilitate uxoris offensus, eam eo anno quo nos Moscoviam ueneramus, nimirum 1526 in monasterium quoddam in Susdali principatu intrusit. huic Metropolitanus in monasterio lachrymanti, eiulantique, capillis primum abscissis, cum cuculla^h porrexisset, eam sibi injici haec adeo non patiebatur, ut apprehensam, in terramque proiectam cucullam pedibus calcauerit. qua rei indignitate, Ioannes Schygonā, unus ex primarijs consiliarijs, commotus, eam non solum acriter obiurgauit, sed flagello caecidit, superaddens: Tūne uoluntati Domini resistere audes? illiusque iussa capessere moraris? Hunc Salomea cum interrogaret, qua se autoritate caederet? mandato Domini, cum respondisset: animo illa tum fracto coram omnibus, quod cucullam inuita atque coacta induat, protestatur. tantaeque iniuriae sibi illatae Deum ultorem inuocat. Salomea itaque in monasterium coniecta, cum princeps Helenam filiam Knes Basilij Lintzkij Caeci, iamque uita defuncti, fratris inquam Cūcis Michaelis Litnzkij, qui tum captius detinebatur, uxorem duxisset: continuo fama exoritur, Salomeam grauidam, propeque partum esse. rumorem confirmabant duae matronae, primorum consiliariorum, Georgij parui thesaurarij, ^a et Iacobi Mazur cubicularij, uxores; aiebantque sese ex ore ipsius Salomeae auduisse, ut quae grauidam se et prope partum esse fateretur. Qua re audita, grauiter commotus princeps, utramque à se repulit: alte-

h. Dantze. d) 1557 B. Basilio Ioannis etc (см. выше по р. иъ ур. 16 лст. текста); это место въ измѣн. переп. помѣчено раче. e) 1563 B. Rendmeister. f) 1557 B. ut ex illis quae vel, elig. — итъ. g) 1557 B. contra Georgii—elegerat—итъ.

a) 1563 B. Rendmeister.

ства. Такъ это и вышло. Ибо, когда король Сигизмундъ, подѣ предлогомъ (паллигристиа?) религіи, уѣхалъ далеко отъ границы Венгріи, въ Пруссію, къ Гданску, племянникъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ же Тренкою, погибъ въ томъ ужасномъ пораженіи, которое по мѣсту называютъ Могачскимъ. Теперь я возвращаюсь къ Москвитамъ.

Когда Василій Іоанновичъ собирался жениться, — ему казалось, что лучше взять дочь кого нибудь изъ подданныхъ, чѣмъ чужестранку, какъ для того чтобы избѣжать большихъ издержекъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для того чтобы не имѣть супруги съ чужеземными обычаями и другою вѣрой. Виновиномъ этого намѣренія князя былъ Георгій, по прозванію малыи, казначей и высшій совѣтникъ князя; онъ полагалъ, что князь возьметъ въ супруги его дочь Съ общаго совѣта были собраны въ одно мѣсто дочери бояръ, числомъ 1500, для того чтобы князь выбралъ изъ нихъ супругу по желанію. По осмотрѣ, противъ ожиданія Георгія, онъ выбралъ Саломею, дочь боярина Іоанна Сабура. Въ продолженіи 21 года онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей: огорчался безплодіемъ супруги, онъ заключилъ ее въ одинъ монастырь въ суздальскомъ княжествѣ, въ тотъ самый годъ, въ который мы пріѣхали въ Москву (т. е. въ 1526 году). Она плакала и кричала, когда митрополитъ въ монастырѣ рѣзалъ ей волосы, а когда онъ подалъ ей кукуль, она не допускала надѣть его на себя и, схвативъ кукуль и бросивъ его на землю, топтала его ногами. Іоаннъ Шига, одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, негодуя на этотъ поступокъ, не только сильно бранилъ ее, но и ударилъ плетью (flagello), прибавивъ: Сябешь ли ты противиться волѣ Государя и медлить исполненіемъ его приказаній? Когда Саломея спросила, по какому праву онъ ее бьетъ? онъ отвѣчалъ: По приказанію Государя. Тогда съ разтерзаннымъ сердцемъ, она объявила передъ всѣми, что надѣвность монашеское платье не по желанію, а по принужденію, и призывала Бога въ мстители за такую несправедливость. По заключеніи Саломеи въ монастырь, князь вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью уже умершаго князя Василя Глинскаго-Слѣпаго, брата князя Михаила Глинскаго, который тогда содержался въ заключеніи. Вдругъ распространяется слухъ, что Саломея беременна и скоро разрѣшится. Этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыни, супруги первостепенныхъ совѣтниковъ, казначей Георгія малаго и постельничаго Якова Мазура; онѣ говорили, что изъ устъ самой Саломеи слышали о ея беремености и близкихъ родахъ. Услышавъ это, князь сильно смутился и удалилъ отъ себя обѣихъ боярынь, а одну, супругу

am, Georgij uxorem, etiam nerberibus affecit, quòd tempestinius de hac re ad se non retulisset. Mox ut rem compertam haberet, Theodoricum Rack ^b consiliarium, et Potat secretarium quendam, ad monasterium in quo detinebatur, mittit: illisque, ut ueritatem rei diligenter inquirerent, mandat. Quidam nobis tum Moscovitiae existentibus, sanctè affirmabant, Salomeam filium Georgium nomine peperisse: nemini tamen infantem ostendere uoluisse. Quin cognoscendae ueritatis gratia, quibusdam ad se missis, dicitur respondisse, indignos illos esse, quorum oculi infantem uiderent: dum in suam Maiestatem ueniret, matris iniuriam ulturum. quidam uerò eam peperisse, constanter negabant. Ambigua itaque ea de re est fama.

Basilij porrò Linczkij ex Lithuania profugi filiam, cur uxorem duxerit princeps, duas causas, praeterquam quòd se ex ea liberos suscepturum sperabat, fuisse accepi: tum quòd socrus genus suum duxisset ex familia Petrovuitz, quae magni quondam nominis in Hungaria erat, Graecorumque fidem sequebatur: tum quòd Michaellem Linczkij, singulari dexteritate ac rara quadam fortitudine uirum, patrum liberi habituri essent. ^c Habebat etenim princeps duos germanos fratres superstites, Georgium et Andream: atque ideo si fortè liberos ex aliqua alia uxore susciperet, eos fratribus uiuentibus, parum tutos fore in regni administratione putabat. Michaelle autem in gratiam recepto, libertatèque donato, filios ex Helena susceptos, autoritate patrum in maiore quiete futuros non dubitabat, de cuius liberatione nobis praesentibus tractabatur: quem etiam uinculis solutum, liberisque custodijs honestè mandatum, uidimus tandem libertate donatum, interque caeteros Knesos testamentò à principe nominatum, tutorem denique nepotum suorum Ioannis et Georgij institutum fuisse. Sed postea principe mortuo, cum niduam regium thorum continuò cum quodam Boiarone cognomento Ovuczina contaminantem, inque mariti fratres uinculis constrictos saeuientem, crudeliusque imperantem uideret, eam, ut honestius et sanctius uiueret, aliquoties sola pietate ac honestate adductus admonuerat: ^d sed huius illa admonitionem adeò molestè impatienterque tulit, ut mox qua ratione è medio tolleretur, consilium quaereret. causaquae reperta, Michaellem aiunt continuò prodicionis crimine fuisse insimulatum, atque in carceres rursus coniectum, miserè tandem perijsse: uiduam quoque non ita

b) 1557 B. IIpn6. Pheodor das ist Dietrichen Kockh c) 1557 B. *tum quod—essent—*
 mtr. d) 1557 B. IIpn6. Daran sy a'n beschwärdt gehabt, ain vrsach gedacht, als wollte
 derselb die Khinder und das Land dem Khunig zu Polln ubergben.

Георгія, выскѣлъ, за то что она раньше не доложила ему объ этомъ. Вскорѣ, желая узнать дѣло навѣрно, онъ послалъ совѣтника Феодорика Рака и одного дьяка, Потата, въ монастырь, гдѣ содержалась Саломея, и поручилъ имъ хорошенько развѣдать истину. Нѣкоторые, въ нашу бытность въ Москвитин, утверждали намъ за истину (*sanctè*), что Саломея родила сына, именемъ Георгія, однако никому не хотѣла показывать ребенка. Когда къ ней были присланы люди, чтобы узнать истину, она, говорить, отвѣчала, что они недостойны, чтобы глаза ихъ видѣли ребенка, и что когда онъ облечется въ свое Величіе (взойдетъ на престолъ?), то отомститъ за оскорбленіе матери. Нѣкоторые же постоянно не хотѣли признать за истину, что она родила. И такъ слухъ объ этомъ двойнаго рода.

Я слышалъ, что князь по двумъ причинамъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Василя Глинскаго, бѣжавшаго изъ Литвы, сверхъ того, что онъ надѣялся имѣть отъ нея дѣтей: во первыхъ, потому что его тестъ велъ свой родъ отъ фамиліи Петровичей, которая нѣкогда въ Венгріи была весьма знаменита, и исповѣдывалъ греческую вѣру; во вторыхъ, потому что дѣти его имѣли бы (въ такомъ случаѣ) дядю Михаила Глинскаго, мужа особенно оныгнаго въ дѣлахъ и отличавшагося рѣдкою храбростію. Ибо князь имѣлъ двухъ родныхъ братьевъ еще здравствовавшихъ, Георгія и Андрея, и потому полагалъ, что его дѣти, если онъ будетъ имѣть ихъ отъ другой супруги, при жизни его братьевъ, не будутъ безопасно обладать царствомъ. Снявъ опалу съ Михаила и освободивъ его, онъ не сомнѣвался, что его сыновья отъ Елены, подъ вліяніемъ дяди, будутъ въ большой безопасности; объ освобожденіи Михаила разсуждали въ нашу бытность. При насъ сняли съ него оковы и отдали на поруки, а наконецъ дали и полную свободу; въ завѣщаніи Государя онъ былъ поименованъ между прочими князьями, и наконецъ назначенъ опекуномъ своихъ племянниковъ, Іоанна и Георгія. По смерти князя, видя, что его вдова оскверняетъ царское ложе съ однимъ бояриномъ, Овчиною, безчеловѣчно поступаетъ съ братьями мужа, заключивъ ихъ въ оковы, и управляетъ весьма жестоко—Михаилъ увѣщевалъ ее, чтобы она вела жизнь болѣе честную и добродѣтельную, руководясь при этомъ единственно родственною любовью и своею честностію. Но она худо приняла его увѣщанія, и съ того времени начала искать средствъ къ его гибели. Говорятъ, что Михаилъ скоро былъ обвиненъ въ измѣнѣ, снова брошенъ въ темницу, и наконецъ жалкою смертію погибъ; вдова въ непродолжительномъ времени

diu post ueneno sublatum, * Ovuczina uerò adulterum in partes dissectum fuisse. Matre itaque è medio sublata, maior natu filius Ioannes 1528, anno natus, in regno successit. †

Religio.

Russia ut coepit, ita in hunc usque diem in Fide Christi ritu Graeco perseverat. Habuit Metropolitanum, quondam residentem in Chiovuia, dein in Wuolodimeria, nunc vero in Moscovuia. Post, cum Metropolitana septimo quoque anno Russiam Litvuanorum imperio subjectam inviserent, exactisque nummis inde redirent, hoc Wuitoldus, n: videlicet provinciae suae argento exhaurirentur, ferre noluit. Cavqocatis itaque episcopis, proprium Metropolitanum constituit, qui nunc Wuilnae, metropoli Litvuaniae, suam fidem habet: quae etsi Romanum ritum sequatur, plura tamen templa Ruthenici, quam Romani ritus, in ea cernuntur. Caeterum metropolitanae Rhutheni auctoritatem suam a patriarcha Constanti-nopolitano habent.

Rhutheni in Annalibus suis aperte gloriantur, ante Wuolodimerum et Olham, terram Russiae esse baptizatam et benedictam ab Andrea Christi apostolo, quem ex Graecia ad ostia Borysthenis venisse ipsi affirmant: et adverso flumine ad montes, ubi nunc Chiovuia est, navigasse, atque ibi omnem terram benedixisse et baptizasse: crucem suam illic collocasse, praedixisseque magnam ibi Dei gratiam, multasque Ecclesias Christianorum futuras. Post inde usque ad fontes Borysthenis pervenisse in Wuoloklacum magnum, et per fluvium Lovuat descendisse in Ilmer lacum: unde per fluvium Wuolchovu, qui ex eodem lacu fluit, Novoogardiam: inde fluvio eodem in Ladoga lacum, et Heua flu. atque in mare quod ipsi Wuaretzkoiae appellant, nos Germanicum, inter Wuinlandiam et Livuoniam, Romam navigando perrenisse. Postremo in Peloponneso propter Christum, ab Ago Antipatro crucifixum fuisse. Haec Annales ipsorum.

Eligebantur quondam Metropolitanae, ^{a)} item Archiepiscopi, convocatis omnibus Archiepiscopis, Episcopis, Abbatibus et Prioribus monasteriorum, inquirebatur vir sanctioris vitae per monasteria et heremos, eligebaturque. Hunc vero principem ajunt ad se certos

e) 1557 B. *viduam—sublatum—мать*. f) 1557 B. *уруб*. (häus) herst—wie man sagt wuetterichisch.

a) 1557. B. Metropolitan.

также была отравлена ядомъ, а обольститель ея Овчина разсѣченъ на части. По смерти матери, старшій сынъ Іоаннъ, родившійся въ 1528 году, наследовалъ царство.

Религія.

Руссія, какъ начала такъ и до сего времени, твердо пребываетъ въ вѣрѣ христіанской по греческому закону. Ея митрополиты, (ihг Metropolitan) нѣкогда имѣли свое мѣстопробываніе въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ, нынѣ же въ Москвѣ. Митрополиты, каждыя семь лѣтъ, посѣщали Руссію подвластную литовцамъ, и возвращались оттуда съ собранными дарами. Но Витолдъ не захотѣлъ болѣе допускать этого, именно для того чтобы не вывозилось серебро изъ его областей. Собрать для того епископовъ, онъ поставилъ собственнаго митрополита, который нынѣ имѣетъ свое пребываніе въ Вильнѣ, столицѣ Литвы. Хотя Литва и слѣдуетъ римскому закону, однако въ ней видно русскихъ храмовъ болѣе, чѣмъ Римскихъ. Впрочемъ русскіе митрополиты имѣютъ свое воставленіе отъ константинопольскаго патріарха (ihг authoritet und ansähen).

Русскіе въ своихъ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что, прежде Владиміра и Ольги, земля русская была крещена и благословлена Андреемъ, Христовымъ апостоломъ. Они говорятъ, что Андрей пришелъ изъ Греціи къ устью Борисоевскаго поплыль вверхъ по рѣкѣ къ тѣмъ горамъ, гдѣ нынѣ Кіевъ, и тамъ благословилъ и крестилъ всю землю (alle einwoner); что онъ поставилъ тамъ свой крестъ и предсказалъ, что на этой землѣ будетъ великая милость Господа и много христіанскихъ церквей, что потомъ оттуда онъ дошелъ до потоковъ Борисоевскихъ, къ большому озеру Волокъ и по рѣкѣ Ловати спустился въ озеро Имень, оттуда по рѣкѣ Волхову, которая течетъ изъ этого озера, онъ прибылъ въ Новгородъ, оттуда, по тойже рѣкѣ, въ Ладожское озеро, и рѣкой Говою въ море, которое они называютъ Варяжскимъ, мы же, на пространствѣ между Финляндіею и Ливоніею, Германскимъ, и морскимъ путемъ прибылъ въ Римъ; наконецъ, что въ Пелопонесѣ онъ былъ распятъ за Христа Агомъ Антипатромъ. Это рассказываютъ ихъ лѣтописи.

Нѣкогда митрополитъ, также архіепископы, были избираемы на соборы изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа святой жизни и избирали его. Про нынѣшняго же князя говорятъ, что онъ обыкновенно призываетъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ (ettliche gewüsse personen),

convocare solere, atque ex eorum numero unum suo iudicio deligere. Erat eo tempore, cum Caesaris Maximiliani Oratorem Moscovitiae agerem, Bartholomaeus ^{b)} Metropolita, vir sanctae vitae: cumque princeps violasset iuramentum, per se et ipsum Metropolitam duci Semefitz ^{c)} praestitum, et alia quaedam de ignasset, quae videbantur contra auctoritatem illius esse, accessit principem, et inquit: ^{d)} Dùm omnem auctoritatem ^{e)} tibi usurpas, ideo officio meo praeesse non possum. Porrecto quae sibi baculo suo, quem in modum crucis ferebat, officium resignat. Princeps baculum cum officio sine mora suscipit, atque pauperem cathenis vinctum, continuo Bielogesero ^{f)} mittit. Ajunt hunc ibi aliquandiu in vinculis fuisse: liberatum tamen post, priusquam in monasterio reliquum vitae exegisse. Huic metropolita Daniel quidam XXX fere annos natus homo corpore robusto atque obaeso, facie rubenti, succedit: qui ne ventri magis quam jejuniis, vigiliis ac orationibus deditus videretur, quoties actum publicum esset celebraturus, sulphuris fumo tum faciem, ut impallescere, inficere, atque ita pallore imbutus, in publicum prodire solebat.

Sunt et alii duo Archiepiscopi in dominio Mosci, in Novuogardia, scilicet Magrici et Rostoff. ^{a)} item Episcopi Tvuerensis, Resnensis, Smolensis, Permiae, Susdali, Columnae, Czernigovniae, Sari. ^{b)} Hi omnes Metropolitae Moscovitico subjecti sunt. habent autem suos proventus certos ex praediis, et aliis extraordinariis, ut vocant, accidentalibus: castra autem, civitates, aut illam administrationem secularem (ut vocant) non habent: carnibus perpetuo abstinent. Abbates duos tantum in Mosco via esse reperi: Priores vero monasteriorum plurimos, qui omnes arbitrio ipsius Principis, cui nemo resistere audet, eliquuntur.

Priores quomodo eligantur, ^{c)} ex cujusdam Warlami, Prioris Hntteniensis monasterii, anno 7034. instituti, literis, ex quibus capita rerum dun taxat excepsi, apparet. Principio fratres alicujus monasterii, Magno duci supplicant, ut idoneum Priorem eligat, qui eos divinis praeceptis instituat. Electus autem, priusquam confirmetur a principe, cogitur se iuramento atque inscriptione obstringere, quod velit in eo monasterio juxta sanctorum patrum

b) 1560. B. Wartholomei. — c) 1549. B. Saemaetitz. — d) 1563. E. Und so sprach er. — e) 1551. E. potestatem. 1563. E. Gewalt. — f) 1551. Belogesero. 1557. B. Bielogesero. 1563. p. weithin.

a) 1563. E. мѣръ. 1567. E. мѣръ. unnd. andere Mehr. b) 1567 E. сръ item — Sari — мѣръ. c) 1557. B. aussgerucht.

и изъ нѣхъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію. Въ то время, когда я былъ въ Московіи въ качествѣ посланника цесаря Максиміліана, митрополитомъ былъ Варѣоломей, мужъ святой жизни. Когда князь нарушилъ клятву, данную имъ и самимъ митрополитомъ князю Шемячичу, и сдѣлалъ нѣкоторыя другія распоряженія, которыя, по видимому, не приличествовали его власти (auch etwas anders begangen das seiner Autoritet nit wol angestanden), Варѣоломей пришелъ къ князю и сказалъ: Такъ какъ ты присвоиваешь всю власть себѣ, то потому я не могу отпирать мою должность,—и протянувъ къ нему посохъ, который былъ у него сдѣланъ на подобіе креста, онъ отказался отъ своего сана. Князь тотчасъ принялъ посохъ вмѣстѣ съ отказомъ отъ должности и, заключивъ бѣднаго Варѣоломея въ оковы, немедленно отправилъ на Бѣлоозеро. Говорятъ, что онъ нѣкоторое время былъ содержимъ въ оковахъ, потомъ однакожь освобожденъ и частнымъ человекомъ провелъ остатокъ жизни въ монастырѣ. Въ митрополіи ему наслѣдовалъ нѣкто Даниилъ, едва тридцати лѣтъ отъ роду, человекъ съ здоровымъ и тучнымъ тѣломъ и съ краснымъ лицомъ. Для того чтобы не казаться преданнымъ болѣе желудку, чѣмъ постамъ, бдѣнію и молитвѣ, онъ всякій разъ, какъ намѣревался публично отправлять богослуженіе, обыкновенно дѣлалъ свое лице блѣднымъ съ помощью сѣрнаго дыма и въ такомъ видѣ выходилъ предъ народъ.

Во владѣніяхъ московскаго князя есть еще два другихъ архіепископа— въ Новгородѣ, именно Магріцій и въ Ростовѣ; также Епископы: Тверской, Рязанскій, Смоленскій, Пермскій, Суздальскій, Коломенскій, Черниговскій, Сарскій. Всѣ они подчинены Московскому митрополиту. Они имѣютъ свои извѣстные доходы отъ помѣстьевъ и другихъ, какъ они называютъ, печальныхъ случаевъ; но неимѣютъ замковъ, городовъ и никакого, какъ они называютъ, мірскаго управленія. Отъ мяса ⁴ постоянно воздерживаются. Я узналъ, что въ Московіи только два Архимандрита, Игуменовъ же очень много и всѣ они избираются по волѣ Князя, которому никто не смѣетъ сопротивляться. Какимъ образомъ набираются игумены, явствуетъ изъ посланія нѣкоего Варлаама, игумена Хутынскаго Монастыря, поставленнаго въ 7034 г. отъ С. М. [1526]; изъ посланія я извлекъ только главныя статьи. Сначала братія какаго нибудь монастыря умоляетъ великаго князя избрать имъ способнаго игумена, который быставлялъ ихъ въ божественномъ ученіи. Прежде нежели князь утвердитъ избраннаго, тотъ долженъ obligаться клятвою и записью, что будетъ жить въ этомъ монастырѣ благочестиво и свято, по

constitutionem pie et sancte vivere: omnes Officiales juxta majorum consuetudinem, consentientibus etiam senioribus fratribus, assumere: singulis officiis fideles praeficere, atque commodum monasterii diligenter procurare: de negotiis et rerum causis, cum tribus aut quatuor senioribus deliberare, factaque deliberatione, negotium ad totum Collegium fratrum referre, atque eorum communi sententia de rebus decernere, constituereque: non lautius privatim vivere, sed in eadem mensa perpetuo esse, et communi cibo cum fratribus uti: omnes census et redditus annuos diligenter colligere, ac in thesaurum monasterii fideliter reponere. Haec sub magna poena, quam sibi infligere Princeps potest, item privatione officii, servaturum se promittit. Obstringunt se iuramento quoque ipsi seniores fratres, praedicta omnia sese servaturos, ac Priori instituto fideliter et fedulo obtemperaturos.

Sacerdotes seculares ut plurimum consecrantur hi, qui diu apud ecclesias tanquam diaconi servierunt. In diaconum autem nemo consecratur, nisi conjugatus. unde plerunque et nuptias celebrare. et in gradum Diaconatus simul ordinari solent. Sivero sponsa aliqujus diaconi male audit. tum in diaconum, nisi integrae famae uxorem duxerit, non consecratur. Mortua conjuge, sacerdos a sacris obeundis prorsus suspenditur: si caste tamen vivit. officiis ac aliis rebus divinis, cum caeteris ecclesiae ministris, choro tanquam minister interesse potest. Erat quidem antea consuetudo, ut vidui caste viventes, sine reprehensione sacra peragerent. Sed nunc mos invaluit, ut nullus viduorum ad sacra facienda permittatur, nisi monasterium aliquod ingrediatur, juxtaque regulam vivat.

Quicumque sacerdos viduus, ad secundas nuptias, quod cuique liberum est, transierit, si nihil habet cum clero commune: item nullus sacerdotum aut sacru obire, aut baptizare, aut alio quovis fungi munere audet, nisi diacono praesente.^{d)}

Sacerdotes in ecclesias primum tenent locum.^{e)} Et quicumque illorum contra religionem aut officium sacerdotale quavis ratione fecerit, iudicio^{f)} spirituali subjicitur. Si vero furti aut ebrietatis accusatur, aut in aliud id genus vicii inciderit, a seculari magistratu, ut vocant, punitur. Vidimus Moscoviae ebrios sacerdotes publice verberari: qui aliud nihil querebantur, quam sese a servis, et non a Boiarone^{g)} caesos esse.

Paucis retroactis annis, quidam Principis locum tenens, sacerdotem in furto deprehensum, laqueo suffocari fecit. quam rem Metropolita

d) 2557- A. — нѣтъ. e) 1563. B. Katheder.

a) 1563. E. von Reitterlichem Stande.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О ПРОВИНЦИАЛЬНОМЪ БЫТѢ

ФРАНЦІИ ВЪ ЭПОХУ ЛУДОВИКА XIV.

**Три публичныя лекціи Пр. М. Стасюлевича, читанныя въ залѣ
С. П. Университета. 1859.**

**Въ Редакцію Сборника, издаваемого студентами
С. П. Б. Университета.**

Я имѣлъ честь получить отъ Г. Профессора-Редактора А. В. Никитенко предложеніе Редакціи помѣстить мои публичныя лекціи въ Приложеніи ко II-му тому Сборника. Цѣль, съ которою я читалъ публичныя лекціи, составляетъ одну изъ цѣлей Сборника, и потому я, препровождая при семъ экземпляръ лекцій, спѣшу выразить какъ готовность, такъ и признательность Редакціи за новый случай для меня принять ближайшее участіе въ достиженіи ея благородныхъ цѣлей. Самое назначеніе моихъ лекцій даетъ Редакціи полное право на ихъ текстъ.

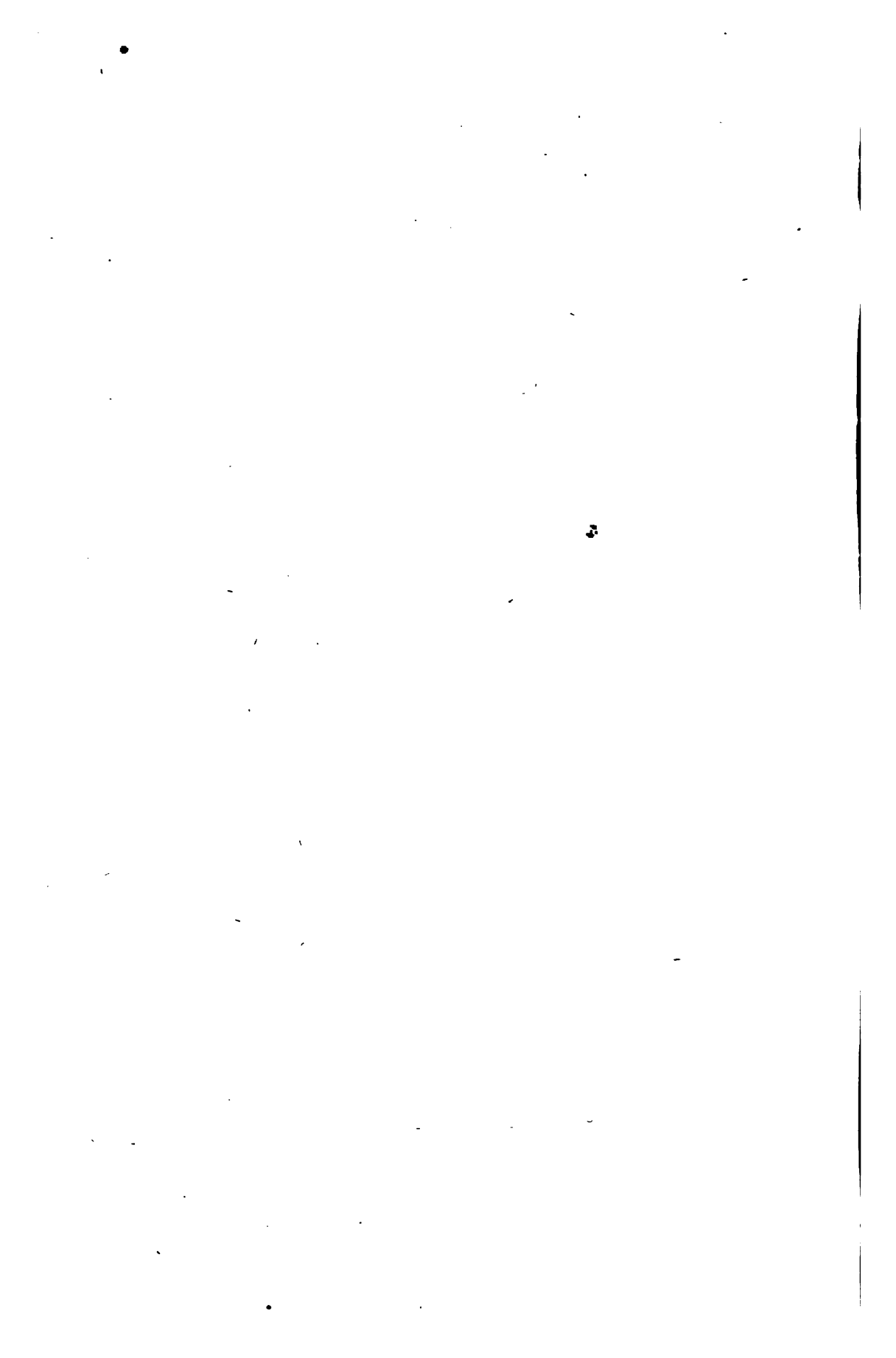
Передаю Редакціи этотъ текстъ въ томъ первоначальномъ видѣ, какъ были читаны лекціи, за исключеніемъ двухъ мѣстъ. Въ моей заранѣ составленной программѣ начало второй лекціи.

какъ она была прочитана, предназначалось для заключенія первой, и только по недостатку времени я долженъ былъ переставить части моей программы. Въ печати я позволяю себѣ возвратить программѣ ея первоначальный видъ. Кромѣ того, въ чтеніи, отнеся заключеніе первой лекціи къ началу второй, весьма естественно я долженъ былъ распространить текстъ и мѣстами измѣнить; въ печати я возвращаю и тексту его первоначальный видъ. Второе измѣненіе относится къ началу второй лекціи, гдѣ я замѣнилъ опущенное и перемѣщенное въ окончаніе первой лекціи небольшою вставкою; это—критическая замѣтка, которая была бы утомительна при чтеніи, и которая сдѣлалась неизбѣжною въ печати.

Снисходительное вниманіе публики къ моимъ лекціямъ не давало мнѣ права искать повторенія ихъ типографскимъ станкомъ. Я увѣренъ, что и Редакція Сборника хочетъ воспользоваться своимъ правомъ на мои лекціи не по ихъ достоинству, но по желанію помѣстить въ Сборникѣ живое доказательство того участія, которое принимаетъ наше сословіе не только въ интеллектуальной, но даже и въ матеріальной судьбѣ своихъ адептовъ.

М. Стасюлевичъ.

Октября 12 дня 1839.
С. Петербургъ.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

19 Генваря.

Мм. Гг. Нашъ Университетъ открываетъ въ первый разъ свою аудиторію для публики, готовясь на дняхъ праздновать 40 лѣтъ своего существованія. Университетъ не могъ бы избрать ничего болѣе соотвѣтственнаго своему назначенію для кануна своего сороколѣтняго юбилея. Мы желали бы въ эту минуту увѣрить общество, что мы, въ своихъ уединенныхъ трудахъ, часто далекихъ отъ насущныхъ его потребностей, никогда не упускаемъ изъ виду, что служеніе обществу должно всегда оставаться для насъ главною и существенною цѣлью труда. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы доказываемъ, что намъ памятна исторія нашего происхожденія и понятно то названіе, которое носить на себѣ наше учрежденіе. Университетъ, какъ онъ явился въ первый разъ въ XII-мъ столѣтіи, не былъ основанъ по мысли или волѣ какого нибудь лица, какъ основывается та или другая школа. Университетъ явился прямо изъ общества въ отвѣтъ на потребности, которыя волновали его тогда безсознательно. Нѣсколько лицъ, въ которыхъ голосъ этихъ потребностей говорилъ громче и яснѣе, соединялись между собою съ цѣлью трудиться для познанія истиннаго, добраго и справедливаго, однимъ словомъ для науки, и въ этой-то формѣ явился первый Университетъ. Новѣйшая европейская наука и этотъ главный ея представитель, можно сказать, родились, какъ родилась Минерва въ прекрасномъ и полномъ высокаго смысла мифѣ древнихъ Грековъ. У Юпитера болѣла голова, какъ болѣло все общество западной Европы послѣ тяжелыхъ трехъ столѣтій IX, X и XI, эпохи грубыхъ нравовъ и еще болѣе грубыхъ насилій. Вулканъ разсѣкъ голову Юпитеру, и изъ его головы вышла Мудрость-Минерва въ своей панопліи, въ своемъ всеоружіи. Такимъ Вулканомъ для XII столѣтія были крестовые походы; мечъ крестоносца разсѣкъ очумленную голову средневѣковаго обще-

ства, и изъ его головы въ XII стол. родилась новая жизнь въ новыхъ формахъ; въ XII стол. явилась въ первый разъ городская община и вмѣстѣ съ нею община людей, посвятившихъ себя наукѣ; и та, и другая приняли названіе коммюны (commune), или на латинскомъ языкѣ Universitas, община. Въ новѣйшее время, конечно, мы строимъ, основываемъ университеты; можно назвать годъ и день, когда тотъ или другой университетъ получилъ свое начало; но и до сихъ поръ университетъ долженъ считать настоящимъ временемъ своего основанія ту счастливую эпоху, когда ему предоставлена возможность въ первый разъ получить свое общественное значеніе, а этого онъ можетъ достигнуть, если я не ошибаюсь, удовлетворяя своею дѣятельностью правильнымъ потребностямъ живой жизни окружающаго общества.

Таково назначеніе университетской дѣятельности; но оно достигается путемъ медленнаго развитія науки въ нашихъ скромныхъ аудиторіяхъ. Что же касается до настоящихъ бесѣдъ, то я прошу смотрѣть на нихъ какъ на желаніе Университета засвидѣтельствовать свое уваженіе къ обществу, которое высылаетъ къ намъ изъ среды себя свою юность, свои будущія надежды. Особенная цѣль нашихъ лекцій Вамъ извѣстна самимъ; обязанность каждой общины облегчить несправедливость слѣпой судьбы къ ея членамъ, весьма часто достойнѣйшимъ, но лишеннымъ матеріальныхъ средствъ къ поддержанію своего благороднаго труда: въ достиженіи этой цѣли мы обязаны Вашему участію; что же до меня, то я спѣшу воспользоваться такою прекрасною цѣлью, чтобъ за нею укрыться самому; на этотъ разъ я могу повторить извѣстное начало Макиавели и просить Васъ, ради нашей цѣли, извинить мнѣ мои средства.

Мм. Гг. Предметъ нашихъ бесѣдъ относится къ эпохѣ XVII-го столѣтія. Мы привыкли обыкновенно прошедшее XVIII столѣтіе считать эпохою революціи; но, если мы ближе всмотримся въ характеръ событій XVII-го столѣтія, вѣка Людовика XIV, то мы безъ сомнѣнія согласимся, что въ XVII столѣтіи произошелъ не менѣе важный переворотъ въ общественныхъ правахъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Все XVII-ое столѣтіе было продолжительною революціею, въ главѣ которой стояли одинъ за другимъ Генрихъ IV, Ришелье, Мазарини; Людовикъ XIV воплощаетъ въ себѣ и вмѣстѣ заключаетъ эту столѣтнюю революцію, точно также какъ Наполеонъ воплотилъ въ себѣ революцію прошедшаго столѣтія. До XVII столѣтія во Франціи не было и идеи о той строгой централизаціи государства, которая окончательно сложилась въ эпоху Людовика XIV. Каждая провинція.

каждый городъ имѣли свою отдѣльную жизнь, свою хроникъ, свои войны, своихъ великихъ людей; хотя еще въ средніе вѣка феодальныя бароны признали надъ собою верховную власть королей, но они не вполне утратили свои феодальныя привилегіи, которыя дѣлали ихъ маленькими деспотами въ своихъ провинціяхъ. При такомъ положеніи Франціи, задача революціи XVII столѣтія была ясна: надобно было уничтожить дробность государственной жизни и вызвать сознаніе ея цѣлости. Но какимъ образомъ была разрѣшена такая задача? Если справедливо обвиняютъ революцію XVIII столѣтія въ утопіи, точно также справедливость требуетъ сознаться, что революція XVII столѣтія не избѣгла общей участи революцій, и, можетъ быть, превзошла многія изъ нихъ своимъ утопическимъ направленіемъ. Уничтожить всякое проявленіе отдѣльной жизни во имя общей, отвлеченной жизни государства—вотъ была задача, которую преслѣдовали болѣе или менѣе сознательно Генрихъ IV, Риклье и Людовикъ XIV. Замѣчательно, что каждое изъ этихъ лицъ характеромъ своей государственной дѣятельности какъ бы осуществляетъ тѣ отдѣльные періоды революціи, въ порядкѣ которыхъ обыкновенно совершаются перевороты. Я сравнилъ бы эпоху Генриха IV съ Національнымъ Собраніемъ Большой Французской революціи; при Генрихѣ IV новыя идеи только что выступаютъ въ борьбу съ старымъ порядкомъ вещей; Риклье воплощаетъ въ себѣ эпоху терроризма; его палачъ работалъ не менѣе гильотины. При Людовикѣ XIV революція достигаетъ апогея своего развитія, противникъ совершенно истребленъ, и новыя идеи о централизаціи осуществлены такъ, какъ едва ли когда либо удавалось осуществленіе какой нибудь утопіи. Людовикъ XIV совершенно справедливо сравнивалъ себя съ солнцемъ, къ которому тяготѣютъ всѣ остальные планеты; въ его знаменитой спальнѣ въ Версальской кровати была поставлена прямо противъ восточнаго окошка кровать, какъ бы для того, чтобы утромъ солнце неба и земли могли присутствовать другъ друга. Въ этомъ сравненіи былъ одинъ недостатокъ, но такой важный, что онъ уничтожаетъ все прочее сходство. Солнце не заимствуетъ свой свѣтъ и тепло у предметовъ нѣмъ освящаемыхъ и согреваемыхъ, а центральное солнце Франціи заимствовало свой блескъ у тѣхъ же, на кого оно бросало свои лучи. Изъ центра должна была разливаться жизнь на провинціи, а эта центральная жизнь не была чѣмъ нибудь самостоятельнымъ, какъ самостоятеленъ свѣтъ солнца; эта центральная жизнь нуждалась сама въ искусственныхъ мѣрахъ, въ огромной администраціи, огромномъ войскѣ, однимъ словомъ огромныхъ финансахъ; а послѣднее должно было

быть извлекаемо изъ экономической жизни провинцій. Тутъ кончается сходство Лудовика XIV съ солнцемъ, и тутъ же начинается утопія. Исторія, ослѣпленная внѣшнимъ блескомъ эпохи Лудовика, предлагаетъ намъ всегда исторію Версаля, выдавая ее за исторію Франціи, и потому неудивительно, если наше воображеніе, вслѣдъ за исторіею, представляетъ себѣ Лудовика XIV государемъ съ неограниченною властью, съ непреклонною волею; но на дѣлѣ, и даже въ самомъ центрѣ своего господства, Лудовикъ XIV является намъ въ чрезвычайной зависимости всякій разъ, когда дѣло идетъ о главномъ источникѣ блеска и могущества центральной администраціи, о финансахъ. При централизациі доходъ составляетъ главный нервъ всего государственнаго организма; выборъ средствъ къ доходу поставляетъ администратора въ самое критическое положеніе: одною рукою надобно уничтожать то, что дѣлаетъ другая. Лудовикъ XIV зналъ на примѣрѣ, что еретики-протестанты составляютъ самое трудолюбивое и полезное сословіе въ государствѣ; но, съ другой стороны, онъ не менѣе зналъ, что католическое духовенство во Франціи, освобожденное отъ податей, владѣетъ огромными богатствами и въ то же время ненавидитъ протестантовъ, имѣвшихъ причинны отказываться быть овцами католической паствы. Лудовику нужны деньги; онъ понимаетъ, что распространеніе промышленности и труда есть лучший доходъ, но нужно время, чтобы дождаться плодовъ, а деньги нужны сегодня, иначе административная машина остановится. Государственный смыслъ указываетъ Лудовику настоящій путь; его административныя утопіи уводятъ его на другую дорогу. Въ 1670 г. Лудовикъ XIV былъ еще молодъ и находился въ лучшей порѣ своей славы; въ это время Лудовикъ XIV любилъ; при Дворѣ господствовала М-ше de Montespan; и молодость и любовь отворачиваются отъ преслѣдованій; но, не смотря на то, непобѣдимый Лудовикъ XIV былъ побѣжденъ. До насъ сохранились протоколы, procès-verbaux, генеральныхъ собраній духовенства Франціи при Лудовикѣ XIV. Они къ сожалѣнію еще не изданы, но ихъ публикація будетъ важнымъ приобрѣтеніемъ для исторической науки. Года три тому назадъ, одинъ изъ современныхъ намъ ученыхъ, О. Лапфрей, воспользовался этими рукописными протоколами и сдѣлалъ изъ нихъ большое извлеченіе въ своемъ сочиненіи: *L'église et les philosophes au dix-huitième siècle*. Я пользуюсь этимъ извлеченіемъ, чтобы познакомить васъ съ новою и до сихъ поръ мало извѣстною, но полною интереса стороною правленія Лудовика XIV. Мы увидимъ на этотъ разъ Лудовика въ такой роли, которая никакъ не соотвѣтствуетъ нашимъ идеямъ о его могуществѣ,

основанномъ на наружномъ блескѣ его правленія. Быть можетъ, мы тогда придемъ къ иному результату и скажемъ: еще однимъ великимъ человѣкомъ меньше! Лудовику XIV досталось самому быть свидѣтелемъ паденія своей славы. Мы укажемъ на причины такого явленія; такое отступленіе подготовить насъ вмѣстѣ къ лучшему уразумѣнію нашего главнаго предмета; явленія общественнаго быта въ провинціи, далеко отъ Версаля, будутъ для насъ новатиѣе, когда мы познакомимся съ востоящимъ характеромъ власти Лудовика въ одно время и безпредѣльной и ограниченной до того, что Лудовикъ XIV долженъ былъ заглушить въ себѣ голосъ сердца и лучшіе государственные инстинкты, чтобы оставаться вѣрнымъ своимъ политическимъ принципамъ.

Извѣстно, что во Франціи духовенство собиралось каждые пять лѣтъ, чтобы представлять королю съ своей стороны денежную помощь на государственныя потребности; такая помощь называлась *les dons gratuits*, добровольныя приношенія. Каждый разъ между собраніемъ и министрами короля, не смотря на названіе приношеній, происходила отчаянная борьба. Духовенство пользовалось удобнымъ случаемъ, чтобы вынудить у Правительства новыя привилегіи и торговалось; министры хотѣли принудить духовенство нести повинности наравнѣ съ прочими сословіями; въ этомъ случаѣ Лудовикъ не требовалъ ничего болѣе, какъ того же, чего требовала въ послѣдствіи революція. Мы находимся въ 1660 г.; Мазарини только что умеръ; Лудовикъ XIV входитъ съ хлыстомъ въ рукѣ въ Парламентъ. Въ этомъ же году открываются съ обычными церемоніями Генеральныя собранія духовенства; духовенство недовольно; Мазарини его постоянно обманывалъ своими обѣщаніями; духовенство представило молодому королю свои неудовольствія въ формѣ жалобы на протестантовъ. Вотъ отрывокъ изъ обвинительнаго акта: «Мы протестуемъ противъ права реформаторовъ строить храмы, противъ ихъ притязанія имѣть собственныя больницы, свои училища, которыя увеличиваются во многихъ городахъ, свои кладбища и свои академіи. Эти злоупотребленія доказываютъ насиліе, которое претерпѣли католики отъ еретиковъ.» Не забудьте, что еретиковъ въ то время не считалось болѣе 100,000, между тѣмъ какъ католическая паства равнялась нѣсколькимъ милліонамъ; но обвинительному акту милліоны претерпѣваютъ насиліе отъ горсти людей; все это напоминаетъ басню Волкъ и Ягненокъ, съ тѣмъ только различіемъ, что Волкъ по крайней мѣрѣ дѣйствуетъ откровенно и говорить безъ обиняковъ:

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочешь мнѣ кушать!

Въ заключеніе обвинительный актъ требуетъ, чтобы «еретики были наказываемы тѣлесно, какъ того требуютъ ордонысы Карла IX; были удалены отъ всѣхъ государственныхъ должностей; хотя Нантскій Эдиктъ и допускаетъ еретиковъ въ государственныя должности, но такая привиллегія противна божескимъ, человѣческимъ и церковнымъ правамъ; она противна божескимъ правамъ, потому что вредитъ благоденствію нашей религіи (волокъ былъ гораздо откровеннѣе и прямо сослался на желудокъ); она противна и человѣческимъ, потому что законъ запрещаетъ давать должности врагамъ религіи; все это сказано въ постановленіяхъ Императоровъ Константина, Граціана и Валентиніана». Въ то время интендантомъ финансовъ былъ d'Aligre; онъ явился въ собраніе и настаивалъ на обязанности духовенства нести государственныя повинности безусловно; собраніе раздражено и отказывается даже и въ добровольныхъ приношеніяхъ. Министръ уступаетъ и дѣлаетъ обѣщаніе удовлетворить требованіямъ духовенства; духовенство уступаетъ и дѣлаетъ обѣщаніе удовлетворить требованіямъ министра. Проходитъ нѣсколько мѣсяцовъ, но министръ ничего не исполнилъ, за то ничего и не получилъ. Тогда онъ является въ 4-й разъ съ руками, полными ордонавсовъ противъ еретиковъ; это его векселя, которые онъ надѣется размѣнять на звонкую монету. Бѣдный Алигръ знаетъ на сколько положеніе короля не выгодно и унижительно; онъ маскируетъ это положеніе цвѣтами риторики: «Messieurs, говоритъ онъ, ваши требованія вовсе не были обязательны для доброй воли его величества; онъ соглашается на нихъ совершенно охотно, предупреждая тѣмъ ваше приношеніе. Облако, которое могло пробѣжать по челу его величества, какъ слѣдствіе небольшого жара нашихъ преній, не произвело ничего другого кромѣ росы, которая осадилась въ теплый ложъ различныхъ постановленій и указовъ, которые мы и представляемъ вамъ въ знакъ своего расположенія къ вамъ». За этимъ слѣдуетъ 15 указовъ противъ протестантовъ. Но это физическое объясненіе происхожденія росы и дождя не произвело большого результата, потому что требованія духовенства были выполнены не всѣ; d'Aligre требовалъ 4 милліона ливровъ; духовенство предлагаетъ 180,000, и послѣ комическаго торга соглашается на 2 милліона. Таковъ былъ первый дебютъ Лудовика. Въ 1665 году новое собраніе; тому же d'Алигрю поручаютъ вести торгъ съ духовенствомъ: «Господа, при входѣ въ залу я почувствовалъ подѣ влияніемъ блеска вашихъ лицъ и пурпурныхъ одеждъ, эффектъ лучей рождающейся Авроры на статую Мемнона, ея сына, которыми она одушевляла статую каждое утро и приводила ее въ сотрасеніе, которое вызы-

вало гармоническіе звуки на цитрѣ, находившейся въ рукахъ статуи». Далѣе онъ въ прозѣ выразилъ сущность дѣла: «казна его величества пуста», и заключилъ словами: «господа, мы не опредѣляемъ суммы, но вы примите въ соображеніе и качество того, кто требуетъ, и справедливость того, что требуютъ». На этотъ разъ Собраніе поступило весьма энергически: оно представило королю составленный духовенствомъ указъ противъ еретиковъ, по параграфамъ. Такимъ образомъ, почти въ одно и то же время, Лудовикъ готовился давать предписанія Европѣ и получалъ предписаніе самъ. Вотъ извлеченіе изъ этого знаменитаго ордонанса 1665 года:

§ 1. Запретить католикамъ отказываться отъ ихъ религіи для обращенія къ реформѣ. (Съ боку помѣчено королемъ: его величество удерживаетъ за собою право подумать объ этомъ).

§ 4. Закрыть университеты, академіи и школы, гдѣ реформаторы обучаютъ наукамъ и своей теологіи, въ Сомюрѣ, Шатильонѣ, Седанѣ и проч. (Замѣтка Короля: Его Величество исполнить).

§ 6. Судебныя королевскія должности вручать однимъ католикамъ, точно также какъ и прочія должности въ бюро.—(Помѣчено королемъ: его величество исполнить).

§ 7. Отнять у реформаторскихъ консисторій ихъ имущество. (Помѣчено королемъ: поручить это комиссарамъ.)

§ 18. Его Величество откажется отъ всякаго покровительства реформаторамъ, потому что оно даетъ имъ возможность возвращать его подданныхъ съ пути истины.

(Помѣтка короля: его величество общается). (1)

Духовенство на этотъ разъ пришло въ восторгъ, и дало королю 4-милліона ливровъ; въ 1666 году эти параграфы повлекли за собою притѣсненія протестантовъ; какой убытокъ принесли подобныя преслѣдованія въ промышленности, а слѣдовательно и въ общественной экономіи, это вычислить трудно, но едвали это не превышало 4 милліоновъ ливровъ. Третье собраніе было въ 1670 году, когда только что Лудовикъ заключилъ блестящій Ахенскій миръ, принеший ему даромъ нѣсколько крѣпостей на нидерландской границѣ. Тотъ же д'Алигръ является предъ собраніемъ духовенства, и на этотъ разъ превосходитъ себя въ краснорѣчіи: «Господа, я признаюсь, что видъ вашего вслнчественнаго собранія меня смутилъ противъ всякаго ожиданія, потому что я имѣлъ счастье нѣсколько разъ входить въ ваше собраніе и

(1) О Лане. 14 стр. и слѣд.

пользоваться его расположеніемъ; мои глаза, хотя и слабые, не должны были бы смущаться ослѣпительнымъ блескомъ Вашихъ лицъ и пурпуровыхъ одѣяній. Между тѣмъ я испытываю обратное и признаюсь, что во мнѣ вовсе нѣтъ той прирожденной способности, по которой орлята смотрятъ прямо на солнце. Поразительный свѣтъ столькихъ звѣздъ меня ослѣпилъ, и, въ эту минуту, я потерялъ бы свой даръ слова, если бы не чувствовалъ подкрѣпленія въ благосклонномъ взорѣ нашего верховнаго солнца, которое укрѣпило мое зрѣніе и дало мнѣ рѣшимость представить вамъ его ордонансы. Я называю солнцемъ нашего несравненнаго монарха Франціи, и я полагаю, что я даю ему титулъ справедливо не только въ отношеніи къ Франціи, но и ко всей вселенной; при блестящихъ лучахъ нашего солнца первыя звѣзды другихъ государствъ блѣднѣютъ и теряютъ свой свѣтъ». Всѣ эти метафоры, комическія на языкѣ государственнаго чловека, кончились обычною просьбою: «Господа, мы просимъ васъ открыть руки вашего огромнаго сословія, чтобы помочь королю частью своихъ богатствъ». Подобными словами можно просить только милостыню, и эти слова сказалъ министръ Лудовика XIV, въ самую блестящую эпоху его славы. Я не буду Васъ утомлять, Милостивые Государи, рассказомъ подробностей результата новаго торга Лудовика XIV съ духовенствомъ; достаточно сказать, что товаромъ были тѣ же протестанты и связанное съ ними благосостояніе государства, менѣе блестящее, но болѣе прочное. Дѣло кончилось къ обоюдному удовольствію; 1 Августа 1670 года изданъ былъ новый эдиктъ противъ еретиковъ; духовенство сдѣлало небольшую уступку, оно не требовало срыгтія церквей протестантскихъ, но просило ихъ только перенести на другія мѣста, подальше отъ населенныхъ городовъ; впрочемъ, духовенство и при этомъ имѣло въ виду, что зданіе не иначе переносится, какъ прежде срывается; всѣ остальные условія, менѣе двусмысленныя, были приняты безусловно; въ церквахъ пѣли *Nosanna in excelsis*; Лудовикъ получилъ 2 милліона 400 т. ливровъ отъ духовенства съ небольшимъ замѣчаніемъ: *La séance ordonne qu'il faudra faire savoir à Sa Majesté que l'effort, qu'elle fait est un effet de son entière confiance en sa parole royale*, т. е. «Засѣданіе повелѣваетъ дать знать его величеству, что усиліе пожертвованія, которое дѣлаетъ церковь, есть результатъ ея полной увѣренности въ королевскомъ словѣ». Какъ ни ясенъ въ этихъ словахъ намекъ на бывшее, когда слово не всегда сдерживалось, но это не помѣшало сдѣлать надпись на докладѣ: *Le roi, charmé de ce présent, qui dépasse ses espérances, fait répondre que cette confiance ne sera pas trompée et fait abandon de 200.000*

livres» т. е. король, восхищенный этимъ подаркомъ, который превосходитъ его надежды, приказываетъ отвѣтить, что это довѣріе не будетъ обмануто, и возвращаетъ изъ подарка 200 т. ливровъ». Мы остановимся на этомъ; могущество Лудовика XIV даже въ самомъ центрѣ государства представляется намъ теперь далеко уже не въ томъ блескѣ, какимъ насъ ослѣпляетъ исторія, рисуя намъ его побѣды и версальскія празднества. Теперь насъ менѣе удивить въ той эпохѣ и сцена провинціального быта Франціи, который я избралъ предметомъ для нашихъ настоящихъ бесѣдъ. На пути нашего изслѣдованія мы встрѣтимъ явленія болѣе поразительныя тѣхъ, которыя мы встрѣтили въ центрѣ административной жизни Франціи. Вся администрація, мы увидимъ, была направлена къ одной цѣли: сдѣлать провинціи источникомъ дохода и средствомъ къ административной жизни государства; на дѣлѣ всегда выходитъ другое: правительство получаетъ незначительную часть дохода, а самая большая часть остается въ рукахъ сборщиковъ податей: правительство, находясь въ такомъ положеніи, имѣетъ одно средство пополнить недостатокъ: увеличить налоги. Судебная администрація представляетъ тѣже недоразумѣнія; правительство отняло судъ и расправу у феодальныхъ бароновъ и взяло на себя контроль надъ правосудіемъ; при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ правительства и тутъ результаты были совершенно обратные. Правительство вышло себя постоянно въ безвыходномъ положеніи: ему приходилось въ одно и тоже время никому не вѣрить и безпрестанно повѣрять; едва учрежденъ какой нибудь новый контроль, какъ оказывалась необходимость надъ новымъ контролемъ еще болѣе новаго контроля. Въ средневѣковое время судебная власть находилась въ частныхъ рукахъ; бароны въ своихъ владѣніяхъ были почти верховный судья; это было полное self-government, но осуществленное въ самомъ безобразномъ видѣ. Революція XVII-го столѣтія поставила себѣ задачею искоренить такое зло; но уничтожая одну утоню, революція впала въ другую. Участіе въ судѣ было совершенно исторгнуто изъ частныхъ рукъ и сдѣлалось достояніемъ одной администраціи. Мѣсто бароновъ заняли les gouverneurs et les intendants; они были представителями правительства, ихъ назначеніе было стереть частное самоуправство бароновъ; но они были неограничены, какъ самое правительство; правительство думало держать ихъ въ своихъ рукахъ, какъ свои креатуры; правительство при этомъ преслѣдовало самую высокую цѣль, но въ ней былъ одинъ недостатокъ: она была недостижима. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше такой картины администраціи: правительство стоитъ выше всякаго личнаго

интереса и заботится только объ обществѣ благѣ; оно избираетъ достойнѣйшихъ для осуществленія своихъ цѣлей; эти достойнѣйшіе избираютъ въ свою очередь людей благонадежныхъ въ свои помощники и т. д., однимъ словомъ образуется цѣлая лѣстница администраторовъ, изъ которыхъ каждый въ одно и тоже время подчиненъ высшей инстанціи и самъ надзираетъ за нижшею; государственные интересы, поднимаясь съ самаго дна, восходятъ по этой лѣстницѣ тщательно обдуманьными, очищенными до самаго центра администраціи, и на оборотъ по этой же лѣстницѣ сходятъ заботы центрального правительства объ общественной жизни. Нельзя себѣ представить болѣе величественной картины государственной жизни и нельзя потому не пожалѣть, что она рассчитана не на людей, и въ практикѣ ея примѣненіе приводитъ прямо къ противоположному результату. Правительство для искорененія злоупотребленій самоуправства находится въ необходимости дать неограниченную власть своимъ агентамъ, но, безъ гласности, не имѣетъ средствъ устроить новыя злоупотребленія, которыя могутъ возникнуть отъ самовластиа его же собственныхъ представителей; правительство думаетъ назначить интендантомъ человека достойнаго и назначаетъ доманика дади или что нибудь тому подобное. Чтобы дать Вамъ съ перваго слова идею, наприимѣръ, о состояніи суда и расправы при Лудовикѣ XIV, позвольте прочесть письмо, писанное къ министру Лудовика XIV Кольберу изъ одной отдаленной провинціи Франціи, Оверни, и помѣщенное въ любознательномъ собраніи, изданномъ въ 50 годахъ подъ заглавіемъ: *Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV*, T. I, стр. 9 и 10: «Безмолвны въ Оверни сдѣлались такъ часты и совершаются всѣми такъ обыкновенно, что я счелъ своею обязанностью довести до Вашего свѣдѣнія, что всѣ и въ особенности чиновники, каждый въ своемъ округѣ, укрываютъ виновныхъ вмѣсто того, чтобы ихъ наказать. Я указываю Вамъ на это, Monseigneur, по поводу драки, которая произошла въ прошедшемъ посту, между шестью лицами; изъ нихъ одинъ La Sale, королевскій друбачъ, убилъ Верри, служившаго въ полку Мазарини, занимавшемъ гарнизонъ въ маленькомъ городкѣ пр. Лимузинна, называемомъ Борть. Мѣстное начальство, осведомившись о томъ, нарядило большое слѣдствіе; но при помощи 600 ливровъ, которые были собраны участниками преступленія, La Sale убѣдилъ судью сжечь всѣ протоколы этого дѣла и составить вмѣсто ихъ другіе, изъ которыхъ было бы видно, что это не было убійство а дуэль, и что Верри былъ убитъ другимъ. «За тѣмъ корреспондентъ Кольбера сообщаетъ ему новыя подвиги La Sale въ этомъ же родѣ и кото-

рые остались также безнакаванными и продолжаетъ далѣе»: я умоляю Васъ всенижайше, Monseigneur, дѣйствовать такъ, чтобы это письмо не попало въ руки пріятелей La Sale, которые служатъ при Дворѣ; но будьте увѣрены, что все мною сообщенное совершенно справедливо; отецъ убитаго, получившій недавно извѣстіе о своемъ несчастіи, при первомъ случаѣ отправится жаловаться лично Королю, и подтвердитъ Вамъ все, за что вышеупомянутый La Sale долженъ быть наказанъ. Я прошу Васъ, Monseigneur, принять мое уваженіе, съ которымъ и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ приписка:

P. S. «Всѣ честные люди будутъ Вамъ обязаны, если Вы доведете это дѣло до свѣдѣнія короля, но сдѣлайте то такъ, чтобы это мое письмо осталось въ секретѣ, à cause du seigneur qui a pris l'argent, et qui est à craindre, т. е. потому что того господина, который получилъ взятку, надобно бояться». Смыслъ этой прибавки весьма ясенъ; судья, получившій 600 ливровъ за поддѣлку протокола, очевидно, имѣетъ сильную руку. И такъ, въ то время, когда Лудовикъ XIV думалъ, что все трепещетъ предъ нимъ, что боялся только его одного, было много еще и другихъ, которыхъ должно было бояться, надобно было бояться судью въ мѣстечкѣ Бортѣ, и кому нужно было бояться? корреспонденту Кольбера, находившемуся подъ покровительствомъ перваго министра Лудовика XIV; надобно было бояться даже и трубача La Sale, если тотъ имѣлъ покровительство въ высшихъ сферахъ.

Мнѣ остается въ заключеніе нашей первой бесѣды сказать нѣсколько словъ объ общемъ планѣ нашего краткаго курса и о главнѣйшихъ источникахъ, изъ которыхъ я буду почерпнуть данныя для составленія общей картины провинціального быта Франціи въ эпоху Лудовика XIV. Избранный мною предметъ могъ бы наполнить собою курсъ несравненно обширнѣе нашего; еще болѣе богато это время источниками, въ числѣ которыхъ много и мемуаровъ и оффиціальныхъ документовъ. Я назвалъ нѣкоторые изъ нихъ; при случаѣ я назову и другіе. Но теперь я останавлиюсь на одномъ историческомъ памятникѣ, который обращаетъ на себя особое вниманіе и полнотою картины и интересною личностью самого автора, котораго жизнь могла бы сама по себѣ служить зеркаломъ нравовъ современнаго ей общества. Наконецъ, этотъ памятникъ относится какъ разъ къ тому времени, когда молодой Лудовикъ началъ самодержавное управленіе, по смерти Мазарини, и къ одной опредѣленной мѣстности, что очень важно для насъ, когда мы хотимъ сжать картину своего предмета въ самую ограниченную рамку курса. Я разумѣю подъ

этимъ памятникомъ весьма интересный и оживленный журналъ путешествія въ Овернь (Auvergne), предпринятый однимъ молодымъ человекомъ сопровождавшимъ туда своего питомца вмѣстѣ со всѣмъ его семействомъ, въ качествѣ домашняго учителя. Этотъ домашній учитель былъ знаменитый въ послѣдствіи кардиналъ Fléchier. Его произведеніе осталось извѣстнымъ подъ именемъ *Mémoires sur les Grands Jours d'Auvergne*. 1665. Сынъ бѣднаго торговца, но получившій прекрасное воспитаніе въ одномъ монастырѣ, Флешье поступилъ въ духовное званіе. Молодой аббатъ, слѣдуя всеобщему увѣченію, явился въ Парижъ; съ своимъ умомъ, образованностью и въ особенности съ поэтическимъ талантомъ онъ сдѣлался скоро извѣстнымъ въ высшемъ кругу Парижа; въ 1662 году ему было только 30 лѣтъ, и онъ получилъ мѣсто домашняго учителя въ одномъ богатомъ семействѣ у Комартена, принадлежавшаго къ высшимъ сферамъ тогдашней бюрократіи. Годъ спустя послѣ своей вторичной женитьбы, Комартенъ долженъ былъ ѣхать по дѣламъ службы въ Овернь; съ нимъ отправилась его вторая жена и молодой аббатъ Флешье. Въ гостиницѣ М-те Комартенъ будущій кардиналъ получилъ свое свѣтское образованіе и приобрѣлъ тотъ особенный и пріятный характеръ, который сохранялся неизмѣннымъ до конца его жизни. Сдѣлавшись въ послѣдствіи епископомъ и кардиналомъ, Флешье не утратилъ свѣтскихъ привычекъ молодаго аббата; «какъ я былъ обрадованъ, пишетъ онъ одной великосвѣтской дамѣ, когда послѣ скучнаго объѣзда своей епархіи, я нашелъ у себя такое пріятное чтеніе, какое только могутъ доставить мнѣ Ваши стихи. Я думалъ, что мое вниманіе теперь сосредоточено на заботахъ о паствѣ и выполненіи правилъ церкви, а между тѣмъ я чувствую, что я люблю сонеты, стансы и идилліи».....

Ко всему этому я долженъ присоединить черту изъ политическаго характера нашего будущаго источника. Флешье обнаруживалъ въ политической сторонѣ своего характера большую честность, и сдѣлавшись кардиналомъ, не измѣнилъ, что случается рѣдко, убѣжденіямъ молодаго аббата. Получивъ въ управленіе епархію города Нима, онъ былъ поставленъ въ необходимость преслѣдовать протестантовъ; но Флешье употребилъ все зависѣвшее отъ него къ слягченію жестокихъ мѣръ католическаго духовенства противъ еретиковъ. Не удивительно послѣ того, что и въ журналѣ своего путешествія въ Овернь онъ указываетъ съ полнымъ безпристрастіемъ на недостатки провинціального католическаго духовенства и его пороки, такъ что даже въ настоящее время новѣйшее изданіе журнала Флешье, въ 1844 году,

вызвало большое неудовольствіе клерикальной партіи противъ издателя. Послѣ всего сказаннаго нами, можно утверждать положительно, что нашъ руководитель имѣлъ всѣ средства, чтобы сдѣлать интересными свои наблюденія; онъ поѣхалъ въ провинцію съ весьма важнымъ должностнымъ лицомъ, у котораго онъ жилъ и которое отправилось по личному порученію короля; Флешье могъ потому многое знать и былъ вездѣ принятъ. При его аналитическомъ, наблюдательномъ умѣ, ничто не ускользнуло отъ его вниманія; онъ занесъ въ свои мемуары и судебные процессы, и балы, которые давались въ честь его патрона, и разговоры провинціальныхъ дамъ, и описаніе ихъ нарядовъ; онъ дѣлалъ *partie de plaisir* въ сосѣднія деревни; былъ помѣщикомъ, ихъ отношенія къ крестьянамъ нашли также себѣ мѣсто въ мемуарахъ остроумнаго аббата. Наконецъ, что въ особенности увеличиваетъ цѣну мемуаровъ Флешье, его мемуары были писаны не съ официальною цѣлью; онъ писалъ ихъ по порученію М-ше de Caumartin съ тѣмъ, чтобы вечеромъ въ кругу ближайшихъ друзей сообщать свои путевыя наблюденія; если и можно потому подозрѣвать Флешье иногда въ красномъ словцѣ, то въ его мемуарахъ нельзя встрѣтить за то официальної лжи, которая стоить много краснаго слова. Но Флешье, какъ ловкій человекъ, не забылъ, что нужно заглаживать дань и современному обществу. Съ этою цѣлью онъ написалъ кромѣ мемуаровъ, гдѣ онъ излагаетъ свое путешествіе и дѣло порученное его патрону для изслѣдованія въ настоящемъ его видѣ, также и поэму на латинскомъ языкѣ на тотъ же самый предметъ. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ сравнить сарказмы, которыми осыпалъ Флешье отправленныхъ вмѣстѣ съ нимъ королевскихъ чиновниковъ и данъ удивленія ихъ талантамъ, дѣятельности и честности, которою наполнена латинская поэма; если исключить одного византійскаго писателя, написавшаго двѣ противоположныя картины изъ времени Юстиніана Великаго, то Флешье едва ли не единственный писатель, который сумѣлъ одною рукою написать и истинное и официальное.

ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.

26-го Генваря.

Мм. Гг. Я указалъ причины, которыя побудили меня въ нашемъ краткомъ изслѣдованіи остановиться преимущественно на авторитетѣ Флешье. Конечно его мемуары относятся только къ одной провинціи Франціи, но именно на долю только этой провинціи досталось имѣть такого отчетливаго и полнаго свидѣтеля, какимъ былъ Флешье для Оверни. Представляя отдѣльную провинцію, какъ образецъ вообще провинціального быта Франціи я никого не ввожу въ заблужденіе, потому что я отъ своихъ слушателей не скрываю процесса своихъ изслѣдованій, тѣхъ мыслекъ, на которыхъ я основываю свое заключеніе отъ части къ цѣлому. Наконецъ я не нарушаю общепринятыхъ законовъ исторической критики; или по крайней мѣрѣ я потрѣбную вѣстѣ съ такими историками, какъ наприм. Гизо, который для того, чтобы дать понятіе вообще о провинціальномъ управленіи въ Римской Имперіи, разбираетъ управленіе одной изъ префектуръ.

Конечно, сочиненіе Флешье относится къ 1665 году, слѣдовательно только къ пятому году дѣйствительно самостоятельнаго управленія Лудовика XIV. Печальное положеніе Оверни не есть, конечно, результатъ его управленія. Все это справедливо, но еще справедливѣе то, что послѣдующее управленіе Лудовика XIV не улучшило провинціального быта; скорѣе на оборотъ, оно сдѣлалось хуже, особенно со времени уничтоженія Нантскаго эдикта, когда въ систему управленія были введены драгонады. И такъ, если я избираю самое начало правленія Лудовика, то меня скорѣе можно будетъ упрекнуть въ пристрастіи къ Лудовику XIV, но никакъ не въ несправедливости; я выбралъ эпоху относительно лучшаго состоянія провинціального быта во Франціи во второй половинѣ XVII столѣтія. Наконецъ событіе, описанное Флешье, принадлежитъ къ числу тѣхъ административныхъ мѣръ, которыя были приняты именно Лудовикомъ XIV для улучшенія провинціального быта; въ этомъ случаѣ меня нельзя будетъ упрекнуть въ анахронизмѣ.

Овернь, одна изъ самыхъ гористыхъ частей Франціи, перерѣзаная отрогами Севеннъ, менѣе другихъ была доступна для центральной власти. Нынѣ желѣзная дорога приводитъ въ Овернь, въ главный ея городъ Клермонъ, въ 12 часовъ изъ Парижа; въ 10 часовъ утра выходитъ поѣздъ на станціи Орлеанской желѣзной дороги, и въ 10 часовъ 30 минутъ вечера того же дня въ

въ Клермонѣ. Но въ то время были нужны иногда цѣлыя недѣли тяжелаго путешествія, и путешествія весьма дорогаго, которое теперь дѣлается за 50 франковъ. Въ XVII столѣтіи на скалахъ еще гнѣздились замки бароновъ, утратившихъ политическую самостоятельность, но обратившихся въ самовластныхъ помѣщиковъ, смѣявшихся надъ всѣми попытками центральной власти положить предѣлъ ихъ деспотизму. Французская война при Мазарини въ Оверни произвела болѣе безпорядковъ, чѣмъ гдѣ нибудь; помѣщики вели войну другъ съ другомъ, грабили сосѣднія деревни; королевскіе чиновники или не имѣли средствъ или находили удобнымъ закрывать глаза на все, что дѣлалось въ провинціи. Безнаказанность доходила до того, что королевскія приказанія не имѣли никакой силы, при всемъ могуществѣ Людовика XIV. Очень часто, рассказываетъ Fléchier, смертельный приговоръ былъ провознесенъ и подтвержденъ королемъ, но никто не смѣливался привести его въ исполненіе. Королевскіе судьи нашли наконецъ средство исполнять буквально королевскія повелѣнія и не вооружать противу себя помѣщиковъ. Если виновный имѣлъ большую силу, то его оставляли въ покоѣ и дѣлали его изображеніе изъ воску; палачъ торжественно на площади казнилъ куклу; при этомъ, замѣчаетъ Флешье, не рѣдко осужденные на смерть сами присутствовали при своей казни, и никто не смѣлъ ихъ схватить. На нашей послѣдней бесѣдѣ мы читали письмо изъ Оверни къ Кольберу; оно дорисовываетъ положеніе французской провинціи въ XVII столѣтіи. Боало сказалъ въ шутку Людовику XIV: Государь для васъ нѣтъ ничего невозможнаго; Вы хотѣли написать худыя стихи и Вы написали ихъ; но Боало не могъ бы сказать того же самаго, если бы дѣло шло объ искорененіи зла въ администраціи и бытѣ самаго общества. Непоколебимая власть Людовика XIV, подчинившая себѣ всю Европу, очень часто разбивалась о власть какого нибудь интенданта провинціи, какого нибудь даже мелкаго чиновника.

Но такова судьба той утопіи, которую думалъ осуществить Людовикъ XIV своею государственною дѣятельностью. Ея послѣдствія повторились вездѣ, гдѣ только она была практикована. Система правленія Людовика XIV не была чѣмъ нибудь новымъ; предъ глазами Людовика XIV могла быть величественная картина подобной же администраціи въ древнемъ Римѣ и Византіи. Въ Византію явился посолъ изъ Западной Европы къ Императору Никифору, которому въ Византіи пѣли гимны о его непобѣдимости и страхѣ, который онъ наводитъ на невѣрныхъ. На обратномъ пути посолъ получаетъ отъ Императора грамоту, повѣлявшую оказывать послу на дорогѣ всякую помощь и снаб-

жать его лошадьми для подводъ. На отдаленномъ концѣ имперіи близъ границъ, послу случилось у чиновника требовать лошадей, посолъ представилъ Императорскую грамоту, но чиновникъ замѣтилъ въ чемоданѣ кусокъ парчи, который ему понравился. Посолъ не хотѣлъ уступить, и за это простоялъ на мѣстѣ 21 день. Но обратимся къ Оверню и къ Лудовику XIV. Губернаторомъ Оверня былъ герцогъ Бульонъ, мало походившій на предводителя первыхъ крестоносцевъ. Кольберъ и Лудовикъ XIV знали его нравы; Кольберъ получилъ въ одно время съ извѣстнымъ Вамъ письмомъ, другое письмо и также изъ Оверня отъ Интенданта Pomereuil (*Correspondance administrative. s. Louis XIV, T. II, 18 и 19*). Позвольте мнѣ заставить современника говорить за себя: «Я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени герцогъ Бульонъ, губернаторъ провинціи, слишкомъ интересуется господиномъ Massiac d'Espinachal, который всѣмъ извѣстенъ своими черными поступками. Всѣ дворяне увѣряютъ, что Герцогъ Бульонъ ходатайствуетъ предъ королемъ помиловать Эспиншала; а я знаю самъ, что кавалеры губернатора, шесть недѣль тому назадъ, провожали Эспиншала для того, чтобы на мѣстѣ повѣрить нѣкоторые пункты его оправданія. Онъ ѣхалъ съ ними въ сопровожденіи 40 всадниковъ, и это обстоятельство мнѣ показалось оскорбительнымъ; но что меня болѣе всего удивило: двѣ недѣли тому назадъ изъ Оверня прибылъ комиссаръ съ 5 или 6 жандармами и съ указомъ конфисковать все недвижимое имущество Эспиншала, вслѣдствіе исполненія смертнаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ, и кромѣ того особый королевскій указъ схватить его, если то возможно, *si faire se peut*, и заключить. Въ это самое время, не смогря на указъ короля, губернаторъ пишетъ крестьянамъ мѣстечка Массіака, принадлежавшаго Эспиншалу, и приказываетъ имъ сохранять доходы своего помѣщика; онъ возлагаетъ на нихъ отвѣтственность за все, и объявляетъ, что Эспиншала на возвращеніи потребуетъ отъ нихъ отчета».

«Это противорѣчіе королевскихъ указовъ съ одной стороны, и предписаній губернатора провинцій съ другой вывудило меня просить васъ, какъ то я и дѣлаю, чтобы или увѣдомили меня, дѣйствительно ли король желаетъ, чтобы Эспиншала преслѣдовали помимо Герцога Бульона, или пусть напоминаютъ ему самому о королевской волѣ, съ тѣмъ, чтобы въ провинціи не видѣли, какимъ образомъ онъ дастъ явное покровительство челоуѣку, противъ котораго Его Величество издало такой строгій указъ. Вы можете себѣ представить дурное вліяніе этого примѣра; въ слѣдствіе того преступникъ въростаеъ въ глазахъ тѣхъ, кото-

рые считаютъ его погибшимъ. Все дворянство его укрываетъ; военные отряды, посланные схватить его, сами предупреждаютъ его; онъ не спитъ никогда двухъ ночей въ одномъ мѣстѣ и ходитъ непроходимыми дорогами съ свитою 25 человекъ, участниковъ его преступленій; потому и неудивительно, что они отрядами военными не могли его поймать».

«Я произвожу теперь самую строгую ревизію, и трудно сыскать гдѣ нибудь большій безпорядокъ. Я нашелъ налоги, сдѣланные безъ высшихъ предписаній, безъ повелѣній совѣта; множество жестокихъ помѣщиковъ, (*des gentilshommes tyrans en quantité*) такъ что въ этой странѣ мнѣ есть на чемъ показать свою власть и строгость». Лудовикъ XIV и самъ не былъ равнодушенъ къ этимъ безпорядкамъ; онъ писалъ другому интенданту, той же Оверни, и по другому по подобному же случаю: «что касается до помилованія, то не должно бояться, чтобы я давалъ его такъ легко. Я знаю, что этимъ я только подержу безпорядки, а къ моему сердцу ничто такъ не близко какъ желаніе, чтобы на будущее время въ моемъ государствѣ никакое преступленіе не оставалось безнаказаннымъ, *je n'ai rien plus à coeur que d'empêcher qu'à l'avenir il ne s'en commette aucune violence impunément dans mon royaume*». Прекрасныя слова и за этимъ послѣдовалъ еще болѣе прекрасный поступокъ: 31-го Августа 1665 года былъ изданъ королевскій указъ о принятіи дѣйствительныхъ мѣръ къ уничтоженію злоупотребленій въ Оверни.

«Лудовикъ, милостью Божіей, король Франціи и Наварры и проч. Необузданность войнъ вѣнскихъ и внутреннихъ, которыя 30 лѣтъ сряду опустошали наше государство, не только ослабили силу закона и дѣйствіе указовъ, но еще ввели многія злоупотребленія, какъ въ управленіи финансовъ, такъ и въ судебномъ, первомъ и главномъ предметѣ нашего вниманія; то, что, послѣ завоеваній, общественной безопасности, возстановленія финансовъ и торговли, особенно заняло насъ, это именно воцареніе правосудія; мы убѣждены, что нѣтъ ничего, что обязываетъ насъ такъ предъ подданными и налагаетъ отвѣтственность предъ Богомъ, отъ котораго одного мы получили нашу корону; но такъ какъ насъ извѣстили, что зло особенно сильно въ провинціяхъ удаленныхъ отъ нашего Парламента, что законы тамъ презираются и народъ подверженъ всякаго рода притѣсненіямъ и насиліямъ, что люди слабые и беззащитные не находятъ никакого покровительства у правосудія, что дворяне очень часто злоупотребляютъ довѣріемъ и совершаютъ поступки недостойные ихъ рожденія, и что къ тому слабость чиновниковъ такъ велика, что преступленія оста-

ются безнаказанными, то потому для противодѣйствія этимъ безпорядкамъ, которыхъ увеличеніе со временемъ можетъ угрожать нашей королевской власти, ослабить власть нашихъ судовъ и уничтожить значеніе подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ, мы опредѣляемъ назначить новый судъ или засѣданіе, называемое въ народѣ подъ именемъ Великихъ-Дней, *les Grands-Jours*, и открыть ихъ въ нынѣшнемъ году въ Клермонѣ для провинцій верхняго и нижняго Оверня, Бурбонне, Ниверноа и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ X параграфовъ инструкціи съ самымъ обстоятельнымъ описаніемъ круга дѣятельности членовъ суда Великихъ-Дней, съ цѣлью предупредить всякое злоупотребленіе, которое въ свою очередь можетъ произойти отъ новаго учрежденія, назначеннаго для искоренія злоупотребленій.

Учрежденіе чрезвычайнаго суда, названнаго народомъ *les Grands-Jours*, относится еще къ XIII столѣтію, когда королевская власть начала замѣтно возвышаться надъ самовластіемъ феодалныхъ бароновъ. Филиппъ Августъ, Лудовикъ IX Святый выбирали изъ Парламента членовъ и отправляли ихъ въ провинціи, гдѣ народъ испытывалъ всего болѣе притѣсненій; время такого суда было отдохновеніемъ для беззащитнаго народа, и онъ называлъ это время Великими Днями. Такіе Великіе дни хотѣлъ сдѣлать и Лудовикъ XIV для провинцій, болѣе другихъ пострадавшей отъ самовластія помѣщиковъ и чиновниковъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, результаты далеко не соответствовали намѣреніямъ, воодушевлявшимъ правительство. Причины такого явленія мы найдемъ легко, если познакоимся съ главнѣйшими лицами, составлявшими комиссію Великихъ дней, и которыхъ потоку народъ обыкновенно называлъ *Messieurs les Grands-Jours*. Президентомъ Комиссіи былъ назначенъ Novion, какъ сказано въ королевскомъ ордонансѣ, «нашъ возлюбленный и вѣрный совѣтникъ, предсѣдатель Парижскаго Парламента». Еще при Мазарини былъ составленъ секретный списокъ всѣхъ членовъ Парламента съ подробными замѣтками о ихъ нравственныхъ качествахъ, способностяхъ и наклонностяхъ; тамъ мы находимъ и характеристику Новіона: «это человѣкъ сомнительный и ненадежный, большой интересанъ и нерѣшителенъ въ поступкахъ: довольно ловкій въ судебныхъ дѣлахъ; имѣетъ свой кружокъ (за *cabale*), составленный изъ родственниковъ и друзей; трудился постоянно надъ пріобрѣтеніемъ новыхъ приверженцевъ». Изъ другихъ членовъ замѣтимъ: 1, «Jean Lescot, также возлюбленный и вѣрный совѣтникъ и членъ Парижскаго Парламента; въ секретныхъ мемуарахъ о немъ сказано: «ханжа и мелочной человѣкъ; тяжелаго ума, но способенъ; хорошій судья, но медлителенъ; большой говорунъ;

много думаетъ о себѣ и упрямъ». 2, Pressu: честный человѣкъ, но терпѣть не можетъ занятій и труда; любитъ развлеченія; натуры довольно кроткой». 3, Vazsan: «добрый человѣкъ, уживчивый, общительный, но слабый, непослѣдовательный; имѣетъ отвращеніе къ службѣ; отличный охотникъ и держитъ при себѣ охоту; не интересанъ». 4. Barillon: «не безъ способностей; но не пріученъ къ судебнымъ дѣламъ; не интересанъ; преданъ Двору; самый лучший другъ графини; посѣщаетъ только знатныхъ, къ нему не имѣютъ довѣрія за его тщеславіе и суетность». 5, Achilles Barantin: «человѣкъ грубый, докучливый, честолюбивый, упрямый; хороший хозяинъ; не имѣетъ въ камерѣ ни друзей, ни довѣрія; весьма богатъ». Очень немногіе изъ этой комиссіи имѣли безукоризненную репутацію; между тѣмъ эта комиссія получала неограниченную власть на жизнь и имущество, безъ всякой амелляціи. Видно, что Лудовику XIV не были представлены секретныя замѣтки; ему указали въ послѣдствіи на одно только неудобство: председатель Великихъ-Дней Новіонъ имѣлъ въ Оверни двухъ зятей Ribeuze и Tubeuf, съ которыми былъ въ родствѣ и генеральный прокуроръ Великихъ дней M. de Talon. Cet avis vient trop tard; это извѣстіе опоздало, отвѣтилъ Лудовику XIV. Въ эту же Коммисію былъ назначенъ и Caumartin, вице-президентомъ. Хотя Флешье весьма натурально не говоритъ ничего дурнаго о своемъ покровителѣ, но изъ его дѣятельности виденъ знатный бюрократъ, который при всякомъ случаѣ показывается своею величавою небрежностью, что онъ дѣлаетъ большую честь обществу, посвящая службѣ свои досуги. Такимъ образомъ представился случай и его домашнему учителю Fléchier сопровождать своего патрона въ Овернь, быть свидѣтелемъ засѣданій Великихъ дней и записать въ своемъ дорожномъ журналѣ все видѣнное и слышанное въ провинціи въ теченіи слишкомъ 4 мѣсяцевъ, отъ 25 Сентября 1665 года до 4 Февраля 1666 года. Комартенъ везъ съ собою свою мать и молодую жену; Новіонъ, президентъ, взялъ съ собою двухъ пожилыхъ дочерей, предъ которыми онъ разыгрывалъ всегда роль самаго изящнаго кавалера; Талонъ, генеральный адвокатъ, ѣхалъ въ сопровожденіи матери, которая не могла рѣшиться отпустить своего сына одного, потому что на ней лежала забота о хозяйствѣ, и въ важныхъ случаяхъ она облегчала и его государственныя занятія, такъ что на дѣлѣ она и была генеральнымъ прокуроромъ. Флешье говоритъ о ней, какъ объ одномъ изъ главныхъ лицъ между Messieurs les Grands-Jours. Только что она прибыла въ Клермонъ, какъ взяла на себя устроить городскую полицію и спеціально занялась предметомъ, близкимъ къ домашнимъ интерес-

самъ-посѣщеніемъ магазиновъ. М-me de Talon сочла своею обязанностью удешевить цѣну продуктовъ; какъ хорошая хозяйка она не забыла и съѣстныхъ припасовъ. Въ то время, когда Messieurs les Grands-Jours приготавливались къ обѣдамъ и рѣчамъ, М-me de Talon взяла на себя трудъ заняться составленіемъ таксы, и собрала на этотъ случай всѣхъ Mesdames les Grands Jours. Въ этотъ дамскій комитетъ были представлены городскіи вѣсы и мѣры и были позваны содержатели магазиновъ, между которыми Fléchier называетъ въ особенности золотыхъ дѣлъ мастеровъ. М-me de Talon и прочіе члены удостоили своими пѣжными руками брать въ руки грязныя вѣсы; но М-me de Talon открыла съ свойственною ей проникательностью, что фунтъ въ Клермонѣ имѣетъ только 13 унцій вмѣсто 16. Это открытіе такъ поразило М-me de Talon, что она по замѣчанію Флешье, сохранила навсегда ненависть къ Клермону. 23 Сентября пріѣхали Messieurs les Grands-Jours, а 30-го была уже опубликована такса, составленная М-me de Talon, за подписью одного изъ Messieurs. Результатъ былъ неожиданно противоположный: при новыхъ мѣрахъ и цѣнахъ произошло такое замѣшательство въ экономическихъ соображеніяхъ, что купцы нашли средство еще болѣе прежняго обманывать публику. Не потерялась одна М-me de Talon; она приказывала приносить товары къ себѣ на домъ, и, замѣчаетъ Fléchier, при уваженіи къ ея сыну, она покупала все по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Messieurs les Grands-Jours знали, что подобныя комисіи встрѣчаются обѣдами и балами; ихъ ожидала на самомъ дѣлѣ всеобщая радость въ провинціи, хотя она и вызывалась различными причинами; провинціальная бюрократія радовалась по наружности и выражала свою радость пиршествами для смягченія гнѣва, кого слѣдуетъ; народъ радовался приближенію небольшого роздыха и пѣлъ на своемъ провинціальномъ діалектѣ, приглашая поспѣшить весельемъ:

Aughâ, gens, aughâ:
Le seo vous reprocha
Qu' aquou ei trop pleghâ
Laus Grands-Jours
Ne sont pas toujours.

Слушайте, добрые люди, слушайте:
Небо васъ упрекаетъ,
Что вы слишкомъ гнетесь,
Не всегда бывають
Великіе дни.

Опасенія общественнаго мнѣнія были справедливы; Великіе дни продолжались только до 4 Февраля 1666 года, и затѣмъ наступилъ прежній мракъ. Административная машина совершила однимъ оборотомъ больше, приставили новое колесо; но мы успѣли приподнять частицу занавѣса, который отдѣлялъ кажущееся отъ дѣйствительнаго въ этой знаменитой комисіи, les Grands-Jours. Мы познакомились лично съ ея членами, и мы

кажется, если бы мы не имѣли Fléchiér, если бы я не смѣлъ болѣе надѣяться увидѣть васъ на слѣдующей своей бесѣдѣ, то мнѣ кажется Вы могли бы уже теперь сами представить, какая картина провинціальнаго быта предстоить намъ впередъ и какимъ образомъ засѣданія Великихъ-Дней смѣнять только собою эту трагикомическую картину.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦІЯ.

2-го Февраля.

Мн. Гг. Содержаніе моихъ первыхъ двухъ бесѣдъ и въ особенности отношеніе этого содержанія къ главному предмету моей темы, можетъ заставить подумать, что и я не избѣгулъ сильнаго вліянія Французской централизаціи временъ Лудовика XIV. Въ самомъ дѣлѣ я обѣщалъ Вамъ представить картину провинціальнаго быта Франціи при Лудовикѣ XIV; сего дня я уже заключаю свой курсъ, а между тѣмъ мы еще въ Парижѣ, вблизи Версаля. Но такое расиребленіе въ изложеніи можетъ быть было не совершенно произвольно съ моей стороны; оно обусловливалось характеромъ самаго предмета.

Судьба французскихъ провинцій до такой степени зависѣла отъ началъ, руководившихъ центромъ Франціи, что и мнѣ пришлось обратить мой главный предметъ въ заключеніе нашихъ бесѣдъ; и я правъ, если справедливо то, что и самый провинціальный бытъ, зависѣвшій вполне отъ своего центра, былъ въ дѣйствительности заключеніемъ, эхомъ того, что дѣлалось въ Версали. При томъ одностороннемъ понятіи, которое мы составили о вѣкѣ Лудовика XIV и о его личности, я не могъ бы начать тѣмъ, чѣмъ я сегодня кончаю; живыя лица, несомнѣнныя событія, сцены и картины изъ провинціальной жизни, которыя я буду имѣть честь развернуть сегодня предъ Вами, показались бы чѣмъ то баснословнымъ, если бы я въ своей первой бесѣдѣ не указалъ бы тѣхъ секретныхъ пружинъ, которыя приводили въ дѣйствіе искусственный механизмъ государственной жизни Франціи XVII столѣтія. Изъ центра Франціи выходили всѣ мѣры, принимаемыя къ благосостоянію провинцій; я остановился въ моей послѣдней бесѣдѣ на одной изъ такихъ мѣръ, какъ на самой важной, которая, въ противоположность всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ центральной администраціей, по вѣдному должна была бы привести на этотъ разъ къ желаемой цѣли. Такою мѣрою была судная коммисія, называвшаяся народомъ les Grands.

Жюгъ. Я объяснилъ Вамъ назначеніе подобнаго учрежденія, я познакомилъ Васъ ближе съ составомъ тѣхъ *les Grands Jours*, которые были назначены въ 1665 году, для провинціи Оверни, и мнѣ кажется что такія личности, какъ Novion, ухаживавшій болѣе за своими дочерьми, нежели за дѣлами и бывшій въ родствѣ съ главными виновниками народныхъ бѣдствій въ Оверни, или какъ Talon, за котораго его мать устроила въ Оверни полицію и взяла подъ свой надзоръ магазины, или и самъ Caumartin, знатный и богатый бюрократъ, служившій изъ снисхожденія къ обществу, такія личности, едвали внушили Вамъ довѣріе къ новой мѣрѣ, не смотря на то, что въ Ордоансѣ, они были названы «любезными и вѣрными совѣтниками короля». Во всякомъ случаѣ для Васъ не будетъ чѣмъ нибудь неожиданнымъ адресъ жителей Оверни королю въ 1667 году, два года спустя послѣ Великихъ-дней. Они просятъ короля «устранить притѣсненія, испытываемыя слабыми отъ насилія владѣтелей, которые подъ именемъ налоговъ, требуютъ всего, что имъ вадумается, отказываются даже отъ приношеній натурой, хлѣбомъ, произведеніями земли, или отѣниваютъ все это на деньги, по самымъ высокимъ цѣнамъ. Крестьянинъ усиливаетъ работу, и оттого быки и другіе рабочіе животныя погибаютъ отъ труда, на который ихъ осуждаетъ безпощадный произволъ; земли остаются невоздѣланными, и фермеры находятся въ невозможности уплатить королевскую подать». Если мы припомнимъ, кто таковы были *Messieurs les Grands Jours*, то мы не удивимся такому результату ихъ трудовъ, а между тѣмъ они трудились надъ искорененіемъ зла. Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, которые они провели въ Клермонѣ, они рѣшили двѣнадцать тысячъ дѣлъ. Были дни, когда осуждалось на смерть по тридцати человекъ. Но мы знаемъ, что казнили не людей, а ихъ изображенія; случалось, что вся площадь была заставлена подобными картинами, и палачъ съ важностью рѣзалъ имъ головы; Флешъ съ ироніею замѣчаетъ, что этими картинами лучше было бы украсить залу въ домѣ Талона. Мнѣ остается не много прибавить къ сказанному мною объ этой послѣдней мѣрѣ, принятой центральною администраціей для улучшенія провинціального быта; но это не многое сдѣлаетъ для Васъ еще вообще характеръ подобныхъ мѣръ, когда они принимаются центральною администраціею, и причину ихъ безусловности. При Людовикѣ центральная администрація стремилась къ искорененію зла, но она и въ этомъ случаѣ оставалась вѣрно себѣ своимъ принципомъ, а именно, что всякая инициатива, всякое начинаніе должно выходить единственно изъ администраціи; обще-

ство не должно само употреблять мѣръ къ самоулучшенію; все это лежитъ на одной администраціи; она научить всѣхъ быть добрыми, честными, она одна будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы господствовала справедливость. Флешье рассказываетъ намъ два случая, въ которыхъ было видно, что общество того времени само сознавало свои недостатки, и не ожидая *les grands jours* торопилось назвать ихъ. Въ одномъ мѣстечкѣ въ Оверни, какой то священникъ—бывають и между ними хорошіе люди, замѣчаетъ съ ироніею Флешье—вздумалъ во время проповѣди отозваться неуважительно о Министрахъ, и говорилъ весьма серьезно прихожанамъ, что Франція управляется дурно, что онъ читалъ въ старыхъ книгахъ о государствахъ, въ которыхъ люди жили лучше. Слушатели его въ послѣдствіе догадались, что, напримѣръ, лучше было бы жить безъ сборщиковъ податей. Въ сущности этотъ духовный ораторъ возставаъ противъ тѣхъ же злоупотребленій, для искорененія которыхъ пріѣхали въ Овернь и самые *Messieurs les grands jours*; но когда *Messieurs les grands jours* узнали объ этой проповѣди, эта помощь со стороны общественнаго мнѣнія имъ показалось излишнею; священникъ былъ арестованъ и осужденъ въ ссылку.

Вотъ и другой случай, который не былъ нисколько враждебенъ цѣли, которую преслѣдовали *les Grands Jours*. Я сказалъ Вамъ, что городъ Клермонъ позаботился устроить увеселенія, чтобы развлечь своихъ гостей въ часы ихъ досуга послѣ государственныхъ занятій. Между прочимъ была выписана труппа комедіантовъ. Флешье, Парижанинъ, съ улыбкою сожалѣнія говорить о постановкѣ провинціального театра и выполненіи пьесъ; но на этой провинціальной сценѣ, замѣчаетъ Флешье, *Messieurs* могли видѣть вечеромъ то, что имъ случалось слышать утромъ въ судѣ, на сцену выводились сильные, какъ притѣснители слабыхъ, жены, отравлявшіе мужей, и сотни другихъ страстей; иногда на сценѣ читались и сатиры, на нѣкоторыхъ изъ современниковъ. Однако *Messieurs les grands jours* нашли неудобнымъ такое внимательство въ ихъ дѣла. *Sauvartin* замѣтилъ, что актеры когда нибудь могутъ вывести на сцену и самихъ *Messieurs*. Онъ предложилъ своимъ товарищамъ запретить сатирическое направленіе сцены и собраніе нашло это предложеніе *fort raisonnable* Этотъ резонъ вытекалъ изъ убѣжденія центральной администраціи временъ Людовика XIV, что въ ней одной лежитъ источникъ всякаго добра; въ центральной администраціи былъ завязанъ главный узелъ всѣхъ общественныхъ отношеній; провинція жила или лучше сказать прозябала, на столько, на сколько она была удалена

отъ центра. Такъ смотрѣли на это и современники Лудовика; Талонъ въ своей рѣчи при открытіи les Grands Jours выставилъ слѣдующее непреложное философское начало: «всѣ вещи дѣйствуютъ съ большею или меньшею силою, смотря потому въ какой степени они удалены другъ отъ друга, потому, замѣчаетъ онъ, и дворъ, удаленный отъ провинціи, не можетъ наблюдать за правосудіемъ и посылаетъ насъ временныхъ судей». Въ этихъ немногихъ словахъ заключается самое лучшее обличеніе системы Лудовика XIV; жизнь государственная разсматривается какъ что то матеріальное; отношеніе провинціи къ центру сравнивается съ отношеніемъ матеріальныхъ вещей; когда дѣло идетъ о камнѣ, то несма справедливо, что его ударъ слабѣетъ вмѣстѣ съ увеличиваніемъ пространства полета; но развѣ цѣль администраціи состоитъ въ метаніи камней, какъ то казалась одному изъ Messieurs les Grands Jours; не имѣетъ ли администрація болѣе высокихъ цѣлей, и жизнь государственная не есть ли моральная связь людей, къ которой не должно примѣнять законы движенія бездушныхъ тѣлъ? Все до сихъ поръ сказанное мною о характерѣ центральной власти, о власти мѣстной, провинціальной, и наконецъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ къ благосостоянію провинцій, вытекавшихъ изъ центра власти, все это обусловливало бытъ провинціального общества, составляло его рамку; и такъ какъ эта рамка готова, то мнѣ не остается теперь ничего, какъ вставить въ эту рамку и самую картину провинціального быта при Лудовикѣ XIV. Я представлю эту картину сначала въ общихъ чертахъ, и за тѣмъ перейду къ событіямъ ея ежедневной жизни. При этомъ я ограничусь двумя сторонами officialнаго быта провинцій, а именно финансами и администраціей, какъ главными его рычагами. Въ XVII-мъ столѣтіи была поговорка: un écu qui en vient au roi en coûte plus de dix au peuple, т. е. червонецъ, который доходитъ до короля стоитъ народу 10 червонцевъ; и это было справедливо, потому что сборъ податей былъ врученъ особымъ сборщикамъ, которые уплачивали правительству оптомъ и потомъ возвращали свою сумму съ процентами, о которыхъ можно судить по приведенной пословицѣ. При такой системѣ, къ увеличенію доходовъ вело одно только увеличеніе налоговъ, и со времени Гейнриха IV количество подати утронлось; эта подать была тѣмъ тяжелѣе, что многочисленное и вмѣстѣ самое богатое сословіе привилегированныхъ состояній освобождалось отъ податей. Въ началѣ правленія Лудовика XIV содержалось въ тюрьмахъ до 23,000 за невзность повинностей, изъ нихъ 5000 умерло отъ болѣзни. Въ это время Буало воспѣвалъ свой вѣкъ и съ восторгомъ говорилъ:

L'univers, sous ton règne, a-t-il des malheureux?

На эти 23 т. приходилось не много счастливыхъ; мы назовемъ двухъ главныхъ и самыхъ знаменитыхъ. Первый Fouquet, *surintendant des finances*, товарищъ министра финансовъ, а интендантомъ былъ въ то время самъ Кольберъ. Онъ построилъ себѣ замокъ съ паркомъ, для округленія котораго нужно было срыть три населенныхъ деревни, и сдѣлалъ такое помѣщеніе, что въ немъ могли помѣститься свободно 600 человекъ. Это знаменитый замокъ de Vaux; онъ стоилъ 18 милліоновъ франковъ. Однѣ изъ современниковъ оставилъ намъ таблицу доходовъ Фуке и нѣкоторыхъ его расходовъ (*Tallemant des Réaux, Historiettes, III, 9*): «Фуке, его клевреты и пріятельницы получали съ откуповъ (*fermier*) огромныя суммы, которыя потомъ уплачивались народомъ. Онъ имѣлъ пенсіи съ солянаго откупа (*la ferme de gabelles*) 120 т. *livres*, съ откупа на сѣбѣтные припасы (*la ferme des aides*) 140 т. *livres*; Бордосскій откупъ платилъ ему 40 т. *livres*; сверхъ того этотъ откупъ подписывалъ 125 т. à Madame du Plessis-Bellière; 10 т. *livres* à M. Créquy, зятю той дамы, и 10 т. *livres* à Madame de Charart, дочери Фуке. До построенія замка De Vaux никто не обращалъ вниманія на доходы Фуке, и ему нужно было истратить 18 милліоновъ *livres* на этотъ замокъ, чтобы заставить говорить о себѣ. Но въ сущности его погубило излишнее честолюбіе; онъ возымѣлъ виды на Mlle de la Vallière; къ этому присоединилось еще другое обстоятельство, налагающее тѣнь на Кольбера; произвести сдѣлство надъ Фуке было поручено Пюссору (*Pussort*) дядѣ Кольбера, которому нужно было очистить мѣсто.

Система финансовъ, отдававшая провинціи въ жертву сборщиковъ податей и интендантовъ, съ которыми первые дѣлались, пугала само правительство; но Лудовикъ XIV ни разу не рѣшился измѣнить ее. Извѣстный Кардиналъ Ретцъ, въ своихъ мемуарахъ (I, 134) наглядно изображаетъ безвыходное положеніе современнаго ему правительства, которое сознавало ясно, что требуетъ справедливому: «нельзя преслѣдовать ни интендантовъ, ни сборщиковъ податей, потому что это раззоритъ самую казну; судъ можетъ сдѣлать банкротами тѣхъ, которые уплачиваютъ правительству сумму вѣдугъ и выѣсть кредитъ. Въ подобномъ положеніи находилось и правительство Лудовика XIV. Если мы къ этому присоединимъ, что губернаторы и интенданты провинцій въ успѣшномъ сборѣ податей имѣли и личныя выгоды, то тогда неудивительно, что имъ никогда не представлялась необходимость измѣнить финансовую систему. Губернаторы и интенданты провинцій

дошли до такого самовластія, что налагали подати прямо для собственнаго употребленія; изъ нихъ нѣкоторыя вошли въ обычай; такъ въ Бретани новому губернатору подносилось, какъ *don gratuit* 100 т. франковъ. Въ Лангедокѣ одинъ интендантъ дошелъ до такого искуства «что налагалъ подати по различнымъ случаямъ своей семейной жизни, и однажды наложилъ подать на жителей по случаю смерти своей жены для покрытія расходовъ погребенія. Городъ, выведенный изъ терпѣнія, отправилъ къ нему депутацію съ протестомъ. «Конечно, говорилъ одинъ изъ депутатовъ, если бы вы, господинъ интендантъ, изволили умереть, то провинція съ большимъ удовольствіемъ согласилась бы на подать для вашего погребенія, . . . *mais pour madame*». Однако провинція заплатила требуемое, не смотря на остроуміе своего депутата.

Если мы перейдемъ къ частностямъ картины провинціального быта во Франціи въ эпоху Людовика XIV, то едва ли можно себѣ вообразить что нибудь болѣе печальное и болѣе мрачное. Во главѣ провинціального общества стояло многочисленное дворянство грубое, необразованное и самовластное; на днѣ его лежало безотвѣтное сословіе поселянъ. Дворянинъ проводилъ молодость въ государственной службѣ и преимущественно военной; это былъ для него случай попасть въ Парижъ и тамъ прожить свое состояніе; разорившись, онъ выходилъ въ отставку и запирался на остальную жизнь въ деревню, гдѣ скука и праздность развивали въ немъ отвратительные пороки. Но для Васъ будетъ нагляднѣе картина жизни провинціального дворянина въ XVII столѣтіи, если я изберу какую нибудь отдѣльную личность изъ того времени, по которой возможно судить приблизительно о цѣломъ сословіи. Я избираю такимъ типомъ Французскаго дворянина въ XVII столѣтіи Маркиза Канильякъ; онъ принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ домовъ въ провинціи Овернь.

Двое изъ его предковъ сидѣли на папскомъ престолѣ, и многіе стояли въ главѣ арміи; ссылаясь на заслуги своихъ предковъ и разстроивъ свои дѣла и хозяйство, онъ просилъ у правительства пенсіи, если ему нужно было предпринять путешествіе для собственнаго развлеченія. Проведя свою молодость въ службѣ и разоривъ въ то время своею безнравственною жизнію все состояніе, онъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ на свой манеръ; рассказы о его образѣ жизни и отношеніи къ крестьянамъ и мелкимъ помѣщикамъ превышаютъ всякое вѣроятіе. Онъ налагалъ самыя разнообразныя подати, подѣ различными названіями: *la taille de Monsieur*, обращенныя въ его пользу; *la taille de Madame*—подать въ пользу его жены, подать въ пользу каждаго

сына и каждой дочери; кромѣ того налагались подати по различнымъ семейнымъ случаямъ. Для предупрежденія ропота онъ держалъ при себѣ двѣнадцать молодцевъ, которыхъ онъ называлъ апостолами и каждый изъ нихъ имѣлъ характеристическую кличку: Безнадежный, Ломай-Все и т. п. Недовольствуясь подушнымъ окладомъ, онъ наложилъ подать на говядину; но замѣтивъ, что его крестьяне никогда не ѣдятъ говядины, онъ поправилъ свою ошибку и наложилъ подать на тѣхъ, которые не ѣдятъ говядины. Но главнымъ предметомъ его доходовъ было правосудіе; въ XVII столѣтіи помѣщикъ имѣлъ право ниспаго суда; Канильякъ устроилъ свою уголовную систему и опредѣлялъ таксу за каждое преступленіе; для увеличенія судебныхъ доходовъ, онъ продавалъ впередъ позволеніе сдѣлать преступленіе безнаказанно. Messieurs les Grands Jours не могли не обратить вниманія на эту личность; онъ былъ осужденъ на смерть заочно; его изображеніе было казнено на площади, а онъ самъ смотрѣлъ изъ окошка сосѣдняго дома на собственную казнь; Канильякъ былъ родственникъ президента Novion и потому отдѣлался однимъ денежнымъ штрафомъ; его младшій сынъ имѣлъ не лучшую репутацію; ему предстояла смертная казнь; но Лудовикъ XIV по просьбѣ приближенныхъ отмѣнилъ приговоръ и обязалъ его построить на свой счетъ корабль въ пользу Государства, что ему стоило десять тысячъ золотыхъ; въ сущности это былъ оптический обманъ; этотъ корабль построилъ не онъ, а тѣ, съ кого онъ получалъ подати; а какъ получалъ подати сынъ Канильяка, мы знаемъ. Но помѣщиковъ, подобныхъ Канильяку было весьма много; баронъ Сенегастъ, сосѣдъ Канильяка, былъ не лучше его; его обвиняли во многихъ убійствахъ и еще не задолго предъ прїѣздомъ Судной Коммисіи, онъ посадилъ одного изъ своихъ подчиненныхъ въ сырой ящикъ, гдѣ онъ не могъ ни сидѣть, ни стоять, не лежать; несчастный просидѣлъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и когда его оттуда вынули полумертваго на немъ не было человѣческаго лица. Близко къ нимъ подходилъ Эспиншаль, на котораго, какъ мы видѣли въ прошедшей бесѣдѣ, жаловался одинъ интендантъ самому Кольберу; но дерзостью онъ превзошелъ всѣхъ. Еще до прибытія les Grands Jours его нѣсколько разъ казнили за его преступленія, разумѣется мысленно; не считая однако себя совершенно безопаснымъ, онъ рѣшился на смѣлый поступокъ: онъ отправился прямо въ Парижъ, гдѣ ему покровительствовали герцоги Гизы; онъ нашелъ такую квартиру изъ которой можно было всегда укрыться въ домѣ Гизовъ, куда полиція не могла проникнуть. Гизамъ удалось бы выхлопотать помилованіе, еслибы Эспиншаль не надѣлалъ новыхъ преступленій въ самомъ Па-

рижѣ. Одинъ изъ обиженныхъ имъ нашегъ средство жаловаться королю лично; Людовикъ XIV на этотъ разъ хочетъ показать всю строгость и общасть наказагъ примѣрно преступника; истецъ выходитъ совершенно счастливый отъ короля, но къ величайшему его удивленію у самыхъ дверей двора его схватываютъ полицейскіе, показывая ему королевское повелѣніе арестовать его. Это были переодѣтые сообщники Эспиншала, который на этотъ разъ подшутилъ надъ самимъ королемъ. Людовикъ XIV подъ влияніемъ этой послѣдней исторіи и назначилъ въ Овернь извѣстную намъ Судную Коммисію. Быть можетъ, я утомилъ Васъ въ прошедшій разъ, когда я читалъ длинные извлеченія изъ Ордонанса Людовика XIV, по поволу открытія les Grands-Jours, гдѣ выставлялись государственныя соображенія, какъ причины, побудившія правительство къ искорененію зла въ Оверни и назначенія les Grands-Jours; но теперь вы слышали отъ меня настоящую причину вызова такихъ заботъ; надобно было пострадать самому Людовику XIV и въ собственномъ дворцѣ, чтобы накопецъ было обращено вниманіе на провинцію. Если Вы быть можетъ сѣтовали на мою длинную цитату изъ королевскаго ордонанса, то Вы мнѣ простите то за желаніе показать Вамъ огромное различіе, которое такъ часто встрѣчается въ администраціи Людовика XIV между официальнымъ и истиннымъ. Вы желаете знать, чѣмъ кончились похождения Эспиншала; онъ преспокойно продолжалъ жить подъ покровительствомъ Герцога Гиза, и только смерть его покровителя заставила Эспиншала бѣжать въ провинцію, гдѣ его ждали съ нетерпѣніемъ королевскіе судьи. Эспиншалу пришло на мысль осмѣять ихъ до конца; онъ заказалъ великолѣпный ящикъ и выгравировалъ съ этимъ ящикомъ сдѣлалъ визитъ президенту суда и всѣмъ прочимъ судьямъ, объявивъ имъ, что онъ получилъ отъ короля помпование, которое и хранится въ этомъ ящикѣ; на слѣдующій день онъ обязался имъ представить королевскую грамоту въ присутствіе; рано утромъ Эспиншаль скрылся изъ города, отправивъ ящикъ въ судъ; вѣтъ нужды прибавлять, что по открытіи ящика въ судѣ произошла сцена, напоминающая извѣстное мѣсто изъ комедіи Ревизора. Если мы отъ высшаго сословія, стоявшаго во главѣ провинціального общества, перейдемъ къ низшему сословію, разсѣянному по провинціи, тамъ мы увидимъ другія сцены. Можно смѣло утверждать, что ни одинъ народъ въ своей исторіи не представлялъ сельскаго сословія въ такомъ плачевномъ состояніи, въ какомъ оно находилось во Франціи при Людовикѣ XIV. Но это никогда не ужасаетъ столько, какъ невоз-

возможность искоренить зло; герцога С. Симонъ, этотъ французскій Тацитъ, говоря о современномъ ему состояніи Государства и о его бѣдствіяхъ, сознается съ нѣкоторымъ отчаяніемъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ вышелъ изъ своей государственной дѣятельности одно печальное убѣжденіе: *tout bien à faire c'est impossible*, нѣтъ никакой возможности вездѣ дѣлать добро. Лудовикъ XIV употреблялъ много нѣръ къ облегченію сельскаго сословія, но всегда подъ условіемъ не измѣнять своимъ политическимъ началамъ. При немъ жилъ гениальнѣйшій человѣкъ, но его гений стоитъ еще низко въ сравненіи съ величіемъ его сердца. Онъ посвятилъ двадцать лѣтъ неутомимаго труда на то, чтобы развѣдать истинное состояніе провинцій; куда не могъ онъ проникнуть лично, онъ посылалъ на свой счетъ людей свѣдущихъ; преодолевая страшныя затрудненія, которыя предстоятъ частному человѣку при подобномъ предпріятіи, онъ изслѣдовалъ подробно цѣльность земли провинцій, ихъ торговлю, промышленность, налоги, способъ ихъ собиранія и т. п. Изучивъ такимъ образомъ государственныи бытъ Франціи, онъ написалъ замѣчательный проектъ новой финансовой системы. Этотъ великодушный патріотъ былъ гениальнѣйшій инженеръ Vauban; онъ выставилъ два главныхъ положенія, которыя должны были лечь въ основаніе всего государственнаго званія: 1. Подданные всѣхъ состояній должны нести государственныя повинности, сообразно съ ихъ доходами или промышленною дѣятельностію и никто не долженъ быть оттого освобожденъ. 2. Всякая привилегія, освобождающая отъ государственныхъ повинностей не справедлива, какъ злоупотребленіе, и потому не должна быть разлапаема во вредъ остальному обществу. Восходя изъ этихъ двухъ положеній, Vauban предполагалъ уничтожить всю старую финансовую систему, и вмѣсто безчисленныхъ налоговъ ввелъ однородную государственную подать, называемую *la dîme royale*. Въ немногихъ словахъ указываетъ С. Симонъ на достоинства и недостатки новой финансовой системы Вобана: «по этой системѣ король долженъ былъ получать болѣе прежняго доходовъ, для народа же подать уменьшалась; но, прибавляетъ С. Симонъ, это удобство было ничтожно въ сравненіи съ главнымъ неудобствомъ новой финансовой системы: эта система раззоряла цѣлую армію чиновниковъ, повѣренныхъ и служащихъ всякаго рода; она могла поставить ихъ въ печальное положеніе жить собственными трудами; это еще не все: при новой системѣ падала власть Министра Финансовъ, а вмѣстѣ съ нимъ власть интендантовъ, ихъ секретарей, и другихъ *protégés*. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Лудовикъ XIV встрѣтилъ дурно Вобана, когда онъ ему

поднесъ свою книгу съ новымъ планомъ. Всѣ его заслуги, высокія способности, единственный въ своемъ родѣ, его доблесть, даже засвидѣтельствованная привязанность къ королю, все это было забыто; Лудовикъ XIV видѣлъ въ немъ человѣка помѣшаннаго на общественномъ благѣ, и преступника, покусившагося на власть Министра, а слѣдовательно и на его власть. Но что болѣе поразительно: Вобана оставило самое общество, для котораго онъ трудился: всѣ видѣли въ немъ человѣка, впавшаго въ немощь, а слѣдовательно недостойнаго; онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, не услышавъ ни отъ кого утѣшительнаго слова, и Лудовикъ XIV показавъ видъ, что онъ и не замѣчаетъ, какого полезнаго и знаменитаго слугу онъ потерялъ въ Вобанѣ. Такова участь гениевъ, и таковы люди! Но при такомъ состояніи общества, въ которомъ оно находилось при Лудовикѣ XIV, надобно было въ самомъ дѣлѣ больше бояться не за тѣхъ, кто дѣлалъ зло, но за тѣхъ, кому приходило на мысль принести обществу пользу.

Во введеніи къ своему плану Вобанъ обрисовываетъ состояніе государства при Лудовикѣ XIV и въ особенности живо изображаетъ состояніе провинцій. Въ его словахъ столько симпатіи и смѣлой откровенности, что я надѣюсь не утомить Вашего вниманія, если сдѣлаю небольшое извлеченіе изъ подлинника:

«Въ результатъ моихъ изслѣдованій, которымъ я посвятилъ многіе годы, оказалось, что въ послѣднее время десятая часть населенія приведена въ состояніе нищеты и дѣйствительно нищенствуетъ. Изъ девяти остальныхъ частей, пять находятся въ такомъ состояніи, что они не могутъ никому подать милостыни, потому что сами находятся почти въ такомъ же состояніи; изъ четырехъ частей, которыя остаются, три въ весьма дурномъ положеніи, и обременены долгами и процесами. И такъ остается одна десятая часть, куда я отношу военныхъ и статскихъ чиновниковъ, духовныхъ, высшее дворянство, купцовъ, зажиточныхъ горожанъ, что вмѣстѣ все составляетъ сто тысячъ жителей; и я не думаю ошибаться, утверждая, что изъ нихъ нѣтъ и 10000 семействъ, которые были бы дѣйствительно съ состояніемъ; если же отсюда исключить спекуляторовъ и ихъ тайныхъ и явныхъ агентовъ, наконецъ тѣхъ, которыхъ король поддерживаетъ своими милостями, то я увѣренъ, что число людей съ истиннымъ состояніемъ весьма уже не велико». Такова картина экономическаго быта Франціи при Лудовикѣ XIV! Едва $\frac{1}{10}$ часть $\frac{1}{10}$ части всего населенія увѣрены въ своемъ кускѣ хлѣба. На одного сытаго приходится 100 голодныхъ. Далѣе Вобанъ краснорѣчиво указываетъ Лудовику XIV на самое дорогое сословіе въ государствѣ:

«Честь и совѣсть принуждаютъ меня представить Вашему Величеству, что, какъ мнѣ кажется, во Франціи, во всѣ времена обращали мало вниманія на простой классъ людей; а потому это часть населенія болѣе всего разорена и жалка; между тѣмъ эта часть населенія весьма важна и по своему числу, и по дѣйствительности своихъ заслугъ; она несетъ на себѣ всѣ тяжести, она болѣе всѣхъ переноситъ, и терпитъ еще болѣе, и уменьшеніе населенія всегда надастъ на нее».

«Нисшій классъ населенія своимъ трудомъ, своею промышленностію и своими податями обогащаетъ короля и все его государство; эта же часть населенія поставляетъ солдатъ и матросовъ для сухопутной и морской арміи; изъ нея выходятъ мелкіе торговцы, она ведетъ торговлю и промышленность въ государствѣ; изъ нея выходятъ и земледѣлецъ, и винодѣль, и пастухъ, охраняющій и питающій стада; она сѣетъ и жнетъ, собираетъ виноградъ, дѣлаетъ вино; однимъ словомъ, на этой части населенія лежитъ все большое и мелкое хозяйство, какъ городовъ, такъ и деревень». Показавъ важность сельскаго сословія, Вобанъ доказываетъ, что именно это сословіе выдано на жертву самыхъ жестокихъ притѣсненій.

«Нельзя повѣрить, до чего доходятъ притѣсненія сборщиковъ податей сѣбствныхъ припасовъ. Если крестьянинъ для экономіи приливаетъ двѣ части воды въ купленную имъ мѣру вина или сидры изъ яблокъ и грушъ, то онъ рискуетъ не только все потерять, но еще подвергнуться штрафу, и такимъ образомъ заплатить за воду, которую онъ пьетъ».

«Соль вздорожала отъ налоговъ до того, что они, не имѣя возможности сохранять мясо въ прокъ, прекратили разводъ свиней».

«Изъ чиновниковъ, наблюдающихъ за сборомъ податей, на сто не будетъ одного, который оказался бы честнымъ; правда, еще не употребляютъ огня и желѣза для истребленія имуществъ, но за то нѣтъ никакой другой мѣры, къ которой они не прибѣгали бы для разоренія провинцій. И потому всѣ провинціи, изъ которыхъ состоитъ королевство, до глѣ разоремы». Эта картина эконоическаго состоянія провинцій, сдѣланная Вобаномъ, находитъ себѣ подтвержденіе во всѣхъ мемуарахъ того времени. Въ 1697 году Герцогъ Бургундскій, наслѣдникъ престола, желая ознакомиться ближе съ истиннымъ состояніемъ Государства далъ секретное предписаніе всѣмъ интендантамъ составить для него мемуары о состояніи провинцій. Отвѣты были всѣ на одну тему; вотъ въ какихъ краткихъ словахъ былъ изображенъ бытъ крестьянина напримѣръ въ Оверни. «Крестьяне живутъ большую часть года въ сибжныхъ шалашахъ, а остальную часть прово-

дѣтъ въ хлѣбахъ вмѣстѣ съ своими домашними животными».

Какъ видно, со времени Флешье бытъ провинціи во Франціи не сдѣлалъ большихъ успѣховъ. Но никто не даетъ такого яснаго до отвращенія понятія о Французскомъ поселянствѣ XVII столѣтія, какъ La Bruyère (1688) въ своихъ *Caractères*: «въ нашихъ деревняхъ есть какія то животныя мужскаго и женскаго рода, разбѣшныя по полямъ, черныя, грязныя, обожженыя солнцемъ, привязанныя къ землѣ, которую они взрываютъ съ какимъ то страшнымъ упорствомъ; они однако умѣютъ подавать голосъ; и когда они поднимаются на ноги, тогда только видишь человѣческое лицо, и въ самомъ дѣлѣ это люди; на ночь они прячутся въ шалаши, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и корепьями, они избавляютъ другихъ отъ труда сѣять, пахать землю, жать и справедливо потому даютъ имъ хлѣбъ, который они сѣютъ».

При появленіи *les Grands-Jours* въ Оверни сельское сословіе распространило слухъ, что дѣлю идетъ объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ; при этомъ, идеи французскаго крестьянина того времени о свободѣ были такъ узки, что онъ приписалъ свободу за освобожденіе отъ всякаго труда. Одна помѣщица въ Оверни должна была жаловаться *Messieurs les Grands-Jours* на то, что ея крестьяне все купили перчатки, полагая, что *les Grands-Jours* назначены для того, чтобы освободить ихъ отъ работы, что ихъ теперь будетъ кормить король. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при всеобщемъ нравственномъ паденіи общества, въ этой грубой массѣ народа, лишеной всякаго политическаго смысла, подавленной и уничтоженной, проглядывали самыя свѣтлыя и благородныя черты. Когда случилось одному добромъ и честному помѣщику отпраздновать въ Клермонѣ, гдѣ были *Messieurs les Grands-Jours*, его поселяне, слыша о казни многихъ помѣщиковъ, и боясь за участь своихъ добрыхъ господъ, предлагали имъ свое покровительство и аттестатъ о ихъ хорошей жизни и добрыхъ нравахъ. Читая извѣстія подобныя помѣщеннымъ въ *Caractères*, думаешь быть гдѣ нибудь среди дикихъ и въ самомъ дѣлѣ это были настоящіе дикари. Если Вашимъ воображеніемъ рисуется изящество эпохи Людовика XIV, времени Корнеля, Расина; то это картина только десятой доли отъ десятой части Франціи, какъ выражается Вобанъ. Но Вы видѣли сей часъ матеріальное положеніе большинства; моральное состояніе массы въ тотъ золотой вѣкъ было не лучше: поселяне были не только звѣри, но еще и запуганные звѣри. Я расскажу вамъ анекдотъ изъ мемуаровъ *M-me de Sévigné*, который она записала для потѣхи; но для того, кто любитъ человѣка при расказѣ этого анекдота возможна только одна улыбка состраданія. Народъ часто слышалъ изъ орона-

совѣ объ одномъ учрежденіи, называемомъ *la gabelle*; это была подать на соль; народъ былъ тупъ для того, чтобы понимать отвлеченное значеніе подати; онъ видѣлъ, что послѣ такого ордопанса возвышнется цѣна на соль; но въ этомъ добромъ народѣ было столько привязанности къ королю, что онъ не хотѣлъ вѣрять, что *la gabelle* назначается королемъ, а въ народѣ полудиномъ и варварскомъ ходилъ слухъ, что *la gabelle* есть чудовище, которое появляется время отъ времени для притѣсненія народа. При такомъ настроеніи умовъ въ одной Бретанской деревнѣ распространился слухъ, что въ приходской церкви появилось невѣдомое чудовище, которое впилося въ стѣну и машетъ только хвостомъ; при этомъ оно шипитъ и по временамъ даже и ночью издастъ звуки похожіе на весеннее муканье кошки. Многіе изъ крестьянъ увѣряли, что они видѣли это чудовище собственными глазами. «Синіе колпаки» какъ называли въ то время крестьянъ, собрались на сходку и рѣшили единодушно, что это чудовище и есть именно *la gabelle*. Толпа вооруженная палками, пошла по направленію къ церкви и встрѣтивъ священника объявила ему, что въ церковь забралась *la gabelle*, и что они намѣрены убить ее. Священникъ зналъ своихъ прихожанъ и прибѣгнулъ къ хитрости: «нѣтъ, мои дѣти, вы ошибаетесь это не *gabelle*, а *jubilé* т. е. явленное чудо» Толпа при этомъ словѣ, поспѣшила снять свои колпаки, бросилась на колѣни и забормотала молитвы, составленныя на подобный случай. Между тѣмъ это явленное чудо были стѣнные часы, которыя священникъ приобрѣлъ для своего прихода. Такимъ образомъ въ Бретани, недалеко отъ Версаля, центра всякой образованности, масса не подозрѣвала о существованіи часовъ.

Въ этомъ анекдотѣ, записанномъ для потѣхи Версальскаго общества, есть много трогательнаго; поселянинъ грубъ и необразованъ: до него не дошли слухи о повѣишихъ изобрѣтеніяхъ, въ Версали наслаждались всѣми изобрѣтеніями человеческого ума до напудренного парика включительно; но за то въ деревнѣ сколько было прекрасныхъ истинныхъ; поселянинъ вѣритъ безотчетно въ истинное назначеніе правительства и создаетъ мнѣ о чудовищѣ, обирающемъ государственную подать; одно слово религія и онъ падаетъ на колѣни: въ версальской капеллѣ, когда за вечерней службой распространился слухъ о томъ, что Лудовикъ XIV не будетъ по болѣзни въ церкви, всѣ потушили свѣчи и разошлись; между тѣмъ Лудовикъ XIV пришелъ и увидѣлъ себя одного въ церкви. Отнимайте у однихъ ихъ вѣишій лоскъ образованности и вы получите въ остаткѣ нуль: снимите кору суетвѣрія съ другихъ и предъ Вами явится во всемъ

блескъ то, что дѣлаетъ счастливымъ и отдѣльнаго человѣка, и цѣлое общество; я разумѣю чистое, неиспорченное сердце. Главными причинами такого бѣдственнаго экономическаго и моральнаго состоянія сельскаго сословія была финансовая система, юридическія отношенія поселянъ къ земле-владѣльцамъ и дурное провинціальное хозяйство. Постоянный денежный голодъ, которымъ томилась администрація, побуждалъ правительство прибѣгать во все не къ рациональнымъ средствамъ увеличенія доходовъ. Продажа должностей въ провинціяхъ была однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода и вмѣстѣ народнаго бѣдствія. Каждый разъ, когда правительству нужны были деньги, оно создавало новыя должности и продавало ихъ. Такъ однажды въ одну недѣлю Лудовикъ получилъ пять милліоновъ за продажу новыхъ мѣстъ. Такими мѣстами были должности для веденія списка умершимъ, родившимся и т. п. Лудовикъ XIV, какъ и всѣ подобныя ему великіе люди, любилъ иногда выслушивать голосъ рѣзкой правды; собиратели анекдотовъ видятъ въ подобныхъ случаяхъ великодушіе своихъ героевъ; въ сущности такіе случаи представляютъ капризы великихъ людей, которымъ надобѣаетъ однообразный голосъ лести. Одинъ изъ приближенныхъ Лудовика, по поводу изобрѣтенія имъ новыхъ должностей, замѣтилъ: «всякій разъ когда Ваше Величество творите новую должность, Богъ творитъ поваго дурака, который се не премѣнно купитъ». Но не всегда можно было отзываться такимъ образомъ о покупателяхъ должностей; большею частію это были люди на бѣду весьма смышленные; купившій новую должность платилъ за мѣсто правительству и потомъ возвращалъ затраченную сумму при отправленіи своей должности. Бѣдный крестьянинъ не могъ окрестить сына, ни жениться, ни умереть безъ того, чтобы не было занесено его имя въ списокъ чиновникомъ, который при этомъ бралъ съ него подать; такъ что крестьяне часто принуждены были для экономіи обходиться безъ священниковъ, и заключали браки сами при помощи свидѣтелей, только чтобы не платить чиновнику подати. Однимъ изъ вѣрныхъ признаковъ присутствія жизни въ провинціяхъ служатъ средства къ сообщенію. При Лудовикѣ XIV едва поддерживались дороги, которыя были необходимы для движенія войска и для путешествія знатныхъ между большими городами. Но проселочныя дороги были дурны до того, что часто въ одной провинціи умирали съ голода, и въ сосѣдней хлѣбъ гнилъ отъ невозможности доставить его на рынокъ. Когда M-me de Sévigné должна была проѣхать изъ Парижа въ Бретань, она должна была сломать на дорогѣ двѣ коляски, въ которыя впрягалось семь лошадей; почтовый курьеръ привозилъ ей письма изъ Парижа въ

Бретань въ девять дней, для чего теперь нужно девять часовъ. Кольберъ понималъ всю важность провинціальныхъ дорогъ и дѣлалъ важныя улучшенія. До него проведеніе и храненіе дорогъ составляло согвѣе т. е. барщину; крестьяне выгонялись на дорогу и тогда можно было встрѣтить очень часто толпу въ сто, двѣсти человѣкъ, подъ руководствомъ деревенскаго полицейскаго, расчищающихъ дорогу, по тому или другому случаю. Кольберъ ввелъ налогъ, на поправку дорогъ и мостовъ; но этотъ налогъ имѣлъ странную судьбу. С. Симонъ рассказываетъ, что послѣ Кольбера соединили старую методу съ новой; по старой методѣ барщина продолжала чинить дороги и потому дороги оставались непроходимыми, а мосты переломанными; одинъ интендантъ въ Шампани ввелъ даже усовершенствованіе по этой части: прежде давали на барщинѣ казенный хлѣбъ, онъ отмѣнилъ этотъ обычай; ему подражали другіе и безъ сомнѣнія за ревность къ службѣ, интендантъ Шампани былъ сдѣланъ Conseiller d'Etat; народъ умиралъ съ голоду на дорогѣ, надъ проведеніемъ которой онъ работалъ; а государство наконецъ совершенно отказалось взять на себя обязанность заботиться о дорогахъ. Странно одно, что между тѣмъ подать, назначенная Кольберомъ на содержаніе дорогъ осталась въ полной силѣ; ея настоящее назначеніе было забыто, и она смѣшалась съ другими государственными доходами.

Въ заключеніе нашей общей картины провинціальнаго быта въ деревнѣ при Лудовикѣ XIV, я долженъ представить Вамъ одно замѣчательное явленіе, которое быть можетъ объяснитъ намъ, почему правительство Лудовика оставалось глухо и слѣпо ко всему, что происходило въ провинціи. Мы до сихъ поръ объяснили такое явленіе тѣмъ, что центральная администрація была поставлена разъ навсегда въ такое положеніе, что она по неволѣ видѣла себя осужденною жить тѣмъ порядкомъ вещей, который существовалъ на лицѣ; такая администрація должна была противъ своей воли повторять слова *M-me de Pompadour*: *après nous le déluge!* Но была и другая причина, которая закрывала отъ правительства настоящій бытъ провинцій. Каждая провинція во Франціи имѣла свои провинціальныя штаты. Эти штаты состояли изъ духовныхъ, дворянъ и зажиточныхъ горожанъ большихъ городовъ (*les grands Bourgeois des bonnes villes*). Но духовные не платили податей, дворянство также; зажиточные граждане не участвовали въ такъ называемыхъ добровольныхъ приношеніяхъ, платили подать одни крестьяне; но они не имѣли своего представителя въ штатахъ. Каждый разъ когда правительство чрезъ своего интенданта обращалась къ штатамъ за добровольнымъ приношеніемъ, которое и духовные и дворяне окончательно собирали

съ своихъ подданныхъ, провинціальное собраніе единодушно соглашалось на всякое приношеніе, потому что сего члены ничего не платили. Въ Лангедокѣ палата провинціальная и одинъ голосъ согласилась поднести королю 2,000,000; черезъ два года 2,400,000; черезъ годъ 3.000.000 ливровъ. Въ глазахъ Лудовика XIV такое единодушіе было вызвано патріотическимъ чувствомъ страны, и высшія власти, по свидѣтельству *Madame de Sevigné* получали отъ короля награду за привязанность къ интересамъ Государства. Разъ въ 1673 году въ одной провинціальной палатѣ нашлись два депутата отъ дворянства, которые издумали противорѣчить; герцогъ *Chaulnes*, губернаторъ провинціи, пишетъ по этому случаю Кольберу: «мы опредѣлили выгнать двухъ дворянъ изъ собранія за ихъ слишкомъ патетическія рѣчи о состояніи провинціи. Я исполнилъ это вчера утромъ; призвавъ ихъ къ себѣ, я приказалъ имъ оставить палату и выпроводить ихъ за городъ въ моей коляскѣ въ сопровожденіи офицера и 6 стражей. Мой поступокъ оправдывается той властію, которую вручилъ мнѣ король; вчерашній день ко мнѣ явились три депутаціи о возвращеніи этихъ дворянъ. Я воспользовался этими тремя депутаціями, чтобы напугать хорошенько палату, и убѣдить ее согласиться немедленно и безъ условій на «добровольное приношеніе» потому что слѣва короля не позволяетъ ему нищенствовать, и приношенія уграшаютъ не того, кто ихъ получаетъ, но тѣхъ, которые сего дѣлаютъ. Въ самомъ дѣлѣ послѣ нашихъ объясненій относительно необходимости сѣднаго повиновенія, которымъ палата обязана волѣ Его Величества, палата сего дня утромъ прислала депутацію съ покорнѣйшею просьбою принять 2.600.000 ливровъ, которые именно мнѣ и приказано требовать». На этотъ разъ приговоръ этого добровольнаго приношенія прошло единодушно и безъ всякихъ условій. Это письмо герцога Шона къ Кольберу, помѣщено въ *Correspondance administrative etc.*, и я не могу сказать, какую награду получилъ герцогъ за такое единодушное и патріотическое согласіе палаты. Я могъ бы Вамъ представить и другіе примѣры подобной государственной комедіи, разыгрываемой въ провинціи, но и этого одного достаточно, чтобы убѣдить Васъ, до какой степени начала администраціи Лудовика XIV находили свое наказаніе въ самихъ себѣ. Виѣшняя сторона правленія Лудовика XIV, какъ мантией прикрываетъ несовершенство внутренней жизни Государства; я приподнял эту завѣсу, на сколько мнѣ то позволило время трехъ часовъ нашей бесѣды.

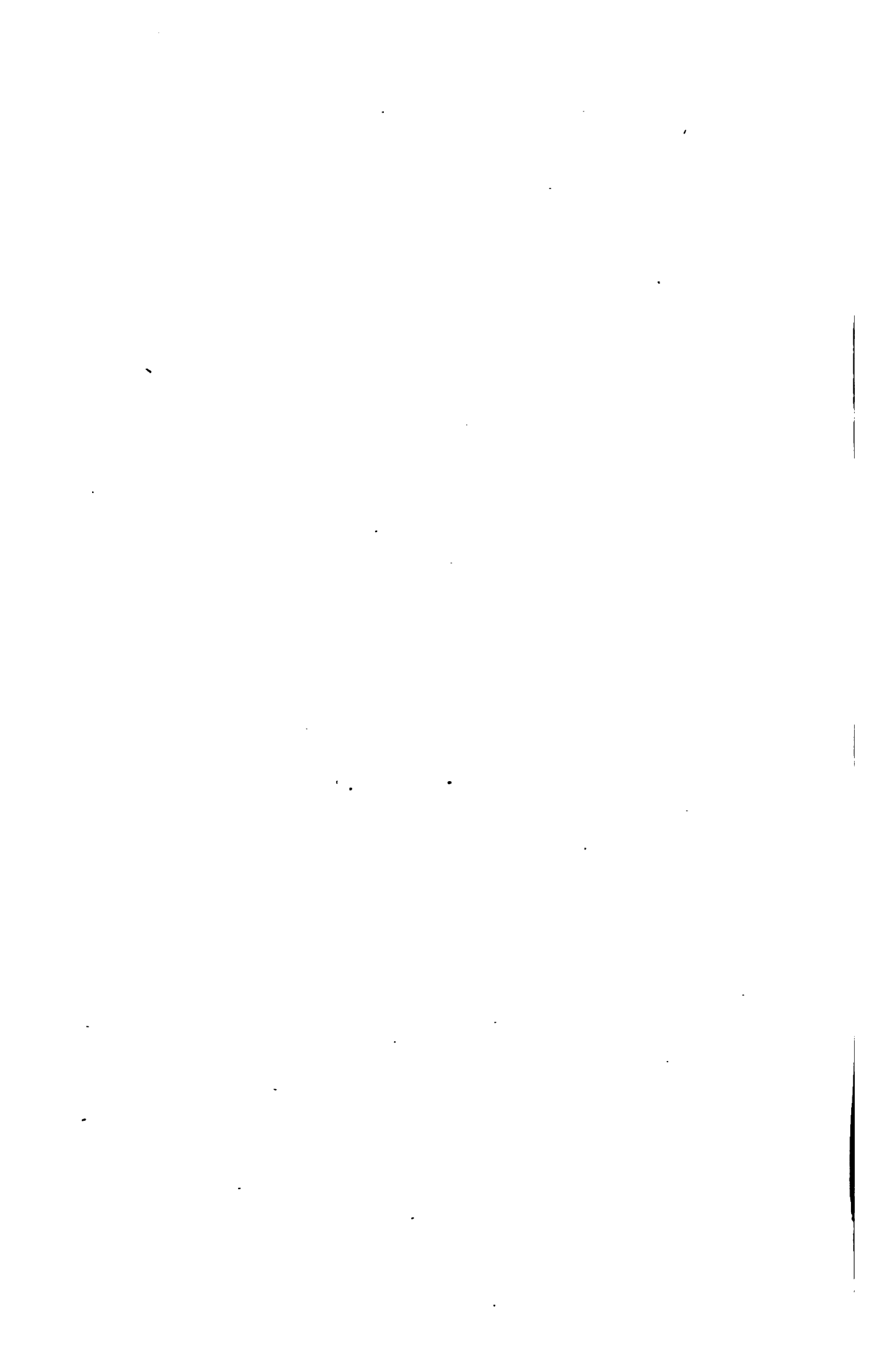
Быть можетъ, М. Г., я не сказалъ ничего новаго, паче́го, что уже не было бы извѣстно Вамъ; но и въ такомъ случаѣ я надѣюсь по крайнѣй мѣрѣ, что мои воззрѣнія на значеніе провинціи въ государственной жизни, которыя вытекаютъ изъ той картины провинціального быта во Франціи, будутъ ли эти воззрѣнія стары или новы, во всякомъ случаѣ близки къ истинѣ. Провинцію заклеили Римляне самымъ названіемъ, которое въ переводѣ съ латинскаго языка значитъ: побѣжденная страна. Римляне дорого заплатили за то, что ихъ управленіе провинціями соотвѣтствовала названію самаго предмета; римскіе пропреторы и проконсулы были безпримѣрными деспотами въ провинціяхъ; при Лудовикѣ XIV французская провинція была не въ лучшемъ состояніи; правда, Лудовикъ XIV не завоевывалъ своихъ провинцій, какъ Римляне, но, по прекрасному замѣчанію Во-бана, опустошать можно не однимъ желѣзомъ и огнемъ. Администрація Лудовика XIV обратила государственную жизнь въ постоянную войну; армія чиновниковъ стояла римскихъ легіоновъ. Я сравнилъ существованіе французскихъ провинцій съ состояніемъ войны; но оно было еще хуже; война кончается миромъ, но война въ формѣ административной безконечна и безпощадна; одно только истощеніе силъ можетъ окончить такое печальное состояніе общества. Мы въ настоящее время имѣемъ лучшіе взгляды на значеніе провинцій въ общей жизни государства; если и въ наше время можетъ явиться необходимость завоевать провинціи, то къ этому можетъ быть употреблено только одно средство—образованность и то, что обуславливаетъ успѣхи образованности, не той образованности, которая ограничивается, кѣрнѣе сказать, скользнуть по высшимъ слоямъ общества, но той, которая имѣетъ глубокіе корни въ вѣдрахъ самаго общества.

М. Стасюлевичъ.

О П Е Ч А Т К И.

Въ статьѣ Г-на Пятковского «Матеріалы для біографіи Веневитинова» стр. 213—234 вкрались опечатки, изъ которыхъ важнѣйшія.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
220	сверху 21	(М. О.)	(М. Г.)
232	снизу 10	воспроизводить	воспроизведенія.
234	снизу 14	потерю.	потерю,

ЮВЕНАЛЪ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

Н. М. Благовѣщенскаго.

ЮВЕНАЛЬ. *)

ЛЕКЦІЯ I.

Въ первый разъ еще русскій профессоръ древней филологіи рѣшается выступить съ публичною лекціею о своемъ предметѣ. Въ первый разъ еще этотъ предметъ привлекаетъ въ аудиторію не обучающихся слушателей, а представителей образованнаго общества, не имѣющихъ никакого офиціальнаго отношенія къ Университету. Мм. Гг., я долженъ начать мою лекцію съ откровеннаго признанія въ томъ, что наша филологія едва ли заслужила такую честь. Мы сдѣлали все или почти все для того, чтобы поселить въ нашемъ обществѣ недовѣріе къ древней филологіи и сомнѣніе въ ея пользѣ. До сихъ поръ мы обыкновенно шли въ этой наукѣ не дальше грамматики, на древнихъ писателей смотрѣли, какъ на средство изучить всѣ ея тонкости, — да и тѣхъ не изучили. Я, разумѣется, нисколько не вооружаюсь противъ грамматики. Нѣтъ сомнѣнія, что она необходимое основаніе, безъ котораго невозможно строить зданія филологіи. Я говорю только, что принять фундаментъ за зданіе — большая ошибка, а скорбѣть о томъ, что никто не восхищается такимъ безобразнымъ и только что начатымъ зданіемъ — большая наивность.

*) Лекціи о Ювеналѣ уже были помѣщены въ 19-мъ № «Русскаго Вѣстника» (1859 г.), но съ пропусками, на которые авторъ, однако, не уполномочилъ редакцію означеннаго журнала. Пользуясь выходомъ въ свѣтъ втораго выпуска «Сборника, издаваемого студентами Императорскаго С. Петербургскаго Университета», авторъ съелъ не лишнимъ снова напечатать свой трудъ въ первоначальномъ его видѣ. *Прим. мое.*

Дѣло въ томъ, что живыя стороны древней филологіи до сихъ поръ остаются почти совершенно чуждыми намъ. Удивляться ли послѣ этого, что она находитъ у насъ такъ мало почитателей!

Но не только у насъ, по причинамъ, которыя очень понятны, даже на западѣ Европы раздаются по временамъ голоса противъ классической филологіи, — и тамъ она уже не разъ была объявлена какими то вопіющимъ анахронизмомъ. Мы стремимся, говорить противники этой науки, приложить всѣ наши знанія къ самой жизни: таково направленіе нашего вѣка. Мы поняли, что наука необходима для жизни и въ прямомъ, т. е. матеріальномъ, непосредственномъ приложеніи къ ней, и какъ лучшее основаніе, какъ твердая опора нашей мысли. Мы поняли, что жизнь безъ науки жалка и постыдна, да, кромѣ того, и опасна въ наше время, потому что лишаетъ государство такого оружія, которымъ хорошо владѣетъ Европа.

Этотъ современный взглядъ на науку вполне разуменъ: онъ общается и для науки, и для общества много хорошаго. Но если это такъ, то повольно возникаетъ вопросъ: какое же значеніе въ сферѣ наукъ имѣетъ въ наше время древняя филологія? Къ чему изъ изучать бытъ какого нибудь давно отжившаго народа, когда мы не имѣемъ достаточно времени, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, что насъ окружаетъ, что намъ близко?

По отношенію къ римской древности, такой взглядъ былъ бы одностороненъ даже и тогда, когда изъ этой науки мы не могли бы извлечь ничего полезнаго для нашей современности. Неужели недостойна нашего вниманія, сама-по-себѣ, жизнь народа, который произвелъ столько великаго и изъ ничего достигъ такой высокой степени политическаго развитія и могущества?

Притомъ не должно забывать, что въ римской древности кончается исторія классическаго міра, на развалинахъ котораго возникаетъ новая жизнь, а это самое придаетъ изученію его интересъ чисто-практическій. Римъ передалъ новой Европѣ результаты греко-римской цивилизаціи и сдѣлался необходимымъ звеномъ, которое связуетъ міръ живущій съ міромъ древнимъ, отжившимъ. На жизнь обоихъ народовъ такъ называемой классической древности мы необходимо должны смотрѣть, какъ на первое проявленіе современнаго

нать европейскаго быта. Вотъ почему изученіе почти всѣхъ сторонъ жизни Грековъ и Римлянъ, напримѣръ, ихъ литературы, искусства, политическихъ учреждений и пр., необходимо для полнаго пониманія нашей современности.

Изученіе римской литературы особенно важно для насъ потому, что она оказала огромное вліяніе на развитіе европейскаго слова: она произвела въ Европѣ періодъ классицизма. Римскую словесность очень часто упрекаютъ въ томъ, что она съ самаго начала усвоила себѣ характеръ подражательный, и не создала почти ни одной литературной отрасли. Для оправданія этой науки въ подобныхъ упрекахъ, достаточно спросить: какую же новую отрасль выработали христіанскія литературы? Развѣ онѣ слѣдуютъ не тѣмъ же путемъ, которымъ шло римское слово? Развѣ почти всѣ отрасли новой литературы не тѣ же самыя, какія явились уже у Грековъ?

Но въ римской литературѣ встрѣчается намъ одна чисто національная отрасль: — это сатира. «Сатира вся наша», самодовольно и съ полнымъ правомъ говорить Квинтиліанъ.

Вотъ причина, которая заставила меня избрать римскую сатиру или, говоря точнѣе, одного изъ главныхъ представителей ея — Ювенала — темою для моихъ лекцій. Но эта причина не единственная. Мы теперь всѣ понимаемъ, что изученіе отрицательной стороны жизни какого бы то ни было народа такъ же поучительно, какъ и положительной. Чувство ненависти ко всему безчестному и преступному, выносимое человѣкомъ изъ подобнаго изученія, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ на душу его не менѣе благотворно, чѣмъ отрадное успокоеніе на свѣтлыхъ эпохахъ и утѣшительныхъ фактахъ исторіи.

Недавно, въ этой самой аудиторіи, почтенный мой товарищъ *) живо и краснорѣчиво указалъ на мрачную сторону одного вѣка, который до сихъ поръ еще многими считается блестящимъ — это вѣкъ Людовика XIV. Безъ сомнѣнія, этому взгляду суждено со временемъ сдѣлаться историческою аксіомою, но несомнѣнно и то, что упомянутая эпоха богата, по крайней мѣрѣ, наружнымъ, вѣнскимъ блескомъ.

*) М. М. Стасюлевичъ.

Вѣкъ, въ который я долженъ ввести васъ, Мн. Гг., лишенъ даже этого мнимунаго ореола. Это, можетъ быть, самое мрачное, самое ужасное время, какое пережила мѣръ, съ тѣхъ поръ какъ онъ существуетъ, — это вѣкъ Домиціана.

Въ исторіи человѣчества не рѣдко встрѣчаются такъ-называемыя мрачныя эпохи, когда правдѣ нѣтъ мѣста, когда честный и живой человѣкъ считается чуть не преступникомъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ безпокойнымъ и положительно вреднымъ для общественнаго порядка.

Такія эпохи чаще всего являются на двухъ предѣлахъ исторической жизни народовъ, передъ наступленіемъ эпохи процвѣтанія и послѣ нея.

Въ первомъ случаѣ, этотъ нравственный застой, озлобляющійся противъ жизни и правды, имѣетъ опору себѣ въ гражданской и умственной незрѣлости народа; а она, особенно при неблагоприятныхъ условіяхъ для народнаго развитія, продолжается иногда цѣлыя столѣтія.

Положеніе людей, зрѣлыхъ умственно и нравственно, бываетъ въ такія времена очень печально. На свои благородныя стремленія они находятъ мало отзыва въ обществѣ; преслѣдуемые то презрѣніемъ, то подозрѣніями, они безплодно тратятъ свои силы въ борьбѣ съ невѣжествомъ и равнодушіемъ къ общественнымъ интересамъ. Но печальная дума этихъ людей утѣряется, по крайней мѣрѣ, при мысли, что они живутъ въ переходную эпоху, что въ нихъ народъ достаточно умственныхъ и нравственныхъ, хотя и скрытыхъ до времени, силъ, необходимыхъ для того, чтобы наконецъ достигнуть зрѣлости и лучшаго быта.

Всегда и вездѣ, особенно въ такое переходное время, передовые люди не рѣдко обращались къ литературѣ, и въ ней начинали раздаваться живые голоса, проникнутые пламенною любовью къ правдѣ и благу, неподкупнымъ доброжелательствомъ къ родной странѣ. Эту любовь, по выраженію поэта, писатель не рѣдко проповѣдуетъ «холоднымъ словомъ отрицанья». Это —

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца...

Не только любопытно, но и поучительно прислушиваться къ этимъ честнымъ голосамъ: они часто служатъ выраженіемъ народнаго гласа, а «гласъ народа — гласъ Божій».

Во всякомъ случаѣ, однако, безусловный пессимизмъ въ такое переходное время, представляющее историческій выходъ къ лучшему, — явленіе ненормальное, болѣзненное.

Дѣйствительно, гораздо печальнѣе и мрачнѣе эпохи нравственнаго застоя, которыя являются на другомъ, противоположномъ концѣ жизни народа, и заканчиваютъ собой его исторію. Тогда отъ великой поры прошедшаго остаются только одни воспоминанія, настоящее невыносимо тяжело, и нѣтъ уже никакого исхода къ лучшему будущему. Незавидна участь людей съ умомъ возвышеннымъ и благороднымъ, которыя суждено жить въ такое безотрадное время. Они глубоко чувствуютъ весь ужасъ и всю безвыходность положенія того общества, къ которому сами принадлежатъ, и это дѣлаетъ личность ихъ вполне трагическою. Литература и въ этомъ случаѣ представляетъ для благороднаго человѣка лучшую, хотя и не очень удобную сферу дѣятельности, и вотъ почему, иногда, въ мрачную историческую эпоху, одиноко свѣтитъ имя писателя, не живущаго ничего общаго съ окружающимъ его міромъ.

Въ такое безотрадное время суждено было жить Ювеналу. То была самая мрачная пора эпохи римскихъ цезарей. Въ исторіи нѣтъ другого примѣра такого страшнаго нравственнаго паденія цѣлой націи, пережившей одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ человѣческаго величія. Безконечный рядъ казней, среди безмолвныхъ оргій; асгионы рабовъ и ссыльныхъ, — центуріоновъ, готовыхъ всякому продать римскую корону, — донощиковъ и шпионовъ, которые тучили на счетъ своихъ жертвъ: вотъ что увидѣлъ поэтъ въ тѣ годы своей жизни, когда западаютъ въ душу человѣка первыя впечатлѣнія.

Къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстна жизнь Ювенала. У древнихъ авторовъ мы напрасно будемъ искать полной и вѣрной характеристики этого писателя. Тогда еще не понимали значенія исторіи литературы. Римскіе филологи, или такъ называемые грамматикъ, не обращали почти никакого вниманія на личность авторовъ и, при изученіи ихъ, болѣею частію исключительно останавливались на

этимологии разныхъ словъ, или случайно употребленныхъ. Грамматикъ не старался собрать преданія о жизни своихъ литературныхъ знаменитостей, или дѣлалъ это безъ всякой критики, и не умѣлъ возвыситься отъ простаго слова или факта до идеи. Впрочемъ, не будемъ обвинять ихъ за это слишкомъ строго, тѣмъ болѣе, что подобныя филологи и теперь еще не перевелись на свѣтъ.

Мы ищемъ древнюю біографію Ювенала, которая наполнена кѣлымъ рядомъ отрывочныхъ, перепутанныхъ и невѣрныхъ заѣтокъ, такъ что очень трудно отыскать въ нихъ историческую правду *). За то нравственная личность Ювенала очень ярко отражается въ его сатирѣхъ; онъ вполне оправдываетъ собою слова Лессинга, что жизнь поэта — его творенія.

Ювеналъ родился при императорѣ Клавдіи (въ 42 г. по Р. Х.), въ небольшомъ городѣ Кампаніи, Аквинумѣ (Aquinum), и былъ сынъ или пріемный (incertum — filius, an adoptivus) богатаго спущеника. Отъ него, вѣроятно, поэтъ получилъ въ наследство, въ окрестностяхъ Тиволи, помѣстье, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей XI сатирѣ. Ювеналъ (прибавляетъ древній его біографъ) очию долго, до половины своей жизни, упражнялся въ декламациі, и она, какъ мы увидимъ, не мало повредила его литературнымъ трудамъ.

Декламациі составляли, особенно въ періодъ имперіи, главный предметъ въ римскомъ воспитаніи. Наставникъ, или риторъ, обыкновенно предлагалъ своимъ ученикамъ тему для сочиненія. Эти школьные темы болѣею частію отличались очень страннымъ характеромъ и не имѣли ничего общаго съ окружающимъ міромъ: задавали, напримеръ, написать рѣчь мага или жреца во время моровой язи,

*) Въ старинныхъ манускриптахъ, въ которыхъ дошли до нашего времени сатиры Ювенала, сохранились отрывки изъ нѣсколькихъ его біографій. Главная изъ нихъ, обыкновенно печатаемая въ изданіяхъ сатиръ Ювенала, приписывается то грамматикъ Пробу, то Светонію (изъ его сочиненія de Poëtis), но безъ достаточнаго основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта біографія написана въ древности, но несомнѣнно и то, что она должна до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ позднѣйшемъ и очень извѣстномъ извѣщеніи. Кроме того, у Свиды и въ древнихъ схолихъ къ Ювеналу можно найти нѣсколько скудныхъ извѣстій о его жизни, но авторитетъ ихъ очень малокъ. Попытки составить изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ заѣтокъ полную біографію Ювенала не привели да и не могутъ привести къ удовлетворительному результату.

рѣчь прота къ вопросу захваченнаго нѣ корабля, и т. д. Такому тому молодой человекъ долженъ былъ изложить самыя поэтичныя слога, со всеми возможными и даже невозможными риторическими украшениями. Такимъ образомъ Римлянинъ съ самаго ранняго возраста привыкалъ къ напыщенной, искусственной рѣчи, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ того непріятнаго риторства, которымъ изпещены произведенія даже лучшихъ римскихъ авторовъ этой эпохи.

Ювеналъ держался отъ безжизненныхъ декламаций въ живой сатирѣ въ то время, когда другіе перья кончаютъ свою литературную деятельность. Онъ уже пережилъ въ эту пору нѣсколько царствованій, — пережилъ Клавдія, Нерона, видѣлъ кровавую усобицу за власть между Гальбей, Оттономъ и Вителліемъ. Наконецъ, Римъ отдохнулъ нѣсколько въ правленіе первыхъ Флавіевъ, Веспасіана и Тита, но какъ бы для того, чтобы еще болѣе почувствовать всю ужасъ деспотизма, когда на римскомъ тронѣ вѣлся Доминіанъ.

Это одна изъ самыхъ чудовищныхъ личностей, даже между римскими цезарями. Это былъ человекъ очень властолюбивый, тщеславный, свирѣпый, но скрытный, умѣвшій до времени заглаживать свою злобу, и въ то же время очень трусливый. Вообще, онъ много напоминаетъ собою Тиберія: не даромъ мемуары его составляли любимое чтеніе Доминіана. Подобно Тиберію и Нерону, онъ не разомъ обнаружилъ свою жестокость. Въ эти цезари сначала какъ будто приглядывались къ тому, что ихъ окружало, и потому первые годы ихъ правленія миновали тихо, мирно и даже не бесславно. Но не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, и они начинали свирѣствовать. Въ этомъ какъ разъ кроется, конечно, историческая причина. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эти люди, свирѣпые уже по природѣ, испорченные ласкою и воспитаніемъ, очень скоро убѣждались въ томъ, что ихъ народъ — нѣмая толпа рабовъ, готовая терпѣливо и равнодушно сносить самый необузданный произволъ.

Я нахожу глубоко вѣрнымъ слѣдующее, впрочемъ, очень обыкновенное замѣчаніе Гиббона о римской монархіи. Правительственная власть, говоря знаменитый англійскій историкъ, съ тѣми элементами, которые вли въ составъ римскаго принципата, можетъ принять колоссальныя, ужасающіе размѣры, если въ самомъ обществѣ

не будет достаточно нравственных средств для ее ограничения. Вот почему эпохи страшного доисотизма въ то же время эпохи глубокаго нравственнаго паденія цѣлой націи. Клавдій, Персень и Доминіанъ, которые ошесточили душу Ювенала, перенесли ее въ сатиру и въ злобу, были впрямь, самымъ логическимъ и необходимымъ результатомъ своего вѣка. Иначе прокураторы, то-есть губернаторы римскихъ провинцій, передавая приказы Доминіана, не могли бы начинать свои циркуляры словами: «богъ и властелинъ намъ повелѣваетъ тако...» Доминіанъ, какъ извѣстно, не дождался своей вѣчной спячки; онъ еще при жизни торжественно объявлялъ себя богомъ, а съпать и народъ рабскино поклонился передъ этимъ новымъ для челоуѣка титуломъ.

Римский бог начал свою политическую карьеру съ того, что привлечь на свою сторону чернь и войско. Онъ очень легко достигъ этого тѣмъ, что забавлялъ народъ великолѣпными зрѣлищами (въ циркѣ и въ амфитеатрѣ) и даровалъ раздачей хлѣба, а войску увеличилъ жалованье. Такова обыкновенная политика римскихъ цезарей;

Затѣмъ послѣдовали безпрерывныя казни. Между прочимъ, богатство не рѣдко было въ это время единственнымъ виномъ чловѣка. Богатые люди часто были обвиняемы въ оскорбленіи величества или въ какомъ-нибудь другомъ, небываломъ преступленіи, и выводились на казнь только для того, чтобы деньгами ихъ покрылись расходы на увеселенія народа. Значительная часть жеманнаго иудства отдавалась обыкновенно донощикамъ, и это было лучшее средство поощрить ихъ дѣятельность и усердіе.

Особенно въ послѣдніе годы своего пятнадцатилѣтняго царствованія, Домитіанъ свирѣпствовалъ съ такою оскорбительною для члвчества жестокостію, что и теперь нельзя безъ отвращенія и ужаса читать страшную повѣсть его управленія. Нѣсколько слабѣе попытокъ освободить Римъ отъ этого тирена только безплодно увеличивъ число жертвъ и казней. Тяжелое было время!

Въ эту-то пору Ювеналъ началъ писать сатиры. Ему было за сорокъ лѣтъ, и уже изъ этого видно, что его провансъ не служилъ выраженіемъ минутнаго юношескаго порыва: это было нѣчто постоянное въполнѣ зрѣлаго человѣка, невольное проявленіе глѣза, который накупилъ въ душѣ поэта въ долгіе годы отанія.

Время Домициана было, конечно, не литературное. Въ этотъ страшный вѣкъ и могли только безопасно писать такіе поэты, какъ Марціалъ и Статій, которые не стыдились называть Домициана великимъ человекомъ и обращаться къ нему въ своихъ произведеніяхъ съ самоею грубою лестию. Казалось бы, что если не нравственное чувство, то простой литературный тактъ могъ удерживать отъ подобной низости такого остроумнаго и новокласснаго писателя, какъ Марціалъ, но не такъ было.

И вотъ, среди этой услужливой литературы, неожиданно раздавался благородный и гнѣвный голосъ Ювенала. Раздался, впрочемъ, этотъ голосъ сначала не всенародно, для немногихъ. Сатирикъ, не подвергая себя крайней опасности, разумеется, не могъ открыто выступить съ своимъ бичующимъ протестомъ въ такое время, когда безчестныя дѣла вели къ нечестіямъ, а задумчивое, патристическое слово считалось преступленіемъ. Припомнимъ здѣсь смерть благородныхъ историковъ: Арулена Рустика и Гереннія Сенеціона, которыхъ Домиціанъ велѣлъ казнить подъ самыми ничтожными предлогами. Въ то же время Зиннитъ и другіе философы были изгнаны изъ Рима, какъ люди, опасные для общественнаго порядка и спокойствія... Такъ иногда на официальном языкѣ называется душной и смирный застой.

Ювеналъ могъ сначала, и то тайкомъ, читать свои сатиры только друзьямъ. Эта осторожность, однако, не помогла. Шпіоны, которые при Домиціанѣ составляли весьма значительную часть римскаго населенія, донесли, кому слѣдуетъ, что явился новый писатель, съ убѣжденіями, несогласными съ видами правительства, что онъ пишетъ сатиры и въ одной изъ нихъ неуважительно отзывался даже о Парисѣ. Парисъ этотъ — личность весьма замѣчательная: это одинъ изъ самыхъ типическихъ клеветовъ Домиціана, отъ которыхъ завистля участь почти цѣлаго міра; въ сущности же это былъ пантомимъ, то-есть балетный танцоръ, большой любимецъ римской публики и, вѣсть съ тѣмъ, временщикъ. Онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ при дворѣ *).

*) При Неронѣ также жилъ въ Римѣ пантомимъ Парисъ и былъ въ большой силѣ, но Ювеналъ, очевидно, не его имѣлъ въ виду въ VII сатирѣ. Поэтъ былъ въ это время

Въ одной изъ своихъ сатиръ, именно въ содѣшной (ст. 82 и слѣд.), Ювеналъ выставилъ, конечно, очень известный въ Римѣ фактъ, что, при содѣшствѣ Париса, легче всего получить почетное и доходное мѣсто. Обращаясь затѣмъ къ современникамъ писателя, поэтъ говоритъ, что напрасно они толкуются въ прихожей Париса, и совѣтуетъ имъ испытать счастья въ прихожей Париса.

Ювеналъ, какъ мы увидимъ, дорого цѣнилъ за свою острогу, но надобно замѣтить, что и танцоръ-вельможа, котораго онъ задѣлъ, вскорѣ получилъ свою блистательную зарьеру очень трагически. Отъ Париса, между прочимъ, были безъ ума римскія дамы, и въ числѣ его почитательницъ самое видное мѣсто занимала супруга цезаря, Доминція. Она, должно-быть, уже слишкомъ далеко простерла свою любовь къ пантомимному искусству, потому что Доминція удалилась отъ двора, а Париса, въ припадкѣ ревности, заковалъ на улицѣ кандаломъ. Цезарь велѣлъ казнить даже тѣхъ, которые усматривали въ тѣхъ то мѣсто, гдѣ погибъ любимый актеръ.

Впрочемъ, эта катастрофа случилась уже позже, а въ то время какъ Ювеналъ вывелъ въ своей сатирѣ Париса, онъ былъ еще въ полной силѣ, и потому не удивительно, что поэтъ пострадалъ за свое обличительное слово: онъ былъ посланъ въ Египетъ *).

еще очень молодъ, и если писать, то исключительно шутливыми декларациями. Здѣсь необходимо разуть Париса Доминціанова вѣка. Подробности объ этихъ Парисахъ говорится въ *Пропилеяхъ*, т. IV, въ моей статьѣ *Римскія пантоимы*. Замѣтимъ еще, что мѣсто о Парисѣ, принадлежавшее первоначально одному изъ раннихъ произведеній Ювенала, уже позже внесено имъ въ VII сатиру, которая, какъ видно изъ первого стиха, появилась при Траянѣ. Мы держимся того мнѣнія, что именно этого императора нужно разуть здѣсь подъ словомъ Caesar.

*) Заподозрѣнный нѣкоторыми учеными фактъ о ссылкѣ Ювенала въ Египетъ не подлежитъ никакому сомнѣнью, и вполне подтверждается пятинадцатой сатирой, гдѣ поэтъ говоритъ объ этой странѣ, какъ о чужбинѣ. Но изъ древней біографіи Ювенала прибавлено еще, что онъ былъ посланъ туда восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, и при томъ съ званіемъ префекта когорты. Такое показаніе съ перваго раза поражаетъ своею неисторичностью и странностью. Очевидно, оно произведеніе фантазіи досужаго грамматика, который передѣлалъ гдѣ-то смерти Ювенала съ какою-то его соимен. Притомъ, кому же могло придти на умъ сдѣлать префектомъ когорты восьмидесятилѣтняго старика? Трудно даже предположить, что Ювеналъ когда-нибудь служилъ въ войскѣ, если обратитъ вниманіе на XVI его сатиру. Наконецъ, если вѣрить на слово грамматикъ, то нужно признать, что Ювеналъ былъ сосланъ при Адрианѣ, но такой выводъ совершенно противорѣчитъ дру-

Наконецъ и самъ Домиціанъ сошелъ со сцены: онъ погибъ при одной изъ тѣхъ придворныхъ революцій, которыя были такъ обыкновенны въ Римской имперіи. Нѣсколько клеветовъ Домиціана задушили его въ самомъ дворцѣ. Въ этомъ заговорѣ участвовала Домиція и начальникъ преторіанской гвардіи Петроній Секундъ.

Римъ снова ожилъ, и въ этотъ разъ на довольно долгое время. Между прочимъ, свободно вздохнули и римскіе писатели.

Очень любопытно слѣдить за разными проявленіями того восторга, съ которымъ литература привѣтствовала въ эту пору новую эпоху. Это, конечно, была лучшая эпоха въ исторіи римскаго принцепата: она началась Нервою, который вскорѣ взялъ себѣ въ соправители Траяна, и кончилась Маркомъ Авреліемъ.

Этотъ восторгъ не могъ подавить въ Тацитѣ, современникъ Ювенала, мрачнаго чувства, при воспоминаніи о прежнемъ тяжеломъ времени. Вотъ что писалъ Тацитъ вслѣдъ за смертью Домиціана:

«Да, мы поминиѣ представили собою большое доказательство терпѣнія, и какъ прежній вѣкъ видѣлъ крайній предѣлъ свободы, такъ мы видѣли крайній предѣлъ рабства, — когда розыски отняли

гимъ показанія, которыя мы находимъ въ древней біографіи римскаго сатирика. Такъ, напримѣръ, біографъ прямо называетъ пантомима Париса виновникомъ ссылки Ювенала, а такого пантомима при Адрианѣ не было. Затѣмъ грамматикъ говоритъ, что Ювеналъ занимался декламациями почти до половины своей жизни (*ad mediam fere aetatem*), слѣдовательно — до сорокалѣтняго возраста, когда онъ началъ писать сатиры, а сорокъ лѣтъ поэту исполнилось въ началѣ царствованія Домиціана. Не смотря на явное противорѣчіе и запутанность показаній древняго грамматика, они до сихъ поръ еще повторяются учеными, и при томъ не только Низаромъ и Борбергомъ, но Гейнрихомъ, Франке и др. Нѣтъ сомнѣнія, какъ это утверждалъ уже Юстъ Липсіи, что Ювеналъ былъ сосланъ въ Египетъ Домиціаномъ. Къ этому же времени должно отнести первыя шесть сатиръ Ювенала, за исключеніемъ четвертой. Начало VII сатиры явно указываетъ на оживленность, которую римская литература получила при Траянѣ. Это мнѣніе уже принято нѣкоторыми учеными, напримѣръ Веберомъ, и мы увѣрены, что со временемъ оно сдѣлается преобладающимъ въ наукѣ. Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Говоря о заслугахъ Римлянъ въ сатиру, Квинтиліанъ (*Inst. Or. X, 1 § 95*), очевидно, намекаетъ на Ювенала въ слѣдующихъ словахъ: «и теперь есть у насъ знаменитые (въ этомъ родѣ) писатели, имена которыхъ будутъ раздаваться и въ потомствѣ». Изъ этихъ уклончивыхъ словъ ясно видно, что Ювеналъ не пользовался расположеніемъ Домиціана, къ которому Квинтиліанъ былъ близокъ, какъ воспитатель его племянника. Иначе, что же могло заставить римскаго критика умолчать о Ювеналѣ?

у насъ возможность даже говорить и слушать. Мы утратили бы, вѣсть съ словомъ, самую память, если бы забвеніе на столько же было въ нашей власти, на сколько — молчаніе.

«Но теперь, продолжаетъ благородный историкъ, бодрость снова къ намъ возвращается. При самомъ зарожденіи новаго, благодатнаго вѣка, Нерва умѣлъ соединить то, что прежде казалось несоединимымъ — императорскую власть и свободу, а Траянъ съ каждымъ днемъ увеличиваетъ благоденствіе государства. Общественное благосостояніе основано теперь не на однихъ только надеждахъ и желаніяхъ, но на твердой увѣренности въ томъ, что эти желанія исполнятся. Однако, по свойству слабости человеческой, лѣкарство дѣйствуетъ медленно, чѣмъ злая немочь, и какъ тѣло укрѣпляется не скоро, а разрушается быстро, такъ точно гораздо легче подавить таланты и науку, чѣмъ воззвать ихъ къ жизни ¹⁾...»

Ювеналъ также ободрился. Онъ, по прежнему, съ тяжелымъ чувствомъ презрѣнія смотритъ на римское общество, но съ довѣріемъ обращается къ новому правительству. «Вся надежда и опора литературы, говоритъ онъ ²⁾, теперь въ одномъ только цезарѣ. Онъ одинъ въ это трудное время обратилъ вниманіе на печальныхъ Каменъ, послѣ того какъ прославленные и всѣмъ извѣстные наши поэты стали брать на откупъ — кто баню въ Габіяхъ, а кто псарню въ самомъ Римѣ, и голодная муза, покинувъ долины Аганишсы, переселилась въ прихожія богачей.» Отраднo было поэту обратиться къ молодому похолѣнію съ такими словами ³⁾: «трудитесь, юноши, на васъ устремлены взоры благодушнаго императора; онъ неощраетъ васъ къ дѣятельности и только ищетъ повода благотворить вамъ.»

Надежды Ювенала на новое правительство оправдались только отчасти. Траянъ былъ, конечно, однимъ изъ лучшихъ цезарей, и вполне заслужилъ титулъ «Optimus», которымъ почтили его Ригляне, но онъ почти все время своего царствованія провелъ въ войнахъ, и постоянно стремился къ увеличенію и безъ того необъятнаго

1) Agricola, конецъ II и начало III главы.

2) Въ началѣ VII сатиры.

3) Ibid. ст. 20.

Римскаго государства. Нельзя отрицать, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ отличный администраторъ, заботился о воспитаніи своихъ подданныхъ, увеличилъ число школъ въ Римѣ, учредилъ новую общественную бібліотеку, но царствованіе его не вызвало къ дѣятельности ни одного замѣчательнаго писателя, потому что Тацитъ, Ювеналъ, Марціалъ и Квинтиліанъ созрѣли для литературы еще въ предшествующую эпоху. За то прежніе дѣатели могли теперь открыто выступить съ тѣми самыми произведеніями, за которыя имъ еще такъ недавно грозила тюрьма, казнь и ссылка.

Вмѣстѣ съ свободой рѣчи исчезла, какъ это обыкновенно бываетъ, тайная литература, которая, составляя запретный плодъ, уже тѣмъ самымъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ литература привилегированная, но въ то же время стѣсненная до самыхъ узкихъ рамокъ, не допускающихъ ни свѣтлой мысли, ни живаго слова. Ювеналу, который между тѣмъ былъ возвращенъ изъ ссылки, также открылась теперь возможность издать въ свѣтъ свои сатиры. Во всю свою остальную жизнь, которая, по всей вѣроятности, прошла очень спокойно *), онъ не переставалъ трудиться для литературы и, какъ это легко доказать, постоянно просматривалъ прежнія свои произведенія, многое въ нихъ измѣнялъ и дополнялъ. Онъ даже не успѣлъ кончить своей заключительный литературный трудъ: послѣдняя, шестнадцатая сатира Ювенала набросана имъ въ видѣ эскиза, который, безъ сомнѣнія, со временемъ долженъ былъ получить болѣе изысканную и правильную форму.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что послѣднія произведенія Ювенала, начиная съ двѣнадцатой сатиры, носятъ на себѣ слѣды утомленія и какой-то вялости. Видно, что въ поэтѣ исчезла его прежняя энергія и впечатлительность. Многословіе этихъ сатиръ объясняется въ авторѣ челоуѣка преклонныхъ лѣтъ; съ другой стороны, изъ только спокойный и умѣренный, но и вялый тонъ этихъ сатиръ объясняется тѣмъ, что онѣ писаны въ такое время, когда душа поэта

*) Мы уже замѣтили, что Ювеналъ умеръ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Это было въ 121 или 122 г. по Р. X.

уже не раздражалась постоянными оргіями цезарской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшими своими произведеніями, то-есть начальными сатирами, Ювеналъ обязанъ Домиціану: онѣ сложились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его деспотизма и отличаются необыкновенною силой.

Первая сатира, безспорно, одно изъ лучшихъ, изъ самыхъ выдержанныхъ, искреннихъ и глубоко прочувствованныхъ произведень Ювенала. Онъ рисуетъ здѣсь общую картину римскихъ нравовъ, и въ то же время объясняетъ, что заставило его сдѣлаться сатирикомъ. Мы воспользуемся этою сатирой, чтобы ближе узнать Ювенала, какъ человѣка и писателя.

Поэтъ начинаетъ се насмѣшкой надъ однимъ обычаемъ, который задолго до него вошелъ въ моду: это публичныя чтенія. Въ древнемъ мірѣ этотъ обычай имѣлъ больше значенія, чѣмъ въ наше время, потому что тогда, при отсутствіи книгопечатанія, авторамъ мало представлялось другихъ средствъ познакомить публику съ своими произведеніями. Правда, что уже въ періодъ Цицерона существовали въ Римѣ книгопродавцы-издатели. Они держали цѣлыя толпы переписчиковъ и выставляли въ своихъ лавкахъ, во множествѣ экземпляровъ, сочиненія любимыхъ авторовъ. Въ вѣкъ Августа особенно дѣятельностью отличались книгопродавцы братья Соини. Но, во всякомъ случаѣ, знакомство съ новою книгой было въ это время дѣломъ не очень легкимъ. Вотъ почему публичныя чтенія быстро распространились въ Римѣ съ самаго начала періода имперіи. Вскорѣ, однако, это полезное учрежденіе получило въ Римѣ безобразный характеръ. Публичныя чтенія, уже во время Горачія, рѣдко представляли образованному человѣку случай провести время пріятно и съ пользой. При отсутствіи публичныхъ интересовъ, литературныя бесѣды сдѣлались поприщемъ для самолюбія и тщеславія. Каждый бездарный поэтъ, написавъ какое-нибудь тѣщее произведеніе, спѣшилъ пригласить своихъ друзей, родныхъ и кліентовъ на литературную бесѣду, и онѣ, наконецъ, такъ размножились, что иногда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца безъ нихъ не проходило ни одного дня.

Не удивительно, что въ вѣкъ Ювенала литературные источники окончательно были искушены. Къ тому же, это время, какъ мы уже замѣтили, особенно отличалось, за весьма немногими исключеніями, отсутствіемъ оригинальности и творчества въ литературѣ. Поэты или брали содержаніе для своихъ произведеній почти исключительно изъ Гомера и греческихъ трагиковъ, а это были сюжеты, давно знакомые римской публикѣ, или, какъ Паниній Стацій, старались блистать легкими и пустыми импровизациями. Для того чтобы привлечь слушателей въ аудиторію, употреблялись всевозможныя средства. Если читалъ богатый человѣкъ, то зала наполнялась его друзьями, и въ особенности должниками и кліентами. Последними нередко платили за это деньгами или натурой. Кроме того, есть поводъ думать, что въ Римѣ существовалъ многочисленный классъ особаго рода промышленниковъ, которые, за известную плату, всякому предлагали свои услуги и, вѣстѣ съ кліентами читающаго, производили въ залѣ страшный шумъ, безпрестанно прерывая чтеніе громкими одобрительными восклицаніями и хлопаньемъ. Зато съ писателями, которые не отличались ни богатствомъ, ни знатностію, римская публика не очень церемонилась. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Плиній-Младшій горько жалуется на то, что многіе изъ приглашенныхъ на публичное чтеніе остаются за дверями залы и проводятъ время въ пустыхъ разговорахъ. При этомъ, говоритъ Плиній, они спрашиваютъ во время чтенія, вошла ли читавшій въ залу, окончилъ ли вступленіе, и лишь когда узнаютъ, что большая часть рукописи прочитана, тогда только, и то медленно и какъ бы нехотя, входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи выждать до конца и начинаютъ расходиться, одни украдкой, незаметно, другіе открыто и не стѣсняясь приличіями. Такъ ли, прибавляетъ Плиній, бывало въ прежніе годы *)?

Ювеналъ также, по свидѣтельству его біографа, раза два или три, и притомъ съ большимъ успѣхомъ являлся передъ римскою публикой съ своими сатирами, но вообще онъ, какъ видно, не очень жаловалъ эти чтенія.

*) См. *Пропилеи*, т. V, стр. 123.

«Неужели, такъ начинается поэтъ свою сатиру ¹⁾, я навсегда останусь только слушателемъ? Неужели я никогда не отымачу, я, котораго такъ часто терзала безконечная *Оземда* съ своимъ охрипшимъ авторомъ, Кодремъ? Неужели совершенно безнаказанно одинъ будетъ читать мнѣ свои національныя комедіи, а другой — алегіи? Безнаказанно отнять у меня цѣлый день огромный *Телефъ* или *Орестъ*, который неписанъ и на поляхъ, и на оборотѣ свертка, и все еще не конченъ ²⁾»?

«Никому не знакомъ такъ хорошо свой собственный домъ, какъ мнѣ эти общія мѣста, которыми наполнены произведенья нашихъ поэтовъ, эти рощи Марса и пещеры Вулкана, что въ соседствѣ съ Золотыми скалами ³⁾. Какъ воютъ вѣтры, какія тѣни мучить въ подземномъ царствѣ Эакъ, откуда Язонъ привезъ похищенное имъ золотое руно, сколько ясней мечетъ контаръ Менихъ, вотъ тѣмъ постоянно оглашаются обсаженныя платанами залы Фронтонъ ⁴⁾, гдѣ мраморныя стѣны растрескались, а колонны пожелтели отъ безпрестанныхъ чтеній. И этого жди отъ лучшаго, и отъ самаго ничтожнаго поэта!»

«Но вѣдь и я когда-то отдергивалъ руку изъ-подъ оруны (линейки), и я когда-то писалъ школьныя декламации, въ которыхъ совѣтовалъ Суллѣ, сложивъ съ себя диктаторство, сдѣлаться частнымъ человѣкомъ и спать себѣ спокойно. Глухо окривѣвать и беречь бумагу, обреченную и безъ того на побѣду, когда всадъ, на каждомъ шагѣ, встречаешь въ Римѣ столько поэтовъ!»

1) Необходимость обойтись по возможности безъ длиннаго комментарія требовала ввести нѣкоторые объяснительныя слова въ самый текстъ моего перевода. Впрочемъ, я старался передать латинскій подлинникъ съ возможною точностію, и собственныя мои вставки, которыхъ очень немного, надѣюсь, нисколько не измѣняютъ его смысла.

2) Подъ *Оземдой* разумѣется здѣсь огромная поэма, при чтеніи которой авторъ ея, плохой поэтъ Кодръ, охрипъ. Имя Кодра, вѣроятно, вымышленное. *Телефъ* и *Орестъ* — заглавія трагедій, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, Ювеналу пришлось много страдать на публичныхъ чтеніяхъ.

3) Подъ *Золотыми скалами* нужно разумѣть здѣсь Липирскіе острова, а подъ пещерой Вулкана — Гіеру, одинъ изъ острововъ этой группы. Теперь онъ называется Волькано.

4) Фронтонъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ меценатовъ своего вѣка, благосклонно предлагавшій поэтамъ свою залу для публичныхъ чтеній.

«Отчего же, однако, мнѣ вздумалось ратовать на томъ полѣ, куда направилъ своихъ коней отецъ римской сатиры Луцілій, великій питомецъ Аврунки ¹⁾? Если у васъ есть время, и вы готовы благосклонно выслушать мои доводы, то я вамъ изложу ихъ.

«Когда (все дѣлается противъ природы) безсильный кастратъ женится, а Мевія, римская матрона, всенародно выходить, съ обнаженной грудью, на арену амфитеатра, держать въ рукѣ охотничье копьё и вонзаетъ его въ этрусского вепря; когда тотъ самый человѣкъ, подъ бритвой котораго, какъ я былъ еще юношей, скрыта моя жесткая борода, какъ бы вызываетъ своими богатствами на споръ съ собой всѣхъ нашихъ патриціевъ; когда Криспинъ ²⁾, чистаца нилъской черни, рабъ изъ Канопы, поправляетъ плечомъ съѣхавшій плащъ изъ тирскаго пурпура и выставяетъ на показъ свои потные пальцы, обремененные драгоценными лѣтними перстнями ³⁾, — когда я вижу все это, то трудно не писать сатиру.

«Кто же на столько терпѣливъ въ этомъ безчестномъ городѣ, кто на столько желѣзный человѣкъ, чтобы совладать съ собой, когда повстрѣчается ему новая, пышная лектика ⁴⁾, переполненная подъячимъ Маеономъ ⁵⁾? А вотъ и шпионъ. Онъ сдѣлалъ доносъ на своего сильнаго друга, и скорѣ отниметъ послѣднее, что еще осталось у нашей обглоданной знати ⁶⁾.

1) Аврунка, то-есть Суесса-Аврунка, небольшой городъ Кампаніи, откуда былъ родомъ Луцілій, предшественникъ, въ сатирѣ, Горація, Персія и Ювенала.

2) Криспинъ, любимецъ Домиціана, былъ привезенъ рабомъ изъ Египта. Въ Римѣ онъ сдѣлался въ послѣдствіи донощикомъ, всадникомъ и сенаторомъ. Такимъ онъ является у Ювенала въ IV сатирѣ, ст. 108.

3) Въ подлинникѣ сказано, что Криспинъ «играетъ лѣтними перстами на потныхъ пальцахъ и не можетъ выносить тяжести другихъ своихъ, еще болѣе огромныхъ, колецъ съ драгоценными камнями». Этими словами Ювеналъ обозначаетъ роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изнѣженность Криспина. Кромѣ лѣтнихъ перстней, у него, какъ видно, были еще зимніе, тяжести которыхъ онъ не могъ вынести лѣтомъ. Но и лѣтніе перстни Криспина, то-есть вставленные въ нихъ драгоценные камни, были такъ тяжелы, что отъ нихъ потѣли его руки.

4) То-есть носилки, обыкновенный римскій экипажъ.

5) Стряпчій (causidicus) Маеонъ такъ отъѣлся, что едва умѣщается на своихъ носилкахъ.

6) Неизвѣстно, о комъ здѣсь рѣчь. Можетъ-быть, о Регулѣ, одномъ изъ самыхъ страшныхъ донощиковъ, которыхъ такъ много было при Домиціанѣ. У Ювенала при-

«Говорить ли, какимъ гнѣвомъ горитъ моя иссохшая печень, когда грабитель-опекунъ, который довелъ до слезъ и отчаянія ¹⁾ бѣдныхъ сиротъ, огромною ватагой своей челяди давить народъ по римскимъ улицамъ, или когда ссыльный проконсулъ Марій, осужденный безлюднымъ, пустымъ приговоромъ, — что такое безчестіе, если деньги цѣлы? — начинаетъ пировать съ двухъ часовъ noon-лудни и наслаждается себѣ, при гнѣвѣ боговъ, а ты, побѣдоносная провинція, ты плачешь ²⁾!..

«И мнѣ не думать, что это достойно сатиры ³⁾? и мнѣ не карать всего этого? Но чѣмъ же лучше миеологическіе сюжеты, всѣ эти басни о Геркулесѣ, о Діомедѣ, о мычаніи, которое раздавалось въ критскомъ лабиринтѣ, объ отроцѣ Икарѣ и о летящемъ кудесникѣ Дедалѣ?

«Когда самъ мужъ продаетъ свою жену съ тѣмъ, чтобы получить наслѣдство отъ ея милаго, этотъ мужъ, который норовитъ такъ

бавлено еще, что это такой донощикъ, «котораго бьетъ Массъ, задабриваетъ подарками Каръ, и къ которому напуганный Латинъ подослалъ Оймелу». Массъ и Каръ также донощики, извѣстные изъ Тацита и писемъ Плинія-Младшаго. Латинъ и Оймела, актеръ и актриса, можетъ-быть мужъ и жена. Впрочемъ, происшествіе, на которое дѣлаетъ видъ намекъ римскій сатирикъ, намъ неизвѣстно. Затѣмъ слѣдуетъ мѣсто, которое вполне отличается античною безцеремонностію, и потому мы опустили его въ нижнихъ переводахъ.

1) Въмѣсто обыкновеннаго чтенія *prostantis*, мы приняли здѣсь чтеніе *rogantis*.

2) Марій Прискъ былъ обвиненъ въ томъ, что ограбилъ провинцію Аерну. Этотъ процессъ замѣчательнъ тѣмъ, что его вели Плиній-Младшій и Тацитъ. Они, разуживая, употребили всѣ усилія, все свое краснорѣчіе для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ преступленія, которыми запятналъ себя Марій Прискъ. Сенатъ, подъ предсѣдательствомъ Траяна, цѣлые три дня разбиралъ это дѣло (въ январѣ 100 г. по Р. Хр.), и въ одномъ изъ этихъ засѣданій Плиній (онъ описалъ этотъ процессъ въ своихъ письмахъ) говорилъ противъ Приска болѣе пяти часовъ сряду. Прискъ былъ осужденъ. Его приговорили удалиться изъ Италіи и отдать награбленные деньги, но онъ не былъ возвращенъ въ провинцію, а поступилъ въ государственное казначейство. Этимъ объясняются слова Ювенала о побѣдоносной провинціи, которой пришлось плакать. Съ другой стороны у Марія Приска довольно осталось денегъ для того, чтобы вести роскошную жизнь и *блаженствовать въ отставкѣ подъ судомъ*. Этотъ стихъ Грибоѣдова какъ нельзя больше соответствуетъ выраженію Ювенала: «*fallit, diis iratis*».

3) У Ювенала сказано: «и мнѣ не думать, что все это достойно венеціанской лачины», то-есть достойно сатиры, въ родѣ тѣхъ, какія, при свѣтѣ лачины, писалъ Гераций, урженецъ города Венеціи.

хорошо умѣетъ смотрѣть въ потолокъ, или, уткнувъ свой носъ, храпѣть, но не спать за стаканомъ вина ¹⁾; когда смѣетъ разчитывать на почетную должность въ войскѣ человекъ, который растратилъ все богатство своихъ предковъ на конюшни и продолжаетъ летать на быстрой колесницѣ по Фламиніевой дорогѣ ²⁾... то невольно беретъ тебя желаніе тутъ же, на самомъ перекресткѣ, писать огромную сатиру...

«Вотъ шесть рабовъ несутъ открытыя носилки, а на нихъ, въ подражаніе Меценату ³⁾, развалился дѣлатель фальшивыхъ заветчаній. Обманомъ, небольшимъ клочкомъ бумаги да наслюнованною печатью онъ добылъ себѣ и богатство и счастье... А вотъ и знатная матрона... Когда мужу захочется пить, она подастъ ему мягкаго каленскаго вина и тутъ же подмѣшаетъ въ него ядъ. Лучше всякой Локусты ⁴⁾, она учитъ еще неопытныхъ родственницъ, не обращая вниманія на толки въ народѣ, хоронитъ почернѣлые трупы своихъ мужей.

1) Эта торговля женами (*lenocinium mariti*) была въ Римѣ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Плутархъ рассказываетъ очень забавный анекдотъ, который хорошо рисуетъ римскіе нравы. Однажды, какой-то Галба угощалъ у себя Мецената, и замѣтивъ, неалѣбда, что онъ очень нѣжно поглядываетъ на его жену, притворился спящимъ. Одинъ изъ рабовъ Галбы вздумалъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы стянуть со стола бутылку вина, но Галба вдругъ открылъ глаза и гнѣвно сказалъ своему слугѣ: «развѣ ты не знаешь, негодяй, что я сплю только для Мецената?» Это знаменитее «*non omnibus dormio*» вошло въ Римѣ въ пословицу.

2) Вслѣдъ за этими словами въ подлинникѣ прибавлены еще слѣдующія: «ибо *самъ онъ*, подобно юному Автомедонту, держалъ въ рукахъ вожжи, рисуясь передъ своею *милою въ шинели*». Это одно изъ очень темныхъ мѣстъ въ сатирахъ Ювенала. Отъ перестановки знаковъ препинанія въ древнемъ текстѣ, оно можетъ получить также слѣдующій смыслъ: «ибо юный Автомедонтъ правилъ конями въ то время, какъ *самъ онъ* рисовался передъ своею *милою въ шинели*». Думаютъ, что подъ словомъ *самъ* должна разумѣться жена Нерона, при которой страсть къ лошадажъ и ристалищамъ очень успѣлась въ Римѣ, а подъ *милою въ шинели* — Спора. Отношенія къ нему Нерона набожны. Закѣпимъ еще, что Фламиніева дорога — теперешнее *Корсо*.

3) Меценатъ былъ извѣстенъ въ Римѣ своею изнѣженностію, которая впрочемъ, отчасти объясняется тѣмъ, что онъ очень долго страдалъ изнурительною лихорадкою и вообще былъ человекъ очень болѣзненный. Римскіе децды, какъ видно, подражали, въ своихъ наружныхъ приемахъ, Меценату даже долгое время спустя послѣ его смерти.

4) Это извѣстная римская отравительница. При ея помощи, Агриппина освободилась отъ Клавдія, а Неронъ — отъ Британика.

«Риски на дѣло, за которое слѣдовало бы тебя сослать на островъ Гіаръ ¹⁾, или посадить въ тюрьму, если ты хочешь сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Честность въ наше время прославляется только риториками... и мерзнетъ. Преступленіямъ обязаны эти люди своими садами, дворцами, дорогими столами, стариннымъ серебромъ и кубками съ богатымъ золотымъ чеканомъ ²⁾. Кому дадутъ спокойно уснуть соблазнитель своихъ жадныхъ невѣстокъ, или эти гнусныя невѣсты ³⁾ и отроки-прелюбодѣи? Если природа отказала мнѣ въ стихѣ, то родитъ его негодованіе, — пусть этотъ стихъ будетъ хоть изъ тѣхъ, какіе пишу я или Клувиентъ ⁴⁾».

«Все, что дѣлаютъ люди со времени потопа Девкалиіона: ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета — вотъ что составитъ пестрое содержаніе моей сатиры ⁵⁾. И когда же масса пороковъ была обильнѣе? когда большій просторъ открывался для корысти? когда страсть къ игрѣ сильнѣе овладѣвала душой человѣка? Теперь отправляются у насъ къ игральному столу не просто съ кошелькомъ, а мечутъ кости, поставивъ подлѣ себя цѣлый сундукъ съ деньгами. И какія битвы увидишь ты тамъ, гдѣ рабъ-казначей является оруженосцемъ! Развѣ это не больше чѣмъ простое скупа-шество пронигрывать въ одинъ вечеръ по сту тысячъ сестерцій, и отказывать въ одеждѣ продрогшему отъ холода рабу? Кто въ прек-

1) Одинъ изъ Кикладскихъ острововъ, въ Эгейскомъ морѣ, служившій, при императорахъ, мѣстомъ ссылки.

2) Въ подлинникѣ сказано: «и козломъ, который выдается на чеканъ кубка». Здѣсь, конечно, разумѣется золотой кубокъ съ художественными рельефами, сюжетъ которыхъ былъ заимствованъ изъ вакхическаго культа.

3) Подъ гнусными невѣстами разумѣются здѣсь тѣ самые люди, которыхъ Ювеналъ выше называлъ «жизнями въ шмелемъ».

4) Это совершенно неизвѣстный и, разумѣется, бездарный поэтъ, надъ которымъ здѣсь мимоходомъ смѣется Ювеналъ.

5) Мы нѣсколько сократили это мѣсто. Въ подлинникѣ, къ приведеннымъ словамъ прибавлены еще слѣдующія: «Все, что дѣлаютъ люди съ тѣхъ поръ, когда дожди нормали разлили моря, и Девкалионъ, поднявшись въ своемъ ковчегѣ на гору, спросилъ оракула, когда разлитые камни мало-по-малу согрѣлись душой, и Пандра представила нагихъ женщинъ новому поколѣнію мужей» и проч.

нее время строгать столько вилъ? кто изъ нашихъ дѣдовъ одинъ, безъ гостей, кмѣлъ за своимъ столомъ по семи перемѣнъ ¹⁾?

«Самый день прекрасно раздѣленъ у насъ по роду занятій: сначала утреннія поздравленія, а потомъ форумъ съ своимъ законовѣдомъ Аполлономъ ²⁾, и съ статуями триумфаторовъ, а между ними осмѣлился помѣстить свои титулы не знаю какой-то Египтянинъ или откупщикъ, передъ изображеніемъ котораго позволительно творить всякія пакости. Затѣмъ усталые старинные кліенты расходятся изъ прихожихъ своихъ патроновъ. Приходится бѣднякамъ кушить кочанъ капусты да немного дровъ. А между тѣмъ, ихъ патронъ, ихъ царь ³⁾, будетъ пожирать все лучшее, что только производятъ лѣса и море, и одинъ, безъ гостей, возляжетъ на свои пустыя ложа. Да, наши богачи на одномъ обѣдѣ, гдѣ наставлено столько красивыхъ, огромныхъ и старинныхъ блюдъ, продѣаютъ отцовское наслѣдство.

«Не будетъ больше паразитовъ на свѣтѣ! Но кто же въ состояніи вынести такую грязную роскошь? Какова должна быть глотка, которая влагаетъ въ себя цѣлыхъ кабановъ, животное, созданное для многочисленныхъ пировъ!

«За то и наказаніе не заставляетъ долго себя ждать. Оно настигаетъ тебя въ то время, какъ ты, распухнувъ отъ жирнаго обѣда, тотчасъ послѣ него отправляешься въ баню и несешь туда съ собою неперевареннаго навлина. Оттого и умираютъ у насъ люди внезапно, и старики не успѣваютъ передъ смертью сдѣлать завѣщанія... И вотъ, разгуливаетъ по всѣмъ обѣдамъ свѣжая, нисколько не печальная новость, и снова тянется погребальная процессія, и глумятся надъ покойникомъ разсерженные друзья (которые разчитывали на наслѣдство).

1) Здѣсь мы выпустили превосходную и очень живую сцену раздачи *спортулы* кліентамъ. Мы еще будемъ имѣть случай воспользоваться этою сценою.

2) Здѣсь идетъ рѣчь о такъ-называемомъ Форумѣ Августа. Между прочими украшениями этой площади, на ней, при Августѣ, была поставлена статуя Аполлона изъ слоновой кости. Онъ здѣсь, въ шутку, называется законовѣдомъ потому, что подлѣ его изображенія, вѣроятно, находился трибуналъ претора. Бѣдному Аполлону каждый день приходилось выслушивать множество процессовъ, и онъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться юристомъ.

3) Это было обыкновенное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ.

«Потомству нечего прибавлять къ нашимъ правамъ. Наши внуки будутъ и желать и дѣлать то же, что и мы. Да, порокъ достигъ крайняго предѣла, дальше онъ идти не можетъ. Пользуйся же, писатель, попутнымъ вѣтромъ, распусти всѣ паруса твоей сатиры!

«Но, можетъ-быть, спросятъ при этомъ: гдѣ же у меня талантъ, равносильный такому содержанію, гдѣ у меня эта простота, эта прямота рѣчи прежнихъ поэтовъ, которые писали все, чего только хотѣлось ихъ душѣ, когда она пылала негодованіемъ, — гдѣ эта прямота, которую я даже не смѣю назвать настоящимъ ея именемъ¹⁾?

«— Что же за дѣло, скажутъ мнѣ, простить или не простить твоимъ словамъ какой-нибудь Муцій²⁾? Да, попробуй вывести изъ сатиры Тигеллина³⁾, и ты засвѣтишь въ той иллюминаціи, гдѣ люди горять, стоя, и дышать привязаннымъ къ столбу горломъ, или оставишь за собой широкую борозду на аренѣ амфитеатра⁴⁾.

«Итакъ, какой-нибудь отравитель трехъ своихъ дядей будетъ спокойно лежать на подушкахъ своей высоко-поднятой лентки и оттуда презрительно смотрѣть на насъ?

«— Да, если онъ встрѣтится съ тобой, то зажми ротъ. Не то онъ сдѣлается твоимъ обвинителемъ; ему довольно сказать одно слово, сказать: вотъ онъ — и ты погибъ! А можешь ты, поэтъ,

1) Я думаю, нѣтъ необходимости объяснять, что подъ прямою рѣчи Ювеналъ разумѣетъ здѣсь свободу слова.

2) Этими именами сатирикъ означаетъ здѣсь вообще вельможу. Муцій Сцевола въ періодъ республики, принадлежалъ къ очень замѣтнымъ членамъ римской аристократіи. Луцілій не щадилъ ихъ въ своихъ сатирахъ. См. I сатиру Персія, ст. 115.

3) Тигеллинъ пользовался огромнымъ вліяніемъ при Нероновомъ дворѣ. Ювеналъ означаетъ здѣсь его именемъ вообще временщика.

4) Это мѣсто драгоцѣнно, какъ воспоминаніе поэта о мученической смерти первыхъ христіанъ. Это было послѣ огромнаго пожара, при Неронѣ. Tacit. Ann. XV, 44. Христіанъ обвинили въ томъ, будто они подожгли Римъ, и начались савръныя казни. Между прочимъ, Неронъ устраивалъ въ своихъ садахъ иллюминаціи изъ живыхъ людей, при чемъ на нихъ надѣвали рубашки, пропитанныя разными горючими веществами. Эта страшная одежда называлась tunica molesta. Въ слѣдующихъ словахъ говорится о другой казни, очень обыкновенной въ древнемъ Римѣ, а именно о битвахъ людей, осужденныхъ на казнь, съ дикими звѣрями на аренѣ амфитеатра. Растерзанные трушны обыкновенно волокли по аренѣ, при чемъ они, по выраженію поэта, оставляли за собою широкія борозды; складывали ихъ въ особое мѣсто, которое называлось proliarium.

безопасно обратиться къ мифологическимъ сюжетамъ; ты можешь, ничѣмъ не рискуя, свести въ битвѣ Энея съ свирѣпымъ Турномъ. Вѣдь никого не тревожитъ раненый Ахиллъ или Гиласъ, утопнувшій вѣхтѣ съ своею урной *). Когда Луцилій гремѣлъ своею сатирой, какъ бы обнаженнымъ мечомъ, то краснѣлъ тотъ, чья совѣсть оцѣпѣла отъ злодѣйствъ, и потъ выступалъ у него на груди, отъ тайнаго сознанія своихъ преступленій. Вотъ откуда и гнѣвъ, и слезы! Итакъ, поэтъ, обдумай все это до начала битвы. Поздно нѣяться въ ней тому, кто уже надѣлъ шлемъ.

«Попробую, что позволительно у насъ говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ ужъ зарытъ на Фламиніевой или на Латинской дорогѣ **).

Въ этой сатирѣ личность Ювенала рисуется очень живо, и при томъ съ лучшей своей стороны. Повторимъ, что это одно изъ самыхъ искреннихъ и выдержанныхъ произведеній римскаго сатирика. Всѣ они вызваны благороднымъ негодованіемъ. Стылый, честный гнѣвъ сатирика не рѣдко принимаетъ у Ювенала величественные размѣры и грандіозный характеръ; но нельзя не согласиться съ нимъ самимъ, что это еще не поэзія. Одна чистота убѣжденія еще не въ состояніи образовать поэта: для этого требуются иныя условія.

Теперь уже прошло время безотчетнаго поклоненія классической литературѣ. Настала пора спокойнаго анализа древнихъ авторовъ. Потому, при всемъ сочувствіи, которое возбуждаетъ въ насъ благородная личность Ювенала, мы не можемъ не видѣть слабой стороны въ его произведеніяхъ.

Вообще, должно замѣтить, что онъ съ гораздо-большимъ успѣхомъ овладѣлъ матеріаломъ сатиры, чѣмъ ея формой. Въ большей

*) Это былъ прекрасный юноша, любимецъ Геркулеса. По греческимъ преданіямъ, Гиласъ былъ похищенъ нимфою въ то время, какъ черпалъ воду изъ одного источника. Древніе поэты очень любили выводить его въ своихъ произведеніяхъ. *Cui non dictas Nyias ruer?* говоритъ Виргилій.

**) Еще законами XII таблицъ запрещено было хоронитъ въ садахъ городѣ, и уже съ тѣхъ поръ кладбищами въ Римѣ служили большія дороги. Потому, въ особенности вблизи отъ городскихъ воротъ, онѣ были уставлены надгробными памятниками.

части произведений Ювенала нѣтъ и слѣда гармоническаго развитія преобладающей идеи, нѣтъ въ нихъ округленности и художественной цѣльности, которыя составляютъ необходимое условіе созданій искусства. Въмѣсто этого мы не рѣдко встрѣчаемъ въ произведеніяхъ римскаго сатирика цѣлый рядъ общихъ мѣстъ, безъ всякой внутренней связи. Вся сила такой сатиры заключается въ ея рѣзкомъ, гнѣвномъ и грозномъ тонѣ, а это самое придаетъ хотя рельефный, но иногда односторонній характеръ картинамъ, которыми рисуетъ Ювеналъ.

Сатиры Ювенала волнуютъ, дѣйствуютъ на нервы читателя, но не возвышаютъ его надъ грязною дѣйствительностію. Мы видимъ, что страшная эпоха, со всею своею нравственною уродливостію, совершенно какъ бы охватила собою поэта *), и онъ не въ состояніи отрѣшиться себя отъ своего вѣка, не въ состояніи возвыситься надъ нимъ, посмотрѣть на него свободными глазами. Сквозь житейскую тину нигдѣ не просвѣчиваетъ у Ювенала идеалъ, который составляетъ такую существенную принадлежность поэзіи. Да и странно было бы требовать идеаловъ отъ писателя Домиціанова вѣка. Въ такую пору не могла процвѣтать поэзія, или она должна была утратить все свое обаяніе, точно такъ, какъ, во время голода, терять всю свою цѣну роскошныя, гастрономическія блюда.

Притомъ изложенію Ювенала, въ большей части его сатиръ, много вредитъ декламація, которая вообще наложилла свою печать почти на всѣ произведенія римской литературы. Ювеналъ постоянно увлекается риторическими блестящими, или, вѣрнѣе, не можетъ отъ нихъ освободиться. Многословіе, повтореніе, или — употребимъ выраженіе древнихъ раторовъ — *амплификація* одной и

*) Въ особенности непріятно поражаетъ въ Ювеналѣ цинизмъ его, независимо отъ грязныхъ картинъ, которыя онъ долженъ былъ рисовать, чтобы сколько-нибудь истерцать свою тему. Ювеналъ любитъ циническія выраженія и картины, и не рѣдко прибѣгаетъ къ нимъ даже тамъ, гдѣ вовсе не было въ нихъ нужды. Отъзвукъ его о римской женщинѣ, несмотря на то, что она оневозорела себя своимъ развратомъ, постоянно отзвучается самою непристойною рѣзкостію (въ особенности въ VI сатирѣ) и какою-то неприимимою ненавистію. Эту черту въ характерѣ Ювенала Веберъ старается извинить тѣмъ, что римскій поэтъ не былъ счастливъ въ супружествѣ. Разумѣется, это одно только предположеніе.

той же мысли, все это производить не очень приятное впечатлѣніе на читателя Ювеналовыхъ сатиръ. Но, съ другой стороны, человѣку, который говоритъ отъ души, невозможно постоянно оставаться риторомъ, и приведенная нами первая сатира Ювенала служитъ лучшимъ доказательствомъ того. Его гнѣвъ болѣею частію не искусственный, не поддѣльный; онъ взятъ не изъ школы, а изъ жизни, и должно прибавить, что этотъ честный гнѣвъ, какъ всякій сильный и благородный порывъ, овладѣвающій душою человѣка, порой возвышается у Ювенала до художественнаго пафоса.

Эта—то смѣсь истиннаго, глубокаго чувства съ риторикой—невольною данью, которую знаменитый писатель заплатилъ своему вѣку—и составляетъ настоящій характеръ Ювеналовой сатиры.

Во всякомъ случаѣ, она не выдерживаетъ строгой эстетической критики. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ глубоко чтить Ювенала, какъ писателя, который, въ эпоху полнаго нравственнаго паденія цѣлой, когда-то великой націи, умѣлъ сохранить въ душѣ чувство чести и правды, и закеймилъ въ своихъ сатирахъ вѣчнымъ позоромъ Домиціана и его вѣкъ.

Домиціанъ, повидимому, очень заботился о своей репутаціи въ потомствѣ. Онъ строго запрещалъ писать о своихъ казняхъ въ оффиціальной газетѣ, которая издавалась въ Римѣ, со времени Юлія Цезаря, и расходилась во множествѣ экземпляровъ по римскимъ провинціямъ. Онъ выгонялъ философовъ изъ Рима, жестоко преслѣдовалъ всякое свободное слово, и могъ надѣяться, что только голоса льстецовъ дойдутъ о немъ до потомства.

Надежды Домиціана, благодаря въ особенности Ювеналу, не сбылись. Уже много вѣковъ прошло со времени царствованія этого цезаря, а нѣтъ мѣста въ цѣломъ образованномъ мірѣ, гдѣ бы имя его до сихъ поръ не возбуждало отвращенія и ужаса.

Никто, конечно, не думалъ въ Римѣ, что, чрезъ много вѣковъ, имя Домиціана вызоветъ слова негодованія и презрѣнія и въ этой таинственной, загадочной землѣ Сарматовъ, Скивовъ, Гипербореевъ и Гишпофаговъ, и что сочувственно будутъ внимать этому неподкупному голосу исторіи поздніе ихъ потомки. Никто не думалъ тогда, что они сольются въ одинъ могущественный народъ, но не мате-

рѣальная сила, которая не спасла Римъ отъ позорнаго паденія, а нравственный ростъ ихъ и способность совершенствоваться въ пониманіи высокихъ цѣлей жизни послужить для мыслящихъ людей вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что этому народу предстоитъ прекрасная, великая будущность.

ЛЕКЦІЯ II.

Въ числѣ немногихъ любезныхъ намъ именъ, мелькающихъ свѣтлыми точками въ мрачное время, называемое Домиціановымъ вѣкомъ, ярко блеститъ имя Ювенала. Онъ не поэтъ, онъ даже рѣдко является писателемъ—художникомъ, но не имѣя высокихъ качествъ геніальнаго автора, тѣмъ не менѣе занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ во всемірной литературѣ. Вѣковая слава его основана на томъ, что потомство никогда не забываетъ честныхъ голосовъ, особенно, если они раздавались въ эпохи деспотизма и нравственнаго застоя.

Не одни поэты и писатели-художники занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ. Кромѣ идеаловъ, въ ея область входятъ и другіе элементы, и принадлежать ей законно и неотъемлемо. На литературѣ лежитъ обязанность служенія не только чистому искусству, но и общественнымъ интересамъ (что, впрочемъ, не исключаетъ художественности), и въ этой сферѣ на первомъ планѣ является сатира. Она можетъ имѣть огромное нравственное значеніе въ особенности тамъ, гдѣ народъ еще не успѣлъ или, вслѣдствіе историческихъ условій, не могъ развить и обнаружить свои внутреннія силы, тамъ, гдѣ эти силы еще дремлютъ.

Я разумѣю, конечно, не ту мелкую, самолюбивую сатиру, въ которой какой-нибудь моралистъ подозрительнаго свойства рисуется передъ публикой и заботится только о томъ, чтобы рельефнѣе выставить на показъ свою собственную, не рѣдко ничтожную и, во всякомъ случаѣ, нисколько не интересную личность; я разумѣю здоровую и сильную сатиру, къ которой мы, Русскіе, скажу это къ

нашей чести, постоянно выказывали и выказываемъ едва ли не больше сочувствія, чѣмъ всѣ другіе народы Европы. Да, мы любимъ сатиру! Почти всѣ наши лучшіе и замѣчательные писатели были по временамъ сатириками. Даже въ до-петровскій періодъ литературы, лишь только русскій писатель сбрасывалъ съ себя оковы схоластики и условной морали, и обращался къ народу съ живымъ словомъ, оно тотчасъ превращалось въ благородное обличеніе и въ мѣткую сатиру. Мы имѣемъ полное право примѣнить къ себѣ слова Квинтиліана: *satira tota nostra est* *), и въ этомъ наша сила, наша великая нравственная сила! Она движетъ юное общество впередъ, уничтожаетъ въ немъ возможность самодовольнаго примиренія со всею обстановкой еще не установившейся гражданственности, примиренія, которое необходимо ведетъ къ застою.

Для того чтобы на пути умственнаго и нравственнаго развитія сдѣлать шагъ впередъ, необходимо уяснить себѣ несостоятельность пройденныхъ шаговъ. Это собственно дѣло науки, уясняющей намъ наши взгляды на окружающій міръ, расширяющей нашъ умственный кругозоръ. Но въ этихъ высшихъ сферахъ наука доступна не многимъ, а для массы, по крайней мѣрѣ у насъ, науку до нѣкоторой степени замѣняетъ сатира. И горе народу, у котораго нѣтъ сатиры, который, особенно въ пору своей гражданской незрѣлости, успокоивается на китайской мысли, что онъ дошелъ до полного совершенства!

Въ эпоху Ювенала, когда «порокъ достигъ крайняго предѣла и остановился, потому что дальше идти было ему нельзя», сатира, разумѣется, не могла оказать того вліянія, какое она имѣетъ у народа, подобнаго нашему, у народа съ великими, но еще не вполне заявившими себя нравственными силами. Римское общество, въ вѣкъ Домиціана, представляло собою разлагавшійся трупъ, который не могло оживить даже такое сильное дидактическое лекарство, какъ Ювеналова сатира.

Замѣчательно, что въ подобныхъ эпохи паденія мораль сатиры обыкновенно дѣлается безпощадною и предъявляетъ такія требованія, которыя выполнить нѣтъ никакой возможности даже нравственно—

*) То-есть, сатира вся наша.

развитому обществу. Такая мораль обыкновенно превращается въ пышную, пустую и холодную фразу, и конечно не находитъ никакого отголоска въ обществѣ уже потому, что источникъ ея не въ любящемъ сердцѣ гражданина, а въ головѣ ратора. Онъ и не заботится о томъ, чтобы требованія его были выполнены, и такъ же холодно проповѣдуетъ свою мораль, какъ другіе принимаютъ ее. Таковъ, напримѣръ, Персій, таковъ въ особенности Сенека и цѣлый рядъ римскихъ стоиковъ періода имперіи, которые обратились къ обязательной дидактикѣ и съ мнимой высоты своей безжизненной, условной морали требовали отъ человѣка отвлеченнаго совершенства.

И много нужно было имѣть глубокой любви къ добру и правдѣ, чтобы, подобно Ювеналу, хотя порой устоять въ такую эпоху противъ холоднаго риторства!

Не выдерживая строгой эстетической критики, какъ художественныя созданія, сатиры Ювенала, разумѣется, и своею нравственною стороною не вполне удовлетворять современнаго человѣка.

Для нашего времени главное значеніе ихъ историческое. Онѣ очень интересны и важны для насъ тѣмъ, что живыми, яркими, юти и нѣсколько густыми красками рисуютъ почти всѣ стороны римскаго быта въ ту тяжелую эпоху, которой политическій смыслъ такъ проницательно и глубоко-вѣрно разъяснилъ намъ Тацитъ. Эти два писателя служатъ необходимымъ и самымъ лучшимъ дополненіемъ одинъ другому.

«Все, что дѣлаютъ люди (говоритъ Ювеналъ въ I сатирѣ): и ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета, все это составить пестрое, смѣшанное содержаніе моей сатиры.» Ювеналъ сдержалъ свое слово. Въ его произведеніяхъ проходятъ передъ нами, какою-то нестройною, дикою толпой, всѣ сословія, всѣ классы римскаго общества, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше поражаютъ насъ своею, едва вообразимою, нравственною уродливостію.

Тѣсная рамка лекціи, уваженіе къ моей аудиторіи и другія причины не позволяютъ мнѣ, М. М. Г. Г., остановить ваше вниманіе на всѣхъ подробностяхъ этой мрачной и, вѣстѣ съ тѣмъ, невыно-

симо грязной картины. Я долженъ ограничиться тѣмъ, что мы видимъ на первомъ ея планѣ—римскимъ правительствомъ и отношеніемъ къ нему народной массы, въ періодъ имперіи.

Я уже опредѣлилъ въ главныхъ чертахъ общій характеръ эпохи Домиціана и личность этого цезаря. Но Ювеналъ не позволяетъ намъ такъ скоро разстаться съ своимъ любимцемъ.

Чтобы дополнить сдѣланный выше очеркъ римскаго правительства въ эпоху Домиціана, я останавлиюсь на IV сатирѣ, гдѣ онъ снова выступаетъ на сцену и, рядомъ съ нимъ, римскій сенатъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ какомъ униженномъ положеніи находилась въ это время высшая правительственная коллегія Римскаго государства.

Содержаніе IV сатиры составляетъ разсказъ объ одномъ изъ тѣхъ происшествій, какія, вѣроятно, не рѣдко случались въ царствованіе Домиціана. *)

Поэтъ начинаетъ свой разсказъ пародією на эпикъ и, по обычаю ихъ, дѣлаетъ слѣдующее воззваніе къ музамъ: «Начинай, Калліона! Ты можешь спокойно присѣсть. Нечего выдумывать, дѣло идетъ объ истинномъ происшествіи. Начинайте же вашъ разсказъ, дѣвы Піериды. Пусть мнѣ, о музы, поможетъ хоть то, что я называлъ васъ дѣвами. **)

«Въ то время, продолжаетъ сатирикъ, какъ послѣдній изъ Флавіевъ терзалъ и безъ того полуживой міръ, и Римъ былъ рабомъ *пльшмаго Нерона*», — такъ въ этомъ мѣстѣ Ювеналъ называетъ Домиціана, — одинъ бѣдный рыбакъ поймалъ близъ Анконы, въ Адриатическомъ морѣ, огромнаго ремба... Поймалъ и испугался. Испугался онъ не рыбы, а того, что простой, частный человѣкъ расчи-

*) Въ доказательство, что происшествіе, подобное описанному въ этой сатирѣ, было возможно при Домиціанѣ, Зибольдъ, послѣдній, по времени, издатель Ювенала (Лейпцигъ, 1858), очень удачно приводитъ слѣдующее мѣсто изъ писемъ Плинія (VII, 14): «Quid tunc disci potuit, cum senatus aut ad otium summum, aut ad summum nefas vocaretur, et modo ludibrio, modo dolori retentus nunquam seria, tristia saepe caperet.»

**) Ювеналъ такъ же мало вѣритъ въ свой даръ эпика, какъ и въ дѣятельность музъ. Этотъ дурной компаньонъ музамъ, очевидно, имѣетъ связь съ невысокимъ мѣщеніемъ Ювенала о женщинѣ вообще.

давно сдѣлался обладателемъ такого сокровища. И вотъ, бѣднякъ рѣшается принести эту лакомую рыбу въ даръ «первосвященнику-Домиціану». Да и что было дѣлать? Продать ромба? но никто не осмѣлился бы купить его. «Различные сыщики и шпионы, которыми наполненъ былъ даже морской берегъ, тотчасъ бы завели дѣло съ бѣднымъ рыбакомъ. Они не задумались бы объявить, что эта рыба бѣглая, что она откормлена въ садкахъ цезаря, исчезла оттуда и должна возвратиться къ прежнему своему господину. Если вѣрить Пальеурію и Армилату *), то даже всякая дорогая рыба, гдѣ бы она ни плавала, собственность цезаревой казны.»

Домиціанъ жилъ въ это время, по обыкновенію, въ своей албанской виллѣ. Туда отправляется рыбакъ, и наконецъ его допускаютъ къ цезарю. «Прими, говоритъ ему вѣрноподанный, эту драгоценность, которая слишкомъ огромна для кухни частного человека. Пусть этотъ день будетъ объявленъ праздникомъ. Приготовь, о цезарь, свой желудокъ для принятія этой пищи и отвѣдай ромба. Ясм, что сама судьба сохранила его для твоихъ дней. Да, эта рыба сама хотѣла того, чтобъ ее поймали.»

Домиціанъ выслушалъ эту рѣчь благосклонно. «Нѣтъ той лести, прибавляетъ поэтъ, которой бы не повѣрилъ человѣкъ, когда власть его признана и объявлена равною божеской власти.»

Дѣло, однако, этимъ не кончилось. Возникъ вопросъ: что дѣлать съ ромбомъ? кромѣ того, для такой огромной рыбы нельзя было отыскать достаточно-большаго блюда. И вотъ, Домиціанъ посылаетъ въ Римъ гонимыхъ звать сенаторовъ, для совѣщанія объ этомъ важномъ государственномъ вопросѣ.

Въ Римѣ все пришло въ смятеніе. Лица сенаторовъ, и безъ того блѣдныя, еще болѣе поблѣднѣли.

Затѣмъ слѣдуетъ у Ювенала очень любопытная характеристика римскихъ вельможъ. Онъ называетъ ихъ по именамъ, и все это именъ, болѣею частію опозоренныя въ исторіи.

*) Пальеурій Сура и Армилатъ извѣстныя донощики при Домиціанѣ. Первый изъ нихъ былъ стоикъ. Оба они, говоритъ Гейнрихъ, вѣроятно принадлежали къ заколотникамъ и старались поддерживать самодержавіе цезарей теорією распространенія такъ называвшихся *juga fisci*.

«Первый, на крикъ гонна: *curre, jam cedi!* (бѣгите, мы уже сѣлы) схватилъ свою оболу (плащъ), и спѣшить Пегасъ ¹⁾. Онъ только что былъ назначенъ управителемъ (*villicus*) перепуганной столицы. Что же другое, какъ не приказчики, были въ это время префекты (губернаторы)? Это былъ (по природѣ своей) честный человѣкъ, строгій блюститель закона, хотя и убѣжденный въ томъ, что въ его ужасный вѣкъ справедливость была оружіемъ очень ненадежнымъ. За нимъ является пріятный, добродушный и краснорѣчивый старичокъ Криспъ ²⁾. И кто могъ быть полезѣе Криспа для человѣка, подъ властію котораго находились и моря, и земли, и народы, еслибы при Домиціанѣ, этой язвѣ и гибели человѣческаго рода, можно было открыто порицать жестокость и подавать честный совѣтъ? Не что могло быть свѣрѣнѣе слуха этого тирана? Участь самыхъ близкихъ къ нему людей была сомнительна даже тогда, когда они разговаривали съ нимъ о погодѣ. Вотъ почему Криспъ никогда не старался плыть противъ теченія, и не былъ онъ человѣкъ съ свободною, задумчивою рѣчью, — гражданинъ, готовый заплатить жизнью за правду. Такъ прожилъ онъ много лѣтъ и увидѣлъ восьмидесятую весну, обезопасивъ себя этимъ оружіемъ даже при дворѣ Домиціана.»

Вслѣдъ за Криспомъ, поспѣшно прибылъ въ вылу Домиціана Ацилій съ своимъ сыномъ ³⁾, а за ними — Рубрій ⁴⁾. Наконецъ, «является и чрево Монтана» ⁵⁾, Монтанъ, весь обратившійся въ

1) Пегасъ — знаменитый римскій конь.

2) Вибій Криспъ оставилъ по себѣ дурную намять. При Неронѣ онъ былъ доприказомъ. (Tacit. Hist. II, 10; IV, 41). Ювеналь изображаетъ здѣсь Криспа такимъ, какимъ зналъ его при Домиціанѣ. Отзывъ сатирика совершенно согласенъ съ словами Камилліана (V, 13, 48), который называетъ Криспа «*vir iucundi et elegantis ingenii*».

3) Ацилій, отецъ и сынъ, оба были сенаторы. Послѣдній былъ казненъ Домиціаномъ за годъ до его собственной смерти.

4) Рубрій Галлъ, вѣроятно, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Тацитъ Hist. II, 54 и 99. Ювеналь прибавляетъ, что на немъ татотѣло какое-то «давнишнее и тайное преступленіе (*offensae veteris reus atque latens*)». Древній схоластъ, при объясненіи этого мѣста, говоритъ, что Рубрій когда-то находился въ связи съ племянницею Домиціана, Юліей, дочерью Тита, которая потомъ сдѣлалась любовницею самого цезаря.

5) Монтанъ, какъ видно изъ 136 стиха этой сатиры, уже при Неронѣ былъ знаменитъ своимъ аппетитомъ и гастрономическими склонностями. Его не должно смѣ-

«медленно двигающееся, отъ тучности, чрево», и раздушенный Криспинъ ¹⁾, «отъ котораго несло разными ароматами смѣсь, чѣмъ отъ двухъ похоронъ» (то-есть набальзамированныхъ покойниковъ).

«Является и Помпей ²⁾, который еще свирѣѣе, чѣмъ Криспинъ, губить людей и доводить ихъ до казни своими доносами. Является и Фускъ ³⁾, что берегъ свое тѣло для коршуновъ Дакін, и хитрый Вейнтонъ съ смертоноснымъ Катуллою ⁴⁾. «Этотъ Катуллъ, прибавляетъ Ювеналь, ужасное чудовище, замѣчательное даже въ нѣмъ вѣкъ. Онъ былъ слѣпъ, летецъ и страшный клеветъ Домиціана,—человѣкъ прямо съ моста, человѣкъ, которому бы просить милости гдѣ-нибудь на большой дорогѣ, при повозкахъ, ѣдущихъ въ Аріцію, и шептать имъ вслѣдъ воздушные поцѣлуй ⁵⁾. Никто больше слѣпаче Катулла не восторгался рыбой. Онъ много наговаривалъ, обращаясь въ лѣвую сторону, а ромбъ лежалъ отъ него направо. Точно такъ онъ (въ угоду Домиціану) восхищался и битвами гладиаторовъ, и театральными машинными, унесшими отроковъ до самаго нѣбеса ⁶⁾».

«Не уступаетъ Катулла и Вейнтонъ, и какъ бы пораженный

шивать съ благороднымъ Курціемъ Монтаномъ, о которомъ упоминаетъ Тацитъ Ана. XVI, 28; у Ювенала, по мнѣнію Вебера, рѣчь объ отцѣ этого Монтана.

1) Тотъ самый, о которомъ упоминаетъ въ I сатирѣ ст. 27.

2) Онъ извѣстенъ только изъ этого мѣста, какъ одинъ изъ страшныхъ доносчиковъ при Домиціанѣ.

3) Корнелій Фускъ былъ, при Домиціанѣ, начальникомъ (префектомъ) преторіанцевъ. Онъ погибъ въ походѣ противъ Дакѣвъ.

4) Фабрицій Вейнтонъ и Катуллъ Мессалинъ упоминаются и другими писателями, какъ страшные изверги. О нихъ говорить, между прочимъ, Плиній Едр. IV, 22. Зѣна особенно хороша характеристика слѣпаче Катулла, который «ничего не боялся, никто не краснѣлъ и ни разу не испыталъ чувства жалости».

5) Римскіе племя обыкновенно промышляли на мостахъ и на большихъ дорогахъ. Аріція лежала на Аппіевой дорогѣ, при olivum Agicium, гдѣ останавливались, по необходимости, задерживали свой ходъ. Вотъ почему это мѣсто привлекало множество людей, которые привѣтствовали проезжихъ воздушными поцѣлуями. Это было обыкновенное жостъ, употреблявшійся для выраженія благожеланія къ богамъ и къ значительнымъ лицамъ. Оттуда глаголъ adorgare, то-есть шавина агі адмонетъ.

6) Римскіе театры строились безъ крыши. Ихъ закрывалъ навѣсъ, который открывалъ зрителямъ отъ солнечныхъ лучей и отъ дождя. Въ этомъ мѣстѣ рѣчь, строгое, даже о мѣстахъ, въ которыхъ представлялось похищеніе Ганимеда или похоть Никра, и т. п. Вотъ, безъ сомнѣнія, отроки, о которыхъ здѣсь говорится.

смиреннымъ трепетомъ, востолбленный самою Беллоною, онъ (изъ лести и съ страха) начинаетъ даже предсказывать. Эта рыба, говоритъ онъ, пророчитъ тебѣ, Домиціанъ, великій и славный триумфъ! Ты захватишь въ плѣтъ какого-нибудь царя, или британскій вождь Арвиратъ *), пораженный, упадетъ съ своей боевой колесницы. Эта рыба — звѣрь чужеземный. Развѣ ты не видишь, какъ его боковые перья вытянулись къ спинѣ? Недоставало только Вейнтону упомянуть о родинѣ ромба и о томъ, сколько ему лѣтъ.»

«— Какое же твое мнѣніе?» спрашиваетъ Домиціанъ. — «Разрѣзать ромба что ли? «Да будетъ отъ него далека такой позоръ, отвѣчаетъ Монтанъ. — Нужно приготовить глубокое блюдо съ тонкою стѣнкою и обширнымъ круглымъ дномъ. Для такого блюда необходимо найти немедленно опытнаго художника, какого-нибудь новаго Прометея.»

«Мнѣніе Монтана», продолжаетъ поэтъ, «одержало верхъ, и оно было вполне достойно этого человѣка. Онъ помнилъ еще роскошь прежняго двора, помнилъ полунощныя пиры Нерона, когда гости его, разгоряченные фалерномъ, чувствовали все новый и новый позывъ къ наслажденіямъ. Ни у кого въ мое время не было такой опытности во всемъ, что относилось къ съѣстному. Монтану стоило только отвѣдать, чтобы тотчасъ угадать, были ли устрицы съ Цирпейскаго мыса, или изъ Лукринскаго озера, или съ британскаго берега, и взглянувъ на черепаху, онъ тотчасъ же могъ назвать ея родной берегъ.»

«Наконецъ, всѣ встаютъ, совѣщаніе закрыто, и сенаторы получаютъ приказаніе удалиться. Великій вождь собралъ ихъ въ свой альбанскій дворецъ. Испуганные, они поспѣшили туда, какъ будто цезарь хотѣлъ сообщить имъ что-нибудь о Каттахъ и дикихъ Сикамбрахъ **); какъ будто, съ разныхъ концовъ міра, привезены были быстрыми гонцами страшныя вѣсти.»

*) Римляне очень занимали въ это время войны ихъ съ Британцами. Листовое предсказаніе Вейнтонъ о триумфѣ надъ ними Домиціана, безъ сомнѣнія, сбылось бы, еслибъ онъ не вызвалъ изъ Британіи Агриколу. (Tacit. Agric. c. 43—40). Объ Арвиратѣ не упоминаетъ ни одинъ изъ древнихъ историковъ. Вѣроятно, онъ сдѣлался британскимъ вождемъ уже послѣ удаленія Агриколы.

**) И тѣ, и другіе принадлежали къ самымъ воинственнымъ племенамъ древней Германіи.

«О, къ чему, лучше заключаетъ Ювеналъ свою сатиру, нъ чему Домиціанъ не посвятилъ такимъ ничтожнымъ дѣламъ всѣхъ дней своего свирѣпаго царствованія, въ которое онъ безнаказанно, и не вызвавъ мести, отнялъ у Рима столько доблестныхъ и знаменитыхъ людей! Но онъ и самъ налъ, послѣ того какъ сдѣлался страшнѣе для черни. Вотъ что сгубило Домиціана, обогрѣннаго кровью своихъ вельможъ *)!»

Такое правительство, разумѣется, необходимо должно было возбуждать негодованіе въ душѣ каждаго благороднаго человѣка, и намъ вполне понятны слова Ювенала, что въ его время «трудно было не писать сатиры».

Обращаясь затѣмъ къ римскому народу, какимъ онъ является намъ въ сатирахъ Ювенала, мы прежде всего должны замѣтить, что этотъ народъ уже задолго до политической реформы Августа утратилъ свою національность, а вмѣстѣ съ нею, и первобытную чистоту нравовъ, придавшую такой блескъ начальнымъ періодамъ римской республики.

Коренные Римляне, вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, мало по малу исчезли или затерялись въ огромной массѣ жителей всемірной столицы, и были вытѣснены выходцами со всего свѣта, приглашенными въ Италію военнопленными и рабами. Эти послѣдніе, а еще чаще ихъ дѣти и внуки, пріобрѣтали права римскаго гражданина, но труднѣе было для нихъ добыть себѣ старинную римскую доблесть и просвѣщенную любовь къ родинѣ.

Римскій народъ, — этотъ «звѣрь многоголовый», по выраженію Горация, сдѣлался, наконецъ, какою-то чудовищною амальгамою изъ всѣхъ возможныхъ націй. Для этой пестрой, сбродной толпы не существовало преданій старины.

Одной этой причины достаточно было для того, чтобы повести за собою быстрое и глубокое нравственное паденіе римскаго народа.

*) О смерти Домиціана мы уже сказали выше.

Оно, повторимъ еще разъ, началось задолго до Ювенала и необходимо должно было вызвать реформу Августа.

Многіе воображаютъ до сихъ поръ еще, что римская имперія—катастрофа. Но что же это за катастрофа, которая продолжается цѣлыя столѣтія, не вызывая реакціи? Имперія возникла и необходимо должна была возникнуть въ Римѣ потому, что идея самоуправленія потеряла, наконецъ, свой смыслъ для массы народа. Возвратъ къ отжившимъ свой вѣкъ политическимъ формамъ былъ, повидимому, возможенъ и очень легокъ. Римская монархія не была наследственной. Вслѣдъ за смертію каждаго изъ своихъ цезарей, Римляне имѣли законное право и полную возможность возстановить республику. Отчего же этого не случилось? Отчего въ самыя мрачныя эпохи цезарскаго деспотизма почти никто изъ нихъ не думалъ объ этомъ, за исключеніемъ двухъ—трехъ благородныхъ мечтателей? Оттого, что, для выхода изъ этого положенія, кромѣ политической возможности, необходима была возможность нравственная, а ея-то и не доставало Римлянамъ. Они напоминаютъ намъ собою безпутнаго, когда-то богатаго, но промотавшагося барина, который самъ проситъ и требуетъ, чтобы надъ нимъ учредили опеку. Но, въ Римѣ, въ эту пору уже трудно было найти хорошихъ и добросовѣстныхъ опекуновъ.

Среди такого падшаго общества легко и даже необходимо должны были явиться Тиберіи, Нероны и Домиціаны. Передовые люди древняго Рима, и въ числѣ ихъ Ювеналъ и Тацитъ, хорошо понимали, что не эти цезари были главными виновниками того ужаснаго положенія, въ которомъ находилась ихъ родина. Если бы въ римскомъ народѣ сохранились какіе-нибудь слѣды нравственнаго чувства, то, разумѣется, такіе правители были бы невозможны. Во всякомъ случаѣ, беспощадный судъ потомства, карающій этихъ недостойныхъ правителей, долженъ быть не менѣе строгъ и въ отношеніи къ ихъ подданнымъ.

Печальную, горькую думу возбуждаютъ въ душѣ историка не только Домиціаны, но и такіе цезари, какъ Траянъ и Маркъ-Аврелій. Несмотря на все свое доброе желаніе, несмотря на свою желѣзную волю, они не могли остановить Римъ на краю той бездны, къ которой онъ уже давно стремился, и гдѣ суждено было ему погибнуть.

Ювеналъ, вѣстѣ съ другими благородными людьми своей эпохи, глубоко презиралъ современный ему римскій народъ. Поэтъ особенно сильно выразилъ это чувство въ томъ превосходномъ мѣстѣ десятой сатиры, гдѣ рѣчь идетъ о казни Сеяна.

Это событіе, какъ извѣстно, относится къ царствованію Тиберія. Сеянъ былъ въ это время начальникомъ преторіанской гвардіи и пользовался безграничнымъ довѣріемъ своего монарха. Этотъ подозрительный, хитрый, суевѣрный и развратный старикъ, по совѣту временщика, оставилъ даже Римъ и дѣла, и послѣдніе годы своей жизни провелъ на островѣ Капри, окруженный халдеями, гадателями и женщинами.

Десятилѣтнее пребываніе Тиберія на островѣ Капри представляетъ одну изъ самыхъ скандальныхъ страницъ въ исторіи римской имперіи. Этимъ временемъ рѣшился воспользоваться Сеянъ и провозгласить себя императоромъ: въ томъ, по крайней мѣрѣ, обвинили его. Сеянъ, говорятъ, очень рассчитывалъ на народъ, который его любилъ и, разумеется, былъ не прочь освободиться отъ Тиберія. Но Тиберій перехитрилъ Сеяна, и вѣстѣ съ нимъ погибъ множество его приверженцевъ.

Ювеналъ не былъ очевидцемъ этой катастрофы, но зналъ о ней по свѣдѣнію еще преданію. Онъ чрезвычайно живо и вѣрно описываетъ рабское чувство, обнаруженное при этомъ Римлянами, ихъ непостоянство и вѣроломство, и это внезапное превращеніе любви въ ненависть къ Сеяну, въ ненависть, источникомъ которой былъ страхъ Тиберія.

«Могущество, говоритъ поэтъ, возбуждаетъ много зависти и нерѣдко губить человѣка; топить (mergit) его длинный перечень почетныхъ титуловъ. Нерѣдко статуи сходятъ съ высокихъ свѣтъ подножій, и неистово влечетъ ихъ толпа. Тогда топоръ рубитъ самыя колеса триумфальныхъ колесницъ, рубитъ и ломаетъ голени жѣдныхъ коней. Чѣмъ же они-то, бѣдные, виноваты?»

«Вотъ трещитъ огонь, и въ пламени голова, которую такъ боготворилъ народъ, и съ шумомъ плавится колоссальная статуя Сеяна, а потомъ изъ этой статуи, изъ этого изображенія человѣка, вы-

шаго, послѣ Тиберія, первымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, сдѣлають горшки, тазы и сковороды.»

«Укрась твой домъ лавромъ, веди въ Капитолій большого бѣлаго быка ¹⁾: по римскимъ улицамъ влекутъ крѣпкими Сеяна на всенародное позорище. Всѣ въ восторгѣ!»

«Какія были у него истерзанныя губы, какое страшное лицо! Повѣрь мнѣ, я никогда не любилъ этого человѣка; но что же, однако, за преступленіе, отъ котораго онъ погибъ? гдѣ донощикъ на Сеяна, гдѣ доказательства, гдѣ свидѣтели его вины? Ничего этого не было. Съ острова Капри привезено въ сенатъ многорѣчивое, длинное посланіе Тиберія ²⁾. Прекрасно! послѣ этого нечего спрашивать о преступленіи Сеяна; но что же дѣлаетъ эта толпа, что дѣлають эти потомки великаго Рема? Толпа, какъ всегда, слѣдуетъ за удачей и ненавидитъ осужденныхъ. Еслибы счастье улыбнулось Этруску ³⁾, если бы ему удалось погубить стараго Тиберія въ безопасномъ его убѣжищѣ, то немедленно тотъ же самый народъ провозгласилъ бы Сеяна цезаремъ. Этотъ народъ уже давно сложилъ съ себя государственное бремя, съ тѣхъ поръ, какъ мы, на выборахъ, никому больше не продаемъ нашихъ голосовъ. Онъ, который когда-то раздавалъ власть, консульскіе пунки и легіоны, теперь онъ живетъ тихо и только озаченно жаждетъ даровой раздачи хлѣба да зрѣлищъ въ циркѣ.»

«Слышно, что еще многимъ придется погибнуть. Мнѣ повстрѣчался у жертвенника Марса (на Марсовомъ полѣ) пріятель мой Брутидій ⁴⁾. Онъ былъ очень блѣденъ. Боюсь я, сказалъ онъ, чтобы Тиберію, какъ побѣжденному Аяксу, не показалось, что народъ не сильно за него вступился, чтобы Тиберій не вздумалъ за это мстить.

1) Это были обыкновенные знаки, которыми выражалось сочувствіе къ какому-нибудь событію и вообще радость.

2) Все это исторически вѣрно. Раскрытъ Тиберію сенату дѣйствительно былъ очень длинный. *Діонъ Кассій*, который подробно описываетъ исторію казни Сеяна (LVIII, 2 и слѣд.), говоритъ то же самое и, кромѣ того, обозначаетъ самое содержаніе этого письма.

3) Въ подлинникѣ сказано: «если бы Нурція поблагопріятствовала Этруску», т.-е. Сеяну, который родомъ былъ изъ Вольсннй въ Этруріи. Нурція—этрасское имя *Фортуны*.

4) Брутидій Нигеръ былъ эдломъ въ 22 г. и старался открыть себѣ дорогу къ почестямъ доносами. (Tacit. Ann. III, 66). Выраженіе Ювенала «Brutidius mal», очевидно, заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ презрѣнія къ этому человѣку.

Поспѣшимъ же на берегъ Тибра и станѣмъ топтать ногами трупъ цезарева врага, пока онъ тамъ лежитъ *). Но пусть это видятъ наши рабы, а не то кто-нибудь изъ нихъ напугаетъ своего барина и, накинувъ веревку, потащитъ его, за шею, на расправу.»

Говоря о римскомъ народѣ, я имѣлъ до сихъ поръ преимущественно въ виду низшіе его слои; но для того, чтобы вѣрно судить о нравственномъ состояніи общества въ вѣкъ Ювенала, необходимо обратить вниманіе на высшіе, на такъ-называемые образованные классы этого народа, которые были исключительными представителями древней цивилизаціи.

Главная ихъ типическая черта — это кліентство или, вѣрнѣе, огромные размѣры, какіе оно приняло въ рассматриваемое время.

Кліентство является въ Римѣ при самомъ его началѣ. Это учрежденіе имѣло тамъ большое значеніе во все то время, когда только одна часть римскаго народа пользовалась политическими правами, а другая была еще лишена этихъ правъ. Кліентство считалось въ эту пору выше даже родственныхъ связей, и, возникнувъ изъ убѣжденія въ томъ, что сильный долженъ защищать и охранять слабого, имѣло какъ бы религіозную основу.

Но уже задолго до Ювенала, еще въ періодъ республики, оно утратило свой первоначальный характеръ, и подъ словомъ кліентъ начали понимать всякаго бѣднаго и незначительнаго человека. Въ Римѣ, каждый изъ такихъ людей непремѣнно имѣлъ своего покровителя, или патрона.

Кліентъ непремѣнно каждый день являлся къ своему милостивцу съ утреннимъ поздравленіемъ, проводилъ нѣсколько часовъ въ его прихожей, а потомъ обыкновенно сопровождалъ своего патрона на форумъ и всюду, куда ему вѣдувалось бы отправиться. Римскіе богачи имѣли множество такихъ кліентовъ, и потому обыкновенно являлись на улицъ съ огромною свитой.

*) Трупъ Сеяна цѣлые три дня валялся на набережной Тибра и во все это время подвергался поруганію черни.

Сначала кліенты обѣдали за столомъ своихъ патроновъ, но потомъ, съ увеличеніемъ числа кліентовъ, это оказалось неудобнымъ; и, вмѣсто обѣда, имъ начали ежедневно выдавать такъ-называвшуюся *спортулу*. Это, какъ показываетъ само слово, была небольшая корзинка съ съѣстными припасами, а иногда, вмѣсто нихъ, кліентъ получалъ незначительную сумму денегъ.

Чѣмъ ниже падали въ Римѣ нравы, тѣмъ больше развивалось тамъ кліентство и наконецъ охватило собою всѣ классы римскаго общества. Римскіе кліенты, въ вѣкъ Ювенала, жили уже не по одному патрону, какъ прежде, а множество патроновъ, и цѣлое утро переходили изъ дома въ домъ, собирая тамъ, не безъ шума и брани, свои обычные спортулы.

Въ одной изъ своихъ сатиръ ^{*)}, Ювеналъ живо описываетъ сцену раздачи *спортулъ*: «Вотъ, говоритъ онъ, на самомъ порогѣ выставлены спортулы на расхищеніе толпѣ людей, одѣтыхъ въ тогу. Патронъ, однако, сначала смотритъ тебѣ въ лицо, и дрожитъ, чтобы ты не явился подставнымъ кліентомъ и не потребовалъ себѣ спортулы подъ чужимъ именемъ. Когда тебя признаютъ, ты ее получишь. При этомъ патронъ приказываетъ своему глашатаю вызывать поименно даже нашихъ аристократовъ, этихъ потомковъ баснословныхъ Троянцевъ, потому что и они, вмѣстѣ съ нами, бѣдными кліентами, трутъ пороги богатей. Дай, говоритъ патронъ своему слугѣ, дай сначала претору, а потомъ трибуну.»

«Когда въ концѣ года», продолжаетъ поэтъ ^{**)}, «даже знатные люди сводятъ счеты, сколько барыня приввела имъ спортула, на сколько увеличила ихъ доходы, то что же остается дѣлать бѣднымъ кліентамъ, у которыхъ отсюда и тога, и обувь, и хлѣбъ, и дрова.»

«Вотъ таянется густой рядъ носилокъ, и самъ мужъ обводитъ по всѣмъ патронамъ свою усталую или беременную жену. Иней требуетъ спортулу для жены, которой тутъ нѣтъ, и хитритъ уже всѣмъ извѣстною продѣлкой, указывая, вмѣсто нея, на закрытую и пустую лектину. «Здѣсь моя Галла», говоритъ онъ раздавателю спортулъ.

*) Въ первой сат. ст. 93 и слѣд.

**) Ibid., ст. 117.

«Отпусти поспорье. Изъ чему же ты поднялся?» — Галла, ничто газову. «Не боишься ся, она ситъ.»

Никогда, впрочемъ, патроны приглашали своихъ кліентовъ на обѣду, но дѣлали это не изъ участія къ нимъ, а больше для потѣхи. Ювеналъ, въ своей птот сатиры, превосходно описалъ одинъ изъ такихъ обѣдовъ. Поэтъ съ большимъ погодиваніемъ говоритъ здѣсь о тѣхъ униженіяхъ и обидѣхъ, которыя кліенты терпѣли отъ своихъ патроновъ для того, чтобы поѣсть на чужой стѣжъ.

«Если патрону, пишетъ Ювеналъ ^{*)}, надумается пригласить на обѣду, въ два мѣсяца разъ, своего забытаго кліента, чѣмъ за столомъ не оставалось пустаго мѣста, то говорить ему: прости по нѣтъ. И это верхъ желаній для кліента! Для какого-нибудь Трѣба это достаточный поводъ отправиться къ своему патрону съ ранимъ утра. И что же это за обѣда? Вино такое, въ какомъ не мнѣ дано перстн. И отъ такого вина ты изъ порядочнаго, прилично гостя превращаешься въ пьянаго жреца. Дѣло начинается брава, а затѣмъ, для потѣхи патрона, между кліентами и ватагой его отпущенниковъ перѣдко загорается битва на бутылкахъ. И вотъ, ты уже бросася стаканами въ своихъ враговъ и, раненый, отираешь снотертью кровь съ своего лица.»

«Самъ патронъ пьетъ старое вино, стаканъ, который у него въ рукахъ, изъ янтаря и украшенъ бериллами, а тебѣ не достанетъ золотого бокала, или если и доверять, то тутъ же приставитъ къ тебѣ слугу. Онъ сначала сосчитаетъ драгоценные камни, которыя вѣшаны въ этотъ бокалъ, а потомъ все время будетъ наблюдать и твоими острыми ногтями.»

«И не только вино, даже воду мы пьемъ за такихъ обѣдовъ не ту, какую патронъ. Притомъ, подаетъ тебѣ ее какой-нибудь слепой ходъ изъ Гетуліи или воставая рука чернаго Мавра, съ которыми бы тебѣ не захотѣлось встрѣтиться въ полночь, когда ты идешь по

^{*)} Ст. 15 и слѣд. Здѣсь мы опять должны повторить, что, представляя выдержки изъ птот сатиры Ювенала, мы не имѣли въ виду дословной передачи ее на русскій языкъ, такъ какъ это не согласно съ условіями публичной лекціи. Впрочемъ, мы старались какъ можно точнѣе передать не только мысль поэта, но и способъ его излаганія.

Латинской дорогѣ, обставленной надгробными памятниками. Въ то же время патрону прислуживаетъ цѣтъ Азіи, рабъ, купленный за огромную цѣну. Она больше, чѣмъ сколько стоило все имущество Сервія Туллія и воинственнаго Анка Марція, словомъ, больше, чѣмъ весь скарбъ древнихъ римскихъ царей. Если тебѣ захочется нѣтъ, то ты обратишься къ своему африканскому Ганимеду, а дорогой рабъ не захочетъ, да и не умѣетъ прислуживать бѣднякамъ.»

«Смотри, съ какимъ ворчаньемъ слуга положилъ передъ тобой хлѣбъ. Его едва можно надломить: это какіе-то заплесневѣлые куски затвердѣвшей муки, отъ которыхъ раскатываются какіе угодно зубы. Раскусить такой хлѣбъ нѣтъ никакой возможности. И тутъ же поставить пшеничный хлѣбъ, бѣлый, мягкій,—это для патрона. Смотри, не забудь поддерживать свою руку и оказывай должное уваженіе къ этому произведенію пекарнаго искусства. Вообрази, однако, что у тебя достанетъ смѣлости для того, чтобы протануть руку къ этому лакомству: тотчасъ же явится слуга, который заставитъ тебя положить его назадъ. Не угодно ли тебѣ, дерзкій кліентъ, скажетъ онъ, набивать своей желудокъ вотъ изъ этой корзины? Развѣ ты не знаешь, какого цвѣта твой хлѣбъ?»

«Посмотри, какъ широко растянута на блюдѣ великолѣпный смаръ, обложенный со всѣхъ сторонъ саржей, какъ онъ гордо смотритъ оттуда своимъ хвостомъ на кліентовъ, когда величественно приближается къ столу, несомый на поднятыхъ рукахъ огромнаго слуги. Это для патрона. А тебѣ въ то же время подають на блюдечкѣ небольшого рака и подъ-яйца — кушанье, въ родѣ того, какое ставятъ на могилкахъ для покойниковъ.»

«Патронъ наливаетъ свою рыбу венафскимъ масломъ *), а тощій кочанъ капусты, который подають тебѣ, сильно отзывается начинкомъ. Да, въ соусники кліентовъ наливается то самое масло, изъ-за котораго никто не хочетъ мыться въ банѣ съ Нумидійцемъ Бокхаромъ, и которое даже, какъ утверждаютъ, дѣлаетъ тѣло человѣка безонаснымъ отъ укушенія змѣй.»

Затѣмъ Ювеналъ перечисляетъ много и другихъ контрастовъ въ

*) Венафъ — городъ Фапинія.

кушаньяхъ, подаваемыхъ за столомъ патрону и его клиентамъ, и заключаетъ свою сатиру слѣдующими благородными словами (ст. 156):

«Можетъ-быть, ты думаешь, что патронъ жалѣетъ денегъ на твое угощеніе. Нѣтъ, это онъ дѣлаетъ, чтобъ опечалить тебя. Какой же фарсъ, какой комедіантъ забавитъ обжоры-паразита, когда онъ плачетъ о томъ, что его не накормили? Все это дѣлается для того, чтобы ты излилъ свою желчь въ слезахъ и наконецъ заскрежетаешь долго стиснутыми зубами. Тебѣ кажется, что ты человѣкъ свободный и гость твоего патрона, а онъ думаетъ, и совершенно справедливо, что ты весь находишься подъ обаяніемъ ароматовъ его кухни...»

«Человѣкъ, который съ тобой такъ обращается, постопасть униво. Если ты можешь, то и долженъ все выносить. Современемъ ты самъ станешь подставлять свое лицо для побоевъ, попривыкнешь къ нещаднымъ ударамъ и сдѣлаешься вполне достойнымъ и такого объѣда, и такого патрона.»

Приведенныя подробности изъ римскаго быта невольно поражаютъ насъ своимъ оскорбительнымъ характеромъ. Мы видимъ, что въ Римѣ, въ эпоху Ювенала, не было и тѣни того, даже вѣшняго, наружнаго благородства, которое составляетъ первый признакъ и необходимое условіе европейскаго общества. Тѣмъ безуспѣшнѣе мы будемъ искать въ современникахъ Ювенала, разумеется, въ массѣ, а не въ отдѣльныхъ, исключительныхъ личностяхъ, чувства чести и человѣческаго достоинства.

Услужливость римскаго кліента—а кліентами были чуть не все Римляне — обратилась въ какое-то рабѣнное прислужничество. Это не та услужливость, составляющая характеръ и Европейца, — услужливость, или учтивость свободная, ровная, которая тотчасъ принимаетъ гордый видъ, если ее разумеютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и исчезаетъ въ ту минуту, когда перестаетъ быть взаимною, обоюдною.

Въ Римѣ, напротивъ, мы видимъ какой-то поворотъ къ Азіи или, по крайней мѣрѣ, къ Византіи. Рабство, со всѣми своими гнусными видоизмѣненіями и оттѣнками, окончательно заклеяло собою, въ эпоху Ювенала, римское общество и проникло во все его слои. Какимъ другимъ именемъ назвать это униженіе, этотъ поворотъ не только

бѣдняка, но и человѣка богатаго, знатнаго, который съ шумомъ и бранью собираетъ каждое утро свою обычную дань, нѣчто въ родѣ милостыни, и унижается передъ своими безчисленными патронами и ихъ слугами для того, чтобы получить спортулу?

«Царями» — это самое употребительное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ — царями этой голодной и жадной толпы являются, въ разсматриваемый вѣкъ, нѣсколько спѣсивыхъ богачей, большею частію отпущеникозъ, разбогатѣвшихъ всѣми неправдами: это были самые типическіе представители императорскаго Рима.

Къ сожалѣнію, я не могу представить здѣсь съ такою же подробностію всѣхъ другихъ сторонъ римскаго быта, такъ живо и нещадно-ярко выставленныхъ въ сатирахъ Ювенала.

Вотъ, напримѣръ, эгоистъ-богачъ, который тратитъ огромныя деньги на свои нечеловѣческія прихоти, и въ то же время отличается полнымъ, самымъ циническимъ равнодушіемъ ко всему, въ чемъ только проявляется умственная жизнь, начиная съ литературы до воспитанія своего сына. Вотъ любопытный типъ искателя наслѣдствъ, а вотъ и ханжа—философъ. Онъ стоикъ и, разумѣется, безпощадный моралистъ; по выраженію Ювенала, онъ «надѣлъ на себя личину Курія и проводитъ жизнь въ вакханаліяхъ». Вотъ римская женщина, унижившаяся своимъ развратомъ до гетеры; римская знать, благородная тѣломъ, а не духомъ, знать, для которой услужливые Греки выдумали небывалую генеалогію. Все это большею частію потомки баснословныхъ Троянцевъ. Это, однако, не мѣшаетъ имъ грабить провинціи, поддѣлывать завѣщанія, пьянствовать въ тавернахъ «съ палачами, разбойниками, гробовщиками и съ бѣглыми рабами», или выходить на арену амфитеатра и тамъ всенародно биться съ дикими звѣрями, — «добровольно», прибавляетъ поэтъ, «когда ихъ не принуждаетъ къ тому никакой Неронъ» *). Вотъ, наконецъ, цѣлый Римъ, совершенно утратившій свою національность и подчинившійся безусловному вліянію Грековъ, а вотъ и самые Греки...

*) См. VIII sat. passim.

Здѣсь я долженъ остановиться не надолго, и указать на ожесточенную ненависть Ювенала къ этимъ просвѣтителямъ его родины.

Въ этомъ отношеніи онъ служитъ крайнимъ, послѣднимъ представителемъ извѣстной партіи, считавшей родоначальникомъ своимъ Катона-Старшаго. Отъ Катона до эпохи Дамиціана, слѣдовательно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, мы постоянно замѣчаемъ въ римской литературѣ борьбу двухъ началъ, — національнаго съ пришлымъ, иноземнымъ. Эта борьба постоянно раздѣляла римскихъ писателей на два враждебные лагеря. Одни изъ нихъ, составлявшіе огромное большинство, не переставали указывать на греческую цивилизацію, какъ на источникъ и необходимую подпору всей умственной жизни Римлянъ, а другіе преслѣдовали это иноземное вліяніе горькими упрекомъ, какъ главную причину порчи римскихъ нравовъ.

На чьей сторонѣ была правда? Теперь, относительно Рима, мы можемъ обсудить этотъ интересный для насъ вопросъ безпристрастно и хладнокровно.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное и рѣшительное вліяніе Греціи на Римъ, которое началось съ шестаго вѣка его существованія, имѣло и свои невыгодныя послѣдствія. Къ этому мнѣнію начинаютъ теперь склоняться лучшіе изслѣдователи римской старины *).

Иноземная реформа коснулась только высшихъ классовъ римскаго общества и совершенно подчинила ихъ греческому вліянію, греческой модѣ **). Необходимымъ ея слѣдствіемъ было, между прочимъ, и то, что Греки, которые въ это время были нисколько не похожи на своихъ предковъ, наводнили собою столицу Италіи и совершенно заладѣли воспитаніемъ римскаго юношества. Они поселили въ немъ если не презрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, холодность ко всему національ-

*) Напримѣръ, Моммзенъ. Въ своей *Röm. Gesch.* т. I., стр. 340 и слѣд., онъ превосходно говоритъ о вредномъ вліяніи, которое оказала на нравы Римлянъ новая греческая комедія, перенесенная на ихъ сцену.

**) Замѣчательно, напримѣръ, какъ Діонисій Галикарнаскій, во введеніи къ своей *Римской Археологіи*, вездѣ силится доказать, что Римляне тѣ же Греки, что и римскія учрежденія греческаго происхожденія, и что самый латинскій языкъ въ сущности языкъ греческій. Услужливый Грекъ зналъ, что, въ періодъ Августа, можно было сильно угодить Римлянамъ подобными учеными выводами.

ному, этотъ первый признакъ народа, еще не достигшаго полной умственной зрѣлости, или уже кончающаго свою историческую жизнь.

Римляне, вълѣдствіе различныхъ политическихъ условій, которыхъ мы уже отчасти коснулись выше, не могли особенно сильно чувствовать это чужеземное иго въ дѣлѣ мысли и народнаго образованія. Кромѣ того, по самому складу своего ума, они отличались необыкновенною способностію усваивать себѣ все чужое, такъ что не только Греція, но даже Азія и другія страны оказали на Римъ свое вліяніе, а потому самая религія этого государства обратилась подъ конецъ римской исторіи въ какую-то гостепріимную смѣсь всѣхъ возможныхъ вѣрованій.

Вотъ почему, въ Римѣ, рѣдко раздавались благородные голоса въ защиту своего, роднаго, и въ числѣ этихъ немногихъ патріотическихъ голосовъ особенно громко звучала задушевная, сильная и свободная рѣчь Ювенала.

«Не могу я, Квириты», говорить онъ *), «не могу я долѣ выносить Рима, послѣ того какъ онъ совершенно превратился въ греческій городъ». И вслѣдъ за тѣмъ поэтъ представляетъ характеристику Грековъ, уже за долго до него завладѣвшихъ вѣчнымъ городомъ: «Одинъ, оставивъ высокій Сикіонъ, другой — Амидонъ, третій — Самось, тотъ — Андросъ, а тотъ — Трааллы или Алабанду, — всѣ эти люди стремятся въ Римъ, на холмъ Эсквилинскій или на тотъ, что получилъ свое имя отъ пересажата на немъ кустарника (Вининальскій). Все это нутро (*viscera*) знатныхъ домовъ и наши будущіе властелины. Умъ ихъ быстръ, дерзость отчаянная и рѣчь текуче, чѣмъ у оратора Изае. Смажи мнѣ, за кого ты считаешь такого человѣка? Онъ все, онъ принесъ къ намъ съ собою, того угодно. Онъ грамматикъ, риторъ, математикъ, живописецъ, парикмахеръ, антуръ, канатный плисунъ, врачъ, мать — онъ все знаетъ. Голодный Грекъ, если это тебѣ угодно, ползаетъ на самое небо.»

Это одинъ изъ тѣхъ патріотическихъ голосовъ, какіе еще въ

*) Въ знаменитой своей III сатирѣ ст. 60. Эти слова говоритъ собственно не Ювеналъ, а другъ его, Умбрицій; но очевидно, что онъ выражаетъ задушевную мысль поэта.

прошломъ вѣкъ, раздавались и въ нашей литературѣ противъ французскихъ и всякихъ другихъ выходцевъ. Почти всѣ наши лучшіе, передовые писатели были въ этомъ случаѣ Ювеналами, хотя они постоянно отдавали полную и должную справедливость просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ иностранцамъ, которые такъ много содѣйствовали сближенію Россіи съ Европой.

Но римскій сатирикъ имѣлъ полное право негодовать на непростыхъ образователей своей родины, тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемое время она легко могла обойтись и безъ нихъ. Притомъ, какъ мы уже замѣтили, Греки, «стремившіеся на холмъ Эсқилинскій», были, — какъ это часто водится, разумѣется, съ исключеніями, — людьми нигуда негодные въ своемъ отечествѣ, спекулянтъ и шарлатанъ. Многие изъ нихъ взялись за воспитаніе римскаго юношества только потому, что видѣли въ этомъ свою выгоду. Они имѣли достигли своей цѣли: Римлянамъ не суждено было возвратиться къ національности и положить ее въ основу своего развитія. Римское государство представляетъ явленіе поучительное тѣмъ, что, несмотря на свое всемірное владычество, всегда и почти во всемъ носило на себѣ печать подражательности.

Мы должны, однако, замѣтить, что, справедливо вооружаясь противъ преобладанія вырождавшагося греческаго элемента въ римскій жизни, Ювеналъ въ то же время очень ложно понималъ національность. Онъ видѣлъ ее въ отжившей и при томъ въ отдаленной, полумифической старинѣ, и постоянно является намъ глашатаемъ передовыхъ бейцонъ той не очень разумной партіи, которая, какъ видно, имѣла въ Римѣ не мало послѣдователей, и которую, для ясности, можно назвать *сабинофильскою*. Ювеналъ самый рѣзкій членъ римскаго сабинофила. Дѣйствительно, хотя онъ имѣлъ сочувствіе блестящей морѣ Рима, не постоянно требуетъ возврата къ какой-то древней сабинской простотѣ, къ бессмысленному замечу вѣку римской патріархальности, и не хочетъ знать, что эта патріархальное время было вѣкомъ грубости и дикости нравовъ, вѣкомъ полного отсутствія всякой цивилизаціи.

Ювеналъ не понималъ, что развитіе національнаго начала не должно хвататься за явленія, отжившія свое время и несообразныя съ ду-

хотъ вѣка. Это, однако, еще не значитъ, что народъ можетъ безнаказанно отрѣшиться отъ своего происшедшаго, рабски слѣдовать чужому и въ великомъ дѣлѣ науки и народнаго образованія отдать преимущество чужеземцу. Вотъ чего не сознавали Римляне, и о чемъ скорбѣлъ Ювеналь. Въ этомъ случаѣ нельзя не сочувствовать ему.

Онъ, повторяемъ, имѣлъ полное право негодовать на чужеземное иго, поработившее мысль и чувство его родины, такъ какъ въ его время непосредственное вліяніе Грековъ на Римлянъ способствовало только окончательной портѣ римскихъ нравовъ. Мы вполне понимаемъ задушевную мысль римскаго поэта, когда онъ говоритъ намъ, что не можетъ быть образователемъ народа тотъ, кто не живетъ съ нимъ одною жизнью, не сочувствуетъ его стремленіямъ, не знаетъ его нуждъ и стонотъ. Кромѣ своего космополитическаго значенія, наука, и въ особенности ея пропаганда черезъ литературу и школу, необходимо имѣютъ значеніе мѣстное, народное. Для того чтобы наука, принадлежащая всему міру, вполне обнаружила свое цивилизующее начало на какомъ бы то ни было отдѣльномъ народѣ, ей должно пройти черезъ любящую душу человѣка, принадлежащаго къ той же націи, на которую онъ хочетъ дѣйствовать.

Никто изъ людей просвѣщенныхъ не скажетъ въ наше время, что въ дѣлѣ жизни и науки позволительно и разумно отрѣшиться, какому бы то ни было народу, отъ тѣхъ результатовъ, которыхъ онъ достигли у націй вполне развитыхъ; но несомнѣнно и то, что необходима критическая передача идей и фактовъ, выработанныхъ наукою. Она тогда только можетъ обнаружить полное свое вліяніе, когда являясь результатомъ народныхъ силъ, а не страдательнымъ усвоеніемъ чужихъ идей, въ тоже время выражается на своемъ родномъ, всѣмъ доступномъ языкѣ. Только такая наука приноситъ пользу и честь націи, даетъ ей законное мѣсто среди образованныхъ народовъ. Чужеземную же науку, не имѣющую ничего общаго съ народной жизнью, учредить легко, но за то такую науку легко и во всякое время могутъ имѣть въ своихъ государствахъ и тунисскій бей, и марокскій султанъ.

Діонисій Галикарнассскій, Діонъ Кассій, Плутархъ и другіе Греки, которые, въ періодъ цезарей, искусственно примкнули къ Римлянамъ

и едва ли достаточно изучили ихъ языкъ, своими греческими писаниями ничего не могли дать въ наукѣ этому народу, кромѣ простаго факта и дешевой морали. Какъ образователи римскаго народа, они были ничтожны, и во всякомъ случаѣ должны уступить первенство туземнымъ авторамъ.

Титъ Ливій, Тацитъ, Гораций, Ювеналъ — вотъ писатели, изученіе которыхъ и теперь способно возвысить душу человека, вотъ люди, которые могли благотворно дѣйствовать и на своихъ соотечественниковъ, еслибы литература вообще могла еще имѣть для нихъ какое-нибудь нравственное значеніе.

Но римскій міръ уже видимо находился въ агоніи. Литература и наука, разумѣется, должны были утратить для него весь свой великій смыслъ въ эту пору. Общій и заключительный выводъ изъ сатиры Ювенала тотъ, что общество, въ которомъ заглуши всѣмъ всего святаго и добраго, быстро несется къ паденію и легко можетъ дойти до крайней степени нравственнаго безобразія, до полнаго и самаго отвратительнаго преобладанія плоти надъ духомъ. Міръ не могъ существовать на своихъ прежнихъ основахъ: онъ долженъ былъ или погибнуть, или обновиться новою идеей, новою жизнью.

Ужасная картина римскаго общества, изображенная Ювеналомъ, была бы не полна и невыносимо печальна, если бы, къ счастью и къ чести человечества, рядомъ съ Неронами и Домиціанами, рядомъ съ ихъ клеветами и подданными, отупѣвшими отъ эгоизма, разврата и рабства, мы не встрѣтили въ бѣдныхъ, гонимыхъ, страждущихъ классахъ римскаго народа зародыша иной жизни, не встрѣтили другихъ людей, представителей святой идеи, которой суждено было разсѣять ложь и мракъ дряхлаго, отжившаго свое время язычества.

Вотъ, по шумнымъ римскимъ улицамъ боязливо пробирается въ толпѣ бѣдная женщина. Она спѣшитъ въ эргастулу, въ острогъ римскаго сабарита.... Тамъ прикованъ желѣзною цѣпью къ стѣнѣ истерзаннйй рабъ. Онъ чужой для этой женщины, но онъ человекъ — и женщина спѣшитъ, она жаждетъ утѣшать, исцѣлить его раны, смыть ихъ своими слезами...

Вы понимаете, вы глубоко чувствуете, что это совершенно новое явленіе среди императорскаго Рима, среди того общества, которое изображает Ювеналъ. Кто же эта женщина? Это не Лида, не Фрина, не роскошная римская матрона, нѣтъ — это существо, блестящее всѣмъ обаяніемъ внутренней красоты, лучшее Божіе созданіе на нашей землѣ, это христіанка!

Христіанство въ вѣкъ Ювенала было уже фактъ очевидный, общенародный, хотя и не понятый еще римскимъ правительствомъ. Скромыные, бѣдные христіанскіе храмы были уже разсѣяны въ эту пору на всемъ пространствѣ имперіи, отъ Испаніи до крайнихъ предѣловъ Египта.

Римскіе цезари, хотя еще смутно, но уже почували въ этомъ новомъ явленіи опаснаго себѣ врага. Недаромъ Неронъ жегъ въ своихъ садахъ послѣдователей Христова ученія. Уже сдѣлалось очевидно, что оно не могло ужиться и готово было вступить въ открытый бой со всею ложью и позоромъ тогдашняго времени.

Въ мірѣ совершался переворотъ, великаго смысла котораго не постигли лучшіе люди древности. И какъ имъ было понять, что новое, перерожденное общество выйдетъ не изъ ихъ среды, а изъ гонимой, рабствующей народной массы.

Ювеналъ мимоходомъ и довольно равнодушно упоминаетъ въ одномъ только мѣстѣ о страшныхъ казняхъ первыхъ христіанъ, которые, по его выраженію, «горѣли стоя и дымили привязаннымъ къ столбу горломъ» или «оставляли за собою глубокія борозды на аренѣ амфитеатра»¹⁾. Даже Тацитъ не понималъ этихъ людей и считалъ ихъ какими-то опасными и вредными фанатиками²⁾. Современникъ Ювенала и Тацита, Плиній-Младшій, который, по волѣ Траяна, произвелъ слѣдствіе надъ христіанами, писалъ о нихъ, въ донесеніи къ своему императору, между прочимъ, слѣдующія слова³⁾: «Они имѣютъ обычай въ извѣстные дни сходитьсѣ до разсвѣта, славить Христа, какъ Бога, и другъ друга обязывать клятвой не на преступленіе

1) 1 сат. ст. 153.

2) Tacit. Ann. XV, 44.

3) Plin. Epist. X, XCVII.

какое-нибудь, а на то, чтобы не красть, не грабить, не прашествовать, не нарушать данного слова, не задерживать обманомъ того, что вѣрено въ видѣ залога. Потомъ они расходятся и снова сходятся для молитвы и общей трапезы. Впрочемъ, я (продолжаетъ Плиній чрезъ нѣсколько строкъ) не нашелъ ничего въ нихъ ученія, кромѣ гнуснаго суевѣрія, превышающаго всякую мѣру.» «Зараза этого суевѣрія (говоритъ другъ Траяна въ заключительныхъ словахъ своего письма) распространилась не только по городамъ, но по деревнямъ и селамъ. Это, кажется, можно исправить и остановить.»

Но ни Траянъ, ни Плиній не остановили этой, какъ они выражались, заразы. Ни угрозы, ни казни, ничто не могло поколебать первыхъ христіанъ. Когда Плиній заставлялъ ихъ преклоняться передъ изображеніемъ цезаря или передъ истуканомъ языческаго бога, они упорно отказывались отъ этого и твердо, радостно шли на казнь.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а свѣточи Нероновыхъ садовъ еще и до сихъ поръ освѣщаютъ міръ; до сихъ поръ еще идемъ христіанства жить и обновляемъ человѣчество.

Въ великіе годы, которые мы переживаемъ, эта святая идея громче, внятнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ когда нибудь, говоритъ нашему сердцу. Не столько благороднымъ и честнымъ усиліемъ нашей науки, все еще слабей и робкой, сколько христіанскому чувству, этому святому чувству любви къ ближнему, суждено подвинуть къ рѣшенію и ту жизненную задачу, къ которой теперь прикованы взоры всей Россіи... Обновленная, — мы твердо вѣруемъ въ это — она вступитъ въ свѣтлый періодъ своей жизни, и тогда сѣмью и свободно заговоритъ наши болѣе счастливые Ювеналы; борьба ихъ противъ вѣковой кснотости и застоя будетъ все болѣе и болѣе успешна, миролюбива и плодотворна, и наконецъ все меньше и меньше будутъ они находить пищи для своей сатиры.

Н. Благовѣщенскій.

ЦѢНА БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ 1 Р.